

ГУЖКАН СЕБАСТЮ
(КАРАПЕТ ГАБИКЯН)

ИСТОРИЯ УНИЧТОЖЕНИЯ
МАЛОЙ АРМЕНИИ
И ЕЕ ВЕЛИКОЙ СТОЛИЦЫ
СЕБАСТИИ

Карапет Габикян

ИНСТИТУТ ДРЕВНИХ РУКОПИСЕЙ ИМЕНЬ МАШТОЦА
МАТЕНАДАРАН

Նվիրվում է Հայոց ցեղասպանության 100-րդ տարելիցին

ГУЖКАН СЕБАСТИО
(К. Габикян)

ИСТОРИЯ УНИЧТОЖЕНИЯ МАЛОЙ АРМЕНИИ И ЕЕ ВЕЛИКОЙ СТОЛИЦЫ СЕБАСТИИ

«Иди, Карапет, иди, ты должен выжить,
все увидеть сам и рассказать
ближайшему будущему. Иди, с Богом»

Мой брат Хаджи
Ованнес Габикян

Перевод, предисловие и примечания
К.С. ТЕР-ДАВТЯН

ЕРЕВАН
НАИРИ
2015

9(47.925) 1-12 Մ. ՄԱՇՏՈՅԻ ԱՆՎԱՆ ՀԻՆ ՁԵՌԱԳՐԵՐԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ
ՄԱՏԵՆԱԴԱՐԱՆ

Նվիրվում է Հայոց ցեղասպանության 100-րդ տարելիցին

ԳՈՒԺԿԱՆ ՍԵԲԱՍՏԻՈՅ
(Կ. Գաբիկեան)

ԵՂԵՌՆԱՊԱՏՈՒՄ ՓՈՔՈՒՆ ՀԱՅՈՑ ԵՒ ՆՈՐԻՆ ՄԵԾԻ ՄԱՅՐԱՔԱՂԱՔԻՆ ՍԵԲԱՍՏԻՈՅ

«Գնա, Կարապետ, գնա, ողջ պիտի մնաս, ամեն բան
աչքովդ պիտի տեսնես, ու պատմես մօտիկ ապագային:
Երթա՛ս բարով, Աստուած հետդ ըլլայ»

Եղբայրս՝
Հաջի Հովհաննէս Գաբիկեան

Թարգմանությունը, առաջաբանը և ծանոթագրությունները՝
Քնարիկ Տեր-Դավթյանի

ԵՐԵՎԱՆ
ՆԱԻՐԻ
2015

14779

УДК 94 (479.25)

ББК 63.3 (52)

Г 121

Редактор
академик НАН РА СЕН АРЕВШАТЯН

Книга издана по госзаказу

ПАМЯТИ

десятков тысяч юношей,
погибших на путях депортации,
с сердечной болью

ПОСВЯЩАЕТ
автор

К. ГАБИКЯН

Габикян Карапет

Г 121 История уничтожения Малой Армении и ее великой столицы
Себастии / Перевод Кнарик Тер-Давтян.- Ер.: Наири, 2015.- 560 с.

Настоящая книга Карапета Габикяна, одного из беженцев и очевидцев депортации и уничтожения 350000 армянства Себастии и Малой Армении (вилайета Сваз), является одним из первых и наиболее ценных и многосторонних повествований о Геноциде.

Территориально, охватывая Малую Армению, о которой «до этого написанное носило частный характер», она расширила рамки картины совершенного Турцией преступления, подтвердив неопровержимость имевшего место геноцида. Книга рассчитана на всех, кто интересуется правдой об истории Армении.

УДК 94 (479.25)

ББК 63.3 (52)

ISBN 978-5-550-01764-7

© Издательство “Наири”, 2015

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

1924 г. в Бостоне вышла в свет книга известного ученого, филолога и педагога Карапета Габикяна «История Геноцида» (Եղբնիշխանի մեծ – Великой резни), посвященная истории депортации и уничтожения армянства исторической Малой Армении с ее столицей Себастией (турец. Сваз).

Среди источников по истории Великого Егерна или Геноцида перво-степенное значение имеют свидетельства очевидцев, записи и рассказы выживших в этой бойне людей. Они содержат неопровержимые факты о Геноциде армянского народа, учиненного турками в 1915-1923 гг., жертвой которого стало 1 500 000 жизней.

Но если этот очевидец и участник страшной резни является еще и интеллектуалом и человеком энциклопедических знаний, который имеет аналитический ум, прекрасно разбирается в происходящих событиях и обладает даром многостороннего освещения событий, то его объемистая книга становится важным источником для истории Геноцида вообще.

Габикян в своей книге достаточно много пишет о себе, особенно годах, связанных с депортацией. Мы хотели бы дополнить эти сведения тем, о чем он мало пишет.¹ Он родился в 1861 г. в Себастии. Начальное образование получил здесь же у многоопытного учителя преподобного Манука Норхатяна, после чего учительствовал, преподавая в национальных Себастийских школах родной язык и историю, французский и географию, в то же время самообразованием овладевая филологией и арменоведением.

В 1890-ом году он был арестован турецким правительством как один из руководителей Гнчакской партии и лишь в 1895 г. по ходатайству перед властями предводителя Его преосвященства Петроса и при содействии европейских стран вместе с тремя гнчакистами был освобожден. Желая сохранить память о своих героически погибших единомышленниках он немало место уделяет им, знакомя читателя с их биографиями и героической жизнью. После выхода на свободу Габикян продолжил свою

¹ Эти сведения мы почерпнули из Предисловия издателя книги Габикяна «Словарь наречия армян Себастийской области» (Иерусалим, 1952), его сына, тогда еще дьякона, позже епископа Кюрега Габикяна.

педагогическую деятельность, одновременно уделяя время литературным и филологическим разысканиям и активно сотрудничая с газетами «Армения», «Гнчак», константинопольскими газетами и Измирским «Арелаян Мамул» («Восточная печать»), «Андэсом Амсорей», Календарями Теодика, печатая в них статьи под псевдонимом Дионисиево Ухо и Кочнак Себастио (Колокол Себастии)². Габилян подготавливает к изданию две свои важнейшие книги: Словарь наречия армян Себастийской области и Армянская флора, из них первая в 1905 г. удостоилась престижной Измир-ляновской литературной премии, вторая – той же премии в 1912 г. Габилян был депортирован с семьей вместе с 14-ю караванами беженцев города Себастии (22-го июня – 5-го июля 1915 г.) и прошел по всем «Дорогам крови», перенес все ужасы депортации, потерял всю семью, родных, друзей и знакомых. Чудом выжив, в годы Первой Мировой войны он принимает активное участие в жизни Алеппо, содействуя местным армянским властям и национальным организациям в обустройстве жизни беженцев. Свою третью книгу, которую он начал еще в Суруче, «набросав скелет» ее, в начале 1919 года, после заключения Перемирия, по прибытии в Алеппо излагает и она публикуется в «Еритасард Айастане»³. По приглашению патриархата Иерусалима он вместе с 11-ю армянскими юношами в 1920 г. переезжает туда и отдается педагогической деятельности. Здесь Габилян в третий раз берется за свою «Историю», так как две первые рукописи, посланные в Париж и Америку, были утеряны. Благодаря материальной и духовной поддержке «Себастийско-армянского Союза возрождения» он принимается за многотрудную работу третьего варианта книги, на этот раз сделанного не только по записям, но и по памяти. Этим объясняются некоторые повторы в этом изложении. Она выходит в свет в Бостоне в 1924-ом году. Умер Габилян в 1925.

Сам Габилян очень хорошо сознавал значение своей книги. В своем предисловии он пишет: «До сих пор все написанное о депортации носит частный характер. В них Себастиа и Малая Армения упомянуты мимоходом. Когда-нибудь обязательно будет написана общая история армянской депортации. И я думаю, что моя «История Геноцида» будет одним из

² У Габиляна было много других псевдонимов, в частности на титульном листе настоящей книги имя автора названо Гужкан Себастио, т.е. Вестник гибели Себастии («гуж» по-армянски – страшная, скорбная весть).

³ «Еритасард Айастан» – политическая и экономическая недельная газета (1903-73), с 1975 года ежемесячник. Выходит в Парамусе (штат Нью Джерси (АСЭ, т. 3, с. 589).

основных источников такого труда» (с.3). И добавляет: «Источником моей «Истории» являюсь я сам, от начала и до конца очевидец и участник всего» (там же).

Автор охватил Историю «Дороги крови» 350 000 беженцев Армении, о которой написанное до этого носит «частный характер». Этим самым он расширил рамки и восполнил недостающее в полной картине совершенного Турцией преступления и сделал неоспоримым факт совершенного геноцида.

Среди источников о депортации и уничтожении коренных жителей Западной Армении книга Габиляна является **одной из первых, наиболее ценных и многосторонних**. Она, «хотя территориально охватывает Себастию и Малую Армению, но он не пренебрег и описанием имеющих к ним отношений событий, связанных с депортацией и других мест». Он не забывает уверить читателя, что к труду своему относился с объективностью историка. И, действительно, в этом панорамном изображении и охвате происходящих четырехлетних событий и судеб сотен тысяч беженцев разных слоев и сословий он трезво оценивает поступки и «деяния» не только главных преступников, но и своих соотечественников.

Турки свою армянофобскую политику оправдывали тем, что считали армян своими главными врагами, изнутри разрушающими Турцию и являющимися союзниками русских⁴. Они не удовлетворились, покрыв страну виселицами, но все армянское население от мала до велика объявили есирами, т.е. военнопленными, и проявив крайнюю жестокость, не умищающуюся в сознании человека, все армянство предали резне.

Иностранные послы, консулы (Лесли Девис и другие) удивлялись тому, что армяне покорно приняли решение турок о депортации и даже не предприняли никаких попыток сопротивления. Как показывает автор, это не соответствует истине. Маленькие группы армянских героев, укрывшихся в горах, вышли на неравную борьбу с оружием в руках, большая часть их погибла, маленькая – с оружием в руках перешла Кавказские горы и

⁴ По этому поводу см. высказывания о Геноциде армян английского историка, философа, известного специалиста по международному праву Арнольда Тойнби и автора нескольких книг документальных сведений об избиении западных армян доктора Иоаганнеса Лепсиуса (НМ, Геноцид, с.342, с.345). Сам Габилян был в курсе всех событий и подтверждает на примере Себастии и всей провинции мнение вышеназванных ученых о несостоятельности доводов, которыми иттихадисты оправдывали свое чудовищное преступление. Гнчакисты, впрочем как и дашнаки и другие партии, как показывает Габилян, были слишком разрознены и слабы, чтобы осуществить то, что приписывалось им турками.

спаслась. Но в широком смысле этого слова армяне не смогли оказать более или менее серьезного сопротивления.

Взлелеянная турками панисламистская, пантуркистская» программа давно была уже разработана ими до мельчайших подробностей. Гарантом осуществления их плана было сокрытие от общественности, в первую очередь от мировой, своих истинных целей. Надо было предать весь народ мечу не одновременно, как это было при Гамидовских погромах, а решить вопрос незаметно – постепенным его истреблением. Об этом свидетельствует все повествование «Истории».

Свою книгу автор начинает описанием положения края за несколько лет до всеобщей мобилизации, когда наместником Себасти в 1912 г. стал фанатичный иттихадист, младотурок, армяноненавистник Муаммэр. Он с первых шагов своего правления в отношении армян начал осуществлять задуманное турками.

Предпринятые турками шаги по уничтожению армян в Себасти вилаете и во всей исторической Малой Армении мало чем отличались от того, что происходило во всей Западной Армении. Разве что рассказ Габикиан отличается особой обстоятельностью, подробным описанием повседневной жизни себастийцев. Перед самой депортацией – присвоение вкладов, богатства, захват магазинов, имущества, домов, церквей, больниц, школ, т.е. всех материальных и духовных ценностей армянства, аресты и расправа с мужчинами. Затем депортация и ужасная «Дорога крови», охота за мужчинами в караванах и убийства в далеких от глаз людей бойнях. По дороге совершаемые дикими курдскими и другими племенами пустыни неопишуемые жестокости по отношению к оставшимся почти беззащитными женщинам, похищения, бесчисленные поборы и просто грабеж. Несколько позднее нищета, эпидемии и уничтожение в Дер-Зоре и других пустынях сильно поредевших и физически и душевно изможденных людских караванов. Его повествование конкретизируется и дополняется цифровыми данными о положении различных слоев армянского беженства всей Западной Армении, сведениями о происходящих событиях, заранее предусмотренных путях, больших стоянках, по которым они должны были пройти, где встречались идущие с разных краев караваны, как и сведениями о бойнях, обстоятельным изложением многих особенностей внутренней политики турок и, наконец, его отношением и оценкой всего.

В этом смысле его статистические данные о населении Себасти до и во время депортации, о караванах составленных из 14-ти районов Себас-

тии, как и о населении армянских деревень Себастийской области, депортированном и уничтоженном, и обо всем армянстве Себастийского вилаета, будучи основаны на его исследованиях, представляют большую ценность⁵.

По плану уничтожения армян было решено какими дорогами беженцы должны были идти. Габикиан выявляет три такие дороги и находящиеся на этих дорогах большие стоянки и бойни.

Большое место уделено главным поселениям-пристанищам беженцев Фырынджлару, особенно Суручу и Ракке. В Суруче Габикиан оставался несколько месяцев, а в Ракке – два года. Интересно то, что здесь он имел возможность поближе ознакомиться с прибывшими из разных городов (Евдокия, Амасия, Мараш, Эрзерум и т.д., и т. п.) беженцами и пополнить их рассказами свои записи. Но более всего его интересовало положение беженцев в этих городах.

Он сумел проникнуть в находившиеся под строгим надзором турок, якобы с благотворительной целью открытых для беженцев больницы и для армянских брошенных детей-сирот учрежденных так называемых Чоджухлар бахчеси (Детские сады) и выяснить, что в действительности они, были смертными палатами, жители которых тысячами были осуждены на смерть⁶. Габикиан обращает внимание также «на одну из черных тайн армянофобской политики» турок – на запрет выдавать больным армянам лекарство».

А турецкая больница, куда тайно проник он, врачей которых он иронически называет Кохами и Пастерами, фактически была моргом, где для вскрытия на очередь были поставлены друг на друга наваленные сотни трупов. Габикиан пишет, что врачи чувствовали себя в Эльдorado. Они

⁵ Например, он сообщает, что даврийцы во всем вилаете, будучи единственными мельниками, были отуречены и переведены в Себастию. А деревня, церковь и монастырь Сурб Анапат, были полностью разрушены и сравнены с землей. Улашцы, которые были известны своим отменным сортом пшеницы «Церун» и плодородными полями, отказались принять ислам и подверглись депортации и, дойдя до Верин-Шехира, все были преданы мечу. Габикиан в Алеппо из этих деревень встретил двух выживших девочек. И так о других деревнях.

⁶ От своего спасителя армянского мальчика, который в больнице для беженцев работал в качестве насильщика трупов, Габикиан получил точные сведения, соответственно которым больница, рассчитанная на 4 000 человек, за день выносила 120-150 трупов, сейчас число умерших достигло 18 000, сообщает мальчик. Врач еврей ежедневно посылает сведения в Константинополь о числе умерших. Через два месяца, когда Габикиан второй раз появился в Суруче, узнал, что число умерших достигло цифры 27 000.

Большую ценность представляют переданные Габикину записи Ншана Матосяна, прекрасного знатока турецкого языка, работавшего в турецких ведомствах. Погромщики принимали его за мусульманина и дружески раскрывались перед ним, хвастаясь своими деяниями «в угоду Аллаху». О 100%-ной достоверности этих рассказов не приходится говорить. Это параграфы 44-ой главы – «Рассказанное погромщиком чеченцем Махмуд беом» и «Рассказанное курдом Мамо» (см. здесь, с. 283-290). Махмуд бею была поручена расправа с 10 000 беженцами Дер-Зора. Мы отсылаем читателя самому ознакомиться с этими параграфами. Здесь хотим лишь выразиться словами Габикиана: «До сих пор я свою работу называл Историей Мец Егерна. Теперь какое название дать этим ужасающим страницам? Я не могу найти слов для нее. Назвать ли ее демонологией, рассказам дьявола, исчадья ада, чудища или дьявола, злокозника? Но и дьявол и чудище должны были отшатнуться, в ужаса отпрянуть назад перед зверем зверей, человеком, совершившим этот Великий Егерн» (с. 283).

В 51-ой главе суду истории придается список преступников палачей под заглавием «Главари палачей и палачи» (590-596).

⁷ Читатель может ознакомиться с этими списками и составить представление о том, какими еще богатствами турки овладели.

Благодаря разносторонним знаниям и интересам Габикяна, когда «смерть постоянно витала» над беженцами по его собственному признанию «мысль его как-будто работала самостоятельно». Он воспринимал окружающее, природу, армянство, говорящее на разных наречиях и прочее через призму, дарованных ему природой возможностей. Трудно, например, переоценить вышедшие из под его пера ученого подробные зарисовки местностей «Дороги крови» – долин Верхнего и Нижнего Галиса, Анти-тавра, исток и устья Евфрата, городов, поселков, деревень, племен и пр. Все это не только может уточнить мучительный путь караванов «Дороги крови», но может представить интерес для географов, восполнить их знания о не отмеченных на картах, доступных лишь альпинистам плоскогорьях, горах, неприступных скалах и ущельях. То же самое можно сказать о его мелких эскизах филологического характера, которые могут быть полезны филологам, фольклористам, лингвистам. Могут помочь им восполнить свои знания об армянских наречиях, армян разных краев Западной Армении, которые после геноцида, увы, исчезли с лица земли.

8 Позже на судебном процессе над Согомоном Тейлеряном (2-3 июля 1921 г., убившим одного из главных организаторов геноцида армян Талаата-пашу, в своем выступлении И.Лепсиус, подытоживая количество человеческих жертв в результате депортации всего армянства Восточной Армении, скажет: «В подписанном Талаат-пашой приказе есть такие слова: «Высылка есть уничтожение». Все происходило согласно этому приказу. Лишь 10% всего населения, подвергнувшегося депортации из вилайетов Восточной Анатолии, дошло до места ссылки. Остальные 90 % были вырезаны в пути следования» (См. НМ, Геноцид, с.485).

Перевод книги Габикяна был связан с определенными трудностями. Мы думаем, что отсутствие до сих пор его сочинения на иностранных языках, помимо других причин, объясняется и этим. В своем предисловии автор, как-будто кому-то возражая, кто его «обвиняет» в выбранном им языке, пишет: «Я не мог выбрать для моей книги сухой язык литературы без души и сердца. Будучи сыном своего народа, выросшим и воспитанным в его лоне и разделившим с ним его страдания, я выбрал образный и естественный язык, стиль, богатый народными изречениями, взволнованный и эмоциональный, который свойствен этому народу и является собственностью армянской женщины. Многим он может показаться чуждым, но о страданиях народа я мог рассказать его языком, все остальное могло быть искусственным». К этому можно добавить и чувства человека, потерявшего все – землю, на которой родился и жил, народ, родных и знакомых, – желанием хоть что-нибудь удержать и сохранить на память как святыню. Поэтому его язык как-будто возрождает язык города Себастии, всю ту обстановку, культурную и повседневную жизнь с разноязычным говором – наречием себастийских армян, западно-армянским, турецким, ибо армяне и турки веками жили бок о бок и языком их общения был как турецкий, так и армянский. Добавим к этому и вкрапления с курдского, арабского языков, с народами которых на путях беженства приходилось общаться армянам.

Поэтому его книга изобилует изречениями и пословицами на себастийском наречии, западно-армянским языком, множеством турецких слов и турецких предложений, не говоря уже об административных турецких названиях областей и провинций, уездов и турецких названий, возглавлявших эти административные образования чиновников и, естественно, бывших в обиходе турецких и слов на иностранных языках.

Автор сохранил на турецком языке турецкие предложения, которые он передает армянскими буквами. Чтобы не усложнять прочтение текста мы даем эти предложения в переводе на русский язык, после каждого предложения в скобках отмечая буквой т – (т).

Названия административных делений и соответственно управляющих ими чиновников и другие турецкие слова приведены им армянскими буквами по-турецки и сохранены нами, с пояснениями в примечании под арабскими цифрами. Мы использовали некоторые уже имеющиеся переводы этих слов, главным образом из словарей Б. Чукасяна, приложенных

им к критическому изданию «Истории Себастии» Ованнеса Себастиа, а также пользовались турецко-русским, турецко-армянским, как и словарем Себастийского наречия армянского языка и другими (см. в конце Список литературы). Часто с учетом удобства прочтения турецкое слово оставлено в тексте и через черточку дан соответствующий русский перевод, например: сэвгэт-высылка и т.д. Примечания Габикяна для отличия от примечаний переводчика заканчиваются буквой Г – (Г). Пословицы, крылатые слова, поговорки, приведенные на себастийском наречии, в наших примечаниях не редко поясняются с помощью Книги Габикяна «Словаря армянского Себастийского наречия».

Учитывая стиль Габикяна, мы предпослали к книге подробный комментарий, особенно к именам, имеющим отношение к армянской истории, культуре и пр., и пр – исторические деятели, боги языческой Армении и т.д. Без этого русский читатель мог бы оказаться безоружным перед многочисленными названиями и понятиями.

Приведенные в скобках слова, если они принадлежат автору, даны в прямых скобках – //, если переводчику – отмечены круглыми – ().

Следует отметить, что местами в книге встречаются повторы, которые переводчик, не желая вносить каких-либо изменений в изданный автором текст, оставил в первоизданном виде.

После издания книги Габикяна, благодаря изысканиям ученых, одна из наиболее черных трагических страниц Истории Армении пополнилась самыми разными богатыми источниками. Армянские исследователи фрагментарно использовали и «Историю» Габикяна, но по сей день отсутствует полный перевод этого значительного достоверного источника по Геноциду на иностранные, в том числе и русский языки, т.е. она все еще не получила международного звучания.

Совсем недавно (2013 г.) Научно-исследовательский институт «Матенадаран» издал исследование Анаит Астоян «Ограбление века, лишение армян имущества в Османской империи, 1914-й – 1923 гг.». Значение этой работы нельзя переоценить. Автор, используя документальные архивные источники, на армянском, турецком и иностранных языках, раскрывает всю кухню осуществления геноцида армян, лишение имущества, земли, уничтожение полутора миллиона человек. Архивные материалы доказывают, что «важнейшим мотивом истребления армянского народа была экспроприация имущества армян». И как справедливо замечает турецкий

историк Танер Акчам: «Турецкая Республика основана на Геноциде Армян 1915 года».

Названное исследование и «История Геноцида» (Мец Егерна) Габикяна, как и другие записи очевидцев, в некотором роде дополняют друг друга. Если первое говорит языком цифр и непререкаемых архивных документов, авторами которых являлись большей частью представители турецких властей, то книга Габикяна, человека, прошедшего 4-летний путь «дороги крови», изнутри иллюстрирует панораму чудовищных методов истребления армянского народа.

Считаю своей приятной обязанностью выразить благодарность всем, кто помогал и содействовал публикации настоящей книги.

С чувством глубокой благодарности и признательности вспоминаю спутника моей жизни и неизменного моего консультанта, ответственного редактора представленной книги Сена Аревшатяна.

Я благодарна также Председателю Союза Армянских землячеств, знатоку турецкого языка Жозефу Аветисяну за бескорыстную помощь в переводе турецких предложений и ряда турецких слов на армянский язык. Высоко ценю работу советника директора по «новейшим технологиям» и издательскому делу, технического редактора, оформителя книги Гургена Гаспаряна и благодарна ему за профессиональное участие в подготовке публикации этого сочинения. Я признательна лингвисту, доктору филологических наук Рузанне Грдзелян за ценные замечания. Не могу не отметить помощь Овсанны Терзян, особенно в обеспечении идентичности поразному использованных в книге собственных имен и названий. Особую благодарность выражаю член-корреспонденту НАН, директору Матенадарана Рачья Тамразяну, оказавшему всяческое содействие в издании книги.

КНАРИК ТЕР-ДАВТЯН

ДВА СЛОВА

Внушение извне может оказать на человеческий разум большое и глубокое воздействие. Слова, сказанные мне моим возлюбленным братом в минуту нашего расставания, перед тем, как мы станем на Дорогу крови – «Ты должен выжить, все увидеть своими глазами и рассказать людям ближайшего будущего», – были для меня напутствием, которому я обязан жизнью и своей «Историей Геноцида».

Несмотря на то, что на Дороге крови, нас постоянно преследовала смерть и мы переживали ужасы бедствия, казалась мысль моя постоянно работала и повседневные события, дни и места не ускользали от моего внимания.

После выхода из Себастии в Суруче я уже набросал скелет своей «Истории». А в начале 1919 года, после заключения Перемирия, по прибытии в Алеппо, счел возможным изложить ее, что стало публиковаться в «Ери-тасард Айастан».

Книга моя «История Геноцида» территориально охватывает Себастию и Малую Армению, но я не пренебрег и описанием имеющих к нам отношение событий, связанных с депортацией и других мест.

До сих пор все написанное о депортации носит частный характер. В них Себастиа и Малая Армения упомянуты мимоходом. Когда-нибудь обязательно будет написана общая история армянской депортации. И я думаю, что «История геноцида» будет одним из основных источников такого труда.

Мое повествование начинается за несколько лет до общей мобилизации, когда наместником Себастии был назначен трижды великий Тамерлан новых времен, кровопийца Муаммэр, который ковал свою армяноненавистническую политику во все разрушающей кузнице дьявольского итихада, смертоносные последствия которой стали проявляться везде, в том числе и в Себастии.

Источником моей «Истории» являюсь я сам, с начала и до конца очевидец и участник всего. Годом ранее я записывал события, происходившие ежедневно. Хотя я все это в конце уничтожил, но память моя сохранила это. Поскольку каждый выживший имеет свою историю, я воспользовался этим и выборочно использовал свидетельства многих.

14779

На литературном поприще я, думаю, достиг кое-каких успехов и заслужил скромное имя филолога и особенно фольклориста. Я не мог выбрать для моей книги сухой язык литературы, без души и сердца. Будучи сыном своего народа, выросшим и воспитанным в его лоне и разделившим с ним его страдания, я выбрал образный, изобразительный и естественный язык, стиль, богатый народными изречениями, взволнованный и эмоциональный, который свойствен этому народу, является собственностью армянской женщины. Многим это может показаться чуждым. Но о страданиях народа я мог рассказать его языком, все остальное могло быть искусственным.

Бурным желанием очень многих было издание «Истории Геноцида» отдельной книгой. Ответственное ведомство «Союз Восстановления Себасти» удовлетворило эти пожелания и взяло на себя публикацию моей книги. Этим оно решило обессмертить лелеемую память о нашей прекрасной Себасти и воздать дань великого уважения сотням тысячам нашим соотечественникам-мученикам.

Я могу лишь принести свою искреннюю благодарность и заверения в глубоком уважении нашим благородным соотечественникам себастицам, живущим в Америке и, в частности, «Союзу Восстановления Себасти», «Центральному Ведомству», которые со свойственной себастицам предприимчивостью, с такой щедростью залечивают раны наших беженцев соотечественников, нашедших приют в различных странах, заботятся о них и удовлетворяют их нужды.

Как учителю с многолетним стажем, мне очень близко было наше армянское подрастающее поколение. На Дороге крови тяжелее всего было видеть их страдания, их безжалостное уничтожение. Поэтому я решил посвятить «Историю Геноцида» их неувядаемой памяти. И этим немного остудить щемящее от горестной потери свое сердце.

Да покарает Бог звероподобных палачей, шакалообразных зверей, уничтожавших детей!

ИСТОРИЯ УНИЧТОЖЕНИЯ МАЛОЙ АРМЕНИИ И ЕЕ СТОЛИЦЫ СЕБАСТИИ

СОБЫТИЯ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ДЕПОРТАЦИИ

Царица Малой Армении, чудесная Себастья, в прошлом страшный театр разрушений и кровавых побоищ проклятых Арпарсланов^I, мироразрушителей Тамерланов^{II} и великого человекоубийцы Гамида^{III} по справедливости получила историческое достойное название «Черных земель»^{IV}. В наши дни она превратилась в преуспевающий и процветающий центр с многочисленным армянским населением, стала одной из шести провинций получивших международное признание. Понятно, что она не могла оставаться вне поля зрения порочного турецкого правительства и армяноненавистнической политики фанатичного турка и не стать одним из несчастных жертв, поднесенных святому престолу великого жертвоприношения Армянского Отечества, чья ужасающая история должна занять большое место на кровавых страницах армянской летописи.

Откуда начать нить моей истории, мое повествование? В какой – то момент мысль моя запутывается, когда перед моими глазами возникают все те ужасные события, тысячи бед и несчастий, которые приключились с одной большой частью армянского народа – с населением Малой Армении и Себастии. Одним из несчастных очевидцев стал я, один несчастный выживший из тысячи, как сова на развалинах, как птенец, оставшийся один под крышей. В самом деле происшедшее с каждым отдельным армянином могло стать самостоятельной длинной историей о невиданном злодеянии, беспримерном и неопишемом изуверстве человеческого варварства.

Черный снег, выпавший на голову армянства Малой Армении, не покрыл ли он и головы великолепного Аргеоса^V, прекрасной Астхик^{VI}, и не повалил на голову величественного Азатн Асас Масиса^{VII}?..

Себастья, орлинноглавая столица Арцруни^{VIII}, царица Малой Армении, полностью разрушилась, были уничтожены роскошные ее прислужницы – благоустроенные и цветущие села, полноводные долины Верхнего и Нижнего Галиса^{IX}. До основания обрушились, обезлюдели ее благородные госпожи – изнеженная Евдокия, благословенная Амасия, винодельческий Марзван, высокомерный Никополь – Гарахисар, обломались ветви мужественного Кюрина, орлинное гнездо Манджылых, кормилица львят Га-

мирк-Кемерек^I. Где? Где колыбель бессмертного Варужана^{II}, Багратидских богатырей Бргника? Гнездовье коршунов Улаш смельчаков, пурпурно прекрасный Андрас, сельские храмы Зары, Змара, Там-Зары, усадьбы благородных родов Акна, Бинкян, Тиврик^{III}, и ты, Огдар^{IV}, младшая из окрестностей Себастии, подобно Ацекацу^V названная Великой по месту рождения Великого Аббата Отца^{VI}. Ты превратилась сейчас в коптящее пепелище, дымящее, скорбящее.

Овдовели, осубботились крестокупольные монастыри всей Малой Армении – Кафедральный престол Себастии, наше солнце Сурб Ншан^{VII}, орлиное гнездо церковь Грештакапет Ахта, церковь во имя Кирилла и Атака в Тиврике, исполняющий обеты монастырь Иоакима и Анны в Евдокии, Златоуста – в Печаре, Сурб Ншана – в Марзване, Сев Кар св. Торо-са, отважного Воителя, – в Манджылыхе, Св. Акопа – в Ашоте, Св. Царя – в Заре... все они, окуренные фимиамом любимые святые места, призывавшие народ к послушанию. Буря, идущая с бескрайних монгольских пустынь покрыла, выжгла весь цветущий рассадник интеллигенции Малой Армении – цветущие, жизнеспособные школы, семинарии, училища, полные жизни детские сады, мощным потоком пробивались и текли орошать пашни и нивы мыслей юной стаи детей Арамовых^{VIII}, отроков, дев, любознательных молодых людей, неся свет знания, истину, добро и красоту, подобно четырем многообильным рекам Эдема.

Безвозвратно погибла Малая Армения, достойнейшая часть армянства, жизнеспособнейшая, если будет позволено мне сказать, первопроходец армянского освободительного движения, предтеча, идущий впереди с освещающим факелом армянской революции в руках.

Я понимаю с каким душевным смятением, разбитым сердцем, растерянностью более четырех лет наши любимые почтенные зарубежные армяне, задерживая дыхание, следили за судьбами томящихся в кровавых банях своих родных мучеников и теперь с нетерпением напряженно ждут рассказа об их раздирающей сердце горестной истории. С помощью благородной «Ер.Айастан» хочу из Темного Мира на свет вывести хотя бы скелет своей «Истории», тем самым дать хоть малейшее представление о наших честных соотечественниках. И пусть бывший «Колокол Себастии» – «Гнчак»^{IX} печальным звоном возвестит о горестной гибели, мученической смерти Малой Армении и Себастии. Я поведаю нашим соотечественникам о мученическом мире – Малой Армении и об урочищах

страстотерпцев – представлю историю разрушения Себастии, а они пусть расскажут мне историю ими возрождаемой Новой Себастии, и тогда я с умиротворенным сердцем закрою свои высохшие глаза и обниму Черные земли наших дедов, могилы наших тысяч мучеников, камни и земли Сорока отроков^I и отдохну от многообразных мучений и страданий долгих лет.

И вы, Творцы-Создатели Армянской страны, Небесный Боже Властитель неба-земли, окуриваемые и возлюбленные боги и богатыри наших храбрых предков^{II}, как Айк, Арам^{III}, рожденный в пурпурном море Драконоборец Ваагн^{IV}, Ванатур^V, Торк^{VI}, Тигран^{VII}, Трдат^{VIII}, Аршак^{IX}, Пап^X, Гагик Великий^{XI}, последний Гагик^{XII}, тоскующий в Малой Армении по родине, и все вы, достойные им наследники, любимые бессмертные герои Армянской революции в Малой Армении и Каппадокии, вы храните Малую Армению до пришествия желанного века армянского...

До перехода к собственно нашей теме, а именно к истории депортации Себастиийской провинции, мы должны начать со времени немногими годами ранее этого с общего движения войск, и в кратком очерке рассказать о тех дьявольских мерах турок, явившихся преддверием армяноненавистнической политики, которой турецкое правительство с помощью обладающего стадным мышлением своего народа выкопало могилу османскому государству и тюркству и перед ногами недалековидного армянства открыло глубокую пропасть, куда оно скатилось.

МУАММЭР НАМЕСТНИК СЕБАСТИИ. – Балканская война нанесла сокрушающий удар по Турции. Пало правительство Кеамиля^{XIII}. На поверхность воды выплыл иттихад^{XIV}, взявший в свои руки административно-военное управление страной. Сверху до низу произошла чистка чиновников. В начале 1912 года Муаммэр, фанатичный последователь иттихада, был назначен наместником Себастии. Это было взлелеянной им мечтой. Видели ли вы когда-нибудь гиенообразного порочного зверя, кому было предназначено быть новым и трижды великим Тамерланом Себастии? Едва достигнув 30-32-х лет, среднего роста, с немного набок поставленным красным фесом, со склоненной вниз лысой и голой головой, с мясистым монголоидным лицом, оставляющим на человека впечатление вамба⁹, хитрые глаза которого как ядовитые стрелы пронзали сердце напротив стоящего.

⁹ Ядовитая, зеленая крупная ящерица (Г).

Отец, некий старый прелюбодей, долгие годы был председателем Предварительного карательного суда. Детство Муаммэра прошло в Себасти. Говорят: «Хороший день с утра, хороший мальчик с детства», еще 10-12-летним щенком крикливый, уже с этого юного возраста он проявлял к армянам ненависть, вместе с уличными турецкими щенками с кнутом в руках они преследовали армянских детей. Соседние армянские матери много слез проливали из-за него. «Змея и скорпион, детеныш черной змеи» – говорили они о нем.

Он был нашим соседом. Моя ныне покойная мать как-то увидела с окна, как Муаммэр с плетью в руках высекает в огороде овощи. Отец сверху с окна спрашивает его: «Муаммэр, сын мой, что ты делаешь?»

– Уничтожаю гяуров¹⁰, отец, – отвечает храбрец Муаммэр, – разреши уже сейчас поупражняться в этом.

И у матери моей, услышавшей эти ранившие сердце слова, с рук выпало шитье и из дрожащих губ независимо от нее посыпались проклятия в его адрес: «Чтоб ты не подрос, чтоб тебе умереть юным и здоровым приветствовать черные земли».

После полученного начального образования он был послан в Полис. Где-то в 1905-м году Муаммэр вернулся в Себастию. С тех пор он становится любимцем достославного наместника Тели Решит Арифа паши /ныне член совета старейшин/. Муаммэр назначается каймакамом¹¹ маленькой области Ганкал и это стало началом его службы.

Между Муаммэром и начальником отряда Гамидие¹ карапапахов той же области, известным всем Михром-Али¹², произошло столкновение.

Этот, к которому наместники Себасти и мушир¹³ 4-ой армии относились с большим почтением, видя наглое отношение к нему вчерашней ящерицы, бросает ему в лицо на диалекте атрпатаканца: **«Эй, парень, ты годишься в подмастерье лудильщику, какой из тебя каймакам. Ты щенок, сводник! Я тебя не знаю» (т).**

Кровь ударяет в голову Муаммэра, он достает мартини и вызывает Михр-Али на дуэль. Но тот, видя, что имеет дело с молодым человеком с горячей кровью, не хочет с ним связываться.

Муаммэр прибегает к Решиту паше, бросает перед ним официальные документы и говорит: «Видно, паша, ты был галайджи¹⁴, и думаешь, что я являюсь твоим чырагом¹⁵». И рассказывает ему о случившемся с Михр-Али столкновении. Решит паша его успокаивает, говоря, что наступит время, когда его голову также возьмем в тиски.

В 1906-1907 гг. Иеменское восстание приобрело острый характер. Со всех сторон поспешно требовались сдерживающие силы. Решит паша сообщил султану Гамиду, что Михр-Али со своим отважным отрядом может оказать большую услугу в покорении Иемена. Он сверху удостоивается похвалы, почетных наград, повышений чина, высылаются личные султанские письма с подписью и с обращениями «Каграману оглы Михр-Али...». Михр-Али понимает перед какой западней он стоит: «Ешь свой член и бросай, как жертвенное мясо» Однако он человек, который не разрешит, чтобы плевали на его труп. Он приспосабливается и со своим отрядом отсылается в Иемен.

Гяур имам¹⁶ – имам Еахеа, в то время возглавивший восстание, не помедлил дать ему хороший урок. Гранитные утесы Иемена стали для Михр-Али и его карательного отряда неизвестной их могилой.

Турецкие и армянские крестьяне Ганкала на какое-то время обезопасились. Муаммэр был отомщен, но тем не менее прозвище «галайджи чраги» («подмастерье лудильщика») после Михр-Али осталось за Муаммэром до наших дней.

Позже Муаммэр становится каймакамом Азизие, там он устанавливает дружеские отношения с черкесами, дальновидно полагая когда-нибудь использовать их для своих дьявольских планов.

Немного прошло с этого времени, как была провозглашена блудливая турецкая «Конституция». Муаммэр прибежал в Себастию и стал горячим и фанатичным пропагандистом идей иттихада. Он вездесущ, на всех собраниях, на всех сценах он вступает в бурные споры с армянами, людьми умственного труда. Когда разговор касался централизации, децентрализации, существовании побочных влияний... здоровой логике там места не было. – Муаммэр показывал острие кинжала.

¹⁰ Гяур (gayur, gaur) – неверный, безбожный.

¹¹ Каймакам (kaymakam) – управляющий областью.

¹² О Михре-Али и карапапах я очень давно писал сначала в «Армении», а затем в «Гнчаке» под псевдонимом «Диониссиево ухо» и «Колокол Себасти» (Г).

¹³ Мушир (muşir) – генерал.

¹⁴ Галайджи – лудильщик.

¹⁵ Чыраг (çığ, çirak) – подмастерье.

¹⁶ Имам (imam) – духовный глава мусульман.

Он становится мутасаррифом¹⁷ Кесарии, затем Конии, а после резни в Киликии назначается наместником Аданы. В правление Кеамила, когда иттихадисты были в опале, Муаммэр также находился в бегах и нашел пристанище в Азизле у черкесов. Он старается убедить черкесских беев устроить резню и посеять в стране смуту. Но это ему не удалось. Он подвергся преследования, бежал в Себастию и нашел прибежище у молодого человека по имени Заллахян Мириджан¹⁸.

После падения Кеамила Муаммэр улизнул, став опорой иттихада, и прибыл в Себастию в качестве наместника. Прикрывшись ядовитой улыбкой, лживой и коварной турецкой политикой и поведением, он выказывал ко всем, в частности, к Армянским революционерам, большое дружелюбие??? как кормильцам «конституции» и вырабатывал программы обустройства страны, поддерживая, приказывая, придавая силу.

Это было внешне, но внутренне он не мог терпеть плотное армянское населенное Себастию и вилайета¹⁹, ненавидел его материально-экономическое благоустройство, умственное развитие, национально-общественный прогресс, его зажиточную жизнь и достаток. И однажды во время шакальего приступа этой зависти, он настолько не смог овладеть собой, что воскликнул: **«Если я с Себастией не поступлю хуже, чем с Аданой¹, пусть меня назовут Еуф – ничтожеством».**

В качестве общего представителя иттихада всей Малой Азии Муаммэр своей главной задачей считал всестороннее усиление и укрепление иттихада в Себастию и вилайете. Турецкий класс эшрафов²⁰ был отстранен, он окружил себя прослойкой мерзавцев, кровопийц, убийц. Ночи он проводил в их окружении, выковывывал из них фанатичных иттихадистов, не забывая при этом подогревать их порочные страсти, дурные нравы, устраивал пиры в сопровождении девиц, с приятным времяпрепровождением.

На торжествах, посвященных османской «Конституции», и других публичных мероприятиях, он на руководил собраниями. Как он восплалялся и от волнения пускал слезу!.. Прославлял иттихад, провозглашал его несок-

рушимой крепостью туркизма и исламизма. «Иттихад это долгожданный и пришедший в исламский мир Мехти¹» – было его припевом.

Постоянно он обходил все пределы вилайета и всегда все те же мероприятия, та же армяноненавистническая политика, те же ядовитые приказы и те же используемые им методы.

Каким было образование Муаммэра и каковы были его умственные возможности, нас это особенно не интересует. Говорили лишь, что он специализировался в истории народов. Однако его интересовала не столько созидательная сторона истории цивилизаций, сколько ее варварские стороны. Черные страницы ее он знал назубок, знал как ассирийские тираны своими всепоглощающими походами разрушали благоустроенные и цветущие государства и возвращались с десятками тысяч пленных и богатой добычей в столицу, как собственноручно они выкалывали глаза пленным, сдирали с них кожу и в сделанных из них бурдюках везли цветы для украшения стен своих дворцов, храмов. Как спартанцы таинственным образом за одну ночь уничтожили илотов^{II} и снесли с лица земли их города, села, как Маркиан^{III}, Сулла^{IV}, Помпей^V, Октавиан^{VI}, Антоний^{VII} готовили списки смертников и вымощенные улицы Рима омывали кровью, как ликовал Нерон^{VIII}, поджегший Рим, и, как, сидя на крепостных стенах Рима, распевал стихи из Илиады и Одиссеи, проливая кровь христиан, кровопролитие в ночь Св. Варфоломея^{IX}, Сицилийские вечерни^X – всем этим он оправдывал Гамидовские погромы.

И, наконец, какие из дурных уроков Историй Наций он не выучил наизусть? В его сознании образцами для подражания запечатлелись Аттила^{XI}, Чингиз-хан^{XII}, Тугрил-Алпарслан, Тамерлан – их венец славы, распространивший, узконивший и внедривший монголо-турецкую политику и культуру /!?!/. Он говорил о них с восторгом, конечно с мыслью когда-нибудь их превзойти. Когда речь заходила об Османской империи, османских султанах, он с каким-то недовольством принимал начатую Фатихом^{XIII} и некоторыми последующими султанами, отчасти лишенную узости политику. Они предоставили кое-какие внутренние привилегии, милости составным слоям Османской державы, в частности армянам, которые благодаря этому смогли сохранить свою самостоятельность – религию, язык, национальность, и смогли развиваться, расти, достигнуть высоких государственных должностей. Соответственно своему прозвищу, столь же безжалостный, дикий, бешеный и жестокий султан Селим Явуз^{XIV} для

¹⁷ Мутасарриф (mutasarrif) – глава, начальник округа; исполняющий обязанности губернатора.

¹⁸ Этот молодой человек был впоследствии обвинен в том, что укрывал у себя беженца Мурата Хримяна и был расстрелян. Муаммэр приказал пустить несколько пуль в грудь Мериджана от его имени (Г).

¹⁹ Вилайет (vilayet) – провинция.

²⁰ Эшрафы (eşraf) – благородные, знатные лица.

Муаммэра и ему подобных был обожаемым кумиром, который знал как добиться однородности Османского государства. Он утверждал: В одном небе – лишь одно солнце, и в Турции лишь один народ – турки, одна религия – ислам. И для осуществления этих мыслей он предпринимал шаги, даже уничтожив 40 000 человек кызылбашей.

Султан Селим Явуз был основоположником, отцом, воплощением иттихадства, которое в какой-то момент приостановилось. Затем собственно сами иттихадисты возобновили, продолжили эту политику. И то, что у прежних султанов носило случайный характер – либо уничтожить христианское народонаселение, либо исламизацией их ассимилировать, иттихадисты поставили своей целью осуществить это. Муаммэр так фанатично был охвачен этой мыслью, этими шовинистическими идеями, что, желая этим заразить также подрастающее поколение, он фанатично возложил на себя уроки истории в Турецкой государственной школе Себастии и эти свои варварские идеи нагло преподносил им, готовя из них для ближайшего будущего турок-кючинов²¹.

На ограниченных страницах нашего труда, мы не должны были бы уделить так много места какому-то пресловутому Муаммэру, если бы я не хотел дать полного представления о новоиспеченном последователе тюркизма – продолжении ужасного прошлого и о давнем предсказании о злодейском иттихадстве и появлении Нера¹ в «Откровении» парящего как орел Иоанна и в «Видении» партевца – Великого патриарха Нерсеса^{II}.

ПРЕДПРИНЯТЫЕ ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВОМ ТЕР ТОРГОМОМ ШАГИ. – Хорошо зная о его детских звериных инстинктах и наклонностях, себастиийский армянин задрожал, ужаснулся, поразился, когда этот Муаммэр прибыл в Себастию как наместник. Всем, и, естественно, национальным кругам, ближащее будущее Себастии виделось очень темным, очень зловещим и даже дни жизни и смерти себастийских армян казались считанными. В это самое время хорошо знавший жизнь предводитель, Его преосвященство Тер Торгом, обратился с настоятельными просьбами к французско-американским консулам Себастии о скорейшем удалении Муаммэра из Себастии. Но увы, его голос был гласом вопиющего в пустыне, и эти шаги не смогли пошатнуть положение человека, который являлся одним из столпов Иттихада.

Его преосвященство Тер Торгом, принуждаемый своим положением, имел лишь внешние официальные связи с ним и пытался дружескими отношениями смягчить его звериные наклонности, нейтрализовать их. Что было похоже на старание обратить волка в овцу. И под конец Его преосвященство с ним столкнулся, и настало время отказа от должности и отъезда из Себастии.

Муаммэр был весьма огорчен отказом Его преосвященства Тер Торгома от должности не потому, что себастиийский армянин лишился бдительного предводителя, а потому, что он лишился возможности прибрать к рукам богатую добычу – видного армянского церковнослужителя, и потому, что тот рано вырвался из рук Муаммэра... Нельзя ли было Его преосвященству Торгому еще немного повременить и удостоиться участия вардапетов Тер Саака Одабашяна и Тер Шаварша...

БОЙКОТ. – Начинаются небывалые преследования греков, бойкот распространяется также на армян. Невозможно было, чтоб это не коснулось также Себастии, как центра с многочисленным армянством и как одна из зловещих турецких печей. Даже Муаммэр возглавляет бойкот. Он организует турецкие товарищества – ширкеты – для всех торговых ветвей, и даже из своего кошелька предоставляет большие суммы, сам поощряет, покровительствует. Для турецких мальчиков открывает мастерские по кузнечному делу, камнерезов, портных, сапожников и пр. и пр. Не забудем сказать, что все они находились под руководством армянских мастеров.

До сих пор все эти его начинания можно было назвать похвальными, если бы среди турецкой прослойки можно было бы найти способности и предприимчивость в этих делах. Заметим, что армяне не завидуют туркам и благожелательно относятся к их занятиям торговлей, купечеством и разными ремеслами. И следует отметить, что себастиийский армянин-ремесленник всегда с любовью приветствовал формирование у турок эснафства²². И среди довольно большого числа ремесел благодаря помощи армянских ремесленников появилась прослойка порядочных турецких ремесленников. Многими армянами, как и мной, было замечено, что турки ремесленники, бывшие учениками армянских мастеров, переняли у последних их нравы и поведение, и в этих турках замечается какая-то благожелательность, некая мягкость. И они хорошо относятся к армянским ре-

²¹ Турок- кючинов – турок-львят.

²² Эснафство – ремесленные цеха. Эснаф (esnaf) – ремесленник.

месленникам, как-будто молча признавая, что армянские мастера их научили заповеди, провозглашенной в раю: «В поте лица своего будешь есть хлеб свой».

Муаммэр, собрав вокруг себя подонков турок, ведет пропаганду бойкота и рассылает их по разным уездам и деревням. Сам лично возглавляет этих пропагандистов. Под предлогом ознакомления, посещает разные районы, в том числе и самые отсталые турецкие местности. Когда он понимает, что в турецких кругах есть армяне, занимающиеся торговлей, осуждает их за то, что они терпят эксплуатацию со стороны армян, советует немедленно уволить их и самим заняться теми же торговыми делами.

Одной из основных идей пропаганды было: **«Вы, дети турок, смотрите, как один жестянщик-армянин своим постукиванием содержит семью из десяти человек»** (т) и увещевал обучиться ремеслу.

Идиот Муаммэр! Да, армянин одним молоточком не только содержал семью из десяти человек, но и давал своим детям хорошее воспитание и образование и, наконец, дарил им золотой браслет – ремесло и откладывал довольно большую сбереженную сумму. Но особенно мог бы ты найти в нечестивой турецкой среде, под развратным кровом турецкой семьи семейную святость и добродетель? Если да, то я должен буду признать твой успех. Но ты сам хорошо знаешь, что **«Тысяча турок не стоят одной редьки. Возьми редьку и дай ею по голове турка. И жаль будет редьку ударить по непробиваемой голове турка»** (т). Жаль будет редьку, очень жаль. Сделанное руками турка, вот ответ тебе, в нем так ярко кристаллизуется его психология, его моральная цена.

ВОЗМУЩЕНИЕ АРМЯНСКОГО КУПЕЧЕСТВА И ЗАЯВЛЕНИЕ.

Армяне очень холодно отнеслись к бойкоту. В какой-то момент они возмутились, отчаялись, особенно купцы. Обратились к Муаммеру, который, однако своими изворотливыми собачьими речами постарался их убедить, что они их неправильно поняли, против армян ни шага не сделано с целью бойкота, все это предпринято, чтобы пробудить интерес турок к ремеслам, торговле и больше ничего.

Но армянскому купцу или ремесленнику не было смысла возмущаться. Бойкот проводить было просто, особенно при фанатизме турецкого народа. Что имели турки, авторы бойкота, чтобы удовлетворить постоянно, со дня на день растущие свои потребности, что они могли противопоставить этому. И, естественно, дойдя до высшей точки, страсти улеглись, все

вошло в свои естественные границы и вода потекла по своему привычному руслу. Так и случилось.

Даже авторы бойкота поняли, что религиозный фанатизм и слепой шовинизм – бессильные и тупые орудия хотя бы в решении экономических проблем. Даже турки поняли, что им не может помешать сотрудничество с армянами. Они также поняли, и в какой-то момент, как говорят, осознали, что сами себе навредили.

ПОЖАРЫ. – Задавшись целью ослабить армян, экономически посадить их на пепелище, они прибегают к другому средству. Систематически занимаются поджогами. Пожары, следующие один за другим превращают в пепелища рынки Марзвана, Амасии, Себастии, Евдокии и так вплоть до Тигранакерта. Из этих пожаров с наименьшим ущербом вышла Себастиа. Ущерб Евдокии исчислялся 300 тысячами золотых, не меньше был ущерб Амасии и Тигранакерта.

В ночь евдокийского пожара предводитель вардапет Тер Шаварш находился в монастыре Иоакима-Анны, в получасе ходьбы от Евдокии. Ночью он увидел поднявшиеся столбом всполохи огня. Вскочив на Севука (у него был отменный конь), с быстротой ласточки, он поскакал в город. Сбросил с себя пальто и возглавил дело тушения пожара. Видя безразличие полицейских и турок, он начал хлестать их плетью. Удалось спасти важные Национальные угодия.

Везде определенно поняли и было доказано, что автором этих поджогов являются турецкие власти.

Друг за другом были подожжены мукомольные заводы Марзвана, Амасии, Себастии, все они принадлежали армянским предпринимателям²³.

ОЛКЕНИ. – Корреспондент какой-то известной русской газеты объезжал Армению. Из Тигранакерта он прибыл в Себастию и остановился в гостинице Измир. Тут же вся гостиница была окружена тайными полицейскими – изнутри, снаружи, у дверей, на дорогах – везде были выставлены полицейские. К нему никто не мог подступиться. Человек понял и пожаловался Муаммэру, но тот тут же постарался опровергнуть сказанное. Слежка велась издали. Постепенно стали подходить люди из редакции

²³ Пожарами экономически раздавить армян – было старым турецким методом. В 1874 г., начиная с Еозката до Зейтуна-Мараша-Себастии и до Вана большими пожарами турки разрушили и оставили на пепелеше армянство (Г).

«Хогдара»²⁴ и представители Национальных организаций, видятся с ним, рассказывать ему об армянских бедах. Гнчакисты также представили ему справку.

Вопрос не в этом. После отъезда Олкени²⁵, Муаммэр с некой собачьей полуулыбкой и будто бы по-дружески спросил представителя дашнакцутюна господина Ваана Варданяна: «Что это на дорогах, по которым проезжает этот человек /Олкени/, происходят какие-то события, что-то приключается?»

Наивный Варданян ни своей бдительностью, ни с помощью своей острой бороды не мог проникнуть в глубины коварных мыслей хитрого Муаммэра, не мог знать, что за яйцо он ему подбрасывает. И Муаммэр именно такой, ужасающий и дерзкий случай подготовил и осуществил на дороге, по которой проходил Олкени в Энтирэс.

УБИЙСТВО ГОЛБРУКА. – Достопочтенный и благородный миссионер, профессор прекрасного Американского колледжа, построенного на зеленой возвышенности Хогдара, пожелал провести школьные каникулы 1913 г. в обильном источниками и плодородном Энтирэсе. Он поставил свою палатку под сень древнего дерева с толстым стволом. Как-то ночью смертельная предательская пуля поразила его. Вскочив со сна, он успел лишь сказать: «Ах преступная рука, убила меня» и замертво упал.

На следующий день Муаммэр позвал к себе американского вице-консула доктора Кларка и миссионера мистера Партрича и с холодным безразличием сообщил им о случившемся, даже не выразив соболезнования, хотя бы из официального приличия.

Американские и национальные студенческие круги и себастьские армяне были потрясены внезапной трагической смертью столь достойного человека.

Мистер Партрич поспешил на место преступления в Энтирэс, чтобы на месте заняться расследованием преступления. Говорилось о том, что настоящий преступник сам явился. Это был дезертир из турецкой армии, ко-

торый признался в совершении убийства, но сделал это он по ошибке, обвинил в этом находившегося там учителя Ншана Аветикяна, который хотел вступить с женой убитого в любовную связь, почему и хотел его убить, но пуля попала в миссионера.

Учитель Аветикян также был арестован в Гарахисаре. Муаммэр убедил доктора Кларка в том, что поводом для убийства был Аветикян, и он частично поверил в это, думая, что перед ним такой же прямодушный как американец человек.

Но мистер Партрич, хорошо знавший о турецком коварстве и уверенный в положительной моральной характеристике учителя, не сомневался, что это злодейство дело рук Муаммэра. Из Полиса от Американского посольства прибывает специальный следователь. Долгое расследование, судебное дело. Преступник явно выгораживается и оправдывается судом. Преступление объявляется делом рук армян. Аветикян приговаривается к смертной казни. Вот вот уже должны были его повесить, но миссионерам удалось его спасти.

Муаммэр добился своей цели. Этим он надсмеялся над американцами, показав, что Турция уже не та старая Турция, которую они знали, где жизнь эджнебинов²⁶ была неприкосновенна, что капиталисты, с помощью которых они защищались, отныне были лишены веса прослойкой. Устраняя этот террор, Муаммэр преследовал еще одну цель – исподволь дать понять турецкому народу, что не только жизнь простых гяуров, какими были армяне, но и жизнь эджнебия ничего не стоит для турецкого правительства, для иттихадистов.

Наконец, совершив злодеяние на дороге, по которой проходил Олкени, когда-нибудь обвинить армян в том, что армяне, совершая такие преступления, хотят выставить перед иностранцами, иностранными корреспондентами Турцию ненадежной страной. И именно с этой целью в изданной турецким правительством в Полисе книге по самооправданию, в части, касающейся армянской депортации и резни, в разделе о Себасти, убийство мистера Голпурка также приписано армянам. К месту вспомнить турецкую пословицу: **«Разбойник Явуз подымает на виселицу хозяина то-вара» (т).**

²⁶ Эджнеби (еснеби) – чужеземец, чужак.

²⁴ Немного спустя после провозглашения турецкой «Конституции» некий сельский молодой писатель Карапет А. Парсамкан основал типографию и газету «Хогдар». После двух лет издательской работы типографию и газету он продал партии «Дашнакцутюн» (Г).

²⁵ Статьи Олкени об этой поездке были опубликованы в газете «Мшак» под заглавием «Исчезающая Армения». Олкени однажды ночью был приглашен также в школу Санасарян в Сурб Ншан (Г).

СВАЗ ГОЛ ОРТУ²⁷. – Военное ведомство Турции и реорганизация армии передаются Германии. Сваз также становится одной из ветвей армии. Вокруг города поспешно строятся основательные казармы. Идет посягательство на земли Сурб Ншана, начинают и там строить казармы. Народ находится в сильном волнении. Национальные власти обращаются с заявлениями протеста, сопротивляются. Муаммэр принимает то обманчиво-положительную, то неблагоприятную позицию. Мужественный председатель Городского совета Бениамин Топалян из села Зил и председатель Депутатского совета Воскан-Аслан в связи с захватом этих национальных земель неоднократно сталкиваются с Муаммэром, и с этого дня Муаммэыр думает о том, чтобы проучить их...

ЖЕЛЧЬ ЗАВИСТИ НЕКОЕГО НЕМЕЦКОГО ОФИЦЕРА. – Однажды какой-то немецкий офицер военных сил Себастии в турецком должностном кругу говорил о предпринимательском духе армян, их процветании, благосостоянии, умственном развитии и о незавидном во всех отношениях положении турок. И при этом удивлялся тому, как могли турки разрешить армянам так продвинуться. И, подливая масло в огонь, добавил, что даже в случае отстранения мужчин-армян, их жены своим искусством рукоделия, своей деловитостью смогли бы содержать и свою семью, и опять-таки превзойти турок.

В первые дни всеобщей войны и немецкие миссионеры Харберда предупреждали армян: **«Армяне, подумайте о том, какие темные политические тучи нависли над вами. И какие ужасные бури взорвутся над вашими головами... в то время, как вы с таким усердием и безумством бьете в барабаны Антанты...»**.

НЕМЦЫ ДАЮТ ТУРКАМ ДОМА С ПОМОЩЬЮ ВЫСЕЛЕНИЯ АРМЯН. – Незадолго до и после начала Балканской войны в армянской печати Константинополя Армянский Вопрос о землях принял очень острый характер. Армянский Вопрос волновал и рассматривался косвенным образом. В этом отношении весьма примечателен один из ответов турецких газет: как говорят – это был пробный шар для армян. В газете было сделано предложение: на собственно армянских землях (с резни 95-96-ых годов) обосновались курды, построили для себя дома, посадили деревья, обработали земли. Вместо того, чтобы выселять утвердившихся на этих

землях курдов, не лучше ли лишенным земель армянам дать обширные земли в Месопотамии, и пусть они там поселятся. «Нор Ашхар» («Новый мир») и «Бюзандион» поняли предательскую мысль этих слов и ответили: «Вместо того, чтобы переселять в Месопотамию настоящих хозяев этих земель, почему не переселить туда их захватчиков».

Говорят, что глаза турок открыли христиане. И эту мысль как урок просто преподан был им немцами. Каким образом это произошло? Немцы после строительства Багдадской железной дороги послали специалистов для выяснения экономического-промышленного состояния страны. Они видели и знали, что Месопотамия в самом деле весьма плодородная страна, но она от края и до края необитаема, там царит опустение, она является местом обитания лишь кочевых, разбойничьих варварских племен. Могла ли мышца жилистого бесштанника, сына пустыни агарянина, преступника курда, шакалонравного чеченца или ленивого, пресловутого турка поднять промышленность этих бескрайних земель.

Немцы увидели и поняли, что если в Турции есть народ, который экономически может развить, сделать Месопотамию процветающей, то это может быть лишь армянский народ¹. Они подали туркам мысль переселить армян в Месопотамию и одним камнем убить двух зайцев – экономически развить Месопотамию и навсегда освободить Турцию от кошмара **Армянского Вопроса**. Это было другим вариантом российского лозунга **«Армения без армян»**.

Таким образом, подстрекателем вражды к армянам¹¹ были немцы. И с этого дня глаза турок раскрылись: они, ожидая удобного момента, спланировали не только переселение армян, но и его уничтожение.

ЗЛОВЕЩИЕ ПРИЗНАКИ. – Турецкая коварная скрытность беспримерна. Скажем, он до минуты твоего убийства не покажет виду, маска турецкого ложного приличия никогда не спадает с его лица. Лишь человек хорошо знакомый с турецкой психологической утонченностью может, понять из случайно выроненного им слова, понять какое коварство заключено в нем.

Это было в дни мобилизации армян. Перед итарэ Меджлиса²⁸ производится уточнение возраста армянских юношей. Сначала святейший Тер

²⁷ Сваз Гол-Орту – воинское подразделение Связа.

²⁸ Итарэ (idare) меджлиса – ведомство духовной школы.

Торгом многих из них посчитал несовершеннолетними. Муфти²⁹ обеспокоился, а преосвященный обиделся на муфтия, встал на ноги, чтобы уйти. Из членов итарэ Шейх³⁰ – Ахмэт муфти, чтобы успокоить его, тихим голосом что-то пробурчал ему. Преподобный Торгом, хотя сидел с безразличным видом, но его ухо было новоострено в ту сторону. И он услышал несколько зловещих слов: «Вступят ли армяне в армию или нет, все равно, так или иначе их судьба решена...».

На преподобного Торгома, естественно, эти слова очень подействовали. Баш-кетип³¹ меджлиса Тейфик эфенди близко стоял к говорящим, и когда после преподобный Торгом спросил его, на что намекал шейх, Тейфик эфенди не смог скрыть, что слова не касаются армян, однако хоть и не передал слов шейха, но тем не менее сказал: «Ну ты знаешь о чем. Шейх не очень знающий человек, и его слова не имеют значения».

РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ БУМАГИ, СКРЕПЛЕННЫЕ ПЕЧАТЯМИ. – В городах и селах, исключив кзылбашей, курдов и других исповедующих ислам народностей, лишь чистокровным туркам роздали скрепленные печатями бумаги. Закончив раздачу, дали частным служащим, жандармам распечатать эти бумаги и дать на подпись мухтарам³², имамам.

В армянских кругах с большим волнением обсуждали этот вопрос. Газеты также сообщали об этом. Турки ответили, что это касается военных вопросов и причин для беспокойства нет.

ВТОРОЙ РАЗ РАССЫЛАЮТ СКРЕПЛЕННЫЕ ПЕЧАТЯМИ БУМАГИ. – Всем без исключения мухтарам населения и старейшинам сел стражайше запрещается вскрывать конверты до прихода официальных служащих.

В эти дни город без объявления, казалось, находится в какой-то осаде, желающим выехать за рубеж чинили большие препятствия и из портов людей не выпускали.

21-го июля 1914 года под звуки зурны-дхола были вскрыты и оглашены запечатанные конверты.

²⁹ Муфтий (müfti) – ученый-богослов, уполномоченный выносить фетву, окончательное решение суда.

³⁰ Шейх (араб. şeyh) – глава арабского племени. Здесь ученый богослов мусульманской религии, предводитель мечети.

³¹ Башкетип (başkâtip) – главный секретарь.

³² Мухтар (muhtar) – сельский староста.

«ПЭРЛИК» О ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ, ОБЩАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ, ДВИЖЕНИЕ ВОЙСКА – Хорошо не помню, этот черный день был, кажется, с воскресения в ночь на понедельник. К рассвету в начале каждой улицы, на всех проходах, в видных местах, на телеграфных столбах, на всех обычных местах, где развешивали объявления, всем в глаза бросились листовки об общей мобилизации с зелено-красными флажками, с рисунками пушки-меча-винтовки, с надписью:

«Каждый человек к оружию»...

Перед столь необычным, столь неожиданным положением, внезапной действительностью, все остолбенели и, смотря друг на друга, не знали – как оценить это объявление.

Ахсы-аскярство лихорадочно взялось за дело: народ толпами во главе с мухтарами направляется в Улу-Джами (Большую мечеть), в просторном дворе которого, внутри, снаружи стоит плотная людская масса записывающихся. Мечети, школы, большие дома армян постепенно занимают для превращения их в казармы, в больницы для солдат-новобранцев. Гаваг-Еазин, Пндзоракин дзор, Капутик, Чорахин-Матнер, Сурб Трич, горы Гардашлар – все они превращены в маневренные площадки. Новобранцы здесь с упорством, под палящими лучами солнца, в поту проходят учения.

Исламской прослойке специально было сказано, чтоб с объявлением маневров каждый, с пятидневным запасом еды отправился в означенную для него военную часть. Ежедневно с соседних областей прибывают в центр – Связ новобранцы, общая кипучка, людским потоком покрыты все рынки, проходы перед ведомством Ахсы-Аскэр³³.

ПОЛОЖЕНИЕ АРМЯН. – Армяне с 18-ти до 45 лет также подлежат мобилизации. Лавочник, купец, торговец, ремесленник, человек с образованием, учитель, служащий банка, предприниматель ковровой фабрики, государственный служащий – все без исключения забираются в армию и ведут тяжелую, неблагодарную, суровую жизнь, добавим к этому – в турецкой армии, в этой порочной державе взамен чего: каким удобствам, каким благам жизни, имущества, вместо какой безопасности?

³³ Ахсы-Аскер (ahseuasker) – Доблестное аскерство.

Во время маневров начальствующие военные с неким издевательством, презрением относятся к армянской прослойке, носящей галстук, не умеющей как следует одеваться, их больше мучают, доводят до изнеможения, заставляют бежать до предела, ползать по земле, вскакивать и в поте лица взбираться на холмы: «Вот вам за то, что (т) купечество, спокойно сидя в торговых домах, поджав ноги под себя, ловко обманывало наивных крестьян – турок. Ну, теперь посмотрим!» и пр.

Армянские духовные отцы относительно 25-45-летних армян обратились в соответствующие ведомства. Результат оказался таковым: христианам разрешается откупиться выкупом – пэтэлем³⁴. Каждый человек поскорее находит 44 золотых и отдает. Уплачивают огромную сумму. Говорили, что уплаченная армянами пэтэлем сумма ровнялась 12-ти битонам золотых монет³⁵.

Это было немного ранее названных военных маневров, когда наши полисские¹ газеты с золотыми мечтами, показывая на зеленые луга, во всю мощь били в барабаны и возвещали «О возвращении в Страну». Довольно большое число юношей себастийцев вернулись и погрязли в этом безысходном болоте.

О глупостях, легковереи, недалёковидности армянских газет не стоит говорить..!

ТЭКЭЛЛИФ ГАРПИЙЭ³⁶, ЗАХВАТЫ ДЛЯ ВОЕННЫХ НУЖД. – О Сэфэре – военном положении издательство «Пэрлика» полуофициально заявляет, что каждый человек, будучи уже воином, его имущество, достояние, товары также будут поставлены на службу военных властей для необъятных военных нужд. Создается комиссия по захвату объектов на военные нужды. Знакомятся с армянскими торговыми домами, ремесленными мастерскими, магазинами, продуктовыми закромами, амбарами. Захватывают все, имущество, каким бы оно ни было, все, что видит их глаз, вплоть до шелковых платков, детских игрушек, кубков и чашек для водки и кофе, все, все. Захваченные товары грузят в обозы и перевозят на военные склады. Я собственными глазами видел, как они забрали у сапожника, сидящего за углом, кусок кожи. Вместо захваченных товаров

³⁴ Петель – возмещение, уплата взамен службы.

³⁵ Битон – на западно-армянском языке «qshqʰ r̥ʰr̥ɛɫ» – мера веса – жестяная посуда – битон, тара равная 18-ти литрам.

³⁶ Тэкэллиф гарпийе (tekliḡ налог, haḡr- война) – Ведомство налога для нужд войны.

они выдают клочек бумаги, с написанными на нем несколькими цифрами, как расписку, чтобы когда-нибудь рассчитаться /???/.

Армяне стали прятать товары, перевозить в дома. Кругом рыскали соглятаи. Припрятанные товары полностью без всяких векселей захватывают, и еще штрафуют, арестовывают хозяина товаров, обыскивают дома купцов.

У турецких купцов забирают очень незначительные вещи, и то для демонстрации и с условием, что завтра возвратят. А иногда прямо заявляют, что турки только открыли дело и у них нечего брать. Они начинающие....

Забирали у мясников отары овец, стада, предназначенные для копчения мяса, у купцов забирали меха стоимостью в десять, двадцать, сотни тысяч золотых.

Захватывали у армянских кучеров, извозчиков все фаэтоны, лошадей со всем снаряжением. Бргникцы, даврийцы, горагцы имели большие караваны перевозочных средств, в которые были впряжены по четыре лошади и которые регулярно вывозили и ввозили товары из Самсуна в Себастию. Каждая лошадь была похожа на волшебную, на дракона. Правительство их также вызвало и приказало придти и сдать все караваны. Люди сдали часть лошадей, а остальных отвезли и спрятали в горах. Жандармы отправились на поиски, избili хозяев, пытали и узнали места. Однажды к вечеру на рынке было очень оживленно, народ спускался к рынку. Это провозили на рынок табуны лошадей. Руки хозяев были связаны, и они проливали потоки слез. Жандармы спереди, сзади, по бокам табуна с гордым видом, с выпяченной вперед грудью восседали на лошадях, как-будто вели добычу, отнятую у потерпевшего поражение вражеского войска.

Захватили телеги с быками, в качестве извозчиков взяв с собой также старика, старушку, девушку-невесту или ребенка, так как мужчины были мобилизованы. Не остались в стороне и ослы. Покорные и терпеливые животные, из них были составлены эшек-алайины – батальоны ослов.

Они захватили также заготовленный для строительства нового здания школы Санасарян лесоматериалы, стоимостью в 1 000 золотых, и отдали на строительства военных помещений.

ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА.– Если память мне не изменяет, это было в августе 1914 года, должно быть 14-го числа, когда произошло полное солнечное затмение. Светящейся осталось едва четверть диска. С начала до конца затмение длилось 3 часа. Мрак окутал землю. Птицы умолкли.

Люди с задымленными стеклами смотрели на солнце. Известно, что в наших краях затмения луны, солнца считались предвестниками беды. Я в своих филологических исследованиях довольно хорошо ознакомился с теоретическими взглядами наших предков: с Арифметикой Ширакаци¹, с математическими сочинениями, с Календарным учением. Что хотят пусть говорят те, кто считает это пустыми бреднями. Об этом солнечном затмении я сделал много разысканий и очень интересовался им. В частности, в книгах по Календарю, в этот и последующие годы имевшие место кровавые войны и события повторялись. Но намного определеннее было сказано о том, что должно было случиться на востоке, в частности в Армении: «Разрушение Армении, захват иноземцы армянских городов, где прозвучит голос ужаса», слова, которые касаются депортации. Разрушение России, сопутствуемое войной, возникновение больших смут, распад страны на части, бегство другого императора в чужую страну (конечно, родственник императора), страх в Персии и Хорасане. Наконец, все предказанное по порядку...

Об уничтожении капиталистов сообщает «Милли Ажанс» под заголовком «Бэюк мюжтэ» («Большая радостная новость»). Каждый раз, когда у Европы возникали проблемы с Турцией, когда поднимали Восточный вопрос, турецкая дипломатия бросала ей в рот кость. Вот как рождались капиталисты. Турция была в своем роде женой Европы. Она объявляла о своем разводе. Она была для нее дойной коровой, и сейчас, как взбесившаяся корова, ударила копытами и разлила молоко. Большое ликование, выступления, торжества, листовки. Иттихадисты еще раз захотели выслужаться перед турецким народом своим ишкюзарством³⁷. Но турецкий народ, который верил в то, что их держава управляется семьей Демонами, посылает русскому царю корону. Что представляли собой капиталисты и какую пользу извлекла Турция от их уничтожения, и от чего она освободилась? Непонятно. Армянам, конечно, нечему было радоваться, так как мы понимали, что этим будут задеты и наши какие-то национально-политические интересы, Армянский вопрос смывался теми же черными водами. Муаммэр замечает, что армяне не воодушевлены, просит армянских купцов и партийцев обратить внимание на это, ибо как торговый народ, говорит он им, больше всего пользы от уничтожения капитали-

стов должны иметь вы, так почему вы так безразличны и холодны к этому?

ГОЛ ОРТУ ПЕРЕВОДИТСЯ ПОД КИРАСОН. – Турция начинает кипеть: ищет повода для участия в общей войне. Она, подозревая, что Россия, чтобы захватить ответвление себастийской армии, может напасть на Турцию по Черному морю, перевела эту ветвь под Кирасон. Но, видя, что Россия сосредоточилась вовсе не в этих местах, изменила свое решение и перебросила ветвь армии в Эрзерум, на Кавказский фронт. Около 15-ти докторов присоединяются к Войсковой части. Многие из них умерли в Эрзеруме от тифа, среди них был Левон Сюни, сын доктора Гарегина Сюни.

РОССИЯ БЫЛА ПОСТОЯННЫМ КОШМАРОМ ДЛЯ ТУРЦИИ. – С самого начала Войсковая часть была готова к перемещению: турки, армяне, смешанная масса обоего пола пришла и заполнила дорогу Эрзерума за городом, обширное поле выше турецкого квартала Гылгавуз, чтобы пожелать счастливого пути своим родным. Пришли уходящие солдаты, им дали время на прощание. Каждый воин, прощался, окруженный родными. Прозвучал прощальный горн. Последние объятия и поцелуи. Воины отправляются в путь. Турецкие женщины с громким плачем говорили: «Сыночек мой, дитя мое, эта дорога не имеет возврата, она ничего хорошего не сулит. Ушедший по этой дороге, не возвратится. Сыночек мой, сыночек мой!» (т).

Да, турецкие женщины имеют полное право, и не впервые они узнают эту дорогу к Эрзеруму – Карсу – Кавказу, на русский фронт. Сегодня провожавший его отец, дед, наконец, кто-то из членов семьи ушел по этой дороге и больше не вернулся, черные вороны принесли о них дурную весть – огромные пушки русских, мечи изрубили, убили их, и эти женщины убеждены, что сегодня ушедшие по этой дороге, удостоятся участия первых. И на самом деле весть не запоздала. Через несколько месяцев получили известие о полном уничтожении этой Войсковой части в сражении при Араксе.

Во время русско-турецкой войны 77-го года я был мальчиком, уже довольно многое понимавшим. Из Сваского вилайета и внутренних областей всей Анатолии через Сваз в сторону Карса-Кавказа проходили воины, цветущие силы турецкой армии. Ежедневно по этой дороге проходили огромные потоки. Что это за сила была! Война окончилась. И из ста ушед-

³⁷ Ишкюзарство – предприимчивость.

ших на войну даже один не возвратился, а возвратившийся был инвалидом: хромым, слепым, скелетом, призраком.

Помимо регулярных войск были созданы огромные добровольческие отряды. Прежние янычеры³⁸ перед ними меркнут. Себастиийские добровольческие отряды возглавил **оставшийся от янычеров (т)** бешеный турок по имени Чанагджр-задэ аға³⁹ Омар, армяноненавистник и злостный враг армян. «Русского я должен уничтожить таким образом, такую победу одержу над ними, сотнями возьму в плен грузинских девушек. Когда вернусь с победой, заставлю Армянского Предводителя /Его преосвященства Петроса/ поцеловать стремя моего коня». Сказав это, он отбыл. Это был день их отбытия: аға Эомэр с распростертым перед отрядом добровольцев золоченным флагом выходил из большого правительственного двора, вместе с наместником пашой Хадж Изгэтом, Гатыи, Мюттыем. Сопровождаемый добрыми пожеланиями, молитвами плотного скопления турок, аға Эомэр настолько был воодушевлен, что при выходе из правительственных дверей, флаг ударился о верхний стояк двери, древко сломалось. Со всех сторон слышались голоса: **«Дай Боже, это к добру, к добру» (т)**. Словом, они помрачнели и ушли. Русские намного безжалостнее обошлись с этими добровольцами – их поразил тяжелый и ужасный меч. Эомэр паша спасся из этого побоища, он со своим товарищем на конях бежали. Но седло Эомэра паши сошло с места, и чем он сильнее подстегивал коня, тем чаще сбруя ударялось о его спину. Эомэр паша, думая, что его настигли русские казаки, бьют его, стал умолять: **«О Боже, аға казак, целую твои руки-ноги, не убивай меня» (т)**. Скачущий за ним спутник, поняв его тяжелое положение, панику, в ту же минуту, чтобы унять его тревогу, смятение, сказал ему: **«Аға Эомэр, это не казак, это сбруя-гусгун лошади, не бойся» (т)**. Аға Эомэр, настолько был охвачен ужасом, что не понял сказанного спутником, думая, что «гусгун» имя врага, на этот раз начал говорить: **«О Боже, аға Сгусгун, целую твои ноги» (т)**.

Другая притча. Мне ее рассказал турок-беженец. В Карсе у армян была древняя церковь /несомненно речь шла о церкви, построенной царем Абасом Багратуни¹, турки ее превратили в джамии. Когда русские овладели Карсом, вновь сделали ее церковью. Во дворе церкви были куры и среди

них один петух. У петуха была привычка, каждый раз, когда в церкви шла служба, петух поднимался на большой хачкар посередине двора, кукарекал, а потом гадил и спускался. Сторож много раз его ругал, гнал наглого петуха, и однажды, когда прибыла черная карета, петуха посадили в него и сослали в Сибирь. Увидев это, один турок обратился к другому, хуля и осмеивая русского за такой крайний фанатизм в вере, проявившейся даже по отношению к петуху. Другой турок, более знающий и многое повидавший в жизни, сказал: «Этим он хотел наказать не петуха, а донести до нас, турок, что, если он такую непримиримость проявил по отношению к петуху, неосознанно выказавшему неуважение к кресту, то насколько безжалостнее он поступит с турком, если такое неуважение будет проявлено им».

Какова мораль нашего рассказа? Я должен сказать, что турок не только не цивилизованный человек, но и совершенно не восприимчив к цивилизации и является его заклятым врагом, разрушающим, опустошающим и уничтожающим.

Он пять-шесть веков сидит на сердце страны, бывшей в прошлом колыбелью цивилизации. Огнем и мечом, уничтожая христианское население, он дошел до врат Вены, копытами своих коней попрал также Европу, ужаснув ее своим нашествием. Начался период упадка Турции и наступила золотая пора, когда Европа могла уже убрать разложившийся труп. Но Турция, подобно развратной женщине, обивала пороги европейских дворцов, как собака, как кошка ластилась к их ногам. Только Русское государство поняло и узнало, кем на самом деле является турок и решило убрать этот гниющий труп с удушающим запахом с центра. Великий Петр¹, для турок Тэли-Петрон, дал сигнал и нанес первый удар. Его последователи, верные его завещанию, продолжили его благородное и человеколюбивое дело – дело освобождения христианских народов Турции.

Человеколюбивый христианин царь Александр I¹ кровью своих избранных сотен тысяч сыновей исполнил этот великий наказ своих великих предшественников. И уже Турция полностью должна была быть низведена на нет, когда Европа вновь стала блудодействовать, виляя хвостом перед Турцией, и оставила ее омерзительный труп посреди. После этого была пролита кровь миллионов христиан...

Турция поняла психологию Европы: Европа для нее является тэллаком-банщиком, а она хозяином бани...

³⁸ Янычер (yeniceri) – османский воин, имеющий христианское происхождение.

³⁹ Аға (ağa) – господин, хозяин. Титул именитых граждан.

То, что Турцию и турок пугало и страшило – это была Россия. Ее тяжелый разящий меч, ее удар в сердце Турции, очень глубоко подействовал на нее. Только и только меч России положил предел ее звериным прирожденным инстинктам... и заставил промолвить «О ага Сбруя»...

Сегодня Россия пала. Турция поднялась на осуществление своей мечты – пантуркизма, панисламизма.

Европе и Христианскому миру угрожает не желтая и не красная опасность, а **Зеленая опасность – Пантуранская и панисламистская опасность**, которая нависла над ее головой как Дамоклов меч.

СМУТЫ. – Я хотя и был юношей, но знал с каким воодушевлением турецкий народ участвовал в русско-турецкой войне. В настоящей мобилизации, казалось, есть какая-то искусственность. На лице турецкого народа можно было определенно прочесть некое недовольство. Как-будто он чувствовал, что это будет настоящей катастрофой для Турции. И все ждали скорейшей демобилизации Турции.

Военный марш для такой земледельческой страны как Турция происходил в самую важную для нее пору, когда трудовые руки были взяты и урожай остался необраным. Турецкое правительство это, конечно, почувствовало и части мобилизованным было разрешено идти и убрать урожай, и затем после жатвы вернуться назад. Народ решил, что объявили демобилизацию и на рынке вдруг возникло радостное настроение, ликование народа.

Муаммэр, который постоянно с подозрением относился к армянскому народу, авторами этих неверных сведений счел армян и, в частности, армянские партии, и предостерег их руководителей, угрожая в противном случае несколько человек повесить. Хотя они и отвергли обвинения в их адрес и выявили настоящие причины этих смут, тем не менее нескольких армян как подстрекателей арестовали и подвергли тяжелым наказаниям. В Книге, посвященной самооправданию турок, в части, касающейся Себасти, также имеются намеки на армян, которые якобы подняли смуты среди турецких солдат. Об этом они говорили для оправдания собственной трусости.

ТУРЦИЯ УЧАСТВУЕТ В ОБЩЕЙ ВОЙНЕ. – Национальные агентства засуетились: бедная Турция, сидит себе спокойно на месте, а на нее нападают, захватывают ее пределы... Начинается общая суматоха. Еще с большей энергией проводятся маневры. Немного погода объявляется

Джихад – священная война против христиан. Еще раз пробуждается турецкий фанатизм. Публичные религиозные ритуалы, демонстрации, враждебные заявления... в адрес армян. Исламские духовные союзы проявляют активное участие. Они со своими шейхами, шхуками⁴⁰ также мобилизуются. Всякий раз по прибытии из близлежащих городов этих мобилизованных со своими разноцветными знаменами и полотенцами, их выходят встречать исламские духовные объединения Себасти.

Так или иначе все это носило искусственный характер и объявление турками Джихада было следствием последних потуг их панисламистских устремлений. Все это не дало ожидаемых результатов прежних времен, угрожавших христианскому миру, чем так была обольщена Германия.

ОТЪЕЗД ИНОСТРАНЦЕВ. – Вступление Турции в общую войну вынудило подданных вражеской страны – французских иезуитских отцов и других духовных лиц покинуть Турцию. Эти церковные объединения с 80-ых годов обосновались в Себасти. Оставив в стороне религиозную сторону дела, в образовании армянских детей они также сыграли немалую роль, в частности, в распространении французского языка. Иезуиты были в тесных дружеских отношениях с армянами и армянскими национальными ведомствами, особенно в последнее время. С любовью относились и следили за армянскими национальными и политическими движениями и им на службу ставили свое моральное содействие.

Это обстоятельство также не ускользнуло из поля зрения Муаммэра и мыслящих подобным же образом новоиспеченных турок. Армянский ребенок, учась у французских отцов, в совершенстве овладевал французским языком, в американских школах – английским, армянскому языку и в какой-то мере тем же иностранным языкам – в армянских школах. Между тем как турецкие дети, кончая государственные высшие учебные заведения, не могли толком связать два предложения на французском языке. Поэтому туркам использование армянами иностранных языков давно кололо глаза. Отбытие французского духовенства вызвало большую радость в турецких кругах. Они все свое имущество – продовольствие, дрова, вино, мебель – выставили на продажу. Покупателями были армяне. Полицейские отметили покупателей. И Комиссия по изъятию для военных нужд имущества отобрала у армян купленные ими товары.

⁴⁰ Шхук – то же, что шейх (см. Малх, т. 3, с. 520).

Все помещение французского духовенства – жилые дома, церковь, школа были правительством отобраны и превращены в больницы, мечети. С колокольни был снят крест и вместо него с большими торжествами водружен полумесяц, должны были прочесть езан⁴¹. Право на первое прочтение ставится на аукцион. Молла, прочитавший первый езан, дарит турецкой больнице большую сумму. Вся церковная утварь, сосуды, картины, статуи разбиваются, выносятся на улицу и бросаются в мусорные урны. Армяне смотрят на все это с тяжелым сердцем. Отцы, учителя продолжают занятия своей школы под покровительством армянской католической церкви в арендованных домах.

Французское вице-консульство давно было учреждено в Себастии. Консул отсутствовал. Переводчиком был уроженец Себастии Манук Ансурян. Он вел все дела. Муаммэр потребовал у него официальные бумаги консульства. Ансурян колебался, не хотел отдавать. Тогда Муаммэр пригрозил ему: «Хочешь, чтоб я послал тебя к твоему приятелю Паруйру?»⁴². Ансурян молча повиновался и все сдал.

«С МАЛЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ НЕЛЬЗЯ ДОБИТЬСЯ МНОГОГО»¹. – Одна из причин неблагополучия Турции в отсутствии легких и быстрых средств сообщения. Оставим в стороне вопрос строительства железной дороги. Народ с 80-ых годов платит налог для строительства шоссе, помимо этого сам участвует в строительстве. Но тем не менее простые дороги по всей стране находятся в плачевном состоянии. Военное шоссе Сваз-Эрзерум разрушено, развалено. Стоит острейшая необходимость его строительства и восстановления для перевозки военных грузов. Изъяты у армян лошади и волы, ослы и другие вьючные животные сдохли от голода. Как-то я отправился в Гаваз-Язин на прогулку. Эти животные были на воле. Подверженные дневной жаре и ночному холоду, они без пищи истощали, покрылись паршой, превратились в скелеты, грызут друг друга, едят свои испражнения. Бедные животные, они тоскуют по своим яслям.

Ведется пропаганда о перевозе имущества для военных нужд. Каждый человек обязан по шесть часов на спине переносить грузы. Чтобы подать

пример другим Муаммэр, правительственные служащие, ходжи⁴³, моллы-служки участвуют в этом... несут мешками два оха⁴⁴ пшеницы или зерна из города... до окраины. Действенным результатом этих лживых мероприятий стало то, что на армянах легла также тяжесть перевозок. Смотри:

ПОЖЕРТВОВАНИЯ АРМЯН. – Прежде чем перейти к этому, заметим, что, когда у армянских кучеров, извозчиков захватили лошадей, повозки, у селян – телеги с волами, люди предложили, чтобы их забрали как кучеров и извозчиков-воинов с их повозками и телегами для осуществления перевозок. Но столько устных и деловых предложений было отвергнуто. И как уже было сказано, как животные, и подводы, и телеги были уничтожены.

Уже патриарший кондак призывал армянский народ к участию в сборе необходимого для войны. Как повсюду, себастийские армяне также делали огромные пожертвования. Чтобы оплатить с перевозки, один дом платил от одной четверти до одной золотой монеты. Армянские женщины сутками напролет готовили сухари /турецкие женщины не были искусны в выпечении хлебных изделий/, вязали шерстяные носки, шили и доставляли белье.

Национальная больница предоставила 150 коек для турецких солдат, тратя на это в месяц 300 золотых. Для турецких больниц из домов собирали постели, одеяла, покрывала и пр. Чтобы наполнить Суецкий канал мешками песка (три благословенных, три (т)), каждый дом дает по два тэлиса-мешка. Армянский Красный Крест выдает больницам и воинам белье, одежду. Невозможно сосчитать всего. Пожертвования армянских сел были еще весомее. Помимо того, что они давали в большом количестве овес, блгур⁴⁵, топленое масло, баранина, яйца, сыр и другие продукты, деревни, находившиеся на дороге Сваз-Эрзерум, ежедневно должны были отрядами доставлять проходившим солдатам еду, продукты на дорогу, до тех пор, пока их Ширакские амбары¹ не пустели. По второму разу в армянских селах захватили телеги с волами и в качестве извозчиков – женщин, невест, девушек, детей. И несмотря на это, женщин заставляли на спинах по шесть часов перетаскивать грузы.

⁴³ Ходжа (hoca) – купец, именитый человек.

⁴⁴ Оха – мера веса, равная 1 кг. 200 гр.

⁴⁵ Блгур – вареная (или без варки) измельченная пшеница, которую сушат и используют для приготовления обеда – плова из блгура.

⁴¹ Езан или эзан (ezân) – призыв к молитве, совершаемый муэдзином.

⁴² Паруйр Погосян себастиец, правительственный казначей, по заговору нескольких турецких чиновников 9-го мая 1911-го года был задушен и брошен в реку Галис (Г).

Развлечения. – Не было недостатка в развлечениях. Еще раз с военной музыкой пошли встречать прибывающих. Всякий человек из любопытства присоединялся к встречающим, чтобы увидеть, кто прибывает. Мы тоже пошли. Из пришедших увидели 15-20 мальчиков турецкой школы Гочасара в одежде исчи-алайев, на спине по одному кюфэ-корзиночке, внутри 8-10 яиц, оказывается они для больницы Красного Креста привезли яички... Стоящий рядом со мной турок говорит мне: «Учитель, почему вы во главе своих учеников ничего такого не делаете, принесли бы по мешочку блгура». Посмотрел я на него, излишне ему говорить о том, что мы принимаем более действенное участие во всем этом, чем ваши демонстрации.

ЭПИДЕМИИ СРЕДИ СОЛДАТ. – Из-за плохого снабжения со стороны военного ведомства и невыносимых условий военной жизни среди солдат распространились дизентерия, тиф, отвратительная вшивость, чесотка, приносящие большой вред. Везде больницы-бойни, на каменных плитах больные, агония, мертвые солдаты. В мертвецких больниц большие скопища трупов. Погребальщики не успевают хоронить покойников, хотя день и ночь переносят трупы, иногда путая живых с мертвыми. По одному списку портных в одной ремесленной мастерской было сшито 25000 саванов, не считая похороненных без саванов.

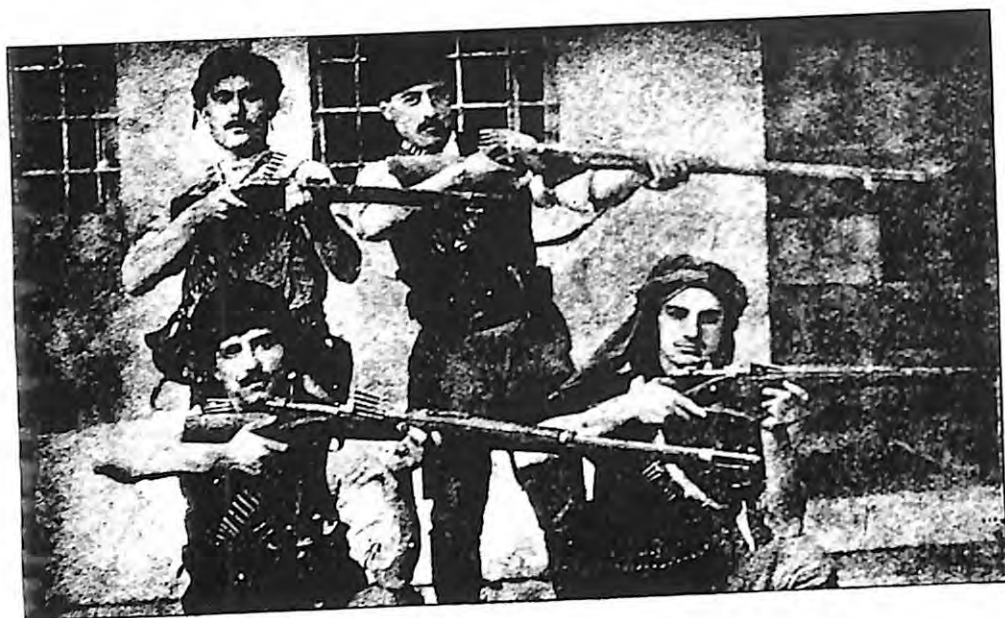
Не успевали выкапывать отдельные ямы, открывали просторные рвы и набрасывали трупы друг на друга. Надо было видеть, как солдаты группами сидели и очищались от вшей, смотрели, но это был напрасный труд, вошь, гниду надо было скрести ножом. Вокруг казармы была страшная грязь и стояла ужасная вонь.

СМЕЯТЬСЯ ИЛИ СОБОЛЕЗНОВАТЬ. – По статистике одной из турецких больниц туда поступило 400 человек, вынесли 401 мертвеца. Очень удивляются, кто же это был? Найти его – это тоже дело. Даже кузнечиков не осталось. Между тем из статистики Национальной больницы выясняется, что из ста солдат умерло лишь 10-15 человек. Излечившиеся солдаты – с тысячью благодарностей покидали больницы.

АМЕРИКАНСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ. – Американский миссионер доктор Кларк свою больницу предоставил турецким солдатам. От имени Американского Красного Креста доктор Кларк, миссионерка мисс Мэйри Грэфым, начальница швейцарского сиротского дома мисс Сэйкер, американка и жена Левона Сюни, фармацевт Арташес Айвазян отправляются в

Миссионерка мисс Мейри Грэфым

Выжившие в депортации себастийцы на барикадах Айнтапа:
1. Паргев Чугасян (сын Мартироса Чугасяна), 2. Арменак Одабашян-Взвзени,
3. Саргис Гапатарян, 4. Левон Коркотян

Семья Габикяна (16 ноября 1922, Иерусалим)

Эрзерум. Несколько месяцев остаются там и видят, что эпидемия не кончается и войны не видно конца. Для них особенно невыносимы были беспорядок и неорганизованность турецкой армии и они решают возвратиться. По дороге в Ерзынка скончалась мисс Сэйкер. Жена доктора Левона подоспела в тот момент, когда ее муж в углу одного хлева в Тортуме на свалке во вшах испускал дух к великому горю почтенных родителей и всех соотечественников.

АМЭЛЭ-ТАПУРИНЫ⁴⁶. – Постепенно в отношении армянских солдат, вопреки их преданности, начинаются известные преследования, недоверие. У них отбирают оружие, предоставляют места амэлэ безработным рабочим мензиля⁴⁷.

Несмотря на плохую погоду и сильные холода, их посылают на строительство шоссейных дорог, казарм и других зданий и приставляют к делу перевозок грузов. Но армянских солдат больше всего использовали на самых тяжелых и беспримерно изнурительных работах, которые были рассчитаны на их уничтожение.

Для строительства дороги от правительственного дома до Каре-камурджа (Каменного моста) выделили 500 армянских солдат. Строительство этого маленького отрезка пути длилось пять-шесть-десять месяцев. Наверно строили 15-20 раз, но им говорили, что это не годится, приказывали разрушить и вновь построить. И так много раз – дорога была разрушенной и продвижение по ней было трудным. Но целью турок были не строительные работы, надо было уничтожить армянского солдата. И на самом деле погибло очень много солдат.

Себастья в действительности являлась каменным городом. Поручив военное строительство армянским воинам, армяне превратили военные-ремесленные мастерские в огромные европейские заводы, где созидательная рука армянского воина полностью удовлетворяла многообразные военные нужды турок.

Питьевую воду для города нужно было подвести трубами из местности Майрагоми Кемер, находящейся в двух часах ходьбы, и она по новому водосбору должна была распределяться по всем сторонам. Десять лет тому назад привезенные трубы валялись здесь и там. В этот период армянские солдаты осуществили и это колоссальное дело, и вода была подведена в

⁴⁶ Амэлэ-тапурины – рабочие отряды, составленные из христиан.

⁴⁷ Мензил (menzil) – станция, стоянка, привал.

город. Таким же образом трудами армянских воинов была подведена вода Мехрума-Ова к Гаваз-Ягину и там распределена по казармам. Построенные армянскими воинами казармы вокруг города и Гаваз-Ягина и другие огромные здания уподобляются городским постройкам.

И вознаграждением за все эти труды была резня 2 500 достойнейших молодых людей, о чем будет сказано позже.

3

ВАРДАПЕТ⁴⁸ ТЕР СААК ОДАБАШЯН НА ПУТИ ИСПОЛНЕНИЯ СВОИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ. – В такое тревожное время две епархии – Себастии и Ерзынки остались без предводителя.

Епископ Тер Гнел Галэмкерян, пастырь Румынии, был назначен местоблюстителем предводителя Себастии. Патриаршество Ерзынки по этому вопросу много раз обращалось в разные места, но безрезультатно. Предводитель Прусы Тер Саак изъявил готовность, покинул свою спокойную епархию и поехал в Полис.

Патриаршество согласилось.

Оба церковнослужителя пустились в дорогу. С каждой стоянки получали и отправляли сведения об их передвижении, о том, что «два церковнослужителя пришли» (т), или – «ушли» (т).

Так они доехали до Себастии.

По обычаю епископ Тер Гнел, прежде чем остановиться в епископской резиденции, посетил наместника и предъявил ему официальные документы. Вардапет тер Саак, не представившись сперва национальным властям, карету прямо направил в дом своих родителей, минуя наместника и епископосат. Это обстоятельство было замечено. В тот же день и в последующие дни он принял своих соотечественников, многих приятелей единомышленников, которые явились приветствовать его. Даже ночью сыщики шныряли вокруг дома, на дорогах, хотя никто не подозревал об этом.

Вардапет Тер Саак в это время готовится в путь, ищет карету, не находит и нанимает лошадь. Он один раз навещает Муаммэра. Муаммэр пред-

лагает ему сопровождающего полицейского. Тер Саак отказывается. Муаммэр и на это обращает внимание. Вардапет Тер Саак прежде, чем отправиться в путь, посылает телеграмму вардапету Вагинаку, предводителю Гарахисара о том, что с Сисского монастыря он спустится в Энтирэс, чтобы по дороге увидится с ним.

Эта телеграмма усугубила подозрения Муаммэра. Он решил, что встреча преследует политические цели. Мы уже говорили, что вардапет Тер Саак своей неблагоразумностью, бурным характером, своим презрением к какой-то опасности вызывал к себе подозрение. Причиной встречи с вардапетом Вагинаком было следующее. Мимоходом расскажем об этом:

Из Энтирэса, Бурга и других окрестных деревень в Прусе находилось много странников. Они Тер Сааку дали деньги для передачи своим семьям. И так как он спешил часом раньше дойти до своего служебного места, а раздача денег по дороге могла бы у него занять много времени, поэтому он нашел удобным вручить их вардапету с тем, чтобы тот передал хозяевам. Вот причина телеграммы вардапету Вагинаку.

Говорилось о том, что вали⁴⁹ написал Министерству внутренних дел на вардапета Тер Саака очень плохую характеристику. Помимо особого фермана⁵⁰ о предводительстве зверь Талаат¹ снабдил Саака вардапета внушительными бумагами, но у него за пазухой уже было решение о смертном приговоре. С самого начала Муаммэр и военные власти Себастии очень сильно подозревали, что армянство Себастии на большом пространстве готовит восстание, чтобы с тыла нанести удар по турецкой армии. Они даже подсчитали, что армяне могут собрать войско в 30 000. И решили, что назначение вардапета Тер Саака на должность предводителя Ерзынки связано с этим. Поэтому было решено убить вардапета Тер Саака, подвергнуть его террору. И это могло произойти только в Себастии. Только Муаммэр мог это осуществить.

Прежде, чем пуститься в дорогу, террористы были определены и готовились. Муаммэр из тюрьмы ночью вызволяет известного преступника Махира, сына Нури эфенди из Зары и говорит ему: «Ты помилован, отныне ты свободен. Ты вместе с другими товарищами должны пойти и в

⁴⁸ Вардапет (арм) – ученый-монах.

⁴⁹ Вали (vali) – губернатор провинции, вилайета.

⁵⁰ Ферман (ferman) – указ.

удобном месте убить вардапета». Его спутниками становятся Гусейн, сын известного мерзавца Кютюка, а также Халил бей, черкес Джелал и другие.

Вардапет по дороге останавливается в деревне Тодорак, в имении Барсега Дарбиняна, гичакского героя. И на это обращают внимание. Вардапет, дойдя до Зары, останавливается в доме Арапчянов. Позже эту семью также сильно преследовали и Арапчяна Аветиса в тюрьме избив убили. Четов¹ ввели и в Зару. Вардапет также там хотел нанять карету. Является кучер по имени Уэни-Ханци Хент Тигран, но сын Кютюка, будучи его родственником косвенным путем его отговаривает. И вардапет нанимает уроженца Зары кучера по имени Аракел Асланян.

Из числа известных преступников Зары Юз-Паши Оглу Али эфенди также примыкает к четам.

19-го декабря 1914-го года у армянского селения Агванис Гарахисара, в месте именуемом Чопан Тэkkэси, в засаде ждали четы. Как только появилась карета, ее встретили залпы винтовок. Тер Саак вардапет и кучер Аракел замертво упали под дождем пуль.

Каймакам Энтирэса, как человек якобы не знавший о заговоре, как о несчастном случае по долгу службы телеграммой уведомил наместника о том, что недалеко от Чоган-Тэkkэси найден убитым некто священник или вардапет. Второй телеграммой позже сообщил, что из документов, найденных у убитого, выяснилось, что это Тер Саак вардапет Одабашян, ехавший из Ерзынки в качестве местоблюстителя.

Черная весть со скоростью молнии распространилась среди народа. Один из достойнейших сыновей Себастии, виднейший церковнослужитель на пути исполнения своих служебных обязанностей подвергся такому открытому политическому злодейскому террору и стал жертвой турецкого террора. Себастиийские армяне были в глубоком трауре и страхе. Это было после всеобщего военного демарша, **началом и сигналом турецкой политики уничтожения армян.**

Епископ Гарахисара вардапет Вагинак также телеграммой известил Национальное архиерейство о великом злодействе, а Предводительство в свою очередь сообщило в Полис, в Национальное Патриаршество. Армянские газеты едва успели сообщить об этом страшном событии, как было запрещено упоминать об этом.

В следующее воскресение Кафедральная церковь Себастии отслужила заупокойную панихиду в молчаливой, перемежающейся рыданиями на-

рода, траурной церемонии. В этом церковном церемониале не было даже открыто упомянуто имя великого мученика. Столь явным было дело рук турецкого правительства – заговорщическое злодейское убийство, что ни убитые горем родители, ни брат не посмели требовать расследования и найти убийц.

Долго можно говорить о биографических характеристиках оплакиваемого вардапета. Уроженец Себастии, из армашской¹ когорты интеллигентов, начальное образование он получил в родной Национальной школе, по окончании которой служил в Сурб Ншане как младший предводитель при епископе Петросе. Армашский период завершил получением вардапетского звания. Впервые прибыл в родные края, служить в Себастии, где около двух лет был местоблюстителем предводителя и директором Национальной школы, одновременно с этим – учителем по важным предметам – армянскому языку, истории армянской литературы, религии. Благодаря его бурной деятельности Себастиа преисполнилась энтузиазма. Еще при старом режиме удалось от наместника Тэли Решит Акифа паши получить разрешение на открытие Национальных Воскресных слушаний и организации Союза Товарищества. Он реализовал также ведомство Ахкатахнам (Организация помощи нуждающимся). Будучи сыном народа, им воспитанным, он пренебрежительно относился к власти имущим. Его преосвященство Тер Петрос был человеком консервативным и не мог смириться с самоуверенным характером вардапета Тер Саака. Оставив Себастию, Тер Саак становится предводителем Амасии-Марзвана, Самсона, Прусы. С революционным складом характера он постепенно приобретает имя мужественного, умелого, деятельного, исполненного знаний церковнослужителя. Своим бескорыстием и благородством он пользовался большой популярностью.

Последний раз я виделся с ним как со старым другом. Еще молодой, лет 38-ми, с иссиня-черными волосами и роскошной бородой, он мне показался новым Нерсесом², самоотверженным, самоуверенным, который дерзал, устремлялся как буря навстречу болезням мира, в страну зулума³, но который, увы, так рано стал жертвой турецкого дьявольского заговора.

⁵¹ Зулум (zulum) – насилие, деспотия, иго. В Османской Турции так называется в литературе деспотическое правление Абдула Гамида II (1878-1909), а Османская Турция – страной Зулума – См. АРЭ, т 3., с.715.

О ВОПРОСЕ ОТРАВЛЕНИЯ ТУРЕЦКИХ СОЛДАТ. «Мало было укуса змеи, прибавилась к нему чесотка», «К скорби прибавилась скорбь» – говорит армянская пословица. В то время как себастьианские армяне были подавлены и находились в глубоком трауре и страхе по поводу неожиданной смерти вардапета Тер Саака, Муаммэр замышляет другую дьвольскую западню. Через несколько месяцев после убийства вардапета Тер Саака с 23-го в ночь на 24-е декабря в одной из казарм Гаваз-Язли у турок солдат появились признаки рвоты. Охранники побежали в город, стали стучать в случайные двери, говоря: «скорее, мацун⁵², тан⁵³, солдаты отравились».

Наместник, командир Воинского подразделения и два новоиспеченных неопытных армянских доктора – доктор Левон Торгомян и доктор Грант Аджемян спешат в казарму. Доктора, без того, чтобы выявить – есть ли признаки отравления, дают выпить тепловатой воды и с помощью пальцев искусственно вызывают рвоту. Доктора, разрезав хлеб и увидев в нем синеватые точки, приняли их за яд и объявили об этом, и таким образом косвенно, по невежеству подтвердили заговорщический поступок Муаммэра. А синеватые точки были от муки полбы, смешанной с пшеничной мукой.

Хлеб опечатали и сохранили. Муаммэр посоветовал обратить внимание на то, что армянские парни из той же казармы в эту ночь отсутствовали. Получив от своего начальства разрешение они отправились на побывку домой, а из оставшихся в казарме армянских солдат ни у кого не нашли признаков тошноты. Обязательно здесь что-то есть...Со стороны армян организовано преступление против турецких солдат.

В тот же час арестовали всех армянских солдат, находящихся в казарме и бросили их в подвалы. А турецким воинам роздали оружие и пули и приказали быть готовыми. Город и армянские кварталы оцепили солдатами. Даже турецкий народ предупредили быть готовыми в эту ночь к вероятному восстанию армян.

В ту же ночь Муаммэр послал в Полис телеграмму об отравлении турецких солдат армянами и просил разрешения устроить побоище. Но получил ответ – послать результаты расследования и ждать второго приказа.

В ту же ночь армянские пекари со своими помощниками были арестованы, подвергнуты побоям и мучениям. От побоев многие потеряли созна-

ние. Их заставляли признаться, какая партия – гнчакисты¹ или дашнаки¹¹, или какие национальные организации еще им приказали отравить солдат.

Уже на следующее утро турецкая чернь распространила слух о том, что в отместку за убийство вардапета, армяне подсыпали отраву в хлеб турецких солдат. А местная турецкая газета «Гзыл-Ырмаг» очень ядовитым языком бурно рассказывала о ночных событиях, подготавливая и распаляя мозги турецкой черни.

Хлеб дали на анализ докторам и фармацевтам. Тысяцкий доктор Хаджи Хюски бей /был когда-то мэпусом⁵⁴ Сваза/, доктор Арутюн Ширинян, армянские и турецкие фармацевты после скрупулезного анализа объявили, что в хлебах никогда не было яда, и что увиденные голубые кропинки результат муки из полбы. В подтверждение сказанного они перед турецкими воинами поели из того же хлеба. При расследовании они обратили также внимание на отсутствие среди солдат смертных случаев из-за отравления и даже отсутствия на них всяких последствий отравления, таких, как выпадение волос, нервные тики и пр. Какие-то изменения в состоянии здоровья приписали штукатурке, извести, которая была еще мокрой и при использовании печи или огня в голову ударил газ и появилась тошнота, сказали они. При таком явном уточнении и результатах объективного анализа Муаммэр тем не менее остается непоколебимым, не желает признать правды и, все время утверждая обратное, угрожает турецким врачам и фармацевтам, требуя дать противоположные сведения.

После такого объективного исследования пекари и их помощники были выпущены из тюрьмы. Им, замученным, был дан трехмесячный отпуск, в награду... за их невиновность. Тем не менее в умах турецкого народа крепко засела мысль, что армяне отравили турецких солдат и что Муаммэр, не желая поднимать этот вопрос, прикрыл дело.

Епископ Тер Гнел обратился к Муаммэру, имея в виду злоречивые разнобразные мнения, просил официально опровергнуть версию отравления. Муаммэр с собачьей издевкой ответил: **«Мы ничего официально не заявляли, чтобы сейчас официально опровергнуть»** и добавил: «Мурахас⁵⁵ эфенди, ты здесь новый человек, не знаешь себастьианских армян, только я знаю какая это опасная прослойка...».

⁵⁴ Мэпус (араб) – градоначальник, глава.

⁵⁵ Мурахас (murahas) – полномочный представитель.

⁵² Мацун (арм) – молочный продукт, сходный с кефиром.

⁵³ Тан (арм) – разведенный водой мацун, прохладительный напиток.

Как мы уже ранее говорили, в голове Муаммэра засела мысль о том, что Себастиа готовит большое восстание, чтобы с тыла нанести удар по турецкой армии. Возможно, убийство вардапета Тер Саака могло стать для армян поводом для такого движения. Под предлогом отравления он хотел предотвратить восстание, а с другой стороны наготове держать турецкую военную силу и мысли турецкого народа настроить на эту струну, держать армянский народ в страхе и растерянности. Так они в Книге наглого и беспутного оправдания, в части Себастии приводят это ложное обстоятельство оправдания.

ЭНВЕР В СЕБАСТИИ. – Очень неопределенно говорили о том, что Энвер¹ тайно через Себастию отправился на Кавказский фронт. И в самом деле этот названный турецким Наполеоном, потерпевший на этом фронте **поражение... вместо победы**, на обратном пути через Себастию должен был пройти незаметно.

5-го января 1915-го года все правительственные и военные служащие, ученики всех школ и весь город вышли встречать его в двух часах ходьбы от города на дороге в Эрзерум. В ту же ночь прошли факельные шествия турецких учеников с флагами и иллюминацией, транспорантами с именем героя дня, состоялись официальные приемы... Главы армянских и армяно-католических церквей с национальными ведомствами и партиями спешат поздравить его с добрым возвращением. Энвер с похвалой говорит об армянских воинах, добавив, что они воюют **с невиданным героизмом для защиты османской родины**. Мы не думаем, что Энвер это говорил для того, чтобы польстить армянскому солдату, а потому, что армянские воины спасли его шкуру именно на этом фронте во время большой его неудачи. Энвер, вопреки разумному совету немецких воинов, организовал наступление и был осажден в каком-то лесу, ноги его 4 000 турецких солдат замерзли, они по пояс были в снегу на морозе. Чуть было Энвер не попал в плен. Себастиинский офицер Ованнес Акинян и другие армянские воины, вырвав, освободили его и, сев на свободного коня, он поскакал к своим. Акинян в этом сражении был тяжело ранен и умер.

Энвер, увидев встречавшую его массу людей, говорит Муаммэру: «Я на поле сражения ищу людей и не нахожу, а вы здесь столько оставили». На следующий день Энвер уехал. В Себастии объявлена мобилизация мужчин с 45-ти до 60-ти, а турецкий народ с недовольством говорил: «Это привезенный нам Энвером хэтиен⁵⁶».

⁵⁶ Хэтиен – подарок.

Энвер похвалил бурную деятельность и усилия Муаммэра и сказал: «Если бы во всех вилайетах у меня было бы по одному Муаммэру, то что еще надо было бы мне».

Мы забыли сказать, что ранее Муаммэр за свои заслуги из Константинополя получил золотую медаль и чин военачальника. В городе по этому поводу развесили флаги.

Представитель итихада Хани бей⁵⁷ в начале 1915 г. прибывает в Себастию и привозит с собой приказы о депортации и уничтожении армян и в связи с этим дает и устные предписания.

НАШИ НАСТОЯЩИЕ ВРАГИ СРЕДИ НАС. – Турецкие народные представители Кянгыра, Харберда, Эрзерума встретились в Себастии. В турецких клубах и мечетях проводят тихие совещания, главной темой которых было нахождение истинных врагов турок. Они приходят к заключению, что настоящими врагами турок являются не страны Антанты – Англия, Франция и Россия, а «**наши настоящие враги рядом с нами, среди нас. Это армяне, которые сегодня подняли весь мир против нас, дают пролить нашу кровь, разрушают основы нашего государства. Следовательно, надо сначала освободиться от этих внутренних врагов, уничтожить их**».

Такие наглые, такие подстрекательские и блудливые заявления могли иметь весьма зловещие последствия. Уже ставился вопрос об уничтожении армян Себастии. Епископ Тер Гнел в связи с этим также обращался к Муаммэру, но тот его выпроводил.

ОТЯДЫ ТУРЕЦКИХ ЧЕТОВ. – В связи с общей мобилизацией недостаточен был призыв в армию мужчин от 15-ти до 45-ти и до 60-ти лет. Великий Сандарапет (злой дух ада), поправ все международные законы и даже законы своего Шери⁵⁸, призвал своих детищ, кровожадных преступников, открыл перед ними двери тюрем, составил из них отряды четов под начальством злодеев, разбойничьих командиров, вооружил их специальным оружием и выделил им специальное обмундирование. Постепенно эти новоиспеченные янычары из Внутренней Анатолии стали появляться в Себастии для того, чтобы отправиться на Эрзерумский фронт.

⁵⁷ Бей (bey) – бей, господин.

⁵⁸ Шери (şeri) – духовный закон, шариат.

Эта часть разнузданных и наглых турок на рынках и площадях устраивала демонстрации, представления битв на саблях, размахивая своими новыми мечами. «С их помощью мы распорем животы наших врагов гяуров, вытащим их кишки и побросаем на этих площадях, накормим псов, выколем им глаза, выпьем их кровь», говорили они.

По дороге в Эрзерум армянские села Долины Галиса стали предметом их звериного варварства, произвола их скотских страстей. Из них 8-го февраля один отряд на ночь остался в армянской деревне Бург, близ Энтирэса. Бедные крестьяне не ударили лицом в грязь своей традиционной гостеприимностью. Но эти звери в человеческом облике, поправ съеденные хлеб и соль, вторглись в дома и стали приставать к невестам и девушкам. Один из молодых мужчин увидел как они тянут за косы его невесту. Взял винтовку и ранил чета. Вся деревня встала на ноги. Убийца вардапета Тер Саака Махир из Зары, возглавив четов, останавливает столкновение. Они собирают всех мужчин и ведут убивать. Так начались известные гонения на деревни, сбор и уничтожение всех мужчин.

Бург в пределах Гарахисара – большая деревня в 300 домов. Тылом она смотрит на гору Кеосэ-даг, имеет хорошее расположение. Будучи одним из центров революционного движения, она не выпадала из поля зрения Муаммэра, хотя и находилась в стороне от Эрзерумской дороги. Но четы остались там на ночь, и это было указанием свыше: захватить подозрительный объект, разрушить-уничтожить и затем посмотреть, где будет последующий взрыв.

В «Книге самооправдания» турок этот случай с Бургом, конечно, должны были представить иначе. А именно: будто бы для перевозки грузов четы попросили у крестьян выючных животных. Крестьяне отказались и взялись за оружие, якобы желая сигналом оповестить начало восстания.

РУССКИЕ ПЛЕННЫЕ В СВАЗЕ. – Из Кавказского фронта в Себастию было привезено около 1 500 пленных в очень плачевном состоянии. Сопровождавшие жандармы ограбили их, раздели до нитки. В дороге они перенесли много тягот. Лишь в армянских деревнях они немного отдохнули, где им дали горячую пищу. В Себастии они тоже оставались в беспросветном и жалком состоянии. Среди них началась эпидемия тифа, и их осталось 300 человек. Их приставили к строительству дорог. Среди них было много российских видных армян, Об одном из умерших лишь было сказано, что он был скрипачом царя, а другой – военным врачом. Офицеры

вообще приходили в армянскую церковь послушать службу. Это обстоятельство, а также отпевание умерших армянских офицеров и доктора, не ускользнули от глаз шпионов Муаммэра.

МОНАСТЫРЬ СУРБ НШАН. Анапат, Сурб Акоп были захвачены, превращены в военные тюрьмы и отведены под жилье русским войскам. Школа Санасарян¹ из Сурб Ншана перешла в город в дом Пилояна Воскеана.

ДЯДЯ ХАЧАР. – Муаммэр слышал, что армяне русских в переносном смысле называли дядей Хачаром (хач по-армянски крест) и с нетерпением ждали их прихода. После прибытия русских пленных однажды он спросил своего армянского цирюльника – чифтилера Григора: «Хачар Дядя пришел?» И сам же ответил: «Хоть и пришел, но не так, как вы, армяне, его ждали, хыянет⁵⁹». Вы думали, что как только начнется война, русские, как идущие на рынок, засучив рукава, придут, и не дай Бог, какими снегами вы покроете головы турок!»

ВИТАЕТ ПРИЗРАК ГОЛОДА. – Себастиа своими изобильными, обширными пшеничными полями на самом деле является земледельческой областью, Ширакским амбаром. Во время голода 1874-го года в Галатии голодающих прокормила именно Себастиа. Килэ⁶⁰ (180 оха) пшеницы в это время медными деньгами поднялся до 300 курушей⁶¹. В связи с этой мобилизацией и войной трудовые силы страны все были мобилизованы. Прошлогодний урожай стал наполовину непригодным, озимого посева не было. Выючные животные земледельца были захвачены. Призрак голода, подобно черной летучей мыши, витает над полями в обильной хлебом Себастии, надеясь найти кусочек сухого хлеба и, не находит. И в самом деле, позже, после нашей депортации мы слышали о большем: один руплах пшеницы (12 оха) с одного золотого поднялся до 3, 5-ой золотых. Недалеко от города, у подножья Майрагома, на землях, называемых Алтун-Тапаг, нашли белую землю и ели как хлеб.

И действительно, это был небывалый, настоящий голод, хотя бы для Себастии.

⁵⁹ Хыянет (hianet) – изменник.

⁶⁰ Килэ (араб.-тур. – kile) – мера веса пшеницы, равная 40-литрам. У Малх. «килай» – большая или маленькая жестяная посуда, имеющая цилиндрическую форму, служила мерой веса – килэ (см. Малх, т.4, с.574).

⁶¹ Куруш (kuruş) – или дахекан, османская монета, равная 40 пара, 0, 227 золотого франка.

ДЕЗЕРТИРСТВО СРЕДИ АРМЯНСКИХ СОЛДАТ. – Плохое снабжение, изъятие у армянских солдат оружия, формирование из них рабочих отрядов, изнурительная каторжная работа, эпидемия в казармах и, в целом, **полное недоверие и преследование армян** постепенно в рядах армянских солдат привели к дезертирству.

Отношение к ним ужесточается. Школы города Кзоф и Шифаи превращаются в тюрьмы. Вторгаются в дома, обыскивают, подвергают мучениям, истязаниям родителей, родственников, семьи дезертиров. Тюрьмы заполняются пойманными дезертирами. Из них многие были повешаны, расстреляны. В армянских деревнях эти преследования носят более жестокий характер. Дома дезертиров с имуществом сжигаются. Дым пожаров армянских сел Верхнего и Нижнего Долин Галиса виден издалека.

Всегда были подозрения, что армяне готовят большое восстание и что дезертиры должны в нем участвовать. В мае 1915-го года вышло объявление с обращением к дезертирам. В нем говорилось о том, что если они сдадутся, будут прощены, в противном случае, будут пойманы и повешаны перед дверьми своего дома.

После этого многие сдались. 500 человек было послано на земли Энтирэса, под предлогом работы на строительстве дороги в Эрзерум. Там они все были убиты охранниками-жандармами и погребены в вырытых ими же рвах.

ПАРТИЙНЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ МАРЗВАНА, АМАСИИ, ЛЮДИ УМСТВЕННОГО ТРУДА. – Это было в середине марта 1915-го года. Партийные руководители Марзвана, Амасии, люди умственного труда, учителя, числом 17 человек во главе с известным учителем Гагиком Озаяном, а также с Мамиконом Варжапетяном, Хачиком Адамяном в цепях были отвезены в Себастию. Две-три недели они находились в тюрьме – в школе Шифаи. И однажды ночью их вывели из города и в двух часах ходьбы от города на дороге Кесарии, в ущелье Черчи-Дерэси всех убили.

В эти дни кровожадный Муаммэр по вечерам отправлялся в село Шун-Курак, близко к этому месту, под предлогом отдыха. И там, как и в других местах, становился очевидцем происходящих убийств. Он упорно добивался присутствия при убийстве группы Озаяна. Скольких мог, убил лично, и выпил их кровь.

Черное, зверское побоище уже начато.

АРЕСТОВАННЫЕ ИЗ МАЛЕНЬКИХ ОБЛАСТЕЙ. – После этого из сельчан деревень Зара, Тиврик, Финкян, Ганкал, Кюрин, Азизиэ, Шар-Гышла, Эни-Хан, Гочасар в цепях группами приводили в Себастию известных на месте армян – партийцев, членов местного квартального совета, учителей, ремесленников, купцов, правительственных служащих и пр. После нескольких дней их содержания в превращенных в тюрьмы школах Шифи и Кэов, по ночам увозили и убивали в разных местах вблизи города. Утром, когда их родственники шли в тюрьму навестить арестованных, жандармы-палачи говорили им: «Ваши люди посланы на строительство дорог на Кесарийской дороге или Топрах-Кале».

Этот ответ означал, что арестованные убиты.

Не считаю излишним упоминание имен людей, с которыми я лично был знаком: из Азизиэ – портной Степан Бенсян, Сиракан. Из Шар-Гышлы – портной Акоп Надышджян, хлебопек Карапет. Из Уэни-Хана хозяин ковровой фабрики Амазасп Тер-Месропян, члены квартального совета Мириджан Аветис и кровельщик Степан Абелян. Из Тиврика – учитель Айрапет Сукиасян, его сын Акоп и т.д.

БЕГСТВО ПЛЕННОГО РУССКОГО ОФИЦЕРА. АРЕСТ ПАРТИЙНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ. – Около 25-ти русских офицеров находились под охраной в гостинице Афион-Отель.

25-го марта 1915-го года один из них исчез. На следующий день хозяин отеля Манук Пейлерян со всеми своими служащими, старым деятелем Гнчакской партии Хаджи Григором Караманукяном, прозванным Касап Джалагом, Ованнесом, сыном Мешэ Григора, словом все 7-8 человек были арестованы как пособники бежавшего. Через 8 дней в Новое Воскресенье Пасхи арестовали также известного героя и деятеля из гнчакских вожаков Хорохона – крестьянина Мурата Кюрикяна, гнчакиста Тиграна (Тэвэ) Ареляна, из дашнаков фармацевта Вардана Варданяна, Ованнеса Полатяна, переводчика правительства, урожденного мушца Мартироса Габриэляна. На следующий день в понедельник утром во время прибытия из своей деревни ханцарец Барук и некий молодой человек из Ковтуна арестовываются как вестники и их также присоединяют к вышеназванным арестантам.

Сначала с ними обращаются хорошо. Ведут расспросы о русском офицере. Им говорят, что их сюда привели не как арестованных, а как гостей, как партийных вожаков, которые могут располагать сведениями о бегстве

русского офицера. Вы должны, – говорят они, – помочь нам найти его. Постепенно они ужесточают допрос, переходят к побоям, мучениям, прямо требуют от них беглеца.

40 дней они оставались в тюрьме. Как-то рано утром их в цепях с восемью жандармами вывели на дорогу. В то же утро отправились в дорогу Муаммэр, командир Военного подразделения Пэртэв бей и представитель иттихада Гани бей. Как арестанты, так и они дошли до Еылтызи-хана /от города 6 часов ходьбы на дороге Себастья-Самсун/. Ночью остановились на этой дороге у турецкой деревни Мэнтэш. Арестованных со связанными руками и ногами поместили в другом доме без хлеба и воды. Утром их взяли из Еэни-хана в находящиеся на дороге Еозката леса кривого дуба – мугката, на место Машатлар-Еэри. Арестованных долго допрашивали как вожakov партии, каковы их планы восстания, как они готовились, сколько у них оружия, боеприпасов, где их хранят и т. д. После этих допросов всех зверски убили и засыпали землей.

Работавшие в лесу греческие крестьяне стали тайными очевидцами их убийства, пришли в город и рассказали об этом.

В числе убитых был харбердский купец Арутюн Варданян, которого убили за то, что он дал приют ковтунцу Мурату Хримяну.

Так убив их, они в городе распространили ложные слухи о том, что их сослали в Еозкат и что они живы, и некий кучер, якобы, от имени Тэви Тиграна привез посланное им родителям письмо и бросил в здании архиепископства.

Излишне говорить, что это было обычным методом турок – подозрениям родителей и семей убитых и вообще армянского народа дать другое направление и разными байками убаюкать их.

На самом ли деле русский офицер бежал, или само правительство его угробило, неизвестно. В конечном счете это стало поводом для ареста видных партийных деятелей, чтобы часом раньше расправиться с ними.

В это же время в Самсуне был арестован себастиец Хаджи Назарет Казарян, его брат Хаджи Аветис, два брата Тэви Тиграна – Марукэ, Аветис, которых также увели и убили. Все они были видными гнчакистами.

К СЛЕДУЮЩЕМУ МОЕМУ ПРИБЫТИЮ (т)... – Кроважадный Муаммэр, совершив эти убийства, отправился в Тогат, Амасию, Марзван для обнародования приговора о смерти армян, чтобы дать устные указания и подготовить резню. Перед возвращением он строго приказал: **«К моему**

следующему возвращению, чтобы я не видел армянина с накрахмаленным воротником» (т).

ДАШНАКСКИЙ ГЕРОЙ КОВТУНЕЦ МУРАТ ХРИМЯН. – Себастья дала двух героев Муратов, одного мы уже упомянули выше – крестьянин из Хорокона, гнчакист Мурат Кюрикян. Долгие годы он действовал и боролся в краях Салмаста, на Кавказе, Полисе. Другой – ковтунец дашнак Мурат Хримян. Один превосходивший другого, два бессмертных революционера, две яркие звезды в созвездии себастийских революционных героев. Повествование о жизни и деятельности обоих значило бы отвлечение от нашей темы. Мы лишь остановимся на тех страницах их жизни, которые связаны с нашей работой, большее оставляя для других поводов, других работ.

Когда вышеназванные гнчакисты, о которых говорилось ранее, были арестованы и убиты, Мурат Хримян, как революционер с большим прошлым, не мог выпасть из планов Муаммэра. Муаммэр давно наблюдал за ним. Мурат после общих военных маневров редко покидал деревню и не появлялся в городе. Муаммэр, как человек, проявлявший заботу о нем, спрашивал его товарищей: **«Где Мурат, почему не появляется, не приходит, почему бы нам не воспользоваться его советами?»**. И конь Мурата не остался вне поля зрения Муаммэра. Тэжеллиф Гарпиен постарался завладеть им. И несмотря на то, что Мурат все сделал и не допустил этого, Муаммэр не тронул Мурата.

На следующий день после ареста партийных вожakov, в понедельник утром Муаммэр с командиром жандармов Кэлэш беом отправляет в Ковтун отряд для ареста Мурата Хримяна. Отряд идет и останавливается прямо у их дома и с льстивым, преисполненным турецкого коварного приличия тоном, командир говорит: **«Наместник Муаммэр бей по очень важному вопросу хочет увидеться с тобой, мы должны вместе отправиться»**.

Мурат тут же понимает, что ловушка заведена, но не подает виду, не меняется в лице, а думает, какой можно найти выход. Режет барашка, распоряжается зажарить его и по-крестьянски обильным столом угощает коварных гостей. Раньше них он спускается в хлев, берет оружие. Вскрикивает на готового коня. Ошеломленные этой неожиданностью, они с трудом собираются и хотят его догнать: **«Что это такое, Мурат? Что ты**

делаешь, почему, в чем ты сомневаешься? Подожди», кричат они ему в след.

– Пойдите скажите пославшему вас Муаммэру: Он меня хорошо знает, а я его. Я не из тех, который с помощью слов может попасть в его западню, – говорит и исчезает.

Они выпустили птицу из рук. Кэлэч бэй со своими спутниками понуро вернулся в Себастию. Муаммэр на его голову обрушил тысячу упреков за эту неудачу.

Куда помчался Мурат, что стало с ним, здесь мы должны сказать о тех неопределенных слухах, которые тогда ходили об этом.

Мурат с несколькими ковтунскими товарищами, по всей видимости, укрылся в деревне Ахтк – центре своей деятельности, затем направился на пастбища села Хандзар, на гору Сахару Там в самое⁶² дуба он устроил себе укрытие. Один крестьянин из селения Гарлу Гзылбаш заметил это и сообщил властям Гарахисара.

После побега Мурата были опрошены как жители всех деревень, так и Хандзара. На протяжении многих лет Ковтун и Хандзар имели кровавые столкновения из-за яйлы – пастбищ Хандзара. Хандзарцы свои взаимоотношения с ковтунами приводили в доказательство того, что они не могли Мурату как стороннику ковтунов дать приют у себя. И правительство с этим соглашалось.

Но после заявления Кызылпаша правительство всю свою ярость излило на Хандзар. Давший Мурату пристанище Арутюн со всей своей семьей и родней были убиты. Не удовлетворившись этим, мужской род села по частям собрали до 7-8-ми лет и сказав, что везут в город, привели в ущелье Сейфи⁶³ и зарезали. Так что с этого дня в селе Хандзар совершенно нет мужчин.

Палачи-жандармы, собрав по 40-50 человек, привели их в Сейфи и убили. Затем они пришли в деревню и сказали женщинам: **«Запрягите свои телеги, идите заберите тела своих мужей и похороните»**. И бедные пошли за жандармами, чтобы привезти тела своих дорогих спутников жизни и своими руками похоронить их. А в это время жандармы своими издевательскими словами еще сильнее уязвляли их сломленные сердца:

«Вот вам за то, что вы скрываете Мурата-нашу, не выдаете. Ну, пусть он придет и вырвет из наших рук ваших мужей».

Мурат, бежав из Хандзара, приходит в Себастию. Правительство, подозревая Вардукяна, обыскивает его дом, хотя ничего подозрительного не находят, его уводят и убивают. Мурат заболел тифом. Доктора Айринян. Багдасар Варданын лечат его. Еле встав на ноги, он в сопровождении гнчакцев выходит из города и укрывается в селе Улаш. Вместе с несколькими бежавшими парнями идет в горы Течер и прячется в надежном укрытии. За подуктами в деревню спускаются двое парней. Их ловят жандармы, стоявшие на страже вокруг деревни. Мурад видит, что парни запаздывают, решает, что их поймали, вместе с группой покидает эти места.

Как он потом перешел в Батум и оттуда на Кавказ, какую там деятельность развернул, рассказано в газетах. Во время отступления русской армии из Турецкой Армении Мурат в качестве арьергарда с горсткой себастийских смельчаков обеспечивал отступление. Одним из его соратников был видный себастиец доктор Аршак Погосян. Отважно сражаясь в битве под Баку, сраженный пулей в лоб Мурат погиб как новый Вардан¹.

В турецких правительственных кругах, как и в народе говорили о том, что Мурат укрылся в Гарахисаре и руководил местным восстанием. Но это неверно, Гарахисарское восстание возглавлял видный гнчакский гарахисарец герой Гукас.

Но почему в мыслях людей укрепились мысли о том, что Мурат был в Гарахисаре? Это объясняется тем, что гарахисарские герои, чтобы навести ужас на вражескую армию, в атаку бросались с возгласами «Яшасын Мурат!». Опять же, когда осажденные в последнюю минуту прорвали осаду, они совершили это с именем Мурата.

Родители Мурата были ситочниками, давно обосновавшимися в Себастии, а затем переселившиеся в Ковтун. В 90-ых годах в результате пропагандистской деятельности гнчакская партия пустила глубокие корни в армянских селах Верхней Долины Галиса. Село Ковтун было центром нашей деятельности. Ковтунец эфенди Ншан Чеменян⁶⁴, учитель села Никогос и крестьянин села Акна Нарвир, были нашими соратниками.

⁶⁴ Многие наверно помнят товарища Мушега из Муша в Египте. Из-за убийства некоего курда, Мушега повесили, Ншан Чимэнян 20 лет сидел в тюрьме в Судане. Уже больной туберкулезом, после утверждения Османской Конституции вернувшись на родину, он умер в Национальной Больнице в Полисе. В связи с обещанием подробно рассказать о нем в «Истории Гнчакской партии Себастии» мы ныне удовлетворимся стольким (Г).

⁶² Гора Сахару покрыта густым лесом. Спиливая дуб, делают высокие блоки, складывая стволы друг на друга. Эти блоки именовались сама (Г).

⁶³ В двух часах ходьбы от города, на дороге в Эрзерум – горы и ущелья (Г).

Мурат также в это время был в рядах гнчакистов. В конце вместе с героями ковтунцами он бежал в Полис, перешел на Кавказ. Прославился во время армяно-татарских^I столкновений. Затем был соратником Андраника^{II}, Кайцак Аракела^{III}, Георга Чавуша^{IV} и участвовал в Сасунских движениях.

Уже после Османской Конституции вступив в ряды дашнаков, он прибыл в Себастию.

Другое обстоятельство также касается бегства Мурата. Были подозрения на молодого человека по имени Мериджан Заллахян, что он на подводе устроил побег Мурата, он же доставлял ему еду. Этот парень как кучер осуществлял военные перевозки. Муаммэр приказал немедленно убить Мириджана и **несколько пуль всадить ему в грудь от его имени**. Это был тот парень, который некоторое время укрывал Муаммэра, не сумевшего найти пристанища ни у своих приятелей черкесов, ни у возлюбленных турок.

ПОЛОЖЕНИЕ АРМЯНСКИХ ДЕРЕВЕНЬ ЕЩЕ БОЛЕЕ УХУДШАЕТСЯ, СТАНОВИТСЯ НЕВЫНОСИМЫМ. – Случаи с деревней Бург, побег русского офицера и Мурата были первопричинами. Посланные из Сваза и других областных центров своры жандармов, четов, джолиров⁶⁵ курдских племен переходят из одной деревни в другую в поисках оружия, солдат-дезертиров. Дома дезертиров вместе со всем имуществом предаются огню. Вся Долина Галиса от края до края объята дымом. Из Сваза Алай бей, Али Шериф бей с отрядом жандармов направляются в Кофтун искать и требовать Мурата. Всех мужчин арестовывают и бросают в хлев, предают ужасным побоям, пыткам и требуют выдачи Мурата. В ту ночь Алай бей приказывает сжечь новый красивый дом Мурата. Утром привлекают за поджег к ответственности крестьян и взимают с них тяжелый штраф. Потеряв надежду найти Мурата, разъяренный Алай-бей приказывает выселить всю деревню, но затем отменяет приказ.

Главарь четов Гусейн, сын Кютюка и зарец Махир, убийцы вардапета Тер Саака, с отрядом четов и кровожадными жандармами вторгаются в деревни для сбора у крестьян оружия. К бедным крестьянам применяют беспримерное, невиданное насилие, самые дикие пытки. Пытки, от которых земля уходит из под ног людей. Страшные пытки, приводящие к

смерти. У многих тело синеет и чернеет, мясо гниет и отваливается, к стопам прибивают подковы¹. Самым ужасным истязаниям, хуле подвергают священников: у них вырывают бороды, щипцами отрывают от тела мясо, выдергивают зубы, отрезают носы, уши, губы, надевают на головы раскаленные обручи, клеймят, погружают в раскаленные медные тазы, сажают на кол. В рубашки женщин бросают кошек, пускают их во влажные лица. Досконально обыскивают дома, ищут оружие, и когда не находят, у них иссякает терпение и они заставляют крестьян купить у турок и у жандармов оружие и сдать как свое. Ужасный грабеж – во время обыска свертками забирают золото, золотые украшения, дорогие вещи. Женщин, невест и девушек насилуют. В самом конце мужчин, юношей, священников, учителей, видных людей, крепко связав друг к другу, увозят под предлогом отправки к главе области. По дороге многих убивают. Остальных везут в областные центры – в Зару, Гочасар или Себастию и бросают в тюрьмы,

Часть, которую вели в Сваз, убили по дороге на горе Сейрун или у моста. Палачи сказали, что **они вышли с дороги и хотели бежать**⁶⁶, остальных привезли и заключили в тюрьмы Сваза.

Алай бей и Али-Шериф, поняв что больше Ковтуна центрами деятельности Мурата были села Хорсан и Ахтк, в этих деревнях превосходят сами себя в своих варварских гонениях на крестьян. В частных тайниках этих сел было найдено несколько сундуков оружия, военного снаряжения, бомб, динамита, военного обмундирования. Все это, погрузив на телеги, они с сельскими старостами привезли в город как военную добычу на обозрение турецкого народа, желая дать им понять, что когда-нибудь армяне это должны были направить на них и что эта прослойка столь опасна, что ее надо уничтожить.

Всех молодых людей, мужчин Хорсана, привязанных друг к другу привезли в ущелье **Пунаги-Дзор**, там зверски убили, разрубили на куски, затем палачи-жандармы вернулись в деревню и велели женам убитых запрячь телеги и привезти тела для похорон. И в это время они сидели за богатым столом и кровавыми руками со спокойным сердцем ели.

⁶⁶ Когда дошли до Ракки, узнали, что и там собрали мужчин, и сказав, что должны их вести в Урфу, по дороге убили, также сказав: «**Вышли с дороги, хотели бежать**». Везде те же **уловки**. Тот же повод для оправдания (Г).

⁶⁵ Джолир (курд.) – предводитель, вождь.

Женщины пришли на Пунаги-Дзор, не могли узнать в убитых своих мужей, братьев, сыновей, ибо все они были изуродованы до неузнаваемости, изрублены. Невозможно представить глубокое горе, вопли и рыдания лишенных родных бедных крестьянок.

Часть арестованных в Гочасаре и привезенных в город была убита в местности под названием Кавраи-Посер. Школы Шифи и Кзоф Сваза заполнены были крестьянами Долин Галиса. Ночами вывозили по 50-100 человек, привязанных друг к другу увозили за город и убивали. Берега Галиса, болотистые места, где есть множество водных ям, стали для убитых бойнями-могилами. Устроившие резню жандармы на следующее утро приносили их окровавленную одежду на рынок и продавали. Так случилось, что когда выселяли деревни, там уже не было ни одного священника, учителя, или восьми-десятилетнего человека мужского пола – все уже были отведены на бойни, за исключением некоторых стариков, которых также убили в боях на дорогах.

ПОДСЛУШАННОЕ СЛОВО. – Один из наших молодых родственников, запершись у нас дома, из своего укрытия слышал разговор турка. Однажды к этому турку пришел его знакомый жандарм. В разговоре о том о сем жандарм сказал: **«Брат, наше дело с ночи до утра заниматься уничтожением гяуров» (т).**

Жандармы осуществляли эти побоища, руководимые частными распорядителями, служащими, которые следили за исполнением этого дела и ежедневно осведомляли об этом зверя Муаммэра. Палачи приносили окровавленные одежды своих жертв и продавали их. А очень часто они сзывали на бойню с близлежащих турецких деревень крестьян вместе с сельскими старейшинами и поручали им дело избияния. И те топорами, вилами, кольями, мечами, ножами, камнями убивали, а жандармы делили между ними одежду, деньги, часы и пр. как плату... за их кровавый труд.

ГНЧАКСКИЙ ГЕРОЙ ГРАЙР ДАРБИНЯН. – Гусейн, сын Кютюка, и Махир из Зары специально идут в селение Тодорак для того, чтобы арестовать гнчакского героя Барсега Дарбиняна.

Барсег, раненный в ногу, лежит больной. Его связывают, а вместе с ним 8-10 молодых людей и выводят на дорогу в Гочасар. Барсега очень сильно истязают, припоминая ему, что он был соратником Даниэла-Чавуша. Чопан-Дерэси убил Муавина из Гарахисара.

Барсегу выкалывают глаза, вырезают нос, уши, губы, после этого убивают, а труп везут в деревню и бросают перед часовней. Священника деревни заставляют отслужить заупокойную. Священник только начинает, как они с возгласом «Ах ты так совершаешь службу» хватают его, вырывают бороду, пытаются и убивают.

Турецкие женщины деревни стоят у изголовья трупа Барсега, радуются и говорят: «Вот мы и увидели его мертвым».

Барсег был видным гнчакистом, героем с молодых лет, действовал вместе с Даниэлем и Гукасом. Полем его деятельности был Гарахисар. Он был одним из важных столпов гнчакской партии Себастии.

Не забыть бы вместе с Барсегом упомянуть Мкртыча Симоняна из того же села /Тодорака/. Ученик Центральной школы Полиса после резни 96-го года пришел в деревню, содействовал Себастиийской гнчакской партии и вместе с Барсегом отдался делу образования в армянских деревнях Долины Галиса.

В эти бурные дни до последней минуты он оставался в деревне и ежедневно оказывал помощь идущим в Эрзерум добыть продовольствие, одновременно принимал дезертировавших солдат и с помощью проводников отправлял их в Себастию. Видя, что его самого преследуют, он отправился в Себастию, но был арестован и убит..

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ СЛУЖАЩИЕ АРМЯНЕ. – Армянские врачи мэрии, аптекари и дослужившиеся до 20-лет жандармы армянской национальности все одновременно были сняты с должности и переданы в войска амэлэ-тапури в качестве простых солдат. Турецкий официальный документ с радостью извещает об этом.

ТРЕБУЮТ ГОРОДСКОЕ ОРУЖИЕ. – После того, как армянские деревни были разоружены, мужское население уничтожено, очередь дошла до города. Официальным уведомлением было приказано, всем без исключения, сдать оружие и взрывные устройства.

Естественно, это больше касалось армян, у которых отбирали насильственно. Сдано было довольно большое количество разного рода оружия. Однако Муаммэр не был доволен, он требовал большего. Он потребовал от Предводителя строго известить народ. И епископ с амвона церкви увещевал их сдать, говоря: **«Я передаю вам приказ наместника бея».**

Много домов обыскали, мужчин арестовали и ночью повели на бойню. Из них упомянем двух видных товарищей гнчакцев – Вагана Кэпапджи и

теллала-управляющего телеграфом чавуша⁶⁷ Артина. Многие свое оружие закапывали в землю. Стали осушать протекавшие реки Полаг-Сохагэн и Мунтар, на высушенной части искать оружие, и в самом деле нашли много оружия и пуль.

Для того, чтобы спасти положение и доказать, что не только у армян отбирают оружие, обыскали также несколько турецких домов.

Около города в селе Давр Муаммэр потребовал сдать оружие. Но не с такой строгостью, а более ласковым тоном. Сельский староста-кэхия Артин, возложив оружие на плечи молодых людей, с дхолом и зурной, с османским флагом в руках, пришли к правительственному зданию. Муаммэр остался доволен их поведением, и дал обещание благоустроить деревню /см. в гл. Депортация, о селе Давр/.

Известного кузнеца и механика Мкртыча Неркатына с племянниками арестовали как оружейников и изготовителей бомб и ночью отправили на бойню.

Шейха кожевников, как итилафакист, который был в хороших отношениях с армянами, особенно с гичакистами, арестовали. Из Кесарии привезли в Себастию несколько арестованных оппозиционеров.

КАФЕДРАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ ПОД ОХРАНОЙ. – После захвата монастырей, Муаммэр, подозревая, что Кафедральную церковь армяне могут превратить в прибежище восставших, овладел большими домами и царящими над ними крупными постройками на дороге к монастырю под предлогом превращения их в официальные ведомства. День и ночь с крыши этих домов велось наблюдение как за церковью, так и за всем районом.

ОБЩАЯ СЛЕЖКА ЗА АРМЯНАМИ И ШПИОНСТВО. – В отношении армян еще более ужесточаются строгости. Туркам приказывают установить наблюдение над своими соседями армянами. Одно их подозрительное движение, посещение домов друг друга, о приходе к ним в дом чужих, незнакомых людей следует немедленно сообщить в ближайший патруль.

Две армянские женщины на улице вытряхивали коврики. Турецкие женщины приняв шум, производимый ковриками, за взрыв, испуганно

выбежали на улицу. Смотрят и видят, что это не оружие. Ночью армянские кварталы оцеплены. На последнем этаже высоких домов горит свет. Подозревая, что это сигнализация врага, используют как беспроводной телеграф. Турки входят в здание, обыскивают весь дом, переворачивают все вверх дном, учиняют долгий допрос над хозяином дома. Видя, что уличные собаки своим лаем мешают работе сыщиков, отравляют собак.

ВИСЕЛИЦЫ. – Год тому назад в Марзване в квартале турок-мухаджиров⁶⁸ было совершено преступление: двумя-тремя мужчинами была убита турчанка. Преступники не оставили следов. Преступление захотели приписать армянам. В это время каймакам Себастии Петрос Мозян выявил довольно много доказательств, свидетельствующих о том, что преступление совершили турки. Но пользы никакой, и сам каймакам лишился должности.

Арестовали как подозреваемых нескольких армянских парней мастеров с мукомольной фабрики во главе с амасийцем Гуру Ншаном. Их более двух лет держали в заключении без всякого доказательства или свидетельства и без суда.

В это время Муаммэр посетил Амасию, их перевел в Себастию и за несколько дней военный трибунал их приговорил на смерть, и однажды их повесили.

Правительственная газета «Гызыл-Ырмаг» эту историю преступления, разукрасив выдумками, приписала армянам. Написанная жестким языком, она возбуждала мысли турецкого народа и оправдывала вынесенный приговор.

Четыре дезертира из Кюрина с оружием в руках были пойманы, хотя военный трибунал их приговорил к трехгодичному тюремному заключению, но Муаммэр сменил приговор на смертный. Они также были повешены на площади перед правительственным зданием.

Пять других дезертиров из Кюрина, распознанные по винтовкам Гавагяза, также были пойманы. Один из них в связи с болезнью находился в больнице. Узнав о случившемся с друзьями бежал и в конце ему удалось перейти на Кавказ в русскую армию.

БИДЗА МКРТИЧ ИЗ ЗИМАРА. – Дашнакский герой и деятель Бидза Мкртич из Зимара укрывался в пещерах Тиврика. Тиврикский тысяцкий

⁶⁷ Чавуш (cavuş) – сержант, десятник; старший над рабочими.

⁶⁸ Мухаджир (muhâcîr) – переселенец, беженец. Турок-мухаджиров – турок-беженцев..

жандарм с отрядом осадил пещеру. Бидза, видя, что из-за него деревни Тиврика осыпают градом пуль, и имея при себе две-три единицы оружия и 2 000 пуль, сдается. Он был привезен в город, через несколько дней военным трибуналом приговорен к смертной казни и повешен.

Маленькая справка о Бидзе. Он был сыном Зимарца Ованнеса, прозванного **Нарином**. Тиврик-Зимар-Бинкян давно были очагами революции, во-первых, благодаря деятельности бессмертного Жирайра, затем кавказских армян Акопа, доктора К.Пашаяна и Шмавона.

В 89-90-ых годах в Зимаре была гнчакская организация, возглавляемая видными людьми села – ага Хачиком, Сырвазли Ованнесом и его сыном – Бидза Мкртычем.

У армян это обычно, Нарин Ованнес по личным причинам перессорился с несколькими товарищами и вместе с Гукасом из крестьян донес в Тиврике на организацию. 10-12 человек из главарей были в Тиврике брошены в тюрьму, затем привезены в Себастию. И Бидза-Мкртич вместе с отцом донес на ковтунца учителя Нарвира, крестьянина Никогоса, о революционной деятельности которого знал.

Из тиврикских молодых людей отважный Саргис и Натан как-то ночью в зимний день спустились в Зимар, ворвались в дом Гукаса, оскорбили его и его жену. В спешке нож Натана прошелся по руке Саргиса и тяжело ранил его – у него была перерезана вена. Они были вынуждены выйти и броситься в бегство.

На крики Гукаса Ованнес Нарин и его сын Мкртич погнались с турками за террористами. Вслед им кричат: «Мальчики, не бойтесь, мы армяне, ваши товарищи, идем к вам на помощь». Саргис истекающий уже кровью и обессиленный сдаются. Им связывают руки, спускают в Тиврик. Саргис умирает от раны. Говорили о том, что его отравили с места ранения. Натана перевели в тюрьму. По свидетельству Нарин Ованнеса Мкртича, Нарина судили и приговорили к смерти. В июне 1894 года приговор был утвержден и он был повешен на площади в Себастии

В тюрьме мы были вместе в одной комнате, рассказывает Мкртич. Натан был болен кишечным заболеванием и постоянно находился в болезненном состоянии. Приговор был утвержден. Мы о нем узнали из газет. Бедный мальчик ничего об этом не знает. Мы собрались вокруг него и подготавливаем. Рассказываем о Варданидах, о святых Гевондяцах¹, об

их делах и жизни, их мученичестве. И он сам воодушевленный больше нас рассказывает об их жизни, об их самопожертвовании. И приводит большие отрывки из произведений Егишэ¹ и Лазаря Парбеци¹¹. В полночь в нашу комнату ввалился с демоническим лицом начальник тюрьмы ага Нэджэп с несколькими полицейскими. Все мы вскочили с мест, вспомнили об аресте Христа. Бедный Натан крепко спал. Нэджэп ага мягко его разбудил: «Вставай, Натан, – говорит, – должен отправиться в Тиврик, там будут тебя судить. Тебя посылаем в Тиврик. Натан взволнованный встает, затем говорит: «Я не подготовился, нужно взять постель, вещи». «Не беспокойся, все это мы пошлем вслед за тобой», – говорит начальник тюрьмы. Пускает его вперед и выводит.

Пасадив в карету его ведут к виселице, хотя это было для него неожиданностью, но он спокойно выслушал приговор. Надели петлю на шею. Три раза поднимали и спускали полузадохнувшегося Натана, не давая ему хотя бы спокойно умереть.

Утром скорбящие себастийцы устроили молодому мужчине пышные похороны и поставили ему могильный камень. Однажды ночью турки разломали вдребезги его камень и надпись.

Отец и сын – Нарин Ованнес и Мкртич из Зимара также были преданы мученической смерти.

Бидза-Мкртич после этих событий и черных дел отправился на чужбину – в Полис. Там гнчакисты хотели его предать террору в наказание за его поступки. Но затем потребовали убить духовного предводителя Алашкерта вардапета Мамбре /кажется Паронян/. Этот вардапет, обвиненный как революционер, вызван был в Полис и для того, чтобы спасти свою шкуру, согласился заняться доносами. Сбросив с себя рясу стал доносчиком у Назыма. Бидза-Мкртич успешно справился с заданием. Ему простили его прошлое и он возвратился в ряды своих товарищей.

После принятия «Конституции» он в качестве дашнака появился в наших краях, много раз бывал в Себастии. В краях Гарахисара развернул активную деятельность. Видно Бидза не забыл о своей старой мести. В «Азатамарте» появилась статья о том, что ага Хачик из Зимара, проходя через лес, был убит затаившимися курдами. Я, который хорошо был осведомлен о происшедших событиях, догадался, что убийцей в засаде был Бидза. Мое чутье меня не обмануло. После проверки я выяснил, что на самом деле убийцей господина Хачика был он, Бидза. Так или иначе

вспомни о **Божьем праведном суде**, согласно которому человек несет ответственность за тот или иной свой поступок. И по прошествии лет на том же месте, на той же виселице, на которой 20 лет тому назад по его вине повисло изможденное тело его жертвы Натаника, теперь повесили Бидзу-Мкртича. Он искупил свою вину и из старого человека получился очень хороший деятель и заметная сила в революционных рядах.

Вышеназванный Хачик ага был не очень надежным человеком. Питаемая к нему со стороны Бидзы ненависть, которую он ставил выше национально-общественных интересов, давно укоренившаяся ненависть была результатом вражды.

Мы говорим вслед за нашими дедами: **«Пусть человек сам благословит свои дела»**, или, как говорили в старину: **«Человеку ложкой подается то, что он сам приготовил»**.

Перейдем к нашей теме, мы довольно отошли от нее.

ИЗ МАЛЕНЬКИХ ОБЛАСТЕЙ прибывают в Себастию видные турки, беи черкесы, из Гошкерии и других мест известные курды и получают устные поручения о выселении из подвластных им земель армян, их уничтожении, подготовки погромщиков-четов. В их числе находятся и каймакамы этих областей.

АРМЯНЕ, С ВАМИ СЛУЧИТСЯ НЕСЧАСТЬЕ (т). – Турки уже возбуждены до предела, превратились в крепкий уксус, разъярились..... смело говорят, угрожают...: **«Армяне, с вами случится несчастье, ваши последние дни. Думаете вы спасетесь, выскользнете?» (т)**, – говорили они своим знакомым армянам.

ПОЦЕЛУЙ ВАРДАПЕТА ТЕР ШАВАРША. – Один видный турок, Эллез задэ Халит бей, был когда-то редактором газеты «Виджтан» («Совесть») и прославился как итилафакист¹, при разговоре о тревожном положении дня говорил: **«Армяне, вы не знаете, не представляете, кто из вас в каких горах, в каких пустынях должен оказаться. Будете искать смерть, и не найдете. Все видели поцелуй вашего вардапета Шаварша, все ваши невзгоды и беды из-за вашей глупости»**.

Чем был поцелуй вардапета Тер Шаварша, расскажем:

Отмечалась первая годовщина незаконорожденной «Конституции». На торжествах присутствовал также Его преосвященство Тер Торгом с представителями Народного собрания и с учениками. Каждый из турецких ораторов превратился в соловья. Они друг за другом выходили на сцену,

восхваляли и славил Османскую Конституцию и породившего ее чудо отца – иттихад.

Его преосвященству Торгому предложили дать слово кому-нибудь из армян. Преосвященный пригласил выступить вардапету Тер Шаваршу. Он поднялся на сцену и, сравнив с землей старый диктаторский режим, стал прославлять османскую Конституцию, хвалить мирное сосуществование и братство составных частей народонаселения Турции. И для демонстрации этого братства на сцену пригласил одного моллу – Али-Кэолэ Метафу эфенди⁶⁹, обнял и поцеловал его.

Молле, как и всем присутствующим туркам это не понравилось. Где это видано было, чтобы армянский церковнослужитель целовался с моллой.

Молла, чувствуя себя после этого поцелуя оскверненным, отправился в баню, дал совершить гусыллэтмиш – омовение и лишь после этого вошел в гарем...

Турецкое раболепное мышление пример религиозного фанатизма.

ВООРУЖЕНИЕ ЖАНДАРМОВ. – Из мобилизованных для военного марша 35-45-летних солдат пополняли ряды жандармов. В эти дни отряды жандармов упорядочивались, с ног до головы были вооружены и лихорадочно участвовали в маневрах...

ЧЕРНЫЙ СПИСОК. – Во всеуслышание было сказано, что турецкие мухтары в своих кварталах составляют списки армян...записывают молодых, подозрительных, интересуются незнакомыми именами...

Совсем недавно мы поняли, что **Черный список** был **Списком смерти**, который готовили. С одной стороны списка записывали людей квартала, в котором проживали важные армяне, с другой – иттихад, опрашивая турецких эснафов, узнавали у них имена армянских ремесленников. Правительство в свою очередь составляло список. На основе этих списков составлялся **общий смертный список**, по которому немного спустя были произведены общие аресты.

ГНЧАКСКИЕ И ДАШНАКСКИЕ КЛУБЫ также обыскиваются. – Захватываются все бумаги этих партий, архивы, имущество, а клубы закрываются.

⁶⁹ Греческие предки этого моллы были взяты в плен и привезены в Себастию и проданы как рабы – кэолэ, впоследствии приняли ислам и стали одними из эшрафских турецких семейств Себастии, сохранив однако в фамилии слово раб – Кэолэ-заде. Этот молла был кандидатом в османские депутаты (Г).

Важные архивы гнчакской партии – документы, протоколы, письма, списки имен давно были спрятаны и исчезли.

Захватывают типографии Карапета Парсамяна, газета «Хогдар» давно была закрыта.

СПЕШКА ТУРЕЦКИХ ЗАИМОДАВЦЕВ И ИСТЦОВ. – В эти дни среди турок замечается какая-то поспешность. Все те, кто с армянами имели счета, ждали от них выплаты долгов, старались поскорее получить, рассчитаться. Так за день до общих арестов, турок, который с армянином имел денежные дела, потребовал возврата долга. Армянин дал половину требуемого, об остальной части сказал: «Приходи завтра, дам»... «Будет ли открыт твой магазин?» сказал турок, и запер за собой дверь. Армянин ничего не понял. Турок купец Самсон Нэмли-заде посылает частного служащего в Себастию, закрывает все счета с армянскими купцами и прерывает с ними все связи.

А немного ранее этого правительство разрывает все контракты, заключенные с армянскими представителями, и объявляет их недействительными, не давая никаких разъяснений по поводу их требований.

Требования армян к туркам остались без ответа. Правительство еще шесть месяцев тому назад, быть то в городе или деревне, строго наказало туркам не выплачивать армянам долгов, а армянам запретило требовать у турок их имеющиеся долги.

НЕДАЛЬНОВИДНАЯ ЖАДНОСТЬ АРМЯНСКИХ КУПЦОВ. – В то время как армянский мир был в слезах и горе, на него обрушилось все это. Армянские купцы гнались за кэлэпюри-наживой. Хорошо зная, что извне уже не поступят товары и цена их повысится в десять раз, дом Ипрасянов и Михран Одабашян, директор Пон Маршэ, и другие стали скупать товары – сахар, кофе, спички, курительную бумагу и пр., и пр., не обращая внимания на цену. Какое сердце, какая жадность, особенно какая близорукость?

Готовят тюрьмы. – Уже говорилось о том, что для тюрем искали место. В какой-то момент решили опорожнить Армянский купеческий Каменный постоянный двор, освободить бани и превратить в тюрьму. И дали указ относительно правительственной тюрьмы, так как турецкие арестанты уже были выпущены из тюрем, а армянские – выведены из медресе и убиты.

ОБЩИЕ АРЕСТЫ. – Утром 3-го июля, в четверг, 1915 года народ спускался на рынок, открыли магазины. Но люди еще не успели приступить к работе, как отряды жандармов с обнаженными мечами, оцепив рынки, настолько глухо закрыли все проходы, что и птица через них не могла пролететь. Группы полицейских и жандармов со списками смертников в руках стали арестовывать армян прямо в торговых домах, магазинах, на рабочих местах, на дорогах и в проходах. Всех собирают в сторожевом пункте рынка и затем посылают наверх в тюрьму. Магазины, торговые дома закрывают, опечатывают. Армянин отныне не хозяин ни себе, ни своей жизни, ни своего товара, имущества. Это длится до самого вечера. Примерно 3 500 человек было брошено в тюрьму.

Оцепили также национальные и иностранные учебные заведения. Из учителей Национальной школы были арестованы Мигран Испирян, Мигран Чугасян, Акоп Минджукян, из школы Санасарян – Айк Срапян, Мушег, из Американского колледжа – Микаэл Фрэнкюлян, один из его племянников и др., из Училища иезуитов – Аветис Семерджян, Григор Ктикян, Сеник Палеозян, из Городского Совета – председатель Бениамин Топалян, из депутатов Областного Народного Собрания – председатель Воскан Аслан, все члены национальных благотворительных заведений, все партийцы, доктора, аптекари, почти все люди умственного труда. Из мясников ремесленников почти никто не остался на свободе. Составляя списки смертников, они так тщательно проводили свои поиски, что даже чуть не арестовали человека, по имени Тэллал Индженюк Мато, который развешивал афиши партий, или прекрасно играл на гитаре Хаджи Погика, который после национальных или партийных собраний услаждал народ своей игрой на гитаре. Они были арестованы в своих домах, как вовлеченные в национально-общественную работу. Не пощадили также армянских правительственных чиновников: комиссара полиции Ара Палиозяна, комиссара Мкртича Пучагчяна, полицейского Георга Апечяна, землемера Серобэ Одабашяна, юриста Мкртича Полатяна, телеграфиста Арама Акиняна, чиновника мэрии Амбарцума Палиозяна, архитектора мэрии Ованнеса Фрэнкюляна, переводчика французского консульства Манука Ансуряна, учителя Национальной школы и правительственного

чиновника Вагана Московяна, и многие другие были арестованы. Списки этих арестантов мы представим в конце книги.

На всем рынке воцарилась мертвая тишина...распростерлась черная завеса смерти, весь город погрузился в траур. Каждый армянский дом превратился в дом покойника. Из мирного армянского ердика⁷⁰ слышны безутешные стенания, вопли, плач и рыдания.

За один-два дня до этих арестов турецкому населению роздали оружие, предупредив быть готовыми к любым неожиданностям и помощи правительству в случае вероятного побоища.

Во время этих арестов к правительственному дворцу для его охраны во главе с Али-шериф бейем был приставлен вооруженный отряд жандармов Алай-бей. К нему вели и ему передавали арестованных, а он их сопровождал в тюрьму. Привели и какого-то чумазого ученика кузнеца. «Что это такое, почему его привели?», – говорит бей. И, обратившись к мальчику, спрашивает: «Слушай, ты тоже, сидя в кофейнях, даром читаешь газеты, следишь за вестями, интересуешься?» Мальчик отвечает: «Нет, бей, нет, я неграмотный, даже читать-писать не умею». Алай бей дал ему пощечину и сказал: «Иди, сгинь с моих глаз».

Эти печальные вещи происходили утром. Я проснулся от какого-то тревожного сна, слегка закусил и собирался отправиться в школу. Ноги мои двигались вперед, голова отказывалась думать. В это время домой прибежал мой брат, красивший новое здание телеграфа и стал невольным очевидцем всех событий. Дрожа и бледнея он сообщил мне: «Карапет, так обстоят дела – кого задерживают, бросают в тюрьму. Не выходи из дома, давай переждем, посмотрим в чем дело». И с того дня я заперся и оставался дома до дня депортации.

Наши соседки турчанки интересовались мной, спрашивали детей моего брата, что стало с их дядей, дома ли он? Мы заранее предупредили малышей, чтобы они молчали. И они отвечали, что он арестован. После этого те перестали интересоваться.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДВОДИТЕЛЯ ЕПИСКОПА ТЕР ГНЕЛА. – Добрый Предводитель, прислушавшись к скорбным мольбам женщин, обратился к злодею Муаммэру: «Что такое, что за повальные аресты, какое преступление совершила моя законопослушная, верноподанная паства? В чем они виноваты, до сего дня они не нарушали ни одного приказа твоего правительства. Если находишь их достойными суда,

арестуй меня вместо них и повесь». Трижды великий Тамерлан Муаммэр говорит с притворной добротой и лицемерием: «Сделал я это желая твоему народу добра. Знаешь ли ты Мурахас эфенди, что в эти дни восстал Гарахисар. Армяне немилосердно убивают наших воинов и безоружных турецких жителей. Достаточно турецкому народу возбудиться, тогда ничем его не остановишь. Возможно и здесь турки устроят побоище, народ погибнет. Тюрьма самое безопасное место, там они какое-то время побудут в безопасности». К этим словам он добавил свой ядовитый припев: «Мурахас эфенди, ты духовный человек, не очень вмешивайся в эти дела. Ты еще здесь новичок, не знаешь, не знаком с армянством Себастии. Какие это опасные люди, знаю лишь я».

Бедный Предводитель, не добившись никаких результатов, понуро вернулся.

На следующий день также было задержано много мужчин, пришедших навестить арестованных.

ВТОРИЧНЫЕ АРЕСТЫ. – Турки просмотрели списки арестованных и увидели, что в заранее подготовленных списках приговорных к смерти, отсутствуют многие имена. Поэтому через восемь дней начались повторные аресты. Полицейские вместе с жандармскими отрядами стали рыскать по кварталам, улицам, осаждают дома преследуемых, охранять входы и выходы домов, слуховые окна. Они с шумом выбивали двери, приводя в ужас жен, детей. В доме все переворачивали, женщин, детей, стариков избивали, мучали, угрожали смертью, требуя выдачи мужчин.

Обнаруженных мужчин со связанными за спину руками, погоняя ударами вели в тюрьму. Во второй раз было арестовано 800-1000 человек, в числе которых был местоблюститель Предводителя, энергичный священник Тер Маттеос Кркрян. Просторные помещения тюрьмы – говуши оказались тесными для примерно 5 000 арестованных, часть их поместили в темных и сырых подвалах школ Шифи и Кэов.

Во время этих повторных арестов постучались в нашу дверь. Домашние вели наблюдение через окно, смотрящее на нашу уличную дверь. Жена брата побежала открыла дверь, полицейский со списком смертников назвал мое имя, спросил обо мне. Жена брата спокойно и безмятежно ответила: «У нас мужчин с этим именем нет. Единственный мужчина Бояджи Хаджи-Уста, известный правительству человек, работающий в правительственном здании».

⁷⁰ Ердик – слуховое окно на кровле дома.

Люди замолчали и ушли. 20 лет тому назад я был арестован и четыре года сидел в тюрьме, но знавших меня чиновников не осталось, все полицейские были новыми лицами из Румэлии. И в годы «Конституции» меня в правительственных кругах как партийца не знали. Я всегда старался оставаться в тени, так как у меня было глубокое недоверие к новым порядкам. И наши турецкие соседи, за исключением одного дома, меня не знали, не знакомы были с моим прошлым. Почему я, думаю, особым преследованиям не подвергался.

На второй и третий дни из этих арестованных было освобождено лишь несколько человек с учетом их очень большой надобности. Среди них геодезист Серобэ Одабашян, фотограф А. Ынкапапян, мастер епенагорц¹ Назарет Брутян. А турки уже не церемонясь открыто говорили, что арестанты приговорены к смерти и их следует убить, всех уничтожить.

ПОСЕЩЕНИЯ ТЮРЬМЫ. – Остались одни женщины, которые со слезами на глазах спешили посетить своих любимых родных. Отродья ада, тюремщики и жандармы со свирепыми лицами какую брань, какие проклятия, какие ранящие душу слова обрушивали на их головы, как издевались над ними! Часами заставляли ждать под стенами, и только после денежного вознаграждения, с трудом, унижительными словами звали арестованного. В узких проходах встреч еле различимы были их скорбные, убитые лица. Арестованные стараются утешить, укрепить своих несчастных посетителей, чтоб не падали духом, дают им последние наказания.

Бедные женщины со скрещенными на груди руками скорбно возвращаются домой и оплакивают заживо похороненных своих возлюбленных. Они благословляют Богородицу и молят о защите. Женские печальные песни, скорбные вопли плача и рыданий, возносившиеся к небесам, к Создателю, могли бы разбить камни. Свет над их головами погас, лишившись разума они были похожи на овец, потерявших своих ягнят, забыли о еде-питье, лишь капельку воды на сожженное бедой сердце. Ночного сна не было ни в одном глазу, падали на землю, потом внезапно вставали, с воспаленным умом, с уязвленным сердцем, с невыносимыми муками думая о своих любимых.

В эти дни, подобно Себастии, в Евдокии, Амасии, Марзване, Зилэ, Никисаре, Хэрэке, словом, по всему вилайету собирали людей мужского пола и тысячами бросали в тюрьмы, и по ночам группами увозили в

безлюдные заброшенные места, в горы, глубокие ущелья и там предавали мучительной смерти.

Предводителю мужественных, отважных людей Евдокии вардапету Тер Шаваршу сказали, что везут его в Себастию, и усадили его в фаэтон. Через два часа, достигнув источника Гызыл-Эничи Кюн-Кэрмэза, жандармы велели ему сойти с фаэтона. Вардапет Шаварш сказал кучеру: "Назарет, видно они меня должны убить, хоть ты подумай о себе, беги». И в самом деле, кучеру удалось бежать, и когда он уже был далеко, услышал звук выстрелов. Так убили пречестного вардапета, выкололи глаза, тело до неузнаваемости изуродовали и растерзали.

Священнику Зилэ дали в руки Крест-Евангелие, поставили впереди арестантов и сопровождали на бойню в топи, именуемые Газ-Кэоли. Себастиец фармацевт Тигран Серайтарян /сын Прота Гаспара/, преданный гнчакский деятель, обратившись к палачам человекоубийцам, сказал: **«Не думайте, что убив нас, вы разделаетесь с нами, наше следующее поколение будет господствовать над вами, и вы будете рабами под их ногами».**

В Кюрине также прежде всего арестовали всех видных людей: предводителя епископа Тер Хорена Димаксяна, из протестантов – преподобного Петроса Димаксяна, почтенного армянина. Усадив видных людей и священнослужителей Кюрина в карету, сказали им, что их отправляют в Себастию. Через час всех спустили с кареты и обезглавили. Чтобы удостовериться каймакама в том, что их в самом деле зарезали, палачи-жандармы отвезли голову предводителя и показали ему. После этих событий в Кюрине, как и в других местах, всех людей мужского пола, вплоть до младенцев, арестовали, по ночам группами уводили и убивали. Проводом измеряли рост мальчиков и у кого рост был выше одного метра десяти сантиметров, тех забирали и убивали.

Везде текла армянская кровь. И эти немилосердные палачи, человекообразные чудовища кричали в лицо своих несчастных жертв: **«У вас нет бога, Аллах – наш, и мы ваши Аллахи. Где ваш бог, ваш Христос, пусть придет и освободит вас из наших когтей».**

После депортации Себастии примерно 5 000 армянских арестантов группами по ночам отправляли на гору Майрагом, выше церкви Сурб Акоп, в местность, именуемую Гарлых, выше Хоныктура, в ущелья Чэлэпилэр и там убивали. Так длилось два месяца. В самой последней

группе были оставлены все наиболее влиятельные личности, интеллигенция, видные люди, партийцы. В эту ночь на этом ужасном представлении присутствовала турецкая общественность города, кровожадный Муаммэр, военные и городские чиновники. Учителям Миграну Испиряну, Акопу Мндзукяну до убийства приказали произнести речь. Речь Испиряна прервали на полуслове, сказав: **«Не заставляйте, чтобы эта проклятая книга много говорила»** (т). Муаммэр, взяв кубок с кровью Топальяна, выпил.

Соответственно цели нашей книги мы по очередности дней упоминаем о происходивших событиях, о том, что случилось после нашей депортации из Себастии, какие события имели место, что сделали несколько молодых людей, обо всем этом будем говорить в отдельных главах. В конце книги отдельной главой обратимся также к обстоятельствам депортации каждого города и многих деревень.

ЗАХВАТЫВАЮТ ТАКЖЕ НАЦИОНАЛЬНУЮ БОЛЬНИЦУ. – Разнузданное турецкое правительство захватило также это изумительное благотворительное учреждение себастьских армян, с отдельными этажами и отделениями для мужчины и женщин, с богатым набором лекарств, с хирургическими инструментами и клиникой. Больница имела приносящие доходы недвижимые угодия, годичный бюджет в 2 500 золотых. Оно было 50-летним учреждением, основанным несколькими молодыми благотворителями⁷¹ за 100 пара⁷². Постепенно расширившись, оно разбогатело благодаря щедрым взносам народа, вспомоществованиям и подаркам. Себастиец, как заботливая мать, пекся об этом учреждении. 150 кроватей было выделено для больных турецких воинов. Здесь лечилось множество военных, офицеров, а поправившись, с тысячами благодарностей они выписывались. Неблагодарные, подлые турки?...

МУАММЭР ДАЕТ СФОТОГРАФИРОВАТЬ отнятое у армян в городах и селах оружие, украшавшие в клубах фотографии героев партийцев, и с обвинительным текстом отсылает в Полис. Это публикуется в газете **«Полислэр Мэнмуас»**, как и в книге, обвиняющей армян в деятельности, направленной к разделению... Видя, что количество запрещенного оружия составляет незначительное число, к нему как к якобы отобранному у

армян, добавили правительственное оружие. При внимательном рассмотрении этих фотографий можно заметить, что приложено немало усилий для того, чтобы заснять как можно больше оружия. Так например, раздвижные стволы десятизарядных маузеров поставлены отдельными рядами от их оснований. Это ли не фокус? Но это еще ничего. Это лишь невинный пример. Но вы послушайте басню. Ее мне рассказали в Ракке кесарийцы. За день до расстрела кесарийцев их сфотографировали. До сих пор все понятно. Им в руки дали по одной, две, три редькам, разделанных как динамит и бомбы, и сфотографировали. Кто мог подумать, что в руках у них редьки? Вот до чего может дойти коварство турок...

ДЕПОРТАЦИЯ АРМЯНСКИХ СЕЛ. – Много дней тому назад, до 16-го июня, депортация армянских сел Верхней Долины реки Галиса была завершена. Еще раньше почти полностью турки уничтожили мужскую часть населения сел. В каждом селе с трудом можно было найти несколько стариков и детей. Для отнятых у сел телег в качестве извозчиков взятые дети и юноши все поголовно также были убиты на дорогах Эрзерума. Повсюду кровь, горы трупов... Лишившиеся мужей крестьянки, царственные невесты, нежные как шелк девушки, разлученные со своими сужеными, все, все с подрезанными крыльями, с поломанными ветвями, раздирающем душу плачем и воплями, с причитаниями расставались с вековыми землями, с отчим домом, семейным очагом, с зелеными лугами, с вкусными холодными родниками, с молочными реками, с землями, окрашенными кровью мучеников, целуя в последний раз ворота дома, с наглухо забитыми дверьми. С запекшимися губами припадали горячими поцелуями к овдовевшим часовням, крестам, хачкарам, к осиротевшим местам поклонения, святыням.

Имущество и достояние, домашние животные, отары овец, стада коров, жеребцы, волы захвачены, за копейки продаются в Гочасаре и в Себастии. Зазывалы приглашают покупателей турок на распродажу. Чернь соседних турецких деревень как голодные шакалы рыщут по армянским деревням, грабя оставшееся имущество и достояние, мебель, животных, кур, цыплят и т.д.

От края и до края в Долинах Галиса глубокая смертельная тишина, черный траур и разрушение, могильное безлюдие. Черные стаи ворон, хищных птиц слетаются на мертвые тела, отовсюду слышен ужасный крик сов.

⁷¹ Акопом – Апкаром из Стамбула, Кюринджи Эмми, цюрильником Гарегинном Вардапетяном, Маттеосом – господином Кюркчяном и многими другими (Г).

⁷² Пара – мелкие деньги, монета; сороковая часть пиастра.

Первым долгом депортировали село Ковтун. С моста Цур (Кривого моста) многие женщины с детьми на руках брошены в реку Галис. Друг за другом депортируют другие деревни. По дороге Гардашлара они доходят до Ганкала, где присоединяются к караванам, идущим из города. Ночью в глубокой тишине, в безлюдии эхом отдается скрип телег. Оставшиеся в деревнях мужчины очень скоро выводятся из караванов и на дороге Хорсаны, в ущелье Пунага их убивают жандармы, черкесские убийцы.

5

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ДЕПОРТАЦИИ ГОРОЖАН. – 18-го июня 1915 года Муаммэр вызвал к себе Предводителя епископа Тер Гнела и вардапета армянских католиков и объявил им, что по высочайшему приказу армяне временно должны быть депортированы и переселены в Месопатамию, и повелел известить народ быть готовыми к этому до понедельника 22-го июня.

В тот же вечер армянские мухтары были вызваны в караульные части своего округа. Они с трепетом вошли в здание, пройдя через строй жандармов с обнаженными мечами, стоя выслушали речь комиссара караульного отряда, который с суровым лицом объявил им:

«Свыше шестисот сот лет армяне живут под славным покровительством Османского государства. Наши блаженной памяти султаны, начиная с Фатиха, дали вам всякие привилегии и концессии – по сей день вы придерживаетесь вашей веры, языка, существуете. Благодаря Османскому государству вы разбогатели, процветаете. Ремесла, торговля были в ваших руках. Вы наслаждаетесь всякими благами и покоем. Но неблагодарно, нагло попрали все блага этого государства, пренебрегли этим и подняли знамя восстания против него в Ване, Зейтуне, Гарахисаре и во многих других местах. Мэпус Эрзерума Гарегин Бастырмаджян, названный вами Армен Гаро, несмотря на то, что в месяц присваивал себе 50 золотых, сидел на золотых мэпусовских креслах, сейчас, возглавляя армянские отряды четов, вторгается в наши кавказские пределы. Если бы местное правительство не было бдительным, не расшевелилось, то здесь также разгорелось бы восстание и в османской армии, не дай Боже, вы нанесли бы удар в спину.

Наконец вы «Народ предатель, грязный народ» (т) полностью проявили себя. Поэтому по высочайшему повелению и шариатской фетве Шейх-уль-Ислама решено ваше **вечное** выселение в Месопотамию, в Арабские пустыни, никто не должен остаться. «**Не останется даже вашего запаха и следов ваших испражнений**» (т). Идите, скажите жителям ваших кварталов, чтобы к понедельнику были готовы...».

С застывшей кровью в жилах, с опущенными головами мухтары возвратились.

Для себастицев это было начало черного дня, черной пятницы, приведенное в действие печальное известие разнеслось повсюду, во всех домах слышались горестные плачи, во всех местах – отчаянные вопли. Женщины рвали на себе волосы, били себя в грудь. О какой камень разбить свои головы? Куда идти? К кому обратиться? Каким снегом покрыть свою голову? Кому рассказать о своем черном горе? Перед кем разразиться слезами и поведать об этом ужасном бедствии? Небо стало медным, черным. Внизу земля стала железной. Мужчины сломленные, согбенные! Сердце не может вынести, со скорбными лицами, со сложенными на груди руками, с опущенными глазами, не могут они смотреть на белый свет! Весь мир для них объят мраком. Священное Писание-Евангелие! Невозможно представить, что такое могло произойти. Оставить дом, край, богоданную армянскую землю, где ты родился, вырос. Расстаться с царским престолом – с Солнцем Сурб Ншаном, величественными храмами, прекрасными церквями, с Сорока отроками, разлучиться с могилами предков!

Подобно траве, унесенной сильными ветрами, разрушительной бурей, штормовыми волнами, которые должны вынести их к чужестранным берегам, в темные миры, где повиснув на чертовых мостах над безднами, они должны оказаться в испепеляющих пустынях и стать пищей животных страстей турок, звероподобных курдов и им подобных черкесов, мерзких порождений пустыни алевых¹ агарян, наконец – стай собак, гиен, шакалов, черных стай хищных птиц, всего, всего содействующего ненавидящих армян турецкому деспотизму!

Хранительница семейной чистоты свекровь не может смотреть на подобных солнцу башни-крепости невесток, заботливая мать – на расцветших девочек. И когда они представляют, что их ожидает, лишаясь разума,

они заламывают руки, бьют себя в грудь, думая о том, в руки каких мерзавцев они должны попасть! В беспощадные когти каких чудовищ будут преданы! Они не видели дневного света, не смотрели в дверь, окно, боясь, что их могут увидеть турки. Молоденькая женщина останавливает свой взгляд на своих несовершеннолетних детях: кто в колыбели, кто только начинает ползать, кто на руках – душа раздирается, все сжимается – это что за камень, что за огонь и пепел обрушились на мою несчастную голову? Нет над головой отца! Куда увезти, что предпринять? В отчаянии она рвет на себе волосы. Малые детишки, потеряв детскую резвость, съежившись, уstraшенные, не могут соразмерить случившееся со своими детскими играми, дом все вместе с детьми – отчаявшиеся, бледные. Мужчины, не зная, что делать, сокрушенные, сгорбившиеся, ослабевшие, надежды, мечты остались не осуществленными, не могут оторвать глаз от земли, посмотреть на белый свет, мир для них стал черным. Как оставить бросить книги – Евангелие, дом и имущество, богодатную армянскую землю, свою отчизну, где ты родился, рос, воспитывался, как расстаться с царственным престолом Солнцем Сурб Ншаном, величественными храмами, великолепными церквами, отлучиться с сонмами предков – Сорока отроками?

Подобно соломе, развеянной бурными ветрами, мы будем унесены разрушительными бурями в чужие, незнакомые страны, в темные миры, на вершины гор, куда не ступала нога человека, на чертовы мосты, висящие между пропастями, станем пищей коварных турок, звероподобных курдов, убийц чеченцев, мерзких порождений пустыни голоногих агарян-алевикиков и, наконец, стай собак, гиен, шакалов верениц черных стервятников, всех, всех от природы кровопийц, союзников армянопожирающей турецкой деспотии.

Ревностная защитница семейной святости свекровь не может смотреть на своих невесток, несущих в себе частицу солнца и красоту величавых башен. Заботливая мать, взглянув на расцветшие как бутон луноподобные лица своих девочек и представив, что их ожидает, в безумии бьется в рыданиях: завтра они в руки каких собак-гиен попадут, в когтях каких беспощадных зверей окажутся? Они не видели солнца-луны, не выходили за дверь, не показывались у ердика. Матери их оберегали от взглядов сладострастных турок, чтоб мирро с их лица не сошло. Малодая мать

смотрит на своих малолетних детей, один в колыбели, другие на полу, третьи начали ходить, одни – на руках у матери. Она теряет рассудок, слабеет от мысли, что с ними может случиться. «Это что за камни-железо, что за огонь, пепел посыпались на наши бедные головы, – вопит она, – нет над головами отца, куда вести, что ей делать», Теряя рассудок, она рвет на себе волосы. Дети, потерявшие детскую радость, не могут понять происходящее с ними. Целые дома-семьи с детьми пребывают в оглушенном отчаянном состоянии.

ОТЧАЯННЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ. – Прошла пятница, в субботу большая группа женщин, в частности, семьи арестованных, с грудными детьми на руках, со слезами, ждут перед правительственным зданием на площади. Трижды великий Муаммэр, окруженный своими погаными телохранителями, гудя подъезжает на карете. Женщины с плачем бросаются перед ним, бросают детей, бывших у них на руках, под ноги буйных лошадей, как перед новым детопожирающим Ваалом, оставляют руку, бросаются в ноги, от лишенного милости Молоха молят о милости, от безжалостного шакала просят пощады, от того, который говорил: **«Если буду знать, что в одном из моих волос есть капля жалости, выдерну его и брошу в огонь».**

Перед этой душераздирающей картиной якобы смягчившееся сердце-камень льет крокодиловые слезы и говорит: **«Не в моих руках, решение окончательное, но добро, которое я вам делаю, поймете потом».**

Они просят, хотя бы отпустить арестованных:

– Будьте спокойны, – добавляет он со скрытостью пса, – я пошлю их вслед за вами.

Несчастные, совершенно запутавшись, пошли, пали в ноги Его преосвященства Предводителя, прося найти выход из этого невыносимого положения, безмерного, неизбывного горя, от этого неугасимого огня.

ДОБРЫЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ, не устояв перед мольбами несчастных, обращается к наместнику хотя бы для семейств военнообязанных сделать исключение и не высылать их, напомнив о полученном из Полиса соответствующем приказе. Но тот остается как прежде неумолим: **«Такого приказа нет, такой приказ к нам не поступал»**, – говорит безжалостный.

Предводитель с такой же просьбой обращается к военачальнику, но и от него возвращается ни с чем.

ЗАЯВЛЕНИЯ ТУРЕЦКИМ ЭШРАФАМ. ИХ СОВЕТ. – Женщины решают обратиться к соседним турецким эшрафам, в частности, к Хаджи Али бею задэ Нури бею, к Ариф эфенди заде Нури эфенди⁷³, к Башкеатип Тейфик эфенди, напоминая им вековые добрые отношения, права миролюбия. Нури бей, старый волк, расчувствованный, не смог сдержать рыданий и со слезами на глазах сказал: «Мы очень сожалеем о случившемся с вами. Безумная затея, но в наших руках ничего нет, мы ничего не можем сделать. Это все дело рук правительства и никакое вмешательство невозможно. Если бы я мог дать вам совет на время принять ислам, пока не уляжется эта буря, может быть таким путем вы сохраните свою жизнь». Остальные эшрафы дали тот же совет.

В ВОЕННЫХ КАЗАРМАХ офицеры принуждали армянских воинов принять ислам, если они не хотят сгинуть, как их родители. Добавляя при этом, что в сопровождении турецких воинов они поведут их к родителям, чтобы получить их согласие. Родители еще раз сказали и повторили: «Отречься от света-веры Христа, света Просветителя? Это мы должны были увидеть?». Сколько молодых воинов сошло с ума и покончило с собой. Молодой парень сын Аддара Одабашяна Хаджи Ованнеса пошел в церковь и принял причастие, а затем вернулся в казарму, накинул на шею петлю и повесился. Молодой человек по имени Галуст Жамкочян, обезумев, несмотря на то, что товарищи следили за ним, повесился. Удрученный некто по имени Оваким Пахламаджи в отчаянии сам себя ранил, оскопил, пытался повеситься.

В РАЮ ИСЛАМСКИЙ КАЛЕНДАРЬ ЗАКРЫТ. – Чтобы под рукой иметь необходимое количество армянских ремесленников для нужд города и страны, в городе распространился слух о том, что принявшие ислам должны остаться, не будут выселены. В связи с этими слухами довольно многие подали заявление в Итарэ-Мэджлис. Тех, кто им был нужен, отобрали, остальным в лицо бросили заявление, сказав: «Приня-

тие ислама народом предателей Шери не признает, и в раю исламский календарь давно закрыт».

Так приняли ислам портной наместника мастер Фрэнкюл Каро, Мси-Гоченц Воскян, маранкоз⁷⁴ Брутян Назарет, фотограф Ынкапапяннер, из богатых семейств и купцов Мириджан Одабашян, Карапет Шегэнян, Егия Пагальян и многие другие.

АРЕСТОВАННЫЕ УВЕЩЕВАЮТ, УКРЕПЛЯЮТ И ПОУЧАЮТ СВОИХ БЛИЗКИХ И НАРОД. – Движимые тревогой этой исламизации многие, в частности, из имущих людей отправляются в тюрьму, посоветоваться со своими близкими, убедить их принять ислам, чтобы самим спастись и свои семьи освободить от этой беды. Бениамин Топальян, Сенекерим Пагальян, Воскан-Аслан, как и все остальные арестанты с упреками наставляют их и запрещают своим семьям делать это, говоря, если весь народ должен погибнуть, пусть погибнут и они. Но если они отрекутся, то арестанты откажутся от своих семей и детей. Советуют им избрать смерть у порога своего дома, не отречься, не переселяться, не оставлять своего дома и спастись в горах.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗАПРЕЩАЕТ ТУРКАМ ПОКУПАТЬ У АРМЯН ТОВАРЫ и предупреждает, что покупатели будут строго наказаны. А турок, который укроет в своем доме армянина или защитит, будет повешен перед своей дверью. Если среди арестованных армян есть должники туркам, тут же требуют уплаты долга. Если же армяне говорят о задолженности турок, им говорят, что эти ваши требования умрут вместе с вами.

МИСТЕР ПАРТРИЧ, американский армянолюбивый миссионер и директор Американского училища, в эти дни отправился в Полис и оттуда в Америку и вел антитурецкую бурную пропаганду, в частности, против армянофобской турецкой политики, призывающей к уничтожению армян, с заявлениями обращаясь к крупным политическим деятелям.

21-ГО ИЮНЯ, УТРО ВОСКРЕСЕНИЯ. Звонарь Кафедральной церкви последний раз сзывает народ печальным скорбным звоном в церковь. Мужчины, укрывавшиеся в домах, не могли выйти из дому. Женщины, облаченные в черное, большими группами идут в церковь, чтобы найти

⁷³ Его предок, говорят, некий человек по имени Аракел был первым советником царя Сенекерима, принявший впоследствии ислам и служивший во дворце при Сенекериме в качестве мютеввелла-попечителя в мэдрэсэ Шифайи. Внутри этой школы находится могила Сенекерима¹, ставшая местом паломничества армян. Они, говорят, имеют родовой документ-календарь, начиная со времен переселенцев из Васапуракана. Род Арифа эфенди по сей день остается мютеввеллом-попечителем этой школы (Г).

⁷⁴ Маранкоз (marangoz) – столяр, мебельщик.

там утешение и причаститься. Церковь переполнена людьми. Его преосвященства Тер Гнел совершает литургию, проникновенной проповедью утешает, успокаивает доведенную до крайнего нервного потрясения свою возлюбленную паству, напоминая о днях святых Варданидов¹ и со словами «Господи, направь»... желает им доброго пути.

Женщины проливают море слез, после литургии прощаются, знакомые, родственники встречаются в последний раз. По окончании литургии Предводитель посылает ключи церкви Муаммэру, но тот не принимает и отсылает их обратно с моллой, лицемерно заявив, что исламский закон не позволяет закрывать христианские церкви /!!!/⁷⁵. Жандармы с мечами охраняют ворота церкви, само помещение, захватывают архиерейство, также школьные сундуки, календари, документы Областного совета и всех Благотворительных заведений Себастии. До этих захватов предводитель и секретарь эфенди Кэровбе Аракелян из имевшихся в их руках денег посылают учителям Национальной школы и другим служащим в дома, взамен накопившихся за несколько месяцев их заработков.

ЛОЖНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ. – Муаммэр день и ночь был в сомнениях о возможности армян к сопротивлению. Начал играть на наивности армян, в то же время посмеиваться над ними, распространяя ложные слухи о каких-то разногласиях среди них.

Так во дни выселения Ковтуна и других армянских сел распространили слух о том, что жандармы посланы в Ганкал с целью возвращения переселенцев.

В этот же воскресный день Гусейн, сын Кютюка, хорошо владевший армянским языком, по дороге в церковь сообщал, **что пришло помилование и вас больше не будут депортировать.**

Эти простак, среди которых, по всей вероятности, были подкупленные, встречным женщинам, а также заходя в дома, сообщали об этом.

Соседние турки, как и турецкие офицеры, говорили армянам своего квартала, как и обратившимся с прошением семьям, имевшим мобилизованного воина и оплакивавшим их: «Потерпите еще 15 дней, все кон-

чится, все утихомирится. И вы найдете ваш покой /???/. Это будет для вас как путешествие к теплым источникам».

Почему бы и нет – ведь через 15 дней город уже должен быть выселен, на пути народ уничтожен, все должно было быть оконченным.

Было сказано также, что после выселения восьми-десяти важных и богатых кварталов, остальные кварталы **останутся**, как неопасные и бедные.

Так, о выходе последнего каравана, народ был в сомнениях из-за лживых слухов, источником которых было турецкое правительство и его глава Муаммэр.

Как было сказано ранее, турецкие соседи, караульные жандармы, обходившие кварталы были осведомителями, они строго следили за движением армян, за малейшим их передвижением. Высоко расположенные дома для них были наблюдательными пунктами. Поэтому и армяне не могли даже заходить к своим соседям. Они вынуждены были проходить через дверца ердиков (слуховых окон). Шпионы с кровель часовен видели эти тайные передвижения, тут же сообщали, квартал немедленно оцеплялся. Двери домов выбивали, заходили внутрь, начинали строгий обыск... Многие мужчины в это время были арестованы, допрошены и брошены в тюрьму.

МАСЛО АРИСЫ¹. – В эти дни переселения вышел приказ о том, что мужчины старше 45-ти лет должны быть мобилизованы. Под этим предлогом у многих людей брали по 44 петеля золотых.

ЗАЛОГИ, ОСТАВЛЕННЫЕ У АМЕРИКАНСКИХ МИССИОНЕРОВ. – Народ, прекрасно сознавал, что во время переселения на дорогах голодная-разбойничья чернь должна их ограбить, лишит всего, жизни, поэтому нес и отдавал в залог в большом количестве звонкую золотую монету, золотые-серебряные украшения, монисты, ценные бумаги и другие драгоценные вещи американскому миссионеру и наместнику доктору Грэффу^М Кларку и армянофилке мисс Мэйри Грэфым Кларк. Залоги клались в особые мешки. Скреплялись печатями и записывались имена всех получателей, наследников и американских родственников, чтобы впоследствии передать выжившим.

В последнюю минуту правительство, узнав об этом, к дверям миссионеров поставило полицейских, которые отнимали у многих прине-

⁷⁵ А... РАЗРУШАТЬ? Ты, постылая собака, Муаммэр, после выселения армян не оставивший ни села, ни города, ни церкви, монастыря или святых мест, хачкаров, даже армянских кладбищ. Все ты уничтожил, вандал (Г).

сенные залого. И мисс Грэфым, боясь, что они могут захватить бывшие у них залого, в сундуках закопала их в землю.

Муаммэр приказал захватить положенные до этого в османских банках вклады. Между тем Эрзерумский наместник, оказавшись более благо-расположенным к армянам, приказал выдать векселя за залого, деньги, украшения, заложенные в османский банк. Оказал и другую милость, разрешив всем свое движимое имущество, достояние в мешках, скреп-ленных своими печатями, отнести и хранить в церкви.

ДОКТОР КЛАРК неимущим семьям роздал по 3-4 золотых в качестве вспомоществования на дорогу, а делающим залого, посоветовал роздать бедным.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ НА ДОРОГУ. – Издревле одним из правил армянского народа было народное изречение: «И плачем, и идем»⁷⁶. После объявления депортации каждый дом день и ночь лихорадочно готовился к отъезду. В печках и тонирах⁷⁶ горел огонь, пеклись маслянистые сухари, хлеба, лепешки, опресноки, гата, сушеные съестные припасы, конди-терские изделия, готовились всякого рода запасы на дорогу. В глиняных горшках готовили сыр. В тюки клали масло, брали на дорогу легкую обувь, шили головные платки, вязали. С постелей снимали шерсть, доро-гие ткани, запасную одежду, брачные наряды, приданое, золото, золотые украшения прятали в разных местах, пришивали на одежду каждого члена семьи, в непредполагаемые места, подмышками, под низом пуговиц, на концах одеял, на детях, наконец, где-нибудь. В седлах ослов, чтобы в случае потери какой-то части, осталось хоть что-нибудь.

Мужчины были заняты торговыми или купеческими документами, или же в подвалах или в тайниках разных мест дома прятали сундуками золото на случай возвращения на свою землю.

РАЗГОВОРЫ О ТОМ, ЧТО ДЕВУШКИ И ЮНОШИ ДОЛЖНЫ ОСТАТЬСЯ. – Ужасных слухов всегда было предостаточно. Распро-странили слухи, что для ухода за больными, должны оставить девушек и юношей. Но то, что было задумано, не осуществили. Хотя в Евдокии, Эрэке, Никисаре и в других местах это сделали и роздали их чиновникам и туркам. Из Евдокии, собрав множество девушек, заперли в каком-то доме.

Когда они увидели печальное шествие караванов, свесившись с окон, с горестным плачем стали кричать: «Матери, куда идете, оставляя нас в руках этих зверей? Мы также с вами хотим быть, погибнуть вместе с вами». Родители, как овцы, потерявшие ягнят, рвали на себе волосы, били себя в грудь, заламывали руки. В Эрэке также множество девушек отде-лили, оставили. Военный тысяцкий лично для себя взял 12 девушек. Также из караванов Амасии, дошедших до Евдокии, отобрали 200 девушек.

ИЩУТ ОБОЗ. – С самого начала выселения семи-восьми караванам не разрешили купить телеги, подводы, нанять или купить вьючных живот-ных. Правительство из маленькой области Элпэк достало 2-3000 телег. Каждому дому дали всего лишь впряженного в одного вола телегу, на которой с трудом умещались необходимые вещи и еда. И так как туркам было приказано у армян ничего не покупать, большая часть добра дома, зерновые и другие продукты остались дома. Это добро власти за бесценок дали голодному люду.

Только несколько позже, во время отправки в путь последних кара-ванов, этот запрет о покупке у армян чего-либо несколько смягчился, и они смогли продать довольно много товара, но по бросовой, мертвой цене, можно сказать, даром. Кварталы и каждый дом превратились в базары. Турки – мужчины, женщины, дети – заполнили эти дома: постели, одеяла, мебель, мука, пшеница, духовки, ковры, ковры, коврики, покрывала, еда, сло-женные свадебные изысканные наряды, приданое, всякая другая одежда – все было вынесено на продажу, с закрытыми глазами давали за любую цену. Турецкие женщины, часть с состраданием, а большая часть со злорадством говорили: «Продавайте все. Все равно курды вас на дорогах ограбят, убьют и бросят в реку. Но что будет в конце с нами – турками, где мы будем, в руки каких гяуров попадем, кто купит наши товары? Наш конец будет хуже вашего».

Двум-трем домам квартала Гайсери-Дран-Ачэ-Махлэн-Чавуш-Паша предоставляли лишь одну телегу. Из-за этого они вынуждены были на окраине города в сторожевой части района Гайсери-Дур оставить большую часть своего имущества. Последние караваны, видя это, для себя лично сами покупали на свои деньги тележку с волом, вьючных животных, осла, чтобы не оказаться в таком же положении.

⁷⁶ Тонир (арм.) – торня, вырытая в земле печь для выпечки хлеба.

6 ДЕПОРТАЦИЯ ГОРОДА

АРМЯНИН-СЕБАСТИЕЦ. – В Себастии было более 5 800 домов армянского населения, приблизительно 36 000 человек. Себастийские армяне известны были своей высокой рождаемостью: 3-4 ребенка считалось средней цифрой, 7-8 – обычной, не малое число составляли имеющие 10-12 детей. Семьи с одним ребенком осуждались. А бездетных презрительно называли сухой шишкой и в семейных общественных кругах они не пользовались уважением.

По патриархальному обычаю 3-4 брата долгие годы проживали вместе и лишь, поженив детей и похоронив родителей, отделялись друг от друга. Многие дома состояли из 10-15 до 20-30 душ. Когда речь заходила о количестве детей, использовалось выражение «Черпать 20-тью, 30-тью ложками». По статистическим данным число членов семьи равняется 6-ти. Если для Себастии сочтем за 7-8, не будет преувеличением.

Себастиа была депортирована в течение 15-ти дней в следующем порядке:

22-го июня, понедельник	– Кючюк-Пэнкилэр, т.е. Квартал Аг-Тэирмэни	– 400 домов.
23-го июня, вторник	– Бэойюк-Пэнкилэр, что составляет Палаг-Сохаги с одной стороны улицы Полад Ншаненц до начала Кар-Ншаненц	– 500 домов.
24-го июня, среда	– Палаг-Сохаги с другой стороны, нижняя часть квартала Бэзирчун-Арти, вместе с протестантами и колледжами со смешанными учениками	– 550 домов.
25-го июня, четверг	– Остальная часть Бэзирчун-Артина и Армянские католики	– 450 домов.
26-го июня, пятница	– Хогдар и новые кварталы перед Артином	– 400 домов.
27-го июня, суббота	– Паша-Партэз, с большим охватом Паройр-Арта до верха Налбдноца	– 500 домов.

28-го июня, воскресенье	– кварталы Кэосэ-Дерэ, Тавшан-Пайир, квартал Гаспыр-нер	– 350 домов.
29-го июня, понедельник	– кварталы Бэкмэз Сохаг, Плеченц-таг, с начала улицы Доктора Артина до кварталов позади тюрьмы	– 400 домов.
30-го июня, вторник	– кварталы Гайсери Дур, Ачэ-Махлэ, Чавуш-Паша	– 400 домов.
1-го июля, среда	– кварталы церкви Сурб Саргис	– 350 домов.
2-го июля, четверг	– кварталы Карот-Сохаг, Цацук-Ахбур, Сурб-Пркич, Ганлы-Бахчэ, Гасанлы, Тайкэсэненц и Хин-Паши-Багник	– 400 домов.
3-го июля, пятница	– квартал Соборной церкви, кварталы Хэнтэк-Кэнар, Гуршунлу-Багниц, Дживани-Цак	– 500 домов.
4-го июля, суббота	– кварталы Хай-таг, Дарбноциетевы	– 250 домов.
5-го июля, воскресенье	– кварталы Сары-Шейх, Пал-тыр-Пагар, Сев-Хогер	– 400 домов.
	Общая сумма	– 5850 домов.

Если дом считать состоящим из 6-7-ми человек, то получится – 34-36000 душ.

НЕ ДЕПОРТИРОВАВШИЕСЯ. – Кроме небольшого числа ремесленников и нескольких отуреченных богачей – всего 70-80 домов, не были выселены также епископ Тер Гнел, как новый человек в городе, как «гость» Муаммэра и, возможно, как человек, знавший о тайных хранилищах сокровищ монастыря, девять учеников школы Санасарян, и из учителей той же школы – Г. Гоюнян /учитель скрипки сыновей наместника и преподаватель турецкой школы/, Дэдэян Мануэл /о нем смотри в конце/ со своими семьями и еще два старейших и любимых доктора города – доктор Арутюн Ширинян и доктор Гарегин Сюни /из уважения к памяти его сына Левона Сюни, погибшего на Эрзерумском фронте/, далее – Швейцарский девичий детдом, примерно с 80-тью сиротами, попечителем которого был швейцарец доктор Гавр, в память о барышне Сэйкыр,

директоре детдома, которая примкнула к идущему из Сваза в Эрзерум Американскому Красному Кресту и на обратном пути погибла в Ерзынка, но скорее это случилось из-за принадлежности детдома Швейцарии. Три армянских офицера – Тигран Гуюмджян, Вардан Барунакян, Вардан Теллалян остались со своими семьями. Остались также фармацевт Ованнес Месияян и Арташес Айвазян, доктора Н.Пайынтырян, Козмас Месияян со своими семьями и многие другие. Помимо их из Себастии и различных мест вилайета – из Иншаата, Санай, Мензиля и из амэлэ-тапуринов было оставлено 3-4 тысяч парней воинов /о них см.в гл. Себастиа после депортации/.

СЕЛЕНИЕ ДАВР ТАКЖЕ НЕ БЫЛО ДЕПОРТИРОВАНО. – Находящееся на расстоянии часа ходьбы на север от Себастии селение Давр было населено армянами. Жители этой деревни, будучи всем селом мельниками, не только обслуживали Себастию и соседние деревни, но и мельницы многих далеких местностей. Других, владевших этим ремеслом людей, не было. Их выселением одному из самых нужных отраслей страны был бы нанесен серьезный удар. Из-за этого жители села не были депортированы. Однако после депортации города, население деревни спустило в город, исламизировали, поселили в домах армян, а село, церковь, близкий храм Сурб Анапат полностью разграбили и сровняли с землей.

БРГНИК. – От города на расстоянии часа (ходьбы) армянское католическое селение с пятью сотней домов, **Улаш** в шести часах ходьбы на юг имеет 400 домов, и **Ддмадж**, села полностью с армянским населением, не были выселены из-за богатого урожая, но после сбора урожая, во время жатвы – в сентябре-октябре были депортированы. Как-то вечером в пятницу Бргник оцепили, мужчин отделили и бросили в тюрьму Себастии, а утром, не дав времени на подготовку, выселили всю деревню. Погнали до Малатии и оттуда вниз по Зейнальским горам спустили к пустыням Междуречья в сторону Виран-Шехира. Они всей деревней были истреблены. В Алеппо я увидел только двух выживших девочек из этой деревни, привезенных искателями сирот.

В Улаше Муаммэр повелел построить мечеть и заставлял народ принять ислам. Приняли. Но потом позже из Сваза послали какого-то ходжу, который сказал им: закон Шэра не позволяет насильственной исламизации. Те, кто принял ислам **добровольно**, пусть идут в мечеть, а кто насильственно, те пусть идут в церковь. После этого заявления не

нашлось ни одного человека, желающего идти в мечеть. В связи с этим все село было депортировано. Уже до этого большая часть мужчин – старейшины сел, все видные люди были захвачены и после тюремного заключения в Себастии выведены из тюрем и преданы смерти. Среди них был и отважный священник села Тер Ваграм Карагяурян. Остальных мужчин, в том числе даже детей, вырезали в селе или на дорогах. Женщин этой деревни и Ддмаджа спустили до Междуречья и там истребили. В Алеппо я из деревни Улаш увидел только выживших четырех женщин, а из Ддмаджа – одну.

Улашцы были крепкими, сильными, рослыми людьми. Только в одной из рукописей села я вычел, что они были беженцами из Карса /я делаю из прочитанного мной заключение, что это переселение восходит и связано с переселением Абасяна в Малую Армению из Карса¹/.

У них земледелие находилось на очень высоком уровне. Они имели просторные и плодородные земли. Улашский сорт зерна Церун весьма славился. Улаш своими богатыми пшеничными полями воистину был Ширакским амбаром. В горах Тэчер были плодоносные и обильные водами луга, на которых паслось множество тучных отар овец. Из крестьян сел Себастии лишь улашцы использовали ярмо с парой волов во время жатвы. Было сто плугов с ярмом, в которые впрягали могучих быков. Соседние турки и в частности Карапахахи посягались на эти земли, однако улашец не оставался в долгу словами. Это село находилось немного в привилегированном положении. Султан Махмуд, когда пошел войной на Багдад, желая овладеть им, около Себастии на дороге в Кесарию остановился на ночь в турецкой деревне Чалл... Крестьяне, видя, что не смогут помочь хлебом-водой, ночью к мосту, где они остановились, подвели воду. Султан должен был отправиться в путь, понял сделанное крестьянами и говорит: **«Сын турка турок, лапоть у него крепко сидит на ногах. Остаться вам в пол лаптя!»**. И когда он прибыл и остановился в Улаше, сельский староста устроил большой прием. Он принял султана у себя дома и всю армию угостил за свой счет. Сельский староста казался очень смуглым, лицо было обгоревшим от полевых работ. Султан при разговоре с ним ласково назвал его **Кара-гяурум – Мой чернявый гяур**. Имя этого человека осталось **Кара-гяур**, и оно стало названием его рода. По сей день в Улаше род Карагяуренц был одним из самых больших. Султан Махмуд

спросил сельского старейшину, в чем секрет его богатства. Карагявур ответил: «**Господин мой, ночное дело не оставляю на утро**». Султан это слово сделал для себя законом, и дал записать на своей **посуде**. К вечеру они дошли до Багдада, и сэраскер⁷⁷ захотел отложить осаду города и наступление до утра. Султан, улыбаясь, бросил взгляд на посуду увидел слова Кара-гяура и приказал тут же осадить город и, вторгшись, захватил его. Если бы он оставил это на утро, успех был бы очень сомнительным. И он воскликнул: «Багдад не я захватил, его взял Карагяур». Султан Махмуд за прием, оказанный ему в Улаше, специальным ферманом снял 10 %-ную подать с овса и до последнего времени деревня была освобождена от этой подати. Во время резни 95-го года богатство Улаша было ограблено соседними турецкими крестьянами. Я своими глазами видел, как на следующий год те же турки пришли и взяли займы у улашцев пшеницу. Тысячу раз грабя, они остаются теми же голодными, в **пол лаптя** турками. И в эту войну Улаш, помимо обязательного Тэкэллифа-Гарпиэ, в качестве подарка преподнесенного турецкой армии, дал 500 килэ овса, в большом количестве блгура, 2 000 овец, не говоря о том, что депортированная деревня оставила всю жатву этого года, несколько десятков тысяч овец, коров, буйволов – все это было захвачено неблагоприятным правительством.

7

ВЫХОД ПЕРВОГО КАРАВАНА

НЕ ОСТАНЕТСЯ ДАЖЕ ВАШЕГО ЗАПАХА И СЛЕДОВ ВАШИХ (т). – 21-го июня, в ночь на воскресенье, квартал /Аг-Тэйирмэ, см. список/ полностью оцеплен отрядами жандармов с обнаженными мечами. Поставлены также вооруженные наряды во всех армянонаселенных кварталах и улицах, всякая связь прервана. С вооруженными отрядами прибыл Алай-бей для подкрепления осады квартала. Комиссары полиции, полицейские, отдельные главари палачей, палачи с плетями в руках кричат, угрожают: «Хынзыр гяуры, поскорее, пошевеливайтесь, выходите». Весь квартал в страхе, трепете, кровь застыла в жилах. Последняя попытка посмотреть с

⁷⁷ Сэраскер или сараскер (sarasker) – главнокомандующий.

окон, со щелей двери на свое жилище. Женщины жалобно, горестно плачут, молят разрешить посмотреть: «**Не братья ли мы на земле?**» (т): «Что это, почему нас переселяют, наши двери закрыли, дома разоряете, очаги гасите...».

Плети хлещут, раздаются крики: «Скорее выходите, гяуры, скорее...».

Ни на какие мольбы не откликаются: «**Скорее выходите, идите. Вы должны погибнуть, должны быть перебиты, уничтожены, народ-предатель, грязный народ, не останется даже вашего запаха**» (т).

И снова слезы и рыдания, отчаянные вопли...

Двери выбиваются...

Под ударами плетей, таща за волосы обезумевших женщин, остолбеневших невест, подталкивая, обзывая, нагружая на их плечи товары, собирают на площади турецкой школы, где стоят телеги.

Полицейские закрывают и опечатывают двери. Высыпавшие наружу курицы, цыплята в страхе убегают, а те, что остались внутри, обречены на голодную смерть. Кошки, как будто и они понимают, что происходит, сидят на крышах, на верхах водосточных труб и понуро смотрят. Или из окон жалобно мяукают во след своим хозяевам.

Немного погода во всем квартале наступает смертельная тишина, чувствуя запах смерти слетаются черные вороны, слышны хриплые голоса караульных и предвещающий несчастье лай и вой собак.

На площади погружают телеги, их не хватает. С одного края караван движется в путь и проходит перед домом Муаммэра. Животное – гиена, сидя перед окном, с сатанинской радостью смотрит на лишившуюся жилья скорбную колонну своих жертв. С рынка караван направляется к Цур-Камурджу. Турки огромной толпой расположившись по всей дороге с дьявольской радостью резвятся и громко, чтобы слышали переселенцы, говорят друг другу: «Джэрмикджилэр китиеор» – «**Идут на горячие источники**»⁷⁸, и радуются.

До прохождения через Цур-Камурдж, на краю над Галисом специальные чиновники производят учет людей каравана – мужчин, женщин, мальчиков и девочек и составляют отдельные списки, конечно, для того, чтобы иметь верное число об уничтожении армянства.

⁷⁸ Себастианцы для отдыха летом ездили на Теплые источники /Так-Джермукнер/ недалеко от Еылтызи-Камурджа. Так турки издевались над ними, намекая на этот обычай армян. (Г).

Караван на ночь расположился напротив города в низинах Гарташлара, на берегу Фатлума, недалеко от реки Галис.

О том, по каким дорогам эти 14-15 караванов прошли, до каких краев были угнаны, где остались, какие бури пронеслись над их бедными несчастными головами, в каких морях крови они оказались, по каким кровавым ущельям они прошли, в какие темные миры были загнаны, на вершинах каких нехоженных гор они оказались, по каким знойным пустыням рассеялись их кости, какими ветрами, бурями они были унесены, какие осколки, какие пепелища остались от цветущей Себастии, мирных и богатых армянских деревень и различных частей Малой Армении, обо всем этом мы должны вам поведать вместе с постигшими нас на нашем пути ужасными смертельными событиями.

Караваны всегда находились вдалеке друг от друга, чтобы последующий караван не ведал о событиях, происшедших с первым. Несмотря на особенности дороги я много внимания уделял тому, что происходило с караванами, вышедшими в путь раньше нас, и тем не менее мои изыскания за 4-5-летний путь, добытые сведения обо всех других караванах, очень и очень несовершенны. Первые 7-8 караванов почти полностью были уничтожены, поэтому их история остается темной. В Суруче курды определенно говорили о том, что 53 000 человек из Себастии и соседних районов из первых депортированных были вырезаны и брошены в реку Евфрат. По прибытии в Алеппо я нашел несколько человек из Палаг-Сохага, Бэзирчун-Арти, Хогдара, которые еще находились под впечатлением ужасных событий: растерянные, оглушенные, они смогли еле дать отрывочные сведения. Бедные потеряли даже память.

НА ДОРОГУ ВЫВЕЛИ ЧЕТОВ. – После того как утром 22-го июня, в понедельник, двинулся в путь первый караван, в том же направлении выведена была на дорогу группа городских подлецов, разбойников из кровожадной помеси четов во главе с предводителем четов Гамид беем, сыном Эмир бея. О том, куда они были посланы и с какой целью и какие побоища устроили, обо всем этом мы расскажем вам по пути нашего следования, в главе под названием «Еырыхи и Кеотюн-Хан».

В связи с отправкой разбойников народ не имел больших сомнений, так как Муаммэр распространил другую версию о том, что якобы Эмир-бей, не согласившись с Муаммэром относительно переселения армян, послал

своего сына Гамид-бея, который, возглавив черкесов, должен был вернуть депортированный народ. Наивный народ поверил и в это и принял за чистую монету, не понимая, что они надсмехаются над ними. И народ не ведал, какими снегами эти разбойники должны покрыть их головы...

КТО ТАКОЙ ЭМИР-БЕЙ? – Родом он был черкесом, усыновленным одним из себастьских мерзавцев, заклятым врагом армянского народа, старым негодяем знаменитым Мэммет-Али, которого армяне на «птичьем» языке называли двумя именами. Эмир-бей был женат на дочери Дахик-бея (Теллаг-Воскяна), обращенного Мэммет-беем в ислам. Эмир-бей поставлял султану Гамиду черкесских любовниц, благодаря чему получил звание пашы и стал одним из горячих проповедников злополучной Конституции. Выступая против иттихада, был иттифалакистом, хотел установить хорошие отношения с армянскими партиями. Муаммэр назло отцу его сына, это армяно-турецко-черкесское отродье Гамид-бея, провел в партию иттихада. И в таком качестве поставил главарем разбойников и убийц армян.

Мы слышали, что Эмир-бей после перемирия открыл клуб, в котором играл на иттифалакистском бубне и на зурне. А сын-зверь скрылся со своими кровожадными товарищами. И лишь при Мустафе Кемале вновь торжественно появился и торжественно вступил в Связ на радость турецкой черни, которая валялась в прахе перед ним.

8

НЕМНОГО О СЕМЕЙНОМ – ЛИЧНОМ

Так как осью моей истории должны быть исход и странствия нашего каравана, прежде чем начать мое повествование, хочу немного рассказать о личных семейных обстоятельствах.

Брат мой, **Хаджи Ованнес Габикян**, по ремеслу был штукатуром и – красильщиком зданий и карет, в своем деле единственный и непревзойденный мастер. В эти дни был занят штукатуркой здания телеграфа и правительственных зданий. Правительство готово было брата не трогать, но он без всяких заявлений, думая, что ценой этого будет отречение от веры, решил депортироваться. Оставалось два дня до выселения нашего квар-

Я, который со дня общих арестов заперся дома и жил вместе с братом, мог не переселяться, хотя солнце и луну я не должен был видеть. И все же для меня предпочтительнее было выселение. Вечером мы с братом посовещались. Он, который с детства преклонялся передо мной, был моим меценатом, не мог допустить, чтоб с моей головы упал бы волос. Он настаивал, чтоб я остался, но я тем не менее, имея заметное национально-политическое прошлое, хоть и при Османской Конституции перед турецкими должностными лицами не проявлял себя своими гнчакскими партийными делами, подумал, что, возможно, как-то заметят меня или узнают обо мне из изъятых у меня бумаг, избрал беженство вместе с моей семьей, депортацию, предпочел смерть и мучения вместе с моим народом, чем мучения от рук ужасного правительства.

Теперь перейдем к нашей основной теме — мученической **ВЕЛИКОЙ ГОЛГОФЫ АРМЯН.**

102

тала. Я занят был уничтожением собранных на протяжении многих лет ценных записей, книг, литературных трудов – все было сожжено. Лишь сборник своих рукописей и наиболее важные литературные произведения я упаковал вместе. А коллекцию древних монет продал одному русскому пленному, который пришел в наш квартал в поисках такого рода товаров. Редкие образцы монет эпохи греческого и персидского сатрапств, несколько важных монет эпохи Армянских и Парфянских Аршакидов. Было немало селевкидских, финикийских и других монет. А сирийский письменный стол, за которым я на короточках многие годы работал, в сердцах одним ударом топора я разбил и сжег.

Карета наместника нуждается в покраске, его кучер Нури-Чавуш, близкий друг моего брата, спешит к нам домой. Видит весь дом перевероченным, наши приготовления и говорит: «Хаджи, ты что делаешь? Ты что спятил, думаешь о переселении? Совершенно об этом не думай, уже решено, что ты остаешься, и я уже об этом распорядился».

Брат отвечает, что его волнует, что ценой этого будет его насильственное вероотступничество, а на это он никогда не пойдет. Но человек убеждает его в том, что ему не будет предложено вероотступничество и не может быть этого. Брат мой с трудом соглашается и приспосабливается к мысли остаться. Нури-Чавуш своей рукой на нашей двери пишет: «**Этот дом не будет выселен**» (т). Мюдир⁷⁹ телеграфа также, видя мастерство моего брата, со своей стороны прилагает усилия, чтобы его оставили.

Я, который со дня общих арестов заперся дома и жил вместе с братом, мог не переселяться, хотя солнце и луну я не должен был видеть. И все же для меня предпочтительнее было выселение. Вечером мы с братом посовещались. Он, который с детства преклонялся передо мной, был моим меценатом, не мог допустить, чтоб с моей головы упал бы волос. Он настаивал, чтоб я остался, но я тем не менее, имея заметное национально-политическое прошлое, хоть и при Османской Конституции перед турецкими должностными лицами не проявлял себя своими гнчакскими партийными делами, подумал, что, возможно, как-то заметят меня или узнают обо мне из изъятых у меня бумаг, избрал беженство вместе с моей семьей, депортацию, предпочел смерть и мучения вместе с моим народом, чем мучения от рук ужасного правительства.

Мой брат с очень большим трудом согласился на это и взял с меня обещание с разных мест давать о себе сведения, просить деньги, не находиться в тяжелых условиях и заботиться о своем здоровье.

До сих пор в моих ушах звучат его слова: «Иди, Карапет, иди, ты не должен умереть, должен выжить, с этим народом многое приключиться, все ты увидишь своими глазами, расскажешь ближайшему будущему. Иди с добром, Бог тебе в помощь. Не раздражайся и не поддавайся чувствам», говорил он, ибо знал мой чувствительный и вспыльчивый характер.

Эти его слова для меня были как бы завещанием, своего рода пророчеством. И сегодня, спасшись из когтей тысячи и одной смертельной опасности, увиденное и услышанное я передаю читателям. Будучи в Ракке, через нарочного я получил посылку с одеждой, а внутри письмо матери, написанное ее собственной рукой, где было написано также: «**СЫНОК, мы тоже по сей день остаемся Армянами, об этом не беспокойся.**»

По прибытии в Алеппо бывшие там из Себастии люди рассказали мне, что наместник и другие должностные лица, кто дружески, кто с угрозой принуждали брата обратиться в ислам, но он постоянно им отвечал: «**Я не могу клеймом зверя отметить свой лоб**» и добавлял: «**Я родился армянином, и умру армянином**», и каждый раз выказывал готовность депортироваться. После этого они отстали от него, прозвав его гарт-гяуром — стойким гяуром.

За четыре года моих странствий брат мой на самом деле, даже не ожидая моих просьб, постоянно высылал мне деньги, ни в чем меня не обделил, не оставил в нужде. Если и была нужда и лишения, то лишь из-за плохой работы почты, запретов, дважды высланные мне деньги были утеряны – один раз 12 золотых, второй раз – 7. Мой давнишний друг Тигран Серкеджян из Себастии, который был выслан вместе с семьей из Прусы до Кони, там обосновался и постоянно высылал мне деньги, одежду, белье, сладости, письмом просил меня ни в чем себе не отказывать, заботиться о здоровье и жизни.

В ходе повествования я остановлюсь на национально-общественных делах моего благородного брата и сыгранной им важной роли.

Теперь перейдем к нашей основной задаче, к описанию крестной, мученической **ВЕЛИКОЙ ГОЛГОФЫ АРМЯН.**

⁷⁹ Мюдир (mudur) – управляющий, начальник, директор.

9 ДОРОГА КРОВИ

ИСХОД НАШЕГО КАРАВАНА. – Мы также должны пройти по бесконечной дороге мучений. 2-го июля, четверг: наш караван состоит из жителей кварталов Карот-Сохаг, Цацук-Ахбюр. Сурб Пркич (Святой Спаситель), Ганлы-Бахчэ, Гасанлы, Тайкэсененц и Хин-Паши бахниц, примерно 400 домов. В полночь все эти районы были оцеплены, каждый дом за день до этого купил одну или две телеги, осла, вьючных животных. Поутру полицейские с победным видом снуют вокруг, но строгости первых дней нет: каждый дом тихо-молча вышел из своего жилья и готовится: телеги загружают товарами, готовые постепенно собираются у сторожевого поста Гайсери-дур, полицейские запирают двери домов и опечатывают. Турецкие женщины на улицах, на крышах домов стоят зрителями.

Наша телега также готова, посох изгнанника, башмаки на ногах, на голове повязан платок, наступила горькая минута прощания с родными: «Есть исход, нет возвращения, есть возвращение, нет встреч». Старая мать припала ко мне, оmyвает мое лицо слезами, дети брата, которые с ума сходили по мне, и я за них готов был отдать свою душу, обнимают меня, проливают слезы, мать теряет сознание, падает, ноготь отрывается от мяса. Семимесячную дочь оставляю у наших, украдкой бросаю взгляд на колыбель...сладко-сладко спит: должен поцеловать ее со стыдливостью провинциала, ибо целовать или любить ребенка при родителях или при старшем брате осудительно. Прохожу мимо, как-будто что-то оборвалось в моем сердце или вытянули нить с него, сердце защемило и почувствовал в эту минуту в тишине родительскую любовь.

Расставание было очень тяжелым. Прощаюсь, дети брата бегут за мной: «Дядя, нас оставляешь, куда идешь...». Их душераздирающий крик по сей день звучит в моих ушах, сердце разрывается. Брат проводит меня до края города.

Мы перед сторожевым постом Гайсери-Дур. На минуту останавливаемся, брат дает мне советы, ободряет меня, увещевает меня бороться с этой горькой участью, противостоять всем испытаниям. Моей жене, которой воспрещалось до этого говорить с деверем, теперь разрешили, она целует деверю руки и прощается: «Пусть твои труды будут не напрасны», а деверь наставляет ее хорошо смотреть за его братом.

Я немного осматриваюсь. Просторный район Гайсери-Дур опустел, стал безлюдным, там царствует смертельная тишина. Вещи, оставленные этим караваном перед постом, образовали холм из постелей, одеял, ковриков, ковров, мебели и пр., и пр.

Везде снуют полицейские, комиссары, оглядывают нас, особенно мужчин, обмениваются многозначительными взглядами. Моя внешность довольно замаскирована, хотя они и не из старых чиновников, знавших меня. До 8-ми часов все собрались. Надо отправляться в путь. Пришедшие проститься еще раз прощаются. Народ разгоняют¹. Телеги двинулись по дороге. Слышен сигнал о выходе. Движемся вперед.

СЛУЧАЙ. – У молодого человека по имени Арменак Бзукян вдруг начинается приступ. Глаза его вращаются, он сходит с ума, начинает кричать, рвать на себе одежду, бить самого себя, рвать на себе волосы, ударять себя по голове, бить в грудь. Мать, сестра, жена хватают его за руки, плачут, просят, угрожают, не успокаиваются. На крики прибегают полицейские с плетями в руках, думая, что возникла какая-то смута. Отняли парня у семьи и с пощечинами, погоняя, безжалостно отхлестали плетью, с окровавленным лицом увели, несмотря на мольбы матери, жены.

Это был первый мужчина, взятый у нас еще в городе.

Все, понурив головы от увиденного, двинулись в путь. Торжественное шествие живых мертвецов, несших в себе смерть. Спустилась вниз к Армянскому кладбищу Сорока-Отроков. Ведь именно в этих местах пресловутый Тамерлан в Себастии заживо похоронил 4 000 армянских воинов, связав каждого в три погибели. И вот явился достойный преемник Муаммэр, чтобы повторить эту черную страницу Истории.

Мы находимся перед Хангист-Каром (Камнем покоя). На память приходят слова наших бабушек: «До этого места – до Хангист-Кара – мертвец ходит слова наших бабушек: «До этого места – до Хангист-Кара – мертвец не знает, что он умер, но когда его ставят на Хангист-Кар, он восклицает: «Увы, я умер». Я чувствую, что мы тоже отныне умерли.

Караван продвигается вперед, и вдруг я вспоминаю год тому назад виденный мной сон: большое наводнение, разразившееся в наших кварталах, которое, все разрушая на своем пути, несло по этой дороге, и талах, которое, все разрушая на своем пути, несло по этой дороге, и меня вместе со многими несло с собой. И я подумал, что это и есть исполнение моего сна.

Мы перед оградой Сорока-Отроков. Кажется мертвецы поднялись и со стен ограды оплакивают нас.

Женщины с плачем причитают: «Мертвецы, встаньте, уступите ваши места, конец света, последний суд наш настал», и с плачем поют:

Камни Сорока-Отроков
Не принесли добра матерям.
А иа принесенного что хорошего мы увидели,
Разверзлись для нас черные, черные земли.

И каждая, взяв по пригоршне земли, кладет ее в мешочек, завещая, что если им придется умереть на чужих землях, посыпать эту землю на их могилу, чтобы им не расстаться с сонмом Сорока Отроков.

Идем вниз по турконаселенному кварталу Лчин-Берни, самым бедным, грязным, пахнущим гнилью кварталу города. Там в низине находится заветное озеро, где были преданы мученической смерти Сорок Отроков, священное место паломничества себастианцев и Второй Иордан сошествия Сына Божьего¹. Прощаемся с ним. Турки, турецкие женщины, их челядь как буря высыпались из Лчин-Берни домов, смотрят на продвижение нашего каравана, кто с радостью, кто с состраданием, многие подносят воду, наполняют наши кувшины.

В этих местах нет недостатка во рвах, застоявшихся водах, телеги скапливаются. Проход затрудняется. Наконец, выходим на дорогу, ведущую к шоссе Цур-Камурджа (Кривого Моста). Дорога ровная и прямая. Здесь стоит человек, производящий перепись людей. Останавливает телеги, ведет учет всех по отдельности – мужчин, женщин, мальчиков, девочек, грудных детей. Проходим. В 11 часов оказываемся на Цур-Камурдже, построенном дочерью Сенекерима².

Галис течет молча, с достоинством. Не из соленых ли слез образовались твои соленые горькие мутные воды, Галис? И не из растворенной ли кровью армянских мучеников твои воды окрасились в красный цвет? И ты, безжалостная, каких армянских матерей с грудными детьми ты поглотила, какие прекрасные девушки стали пищей твоих водоворотов...

Господь в небесах, Ты будь судьей!

Солнце уже закатилось, запад побагровел, тьма покрыла землю, все погрузилось в мрак. А караван продвигается вперед. Иногда телеги переворачиваются, товары падают вниз, женщины не успевают подхватить детей, они падают с телег, а жандармы погоняют вперед. Проходим через

мост Фатлум. Немного пройдя, против города у подножья Карташлара, в степи устраиваемся на ночлег. Первая стоянка всех караванов.

Волов, выючных животных поим водой, ставим перед ними сено. Мы, растерянные, также ужинаем. Ложимся с преисполненными скорбями сердцами, со смятением в мыслях, со зловещими снами, с думами о завтрашних наших тяжелых заботах.

ПЕРВАЯ ГОЛГОФА. – Рассветает: Созвездие Весов опустилось ниже крыши многих домов, луна взошла. Окликаем друг друга, ведем волов на водопой и пастьбу. Это пашни ишханцев – без хозяина, без работника, погранные, уничтоженные. Довольно долго пасем. Скоро взойдет солнце. Жандармы приказывают подготовиться к дороге, до наступления жары двинуться в путь. Люди спешат погрузиться, над головами многих семейств нет мужчин, женщины не умеют нагружать телеги, выючных животных, закреплять грузы. Мужчины из каравана помогают им. Готовые уже с другого края пускаются в путь. Караван движется тяжело, растягивается по склону Кардашлара, подымается по кособокому наверх. Изнеженные девушки с плетями в руках погоняют волов: «Оо!» и сами со сдержанной улыбкой смеются над собой, думая о своей жизни, так круто изменившейся в течение одного дня. Женщины идут рядом с телегами и поддерживают груз, поднимают упавшие с воза вещи и помещают на телеге. Дети охвачены печалью, особенно из-за того, что не имеют возможности в пути резвиться, прыгать, бегать. Они также понуры и уstraшены.

Это и есть Голгофа, по которой мы поднимаемся с тяжелым крестом на плечах. Печальный, неприятный скрип телег сопровождает этот наш тяжелый подъем неблагозвучным напевом. Солнце начало припекать. Лучи Вардавара¹ прорезались: Крупные капли пота, смешанные с пылью катятся по лицу вниз.

Город перед нашими глазами в просторной долине как на блюде, окаймленный ивами, тополями, рощами. Глаза всех обращены туда в даль, во мглу. Стараются найти дом, услышать семейную песню и почувствовать запах печи. Из глубин сердец раздается возглас «Ах!».

Над городом – овдовевшие монастыри Сурб Ншан, Акоп, Анапат со своими крестовыми куполами. На возвышенности Хогдара, колыбели своими крестовыми куполами. На возвышенности Хогдара, колыбели Аббата Отца – белый Американский колледж, с понурой головой издали оплакивающий нас. Женщины с разбитыми сердцами стенают: «Солнце

Сурб Ншан, святые и святыни, Сорок Отроков, и вы за нас не заступились, отвернулись от нас и допустили, чтоб рука нечестивца простерлась над нами и пленила нас! Хотя бы сейчас, в дороге, станьте нашими защитниками и хранителями!».

Подымаемся наверх на вершину Карташлара. На минуту останавливаемся, переводим дыхание. У людей горло пересохло от жажды. Все бросаются на источник Джрик-ахбюр на вершине косогора. Скудость источника соответствует названию источника – джрик – водичка. Ели промочили горло. Я подумал, что этот народ больше всего будет страдать от отсутствия воды. Хоть бы и эту, Богом дарованную воду, они не испоганили и не лишили бы ее... Смотрю вниз: у подножья Карташлара – Галтин. Там были благоустроенные и богатые села, за два-три дня они опустели, людей-людского духа нет. Выше Ишхана – Ишхан – верблюд царя – украшенная крестом скала, спереди маленький источник, опекаемый ивой. 7-го мая был днем паломничества к святым местам. Из города и деревень туда приходили толпы паломников, приносили жертвенных птиц и животных, пускали голубей, из-за чего этот день именовался также **Праздником Хавтрука** (выпускания на свободу птиц). В этот день семь раз дождит и семь раз выходит солнце. Дождь этого дня обладает химическим свойством – это золото: пашни и луга омываются и орошаются. Небо опоясывается зелено-красной семицветной радугой. Проходящий под этой аркой мальчик превращается в девочку, а девочка – в мальчика, бездетный получает дар зачатия. А если у кого-нибудь бывает мечта, то она сбывается с добром, такой получает исполнение своего желания.

Сладкие воспоминания связывали меня с этими чудесными местами. Они были местами моих прогулок, с наступлением весны я должен был приходить сюда по случаю весеннего цветения.

Наше «Прости» и этим местам.

Пускаемся в путь, оплакивая грехи, отдавая долги. Дороги кончаются. Но разве это те дороги, которые кончаются?

Движемся по склону Кардашлара, еще один взгляд назад, и город уже скрылся.

Далеко, очень далеко от нас гора Астхик¹ – Масис Малой Армении. Дыша со сдавленной черными тучами грудью, со смело поднятой головой, она внимательно смотрит вслед за нами. Вновь во мне пробуждаются

приятные воспоминания путешественника, смешанные с историческими событиями. Несколько лет тому назад, когда мы были в Так-Джермук (на Горячих Источниках), с товарищами совершили восхождение, паломничество и поклонение Западному храму Астхик – крепости Митридата Понтийского¹, построенного Каджунанцами и разрушенного и снесенного демонами.

Мне казалось я слышу голос Величественного Митридата и Великого Тиграна, раздающиеся вслед за нами: «Слабые последователи отважных мужей! Куда, куда, как бурей унесенные идете, оставляя за собой ту землю и воду, которую мы оставили вам в наследство?».

ПЕРВЫЙ ТРУП. – Караван тяжело движется вперед. Постепенно мы переходим на другую сторону Кардашлара. Спускаемся к ущелью Кэосюрэлика. Спуск крутой, дорога извилистая, похожая на змеинный след. При таких спусках следует очень искусно вести телегу, пройти вперед, налегая на дышло. Надо спускаться очень медленно, нельзя допускать, чтоб волы передвигались быстро и переворачивали телеги. Женщины возницы, неумелые девушки, не могут их удержать, волы убыстряют ход. Оступаются, скапливаются, ударяются друг о друга, падают. Мужчины спешат на помощь, поднимают упавших.

Внизу над ущельем Кэосюрэлка бьет мощный источник, все стремятся туда, но затем ужаснувшись, побледневшие, поворачивают назад. У источника воды тело покойника, ужасно истерзанное, изъеденное, распухшее, разлагающееся, в слизи. Вода вся прогнила. Смелые парни кладут тело в сторону, очищают воду, но тем не менее попробавшие воду, выпившие ее, особенно женщины, начинают вырывать... и в отчаянии, морально опустошенные, они с проклятиями продолжают свою дорогу.

Полуденный отдых был на зеленых лугах. Волы пасутся и хорошенько наедаются. Спускаемся вниз в сырые места, утоляем жажду мутными водами, наполняем кувшины.

Продолжаем путь. Вечером достигаем солевого рудника Кэор-Туглай. От города удалились все еще на 4 часа ходьбы. Устраиваемся на ночлеги перед постоянным двором, на оставленном впереди нас идущими караванами месте с сором, свалкой, немного поодаль от хлева ишханцев. Но они также пустуют, там сторожат жандармы. Чтобы покормить волов, отправляемся туда. Потерявшие своих хозяев волкодавы-гамбры истощено лают, воют, предвещая беду, почувствовав запах крови, мертвечины. Про-

буждается чувство протеста, возмущения от обезлюдения обустроенного и богатого Гомерка. Щедро платим жандармам, наполняем мешки сеном и возвращаемся на стоянку. Позже с ужасом узнали о том, сколько людей из бывших до нас караванов, как мы, отправились купить сено, и не вернулись... Ночь прошла спокойно. Умерла одна женщина, на свет появился мальчик младенец для мучений.

Утро, турки из округи пришли за покупками, коровы продаются за 1-2 меджита⁸⁰.

ВТОРОЙ ТРУП. – Караван готов, отправляемся в дорогу, шоссе разрушено, местами продвижение затруднено. Показалась группа улашских женщин, несут своим арестованным мужьям в свертках еду. Скорбные лица, в глазах слезы, от нас хотят получить сведения о своих мужьях. Оплакивают себя, нас, прощаемся.

В полдень делаем стоянку перед горой Св. Ераноса. Это место паломничества улашцев. Здесь они нашли прибежище от резни 95-го года. Там находятся 37 Крестов, могучие святыни, но и они стали бессильными, ведь святого могучим делает Господь. У их подножья бьет сильный родник, образуя маленькую речку. Вода известковая и горькая, ведь отныне наша доля – соленые-горькие мутные воды. Внизу – хлева Аг-Гайан и Гозанг-Галтецийцев, вокруг попранные и растоптанные луга и пашни, на которых паслись стада. Волы пасутся, наедаются, спускаем их на водопой к реке. Все ущелье пропитано трупным запахом. В какой-то момент нас охватил страх. И не ошиблись, там труп, разрубленный на части, обгоревший, обугленный... рядом дорожная сумка, разодранная, распоротая. Преступление, разбой...позже поняли, что это был купец ага Манвел Авазанян, которого здесь убили и ограбили.

Жара спала. Мы продолжаем наш путь.

ПЕРВОЕ ОГРАБЛЕНИЕ. – Чем дальше мы продвигаемся по степи, тем яснее перед нашим взором вырисовывается картина обильных пшеничных полей. Колосья поднялись в человеческий рост и образовали безбрежное море – Ширакские амбары Себастии. Земля очень плодородная. Тем более, что крепкий, богатырского сложения улашец своими сильными руками обрабатывал, пахал эту землю и делал ее еще более плодородной. Благодаря этому обилие урожая и отменная пшеница Церун

прославилась и вызывала зависть у соседних турецких крестьян и карапапахов, хотя улашец не обращал внимание на зависть соседей.

Урожай этого года, вопреки всему, по сравнению с другими годами, был еще лучше. Хлебообильный несчастный народ был обречен на уничтожение, голодный и тоскующий по куску хлеба.

Несмотря на то, что шоссе проходило по Улашу, через час мы свернули с дороги, чтобы укоротить путь.

Караван на расстоянии часа ходьбы растянулся по полю. Вдали перед Сэрчи-ханом какой-то переполох. Из Сэрчи-хана, подобно засевающим в засаде тиграм, выскочили разъяренные жандармы, напали на караван, ловят встречных мужчин, из карманов забирают часы, из-за пазух – кисеты, избивают. Женщины в ужасе плачут, кричат: «Жандармы!!!... Жандармы!!!». Зовут на помощь наших жандармов, но те притворяются, что не слышат, даже не смотрят в ту сторону и не хотят вмешиваться.

Охваченный страхом, с интересом смотрю в ту сторону. Один из грабителей, схватив какого-то человека, повел за хан⁸¹. Человек еле стоит на ногах, весь дрожит. Смотрю, жандарм сидит напротив, поднял винтовку, вставил патрон и направил на человека: «Кошелек или жизнь». Человек вынул кошелек, часы и дал ему. Жандарм не удовлетворился. Рукой сделал движение, угрожает опустить курок. Между тем женщины, несмотря на смертельную опасность, с распущенными волосами, крича, бегут в сторону хана. Жандарм, услышав эти крики, направил винтовку на них. Они просят, умоляют и с трудом отнимают из его рук своего человека. Я подумал и, чтобы не бросаться в глаза, соскользнул с осла вниз, смешался с толпой каравана. Грабители-жандармы ушли в свое логово – хан. Я иду и расспрашиваю о подробностях. Ограбили примерно 35-40 человек, забрали кошельки, часы, пояса. А человеком, который вел их за хан, был мастер столяр Габриэл Гасарчян.

СЭЛАМЭТЛИК.⁸² – Постепенно мы себя ощутили перед зловещей действительностью... Народ перенес новое потрясение, деморализовался. Ночью остановились на водообильном лугу напротив Улаша. Турецкие крестьяне с ближайших мест окружили караван. Смотрят на нас как голодные волки. Глаза их наполнены кровью, на лице написано коварство, злодейство. Вижу, особого внимания удостоивают имущих, друг другу

⁸¹ Хан (han) -- постоянный двор.

⁸² Сэламетлик – подать за землю.

⁸⁰ Меджит (mecitie) – османская серебряная монета, равная 29-ти курушам.

показывают их. Нас охватывает страх, мы дрожим. С наступлением темноты собираемся вместе, выбираем сторожей, которые должны стоят на страже всю ночь.

В этот вечер мягкое отношение жандармов, проявленное ими к нам в первые дни, также изменилось. Из жандармов-чавушей – Али-чавуш, турок из нашего квартала, который со многими из нас хорошо знаком и находится в приятельских отношениях, сегодня разъярен, взбешен, кричит, бранится, всех поносит, хулит веру-закон, издевается над Крестом-Евангелием: «Хотят, – угрожает он, – чтобы я в эту ночь здесь всех приказал бы зарубить мечами так, чтобы из больших кусков от вас остались бы одни уши». Кричит... хочет получить постели, одеяло, продукты...

Весь караван, окаменев от страха, не смеет к нему идти, подойти, что-нибудь спросить. Наконец несколько человек, знакомые соседи, идут к нему, стараются его убаюкать, умиротворить. С трудом удалось его успокоить, послали ему постели, еду. Возвратились с обычным обещанием взятки. Вечером собрали 10 золотых и послали.

Так продолжается через день, по меньшей мере 30-40 золотых под видом сэламэтика дали нашим жандармам, чтобы убаюкать их.

ПОДВИГИ ВОИНОВ-ЧЕТОВ. – С наступлением утра должны пуститься в дорогу. Уже одетый в залатанную одежду, еще раз хочу осмотреть свою внешность, продырявливаю колени брюк, разрываю местами, на теле и голове местами делаю прорехи и они повисают лохмотьями. Срываю с феса кисточку, спускаю фес до ушей как шапку бродяги, прикрываюсь платком, снимаю очки: с посохом в руках, скривившись, иду в середине каравана, незаметный в толпе.

Вечерняя жестокость жандармов не изменилась. Делают намеки, роняют многозначительные слова, давая понять, что впереди нас ждут разные напасти. Нас охватывает страх и мы обескураженные движемся вперед.

Мы находимся на склонах горы Тэчэр, нас ожидают всякие неожиданности – от горы отрываются большие куски скал. Это усложняет дорогу. Впереди ущелье Тэчэра. Приближается полдень. Вдруг слышатся выстрелы одной-двух винтовок. Эхом – кууур! отзывается местность, наши сердца стучат. Передовой части каравана преградили путь, слышно лошадиное ржание... 10-12 конных солдат с 3-4-мя офицерами выходят

из-за скал, в руках маузеры, с обнаженными саблями они рысью скачут с одного края на другой край каравана, в противоположную друг от друга стороны, пыль стоит столбом, кони сталкиваются друг с другом, воздух оглашается ржанием лошадей.

В наших краях это обычай разбойников – сигнал, приглашение каравана к сдаче. Наши разбойники-воины и военнослужащие применили к нам тот же алайн – мчась на конях, они время от времени останавливаются на разных отрезках каравана, угрожают, направляют маузеры на выделяющихся людей, в основном молодых, и говорят: «Хочешь услышать выстрел или дать 5-10 красных, да или нет?». Прямо так – возражения, просьбы, есть – нету, излишни.

Карманы открываются, монеты красные, желтые скользят им в руки, 50-60 человек сгребают примерно 300 золотых, вместо этого, немного смягчившись, говорят: «Впереди хан Тэчэра, мюдир Улаша, военные чиновники ведомства Ахсы-аскэри сидят. Там они у вас отберут военного возраста парней. Там мы можем оказаться полезными вам».

С горечью потери золотых в сердцах мы понуро продвигаемся вперед. Наши жандармы с дьявольской усмешкой говорят нам открыто: «Вот вы сохранили, не дали нам». Мой неприглядный вид меня спасает, никто на меня внимание не обращает. Но ведь случившееся с одним из нас, это всеобщее горе.

Дорога постепенно спускается вниз, впереди хан Тэчэра. Полуденный отдых мы должны провести там.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ БЕЖЕНЦЕВ. – Группа конных жандармов с оголенными саблями направляется к нам. Нас охватывает ужас, говорим: «Из черного вышли, попали в черный деготь?». Но нет. Не останавливаясь, они спрашивают «Гачаг вар?» - «Есть разбойники?». И мчатся со свистом вверх по горе Тэчэр. И действительно, Мурат Хримян с Улаша со многими парнями из соседних армянских деревень укрылся в этих горах. О них будем говорить в конце.

ХАН ТЭЧЭРА. – В семи часах ходьбы от города, у подножья горы Тэчэр, на дороге Сваз-Харберд, находится большая и важная стоянка. И на самом деле, перед ханом, развалившись на стульях, выпитив животы, положив ногу на ногу сидят мюдир Улаша – некий себастиец турок эшраф, два-три парня и один тысяцкий.

До этого мюдиром Себастии был один знакомый армянин, эфенди Минас Чугасзян, человек 60-ти лет. Один из представителей древнего интеллигентного рода. Долгие годы он был на государственной службе, на разных должностях, в частности, был каймакамом Тэрэима, его весьма жаловали курды. Во время сбора оружия из армянских деревень, когда в Улаше также выявили много оружия, как человек, закрывающий глаза на это, он был лишен должности. И затем в день общих арестов в Себастии был брошен в тюрьму. Один его брат Мигран Чугасзян был известным гнчакским деятелем, а сын Ваган Чугасзян сотрудником «Ер. Айастана» и членом Центрального Управления Американского отделения Гнчакской партии. Чугасзяны были из крупнейших родов Себастии.

Проходим перед ними со страхом в сердце, прячась и тайно посматривая на них. Они с победным видом смотрят на наше шествие, как-будто перед ними проходят военнопленные.

Ограбившие нас воины-четы точно также поступили с караванами, прошедшими до нас. А с каравана квартала Кафедральной церкви, шедшего после нас, они содрали еще большие суммы. Придя в хан люди этого каравана пожаловались на четов тысяцкому. На что он ответил: **«Вы пришли обвинять моих воинов, оскорблять их?»**, и избил жалобщиков.

Для полуденного отдыха устраиваемся у берега реки. Мужчины находятся под подозрением и прячутся под телегами. Дети раздеваются и залезают в реку прохладиться, женщины заняты стиркой. Здесь мы вдоволь напились хорошей вкусной воды.

ГОРА ТЭЧЭР. – Над ханом возвышается гора Тэчэр, 2 000 м. Она как Хайек⁸³ сторожит все плодородные пшеничные поля Улаша. Там бьет холодный, сладкий источник Тэчэру-Джур, чудесная оздоровительная вода. Тэчэр является для улашцев необозримым и богатым пастбищем. На склонах в разных местах построены хлева – агины. Улашцы имеют множество отар овец. Здесь, в этих горах я совершал горные походы. Здесь логово диких зверей и надежное убежище для разбойников. Склоны покрыты густыми лесами. На востоке они доходят до Мндзура, отделяют

⁸³ На наречьи армянских деревень долины Галиса Хайек или Хайак – наблюдательные вышки. Так назывались высочайшие вершины гор и оконечность скалы, откуда обзоревались дали. По-турецки хэук или глагол хэиклэмэк, заимствованы с армянского... Выше Ахтка, Камиса и других сел имеются Хайеки – Хэвюк. Откуда и название маленькой области Хэвюк или Хавиг. В древности с Хайеков наблюдатели получали и передавали сведения с помощью костров (Г).

Галис от Евфрата. Имеют высочайшие вершины – Тэчэр, Курлавик Гарепэл, Пэй-Таг. Армянские крестьяне Дудмаджа с этой скалы откалывают камень для жерновов и точильный камень для молотилки. Слово Тэчэр, согласно улашцам, значит Храм, а некоторые утверждают, что по-персидски значит морозильник.

Жара спала. Отправляемся в путь. Вечером устраиваемся на стоянку у села Магара, у подножья горной цепи Антитавра, у воды, по соседству с селением Темик-Даш. Турецкие крестьяне этой деревни от рождения воры и разбойники. Они как мраколюбивые шакалы бродят вокруг лагеря, продают сено, тан и другие молочные продукты и ищут удобного момента, чтобы что-нибудь стащить, отнять-украсть.

Ночью сторожим, чтоб ничего не случилось.

АРМЯНСКАЯ ДЕРЕВНЯ МАГАРА. – Утром должны подняться по скалам Антитавра наверх. На склоне горного хребта, над глубоким ущельем расположено армянское село Магара. Я был в этой деревне во время моих посещений сел. Здесь у человека по имени Саак было несколько рукописей богатых лечебников, с портретами врачей, сделанными добротными красками. Они были в национальной одежде. Были также рисунки растений, сделанные с натуры /d'apresnature/.

Богатая, цветущая деревня, жители крепкие, отважные, женская половина очень красивая. Над деревней есть пещеры, откуда и ее название. Магара – арац (мукомольня). Ее называют также Кара-Хаджи. Шоссе на Антитавр проходит через Тэлик-Даш. Зимой дорога закрывается из-за выпадающего обильного снега. Крестьяне Магары взамен десятины обязаны были очищать дорогу ущелья, делать ее проходимой и обеспечивать доставку почты.

От Магары на запад, на склонах Антитавра расположена турецкая деревня Гарасар. Здесь я видел развалины старой церкви с многими хачкарами с армянскими надписями, которые я в свое время переписал.

Деревня Магара, подобно многим другим, обезлюдела. Население было выслано, угнано. Там на карауле стоят жандармы, как омерзительные, оскверняющие могильные шакалы. Здесь и там бродят курицы, цеплята, коровы, телята – заблудшие, беспризорные, кажется, что и они чувствуют происшедший погром. Заходим в открытые двери, видим, внутри все перевернуто верх дном... Мебель валяется здесь и там, выброшена на улицу, переломана, попорчена. Из корыт вылилось скисшее тесто и

высохло, из полупотухших топилов еще подымается дым. На порогах, внутри дома, на улицах мертвецы, разрывающие их тела собаки.

Это все свидетельствует о том, что население деревни было выселено очень бурно, жителям не дали подготовиться. Пашни деревни были растоптаны, уничтожены. Здесь жандармы хватают за ворот достигших совершеннолетия и хотят спустить вниз. Наконец, за каждого получив 2-3 золотых, отпускают. Также они поступают со всеми караванами.

За все время нашего переселения я из 150 жителей этой деревни встретил лишь одну хромую женщину в Алеппо. Она рассказала, что они сначала собрали всех мужчин, увели и убили, а затем выселили всю деревню и всех по дороге перебили.

Наш караван направился по склону горы сначала вверх. Подъем сперва был легким. Наверху дороги был мощный источник, вдоволь напились воды, наполнили наши кувшины. Доходим до ущелья Тэми-Таши, на самую высокую точку горной цепи. Эта горная цепь тянется на юго-запад до пределов Киликии и дает жизнь верхним истокам Сихана-Джихана.

Полуденный отдых устраиваем на горе с зелеными лугами и богатыми водами.

ГАЗЫГ ТУТМАЗ⁸⁴. – Проходим через турецкую деревню Телик-Даш. Это мюдюрлик⁸⁵, есть телеграф, телефон. Чиновники деревни вместе с жителями вышли на нас поглазеть. Очень внимательно рассматривают нас, особенно мужчин. Здесь сменились сопровождавшие нас жандармы. С каждой телеги берут по 5 курушей бакшиша.

Вечером делаем стоянку перед курдской деревней Газыг-Тутмаз. Даем жандармам сытный ужин. Сколько дней сэламетлик не давали. Ночью просыпаемся от внезапных ружейных выстрелов – пришли за воровством, наши жандармы их преследовали. Это было сигналом требования сэламетлика. К утру мы собрали и заплатили 30 золотых.

Утром рано поднимаемся в дорогу. Сопровождающие нас жандармы сменяются. За одну телегу опять платим 5 курушей. Полуденный отдых устраиваем на обильной водами лужайке. Быки пасутся и досыта наедаются.

ГАНКАЛ. – 7-го июля доходим до Ганкала. От Сваза 18 часов ходьбы, расположен на дороге Сваз-Багдад. Туркосмешанная большая деревня.

⁸⁴ Газыг тутмаз – пункт (шест, рейка) проверки.

⁸⁵ Мюдюрлик (mudurluk) – полицейское управление.

Гаймакамство, имеет оживленную торговую площадь, земледельческий центр. Армянское население 150 домов. Лавочник, ремесленник – все армяне, пришедшие из Себастии, Кюрина, Тиврика и других мест. Караван проходит через деревню. Армяне выселены, магазины закрыты, опечатаны. На рынке турецкая пестрая толпа обозревает наше шествие с собачьей улыбкой на лице. В глаза бросаются из местных армян крестьяне, принявшие ислам. В частности пресловутый Акоп Фэсыкирли из Акна, с повязанным на голове апаниэ⁸⁶. По его доносу арестовали, привезли в Сваз и убили учителя тиврикца преподобного Айрапета Сукиасяна, его сына и других. С первого каравана принял мусульманство также из богатых семейств меняла Тантрджян ага Хазар с семьей и остался здесь по приказу Муаммэра. Из окон дома на дороге они печально смотрят на нас. На рынке встретили другого себастинца Ягубяна Воскана с белой чалмой на голове. Тайно переговариваемся с ним, спрашиваем о первом караване, что произошло с ними внизу. Все представляет в очень печальном свете. Рассказывает о том, как он с караваном дошел до Кэотив – хана. Там со многими другими забрали его двух сыновей и убили, говорит об ужасах дороги. Об убийствах, совершаемых бандитами курдами, о грабеже. Преисполняемся глубокой скорби и отчаяния. Стоянку устраиваем перед селением, на просторной поляне. Здесь мы увидели два каравана, пришедшие до нас. Им дали один день отдыха. Спрашиваем о случившемся с ними в дороге. Они рассказали нам все в очень мрачном свете.

КАРАВАНЫ САМСУНА, МАРЗВАНА, АМАСИИ, ЕВДОКИИ и других соседних местностей и сел через Тонус также пришли и дошли до нас, расположились на довольно большом расстоянии от нас на поляне. Самсунцы прибыли на подводах. Среди них было много себастицев, которые пришли к нам, чтобы разузнать о своих родственниках и обменяться сведениями⁸⁷. Они в еще более мрачных тонах описали происшедшее с ними. В Самсуне также как в других местах прежде всего арестовали партийцев, интеллигенцию и предали смерти, среди них – себастицев братьев Казарянов, двух братьев Тэвэ-Тиграна – Аветиса и Маругэ. Затем арестовали всех оставшихся мужчин и выселили весь город. Но, вняв мольбам женщин, мутасарриф выпустил арестованных через час

⁸⁶ Апаниэ – черный головной платок.

⁸⁷ Об этих городах будет рассказано в отдельных частях книги (Г).

после выхода из города, сказав: «Дальше за случившееся вне моих пределов, я не отвечаю».

Дойдя до Шарл-Гышла отобрали мальчиков до восьми лет и на глазах женщин убили, часть их убили в Тонусе. Убийцами были турецкие крестьяне и кровожадные черкесы, возглавляемые иттихадистом Халилом беем из турецких эшрафов Себастии, посланным из Себастии. Этот порочный человек вместе с каймакамом Шар Гышлы, отделив из караванов Амасии и Тохата 1500 девушек, роздал турецким крестьянам в качестве невест. Мужчин Амасии, Евдокии и соседних мест, взятых при общих арестах, отделили и сказав им, что посылают их в Себастию, предали смерти близ города. Бедные жены, еще не ведая об этом, со слезами на глазах спрашивали нас, что стало с их арестантами, прибыли ли они на самом деле в Себастию, имеем ли мы сведения о них?

Среди самсунцев вижу молоденькую женщину с морского побережья, еще сохранившую печать изнеженной, благополучной жизни. На руках у нее, как святое причастие ребенок, лицо ее окутано печалью. Даже Богородица с Единородным не казалась такой прекрасной как она. Рассказывает о том, что ее мужа забрали, он был мюсифом. Я задумался, что за должность мюсиф. И наконец вспомнил, что в Полисе и на берегу моря учителей называли мюсифами. «О, значит она жена служащего», – говорю. Сердце разрывается. Боже мой, это прелестное создание, горсть живой воды – невеста, неизвестно завтра в когтях какого мерзкого зверя должна оказаться, или стать прекрасным украшением гарема какого похотливого пса.

Самсунские кучера, румельские турецкие мухаджиры, собравшись у костра на поляне, едят, выпивают, пьянеют, поют турецкие неприличные песни – «абрикосовый цветок на черные сердца». Наступили дни Рамазана¹. Каймакам известил самсунцев, чтоб они прислали сахар. Будучи семьями купцов, они обязательно будут иметь. Без промедления они доставляют ему 4-5 литра¹¹.

Из города послали армянских парней из армейских рабочих, немного погодя после нас они прибыли. Им поручили разрушить армянскую церковь. Армянские святыни разрушить руками армян, уничтожить. Какое надругательство над совестью, над чувствами! С уязвленным сердцем вспоминаю **Большое Евангелие** церкви в Ганкале, пергаменное, написанное крупными унциальными Месроповскими письменами, с серебряным

окладом, дорогая древность, написанная при Гагике Абасяне¹ крепости Хараконис¹¹. Она была святыней Ганкала и соседних армянских деревень, как и других мест. В засушливые годы на этой огромной поляне с этим Евангелием совершали крестный ход с молитвами о ниспослании дождя, и обязательно после этого шел дождь. Много лет тому назад я приходил сюда на паломничество и подробно описал эту рукопись⁸⁸. В ней, в ее памятных записях, нашли отражение события прошедших после ее создания девятисот лет. И народ рассказывает о ней немало преданий. В очень давние времена эта рукопись находилась в деревне Патрик у одной старушки. По сей день этот дом называется Аветараненк (Евангельским). Во время переселения в Ганкал священников с народом у озера Айгр-Кэсли⁸⁹ на них напали разбойники, в обозе находилось Евангелие, которое прыгнуло в это время в озеро. Там оно оставалось семь лет. Как-то церковнослужители с большой процессией шли по берегу озера и исполняли Андастан^{III} и служили литургию. Вдруг воды озера взволновались. Евангелие, прорезая волны, вышло из воды. И оттуда они принесли его в Ганкал. Чтобы книгу переплести заново, рукопись еще раз привезли в Сваз примерно 300 лет тому назад. Тогдашний епископ, духовенство и народ вышли встречать рукопись. Су-баши – правитель города – разгневался и арестовал епископа, священников и многих из народа. Сильно их притеснял, захватил Евангелие, которое за большие деньги выкупили. В 95-ом году оно вновь было захвачено, на этот раз жандармом-чавушем Ганкала, которое потом за выкуп в 18 меджитов было освобождено. Если верить сведениям женщин, то теперь оно захвачено мал-мюдиром⁹⁰ сего места.

После Улаша в области Ганкала имеются следующие армянские деревни – Пог-Армут, Гомсур, Патрин, Паша-Гех, Гуртлу-Гайя, Гара-Эорэн, Магара, Манчылыг, Еарасар, вместе с которыми соседние с Газ-Магара и Кемереком армянские села, примерно 40 единиц, с Предводительством Кюрина составляют большую епархию Киликийского католикосата. Выше Манджылыха находится монастырь Св. Торос, построенный из вулканических камней, почему он и называется Сев-Кар. С недавних

⁸⁸ О найденных в Себастии и монастырях рукописях я составил богатый каталог, который мои трудами (Г).

89 Недалеко от Ганкала имеется большое озеро. Местные жители рассказывают, что в озере выхлещут и пасутся на лугах (Г).

90 Мал-мюдир (malmüdürü) – управляющий областным финансовым отделом.

времен здесь находится престол Предводителя Кюрина. После резни 95-го года здесь открыли сиротский дом. На этих землях армянских деревень Ганкала обосновались Кара-папахы. Недалеко от Ганкала показывают пространную равнину по названию Чатырлах Эри. Говорят, что здесь располагался лагерь Митридата во время войны с римлянами. И еще на этом месте была прорыта подземная дорога, ведущая к крепости Гырг-Кзоги, напротив Манджылыхра. Оставив подробности для главы об армянских деревнях, продолжим наше основное повествование.

Утром другие караваны подняли в путь, а нас на один день оставили в покое. 9-го июля утром мы тоже пустились в дорогу, одолели поля, равнины, косогоры, трудные спуски. В полдень остановились у какой-то усадьбы. Это Ганкал-Агаси. Здесь был один колодец, смогли выпить несколько глотков воды, но жажду не утолили, быки также не утолили жажды.

Люди, имевшие дело с рынком, здесь встретились со своими турецкими знакомыми крестьянами. Разговоры шли о нашем выселении и положении. Хотя они старались молчать, но не удержались и поведали о многом, в частности, они рассказали о том, что посланный в Себастию как глава разбойников-четов Гамид бей предложил им записаться в отряды четов, грабить караваны, обирать. Заняться похищением и за один день разбогатеть, вести разгульную жизнь, но они не согласились. Они рассказали нам также о многом случившемся с караванами, шедшими до нас, об ограблении каравана самсунцев, о множестве убитых, и о том, что многое случится и с нами, и никто, вероятно, живым не останется.

Притворившись наивным, я спросил: «В чем виноват был армянин? Что он сделал, что правительство так жестоко обошлось с нами? Даже исламский закон Коран не разрешал, чтобы с народом, преданным на протяжении веков, турецкий народ и правительство обошлось с такой жестокостью». Смотрю на них, на лицах появилось недовольство и они сказали: **«Вы виноваты в очень многом. Армяне, правительство отнеслось к вам, народу, проявившему коварство, снисходительно, а вы растоптали исламскую веру, шариат...»**. Я понял, что это варварское правительство злостно отравило баранье сознание турецкого народа, и не сейчас отравило. Разговор завершился.

Отправляемся в путь. По дороге встречаем караван турецких беженцев с волами,пряженными в телеги, идут со стороны Армении, идут в

Себастию занимать наши дома. Движемся вперед. Навстречу нам идут турецкие извозчики, которые обслуживали раньше нас вышедшие в путь караваны. Теперь они возвращаются. На телегах товары армян: постели, дорожки, ковры. С болью в сердце смотрим на это. Говорят, что до Малатии дошли в целости-сохранности. О страшных событиях воздерживаются что-нибудь говорить. Ничего не хотят сказать, ибо им настрого запретили, даже угрожая смертью. На ночь устраиваемся в одном ущелье у воды.

АЛАДЖА-ХАН. – 10-го июля доходим до Аладжа-Хана, большого населенного турками села. У края села собрались турецкие крестьяне, женщины, девушки, дети. Воспользовавшись случаем тащут с телег, ослов и мулов что попало, смеются, издеваются над нами. Мы останавливаемся за деревней, на равнине. По телеграмме Муаммэра семьи Председателя Городского совета Бениамина Топалаяна и его свояка Абраама Месикяна и некоторые другие⁹¹ были сняты из каравана и оставлены в хане. Они прибегают к нам и также рассказывают ужасные вещи о ранее вышедших караванах. В частности, о трех местах – Ерыхи-Хане, Кэтив-Хане и Гасан-Чэлэпи говорят, что ни один мужчина не мог спастись, и что в первый день выселения из Себастии первые караваны были ограблены отрядом разбойников-четов, сидящих в Ерыхи-Хане, а мужчины – все убиты.

Узнав об этом, весь народ впал в отчаяние. Мы ощутили ужасную действительность, поняли, что стоим перед неизбежной смертью. Все мужчины собрались в середине лагеря, женщины вокруг нас тихо, скорбно плачут, призрак ужасной смерти витает над нами. Все со сложенными на груди руками остались остолбеневшие. Никто ничего не может сказать. Думаем о своих семьях, о наших детях. Появляется бутылка водки, выпиваем по одной-двум стопкам, стараясь превозмочь эту черную печаль. Из нас Погос ага Пучагчян говорит: «Братья, мы вкушаем наш последний хлеб-молитву, горькую чаша смерти, которую мы выпиваем до дна».

⁹¹ Эти семьи затем были переведены в Себастию. Арестованные еще не были преданы смерти. Муаммэр приказывает привести к нему Бениamina в сад тюрьмы. Он сидит у бассейна, перед ним бутылка водки. Муаммэр сообщает о возвращении его семьи в Себастию. Бениамину кровь ударяет в голову. Он говорит: «Какое значение имеет освобождение моей семьи и детей, когда весь мой народ осужден на гибель», и добавляет: «О, Муаммэр, я знал, что турки развратны, но, что до такой степени, этого я не знал» (т). И жене просит передать: «Не показывайся мне на глаза, если ты была из моей семьи, ты не должна была расстаться со своим народом, а пойти туда, куда послали их». И после этого он не принимал посещения жены (Г).

живыми: «Смерть не осознанная есть смерть, смерть осознанная есть бессмертие»⁹².

Он всхлипывает, мы взволнованные плачем, глотаем наши слезы. Женщины вокруг нас, причитая, заламывают руки, рвут на себе волосы...

Мы оглядываемся, наши палачи-жандармы многозначительно смотрят на нас, следят за нами. Мы ставим точку и расходимся.

10 К ЗАПАДНЕ

ЕРЫХИ-ХАН. – Утро. Отправляемся в путь. Скоро полдень. Жандармы себя ведут по-другому: обходят караван от начала до конца. Приводят в порядок ряды телег. Ждем об объявлении утреннего отдыха. Из их уст раздаются значительные зловещие слова... приказывают продолжить путь. Немного погодя мы увидели, что караван сворачивает с пути. Через какую-то теснину мы идем вперед и оказываемся в длинном ущельи. Издали замечаю, что в ущелье высокое место, на котором сидит какой-то человек, опирающийся на ружье. Узнаю в нем знакомого Кютика агу Гусейна. Да, это он. Мы тут же поняли: нас ведут к западне, мы движемся к пропасти смерти.

Кровожадный Гусейн, всегда живший по соседству с армянами, хорошо говорит по-армянски, нет армянина, побывавшего на рынке, которого бы он не знал. Меня он тоже знал по тюрьме. В одно время мы вместе сидели в тюрьме. Каждый раз при виде меня он спрашивал о моем самочувствии. Я должен пройти перед ним, нет выхода, он меня увидит. Опускаю багдин-платок. Уже ставший худощавым, давно утружденным, изможденным, я придаю себе еще более жалкий, неприятный вид. Перехожу на другую сторону телеги, возжи в руках. То хромя, то еле таща ногу, то занятый быками, не поднимая глаз, делая вид, что не вижу его, я прохожу перед ним. Наш сосед и приятель Манас Басмаджян, шедший сзади меня, который также был в хороших отношениях с Гусейном, подходит, здоровается и несколько минут говорит с ним. Потом я спра-

шиваю парона⁹³ Манаса, почему он сочувственно покачал головой, при разговоре с тобой? Да, он сказал «Жаль». А об их разговоре Манас сказал: «Когда я его спросил: «Сын Кочи, – так обращались к нему его армянские приятели, – что это, куда нас гоните, куда нас должны сослать, что с нами будет, где наш конец?» Гусейн ответил: «Манас-папа, вы еще не поняли, или вы притворяетесь? Что ты не знаешь, что Иттихад принял решение уничтожить армян, стереть с карты название Армении. Турцию превратить в Турецкую исламскую страну. Не думайте, что вас посылают в определенное место и что вы там поселитесь. Не бывать этому. Все вы, все будете убиты, перебиты, уничтожены. Иттихад, расправившись с вами, примется за курдов, арабов, кызылбашей, словом, со всеми составными слоями населения Турции также. Турция должна принадлежать лишь туркам. Такова программа Иттихада, поставленная ими перед собой цель».

Караван прошел через теснину, перед нами огромное ущелье, вокруг холмы, составляющее восьмиугольный амфитеатр – Ерыхы или Гырыхы-Хан. Несколько жандармов с патронташем на плечах с дьявольским видом, угрожающе встречают караван. Патроны пустые, пустые гильзы, нам хотят дать знать, что они выпущены в животы до нас прошедших армян. Размахивая плетями, они наносят ими удары по извозчикам, удары хлыстами получают также несколько турецких извозчика: «**Теперь вас удостоят жребия неверных**» (т.), – говорят им так, чтобы мы их поняли.

Повелели по-армейски телеги поставить в два ряда. Мы посмотрели и поняли, что здесь не пахнет полуденным отдыхом. Перед ханом из кустарника у сухого источника разожгли костер. Дым окутал местность. Не с целью ли перебить запах-мертвечины, проникающий сюда из теснин, находящихся напротив холмов – несомненно. Мы уже охвачены ужасом: мужчины скорчились под телегами, озабоченно смотрим друг на друга. Момент какого-то ожидания. Слышим голос гонца, который громко кричит на весь караван: «Всем мужчинам придти и собраться перед ханом, им должны сообщить важную новость. Кто ослушается и не придет, тот будет убит».

«Раскрылся цветок баклы», – говорит о таких тревожных обстоятельствах народная поговорка. Жандармы также торопят, подгоняют. Соби-

⁹² В Себастии принято было с покойником на могилу брать хлеб и водку или вино. После похорон преломить хлеб и выпить, сопровождая это не только множеством назидательных народных поговорок, но и библейскими иносказательными поучениями (Г).

⁹³ Парон (арм.) – господин. Парон – от барона.

раемся перед ханом озабоченные, с опущенными головами. Колени сгибаются. Прислоняемся к стене на корточках, достаем папиросы, глубоко вдыхаем раза два-три.

КОМИССАР ЭМНИЙЕТА⁹⁴. – Из хана неожиданно выходит знакомый нам начальник четов Гамид-бей, сын Эмира паши. Сразу как по сигналу все встаем на ноги. «Воинское приветствие всем нам». Мы со страхом отвечаем, со страхом остаемся в ожидании. Он берет слово, сначала говорит ласково-льстиво, затем выпускает яд: «Соотечественники, вы уже знаете, что правительство на время вас выселило. И несмотря на предпринятые правительством предупредительные и сдерживающие меры не удается обеспечить безопасность дорог и защитить караваны от постоянных набегов диких курдов, которые беспощадно грабят, похищают, обирают, убивают: из-за одного кольца отрубают палец, из-за сережек – отрезают ухо, из-за браслета – отрезают руку. И поэтому правительство, которое постоянно думает о вашем благе, в частности, послало к нам Комиссара Эмнийета – поручив сдать ему имеющуюся у вас звонкую монету, золото, женские золотые украшения. Золотые-серебряные украшения и другие дорогие вещи, жемчуг, ценные бумаги и пр., все, что у вас есть, вы должны передать под вашим именем, с указанием качества, количества. Все это будет запротokolировано. Как только вы дойдете до Малатии, все полностью вам будет возвращено, там вам будет выдан на содержание тайин⁹⁵, для ваших детей будут открыты школы, сиротские дома. И тем не менее в конце мы должны будем обыскать вас всех, ваше имущество, и если на ком-нибудь найдется что-либо металлическое, то он без лишних слов будет убит. Идите и в точности передайте этот приказ и тем семьям, в которых нет мужчин. Идите, скорее готовьтесь. В лагере будут раскинуты две беседки, принесите ваше достояние туда»

БЛЕФ. – Он еще не успел закончить свои слова, как из-за хана из ущелья задыхаясь прискакал конный жандарм и сказал: «Мой бей, утром на вышедший в дорогу отсюда караван самсунцев напали курды, весь караван ограбили, были убитые, поскорее пошлите помощь».

⁹⁴ Эмниет (emniyet) – служба безопасности.

⁹⁵ Тайин (tayin) – пособие, паек.

Гамид бей, приняв вид Давида Мудреца¹, обратившись к нам сказал: «Видите, я же говорил вам: вот так обстоит дело, несмотря на предпринятые нами меры, несмотря на поставленных на охрану жандармов, мы не можем справиться с этими разбойниками (имеет в виду курдов). И, обратившись к телохранителям – четам, сказал: «Скорее, пошлите конных». Тут же два-три жандарма сели на коней и поспешили... Это было блефом, злоупотреблением нашей наивностью и легковерием. И мы за чистую монету приняв это, сказали: «Мой ага, да дарует вам Бог долгую жизнь. Да, мы уверены, что вы постоянно печетесь только о нашем благе. Ведь вы сын многомилостивого отца», – говорим, делаем тэмэннах⁹⁶ и возвращаемся в лагерь.

ТРЕВОГА В ЛАГЕРЕ. – Обескураженные, растревоженные этой неожиданностью, мы возвращаемся к своим домочадцам. Весь караван охвачен ужасной тревогой: женщины смяты, обеспокоены, потеряли головы, не знают как поступить. Спрятать? Но куда спрятать? Уже спрятали, куда можно было спрятать, а если найдут – значит верная смерть. Женщины, девушки хотят проглотить как таблетки золото, но воды нет, слюной глотают золотые монеты, золотые украшения прячут в разных местах, в нижнем белье, в неожиданных местах, на детях. Некоторые бросают друг другу в свертках, прося сохранить. Те отвечают: «Свое спрятала, осталось твое» и бросают обратно. Многие закапывают свертки на местах, где сидят. Не обратив внимание на то, куда закопали, не сделав никакой отметки, чтобы позже суметь найти место. Наконец не знают, куда положить. А наши жандармы у дела, ходят туда-сюда, за всем этим наблюдают, во время потопа сами также стараются овладеть добычей. Пытаются представить себя в лучшем свете. «Видите, – говорят они, – нам жалели давать ложкой, теперь им вынуждены подносить ковшом. Хоть какую-то часть дайте нам». Таким манером они многое выманили. Каждый человек думает о том, сколько чего должен сдать. Долго думая о том, как поступить, муж забирает из рук жены, жена обратно берет от мужа. За количество сдаваемого ответственным становлюсь я. «Надо сдавать все, но что будем делать потом, на что будем жить?», – говорит...

СДАЧА ДРАГОЦЕННОСТЕЙ. – В разделе о выселении Себастии мы уже говорили о том, что в день, когда отправился в путь первый караван,

⁹⁶ Теменна, Теменнах (temenna, temennah) – форма восточного приветствия (прикладывание руки к губам и лбу..

сын Эмира паши Гамид бей, возглавив отряд четов повел их по дороге караванов. С какой целью и с какой программой – выясняется сейчас, здесь. Официальные воры, разбойники, которые прибыли в Эмнийет под именем комиссии, преследовали цель ограбить все ценности, богатство караванов и убийство находившихся в караванах видных мужчин и молодых парней. А кто были эти четы, вот их имена:

Сын Эмира-паши Гамид-бей, главарь четов, о происхождении которого уже было сказано, некое смешение армяно-турецко-черкесской крови.

Паджанах-задэ Халис бей, прозванный ипнэ⁹⁷ -дочерью /женолюб/.

Эмин-Кегеа-задэ Халил бей, грабитель караванов Самсуна, Амасии-Марзвана, Тохата, проходивших через Тонус-Шар-Гышлай, убийца мужчин, массово выводивший девушек-невест на продажу, который там закончив дело с ними, прибыл сюда.

Сын Кютика Мехмета Гусейн, о котором смотри немного ниже.

Телохранитель Мухаммэра – Комиссар Махмут в гражданской одежде.

Эорюкджюли Ибрагим или Ипо.

Тютюнджи⁹⁸ **Хани-Халил** и другие.

В середине лагеря в двух местах сделаны беседки. Эти официальные разбойники разделились на две группы, уселись в беседках, взяв из каравана двух трех влиятельных людей в качестве членов комиссии.

В дороге моим непосредственным другом был кофейщик Хазар ахпар⁹⁹ Магакян. По выходе из города мы вместе с ним купили телегу и осла. С Хазаром ахпаром мы подходим к беседке, предназначенной для нашей части каравана. Из просвета между карпетами осторожно смотрим внутрь на то, как происходит сдача, что происходит внутри. Товарищ меня щипает, говорит шопотом на ухó: «Не бойся, Хаджи-Халил мой приятель, я ему очень много сигарет продавал, может быть легко отделаемся». Я тоже смотрю – среди сидящих знающих меня нет. Большие шишки, видимо, все в другой палатке. Мои расчеты должны быть связаны с этой палаткой.

Разбойники сидят полукругом. В руках мартини¹⁰⁰, хлысты, толстые дубинки, глаза налиты кровью. Хаджи-Халил выполняет роль писаря. В

руках у него календарь, на столе ручка, чернила. Про себя говорю: «Верблюд заделался производителем шелка». Представители каравана – Тнкренц Пзтик, Заллахенц Данэл-ахпар с понурым, задумчивым видом сидят рядом с ними, скрестив ноги.

Мужчины, женщины столпились у палатки. В руках у них свертки с ценностями. «Это первый мой съеденный хлеб из тонира», говорим согласно народной поговорке. Первым с дрожащими коленами заходит в палатку портной Алексанян Сероб. Приказывают сесть, открывают сверток: в большом количестве меджиты, обрамленные желтой каймой, серебряные украшения, часы и прочее.

Эорюкчули Ибрагим, председатель, гм..., копаясь в носу, и с издевательской усмешкой смотрит на ахпара Сероба и обрушивает на него яростные ругательства: «Что это? Ты что издеваешься над нами? Где золотые украшения твоей жены, невест, золотые монеты со лба, пяти-монетные золотые?».

Ахпар Сероб заикается, язык отнимается, просит, молит. Человека лицом бросают на землю. Хаджи-Халил, взяв его голову между колен, сильно сжимает, другой садится ему на ноги, начинает плетью наносить ему удары по плечам, по месту сидения. Берет дубинку. Нос-рот человека прижаты к земле, с трудом он сдавленным голосом кричит: «Аман! Эфенди, целую ноги твои, позволь, посмотрю, что осталось, принесу». Снаружи скопившийся народ ужаснулся, думая, что его убивают. Жена брата Сероба вопит, девочки, дети отчаянно кричат: «Боже мой, отца нашего убивают!». Приходят жандармы, начинают избивать их плетью, заставляют замолчать, сказав, чтоб мы вашего голоса не слышали.

Наши представители робко посредничают, Ахпар Сероб встает, полумертвый, обезумевший идет к своим, затем возвращается с новым свертком, с золотыми монетами для украшения лба. Сейчас они кажутся немного смягчившимися: «А, вот так, видимо, не смягчишься. пока **не отведаешь чорпаснна-дубины**¹⁰⁰», говорит вожак разбойников.

Принесенные ценности складывают, всыпают в большой тэрки-хейпей-хурджин. Золото, золотые изделия в одно отделение, серебро-монеты, серебряные украшения – в другое. Вожак взяв пригоршню мелкой серебряной монеты из полной кошель – из полкэсэта бросает в качестве баи-

⁹⁷ Ипнэ – дочь (тур-арм сл.).

⁹⁸ Тютюнчи – продавец табака.

⁹⁹ Ахпар – брат. Уважительная форма обращения к человеку.

¹⁰⁰ Дубинкой, палкой не получишь, по-армянски – ган ымпел, равно используется как по-армянски, так и по-турецки, имеет свое происхождение (Г).

хиша перед Сероб ахпаром со словами: «Подарок на двухдневные расходы...» (т).

Тут мы смекнули: «То, что нам обещали в Малатии вернуть наши ценности, это на двухдневные расходы (т), мы имеем двухдневную жизнь?»... Но они знают, что говорят, ведь через два дня мы дойдем до Гасан-Челеби, мужчины будут взяты и убиты, а до Малатии или немного дальше караван уже должен быть разорен и уничтожен.

Заходит другой, мастер Григор Кезуренц, одноглазый, нерешительными шагами, с дрожащими коленями подходит и ставит на стол сверток. «Подходи, слепой тонгуз¹⁰¹, иди пагал¹⁰², ограбивший турецких крестьян, накопивший богатство, принеси, посмотрим». Открывают сверток, «Это все?» – спрашивают. «Мы хотим от тебя 300 золотых. Если не принесешь, головы своей не убережешь». Человек просит, молит: «Вы же знаете, что я простой ремесленник. Что может иметь такой человек? Во имя жизни царя пощадите меня, несчастного».

Человека уложили, как и первого, избили, все лицо было в крови. Позвали жену, раздели догола, сняли рубашку, штаны. У нее подмышками нашли сшитые связки золота, распороли, сняли. Копаются в нижнем белье. Там также находят ряды золотых монет. И как колбасную связку тянут вынимают. «Хынзыри¹⁰³, – говорят они, – мы у прошедших караванов в кровавом месячном тряпье женщин доставали золото, даже из влагищ и задних проходов».

Сданное ими также запротоколировали и соответственно качеству положили в разные карманы сумки, и в качестве бакшиша на двухдневные расходы дали им 2-3 меджита...

Заходит жена Бзукенца Воскеана, резвая женщина лет 60-65, ставит перед ними сверток. Они ее знают. Иронически-издевательски приглашают ее сесть: «Садись, посмотрим. Садись, супруга бакалейщика» (т). Не раскрыв сверток и не посмотрев на принесенное, они укладывают бедную женщину на землю и наносят удары дубинками и плетью по ее пышному телу, плечам, голням, мягким местам. Женщина неистово кричит. Избиение продолжается...

¹⁰¹ Тонгуз (tongaci) – хитрец, лжец.

¹⁰² Пагал (paggal) – продавец бакалейных товаров, бакалейщик.

¹⁰³ Хынзыр (hinzir) – свинья, скверный, дрянной...

В качестве ознакомления скажем, что муж этой женщины был бурным человеком. Всякому турку не говорил турок, не склонял шеи перед ними, очень многим преподавал уроки. И жена в свое время была красивой. В турецкие варварские дни очень многие за ней увивались. Женщина подобно своему мужу была отважной и себя в обиду не давала. Бзука Воскеана во время резни 95-го года убили. И сейчас, видно, хотят отомстить жене за мужа.

Эти ценности также положили в разные отделы бакета соответственно качеству. Мешок заполнился, его с трудом положили в стороне и принесли новый. Эту женщину также с завязанными руками и ногами бросили в тюрьму.

Заходит другая женщина – жена Пелояна Гасап-Погика у него Эмми – с целым фартуком сокровищ. Эту женщину также знают. Ага Погик известный мясник, довольно богатый. Под видом подношения на военные нужды как представитель Тэкэллифа гарпие захватил 3-400 овец, 10-15 000 овечьих шкур, около 1 000 звонких золотых монет. В день всеобщих арестов его арестовали с тремя сыновьями и предали смерти. Остались молодые невесты-девушки. Еще они не успели придти в себя, не поговорив с ней, ее также как других уложили на землю и предали ужасным побоям. Наши представители вмешались, напомнили о больших жертвоприношениях мужа. Избиение прекратили и сказали ей: «Иди и по пожертвованиям мужа. Избиение прекратили и сказали ей: «Иди и поскорее принеси припрятанное». Енкренц Пстик также увещевал ее: «Госпожа Антарам, у нас нет выхода, пойдешь и принеси». Она пошла, немного пощади принесла во втором свертке украшения невест, монеты для украшения лба.

Эти драгоценности также поместили в кармашках бакета соответственно качеству. Уже мешок заполнен. Ставят его в сторону, сгибаясь под его тяжестью, приносят новый. И эту женщину, связав по ногам и рукам, бросают в тюрьму.

Заходит другой человек: ахпар Ншан Тертерян, столоничальник хана Тэрпапонца, с жалким видом он кладет сверток перед ними. Развертывают – только меджиты, серебряные монеты. «Это что?», – спрашивают. Склонив голову, жалким голосом говорит:

– Эфентим, вы знаете, что такой как я, бедный одабаши-парчеси¹⁰⁴, что может иметь?..

¹⁰⁴ Одабаши (odabaşı) – швейцар в гостинице..

— О, свинья, — говорит председатель, — не хватит врать, отнекиваться. Еще вчера из каравана, бывшего до вас, у вашего самого нищего — слепца Гамбара¹⁰⁵ из под мошонки достали 64 золотых монет. Если ваш слепец имеет столько золота, почему у вас не должно быть? Вы 600 лет грабили, обирали исламский народ, сельчан и горожан, накопили золото, вот сейчас отдавайте все, что сожрали. Излишне говорить о последовавших за этим побоях, аресте со связанными руками.

Зашел бакалейщик Птукян Сенекерим. С ним не хотят говорить, заявив, если ты принес менее 500 золотых монет, убьем тебя, и наводят на него мартини. Человек падает ему в ноги: «Только, эфендим, откуда у меня столько денег?». Ему также приводят в пример Хаджи-Каро — если у него 800 литров нашли, у тебя не найдутся несколько тысяч? Те же побои и истязания.

Так один за другим заходят к нему, друг за другом отдают сокровища, наполняют их мешки.

Смотрю, этому нет конца и говорю нашему Хазару ахпару: «Давай подумаем о нас, очередь доходит до нас». Иду к нашим: «Жена, что ты приготовила, выхода нет», говорю. «Ничего не дам, ничего не неси» говорит и успокаивает меня: «Не бойся, кто на тебя обратит внимание».

Рассказываю о виденном своими глазами, о происшедшем с другими. Хазар ахпар с одной стороны готовит то, что должен отнести сам, с другой — убеждает меня подготовиться. Тяну, вытаскиваю из кармана жены золотые монеты два ряда, несколько украшений, монеты меджит. Делаю сверток, поднимаемся на ноги и со страхом направляемся к беседке. Хаджи ахпар медленно подходит к Хаджи-Халилу. «Немного подожди, с тобой полегче», — говорит. Ожидаем.

Наконец, очередь доходит до нас. У Хазара ахпара Хаджи Халил берет несколько украшений, часы, часть денег возвращает, остальные записывает.

Хазар ахпар говорит: «А это мой друг и родственник». Хаджи-Халил, что-то говорит на ухо Хазару ахпару. Тот отвечает: «Нет, он бедняк, будь

¹⁰⁵ Читающим себастицам известен со слабым зрением, носящий очки человек, поставивший точильщикам пожней точильные камни, бедный в течении нескольких лет за 5-10 пара заработавший эту сумму, сейчас вынужден был дать этим разбойникам. Его брат Хаджи — Каро, среднего достатка пагал, у него изъяли целый мешок золота — 800 лир золота (Г).

уверен». Я достаю свой сверток и ставлю перед ним. Затем у него на глазах распарываю спинку пиджака и достаю сшитые там 10 золотых и бросаю в сверток. Хаджи Халил спрашивает мое имя. «Эскиджи Ованнес», говорю я, он записывает. Подобно овечке, вырвавшейся из пасти волка, выбегаю из беседки и прихожу к жене. Она мягко меня упрекает, сердится: «Что нам делать, как нам дальше жить?».

Все эти события, все эти происшествия имеют место также в другой беседке. Там также многих избивают. Так 10 полных мешка богатства, драгоценностей отбирают у нашего каравана.

ОБЫСК В КАРАВАНЕ И НА ЖЕНЩИНАХ. — Закончив эти действия в обоих беседках, разбойники вторглись в караван и стали переворачивать груз обозов, ножами разрезать зашитые бечевками и завязанные канатами товары, мешки со съестным, распарывать мешки и содержимое высыпать на землю. Под предлогом поиска чего-то в них спрятанного, стали ногами разбрасывать все, смешав с землей. Одежда, постели, подушки разрывают на куски, из многого многое достают. И, наконец, направляются к женщинам, невестам. Около 80-100 человек отбирают и отделяют на одной стороне лагеря, на поляне. Надо было видеть страх и ужас, их вопли и крики. Раздели всех, оставив их в чем мать родила, обыскали все до последней тряпки. В частности нижнее белье и тщательно тряпье от месячных, оттуда доставали связками, рядами золото. Из кружев штанов матери Кут-Степа достали 8 золотых, плюнули ей в лицо и в назидание другим надели штаны на голову бедной женщине, сказав, что, если у матери парализованного нищего¹⁰⁶ столько золота, то какие сокровища хранятся у других. Они не удовлетворились этим срамом. А свою похотливость продвинули дальше невиданным беспримерным блудом, который не мог представить человек. Разбойники заставляли женщин стать на колени, схватывали за руки, левой рукой схватив за затылок, одним коленом сдавливая спину, сжатой рукой сзади обыскивали влагилице до самого нутра...

При виде этой сцены, казалось, вся природа сотрясалась, небеса обваливались на нас... Одна из женщин не стерпела и, обратившись к развратным палачам, сказала: «Совесть, честь принадлежат царю! У вас есть жены, матери, дети, не стыдно ли вам с таким бесстыдством обращаться с

¹⁰⁶ Кут-Степ был парализованным себастиским нищим, которого знали многие. Этого бедняка также убили на дороге (Г).

нами? Вы не люди, у вас нет бога, вы каменные, вы прах земли. Постыдились бы!»

– **Развратница**, – отвечают ей, – еще у вас поворачивается язык говорить? И Аллах, и Пророк, и Султан, такой как вы **народ предатель подавляли** (т) и ваш намус – вашу честь, достояние и имущество, и вашу жизнь отдали нам. Отныне вы не принадлежите себе. Аллах наш, у вас нет Бога, мы ваши и Аллах, и Бог, ваш Христос? Если у них есть сила, пусть придут, освободят вас из наших пенчене¹⁰⁷.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ МИЛОСТЬ, ПРОЯВЛЕННАЯ К НАШЕМУ КАРАВАНУ. – Наконец, этой трагедии был поставлен конец. По рассказам свидетелей, бывших на площади людей, молодых парней, в частности, сына Кютика, из прибывшего до нас, как и идущих после нас караванов, отделили 40-50 человек и убили. Для нашего каравана сделали исключение. Арестованных в хлеву женщин и мужчин также выпустили. Почему? Об этом мы расскажем вместе с событиями, случившимися на следующей стоянке.

А пока расскажем о западне, в которой оказались раньше и позже нас прибывшие караваны и поведаем о еще более ужасных событиях, происшедших с ними. О чем мы узнали от выживших.

ИЗ КАРАВАНА КВАРТАЛА КЭОСЭ-ДЕРЭ рассказывает юноша Арменак Кюрегян. «В одном ущелье мы дошли до берега речки. Там был большой хан. Собачий сын Халил бей приказал всем мужчинам и мальчикам придти к нему. Жандармы собрали всех и повели к нему.

Халил бей сказал: «Вот я получил большой ферман, все внимательно послушайте.

Далее мы должны идти через земли Курдистана, Арабистана, они вас ограбят, и мы останемся без денег. Поэтому мы решили взять ваши деньги. Все ваши богатства вы должны передать нам, и мы ежемесячно будем выдавать вам. А тот, кто оставит при себе 5 пара, того мы найдем и убьем». Сказав эти слова, он послал их сообщить своим семьям о фермане. Семьи собрались в разных местах и стали собирать деньги и записывать имена. Многие дали много денег, но собачий сын, будучи свазцем, всех знал, кто богат, кто беден.

¹⁰⁷ Пенчене – пенчели ? (penceli) – когти.

Золотые, серебряные изделия, кольца, ожерелья, часы положили в разные хурджины и, погрузив на лошадей, повезли в город.

И ПЕРЕД ПАРХАНОЙ¹⁰⁸ КВАРТАЛА ЦЕРКВИ СВ. САРГИСА за день до нас зачитали этот приказ о сдаче драгоценностей и начался тот же систематический грабеж, то же варварство по отношению к мужчинам и женщинам. В назидание и в угрозу тяжело ранили одного юношу и, указывая на него, говорили нам, что нас ожидает то же самое, если мы не сдадим все наши богатства. У этого каравана также собрали несколько десятков хурджинов драгоценностей.

Священников Сурб Саргиса Тер Иравапара и Тер Ефрема подвергли ужасным истязаниям, неслыханным издевательствам и с жестокими побоями предали смерти. Гусейн, сын Кючука, в частности всю свою злость излил на Тючюкян Назарета¹⁰⁹, как знакомого гнчакиста, заявив ему, что сокровища комитета были у него, где они и что вы с ними сделали? Несите, сдайте. Зверь Гусейн так жестоко его истязал, что все его тело превратилось в кровавое месиво и он под ударами испустил дух. Здесь был убит сын Тер Ефрема Левон Торгомян, молодой, благородный и симпатичный доктор, выпускник Бейрутского Американского Медицинского университета. Его убили, несмотря на преданную службу в турецких военных больницах в качестве врача. Не желая расставаться с семьей, он избрал дорогу мученика.

После этих частных расправ, они собрали мужчин и бросили в хлев хана, подожгли солому и дымом задушили арестованных.

СЕДЬМОМУ КАРАВАНУ также приказали сдать сокровища, сказав им, что с их именами будут составлены отдельные свертки и по почте посланы в Малатию. Там вам дадут в целости и сохранности. В противном случае вас ограбят в дороге курды, и наши жандармы не смогут вас защитить. Из этого каравана также собрали всех совершеннолетних юношей, сказав, что мобилизуют в солдаты. В ту же ночь всех убили.

Эти, подобно другим караванам, выйдя из одной западни, по прибытии на другую стоянку, еще раз подверглись вымогательствам жандармов. Те

¹⁰⁸ Пархана (barhana) – маленький караван.

¹⁰⁹ Его брат Торос Тючюкян, преданный член С.Д. Гнчакян, был арестован в Свазе и казнен. Из семейств обоих братьев и несовершеннолетних детей я не нашел ни одного выжившего. Их малолетние дети умерли в Алеппо в ужасной нищете (Г).

заявили им: «Чтобы освободить ваших арестованных мужей, дайте по пять золотых. Мы пойдем их освободим». И взяв золотые, исчезли.

КАРАВАН КВАРТАЛА КАФЕДРАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ достиг этой западни на следующий день после нас. Как квартал имущих и богатых, этот караван также подвергся той же расправе и грабежу. У них изъяли 12 хурджинов драгоценностей, 70 человек арестовали и убили. В частности был убит один из представителей древнего себастийского интеллигентного рода 70-летний Арутюн или Паскаль эфенди Ансурия, почтенный армянин, который долгие годы был чиновником телеграфного ведомства, позднее стал наместником Кюринского каймакамства. После изъятия у него 500 золотых монет и множества ценных золотых-серебряных украшений, сказав, что он более 50-ти лет был на государственной службе, ограбил государственные сокровища и что вместе со своим народом стал хыйянэт-предателем государства, побоями убили его.

РАССКАЗ ЮНОШИ РАЧЬИ ГАБИКЯНА ИЗ НОВОГО КВАРТАЛА ХОГДАРА И АРДЖЕВИ АРТ-А. – «Когда мы дошли до Аладжа-Хана, там мы увидели сына Эмир-бея со своим отрядом. Они собрали мужчин и мальчиков и арестовали в хане. Всю пархану ограбили. Шесть больших мешка-бакетов золота и драгоценностей отобрали. С арестованных мужчин – от стариков до 45-летних – каждого, уплатившего по 5 золотых, отпустили. Юношам до 18-летнего возраста повязали руки и ноги, позвали их матерей, потребовали с них по 20 золотых, обещав освободить их, в противном случае убить их на их же глазах. Матери пали им в ноги, сколько смогли дали и освободили своих родных детей. Среди этих юношей были сын переводчика Манука эфенди Ансурия: Пучакчян Акоп, Кюркчян Саак, Айказун Саносян, Рачья Габикян. В тюрьме оставалось 60 человек – галипчи¹¹⁰ Казар, Чатрджян Назар, Арам – учитель иезуитов, гонтрачи¹¹¹ Гайк и другие, которых в конце убили.

Сын Эмир-бея со своей группой, сидя перед Аладжа-ханом, ограбил семь-восемь караванов.

Как было сказано ранее, в своей «История Ехерна» я представил лишь скелет происшедшего. Если бы я подробно описал случившееся с каждым караваном лишь в этой западне, образовались бы тома, если бы я мог най-

ти выживших и от них узнать эти подробности. Так или иначе, все 15 караванов Себасти, т.е. все депортированные от Самсуна до Себасти были ограблены в этой западне, а из мужчин молодые и юные были зверски убиты здесь.

11 В СКОБКАХ

МАТЕРИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СЕБАСТИЙСКИХ АРМЯН. – Прежде чем продолжить наше повествование о Дороге крови, хочу немного поговорить об этом. Хотя я и этнографически и топографически глубоко изучил Себастию, но о материальном состоянии себастийцев не имел полного представления, согласно поговорке: «Не знал у кого находятся деньги и вера». И даже как-то в разговоре с Его преосвященством Тер Торгомом я утверждал, что Себастия по сравнению с Евдокией и Амасией бедный город, а он, напротив, говорил о щедрости себастийцев по отношению к школам и к благотворительным ведомствам, об их хорошем состоянии, о малом числе или вообще отсутствии неимущих семейств и в доказательство своих слов пошел дальше. В качестве мерила их состоятельности привел тот факт, что после принятия османским правительством Конституции, когда армян стали брать в армию, военное правительство заставило себастийцев выплатить 7 битонов золота как пэтэл. Этого не смог бы сделать ни один город, сказал он.

Депортация и беженство убедили меня в том, что Его преосвященство не ошибался, и я получил об этом полное представление.

В самом деле, Себастия, в полном смысле этого слова, действительно **Ремесленный город** – ремесла и тонкое прикладное искусство здесь достигли высочайшего расцвета. Здесь всего от 30-ти до 100 купцов и торговцев. Богатство не было накоплено-сосредоточено в руках коммерсантов, капиталистов. Здесь ремесленник не был как в Европе и Америке **рабочим, мастеровым**. Он является хозяином своей мастерской – **ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕМ** своего завода. Заработанное им – предпринимателем – идет в его кошелек, куда идут все деньги, следовательно богатство не было где-то накоплено, централизованно, а было рассеянно в народе и каждый человек вследствие этого в какой-то мере был сам себе хозяином.

¹¹⁰ Галипчи – мастер по колодкам обуви (Малх, т. 3, с. 183).

¹¹¹ Гонтрачи – сапожник.

В среднем каждый человек мог быть хозяином по меньшей мере 50-ти золотых.

В качестве критерия возьмем события, выявляющие материальные возможности армян, начиная с мобилизации.

1. – В период мобилизации деньги, сумма петеля равнялась 12-ти битонам золота.

2. – Тэкэллф – начиная от богача-купца, по имени Гарпийэ, до последнего ремесленника приобрел в большом количестве товары: скот, волов, пшеницу, овес, масло, лошадей, подводы и пр.

3. – Каждый дом помог в меру своих возможностей снабжению армии, больниц – продовольствием, в передвижении войск в Эрзерум.

4. – До того как депортироваться, богачи и большая часть народа у американских миссионеров заложили много звонкой монеты, дорогие украшения, ценные бумаги.

5. – Многие, не сумев заложить и не взять с собой, закопали свои богатства в своих домах.

6. – Оставленное армянами вместо займа в Османском банке дорогие залоги и сбереженную звонкую монету, которое захватило правительство.

7. – Оставленную армянами после депортации движимую собственность: мебель, имущество, достояние, съестные припасы и пр., перевезены в Кафедральную церковь, которую превратили в базар и в течение года не кончали продавать. Оставшуюся часть после заключения перемирия сдали Национальному Предводительству. Сундук с приданым невесты продавали за 3-5-8 турецких бумаг, тогда как один отрез этого сундука стоил дороже... Представьте себе, по какой дешевке они преподносили голодной турецкой черни имущество армян.

8. – Магазины армян, торговые дома, запасники продовольствия, амбары с пшеницей, предназначенной для десятины, были опечатаны и впоследствии распроданы. Магазин, содержащий товары в несколько сот лир продавался за 20-30-40 турецких бумажных денег.

9. – Если в Малой Армении был город, в котором было больше всего страхований жизни, это была Себастья. Стоимость страхования в «Ланью-Йорка» составляла огромную сумму.

10. – Очень многие имели определенное количество железнодорожных ценных бумаг концессий Крэди-Фонсиэ, Румелии.

11. – Постовщиками необходимых для правительства и военных нужд товаров были в основном армяне, их все требования о возмещении убытков, остались неоплаченными, все съело правительство.

12. – Огромное количество кредитов армянских ремесленников торговцев турецким крестьянам остались неоплаченными по публичному приказу правительства.

13. – На Дорогах крови мы были очевидцами того, как жандармы под названием «сэламэтлик» ежедневно с каждого каравана взымали 30-50 золотых до прихода в эту западню. Здесь, эта официальная разбойничья группа в среднем от каждого каравана получила по 10 дорожных бакета богатства. Если они забрали у жалкого Кэор-Гамбара 64 золотых, с матери какого-то парализованного – 8 золотых, с простого пагала Хаджи-Карапета – 35-40 золотых, то можете себе представить каковы были материальные возможности себастийцев.

Подожди, читатель, наберись немного терпения и ты увидишь своими глазами после этой западни, на этой Дороге крови какие несметные богатства разбросал себастиец и армянин Малой Армении в глубинах пустынь перед турками, курдами, разбойничьими племенами пустыни. На границе Сваского вилайета, при вступлении в пределы санджака¹¹² Малатии, под разрушенным мостом, курды напали на женщин, идущих по воду. У одной женщины из Никсара они стянули штаны, в которых нашли 500 штук по 5 золотых монет, пришитых рядами. Пленные Зейнал бейем женщины из Амасии, Самсуна сказали, что богатство, изъятое Зейналом у идущих караванов равнялось 40-а битонам золота, все состояло из золота. Во время перехода через Евфрат курды нас обобрали на лодках и оставили в чем мать родила. Увидев обнаруженное золото, я обомлел, как-будто этот народ не был ограблен. Когда мы достигли Суруча, о простом пэзаеткаче Жамкочяне Акоджане сказали, что у него при себе есть несколько тысяч золотых. Когда мы из Суруча шли в Пап невестка Тэртэр Ованнеса осталась на дороге больная при смерти. Не смогли, не было возможности снять с нее одежду. Свекровь убивалась и со стенанием говорила, что в ее белье было зашито 200 золотых. По дороге, когда какая-нибудь женщина отправляла естественную нужду, курды садились вокруг нее. И когда она

¹¹² Санджак (sancak) – административная единица в Османской державе. В состав вилайета входило несколько санджаков.

кончала, они как курицы, совали нос в эти нечистоты и как вороны, клюющие зерна, находили там золото. Распарывали животы мертвецов, просеивали прах, как эльдорадо, ищущие золото. Наконец, что еще сказать, что только они не делали... Слыша обо всем этом... люди столбенели от удивления¹, земля уходила из под ног, а при виде?

12^{II}

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ДОРОГА КРОВИ

ВЫХОДИМ ИЗ ЗАПАДНИ. – Опускается занавес трагического действия, оно отошло на задний план, вечерет. Отдают приказ двигаться в путь. Мы встаем, чтобы освободить место для идущего вслед за нами каравана. Дикие жандармы, разъяренно, хлещут своими плетями налево и направо. Наверху и внизу волнение: имущество, постели, одеяла – все разбросано. Переполюх. Продукты разбросаны, не дают времени собраться, погрузиться, поднять-подвязать. Боль от потери наших богатств в сердце подобна горчице, которую мажут на наши обожженные сердца. Как я уже говорил, многие свертки с золотом, украшения зарывали в землю на местах, где сидели, для того, чтобы когда все утихомирится откопать и взять. Женщины растерянно тайно копаются в земле, забыли место, где схоронили драгоценности, не могут найти. У многих нашедших, жандармы вырывают из рук. Многие не рискуют заняться поисками и оставляют на месте. Наспех погруженный ряд подвод отправляется в дорогу. Нашлись и недобросовестные женщины, которые отказались возвратить хозяевам данное им на хранение золото, заявив что потеряли место, куда положили. Караван двинулся. Выходим из нижнего порога ущелья. На мгновение оборачиваюсь назад – крупноголовые курдские женщины, самки-тигрицы заполнили стоянку, четырьмя руками-ногами ворошат землю, ищут, просеивают землю и обнаруживают много свертков.

Смотрю, к нам присоединился сын Кютюка, Гусейн. Важно восседая на лошади, с ног до головы в военном обмундировании. Относимся к нему с недоверием. Я стараюсь не попадаться ему на глаза. И он делает вид, что не видит меня. Не по душе мне общаться со зверем, ради приличия обменяться двумя-тремя словами, хотя мы и знакомы, но пожимать его кровавую руку...

К сумеркам дошли до берега реки. Сделали стоянку на ровном месте. С утра у нас не было крошки во рту. Желудок урчит. Сердца наши от голода ноют. Как безумцы кладем в рот по одному куску хлеба с сыром. Рот наш высох, не раскрывается. Жена моя вдруг подскочила с места. В щелях воза что-то ищет, не находит, нету, упало, ударяет по ногам. Будучи в западне она спрянула 7-10 золотых монет в щели. Когда двинулись в путь в поспешности забыла посмотреть на месте ли золото... По дороге воз сильно сотрясаясь и золото выпало... Вот горе! Жена считает – что осталось, чего нет. Посчитали, увидели, что осталось ничтожно мало. Перед нами предстал призрак голодной смерти. Мрак попрошайничества подобно черной кошке отяжелел на нашей загубленной груди.

МАСЛО АРИСЫ. – Али-Чавуш один из наших чавушей-жандармов в этот вечер не находит себе места, от злости кусает себе локти: ему не дает покоя картина сокровищ, которая была отобрана у нас. Как он мог упустить блестящую возможность хорошенько ограбить, опустошить нас? Но ведь эта возможность еще не упущена. Ведь армянин как мешок с мукой – чем больше ворошишь его, тем больше пыли поднимается. Угрожающе вызывает к себе главарей каравана – Джалахенц Даниэла, Манаса. Наводит на них мартини, показывает пули: «Это я должен пустить в вас, скорее идите, соберите всех мужчин и приведите к нам», – говорит им.

С опущенными головами идем к нему. С лагеря нас спускают в ущелье. Он обезумел... рот наполнился пеной, кричит, вопит, ругается, издевается и угрожает нам смертью. «Прямо сейчас принесите по 100 золотых, или ваши души в моих когтях, во всех вас всажу олово. Завтра вы должны пройти через Агджа-Таг, ваших жен, девушек с челядью отдам в руки курдов».

Просьбы-мольбы никакого воздействия на него не оказывают. Наших главарей оставляет у себя заложниками, нас отсылает. Вот тебе новая тревога в лагере. Наверное это масло арисы? «Какой камень упал с неба и земля его не приняла?». Поискали. Собрали около 80-ти золотых монет. Понесли в свертке положили у его ног. Заложников освободили. Немного смягчился, «котурга¹¹³ опущена. Дает нам советы: «Почему надо было вам столько сокровищ отдавать и ничего себе не оставлять? Что было, до последнего отдали. На что же вы будете жить?» Затем нас успокоил

¹¹³ Котурга – кочерга.

относительно курдов Ахджа-Тага: «На самом деле прибывшие караваны были перебиты, но я не дам коснуться вашего волоса», – говорил он. Насколько он сдержал свои лживые обещания, это мы вскоре увидим.

МЕЖДУ СТРОК. – Мы говорили уже, что по выходе из западни к нашему каравану присоединился Гусейн, сын Кютюка. В этот вечер наш лагерь расположился у Тикренцев. Тикренцы были большой семьей. Мы – Гаспар – Габикенк¹¹⁴ были их крестными. Наши крестные связи с этой семьей, согласно рассказам моего дедушки, имеют трехсотлетнюю давность. Во время общих арестов Себасти в тюрьму были брошены мужчины рода Тикренц, из них на свободе остался лишь Пстик, который был в караване вместе с нами. Гусейн 15 лет назад, очарованный красавицей по имени Кюлкюл из Тикренцов сделал ее своей **никея**, неким образом взаимоотношения с Тикренцами стали как между женихом и тестем. И в этом качестве он сопровождал караван. В тот же вечер Гусейн во время беседы сообщил об отделении знакомых мужчин из караванов, проходивших через Еырыхи-хан, особенно молодых людей, и убийствах, и сказал также, что из нашего каравана также многих должны были арестовать и убить как известных комитетчиков – поименно назвал учителя /имея в виду меня/, Миграна Ерканенца, Манаса. Но он к чести Тикренцов воспротивился и не позволил делать этого. Если из этой парханы кого-нибудь снимут, сказал он, я в этом деле не участвую. И его товарищи ради него, нас оставили ему в качестве бахшиша. Свидетельством правдивости его слов является то, что из нас никого не тронули. Гусейн нас хорошо знал. Одного его слова было достаточно, чтобы нас отделить: мы спаслись из этой западни. Когда утром я услышал об этом, сказал себе: «На этот раз мы выскочили из Мешка Гроха¹, но впереди сколько еще таких душеловов мы должны встретить... Гусейн узнал также, что в Гасан-Челепи мужчин отделят и посоветовал женщинам воспротивиться этому, начать плакать, стенать, не отпускать мужчин, возможно это принесет пользу.

¹¹⁴ В Себасти было несколько семейств Габикянов: Абгар Габикянцы, представителями которых являются Хаджи Манук, Доктор Хетум. Дарбин-Габикенк. Хогдарские Габикенки, и мы, Гасаб Габикенки. В монастыре Сурб Ншан я видел в календаре списки дымов священников церкви Сурб Саргис, составленный 90 лет тому назад, написанный блаженным епископом Ованнесом, где в списке дымов Тер Егии встретил имя нашего прапрадеда – «Гасаб-Габикенц Кэл-Акоп». Начиная с прадеда нашей семьи Гасаба-Габикена до моего отца нашим наследственным ремеслом было мясничество (Г).

Утром Гусейн узнал о вечерних событиях, о том, что жандарм-чавуш с нас взял деньги, пришел в ярость и не дал доплатить нехватящие 20 золотых.

НЕМНОГО СВЕДЕНИЙ О ГУСЕЙНЕ. – Его отец Кюттик-Мэммет, названный Эорюкчюли, был из среды погонщиков ослов. Его хозяевами были армяне, он жил среди них и был с ними в дружеских отношениях. Во время резни в Себасти в 95 году купцы Шейхин-Хана, всего около трехсот человек, спрятались в хане, где находится дымосветовое окно. Кюттик-Мэммет спешит их освободить. Приносит длинные лестницы, но они оказываются короткими. Тогда он ставит лестницы на плечи и так спускает людей и ведет к себе домой. Таким же образом он защищает от нападения свой квартал Гуршунлу-Бахник и не трогает своих армянских соседей. Среди армян родилось уважение к Кюттик-Мэммету.

Его сын Гусейн с детства был избалованным и наглым, мерзавец, ведущий разгульный образ жизни, вообще общался с армянами, с посетителями магазинов, имел друзей по кубку. Он хорошо говорил по-армянски¹¹⁵. Имел свои политические взгляды. Был сторонником Гамидовской диктатуры и был болтуном иттихадистом.

Муаммэр, став наместником Себасти, окружил себя турками мерзавцами-партийцами и каждого из них сделал грозным оружием Иттихада. Гусейн, как человек общавшийся с армянами, не выпал из поля зрения Муаммэра. Последний вызвал к себе Гусейна, представил ему список земельных и других податей и государственных требований к нему, сказав, что со времени его отца и по настоящее время образовался долг в 200 золотых. Он должен это выплатить или сесть в тюрьму. Если в карман Гусейна попадет что-нибудь, ему не сдобровать.

Но Муаммэр поспешил вывести Гусейна из растерянности, заявив ему, что я не только подарю тебе этот долг, но дам тебе четырежды и даже более того, а также представлю тебе возможность исполнить свой долг перед родиной. Для этого есть лишь одно средство – с этого момента ты должен стать заклятым иттихадистом и одной из главных сил по уничтожению армянского народа.

¹¹⁵ В Свазе 80% турок говорят или понимают по-армянски. Тоже самое я увидел у урфинских турок, которые говорят по-армянски как армяне (Г).

Для Гусейна ничего проще этого не было. Откажется ли собака от сахара? С этого дня он стал иттихадистом, стал чета. После участия в убийстве вардапета Тер Саака он стал грозой армянских деревень долины Галиса и, наконец, правой рукой Еырыха-Хана, коварного комиссара из ведомства Снабжения – Эмниета, возглавлявшего отряды официальных разбойников, безжалостного убийцы многих избранных сыновей армянского народа. Хотя иногда, изменяя своим кровожадным побуждениям, некоторых шадил, одним из которых был я.

УБИТЫЕ НА ДОРОГАХ. – К утру караван построился. До полудня мы дошли до Кэотюи-Хана, окраинной неприметной придорожной курдской деревни. Имя этого хана также связано с нашей историей. Вышеупомянутые четы здесь ограбили несколько караванов бывших до нас, мужчин убили. Рядом в ущелье множество трупов. Воздух пропитан трупным запахом. Даем корм нашим волам, другим выючным животным. Остаемся недолго, продолжаем наш путь. Это граница между вилайетами Сваз и Харберд. Отсюда до тех пределов находятся земля Малатии, куда мы вступаем. Здесь наши жандармы сменяются. Али-Чавуша не видно, того, кто в прошлый вечер нас успокаивал своими обещаниями защитить нас от нападения курдов. Несколько жандармов курдов присоединяются к нам, к стаду овец – волки, гиены становятся нашими стражами.

Время от времени появляются сидевшие в засаде курды, курдянки, их щенки, которые нападают на слабые звенья каравана, с воза хватают что-нибудь и убегают, с осла – какую-нибудь сумку, с чьего-то плеча – портфель. Жандармы курды притворяются, что не слышат женских криков, будто не замечают происшедшего, или для вида преследуют похитителей. Из-за холма выходит какой-то курд, размахивая кривой обнаженной саблей, наносит удар по голове Петроса Мецатуряна, тяжело ранив его, сбрасывает с осла на землю, как в ни в чем не бывало, взяв за уздечку осла, скрывается за холмом. А наши жандармы обращают это в шутку: один из них – кажется хочет поймать курда. Но вдруг останавливается, как-будто не осмеливается идти за похитителем; хочет разрядить ружье вслед за ним, но ружье падает с рук, поднимает ружье и, стреляя в воздух, возвращается к нам. Смотрит на нас с видом человека, сделавшего свое дело. Как-будто хочет сказать, я смог только это сделать, курд успел уйти... Мы уплотняем караван, внимательно охраняем, наблюдаем за обеими сторонами дороги. Продвигаемся вперед, отражаем мелкие напа-

дения, но со своим несовершенным оружием и в отсутствии жандармов, которые находятся на дальних участках каравана, не вступаем в борьбу.

Доходим до обмелевшей реки, с одной стороны по другую переброшен огромный разрушенный мост. По нему невозможно пройти. Это лощина и этот мост являются истинной границей земель Малатии и Сваза. Ниже моста, немного поодаль бьют прохладные источники. Жаждающий народ бросается туда, пьет и собирается наполнить посуду водой. Вдруг из засады выходят турки и нападают на людей, вырывают из их рук посуду, котлы. Наши в страшном испуге вскакивают и убегают. Именно здесь курды из пришедшего каравана у женщины из Никосара в штанах нашли 500 штук, каждая стоимостью в 5 золотых монет.

ИГУМЕНЬИ В ЛУЖАХ КРОВИ. – Так или иначе выходим и из этого положения. По ущелью поднимаемся наверх, впереди ровная дорога, идем по широкой степи. Выстраиваем караван по длине дороги. Движемся вперед, смотрим вокруг – жандармов не видно ни наверху, ни внизу. Куда они делись? Что случилось? Исчезли... Хотя и жандарм мало чем отличается от курда-вора, возможно, он соучастник воровства, но все-таки он некое чучело. Нас охватило сомнение – без жандармов мы совершенно беззащитны, станем мишенью для нападений и будем готовой добычей. Но зачем далеко забегать? Именно с этой целью наши жандармы отстали, не сопровождают нас.

Смотрим вдаль, нет ли признаков нападения? Проходим довольно большое расстояние. Вдали, в середине дороги несколько телег без волов. Товары перемешаны, развернуты. Одежда, вещи разбросаны, плач и вопль женщин, отчаянные крики детей.

Спешим, доходим. Семьи из Самсуна, Тохата. Безумно бьют себя по коленям, по щекам текут слезы. Немного поодаль на вспаханном поле в лужах крови плавают три самсунские монахини: платья разорваны, полуголые, голова одной разбита камнем, мозги вывалились, лицо неузнаваемо, другая проколота мечом, кровь еще бьет фонтаном из раны, у третьей распорот живот, кишки вывалились, она крепко в руках сжимает четки, застывшими губами, взором обращенным к небесам в агонии произносит «Приветствие». Просим женщин из Тохата рассказать о случившемся. Немного ранее на караван напала толпа курдов, многих ограбили, обыскали головы монахинь и предали ужасной смерти. Ос-

тавшие вещи распределяем по обозам, в том числе – нескольких женщин и детей.

Мы также чувствуем себя перед неизбежной опасностью встречи с этим. И на самом деле, немного погодя на нас движутся курды, вооруженные чем попало – кольями, топорами и топориками, вилами, мечом, ножом, сохой. Кроме организации сопротивления другого выхода у нас нет. Чтобы дать им понять, что мы не беззащитны, с одной стороны женщины, девушки, дети кричат: «Жандармы! Жандармы! Жандармы!», с другой – все собирают камни и наполняют ими фартуки, чтобы быть готовыми остановить их приближение градом камней.

ОСВОБОДИТЕЛЬ МОЛЛА. – Но вдруг сцена сменилась.

С нижнего края каравана некий молла на коне, как буря примчался к верхнему краю, с той же быстротой повернул назад. Отмерил весь караван до нижнего края.

До этого мы в отчаянии остолбенев стояли. Что это, новая беда? Но нет. Вскоре мы поняли, что действия моллы были угрожающей демонстрацией для нападающей толпы, знаком того, чтобы никто не осмелился бы подойти и учинить зло, ибо караван находится под его защитой.

И в самом деле, повернув голову коня в сторону нападающих, он яростно закричал: «Вахши¹¹⁶, звери, скорее уходите. Если посмеете приблизиться, всех подряд расстреляю. Что вы хотите от этих людей, они уже лишились всего, побитые они идут, взвалив на спину свою скорбь».

Услышав эти слова, мы глубоко вздохнули. Молла пришпорил лошадь и оказался рядом с курдами. Все тут же рассеялись и подобно мухам и комарам бросились прочь. Молла обратился к нам, утешил и ободрил. Женщины со слезами на глазах пали в ноги коню, стали целовать руки моллы: «Ты был **ХЫЗЫР-ом-ВРАГОМ**, но помог нам?».

Один из главных в каравана, в частности, Мигран Еркян в одежде кызылбаша подошел к молле и поблагодарил его за рыцарский поступок. Караван собрался. Молла в течение часа сопровождал нас. К вечеру мы дошли до берега какой-то реки, там устроили себе стоянку. Он позвал к себе старейшин ближайшей деревни и строго наказал им ночью тщательно

охранять караван, исключить возможные нападения и ограбления. Распростившись с нами, он продолжил свой путь.

НА ПОРОГЕ БОЙНИ, НАШ ГЕФСЕМАН. – Ночь прошла спокойно. Утром из ближайшего села курды вынесли на продажу еду: хлеб, мацони, сыр, масло. Для волов и выючных животных нашли много сена, овса. Вода также была обильной, хорошенько напились, умылись, осежились. Охранники курды хорошо охраняют нас, но попыток воровства тоже немало. Эта их охрана с взаимного согласия обходится нам в 30 золотых. Собрал, отдаем в качестве сэламэтлика.

Из Гасана-Чэлэпи прибыло около 20-ти извозчиков бингельцев. Их послал мюдир этого места. Узнав, что по дороге из ограбленных есть оставшиеся в живых, он велел взять их и привести. Среди них есть один мужчина сын священника села Тер Саака – Аршак, он уже похож на полчеловека, зад выпячивается, больной, остальные все женщины с этого села. Окружаем Аршака со своими потоком вопросов. Человек в очень мрачных тонах, очень печальными штрихами представляет картину событий в Гасан-Челепи.

Невозможно, говорит он, чтобы хоть кто-нибудь мог бы выбраться из этого адского места. Всех собирают и ведут убивать.

Услышанное нами в дороге еще раз подтверждается. Мы находимся у врат бойни. Наше отчаяние, наша безысходность неописуемы. Все мы сокрушены. Приходим в ужас, представляя ожидающее нас сегодня – мы есть, а завтра лопнем как пузырь. А наши несчастные семьи, наши невинные дети, на них тоже лица нет, стали похожи на мертвецов, их коснулась буря смерти.

Наши души смертельно печальны...

Даже наш Сын Божий в Гефсемановском саду не находился в таких переживаниях как мы, восклицая в кровавом поту: «Душа моя согласна, но тело мое слабо. Авва Отче! пронеси чашу сию мимо меня» (Мр.14, 36). А что нам сказать своей слабой человеческой природой: завтра мы должны испить до дна чашу крови.

Разум наш воспламенен, ночь проводим в кошмарах.

Забрезжил рассвет, встаем, готовимся. Лихорадочно погружаем товары.

Под предлогом продажи съестного курды толпой прибыли и заполнили стоянку. Вечерних охранников нет. Курды смотрят на нас как голодные

¹¹⁶ Вахши (vahşi)-дикари.

волки, как вороны, попробавшие крови, смотрят на наши товары, наше имущество. Ждут сигнала, чтобы напасть и начать грабить. Те, кто погрузили свои телеги, поскорее направляются к другой стороне реки. Река глубокая. Огромные камни дна затрудняют продвижение. Телеги скапливаются, теснят друг друга, некоторые переворачиваются, поклажа мокнет, дети падают в воду. Каждый думает только о себе.

Уже больше половины каравана переправилось через реку, когда в лагере начался разбой. Женщины, мужчины оказывают слабое сопротивление, стараются вырвать из рук грабителей товары, но на их головы, руки опускаются колья и дубинки, слышны плач, вопли, стенания. Мы оттуда переживаем за них, но ничего не можем сделать. Грабители с добычей выходят на проселочную дорогу и уходят. С собой уводят также волов с многих телег. Ограбленные вынуждены из оставленных товаров, брать лишь то, что в силах взять с собой при переходе реки. Грабившие и ограбленные покидают лагерь. Там остаются лишь несколько больных, ждут чьей-то помощи. Но кому ты нужен?

Многолетнего учителя бедного Симона Тнкряна также ограбили. Вместе с женой и детьми, по пояс погруженный в воду, он переходят реку.

Мы находим друг друга, караван выстраивается на дороге.

Дорога постепенно идет вверх, но она не очень трудная. Проходим через горную цепь. По краям дороги расстрелянные: валяются трупы стариков, больных. В воздухе запах мертвечины. Жандармы, увидев изможденного или больного человека, который не сможет продолжить дорогу, тут же убивают... чтобы прекратить его страдания.

Из нашего каравана так они убили парализованного Кут-Степа.

В полдень сделали стоянку на лугу с чистыми прохладными источниками.

Продолжаем путь. Местами, между горами на маленькой площадке, посева. Овес поспел, курдюки какими-то деревянными подвижными приспособлениями в перчатках руками срывают колосья. Колосья такие же невысокие, коротенькие, коса их не возьмет. Это издевательство над земледелием. В какой-то момент перед моим взором предстают обильные пшеничные поля Себасти, покрытые в человеческий рост богатой пшеницей. Армянская рослая крестьянка с подвернутыми рукавами рубашки, как борец орудует косой, серпом, от одного края поля до другого от-

крывает борозды, в то время как подруги собирают колосья, делают снопы и образуют скирды, не обращая внимание на обжигающие лучи солнца. О, теперь на эти тучные пшеничные поля опустилась глубокая смертельная тишина пустыни.

13

ОТ БОЙНИ К БОЙНЕ

ГАСАН-ЧЕЛЕПИ – БОЙНЯ АРМЯНСТВА МАЛОЙ АРМЕНИИ. –

На шоссейной дороге Себасти-Харберд находится большая курдская деревня. Перевалочный пункт гонцов и путешественников. От 30-ти часов ходьбы до Себасти, куда мы дошли после нашего исхода на пятнадцатый день.

Здесь мы должны раскрыть скобки – Гасан-Челепи до сих пор в деле убийств носил единичный характер. Ханы Еырых и Кэотю, как мы увидели, убивали только важных персон, людей из интеллигенции, и это в ограниченном количестве – 50-60 человек.

По дьявольской политике уничтожения армян заранее предопределен был как путь продвижения караванов депортированных, так и точные места бойен, массового истребления мужчин и детей мужского пола.

Не знаем на каком расстоянии и, возможно, во избежание от ответственности в будущем, местные власти, чтобы замести следы, выводили депортированных из пределов подвластной им территории и предавали смерти в бойнях других вилайетов. Так мужчины караванов Самсун-Амасия-Тохат были убиты в Шар-Гышла. Или, после убийства каждого десятого мужчины из третьего каравана города в Кемахе, остальных увезли на гору Зейнал и там предали смерти. Люди караванов из Ерзынки и Балу были убиты и тела их брошены в реку Арацани. Из каравана Ерзынки дошедших до Алеппо я увидел лишь мать с дочерью. Люди из караванов Чнгуша были перебиты и брошены в пропасть под названием Тутан. Трапезунцы убиты в Кюмушханэ. Говорят, что до Алеппо дошел лишь Кайцах Арапян. Кесарийские мужчины были убиты у Кемерека. 1500 мужчин Еогката вместе с предводителем, арестованные и посланные в Себастию, были убиты в Ташлы-Дерэ – в ущельях Гарташлара. 2 000

молодых ребят из амэлэ-тапури Себастии были зарублены в Гайа-Тигэ, на дороге Шар-Гышла.

Вали и мутасаррифы с одного вилайета в другой посылали друг другу видных людей из своих мест и караваны в качестве курбанцу¹¹⁷. Наш шакал Муаммэр, прославившийся как самый фанатичный и кровожадный враг армян – много раз удостоивался «честь» быть Молохом-Ваалом. По дороге курдские беи после убийств, грабежей, похищений какого-нибудь каравана, уже совершенно насытившись, говорили: «Айда... я вас посылаю как курбанцу арабам. Пусть немного и они убьют, ограбят, похитят».

Словом, в пределах проклятой Турции не нашлось ни одной прослойки, исповедующей ислам, которая осталась бы в стороне от Великого Геноцида, не приняла бы участие в грабежах, не обагрила бы своих рук кровью армян, не пленяла бы молоденьких армянок и юношей. А хищные птицы, черные вороны, зловещие совы, ястребы пустыни, орлы на высоких скалах, хищные звери, собаки, шакалы, рыскающие на могилах гены – все, все насытились кровью армян, мясом, костями.

Но не будем отвлекаться, продолжим наш рассказ.

Вообще бойни были выбраны в очень неприступных местах – неприступных ущельях гор, в пропастях, куда не ступала нога человека, в образовавшихся от землетрясений, извержений вулканов глубоких впадинах, в пещерах, в глубоких местах больших рек, крутых скалах, ледниках, болотах, озерах, темных местах.

Бойню поручали осуществить дикой черни из близлежащих сел: **«Идите, – говорили они, – мы взяли в плен убивших на войне ваших отцов, детей, идите, вы тоже их рубите, отомстите и успокойте ваши сердца»**. За действием следили жандармы, местный правитель, комиссар полиции, представители иттихадской партии, старейшины сел.

Убивали изуверским способом: серпами, мотыгами, дубинами, топорами, остроконечными кольями, пилой. Бедные жертвы считали счастьем быть убитыми пулей. Они молили палачей убить их сразу пулей, но те жалели и пули, и только за два золотых соглашались выполнить их просьбу. Часами они мучались, валялись в грязи, в луже крови, в ужасных предсмертных судорогах. Одежду жертв, деньги, часы раздавали палачам, а кровавые мешки возвращали хозяевам каравана.

Гасан-Челепи Свасского вилайета был выбран в качестве бойни для мужчин караванов, идущих из Себастии и Малой Армении.

Мы увидели, что в день повальных арестов в Себастии было арестовано 5 000 человек. Помимо них много мужчин оставалось дома. И в 15-ти депортированных кварталах оставалось от 300 до 500 человек, большая часть которых была захвачена и убита в Гасан-Челепи. Именно из-за названных событий это адское проклятое место так неразрывно связано с историей депортации Себастии. Лишь один человек, автор этих строк, выживший из бойни в Гасан-Челепи, удостоился того, что это имя негасимым огнем горит в его окровавленном сердце, как раскаленная подкова, и сжигает все его внутренности.

14

СОБЫТИЯ В ГАСАН-ЧЕЛЕПИ

ПРИБЫТИЕ НАШЕГО КАРАВАНА. – Мы дошли до глубокого, большого ущелья, находимся на одном его краю. С обеих сторон высокие горы, на склонах поляны, покрытые посевами овса, быки, животные щиплют голые бока гор. В ущелье внизу прилепились неприглядные дома. Справа и слева – вертикально спадающие воды. Спуск крутой и довольно опасный, телеги набирают скорость. Быки спотыкаются. Нас тянет вниз в ущелье. Кружим по извилистым дорогам склона. Ущелье еще полностью не предстало нашему взору.

Смотрю внимательно, не увижу, не встречу ли кого-нибудь? В дороге совершаем еще одну петлю. И вдруг перед нами предстает юноша, ученик нашей школы Сепух Лусарарян. Узнав, что его тетя, заведующая детским садом, госпожа Маяя, в нашем караване, он пришел встретиться с ней. С тоской спрашиваю о положении. «Ничего особенного, – говорит он, – не бойтесь. Утром моего отца и 5-6 других мужчин арестовали, но затем мюдир их выпустил».

Мы немного приободрились.

Уже спустились в самое ущелье. На глаза бросаются ханы, лавки, встречаю самсунцев, амасийцев, тохатцев – одни женщины. Продвигаемся вперед. Ущелье полностью раскрывается перед нашим взором. В середине протекает маленькая грязная речка, на правом берегу которой осела боль-

¹¹⁷ Курбанцу – от араб.-тур. – kurban – жертва, жертвоприношение.

шая толпа разношерстных беженцев. Люди из одной ногты расположились отдельными рядами: себастицы, крестьяне, тохатцы, амасийцы, самсунцы – все раздельно.

Но в лагере необычайное волнение – плач, крики, завывания, громкие вопли... Дикие курдские чета, размахивая и поблескивая кривыми саблями, переворачивают весь караван. Под ударами дубин, плетей падают обезумевшие женщины. Все постели, товары откидывают, ворошат. С женщин, девушек срывают платки, внимательно их рассматривают, ищут... собирают мужчин, юношей, детей и уводят.

Про себя говорю – здесь пахнет другим.

Одну из групп проводят мимо нас, все знакомые нам горожане. Они из предшествующего каравана – мужчины, из квартала Бэкмэзенц-Сохага: камергер Нор-Аревенц Агарон, его брат – Каро Бэкмэзенц, его сын, из Тер-Габриэлянцев, мастер Чил Оган Лусарарян и многие другие. С волнением спрашиваю этого последнего: «Оган ахпар, что это, что с нами происходит, куда вас ведут?». «Отец, учитель, на бойню нас ведут, на бойню...», – отвечает он с усмешкой: «Завтра ваша очередь, очнись...». Сепух, который стоял рядом со мной, услышав эти слова, моментально исчез, слинял, спрятался, как он избежал бойни, позже расскажет сам. Еще немного продвигаемся вперед, из стоянки крестьян собрали несколько парней и четырех стариков и уводят, они хорсанцы. Я их знаю, их лица покрыты грустью... здесь отделили всех крестьян-мужчин, взяв также четырех стариков....

Казалось, что от этой ужасной сцены сердце мое должно было разорваться, от бурных душевных переживаний из глаз моих должны были потечь потоки слез, но в первые дни я ощущал себя очень разным. Слова варпета Огана – навстречу смерти с улыбкой и как последнее завещание: гордое презрение к смерти – неожиданно изменили меня, и я обрел вновь потерянное душевное спокойствие.

Психологическое состояние – человек издали, узнав и слыша об опасности, ужасается, страшится, предается отчаянию, но когда уже оказывается непосредственно в сетях, отныне страх перед этой опасностью теряет свою остроту, человек отдается этому течению: «Куда несет, куда выбросит – все равно», – говоришь и начинаешь презирать смерть.

Во время всех этих событий, если было для нас маленькое утешение, это то, что на нас совершенно не обращали внимание. Что мы могли

сделать? Если пожаловаться, схватили бы и за нашу руку и присоединили бы к группе этих людей. Но нет, люди не настолько непонятливы в этих обстоятельствах – хотя бы этот единственный день они должны были нам подарить, ведь все равно завтра очередь наша. Божий день не кончится... некуда спешить.

Нас ведут на оставшееся свободным место стоянки. Телеги останавливаем, распрягаем быков, разгружаем товары и собираемся в одном месте. Мы очень устали, спина ломится, облакачиваюсь на грузы, затягиваюсь любимой папиросой, облокотившись, глубоко затягиваюсь. И сразу впадаю в какое-то гипнотическое состояние. Сверху вниз окидываю взглядом ущелье. Вижу, что это для меня знакомое место со всеми своими дикими видами, как-будто я когда-то здесь уже был... И вдруг я вспомнил год тому назад приснившийся мне сон. Да, это то ущелье, которое я видел во сне. Точь в точь это место. Хочу вспомнить, собираюсь с мыслями, вышел ли я из этого ущелья моего сна живым? Но вспоминаю еще очень длинный ряд моих снов: мы еще должны подняться на огромные горы, перейти пропасти, переплыть большие реки, бродить по пустыням, увидеть все новые миры, незнакомые страны, разные народы, жить среди людей. Увидеть поражение Германии, распад России, я еще должен увидеть разделение на части преступной Турции и, наконец, должен приветствовать Свободную Армению. И все еще ряд этих снов продолжается. Возможно у многих это может вызвать смех и показаться невероятным. Но мне до этого дела нет. Я сам буду смеяться над смеющимися.

За это время моя семья отправилась за водой. С другом моим Хазаром ахпаром взяли сцеженное мацони, развели водой и с удовольствием выпили. Слегка остудили наши горящие сердца. Как будто немного отлегло от сердца. Придя в себя стали думать, что предпринять. Может случиться, что придут собирать из нашего каравана мужчин. Узнали, что хорсанские крестьяне, семья тестя Хазар ахпара, находятся недалеко от нас в лагере, решили отправиться туда и там спрятаться, так как там уже их обыскивали.

Я поручил жене к вечеру приготовить теплый обед, вот уже 15 дней в рот не брали ничего горячего. Мы с Хазаром ахпаром отправились к его тестю. Когда свекровь, ее невестки, сестра жены увидели нас, как будто

свет спустился на их головы. Они бросились на шею Хазар ахпара. Обняли его, сердца их стали похожи на горнило. Встрепенулись, и не находят себе места. Бедные, лишенные крыльев птицы. Они рассказывают о бедственных событиях в деревне, об избиении удалцов в Пурназском ущелье, о разрушении деревни, о случившемся в дороге и о том, как здесь забрали четырех стариков... При этом они не забывают о крестьянском гостеприимстве. Из своих запасов они достают хлеб, едим с сыром досыта. Устраиваемся под телегой, ужасно устали. Рассказанное также подействовало на нас, мы засыпаем и спим глубоким сном.

Наступил вечер. До этого ничего не случилось. Мы возвращаемся к себе, получив наказ – рано утром вернуться сюда. Вечерним нашим обедом был знаменитый себастиийский суп. Не последний ли раз садимся за стол вместе?

Серп луны поднялся на склон горы над ущельем. С бледным ликом, как больная желтухой, идет выслеживать нас? Немного погодя она станет свидетелем ликования гиен. Эта луна – муза поэтов, придающая языкам влюбленных чудачков красноречие. Она лишь дважды мне очень полюбилась – в произведении Отца Алишана «Куда плывешь, (луна)?^I» и в одноименной героической поэме Гамара Катипы^{II}. Оба эти произведения в юности я знал наизусть. Я с ней, с Луной, непримирим, непонятная ненависть, у меня к ней неприязнь, уже не знаю потому ли, что серп – рождение мерзости пустыни, символ Нера-гунда^{III} и ненавистный враг четырехкрылого светящегося Святого Креста?

Растянувшись на лежанке, я предаюсь своим черным мыслям. Приблизительно в 3-4 часа ночи за горой напротив послышалось два глухих винтовочных выстрела. Я ужаснулся. У меня мороз по телу пробежал. Что это было? Но что далеко идти. Сразу мысль прояснилась. Это же мужчины, днем уведенные на бойню. Когда они приближаются к бойне, сопровождающие их жандармы, два раза стреляют, это сигнал, дающий знать палачам, что жертвы уже прибыли. Они подходят, снимают веревки со связанных рук, оголяют и начинается дикая бойня.

Вот что происходит в этот час. Какие благородные души преднамеренно предаются гибели, их рубят топорами и под ударами сабель они падают и валяются в лужах крови, а их родные здесь горят в неугасимом огне.

Взяв голову в ладони, ключьями рву волосы, ничего не стоит сойти с ума. Даже горам непосильны эти ужасные страдания.

Голова горит, мысли мои охвачены огнем и я запутался в них. Как сказал Оган ахпар, завтра наша очередь.

Жена понимает мое тревожное душевное состояние, и несмотря на то, что и она глубоко потрясена, скрывает свое волнение, утешает меня: «Есть Господь вечера и дня, – говорит, – утро вечера мудренее: рассвет наступит и добро с ним».

«Рассвет наступит и придет с ним добро» – из десяти слов, советов жены я ухватился за одно. Это выражение как-будто мне принесло облегчение, я стал хладнокровным. Бог велик, говорю, и натягиваю одеяло на голову.

МОЙ БОТИНОК ВМЕСТО МЕНЯ ОТПРАВИЛСЯ НА БОЙНЮ. –

Как я уснул, и сколько спал, не знаю, смотрю уже рассвело, быстро вынимаю папиросу и глубоко вдыхаю. Никотин немного успокаивает меня. Потираю лоб, чтобы вспомнить, какой сон мне приснился. Нет, ничего не вспоминаю. Сам на себя сержусь. Жена моя также проснулась и сидит. Смотрю, Хазара ахпара нет. Куда он пошел. Спрашиваю. «Видимо к тестю», – говорит. В какой-то момент сомневаюсь. Он должен был мне сказать. Может мне тоже идти? Но думаю, что одному человеку легче укрыться. Он – зять, ему проще. Мне труднее. Может быть из-за меня его также найдут, поймают. И потом, какая гарантия, что не обыскают также лагерь крестьян. Бросаю взгляд на склоны ущелья, раздумываю: на взгорье посередине есть низменные места. Маленьких ущелий много, огромные камни, здесь и там осколки скал. Предпочитаю идти туда и спрятаться. Оба кармана наполняю маслянистыми сухарями, беру немного сыра. Развязывая осла и взяв за поводок, под предлогом, что веду пасти, должен направиться к выбранному месту. Смотрю, нет моего ботинка. Куда он делся, спрашиваю. «Хазар ахпар надел и ушел, – говорит жена, его чоботы высохли и натерли ему ноги». Пойду в вязанных шерстяных носках, босиком. Осла оставляю пастись. Как и я, многие додумались до этого и пришли или приходят сюда. Пришла также группа тохатских женщин пасти ослов. Солнце уже взошло. Ложусь за камнем в маленьком овражке, подаю такой же совет другим мужчинам. Наши предчувствия в наших сердцах. Каждую минуту наши глаза устремляются на лагерь. Смотрим издалека.

Лагерь с одного края по другой охвачен волнением — выявили исчезновение мужчин. Дикie курды с обнаженными саблями мечут огонь. Мужчин собрали и группами ведут наверх. Сердца наши замерли. Дыхание остановилось. На лицах всех появилась печать смерти: мы чувствуем ее дыхание.

Прошло немного времени. Не знаем откуда взялся курд-чета? В одной руке сабля, в другой — револьвер. Как душегуб — слепой Грох стал над нами: «Аа, гяуры, вы здесь... Жандармы, чeты вас не видели, здесь скрываетесь, а ну-ка вставайте...».

Хватаемся за ворот, ноги налились свинцом. Нас 7-8 человек. Идем за ним. У некоторых он отнял кошельки. А я, держа за поводок осла, понуро шагаю. С горы спускаемся вниз. Женщины из лагеря увидели, что нас поймали, плачут. Осла отдаю кому-то, прося отвести нашим. Смотрю вокруг, смогу ли как-нибудь незаметно от курда спрятаться в лагере. Нет никакой возможности. И еще несколько шагов, мы уже на дороге смерти.

Так не должно было случиться,
Я не должен схватиться за ворот,
Какой повод мне придумать, чтобы избежать этого,
Что мне делать, что придумать...

Мысли мои сменяются одна другой. Вижу, что этот человек не очень строг с нами, могу ли я воспользоваться этим его отношением?

Мы должны перепрыгнуть через речку, текущую посередине. Чтобы через камни другой стороны идти наверх в тюрьму.

Все кто с нами, перепрыгивают через воду.

Иногда бесцельное поведение, бессмысленное слово оказывают положительный результат.

Я также мог перепрыгнуть через воду, но не сделал этого. В носках влез в воду, замочил голени. Выйдя из воды, обратился к человеку и жалостно пролепетал по-турецки с курдским акцентом, показывая на свои смоченные ноги:

– **Аға, разреши, пойду одену обувь, и приду перейду (т),** – говорю.

Человек ведет нас на смерть, есть ли у меня обувь или нет ее, какое имеет значение? Но видно он расчувствовался, с состраданием посмотрел на меня и скаазл:

– **Пойди обуйся (т).**

Я не поверил своим ушам: Но можно ли было медлить? Я побежал в лагерь, смешался с толпой, влез под какой-то воз. Где было наше место? Попасть бы туда, думаю. Смотрю, на склоне ущелья сидит моя несчастная жена, подперев рукой подбород, и плачет. Довольно высоко. Один-два прыжка, как я оказался рядом с ней и сам не знаю как. Она чуть с ума не сошла. «Влезай под воз. Давай, скорее укрой меня хурджином», говорю. Даю прикрыть свое лицо.

Рассказывает, что с кувшином пошла, воду набрала и стала на дороге. Искала среди мужчин меня, немного постояла. Среди них увидела и Хазар ахпара, говорит, плакал и сказал, что на вас оставляю своих детей.

Бедный Хазар ахпар! Но в данный момент, что важнее?

Ничтожная вещь — он, надевший мою обувь, я босой, боявшийся замочить ноги в воде, стали причиной того, что я спасен из пасти волка, второй раз выскочил из мешка Душегуба Гроха. Но еще посмотрим.

Четы еще находятся в лагере: постели, товары все перевернули и, обнаруживая спрятавшихся, оголяют их.

«Поскорее сдавайте мужчин, не то будем стрелять». С грозными криками приближаются.

Советую жене поскорее поднять крик и вопли об умершем, бить себя в грудь, вырывать волосы, причитая, что ее мужа увели. Может быть попадут на удочку и не подойдут к нам.

Моя жена успешно справилась со своей ролью.

У наших соседей ищут под одеялами. Дед Хаджи Мозенц, старик семидесяти пяти лет сидит на корточках, ни жив, ни мерт. Его также забрали.

Из своего укрытия я с сердцебиением выжидаю, еще один шаг — они придут к нам, лихорадочно призываю святых...

Почти не смотрят в нашу сторону и проходят мимо...

Видно, обманутые игрой моей жены, они расчувствовались.

Сбор мужчин нашего каравана был завершен. Собрали более трехсот мужчин, юношей и заполнили ими тюрьмы — хлева. После этого прошло немного времени как глашатаи с одного конца на другой криками оповестили — всем беженцам немедленно собраться, погрузиться, отправляемся в путь.

Жандармы курды заработали дубинками, плетью, покрикивая и потопрапливая «Еаллай»...

Поднялось огромное волнение с обеих сторон ущелья.

Помимо нашего каравана там еще и караваны, пришедшие раньше нас – из деревень Долины Галиса, Тохата, Амасии-Марзвана-Самсуна, числом 8-10 тысяч человек.

* * *

На минутку приостановим повествование о нашем исходе из адской берлоги от этих людей-гиен. Задержимся на бойне мужчин нашего каравана, как и мужчин из караванов пришедших до и после нас.

ИЗБИЕНИЕ МУЖЧИН НАШЕГО КАРАВАНА. – Дадим об этом рассказать очевидцу, чудом спасшегося из этой бойни Сепуху Лусараряну:

«Когда наш караван /квартала Бэкмэз-Сохаги/ прибыл в Гасан-Челепи, из каравана пришедшего до нас мужчины были отобраны, женщины отправлены в путь, оставались одни больные. В реке плавали тела мертвецов. Под деревом в одном рубище сидел мальчик, себастиец Айк из нашей школы. Сын некоего пагала. Его ухо, висок были разбиты сильным ударом. Он был ранен: на шее глубокая рана от удара топора, такая широкая открытая рана, что шея его спереди висела, он не мог поднять головы. Рана загноилась. В ней кишели черви, которые сползали вниз, рану облепили мухи, тысячи и сотни. Мы забрали мальчика к нам, женщины обмыли раны, очистили от червей, смазали лекарством, обвязали. Попросили рассказать все, что с ним случилось. Это произошло с караваном пришедшим до нас: собрали 300 мужчин, среди них и он, заключили в тюрьму. Ночью вывели из тюрьмы и со связанными по два человека повели за гору, на вершину глубокого ущелья. Палачи с наджахами-топорами в руках стояли наготове и начали их убивать. Один удар наносили топором по шее, уху, другой – тупой стороной топора раздробляли позвоночник и сбрасывали на дно ущелья. Мальчик был в первом ряду связанных. Ему также нанесли удар по шее и уху и сбросили вниз. Трупы наваливались друг на друга. Мальчик оставался под трупами полуживым. На следующий день, немного придя в себя, посмотрел вокруг, увидел, что нет людей, мучимый жаждой, пошел к берегу, чтобы выпить воды.

Прошел первый день прибытия нашего каравана. На второй день, ранее полудня шесть человек из нашего каравана повели в тюрьму, в числе них был и мой отец /Лусарарян Оган/, господин Нораревенц Агарон. После полудня пришел какой-то мэмур¹¹⁸, спросил, почему арестовали этих людей, и выпустил их. Вечером к девяти часам мы услышали о прибытии вашей парханы. Так как сестра моей матери была с вами, я вышел на встречу вам, встретил тебя. Когда мы дошли до лагеря, увидел, что наших мужчин собрали и уводят. Мой отец также был среди них. Он сказал мне, скорей уходи и спрячься, чтобы и тебя не взяли. Я пошел к нашим и спрятался. До 11-ти часов собрали мужчин. Говорили, что у кого в тюрьме есть арестованные, могут понести своим хлеб-воду. Но потом не разрешили. Развязали веревки с обозов и унесли. Вечером мы узнали, что всех связали и увели.

На следующий день утром снова начали собирать мужчин /речь идет о сборе мужчин из нашего каравана/. Наши на меня напялили женскую одежду, но все-таки боясь, что осмотрят и поймут, что я мужчина, меня спрятали под одеялами. Четы очень тщательно все осмотрели и меня нашли в спрятанном месте, сняли с меня женскую одежду. Тети, мать стали плакать. Чета говорит им: **«Не плачьте, этого мальчика я ради вас зарежу. Этот глиндж – нож я поточил для него. Мы ваш Аллах. Если ваш Бог имеет силу, пусть придет вас освободит».** И меня поймав повели в тюрьму. Нас было более 300 человек, нас поместили рядышком в два отделения. Места очень узкие и низкие, с трудом вмещающие 40-50 человек. В каждое отделение с трудом запихали по 150 человек – друг на друге, нос к носу, все на ногах, иголке некуда упасть. Наверху только два маленьких светодымовых окна, воздух уже спертый. Чем дальше, тем тяжелее становится дышать, пот градом катится по лицу, на всех одежда взмокла, толкаем друг друга, стараемся пробраться к окну, чтобы глотнуть воздуха, но невозможно, от этих движений с земли поднимается пыль. Все труднее становится дышать, все ужасно страдают от жажды. Языки высунули, горло пересохло, задыхаемся, стали снимать одежду. Остались в одних рубашках. Многие плохо себя чувствуют, теряют сознание. Вконец 18 человек ослабли, упали и не дышат, они задохнулись. В

¹¹⁸ Мемур (memur) – служащий, чиновник.

соседней тюрьме-хлеве точно такая же картина. С обеих сторон поднялся очень большой шум, люди кричат-зовут, стараются ногами выбить дверь.

К 10-ти часам открыли дверь. У дверей стоят жандармы со штыками. Они начали по два человек выводить. Но мы на это не посмотрели, расталкивая друг друга, вывалились наружу. И обессиленные, в изнеможении упали на землю. Это был просторный двор. В середине протекала грязная вода уборной. Все бросились на нее и с жадностью пьем эту воду. Тела задохнувшихся также вынесли, потащили к этой канаве, налили на них воду, чтобы оживить. Среди них был старик Хаджи Пилос Эмми. На одной стороне двора мюдерлик. Перед зданием мюдир, восседает на стуле, на нем синий френч. Зверь с диким видом. Курдские беи, господа, окружив его, также сидят на стульях.

Нас усадили под стеной рядышком, каждому дали по куску хлеба и немного чистой воды.

Народ сделал попытку с мольбами и плачем умолить мюдира отпустить их на свободу, пощадить их. Было также несколько юношей из Тохата, они также с мольбой пали в ноги мюдира. Казалось, что сердце мюдира немного смягчилось. Он позвал старейшин: директора Национальной больницы Манука эфенди /Екимяна/, его брата Миграна и других. В качестве залога за спасение отослал принести за человека по 5 золотых. Еще около 15-20-ти юношей отпустил без выкупа, среди них были тохатские юноши¹¹⁹. Ушедшие за выкупом, возвратились во главе с эфенди Мануком.

Некоторые семьи воспротивились и остались. Манук эфенди собрал у них немного денег, пришел дал и освободил 18-20 человек /как было сказано эти люди также с мужчинами Жамун-Тага были позже убиты/.

Остальных 250 человек разделили на две части и бросили в два ближайших хана, перед дверью поставили стражу со штыками. Было за 12 часов ночи, лунная ночь. Из щелей хана смотрим и видим курдов. В руках одних топоры, других – большие кухонные ножи, топоры, группой идут вверх по горе. Было более двух часов ночи: принесли длинные веревки. Двери наполовину открыли и нас по двое вывели, крепко привязав руки

одного к другому. С младшим братом с несколькими другими ребятами мы остались самыми последними. Меня также с братом привязали. Когда с этим делом было покончено, нас повели за горы, на вершину глубокого ущелья. Не дойдя до этого места сопровождающие нас жандармы два раза выстрелили. На этот сигнал с наджахами в руках прибыли прежде посланные курды. С четырех сторон нас окружили и стали по двое выпускать, оголять, уже многие были голыми – в рубашках, в белье. Говорили дайте денег, кто даст две золотые монеты, будет убит пулей. У кого есть деньги, давайте. Бедняков убивали и бросали в глубокое ущелье. Наджахом один удар наносили по шее, один – по костям спины и бросали вниз. Все ущелье было полно гниющими трупами, кругом стояла вонь. В первые дни еще слышны были стоны и стенания полуживых раненных. Отчаянные крики отзывались в горах. Многие читали молитвы, многие переkreщивали лицо, взывали к Богу. А палачи бешено избивали их: «Армяне, вы хотели бейства, вот вам бейство» (т), говоря бросали вниз. Нас осталось шесть человек. Очередь доходила до нас. Издали кто-то идет. Это мюдир. Пришел, дошел и обратился к палачам: «Я же вам говорил, чтоб таких детей оставляли, не уничтожали» (т). Приказал развязать нам руки¹²⁰, посоветовал нам принять хах-тин¹²¹, и поручил какому-то курду сопровождать нас в пархану к нашим семьям. Придя, мы увидели, что наша пархану уже отправили в путь. Мы остались у знакомых в прибывшей пархане Жамун-Тага».

* * *

На этом заканчивается рассказ юного Сепуха Лусаряна о бойне мужчин нашего каравана.

На основе сведений Сепуха Лусаряна и других выживших мы расскажем обо всем случившемся с караванами, дошедшими до этих мест после нас.

КАРАВАН КВАРТАЛА КАФЕДРАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ. – Квартал Кафедральной церкви Себастии был одним из древнейших армянонаселенных больших районов Себастии. Древние и богатые роды в основном

¹¹⁹ Из этих юношей несколько человек позже пришли в Гырг-Кэч и присоединились к нашему каравану. Среди них был мой племянник Торан Нагапетян, который ныне находится в Египте. Остальные, в том числе и давшие залог за спасение, в конце с мужчинами из Жамун-Тага были убиты. В точности так нам рассказали об этих событиях и прибывшие к нам юноши (Г).

¹²⁰ Вообще в Гасан-Челепи детей и юношей пощадил (Г).

¹²¹ Хах-тин – всемогущая вера.

были из этого района. Они главным образом жили у известной и великолепной Кафедральной церкви и училища Таргманчац. Это были Чугасзяны, Аддар-Овсепенк, Гасапачонц, Потукенц, Дегнаценц, Казаренц, Тер-Папонк, Ансурценк, Полиозенк, Паникенк, Хеким-Парсаменк, Зрикенк, Стамболценк, Ассу-Хентенк, Хент-Пелосенк, Дарверенк, Шамненк и др.

Из этого квартала вышли крупные национальные благотворители, священнослужители, учителя, люди, стоящие у кормила национальных дел. Естественно, что караван такого важного района с его видными мужчинами и материальным достатком был мишенью дикостей и грабежа. Уже упоминалось о том, что в ущелье Тэчэри воины-четы у этого каравана изъяли большую сумму звонкой монеты. В западне Еырыхи-Хана они сдали много драгоценностей отряду четов, названному отрядом Эмнийет-комиссара, и там было отобрано 60-70 из избранной молодежи и расстреляно. Следовательно, и в этой бойне самая большая часть грабежей и зверств выпала на их долю.

В день нашего выхода из Гасана-Челепи караван Кафедральной церкви дошел до Гасана-Челепи. Сепух со своим маленьким братом нашли приют у знакомой семьи. На следующий день с помощью дубинок и плетей собрали также мужчин этого каравана. Их было 500 мужчин, мальчиков старше восьми лет, юношей, и ими заполнили тюрьмы-хлева до отказа.

Мюдир, от имени ведомства Тэкэллиф-Гарпийэ, вел с ними открытую торговлю. Он потребовал с них огромную сумму в обмен на свободу. Согласились на 500 золотых. До сбора и вручения денег, народ с одного края каравана двинулся в путь, не ожидая приказа о движении. Мюдир, после получения денег, часть мужчин отделил, а остальных вторично хотел собрать и арестовать, но видя, что караван двинулся в путь, и его задержание неудобно, их также выпустил. Сел на коня и сам присоединился к каравану вместе со сворой убийц курдов, вооруженных наджахами, с обнаженными мечами и саблями.

Пройдя дорогу в два-три часа и дойдя до края ущелья, караван остановили, ожидая пока все подойдет. Очень бурно стали собирать мужчин. Одновременно начали развязывать веревки с возов и привязывать ими накрепко по два человека рука к руке. Пучагчяна Аветиса и Аветиса Агнамазяна Ншана, долгие годы работавших в полиции, ужасно избили, приговаривая: **«Идите, господа жандармы, идите, мы поставим вас полицейскими над армянами» (т).**

Сбор мужчин еще более ужесточили: все товары перевернули, все возы разгрузили, всех обыскали, девушкам и женщинам раскрывали лица и внимательно рассматривали, находили среди них много скрывающихся мужчин, особенно юношей. Со скрывающимися обращались особенно жестоко. Сепух также был в женской одежде с младенцем на руках: с одной стороны ущипывая ребенка, заставлял его плакать, с другой, подбрасывая ребенка руками вверх, старался отвлечь внимание жандармов.

Несмотря на этот строгий обыск многим удалось скрыться. Арестованных было более четырехсот человек, их повели в хан в десяти минутах ходьбы и заперли там. Это длилось до 12-ти часов. Через полчаса пришли арестовавшие их курды. Они заявили: «Кто даст по два золотых, тот получит вэсику¹²² и освободится». Многие дали деньги, другие расплатились дорогими товарами: персидскими шальями, шелком, тканями, коврами, ковриками. Освободили довольно много народа. 300 человек отделили. В ту же ночь у хана, в одном ущелье всех убили наджахами и топорами. Во время бойни последний юноша Гаспенц Зопапурунц умолил палача, обещая дать ему 15 золотых, если он его не убьет. Палач пощадил его. Они вместе пришли в караван. Палач строго наказал ему ничего не говорить об убийстве остальных. Манук отчаянно стал кричать: «Матери, сестры целую ваши ноги. Спасите мою душу, жизнь мою должны выкупить за 15 золотых, скорее соберите, принесите эти деньги сюда».

Пока Манук был занят сбором денег за свою свободу, родные арестованных мужчин окружили его и спрашивали о своих, о том, что стало с их мужчинами, живы они или убиты? Манук ничего не мог ответить. Он заплатил палачу 15 золотых и освободился.

Утром караван подняли в дорогу. Шли до вечера. Их догнали двое раненых. Одним из них был Габикенц ага Оган с разбитым носом и подбородком, другим – был свояк Лимонджана – Мозян Хазар, с глубокой раной на шее¹²³, нанесенной топором. Они остались под трупами. После ухода палачей, придя в себя, они окликнули друг друга, было еще два

¹²² Вэсика (vesika) – удостоверение, документ, свидетельство о личности.

¹²³ В дороге я тоже их увидел. Они оба от полученных ран умерли. Из-за разбитой челюсти Габикенцу Огану воду или суп вливали ложкой ниже горла. От ран он получил гангрену и умер (Г).

оставшихся в живых, которые не могли ходить и остались там. А эти смогли идти и дошли до каравана.

Отсюда далее в отделе Хеким Хан расскажем о случившемся с этим караваном. А сейчас перейдем к повествованию о том, что произошло с другими караванами.

КАРАВАН КВАРТАЛА САРЫ-ШЕЙХ. – После каравана квартала Кафедральной церкви до Гасан-Челепи доходит последний караван города, квартала Национальной школы Арамян и близлежащего района исторических Сев-Хогер. Из этого каравана также собрали приблизительно 300 мужчин и бросили в тюрьмы-хлева, где они пробыли несколько часов. Последний мюдир пожелал с ними встретиться и открыто им заявил: «По последнему Ирату Шейх-Исламской Шэрийской Фетве, полученному нами от правительства, мы собрали мужчин из караванов, проходивших через Гасан-Челепи и уничтожили – убили, вы тоже должны были удостоиться той же участи. Но поступило императорское прощение¹²⁴. Я дарю вам жизнь. Идите и молитесь за нашего благодетеля императора». Но, добавил он, из вас двух ваших видных мужей укажите. С ними у меня отдельный разговор.

Какое действие эти благие вести мюдир могли оказать на людей, охваченных страхом ожидаемой смерти, оставляю представить вам самим.

Пока они были заняты выбором двух видных представителей, вперед вышли знакомый штукатур ага Аветис Акинян¹²⁵ и юрист Тасчян и

¹²⁴ В дороге, особенно по прибытию в Фырынджлар, определенно говорили о наличии такого прощения. В конце скажем об этом (Г).

¹²⁵ Аветис Акинян был знакомым, очень известным штукатуром, отцом большой благополучной семьи, не образованный, но честный человек. Был членом Национального Представительного собрания Себастьянской области. Его сын Ованнес Акинян был выпускником Национальной школы Арамян. После провозглашения турками ложной Конституции, прибыл в Полис, поступил в Государственную военную школу и стал одним из первых армянских офицеров. Во время Балканской войны был ранен. В это время он находился в Эрзруме на Кавказском фронте. Весь мир слышал, знает, что знаменитый мерзавец Энвер на этом фронте в Сарыкамыше потерпел тяжелое поражение... во славу своего авантюризма: 4 000 турок в снегах по пояс замерзли, чуть Энвер сам не попал в плен в руки русских. Офицер Ованнес вывел турецкую армию из этого тяжелого положения и ценой... своей жизни спас Энвера от плена. Неблагодарный Энвер по возвращении из Эрзрума, в Себасти, Конии, Полисе восхвалял Ованнеса и преданную службу армянских воинов. И вознаграждением преданной службы этого офицера стала депортация его семьи и зарезанный в Гасан-Челепи его отец господин Аветис. Когда мы дошли до Суруча из этой многочисленной семьи остались лишь жалкие остатки. Каймакам Себасти приказал в караванах поискать

представились как главы народа своего каравана. Мюдир отпустил народ, этих двух людей отделил, и они больше не вернулись в караван. В ту же ночь их убили.

Из этой бойни Гасан-Челепи из спасшихся сколько человек тем или иным способом выжило, об этом поведаем в ходе рассказа.

ПАША-ПАРТЕЗ также был одним из богатых и благоустроенных кварталов Себасти. Мужчины этого каравана также были собраны в Гасан-Челепи и арестованы. Мюдир со списком в руках /по всей вероятности посланным отрядом чета Ерыхи-Хана/, отделил 200 человек и повел на бойню, а остальные – старики и незначительное число неприметных людей были отпущены со словами: «Вас оставляем в качестве курбана арабам».

Среди людей, взятых из этого каравана, были:

Саак Сарайтарян, многолетний звсуженный учитель Национальной школы, свыше 40-а лет очень продуктивно работавший на ниве школьного образования. Временами возглавлял личную школу, которая дала 120 выпускников. Родился в 1863 г., был отцом примерных детей. Находясь в пустынях я услышал, что одна из его дочерей находится в руках у арабов.

Тигран Ханасыгмазян учитель Национальной школы с 25-тилетним стажем. Родился в 1875 г.

Керобэ Аракелян, выпускник школы Пэрпэрян, иногда учительствовал. Свыше 20-ти лет занимал должность секретаря Национального Предводительства. Умный, скромный, честный национальный служащий. Родился в 1869 г.

Арутюн Манвелян, иногда учительствовал, затем был служащим видного торгового дома. Долгие годы выполнял полезную работу в

господина Аветиса или кого-нибудь выжившего из его семьи. Впоследствии узнали, что от неблагодарного Энвера было послано благодарственное письмо, написанное его собственной рукой золотыми буквами с императорской печатью, которое следовало вручить им в Себасти. Но поскольку они были в депортации, это письмо было послано из Себасти в Суруч, чтобы здесь поискать и вручить родным. Читателю оставляю судить о нечестивости **БЕССОВЕСТНОГО** турка. Я хочу воспользоваться словами наших бабушек: «Отрезать голову, а затем пригладить, причесать бороду» и еще: «Человека пустить вниз по реке, а потом искать против течения реки». Чтобы завершить картину истории семьи Ованнеса Акиняна, следует сказать, что во дни, когда турки наступали на Россию, мать офицера Ованнеса во время возвращения из Полиса в Себастию на Черном море попала в плен к русским. И она пропала таким образом (Г).

товариществе «Лусабер» и в других себастиийских благотворительных заведениях. Родился в 1863 г. Его юные сыновья:

Гегам Манвелян, выпускник Центральной школы Полиса.

Манвел МАНВЕЛЯН, ученик школы Санасарян.

Агарон Маргарян, 75-тилетний старик, один из основателей Товарищества Сенекеримян, долгие годы участник различных собраний, национальный деятель.

Ованнес Мецатурян, из Финкяна, торговец мехов.

Мартирос Пытыхчян, лингвист-учитель, один из старых ученнейших людей в области образования. Родился в 1855 году.

ТРЕТИЙ КАРАВАН. – Как было сказано в главе о депортации этот караван состоял из одной части Бэзирчун-Арти, из Армянских протестантов, в это число входили учителя и ученики обоих полов Американского училища и Колледжа, к ним присоединилась армянофилка **МИСС МЕЙРИ ГРЭФЫМ**.

Здесь приводим свидетельства выжившей из этого каравана выпускницы Американского училища Овсанны Варэжян.

По прибытии каравана на эту бойню, пришел мюдир и всех по очереди рассмотрел, в частности мужчин. Сопровождавшим его жандармам и курдам дал приказ, не давая отдышаться, тщательно заняться сбором мужчин. С одного края по другой начались те же обыски, то же рыскание, переворачивание товаров верх дном, тот же ужас. Словом все то, что имело место со всеми другими караванами. Более трехсот мужчин отделили и бросили в тюрьмы-хлева. Среди них профессора Рубена Рагупяна, его отца Степана и брата Левона, проф. Сенекерима Галионджяна, проф. Амбарцума Пледжяна, учителя Ерванда Змрутяна. Из протестантов – Хаджи Хазара Дегнатяна. Его сыновей – Назарета, Ншана, Мушега Варэжяна, Нерсэса Гашикэманяна. Лишь из учеников некоторые и из профессоров Ншан Аветикян, Торос Кюркчян, преподобный Мигран Казанджян, одетые в женские наряды, избежали ареста.

На следующий день, когда караван собирался в дорогу в караване находился также преподобный проповедник Мигран Казанчян в женской одежде, с ребенком на руках. Какой-то курд по его рукам догадался, что это мужчина, отняв у него ребенка, ударил его об землю и убил. Затем отделив преподобного, изрубил его мечом и повелел женщинам полить воды и помыть меч.

Караван дошел до Гырз-Кеоза. Здесь, повязав руки проф. Ншану Аветикяну с братом бросили в воды реки Тохма. Учитель Торос Кюркчян до Евфрата шел с караваном. Со многими другими его также бросили в воду, но вплавь он через час вышел на берег и дошел до каравана. Протестантский продавец книг Ерккан-Артин Башыбзюйюкян также здесь был предан жесточайшей смерти. Жандармы хотели похитить его красивую невесту Нвард /дочь Огана Лусараряна/. Ерккан-Артин воспротивился, не разрешал подойти к ней. Они его оголили и ужасно избили, отрывали по кусочкам с тела мясо и он умер в страшных мучениях. Жених невесты Георг Башыбзюйюкян, выпускник колледжа Марзвана, какое-то время был учителем Национальной школы Арамян. В дни депортации он находился в Зара, возможно, что он также здесь был убит. После убийства Ерккана-Артина, невесту похитили, увезли.

Глубоко возмущенная, встревоженная сбором-арестами мужчин каравана мисс Мейри Грэфым, особенно в связи с арестами профессоров и учеников, написала заявление зверонравному мюдиру, просила, содействовала об освобождении арестованных, именем Американского правительства остерегала, но ничего не добилась. «Вы идите, я вслед за вами пошлю их», – сказал он, проводив ее, когда арестованные уже были уведены на бойню. Ученики колледжа в основном были пансионерами из Кюрина, Гарахисара и других мест, большая их часть старшеклассники. В дни депортации они бежали из Кюрина и укрылись на горе Цови Кюрина. Здесь они вступили в бой с жандармами. Некоторые были убиты, некоторые бежали¹²⁶. Из себастиийских учеников были взяты из колледжа Паруйр Габикиян с товарищами.

Ценности этого каравана были ограблены в Аладжа-Хане, где среди убитых находились Пэлоян Воскян, купцы Кюлесеряны из Арабкира.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. – Проф. Рубен Рагупян родился в Кюрине 1880 г. Учился в Высшей Американской школе в Себас-

¹²⁶ Их было числом 10-12 человек. Имена некоторых удалось уточнить: Арташес Ханзадян /Кюрин/, Арик Гзырян /Кирасон/, Вардан Везикян /Гарахисар/, Амбарцум Рагупян /Кюрин/, Акоп Алтуян /Кюрин/, Грант Вагун (Кюрин). Они укрылись в верхних скалах горы Цови Кюрина, но были преданы мальчиком по имени Пиперян. На них пошли жандармы. Они несколько дней сопротивлялись. В конце к ним послали Предводителя Кюрина, чтоб он уговорил их сдаться. Юноши отказались. Осаду ожесточили. Арик и

тии. Затем поступил в Айнтапский колледж. в 1903 году, окончив курс, возвратился в Себастию и в Высшей американской школе преподавал Армянский язык и Литературу. В 1909 г. отправился в Америку и поступил на Педагогическое и Философское отделение Колумбийского университета, который окончил, получив дипломы Бакалавра и звание Магистра искусств, затем и Доктора философских наук. И пренебрегая раскрывшимися перед ним возможностями в Америке, со своими товарищами с Микаэлом Франкюляном и Г. Плэджяном в 1912 г. возвратился в Себастию. Американская высшая школа, превращенная в Колледж, с нетерпением ждала эти свежие силы.

Благодаря профессору Рагупяну в Американской Высшей школе и Колледже большое развитие получают и важное место занимают армянский язык и литература, национальная история и вопросы Арменоведения. Ученикам прививается патриотический дух. Рагупян был в очень тесном сотрудничестве с учительским коллективом Национальной школы, как и Его преосвященством Тер Торгомом и вардапетом Тер Шаваршем. С готовностью и любовью сотрудничал с Национальными Благотворительными ведомствами и обществами и внес свою лепту в их деятельность. В 1913-1914 гг. он был реорганизатором Общества Сенекеримян. Создал огромную библиотеку национальных газет, журналов, старинных книг и в частности армянских учебников. Незадолго до депортации в народе характер эпидемии приняло лихорадочное уничтожение книг и бумаг. Рагупян пытался повсеместно спасать из этих пожаров все, что мог. Приносил и хранил в сирийском древлехранилище. Он был сотрудником «Кочнака», в котором печатал множество педагогических, арменоведческих обстоятельных статей.

Амбарцум Плечян. – Исконный себастиец, родился в 1875 г. Окончив Высшую Американскую школу, поступил в Анатолийский колледж Марзвана, окончил в 1903 году и вступил на педагогическое поприще. В 1910 г. поехал в Швейцарию и поступил на Педагогическое отделение и углубил свои познания французского языка. В 1912 году вернулся в Себастию и стал учителем французского языка Американского колледжа.

Преподобный Мигран Казанчян. – Родом из Ерзынки. Начальное образование получил в местной Национальной школе. Окончив колледж «Евфрат», в Марашском Богословском училище готовится к проповедни-

ческой деятельности. В 1900 году приезжает в Себастию в качестве проповедника Армянской Протестантской церкви.

ИЗ ДРУГОЙ ЧАСТИ КАРАВАНА ПЕЗЕРЧУН-АРТИ по сей день не смогли найти ни одного выжившего. Из-за этого наши сведения несовершенны и скудны. Но тем не менее выясняется, что этот караван прошел через те же страшные испытания и зверски был уничтожен подобно другим караванам. С этого каравана также в Гасан-Челепи были взяты мужчины. Среди них:

Акоб Балунцян. Учитель Национальной школы Арамян. Его сын Ншаник, недавний выпускник школы Арамян, учитель рисования и черчения Ншан-Аваг.

Акоб Балунцян. Один из видных деятелей Себастиевского учительского сообщества. Неутомимый работник в области умственного труда. В Социально-демократической Гнчакской партии довольно яркая личность и один из столпов этой партии. С детства осиротевший, он был усыновлен портным Погосом Балунцяном, который как родного сына горячо его любил и истинной отцовской заботой опекал. Образование получил в Национальной школе Таргманчац, затем в частной школе М.Норхатяна. С детства в нем проявилась любовь к армянскому языку, математике и литературные поэтические способности. В 86-87-ых годах вступил на стезю неблагодарного, но любимого дела учительства. Самообразование для себастиеских учителей было самым большим учителем. Балунцян в этом отношении находился на передовой линии. Углубляясь в огромную по объему литературу, он упорядочил ее благодаря многочисленным лишениям. Он овладел самыми сложными разделами древнеармянского языка. Многие главы Псалтыри были переведены им на армянский язык стихотворно. Дал прекрасный перевод на армянский язык Езника¹ с филологическими примечаниями, который представил в 1912-ом году на Саак-Маштоцевскую премию, хотя и не получил, работа не отвечала каким-то требованиям. Усовершенствовав свои познания французского языка, он перевел из классической французской литературы избранных авторов, в частности, басни Лафонтена. Писал красивым, образным ашхарабаром, написал много романтических сочинений, хотя из них мало что издано.

Он редко появлялся на литературной арене, что является одним из недостатков, являвшимся ре-

зультатом их неприглядной и замкнутой жизни и быта. Опубликованная им в восточной печати биография покойного Предводителя Его преосвященства Тер Петроса была везде высоко оценена. В ней проявились способности глубокого и проникательного исследователя, толкователя. В педагогике он избрал армянский язык и математику, которые так умело преподносил ученикам. Он владел тайной господства над мыслью и сердцем ученика и любил своих учеников и столь же любим был ими. Он принимал столь же большое участие в национально-общественных делах – был членом Общества Образования, и других Благотворительных ведомств, членом, а временами и Главой Областного Представительного собрания и своим рассудительным умом, вразумительными советами часто склонял чашу весов на свою сторону.

В 90-ых годах он участвовал на собраниях Социально-демократической партии Гичакян. Его роль была велика и он занимал важное место в деятельности Гичаковской партии Малой Армении. В 1913 г. он от Себастиийского отделения был избран депутатом Депутатского Собрания Турции. На обратном пути его арестовали, но когда выяснилось, что он не участвовал в 7-ом Общем депутатском собрании, его освободили.

Ншан-Аваг. – Родился в 1870 г. в Бинкяне, выпускник Полисского Императорского училища Искусств, художник, чертежник, скульптор. Прекрасные произведения его кисти оценены на форумах произведений искусства и в свое время удостоились хвалебных оценок в «Византионе» и других армянских газетах. В 95-м г., обосновавшись в Себастии, он стал учителем по рисованию и черчению в Национальной школе. Выпустил множество учеников. Молодые хорошие художники гг. Аветис Мурадян и Ерванд Гаспарян были его воспитанниками. Ншан Аваг удостоился Измирской литературной премии как художник за книгу «Армянская флора» за удивительные по искусству рисунки растительного мира Армении. В миниатюре ему не было равных, но тем не менее в искусстве он больше был копировщиком, чем творцом.

Акоп Алтунян. – был взят из каравана и там же убит. Коренной себастиец, родился в 1873 г. Справедливый, добросовестный учитель Национальной школы. Со стороны Молодежного общества христиан Себастии был послан в село Улаш учителем, где одновременно был членом Социал-демократической Гичакской партии.

Симон Тикян. – Родился в 1861 г. Из заслуженных учителей Национальной школы. Взят был из нашего каравана и тут же убит.

Каранет Карагян. – Взят на этой бойне из каравана Амасии и убит.

Родился в Себастии в 1871 г. Долгие годы был учителем французского и армянского языков в Себастии, Кюрине, Измире и затем в Амасии в Импраносской школе.

Аветис Нагашчян – Аво Пэйлерян. – Родом из Себастии, родился в 1880-ом г. Один из питомцев бесплатного обучения школы Санасарян и один из первых выпускников. В 1899 году по возвращении в Себастию поступил на педагогическую службу. Затем в качестве педагога был приглашен в Тохат, где одновременно стал одним из первых деятелей Гичакской партии и находился под подозрением правительства. Переехал в Египет и женился на известной Мари Пейлерян, писательнице. В период принятия Конституции они переехали в Измир. Аво сотрудничал в «Дашинке». В 1914-ом году их пригласили в Тохат в качестве учителей. Национальные ведомства свои условия не выполнили. Пока они заняты были судебными делами, началась мировая война. Мне неизвестно, где были убиты эти два видных человека – в Тохате или в лагерях.

Симон Паронян – 70-летний жизнерадостный старец. Один из старейших педагогов Себастии, заслуженное лицо в когорте интеллектуалов Себастии. Взят был в Гасан Челепи. Образование было довольно скромным. Большое участие принимал в обществе «Лусабер», в Театральном обществе и в Андзвере и был одним из основателей этих обществ. Хороший сатирик, своеобразный Паронян в области сатиры. Время от времени издавал сатирическую газету-листочек «Кэт»¹²⁷. Был прекрасным знатоком народных нравов, привычек. Подписывался Симпар – Сим/он/ – Пар/онян/. Ранее с друзьями сатириками – Варэк Пилосом, Мецморукиан Мкртичем, Назаретом Истампуляном издавали «Бад», «Мамулин дзагы», «Сев хогер» сатирические газеты. Руководитель театральной труппы, инструктор, репетитор, часто сам исполнявший роли, особенно роль Великого Нерсеса, которую он очень красиво исполнял. Последний год был ночным сторожем школы Санасарян. По поручению Его преосвященства Тер Торгома писал воспоминания о старых учителях. Его сын

¹²⁷ Кэт (точка), как символ в геометрии самого маленького расстояния, а в животном мире – самое большое животное кит. Тот же символ употреблен как народное обозначение дурных обычаев, привычек, недостатков (Г).

Ованнес Паронян был прекрасным кузнецом, специалистом по машинам, мастером турецкой ремесленной мастерской Тэмирханэ. Муаммэр от зависти кусал себе локти, видя, что турецкие ученики не могут овладеть этим ремеслом. Часто угрожал Ованнесу, говоря ему, я убью тебя, снимая при этом из кармана револьвер и добавляя – если ты не раскроешь им тайн ремесла и не научишь их тонкостям этого. Ованнес смело ему отвечал: «Мой паша, я не скрываю своего ремесла, вина не моя – турецкий ум, турецкая мысль не усваивает это ремесло, турок не имеет этой способности, турецкий мальчик не может обучиться ремеслу. Его голова работает в другом направлении – следовать своей мерзости, своим животным страстям. Смотри на меня, я мальчик, но я лев, кости мои в моем ремесле укрепились, жилы утончились, превратились в тесто».

Естественно Муаммэр должен был взбеситься и еще больше точить зубы на него. С объявлением депортации Ованнес оставил мастерскую и вместе с семьей отправился по Дороге крови. Муаммэр настаивал, чтоб он остался, но он не согласился. Ованнес был в числе тех, которых забрали в эту бойню.

Еранос Истампулян. – Он был из каравана квартала Кафедральной церкви, его сын, юный Сархат – блестящий выпускник Национальной школы. Еранос-Истампулян, которого называли **ХЕНТ-ЕРАНОС**, по роду занятий был бакалейщиком, одним из национально-общественных деятелей периода национального расцвета Себастии. Энергичный деятель общества «Андзвер», корреспондент¹²⁸, издатель и распространитель армянских газет. Он поддерживал патриотические общества и покровительствовал им, оказывал помощь ученикам и учителям. Впоследствии, в период революции стал кучером и перевозил письма и газеты.

Мигран Ерканян. – Родился в 1880 г. Выпускник Иезуитской школы. Долгие годы был учителем французского языка в Зилэ, Амасии и в других местах. Человек правдивого нрава. Чистый. Из нашего каравана был взят в Гасан-Челепи.

Манасэ Пасмаджян. – Заслуженный, преданный товарищ из Социал-демократическо Гнчаковской партии. Неутомимый работник, долгие годы действовал в самое опасное время в Евдокии и Себастии, в качестве кучера

перевозил посылки партии. Несколько раз был арестован и имел тяжелые материальные потери. После резни 95-го года в Себастии он предпринял сбор денег и собрал 1 000 золотых, одежду и роздал потерпевшим жителям Себастии, часть собранного была послана в Кюрин. Был членом Представительского Областного Национального Собрания. Родился в 1873 г. Из нашего каравана был взят в Гасан-Челепи.

Чтобы дать полную картину погибших себастийских учителей на Дорогах крови, добавим, что только **Гарегину Эгнатыну и Арменаку Чугасяну**, переодетым в женскую одежду, удалось спастись из бойни Гасан-Челепи. Гарегин умер в селении Зейнал от дизентерии, Арменак был убит во время резни в Тер-Зоре. Оба они были молоды и полны сил, являлись преданными гнчакистами. Арменак Чугасян должен был стать хорошим писателем. В «Кохаке» он опубликовал несколько сочинений, стихотворений. Его перу принадлежало довольно пространное исследование «Армянская женщина Себастийка», которая была представлена на Измирскую литературную премию.

Вам, внукам **ВЕЛИКОГО АББАТА ОТЦА** нашего **МХИТАРА**, избраннейшим неутомимым, благородным служителям на научной ниве Себастии, по всему миру рассеянным вашим разбитым костям и мощам, как свидетельство моего глубочайшего почитания, посылаю с уст моих поцелуи.

Пусть хотя бы один единственный себастиец с благоговением поклониться перед вашими незабываемыми именами и будет поминать из поколения в поколение.

КАРАВАН КВАРТАЛА ЦЕРКВИ СУРЬ САРГИСА. – Из рассказанного ученицы Американской школы Айкануш Заратян.

«Когда наш караван дошел до Гасана-Челепи, всех мужчин до 10-летних мальчиков собрали и увели. Потом до нас дошел слух, что давших за голову пять золотых должны отпустить, а те, кто не дадут, будут убиты. Многие женщины все, что имели – деньги, золото, взяли, пошли и освободили своих мужей. Но у многих женщин денег не было, и многих оставили. Их жены кричали, умоляли освободить их мужей. Звероподобные курды, жестокие палачи жандармы окружили наших мужчин. Видя, что от них нельзя добиться денег, принесли много лошадиных подков, гвоздей, стали им ковать ноги. Дав в их руки молитвенник заставляли ковать друг друга.

¹²⁸ Его племянник Назарет Истамбулян писал статьи в «Масисе» К.Ютоджана. Этот юноша в 21 год 13-го марта 1881 г. стал жертвой обвала лавок, под обломками которых оказался и он (Г).

Невозможно передать увиденное: с одной стороны душераздирающие крики, вопли, с другой – плач и рыдания женщин. Кровь на ногах и руках стекала ручьями. В то время как несчастные так страдали, безжалостные палачи говорили им: «Ничего, потерпите, ведь вашему Христу также пригвоздили руки и ноги, и он совершенно не жаловался».

В конце принесли много сена, в жестянке смолу. Их обложили сеном, облили смолой, и разожгли огонь. А жен поставили кругом рядом с жертвами. Зеленые-красные всполохи огня пожирали арестованных. Женщины как безумные бились, кто рвал на себе волосы, кто бил себя в грудь, кто слабел, терял сознание. Многие закрывали свои лица, чтоб не видеть эту ужасную картину, этот настоящий ад.

Палачи, каждый из них был Садаэлом, не разрешали женщинам закрывать лицо и заставляли смотреть, говорили, что очень весело, танцевали вокруг ада и предавались дьявольскому ликованию. Как щепки горели люди. Вокруг стоял чад. Все сгорели, превратились в пепел».

РАССКАЗ УЧЕНИКА НАШЕЙ ШКОЛЫ АРМЕНАКА КЮРЕГЯНА ИЗ КВАРТАЛА КЭСЭ-ДЕРЭ ГАСПНЕР. – «Продолжив дорогу, мы дошли до Гасана-Челепи. Здесь захватили всех мужчин с 14-летнего возраста до пожилых и бросили в тюрьмы. Нас отправили в дорогу. Не успели мы немного отдалиться, как курды с гор напали на нас. Отняли у нас ослов, лошадей, нас ограбили и многих ранили. Что же касается арестованных в Гасан Челепи, то их по четыре человека привязанных друг к другу подводили к краю пропасти и два человека, стоявшие по их обе стороны, наносили им удары по шее и по рукам и бросали вниз, в ущелье.

ИЗ РАССКАЗА РАЧЫ ГАБИКЯНА. – Наш караван состоял из кварталов Хогдара и передних новых кварталов. Когда мы дошли до Гасана-Челепи, собрали мужчин нашего каравана и бросили в тюрьму, в том числе стариков и мальчиков. Очень многие мальчики скрывались под девичьей одеждой и спаслись. Католик Карапет эфенди /зять Ншана Тонтурмачи¹²⁹/ из Тохата освобожден с помощью денег. Ночью этих арестованных зарубили.

«После нашего выхода из Гасана-Челепи курды нас все время грабили по дороге. Везде трупы умерших. В дороге, завидев в нашем караване мужчин, мальчиков хватали и убивали. Клали его голову на камень,

другой курд одной ногой сжимал голову, третий ножом ударял по шее и убивал. Когда мы дошли до Хеким-Хана мальчиков отделили, последний каймакам помиловал их, матери собрали и дали денег.

Из священников Себастии в Гасан-Челепи был убит также Тер Гевонд. Тер Гевонд, мирское имя Петрос, принадлежал к старым деятелям Себастиийской революции. Когда в 1878 г. на Берлинском конгрессе был поднят Армянский вопрос, по совету епископов Измирляна и Хримляна и тогдашнего патриарха Тер Нерсеса Варжапетяна в районы Битлиса-Вана во главе с Гумриком-Карапетом был послан штурмовой отряд, чтобы освободительными движениями придать армянским требованиям новую силу. К этому отряду присоединились себастиец **Степан Базарян, Арутюн Мецатурян, Айкунн /Мкаэл Папикян/, Петрос Тэллэрян /священник Тер Гевонд/**. Гумрик-Карапет этим своим отрядом долго здесь действовал. Затем перешел на Кавказ, оставался там, в 1912 году вернулся в Себастию. Это был рослый, с внушительным видом старик, сердце его было горнилом революционного вдохновения, патриотического огня. После этого он прожил всего несколько месяцев.

Я считаю своим долгом в конце всего этого упомянуть из нашего каравана имена мужчин, пришедших мне на память, как непосредственных соучастников мучений, моих **СВЕТОЧЕЙ-БРАТЬЕВ** на Дороге крови:

Алексанян Сероб, Магакян Хазар, Лира Артин, Тнкрентц Пстик, Пэрпэр Онник, Чнчгукян Ншан. Заллахян Даниэл. Пучагчян Погос, Мнджукян Месиа, Ншан и Мартирос Тэртэрян, Торан, Тигран Тайкесян, Мигран, Манук, Мкаэл Хекимян, Бояджян Керобэ, Хаджи Кероб Мозян, Хаджи Пилос, Царманян Назарет, Птукян Сенекерим, Арам Чэчэрян, Аладж Кероб, Кезюрян Григор, Арцрунян Исрайэл, Карапет, Левон Мозян, Мкаэл Пехливанян, Пагламаджи Овай, Кюмюк Онник и многие другие.

15

ВСЕ НОВЫЕ ПРИСТАНИЩА СМЕРТИ

ВЫХОДИМ ИЗ УЩЕЛЬЯ СМЕРТИ. – Как уже с горечью в сердце увидел читатель, почти все караваны Себастии удостоились той же участи: все мужчины были взяты и массами убиты в этом проклятом, адском

¹²⁹ Тонтурмачи – мороженщик, продавец мороженого.

месте. Остались только одинокие, доведенные до нервного истощения, беззащитные женщины и несколько детей. Уже ограбленные, лишенные всех средств к существованию, отныне они – жертвы в когтях у голода, готовая добыча для похитителей, вместилище эпидемических заболеваний, короче говоря, существа, осужденные на уничтожение, смерть...

Как до этого уже было сказано, после сбора и ареста мужчин нашего каравана, тут же поступил строгий приказ – всем караванам собираться в дорогу. Жандармы, размахивая плетями, торопят нас. Я еще нахожусь в своем укрытии. Не выйти оттуда невозможно, а выйду, увидят, тут же поймут как укрывшегося. Но нужно погрузить воз и осла, каждый день этим занимался Хазар ахпар. Его нет, кто же теперь будет заниматься этим делом. У нас еще и другая беда: забота о сыновьях Хазар ахпара лежит на нас. Старший сын Тигран не перенес случившегося с отцом и помешался, не владеет собой, от нервного потрясения и ужаса дрожит и навзрыд плачет. Молю о спасении, перекрещиваюсь и шепчу: «**Сохрани сына слуги своего**», высказываю наружу.

...Лагерь весь уже на ногах. Лихорадочно нагружают возы, животных. Я с женой также нагружаемся. Нам на помощь идет невестка из Ханцарца и укладывает товары. Уже готовые в караване со склонов постепенно спускаются вниз, к берегу реки ущелья. Дорога идет по той стороне реки и круто поднимается вверх. Река каменистая, переход тяжелый, столпилось 10-12 тысяч человек. На противоположных склонах ущелья, на верху дороги расположились курды, порождения дьявола: мужчины, женщины, их щенки – мальчики. Они смотрят на нас. «Затми их глаза, чтобы им нас не видеть», причитаю я, не поднимая глаз.

Впереди всех пешеходы – по дороге идет караван ситочников из Тохата. У них нет ни выючных животных, ни повозок. Они идут с непокрытыми головами, весь свой груз тащут на плечах. За ними идут имеющие выючных животных. Чтобы перейти реку и по узкой тропинке подняться вверх, они спешат, стараясь опередить друг друга, грузы валяются в воду, осла падают, женщины, дети оказываются под ногами, стоит страшный шум, крики, вопли. Последними идут караваны Самсуна, Пафры, Марзвана, Амасии, Тохата, они на подводах с лошадьми. Самыми последними идут караваны Себасти и деревень долины Галиса.

Наш переход через речку и выход на дорогу также длятся часы. Что это за мучение было для несчастных волов, не говоря о наших невыносимых,

неописуемых мучениях. Проходя по разным местам через реку, поднимаясь вверх по косогору телеги сходят с дороги, оси ломаются, колеса катятся вниз, грузы валяются с воза, притыки в ярме разрушаются, женщины с боков подталкивают телегу, но сил не хватает, дети оказываются под ногами. Кто плачет, кто отчаянно кричит, слабым некому помочь. Каждый думает о себе, матери отрекаются от детей.

Трудно представить сколько времени прошло, пока мы не вышли на настоящую дорогу. Через час дошли до другого конца ущелья. Выходим со сдавленной грудью, глубоко вдыхаем воздух. Перед нами простирается обширное устье реки Гуру-Чай. Как само имя, оно сухое и безводное, огромное пространство гальки, песка, с обеих сторон тянутся цепи высоких гор. Видимо, весной река обильно заливает весь бассейн устья. Караван растянулся по дороге – от одного края до другого на час ходьбы.

На минуту оборачиваюсь назад: смотрю на высокие горы слева от Гасана-Челепи. Окидываю последним взглядом, пытаюсь определить место, где находилась бойня. Пастухи с небольшими отарами овец поднимаются вверх, где простирается луг. Смотрю во все четыре стороны и вижу стаи хищных птиц, спешу туда, и на самом деле вижу разъеденные-разгрызанные останки. Это мне приходило на ум. И я не ошибся. В предполагаемом мной возвышении в скалах черные ястребы, кривоклювые орлы. С большими головами грифы, костеглотатели пируют, взлетая, преследуют друг друга, затем неожиданно молнией бросаются вниз. Вновь взлетают с куском мяса, с печенкой, с окровавленным куском сердца в когтях, опьяненные с дьявольской радостью парят, выставляя в клюве добычу со стола Каинова пира, жадно всасывая гниющее мясо, плод изуверства человека-дьявола, назло Чудотворцу вселенной, насмешку и издевательство над одряхлевшим этим Незнакомцем, богом с каменным сердцем, бесчувственным, безжалостным.

Молнии и огонь проклятий армянских сирот, вдов на ваши лысые головы! Не знаешь в какой момент прихотливый луч вдохнул жизнь в негодную, никчемную глину, и появился человек-дьявол, который превратил рай в геену.

Кто даст мне силу железной руки Торка из Ванатура? Не нашлась сила в стальной деснице вишапборца, огненного Ваагна, чтобы в мгновение ока одним ударом разрушить этот черный мир, превратить его в пригоршню пепла и бросить его в глазницы вечного филина, чтобы хотя бы

он не смог стать свидетелем этой дьявольской трагедии, этого демонического пира!

Караван смерти, окруженный ненавистью, движется вперед...

Тигроподобные курды, демонстрируя окровавленные сабли, следуют за нами. Это те вчерашние убийцы, которые изрубили наших людей в ущелье смерти, кровопийцы, убийцы, которые за один-два дня уничтожили наших родичей.

Женщины убитые, охваченные ужасом, онемели, разбиты, уязвлены до глубины души. С сердцем, охваченным пожаром, обожженными устами проклинают все на свете:

«Предстать вам перед судом Небесного повелителя! Захлебнуться вам в собственной крови, разбиться вам о камни, ваших детей увидеть погребенными в земле! Чтобы руки ваши отнялись, огонь на ваши головы! Будьте вы прокляты, кровожадное зверье!».

Безнадежность, отчаяние охватило караван. Таким горестным мукам, такой черной скорби, такому отчаянию этот слабый пол, женщины не знали. Они не знали как это перенести, как выдержать.

От этого трудности дороги стали еще тяжелее. В отличие от других дней дальше не давали полуденного отдыха. Сверху обжигающие солнечные лучи, солнце печет невыносимо. От дороги довольно далеко находится вода Гуру-чая. Мало кто осмеливается пойти за водой и вернуться в караван, их подстерегает опасность отстать и попасть в когти курдов.

Обычным стали валяющиеся по сторонам трупы. Через каждые 5-10 минут ветер доносит запах мертвечины. Тут же вздрагиваем, говорим есть... умерший. На самом деле через несколько минут видим труп женщины, опухший, сгнивший, немного поодаль – труп старушки с распущенными волосами, высохший. Местами встречаются трупы детей, наполовину зарытые, у одного из под земли торчит нога, у другого – рука, голова, расклеванные, разорванные хищными птицами.

Те, кто был на подводах, ушли далеко вперед. Волы с возами медленно продвигаются, караваны крестьян и горожан идут смешанно.

Смотрю, из наших телег несколько остановилось. Среди крестьянок началось волнение. Одна из них в отчаянии кричит: «Вай, сын мой!» и рвет на себе волосы, бьет себя в грудь. Мы увидели душераздирающую картину: 18-летнего прекрасного юношу, который был спрятан в возе и

для пушей надежности на нем сидел человек. Это было незадолго до нашего выхода из Гасана-Челепи. Вижу, он задохнулся. Нет никаких признаков жизни. Тело его одеревенело и никакие усилия его не вернули к жизни. Хорошо было бы суметь его похоронить. Женщины раскапывают мягкую землю посреди дороги, делают маленькую яму и укладывают в нее маьчика. Мать оmyвает лицо сына слезами, покрывает его поцелуями. Он был последним мужским представителем крестьян, который так погиб.

По прибытии в Алеппо я встретил некоего хромого человека по имени Гомасарэн Таддеос. Он был с нами в караване и его спрятали под товарами в возе. Он рассказал о другом задохнувшемся на этом месте юноше. Но я этого не видел или не обратил внимание.

КЭЧИТ ПАРАСЫ. – Караван на этой дороге дошел до какого-то ущелья. Курды с наджахами в руках остановили нас, запретили вступать в ущелье. Нас охватили беспокойство и ужас. Распространился слух о том, что с каждого воза берут по одному меджиту по названию кэчит-параси, топрах-пасты. С подвод с лошадьми взяли. Крестьянам сделали исключение, отпустили. Взяли только с возов горожан. Мы уже близко к ним. Я сказал жене, чтоб она стояла впереди воза, дала бы быстро меджит им в руки и скорее прошла. А я, чтобы не броситься им в глаза, в это время с другой их стороны незаметно пройду. Так и сделали. И я решил, что они не обратили на меня внимания, что я не бросился им в глаза, хотя мы им заплатили меджит. Читатель, прошу запомнить это обстоятельство, так как на следующий день концом кинжала счет за это место и меджит потребовали с меня.

Это действо длилось довольно долго. Они набрали большую сумку с меджитом. После этого было так: ежедневно за человеческую голову, за один воз давали топрах-пасты. Курды разделены земельными пределами и когда мы переходим с одного предела в другой, с нас взимают этот налог.

МОСТ ХЫСЫХИ. – Это все осталось позади? Доходим до моста Гуру-чай. В нос ударяет запах гниющей мертвечины. Приходим в ужас. Содрогаемся. Запахом пропитан весь воздух. Просто дышим трупным воздухом. Понимаем, что близко находимся от бойни. Движение вперед, и на самом деле под мостом видим 25-30 трупов – мужчин, женщин, девочек. Тела распухли, гниют, превращаются в жижу, головы многих отделились от тел, некоторые разрублены на части, живот, сердце разрезаны, внутренности, печень, легкие вынуты...

С ужасом смотрим вниз, женщины закрывают лица, очень взволнованы, от гниющего запаха к горлу подступает тошнота, легкие разрываются. На другом краю моста, под склоном горы бьет источник хорошей воды, но там также валяется труп – молоденькая невеста, у которой распорот весь живот, начиная от матки. Тело распухло, гниет. Можно ли подойти к воде, набрать воды?. «Не надо», говорим и с проклятиями, преисполненные горя, отходим.

Не было сомнений, что это были жертвы из каравана за день-два ранее нас прошедшего здесь. Но при каких обстоятельствах произошло это избиение, что с мужчинами были убиты и женщины, мы не знаем. Совсем недавно я случайно узнал, что среди этих убитых были Хаджи Манук Кюркчян, или как его называли Хаджи Бей, и Гырг Эйэрян Гасап-Ншан. И это, видимо, так и есть. О Хаджи Бее я получил точные сведения, что он из Гасана-Челепи спасся, но далее этих границ не ушел. Хаджи-Бей был одним из деятельных товарищей С.Д. Гнчакистов и имел большие заслуги, несколько раз его арестовывали с тяжелыми политическими обвинениями. Он был членом Национального Представительного Собрания. Постоянно участвовал в работах Благотворительных ведомств Себастии.

Здесь, в связи с упоминанием имени Хаджи Бея, я в своих записях нашел имя другого товарища, убитого в Гасан-Челепи, Ацагортяна Акопа, урожденного тиврикца, товарища учеников Бессмертного Жирайра – покойного Давида, Натана, Саргиса. Он давно переселился в Себастию и вел здесь большую деятельность в рядах С.Д. Гнчаковской партии.

Гуру-Чай у моста Гысырги прерывается огромной горной цепью Западного Тавра, с противоположной стороны продолжаясь на восток по течению Евфрата. С другого края моста наша дорога сразу же поднимается на горную цепь. Камни-скалы, огромные высокие горы, подъем трудный и мучительный. Солнце давно закатилось. При полнолунии мы довольно долго продолжаем наш путь. На вершине горы в роще под дубами устраиваем свой лагерь.

Стоянка покрыта обильной мягкой травой, но пни от срубленных дубов продолжают торчать, и мы на какую бы сторону не оборачивались, они вонзаются нам в бока, и на лоне природы мы также не находим спокойного места для отдыха.

С утра мы ничего не ели. Только сейчас мы вспомнили о голоде. Воды нет, но говорят, что поблизости есть места с хорошей водой. Несколько

старых женщин идут за водой, но возвращаются ограбленными, избитыми курдами, ожидавшими их.

Ночью волю досыта попаслись, но воды не было и они, как и мы, с вечера первого дня страдают от жажды. К рассвету встаем, готовимся, нагружаем телеги. Солнце стало подниматься, оно неожиданно появилось из мглы багровым как из моря крови. С высоты гор бросаю свой взгляд вокруг и смотрю в сторону востока. Направляю свой взор на страны Крови, Зулума: горы, горы, горы, бесконечные на необъятном пространстве. Как огромные волны в безбрежном море, они соревнуются, борются друг с другом, вновь схватываются и сваливаются, целуются и превращаются в рассеявшиеся холмы и в неожиданном веселии поднимаются: высочайшие великаны, грозные и дерзновенные вершины, великодушно смотрящие друг на друга. Изумителен и прекрасен этот горный пейзаж, и по праву эта горная цепь называется страной Горных островов.

КО ВТОРОЙ БОЙНЕ – ХЕКИМ-ХАН. – Отправляемся в путь. Сегодня мы должны пройти через Хеким-Хан. Это не очень далеко. По дороге ничего значительного не произошло. Мы слышали, что Хеким-Хан также является пристанищем смерти, одной из боен.

Снова нас охватывает ужас. Полдень. Приближаемся. Нашу дорогу окаймляют красивые плодовые деревья. И еще немного и мы войдем в поселок. В караване кроме меня нет ни одного мужчины. Естественно, скоро меня заметят. Что нам делать? Или уже поздно. С женой лихорадочно обсуждаем. Наконец решаем – надо прибегнуть к мистификации.

Больше половины каравана уже находится в поселке. В правую руку беру посох, за левую мою руку держит жена, как поводырь слепого. Я сгорбился как глубокий старик, с помутневшими как у слепцов глазами, подымаю голову, отсутствующим взглядом смотрю по сторонам, затем опять смотрю вниз, со слюнявым ртом, с мокрым носом, бормоча как безумец, с одной парализованной ногой, которую волочу по земле. Проходим через середину поселка, через рынок, мимо закрытых лавок. Нет сомнения, что они принадлежали армянам.

По обе стороны дороги стоят кровожадные турки, курды и смотрят на нас, глазами ищут красивых невест, девушек, мужчин. Смотрят, на глаза не попадает ни один мужчина. С издевательством жалуются: «Где наша доля? Из Гасан-Челепи нам никакого курбанцу не послали? Мы бы в эту

ночь играли в палта-талими», – говорят. И повторяют: «А жаль, что мы лишились такого удовольствия».

Вдруг на глаза попадаю я: «Ха, ха, ха...», – с дьявольским смешком говорят они, – «Ребята, вот один из них», – говорят и указывают на меня, – ха, ха, ха, – смеются надо мной: «Прогоните его», – говорит один из них. «Скоро он сдохнет, уже отдаст концы», – говорит другой. Третий ударяет, четвертый плюет на меня, следующий – чертыхается. А я продолжаю глазами, бесцельно открытыми глазами как слепец вращать по сторонам. Жена ободряет меня, говорит: «Не бойся».

Искушавшись плевками, получив ругательства, выходим из поселка. Довольно долго идем. В полдень для отдыха останавливаемся далеко от поселка на ровном месте. Садимся, я глубоко вдыхаю воздух и вместе с женой слегка сдержанно улыбаемся. «Хорошо ты сыграл свою роль», – говорит жена. Вспоминаю о жажде, язык высох, прилип к небу. Не знаю откуда, жена принесла немного воды. Как-будто слегка пришел в себя. Помочили сухари, с аппетитом поели. Караваны Самсуна, Амасии за день до нас дошли до этого места. Они устроили стоянку у поселка, в степи.

Хеки́м-хан после Гасана-Челепи на линии Сваз-Малатия большое поселение и стоянка для путешественников: имеет плодовые сады, туту, абрикосы, сливу, знаменитую айву, которую покупает Себасти́я. Население самого дикого вида – турки, курды, довольно много армян. Во время геноцида 95-го армяне имели большие потери, выжившие приняли ислам, но впоследствии благодаря настойчивым заявлениям блаженной памяти Его преосвященства Тер Петро́са, вновь вернулись к Армянской вере. Но часть, упорствуя, осталась мусульманами. Тогда многие армяне рассеялись: пришли обосновались в Себасти́и. Из них одного из досто́пчтенных армян Его преосвященство Тер Торго́м рукоположил священником и в память о преосвященном Петро́се назвал его Тер Петро́сом. Я случайно узнал о том, что когда Тер Петро́с дошел до Хеки́м-Хана, его родственники, принявшие ислам, убили Тер Петро́са, а его жену и детей отделили от каравана.

Хэки́м-Хан после Гасана-Челепи был вторым пристанищем смерти, бойней для караванов Себасти́и и Малой Армении. Спасшиеся в Гасан-Челепи здесь были взяты и убиты. Овсанна Вари́кян рассказывает, что когда они дошли до Хэки́м-Хана с полей, находящихся вблизи от нашего

лагеря, доносились жалобные крики. Идя на звук этих криков, говорит она, мы увидели в ущелье много трупов, среди которых было много недобитых людей. Людей убивали топорами, косой, встречались раненные с разбитыми челюстями, головой, затылком, тяжело раненные в спины.

Мужчины из квартала Кафедральной церкви, спасшиеся в Гасан-Челепи, были взяты здесь. Большая их часть за деньги освободилась, других, около 30-ти человек, связанными ночью увели и убили.

Из одного каравана, по-видимому из первых караванов, отделив 300 невест, заперли в церкви. И когда караван отправляли в дорогу, роздали их туркам и курдам. Довольно много невест, девушек похитили здесь из караванов Тохата, Амасии, Самсуна.

Наш караван здесь задержали ненадолго. Время было уже поздним. После полуденного отдыха мы отправились в путь. Вечером остановились на ночь в песчанном месте на берегу Гуру-Чая. Ничего значительного не произошло.

На следующий день мы продолжили путь – после долин продвигаемся по гористой местности. Доходим до поворота. Отсюда дорога идет над большим ущельем, образует дугу получасовой длительности. Над ущельем видим источник, против него, на другой стороне дороги – хан, являющийся мюдюрликом с постовой частью и сторожевым пунктом.

Наш обоз свернул в сторону дуги. Видим двух гавезов¹³⁰ в курдском наряде, морского цвета из асуе¹³¹, брюках-саго, на спине пояс из шерсти, на нем висят кинжалы, на ногах длинные мучаки¹³², с руками, взятыми за спину, в прекрасном настроении, обводят весь караван взглядом и направляются к нам. Видно, один из них мюдир этих мест. Они громко переговариваются друг с другом, так чтоб мы слышали, один говорит: «Ничего хорошего не осталось, все плохое?» (т), другой отвечает: «Достаточно того, что есть» (т). Бедные, говорят они, с грузом-имуществом пустились в дорогу, думали, что куда-то в определенное место пойдут и поселятся, построят дома. Не знали, что по горам, из одной пустыни будут переходить в другую, пропадут, сгинут.

Безразлично прислушиваемся к этим словам – смертному приговору.

¹³⁰ Гавез (kavez) – турецкий чиновник, телохранитель.

¹³¹ Асуе – шерсть.

¹³² Мучак – мягкая обувь.

Из ущелья нам в нос, рот ударил отвратительный трупный гниющий запах. Мы от ужаса оцепенели. Дно ущелья было покрыто множеством трупов, видимо, оно тоже было бойней, одним из пристанищ смерти.

По дороге воды не было, издали замечаю над ущельем источник с мощной водой, но вижу, что у источника никого нет. В передней части каравана большое волнение. Перед ханом что-то происходит. Из толпы женщин вывели одного мужчину и ташат в хан. Молодая женщина с несовершеннолетними детьми плачет-умоляет. Стоявшие рядом со мной женщины точно увидели, что это был Тигран из Хогдара. Я понял, что забирают несколько оставшихся и замеченных ими мужчин. «Ну, что мы будем делать?», оказавшись в неожиданном положении, говорю я жене. Она также растерялась от неожиданности. Не осталось времени даже на перевоплощение. Я здесь уже вручил себя судьбе. Опираясь на посох, таща как парализованную ногу, я с женой стали продвигаться вперед. Проходим перед холмом, смешавшись с толпой женщин.

САБЛЯ НА ШЕЕ. – Мы уже должны бы сойти с дороги, вдруг нас настигает замеченный немного ранее мной один из гавэзов. С воза тянет мое пальто. Со зверинной яростью смотрит на мои слабые глаза, видимо, думает, что я воспротивлюсь. Я не промолвил ни слова. Он также отвел взгляд к земле и сам ничего не сказал. Мне было жаль не столько потери пальто, сколько бывших у меня в кармане двух флаконов сульфата, лекарств от дизентерии и глаз. Этого мне было жаль.

Еще несколько шагов и нас настигли два молодых курда, которые с окровавленными **саблями** сопровождали нас с Гасана-Чэлэпи. Один из них схватил меня за ворот и сказал: **«Ты свинья, для того, чтобы переправиться на другой берег, ты не заплатил меджита, и так перешел, не так ли?»** (т). И приложил к моему горлу саблю, тянет за ворот говоря: **«И правда, я тебя зарежу»** (т).

Жена моя, которая как ангел-хранитель постоянно находилась рядом, бросилась вперед, стала между нами и сказала: «Ни я ли была, которая с этого кошелька, – снимая из-за пазухи кошелек, – положила горсть меджитов тебе в лапу. Если тебе этого мало показалось, возьми весь кошелек. Что ты хочешь от моего бедного мужа?». Быстрым движением руки она сняла из кармана часы и положила в руки курду, и потянула вырвала меня из рук курдов. Оба курда как-будто лишились дара речи и, ничего не сказав, удалились.

Только нас оставили, немного погодя схватили за ворот двух других мужчин – Воскихана, сына Тостуряна, Дюргэр Огана Эмму, его зятя из Зары Тэртиара Ншана Эмми. Вывели на дорогу и спустили в нижнее ущелье. Их догнали жены, дочери схваченных, дали золота, золотые украшения. Но не смогли ничего поделаться, ни на что не обратили внимание: раздели, связали руки и ноги и на глазах дочерей, жен, приставив к горлу сабли наполовину зарезали. Бедные полуживые мучились.

Еще несколько шагов. За нами на осле находился Карагеозянц Чортан-Ако Эмми. Один из курдов жандармов выстрелом из мартини в лоб свалил его с осла на землю. Зарядил мартини, еще пулю пустил ему в грудь. Другой курд, схватив осла за поводок, увел его. Жена Ако Эмму Мариам находилась немного поодаль. Услышав выстрел, она обратилась к женщинам: «Вай, девушки, что за выстрел был, ведь мужчин не осталось, может быть убили Ако Эмми». Как-будто она предчувствовала. Нет, ничего нет, нет это не его, обманули они ее.

Уже в караване волнения и переполох были велики, все в панике, спешат. Видя эти убийства, я сказал жене – и меня обязательно убьют. Она не произнесла ни слова. Моментальным озарением, не теряя самообладания, она спустила мальчиков с повозки, положила в сторону карпеты, одеяла. Я понял, что она хочет сделать – прыгнул на повозку, растянулся на ней, она накинула на меня одеяло, карпет, мальчиков посадила на меня, взяла возжи и повела воз. Другого более надежного укрытия не могло быть. Мы перестали бояться.

Из Гасана-Челепи спаслось всего 7-8 человек, из них четверо здесь были убиты, зарезаны.

Вышеупомянутый хогдарец Тигран Погосян, схваченный в хане и, по всей вероятности, в тот же день убитый, долгие годы был членом благотворительных ведомств Себастии – сиротских домов, больниц, домов для неимущих. И своей скромной службой принес пользу. Имел 6-7 несовершеннолетних детей. Дойдя до Суруча один из его сыновей и жена остались там. Но и они умерли там от дизентерии.

В своем укрытии мне было тяжело, я задыхался, еле дышал и больше всего мучился от жажды. Жена нашла момент, подошла спросила, как я, тайно дала воду, смочил горло. Она сама ведет воз, сын Хазара ахпара погоняет осла, дорога, видимо каменистая. Телега иногда ужасно сотрясается. Мои бока, спина ломятся.

УКРЫТИЕ СПАСАЕТ. – Довольно рано с наступлением сумерек доходим до Гасан-Патрика, большого поселения на дороге Малатии, стоянки путешественников. Население – дикие курды, турки. Они на улицах Себастии продают хоглук и песок, из-за чего блюдолизы и имеют рабский нрав. Местность очень плодородная, растет тут, известна фруктовая пастила. Это место также было одной из боен. Как только наш караван дошел до поселения, жители его – мужчины, женщины, дети заполнили лагерь. Я все еще нахожусь в своем тайнике. В светлое время нельзя выходить из него. Курдянки принесли воду, пастилу, туту продают.

Мужчины с диким видом, каждый стоит над одним возом, спрашивает, что продается. Все, что им попадает на глаза, ташут-покупают за бесценок, а очень часто вообще ничего не платят. Над нашим возом также стоят. У нас один красивый ковер. Он полюбился им. Они подходят посмотреть, тянут. Если один раз поднимут один конец, увидят меня. И нет сомнения в том, что в тот же момент разрубят на части. Жена моя в страхе, плача, видя как они тянут ковер, то бежит к одному краю воза, то – к другому, толкает, гонит их. Они говорят: **«Какая грубая женщина»** (т).

Приходят другие. С ними также. Я в своем укрытии дрожу. Наступил вечер, стемнело, и я вышел оттуда. У жены и у меня «душа ушла в пятки».

Я спустился под телегу, первым делом надо хорошо напиться воды, поесть немного хлеба, не лезет в глотку. Есть ли аппетит?. Смотрю на жену, у нее очень усталый, изможденный вид. Боюсь, не заболела ли она. Тогда даже каменное сердце не может этого вынести¹.

На месте, где мы сидим, гниет труп. Тяжелый, удушливый запах. В темноте я рукой ощущаю в мягкой земле – полупогребенный мертвец. Рука моя касается холодной ладони ребенка. В ужасе содрогаюсь. «Жена, – говорю, – здесь мертвец». Те, кто рядом с нами, тоже говорят: «Здесь мертвец», и так многие. Понимаем, что мы свой лагерь раскинули на кладбище трупов.

Куда, куда теперь можем переместиться? Сидим на своих местах, до самого утра всасывая трупный запах.

С женой сидим и обсуждаем: наше имущество нам не принадлежит. Особенно отсюда далее, постоянно нам угрожает беда. Воз также следует

облегчить. Быки совершенно выбились из сил, не могут тащить. Шерсть подушек и двух тюфяков снимаем, кладем на землю. Утром продаем какой-то курдянке за кувшин воды и туту, а ковер прячем в нижней части телеги.

Обсуждаем завтрашнее мое поведение. Тайник сохранить невозможно. Принимаем решение о маскировке. Жена идет к какой-то крестьянской невесте, достает у нее кафтанчик – ентари, на голову приспособливает половину простыни, у наших соседей берет ножницы, бритву. Срезает, сбривает мне усы, бороду. Я должен идти с крестьянами или тохатскими ситочниками, жена моя должна следовать за мной, моя свояченица, ее дети, которые в нашем караване с нами, должны управлять телегой и заниматься ослом. Завтра с утра так и поступим.

Но вот, услышав только название дороги, по которой завтра должны идти, человек может от страха окаменеть: Сузуми Еазым – Безводная. Мы уже слышали, что сотни женщин, детей из караванов, которые прошли до нас, мучимые жаждой, обезвоженные умирали. Даже простые путешественники на этой равнине страдали от отсутствия воды.

«Настанет рассвет и добро с ним», – говорю. Растянулся на повозке, немного бы поспать, успокоить мысли, дневные бедствия более чем достаточны.

Хотя я и не увидел, но в Гасан – Патрике находился турок свазец по имени Чизмечи¹³³ Хаджи, ярый иттихадист, ученик армянских мастеров, хорошо говоривший по-армянски и, как и сын Кютюка, близко знакомый с армянами, он также здесь сыграл очень плохую роль, и мужчин, спасшихся ранее, забрал и убил. Здесь приводим сведения Рачьи Габикяна:

«В 12 часов ночи мы прибыли в Гасан-Патрик и раскинули свой лагерь около села. Мы расположились несколькими семьями кругом. Пришел некий свазский турок /это был Чизмэчи Хаджи/, с 4-мя-5-ю жандармами, в руках обнаженные сабли. Попавшиеся на глаза семьи обыскали, ценные вещи забрали, ограбили, мужчин уже не было, забрав мальчиков, угрожая им смертью, от матерей получили деньги и отпустили.

По сведениям Овсанны Варэжян, из их каравана было похищено много невест и девушек. Много девушек отобрали также из Гайсери-Дур. По одному сведению мюдир этого поселения из этого каравана взял дочь

¹³³ Чизмечи (cizme) – чизме – сапоги, чизмечи – мастер по пошиву сапог.

скрипача Артэма-Эраноса, хорошую мастерицу по пошиву платьев, недавно окончившую школу, хорошую пианистку, изумительной красоты. Брата девушки также здесь убили.

Кучер по имени Титлош Мириджан в своей личной подводе, обвязав голову белым платком, вместе с семьей прибыл в Гасан-Патрик. Его окружили и спросили: «Кто ты?». Он ответил: «Я мусульманин, кучер, и перевожу свою семью в Харберд». «Иди сюда, – говорят. – Такие мусульмане, как ты, там на краю села лежат. И повели его на бойню, убили. Подводы отняли, а семью сопровождали обратно.

Здесь арестовали из квартала Кафедральной церкви Месропа Габикяна, его брата Зареха. Их брат Хаджи Мурат в глубоком отчаянии сопровождал их до дверей тюрьмы. Там его увидел Чизмечи Хаджи и сказал: «Что ты спятил, убирайся на свое место, и отправил его назад. Потом с большими трудностями и с помощью тяжелого выкупа двум другим братьям удалось освободиться».

УБИЙСТВО АГА СРАПИОНА ПАГАЛЯНА И АГА АВЕТИСА ШАГИНЯНА. – Братья Пагаляны – Хлхликенк были из самого богатого рода Себасти и крупными купцами. Имели большие торговые дела и пользовались большим уважением и доверием. Их старшего брата Хаджи Симона давно уже не было. Средний брат аге Сенекерима со своими сыновьями был арестован в Себасти в день общих арестов. Младший брат Срапион оставался на свободе, его сыновья Сехбос и Егия, приняв ислам, были свободны. Младший сын господина Срапиона Арутюн также был арестован. Арутюн для господина Срапиона был Иосифом Прекрасным. Господин Срапион пал в ноги Муаммэра, молил его отдать Арутюна ему как бакшиш. Наконец Муаммэр обещал ему в день депортации вручить ему сына. И на самом деле сдержал свое обещание и дал ему сына.

Шагиняны также были из известных богатых семейств Себасти – семьи нескольких братьев. Из них Арам, сын господина Аветиса в день общих арестов был арестован. Другие сыновья – Мкртич, Сурен были хорошими механиками и в качестве военных работали на мукомольных заводах. Ага Аветис, будучи членом Итарэ, думая, что пользуется симпатией Муаммэра, идет и падает ему в ноги, потеряв надежду на освобождение Арама, умоляет не депортировать других сыновей и семью, вместо них предлагает убить, сослать, повесить себя. Муаммэр обещает и ему.

Ага Срапион и ага Аветис вместе были депортированы. Арутюн был передан отцу. Ага Срапион в дороге от радости чуть не сошел с ума. Хвалил Муаммэра, который как мужчина сдержал свое слово. Через Кэотив-Хан, Гасан-Челепи они проходят живыми. Некоторые говорят, что после Гасана-Чэлэпи, они были убиты на месте нашего лагеря с дубовыми деревьями, другие утверждали, что в Гасан-Патрике убили их сыновей – Срапиона и Аветиса. Сын Срапиона Арутюн, зять – Мартирос, сын ага Кюрега Арабкирца со своими семьями так или иначе были убиты на этой дороге. Сына ага Срапиона с семьей в конце также депортировали и, вероятно, в Гасан-Патрике убили. Выжил только Егия, который по сей день остается в Себасти. Нужно сказать, что Пагаляны были почтенными армянами. Они постоянно стояли во главе национальных дел, всегда имели место в важных национальных собраниях, их честность, ревностное отношение к делу были выше всяких сомнений. Они пользовались в народе большим доверием и имели большой вес.

В Гасан-Патрике ничего значительного с нами не произошло. Уже не осталось ни одного мужчины.

17

ЧЕРЕЗ ТРУПЫ

БЕЗВОДНЫЙ – СУЗУСИ-ЕАЗИН. – Утром рано встаем, готовимся. Я с вечера замаскировался, надел одежду крестьянской женщины, на голову накиннул кусок простыни, до носа повязал ячмах-платок, только глаза подозрительно блестят. Каждый человек, сколько может, запасается водой. Пускаемся в дорогу. Как было решено вечером, я смешиваюсь с крестьянами и бошами, среди них нет даже тени мужчин, и даже мальчиков. Все, как говорится, одни бабы и девушки.

По дороге или в лагерях, где бы мы не находились, больше всего нападениям, убийствам, грабежам, похищениям подвергаются горожане. То, что называется Связ-пархана, здесь дикая чернь теряет голову, слюни текут из-за рта. Крестьян, бошей щадят как земледельцев и неимущих людей. Моя жена постоянно следит за мной, чтобы в случае опасности немедленно подоспеть. Заботу о нашей повозке и осле поручили свояченице и ее детям. Крестьянские женщины косо, поглядывают на меня,

измерея с головы до ног, и понимают, что в замаскировавшемся человеке скрывается мужчина. И говорят: «Ахпар, сразу можно узнать, что ты мужчина, шагаешь прямо как палка. Немного наклонись». В самом деле, рост у меня высокий, и я никак не могу приспособиться. Что делать? Жандармы. Что за жандармы – воры разбойники курды, но как – будто не обращают внимания на то, есть ли мужчины или нет. Уже что могло остаться от мужчин, сами знают.

Положение в авангардной части каравана спокойное, утром со свежими силами прошли довольно большое расстояние. Дорога – ровная земля. Телеги вязнут в мягкой земле, движение затрудняется. Солнце нещадно палит. Жара как в печи, неопишимо высокая температура.

Гуру-чай остается далеко от дороги, на необозримом песке течет как тоненькая струйка серебра. Во время обычного путешествия, может быть, можно было бы пренебречь расстоянием и пойти за водой. Но теперь, в чью пасть попадешь? Кто набется смелости?

Видеть воду и не насладиться, это еще больше усиливает жажду. Возможно, нужды природы можно было бы одолеть, если бы к этому не прибавилось воровство черни.

После убийства мужчин в бойнях, похищения невест, девушек, из выполнения адского замысла осталась расправа с беспомощной, беззащитной остальной частью людей из караванов, которых они подвергали жесточайшим испытаниям, тяготам, лишениям, в частности, воды. С этой целью они, оставляя в стороне хорошие дороги, вели караваны по нехоженым тропам, пустыням, безводным местам, по высоким горам. Если по дороге встречалась вода, на поверхности у источника были трупы, вода была гнилая, отравленная, ее невозможно было пить. А если встречалась чистая вода, жандармы не разрешали близко подходить к ней, или кровожадные курды ждали над водой и тех, кто подходил к воде, грабили, насиловали и убивали.

Самые тяжелые испытания томимых жаждой людей, выпали на их долю в пустынях Верин-Шехира. 18 тысяч людей, первые караваны, идущие из Сваза, из Харбердского вилайета, Кги, Балу, днями лишенные воды, наконец достигли до Еотн-Джрамбарнер (Семи водохранилищ). Все бросились к воде и водоемы до краев заполнились трупами. Вода стала выливаться, и остальные так утоляли свою жажду.

Перейдем к нашему странствию. Снова начались наши мучения: грабители курды, мужчины, женщины, мальчики с дубинками, обнаженными кинжалами, ружьями, подобно черным стаям ворон группами окружают караван. Нападают на слабые места, на отстающих, находящихся с краю. Караван охвачен волнением. Позиция курдских жандармов двуличная. По-видимому, они взяли на себя миссию захватчиков. Их много, одни находятся в конце каравана, другие – впереди, остальные – по бокам. Находящиеся в конце каравана выпустили несколько пуль на нападающую чернь, но вместо отступления, ухода, она с новой силой наступила: они наносят удары, тащат, грабят, захватывают ослов с грузами, вместе с хозяевами животного – девушек, женщин. Вновь выстрелы жандармов. Чернь, закончив свои дела в этой части, отступает назад. Выстрелы продолжаются. Но это похоже на какой-то сигнал, на какие-то указания. В другом месте новое нападение, то же самое происходит на левой стороне, и взаимно, когда жандармы стреляют в конце каравана, чернь переходит к верхнему краю каравана. При этих нападениях волнение, паника в караване доходят до пределов. Все стараются где-то прикрыться, уплотниться, собраться в кажущемся наиболее безопасном месте – в центре и впереди.

В обычное время возы идут на одной линии друг за другом, занимая длину дороги. Протяженность каравана с одного конца на другой в час – полтора ходьбы. Караван здесь этот порядок нарушил, движется вперед с быстротой почтовых. Все обезумели. Извозчики вступили в своеобразное состязание. Скорее, кнуты опускаются и спускаются на бока бедных волов. Каждый старается перекрыть дорогу передних, захватить его место. Бывшие на передовых стараются этого не допустить. Они с еще большей быстротой гонят волов. Дорога ровная. Плоская равнина. Задние сворачивают с дороги, чтобы выйти вперед, переходят на первую линию, однако другие не пускают. Так извозчик и народ, оставив длину дороги, в ширину несколькими повозками заняли всю переднюю линию. Караван растянулся по ширине дороги, впопыхах продвигается скопом, гуртом.

На всем поле, мягкой земле, в этой панике-суматохе поднялась густая пыль как сгустившееся огромное облако. Караван потонул в пыли, глаза ничего не видят, у бедных волов рты открыты, языки высунуты, они задыхаются. А что сказать о тысячах умерших от жажды и лежавших на

дорогах трупах из прошедших до нас караванов. Под колесами телег – черепа, голени, руки раздробляются, на каждом шагу наши ноги утопают в трупах, воздух отравлен гнилостным запахом, впитываем в себя его вместе с пылью... Наши языки одеревенели. Горло, легкие покрыты пылью, превратившейся в толстый слой грязи, зубы почернели как уголь. Слабые, утомленные, изможденные – старики, женщины, дети, преданные продолжавшимся нападениям, панике, ослабевшие, лишенные сил падают. Дети, девушки валятся с возов вниз, на глазах многих падают под колеса телег, раздавливаются. Кому до этого дело? Кто обращает на это внимание? Дни, когда мать отрекается от своего ребенка... Матери, держа за руки детей, тащат их, пытаясь дойти до каравана, сзади на них наступают, в панике мать и сын теряют друг друга, найти нет никакой возможности. Из нашего каравана многие также пали обезвоженные. Плач, крики, вопли, жалостные крики о помощи, проклятия, слившись воедино висят в воздухе.

Часы, длинные часы длятся так. Нет конца этой дороге. Все с надеждой спрашивают друг друга, далека ли стоянка. Знающие, чтобы не отчаивать людей, показывают ближайшую точку.

ВОДА! ВОДА! ВОДА! – К 10-ти часам на дороге доходим до точки, откуда виден Гырг-Кэоз: через степи, через зелень, как огромный вишан Тухман, она течет, извиваясь белой пеной. Из передних рядов каравана с воодушевлением передают назад: «Вода! Вода! Вода!» И эта весть от одного к другому передается с большим волнением, и откликается на другом конце каравана громким отзвуком: «Вода! Вода! Вода!»...

Отступление десятитысяч греков через Понтийские горы¹ наверно не вызвало такого ликования и таких криков «Море! Море! Море!» при встрече с Евксинским морем^{II}.

Сладкие слезы текут из глаз многих. Изможденные, ослабшие приободряются, встают на ноги и радостно продолжают шагать по дороге. Еще целый час пути до желанной воды.

Доходим до степей, довольно далеко от берега реки. Для орошения имеются прорытые рвы, с застоявшейся, покрытой мхом водой. Томимый жаждой народ бросается на них. Едва пригубив, смочив рот, с ужасом и отвращением люди отходят с тошнотой и рвотой, с омерзением плюются. Помимо того, что вода застоявшаяся, прогнившая, она еще отравлена раз-

ложившимися во рвах трупами. Сверху донизу она заполнена множеством трупов мужчин и мальчиков.

КЫРХ-КЭОЗ. – Доходим до огромного моста, перекинутого над Тохмой, который связывает линию Сваз-Малатия. Нехорошо помню, не заметил или не обратил внимание – какой мост, деревянный или каменный? Сказали, что из-за сорока пролетов он называется Кырх-Кэозом. Я их не посчитал. **Тохман – Тухман**, древний **Меласы-Кара-Су**, довольно большая река, бурная и глубокая, особенно глубокой кажется под мостом с крупными водоворотами. Это один из важных притоков Евфрата, чуть пониже этого места он сливается с Евфратом. Состоит из многих притоков. Один из верхних притоков берет начало из долины Манджылыха. В свое время, посетив Манджылых, я вообразил себе, что увидел Евфрат. Другая ветвь берет начало в Кюрине, изобилует вкусной и прекрасной рыбой «кармрахайт». На другой стороне моста сады, разделенные от дороги плотными рядами тополей. За ними, как тигры засели курды, которые с обнаженными кинжалами в руках набрасываются на караван, тащут с телег товары, хурджины с едой. И здесь начинается ужасная паника. Лагерь недалеко. Жандармы! Жандармы! На наши крики жандармы стали гнать грабителей. В лагере нас встречают. Это люди из караванов квартала Сурб Саргис и других. Вижу знакомых – из Кэоченцов, Задеянов, Габриэла Нагапетяна, ахпара Тикненца Артина. Он с плачем спросил о своем брате учителе Симоне.. Его забрали в Гасан-Челепи. На него это очень сильно подействовало. Незнакомцы спрашивали об их положении в этом лагере. До нас, говорят, многое случилось, но сейчас ничего, как-будто обеспечивают безопасность. Еще немного, и мы доходим до лагеря. Едва устроившись, народ бежит к речке. Напивается воды, моется, многие разделись, брослись в реку, плавают, моются, успокаивая свои истомленные тела. Над лагерем, на склоне холма поселение Кырх-Кэоза. Это мюдюрлик, имеется телеграф, правительственное здание.

Здесь прервем наше повествование. Обратимся к событиям, происшедшим с другими караванами, начиная с Гасан-Патрика до сего места.

РАЧЬЯ ГАБИКЯН О БЕЗВОДНОЙ ЧАСТИ ПУТИ рассказывает то же самое, что случилось с нами. То же нападение курдской черни, та же паника в их караване. Караван растянулся в один ряд, подался в ширину и быстро продвигается вперед. Та же густая пыль, мучения от жажды.

Курдские женщины в бурдюках продают воду, хлеб. Но чтобы вместе с ними не появились и не смешались с караваном грабители, жандармы все время гонят их с помощью оружия, очень часто не щадя убивают. Многих быков в караване не достает, телеги остаются на дорогах. Приходят курды и забирают. Около 200 девушек, мальчиков обезвозженные падают. Курды похищают девушек, женщин, грабят множество товаров. Он видел обезвозженную женщину-мать, которая от жажды умирала, а младенец лежал на ней и сосал ее сухую грудь. Многие своих детей живыми бросали на дороге. Дойдя до Кырх-Кэоза, народ бросается в воду, чтобы утолить жажду. Курды становятся по обе стороны моста. Требуют денег – кэчит-параси. Многих, не имеющих денег, человек 20-30 бросили в воду. Из брошенных упоминает мать и сестру Степана Авагыана.

ИЗ РАССКАЗАННОГО АРУТЮНОМ КЮРЕГЯНОМ. – По дороге многие ослабли, отстали и пали. Видели много трупов, разложившихся, прогнивших, раненных. Увидел также несколько умерших женщин, с младенцами сосущими грудь.

ИЗ РАССКАЗА АЙКАНУШ ЗААРТЯН. – Нападения курдов. Похищения, убийства, многие от жажды задыхаются, падают, умирают. Видела мать с пятью детьми. Маленького она оставила на дороге, одного взяла на спину, другого на руки, а двух других держа за руки движется вперед. Через два часа полностью уставшая, выбившаяся из сил, вместе с детьми упала на дороге. На горах, на скалах брошенные дети, множество трупов. Дойдя до Кырх-Кэоза курды, захватившие оба конца моста, много женщин, девушек, мальчиков, связав вместе, бросили в воду. Поверхность воды покрылась трупами. По сведениям других, от большого количества трупов река изменила свое течение.

ОВСАННА ВАРЭКЯН также сообщает душераздирающие сведения. Дойдя до Кырх-Кэоза, видим – курды, жандармы захватили оба конца моста и бросают в реку мужчин, женщин, детей. Она назвала несколько имен: Чертукян Элмас, учитель протестантов Ншан Аветикян, его брат, Сероб Чуванян.

ВЕРНЕМСЯ К НАШЕМУ ЛАГЕРЮ. – Невозможно описать царящую в лагере грязь. Все предшествующие караваны бросали всякий сор и нечистоты.

По всему полю валяются тряпье, лохмотья, обувь, лапти, постели, пух, изношенная шерсть, белый пушок, которые ветер разнес по земле,

сломанные части телег, провода, борта телеги, ремни, притыки, кожаные вожжи, цепи. Валяются остатки сдохших животных, трупы умерших. И от всего этого исходит невыносимый, гнилостный запах. Можно сойти с ума. А отвратительная вошь, будто из земли вырастает. Каждая семья подметает какое-то место, собирает сор в одном углу, устраивается. Многие из остатков телеги делают шатер. Взятые из нашего каравана несколько юношей в Гасан-Челепи дошли до нашего каравана. **Мюдир** их пощадил и освободил. Поименно упомянем нескольких: Торан Нагапетян, мой племянник, Айказун Памбукян, двое сыновей Тейтиара Ншана, Эмму из Зары и другие.

В этот вечер разводим огонь. Соскучившись по горячему, готовим обед, набрасываемся на него. Долгие дни горячей воды не пили, внутри кишки одеревенели. В караване голову подняли болезни – многие страдают от повышенной температуры, лихорадки, распространена дизентерия. Достаточно было пройти по каравану, чтобы сразу же составить представление о плачевном состоянии здоровья людей. Невозможно увидеть естественное здоровое испражнение кишок – лишь кровавое смешение.

На следующий день нам предоставили отдых. С утра женщины согрели воду, моют белье, купаются, наводят чистоту. В полдень в караван приходит мюдир со своими сопровождающими. Поручает им поставить клейма на волов до вступления в Малатню. В Тэкэллифе-Гарпиэ не должны отобрать волов. Ставящие клеймо с телеги должен получить по одному золотому. Вечером, на самом деле, пришли и поставили по одному клейму, горожане выложили по одному золотому. С крестьян ничего не взяли. Крестьянки, видя, что в Малатнии должны отобрать волов, из своих товаров не очень нужные вещи выбросили, облегчились, грузы нескольких телег нагрузили на одну телегу, остальных волов уложили на землю и зарезали! Для крестьянина, особенно крестьянки, самая трудная вещь резать здорового быка. Знаете ли вы как они их лелеют, как над своими детьми они дрожат над ними. Хлеб – это «труд праведного быка», говорят они. А если случится вола заболеть, они до последнего его дыхания ухаживают за ним, слезы проливают и только, когда надежду теряют, тогда они его под нож ставят. Череп убитого вола вместе с рогами прикрепляют к главному столбу наверху дома. Каждый день его вспоминают. Рассказывают анекдоты связанные с волом. А сейчас они со

слезами на глазах, с проклятиями на устах прикладывают нож к их шеям и режут, проливая их кровь. Мясо разрезают на куски и раздают, какую-то часть продают, халкины¹³⁴ крестообразно подвешивают на проводах, на них развешивают кожи, высушивают на золе для лаптей, выделяют ремни, из которых вырезают лапти как для себя, так и на продажу.

Первые караваны не имели собственных телег. Им дало правительство. Несмотря на то, что наши щедро расплачивались, у них отняли телеги. Из-за этого народ должен был большую часть имущества оставить здесь, взять столько, сколько могли на спинах нести. Оставленные вещи – постели, одеяла, сундуки, медную утварь, мебель все нагромодили перед правительственным зданием в виде большого холма. Смотрим, все товары принадлежат себастиям. Боже мой, это что за опустошение, после этого как этот народ должен продолжить свой путь, как жить. Лишиться всех жизненно необходимых вещей, этому народу остается только быть уничтоженным, бесследно исчезнуть...

Кырх-Кэоз стал бойней мужчин армянонаселенных областей Ганкала и Тонуса. Мужчины Манджылыха, Магары, Гаш-Магары, Патрина, Пашанеха, Гуртлу-Гайа, Павроза, Гантароса, Еапалтуна, Еарасара и других деревень здесь были взяты и убиты.

Из наших осведомителей кое-кто рассказывает о некоторых событиях, случившихся здесь: несмотря на то, что вода реки чистая и ее можно пить, но из-за загрязненности берегов, находятся люди, которые идут за водой к источнику вблизи поселка. По рассказу Гоарик Копикян из их каравана пошли туда за водой. Спрятавшиеся там курды напали на них растерзали, изнасиловали, убили и бросили в воду. В пролетах моста – трупы.

ИЗ РАССКАЗАННОГО РАЧЬЕЙ ГАБИКЯНОМ. – Когда они дошли до Кырз-Кэоза, их волам поставили клеймо, взяв с них по одному золотому. После того как они устроились лагерем, прибыл новый караван из сел Сваза. Пошли их встречать с кувшинами воды. Жаждающим скорее дали воду. 5-6 дней они оставались в Кырх-Кэозе. Рачья как-то ночью спустился к берегу набрать воды. Увидел старуху, которая с двумя внуками бросилась в реку. Место было не глубокое, она не утонула. Тогда она вышла на берег и снова бросилась в реку в более глубоком месте и вместе с внуками утонула.

На третий день нас поднимают в дорогу в Малатию. Дошедший сюда до нас караван присоединяют к нашему. Нас, мужчин, примерно 30 человек. Здесь горожан не трогают. Прятаться, маскироваться не надо, смело смешиваемся с караваном, возглавляем семью, ведем телегу.

Говорят, направляемся в Малатию. Это не очень далеко, 4-5 часов дороги. Неопределенно говорят, что первые караваны остались в Малатии, мы также тешим себя этой пустой и шаткой надеждой.

Постепенно перед нами раскрывается картина многоводных и плодородных полей Малатии, повсюду весенняя свежая зелень, обширные пшеничные поля-пашни, сады, плодовые деревья. В этом красивом крае Турции самой плодородной областью является равнина Малатии – виноград, груша, яблоки, айва, гранат, абрикосы, тута, светлый изюм, слива. Сушеные абрикосы, сухие фрукты, отменный сорт абрикосов, названный ашпапийэ, мед, орехи, нанизанные рядами орехи – чучхел, посылаемые в Себастию и во все края Турции в большом количестве и по дешевой цене. А отменный афион. Он является первым посетителем Европы.

Нас сопровождают курдские жандармы. Они не проявляют особой строгости, тем не менее я стараюсь не очень попадаться им на глаза. Оторвавшись от своих, я оказался довольно впереди.

САХАР КУПИТЕ? ДЕШЕВО, ЗА ПЯТЬ ПАРА. – К полдню доходим до древнейшей Малатии, именуемой Эски-Шэхир. Перед ней проходит шоссе. По длине всей дороги стена, местами имеются ведущие во внутрь проходы-двери. Какие дома, постройки внутри, какой сам город? Этого я не смог понять. У населения очень варварский вид – это курды, турки. Они как звери в засаде, группами стоят с кинжалами у проходов, издеваются, смеются над нами, угрожают, что всех вас мы изрубим, убьем. На стенах дети, щенки, которые бросают в нас те же слова, издевательства, жалящие сердце выражения: **«Чикер купите? Очень дешево, пять пара. Это чикер до вас пришедшего каравана, говорят. Очень вкусно, покупайте».** Какое сердце вынесет это? Нужна душа, которая бы стерпела такое унижение, хулу нечестивцев, площадные остроты. Иногда нападают на слабые места каравана – с плеч одного, с телеги другого похищают свертки, что-нибудь. Схватив за поводья осла, с поклажей, с седоком

¹³⁴ Халкин – медный котел. Бывают большие халкины для митья белья. См. ССН, с. 237.

тащут внутрь. Женщины возжами сопротивляются, так или иначе отгоняют их. Жандармы! Жандармы! Слышны крики о помощи. Когда жандармы доходят до этого места, на другом месте с большей силой нападают, грабят.

Я очень опередил наших. У меня предчувствие, что и у нас что-то похитили. Моя семья пришла, дошла до меня. Они взволнованы. На самом деле и нашего осла вместе с хурджином, грузом потащили во внутрь. Главная часть нашей снеди – маслянистые сухари, сыр, – были в этом хурджине. Что мы можем сделать? Случившееся случилось. Мы с разбитым сердцем продолжаем идти. Наконец, показывается сама Малатия окруженная деревьями. Здесь один из наших быков, лишившись сил, уперся и стал. Не может тянуть телегу. Это для нас самое большое из испытаний. Толкаем, ударяем кнутом, бесполезно. Хорошо, что еще столько дней они выдерживали. Караван постепенно продвигается вперед, мы отстаем. Умоляем жандармов что-нибудь сделать. Они говорят, что довольно далеко на дороге вол стоит. Когда дойдем до этого места, впрягите его. Видимо у него нет хозяина, он остался из другого каравана. У нас другого выхода нет. Когда доходим до него, видим, хороший, молодой бык. Тут же мы нашего распрягли, этого запрягли. Немного продолжаем дорогу, увы, к нашему несчастью, он оказался более уставшим, обессиленным, не может тянуть. Невероятно, наш старый бык был более выносливым. Снова впрягаем его, и он на самом деле как-будто немного отдохнув, пришел в себя.

Мы думаем, что должны вступить в Малатию. Как же мы себя обманывали. Вдруг караван с шоссе сворачивает на восток. Мы довольно отстали, спешим догнать. С четырех сторон ровные поля. Дорога – мягкая земля, справа, довольно далеко, у подножья ряда холмов усадьбы с красивыми зданиями. Говорят, что они принадлежат немцам. Они имеют также сиротский дом в Амасии, где, как и в Малатии, поселилось довольно много немцев.

На дороге стало обычным видеть немало трупов, павших в пути от слабости людей. Гнилостный запах кажется не столь острым, как прежде, наше обоняние уже привыкло к нему. Волы медленно продвигаются вперед. Солнце немного склонилось. Мы довольно отстали. Сколько осталось до стоянки, мы этого не знаем. Душа сжимается. Жандарм с хвоста каравана поторапливает нас. Он кажется нам дружелюбным. За караваном

идут несколько курдов. Они вызывают у нас подозрение. Жандармы также с подозрением относятся к ним. Если нас начнут грабить, или захотят убить, жандармы ничего не смогут сделать. Жена, свояченица, дети – мы все вместе. Курды начинают выпускать свой яд. Разглядывают товары на телеге. Взгляд их останавливается на карпете. Спрашивают, продается или нет, и очень внимательно косо поглядывают на меня. Мы погоняем волов, как-будто не слышим их слов. Круглолицая курдянка говорит нам: «Продайте, из всего этого завтра вам ничего не останется. Этого человека также убьют!». «Ты себя не жалеешь, – говорят жене, – оставь его, иди с нами». Жена говорит: «Если у нас что-нибудь есть на продажу, идите на стоянку и там купите». Карпет-дорожка это соблазн. Мы дали понять жандарму, что дадим ему. Караван уже с одного конца дошел до стоянки, мы также близко уже. Вдохнули с некоторым облегчением. Курды уже нами не интересуются, отошли от нас.

Солнце закатилось, нас окутала темнота. Дошли до стоянки. До места, именуемого Супаши. На большом пространстве из многих источников обильно бьет вода и образует естественный бассейн. Куда течет вода, в какую сторону, не смог понять. Ужасно устали. Курды из близких мест толпами пришли, продают пастилу, хлеб, туту и другую снесь. Ищут то, что хотят купить. Сопутствующие нас и угрожавшие нам турки также пришли, нашли нас и хотят карпет, мы отказываемся и говорим, что у нас ничего нет на продажу. Наконец, чтобы освободиться от этой опасности и наш груз облегчить, согласно нашему обещанию, за один меджит даем нашему жандарму карпет.

В ФЫРЫНЖЫЛАР. – Утром отправляемся в путь. После долгой дороги, наконец, выходим на шоссе Малатия-Харберд. В караване вижу Торана Тер Костаняна. Гичакист, проживший приключенческую жизнь. Долгие годы сидел в тюрьме, несколько раз бежал из заключения. На этой Дороге крови также сумел несколько раз избежать когтей смерти. Мы встретились с ним как старые друзья, обнялись, побеседовали. Торан в конце сумел спастись из бойни на горе Зейнал. А позже он бросился в водоем, из водоема его вытащили живым-здоровым. Но не знаю, где он потом умер.

На дороге вдали видим шатры. Группа парней из амэлэ-тапури работает на строительстве дороги. Все молодые, юные, знакомы нам. Это ученики нашей школы – Гаратэкэян Сурен, Аветис Асчян, Айк-Шаген

Дарбинян и др. Сердце от радости забилося, затрепетало. Спешу их увидеть. Все нутро напряглось, затрепетало. Любимые, многообещающие ученики, преисполненные сладких мечтаний о студенческой жизни, блестящих планов на будущее! Вскоре они стали пленниками. Убили их пастыря, овцы разбежались... и стали добычей кровавых когтей волков...

Увидев караван, парни, оставив работу, стали внимательно рассматривать людей, расспрашивать, искать знакомых. Со слезами на глазах я подошел к ним, здороваюсь, называю их по именам. Какой-то момент все ошеломленные смотрят на меня. Кто это, ты кто такой, спрашивают. Меня трудно узнать. На мне лица нет – борода, усы бритые, истощенное, изможденное, высохшее, сморщенное лицо, сам стал скелетом, изменился. Сурен Гаратэжян по голосу узнал меня: «Ребята, это учитель Карпис!», – говорит, и бросается ко мне в объятия. Все бросаются на меня, целуют мне руки, радуются, что спасся: «О, учитель! Куда девались те назидательные уроки истории», – говорят, – в которых ты с такой надеждой и уверенностью говорил о ближайшем чудесном будущем и восстановлении Армянского Отечества. Это были сны, исчезли наши будущие планы. Мы должны испить чашу крови до дна?» Стараюсь их утешить, ободрить, укрепить. Они рассказывают о бедах, ужасных событиях, случившихся с их домами, с их караванами до прибытия в Фырынджылар. Увидев, что начиная с горы Зейнал они не оставили ни одного человека мужского рода, всех зверски изрубили, ночью они бежали в Малатию. Правительство их арестовало на 8-10 дней, очень притесняло, но потом их оформили рабочими воинами и послали на дорожные работы.

Снова обнимаемся, прощаемся. Сколько раз оборачиваюсь, чтобы увидеть их в последний раз. Движением головы посылаю знаки прощания.

ЗАХВАТ ДЕТЕЙ. – Смотрим навстречу нам идет караван. Телеги, захваченные у караванов, дошедших до Фырынджылара. В каждой по 8-10 мальчиков, невест, девушек которых везут в Малатию, в турецкий сиротский дом...

Горе, вам, армяне! – ... кричу.

Это что за беспримерное, невиданное пленение, которое обрушилось на головы армян? Кто за это в ответе? Почему так беспечно, так близоруко обошлись с судьбой народа¹³⁵.

Свернув с шоссе, мы продвигаемся по тропинке. Вокруг огороды, плодовые сады. Запряженная четырьмя лошадьми карета направляется к Фырынджылару. В карете турецкие чиновники гавэзы. Кто знает, какие ужасные планы едут осуществить. Полдень прошел, подходим к стоянке. Нам попадаются на глаза люди, раскинувшие лагерь среди деревьев. Вижу одного крестьянского юношу. По одежде догадываюсь, что он ковтунец. Это было вчера, спросил из чьих будет, но сейчас не помню что он сказал. Ответил, что мужчин не осталось. Еще немного и доходим до стоянки. На просторной площади мы также отдельно устроились на отдых.

19

ФЫРЫНДЖЫЛАР – БОЛЬШАЯ СТОЯНКА

Неприметное сельское поселение, которое, однако, стало одним из больших театральных действ тысяч трагедий, которые на кровавых страницах истории армянской депортации занимают значительное место. Она находится позади Малатии, по прямой линии час ходьбы на восток, имеет телефон, телеграф. Само сельское поселение расположено на ряде холмов и простирается на другие земли, имеет много источников, садов, плодовых деревьев. С подножья холма берет начало большая равнина, по нижней части которой текут обильные воды, после нее через протянувшуюся горную цепь проходит Харбердское шоссе.

У подножья холма на этом пространстве отдельными группами расположились стоянки караванов с разных мест, в частности, идущие из Себастии и Малой Армении. Там царит ужасная бедность, крайняя нищета. У лагеря имеется мощный источник на высоком месте, защищенный деревьями. Здесь находится базар, продают фрукты соответственно временам года, хлеб и всякую снедь.

Грязь каравана ужасная, неопишуемая, всеохватная. Огромная свалка, полная всяческих нечистот, омерзительных запахов, навоза. Поле покрыто грязными лохмотьями, тряпьем, шерстью от тюфяков, тысячами поломанных частей телег. Повсюду непогребенные трупы, их растаскивают собаки и хищные птицы. Середина месяца и солнце печет, нещадно жжет, воздух удушающий. Дующий с юга жаркий ветер иссушает. А омерзительный запах невыносим, заразен, ядовит.

¹³⁵ Что стало с взятыми в «сиротский» дом мальчиками и парнями из Амэли, об этом мы еще расскажем (Г).

ПОРУГАНИЕ СВЯТОГО МЕСРОПА. – В дьявольский план уничтожения армян входило также уничтожение армянского языка и литературы, веры и истории – сильных и мощных свидетельств существования народа и цивилизации. На поверхности поля множество разбросанных, разорванных книг, в частности, Библия и Евангелие. Турецкие и курдские дети эти китапы¹³⁶ гяуров ударяют о землю, бросают в грязь, в навоз, топчут ногами, разрывают на части. Армянская цивилизация, армянская мысль, армянский гений бесчестятся, оплевываются, очерняются.

Вспоминаю два года тому назад празднование Большого Национального праздника – 1500-летия армянской письменности и 400-летие Армянского книгопечатания¹ – прекрасные юбилейные торжества. Целых два дня Себастья с четырехтысячным студенчеством и 30-тысячным народом, огромным шествием, один конец которого начинался в Кафедральной церкви, другой был в монастыре Сурб Ншан, отмечала эти праздники. Зависть, накопленную с этого дня, излила сегодня эта варварская, лишенная письменности, безграмотная чернь. Ненавистная для них национальная культура...

ФЫРЫНДЖЫЛАР – БОЛЬШОЕ ПРИСТАНИЩЕ КАРАВАНОВ. – По плану уничтожения армян определены были места лагерей караванов на путях их передвижения, а также то, какие события должны были произойти на этих стоянках.

Три Главных Пути¹³⁷ были определены, и на этих путях стояли большие лагеря, доходя до которых, караваны должны были группироваться и

¹³⁶ Китап – книга.

¹³⁷ Эти Три Пути турецких Кровавых Злодеяний представим более точно.

Первый путь. – Самсун, Пафра, Марзван, Хаджи-Гех, Везир-Кэопрю, Латик, Амасия, Гэрэк, Зилэ, Никисар, Тохат и села, спускаясь в Ени-Хан, отсюда по прямой линии переходя реку Гами, приводили в Шар-Гышла и в Бэойюк-Кэойэн Тонуса, **ГАНКАЛ – Первый большой лагерь.** Себастья, села Верхней Долины Галиса: через Гарташлар-Улаш-Телик-Таш – **ГАНКАЛ.** Отсюда эти караваны движутся Аладжа-Хан-Еырыхи-Хан – Гасан-Челепи – Хеким-Хан – Хасан-Патрик – Гырз-Кэоз – **ФЫРЫНДЖЫЛАР – Второй большой Лагерь.** Энтирэс, Бург и другие села, Гарахисар с селами через Акн в **ФЫРЫНДЖЫЛАР.** Трапизон, Кюмюшханэ, Баберд, караван Грд Эрзерума – Кемах-Евфрат-Акн-Арабкир – **ФЫРЫНДЖЫЛАР.** Торента-Ашота **фырынджлар: Харберд-Кесрик, Мегрэ, Малатия – ФЫРЫНДЖЫЛАР.**

Второй Путь. – Зара и верхние села – Алакилисэ, Кархат, Карабогаз: Тиврик-Харберд-Матэн-Северек-Урфа – и из **ВЭРАН-ШЭХИРА** в **РАККУ.** Тиврик и села, Акн, Арабкир, почти все на этих местах и были убиты. Эрзерум, Ерзынка, Кги, Чарсанджаг, Чмшадзаг, Балу с их селами: Балу-Харберд-Арабкир-Мегрэ – Матэн. **Аргыни – из Северэка ВЭРАН-ШЭХИР, РАККА. ДЕР-ЗОР и доведенные до МОСУЛА.** Часть населения Басена, Сасуна, Вана, Муша переехала на Кавказ.

рассеиваться по знойным, бесплодным, смертоносным пустыням Месопотамии и Аравии. Все прибрежное армянство Трапизона-Самсуна-Энтирэса и сел и вся Малая Армения прошли по представленному нами пути, на котором первым **Большим Пристанищем** был **ГАНКАЛ**, после него **Вторым – ФЫРЫНДЖЫЛАР**, где идущие из этих краев караваны группируясь шли по неприступным горам Зейнала в сторону Самусата-Евфрата и отсюда в Месопотамию в большие пристанища **СУРУЧ, РЭС-ИВЛ-АЙН, РАККУ** и отсюда в последнее большое пристанище **ДЕР-ЗОР.**

КАРАВАНЫ, ДОШЕДШИЕ ДО ФЫРЫНДЖЫЛАРА, ДО НАС И ПОСЛЕ НАС. – Когда мы дошли до этой стоянки, до нас уже там были прибывшие из Себастья несколько караванов из кварталов Гайсери-Дур, Аджи-Махле, Сурб-Саргис, Кэосэ-Дерэ, Паша-Партэз, как и из Самсуна, Тохата, Амасии, Зилэ, Никисара, Гэрэка и из Долины Галиса и из Тонуса.

После нас прибыли караваны кварталов Кафедральной церкви, Дарб-ноци-Етев, Ай-Тага, Сев Хогер.

Вечером того дня, когда мы дошли до этого места, прибыл караван Ашота. Из мужчин там были лишь Пайынтриан и его юный сын, Хачатур. Все мужчины были там на месте зарублены. Этот мальчик был сначала учеником нашей школы, затем поступил в школу Санасарян. Любопытный, многообещающий, красивый юноша. В последнее время я узнал, что он дошел до Алеппо и там умер.

Третий путь. – Кюрин, Алпистан, Мараш, Айнтап – в **АЛЕППО**, большое пристанище и отсюда по двум ветвям в Дер-Зор, и в сторону Сирии – За Иорданию, Фракия, Вифиния, Памфилия, Пафлагония, Галатия, Фригия и все армянство Киликии: Измит-Эски-Шехир-Кония-Эрейли-Бозанти – начиная с Аданы до **АЛЕППО** и от этого большого пристанища маленькая часть в сторону Сирии-За-Иорданию, а самая большая часть в сторону Востока: Пап-Мэскэанэ-Амам-Сепда.-Рэс-юл-Айн – Ракка – **ДЕР-ЗОР**, последнее Большое Пристанище и общая бойня. Зейтун. Айнтап, Мараш, Килис, Антиохия и соседние земли: **АЛЕППО** и отсюда в Сирию и Дер-Зор. Население Битлиса, Муша, Сасуна почти было истреблено на местах. Армянство Вана в самом конце переселилось в Багдад-Пагупу. Часть населения Басена, Сасуна, Вана, Муша переехала на Кавказ, Гамирк-Кемерек, Каппадокия – **АЛЕППО-Сирию-Дер-Зор**, Суэтия – в Средиземноморье, в Порт-Саид. Тигракерет, Урфа, Пирэджик, Суруч – в Веран-Шэхир – Ракка- Дер-Зор-Мосул. **СУРУЧ** – Третье Большое Пристанище для приходивших из Фырынджылара и отсюда отправлявшихся в Ракку-Дер-Зор-Мосул... Немного кратко и несколько запутанно о главных трех путях армянской депортации и больших пристанищах – **ГАНКАЛЕ, ФЫРЫНДЖЫЛАРЕ, АЛЕППО, РАККЕ, ДЕР-ЗОРЕ, МОСУЛЕ.** Подробнее об этих трех-четырех путях можно говорить лишь в Истории Армянской общей депортации. Мы, как было сказано выше, упор сделали на Малой Армении.

В последующие дни прибывают караваны приморских городов – Кирасона, Орту, Чаршампа и др. и (равнинного) Гарахисара – Энтирэс. Бург, Мшакноц и др. Надо было видеть их жалкий вид – мужчин вообще не было, одни только женщины, пришли пешком, истощенные, похудевшие, с почерневшей кожей, укрывающей кости, стали копченными скелетами, как призраки из гроба, еле дышат, не могут говорить, погасли – почернели, высохли, не могут стоять на ногах, изможденные, изголодавшиеся, дунешь, упадут.

Пришли караваны из Харберда, они дошли до стоянки на третий день нашего прибытия. В нижней части долины на шоссе Харберда мы увидели караван. Со вниманием смотрим – караван делят на две части. Одну часть повели внутрь ущелья, другая часть направилась к нам – в Фырынджылар. Через несколько часов они дошли до нас. Это из деревни Кэсрикэ и других селений Харберда. То, что мы видели несколько часов назад, было отбором мужчин, которых увели и убили. Пришедшие – одни женщины. Спасся лишь один мальчик, переодетый в девичью одежду. Грудных детей также нет. Сказали, что на двух подводах привезли видных людей, интеллигенцию из Харберда. В Мюдерлике их спустили. Я этого не видел. Позже их повезли в Малатию, сначала арестовали, а затем в тюрьме задушили. Среди них было два известных доктора. Харбердцы рассказывают, что их очень неожиданно выселили из домов, двери заперли – опечатали. Не разрешили взять с собой ни запасов, ни еды, ни покрывал и ничего другого из жизненно необходимых вещей и пешими отправили в дорогу.

Тлкатинца спрашиваю, не знают ли они великого сельского писателя¹, армянского Данте, не знакомы ли с ним? Я никак не могу объяснить, кого я имею в виду.

Армян Малатии, недавно также депортировав, привезли в Фырынджылар. Мужчин ранее увезли и убили.

Жителей Тарэнтэ привезли в Ортуз близ Фырынджылара и изрубили.

5-го августа мы покинули эту стоянку. После нас сюда привели 3-ий караван Эрзерума.

ЗАХВАТ ТЕЛЕГ. – В главе о Депортации Себастии мы уже увидели, что власти первым караванам не дали возможности купить телеги, выючных животных. Правительство само предоставило каждому дому по

одной телеге. Хозяевами телег были турецкие крестьяне, которые с Кырх-Кэоза и Малатии вернулись домой. Последние наши караваны и крестьяне имели свои телеги, выючных животных, осла. Караваны из многих мест пришли пешими до Фырынджылара. Жители Самсуна, Амасии приехали на нанятых подводах с лошадьми.

Здесь власти, под названием **Тэкэллиф-Гарпии**, захватывают принадлежащие людям телеги. И в день, когда мы прибыли сюда, пришли мюдир и комиссар и забрали наши телеги и быков. Телеги оставили, только быков отвели к правительственному зданию. На следующий день бедные быки, предоставленные сами себе, бродили по полям и голодные грызли корни. Но отныне они не наши – ни телеги, ни быки. Телеги остались в поле, мы из них делаем беседки, чтобы хотя бы днем укрыться от солнечных лучей.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ СЭВГЭТ¹³⁸. – Прибывающие караваны на просторной стоянке располагаются отдельными группами. Вообще один-два дня дают на отдых. Последовательно каждое утро один караван выводят в путь. Как уже было сказано, власти отняли у беженцев средства передвижения. Мы вынуждены идти пешком, помимо всего прочего, по предстоящей дороге не смогут передвигаться ни подводы, ни телеги. Курды каждое утро с выючными животными приходят на стоянку и выкрикивают: «Кри! Кри! Кри!», т.е. предлагают выючных животных. У кого есть кое-какие деньги, нанимают – самсунцы, амасийцы, себастийцы. А тохатские ситочники, наши себастийские крестьяне и горожане пускаются в путь пешими, взяв с собой лишь еду. Постель, одеяло все оставляют больным, старикам, людям, не могущим идти. Оставляют также 3-4-летних и грудных детей.

Караван поднялся в дорогу. Смотрим 8-10-15 детей брошены, покинуты. Толпа еще не полностью двинулась в путь. Дети растеряны, озабоченно смотрят по сторонам, ищут матерей. Матери многих повернули их лица к стенке и ушли. Когда толпа отдалась, с четырех сторон образовалась пустота, дети стали расталкивать друг друга, подняли плач, душераздирающий вопль. Вопят за бессердечными матерями и зовут: Апа! Апа! Аппа!!!... Крики отдаются вокруг эхом. Матери, чтобы не слышать эти душераздирающие крики, схватившись за головы, заткнув уши, закрыв

¹³⁸ СЭВГЭТ – высылка, ссылка.

лица, убегают – бегство Каина. Мать отсеклась от своего ребенка!...¹³⁹ Детские крики, один сильнее другого, заглушающие, горестные. Бедные дети пытаются подняться на ноги, на одно мгновение встают, дрожащими ногами бегут, но не могут догнать матерей, падают и бьются о землю, валяются в прахе и душераздирающе кричат: Апа! Апа! Аппа!!!...

Убежали, издали одной черной линией на горизонте вырисовываются их силуэты... Брошенные дети продолжают плакать, дети, как взрослые плакальщицы, от этого плача даже камни должны были разрыдаться. Постепенно их голоса становятся хриплыми, слабыми, им трудно дышать, они задыхаются. Рыдают, часами всхлипывают, языки и рты у них высохли, они мучаются от жажды. Никто на них не смотрит, нет человека, который бы подошел к ним, они теряют рассудок, теряют сознание, падают лицом на землю, бьются под палящим солнцем. И вдруг, движимые какой-то тревогой, встают, смотрят с ужасом вокруг, с четырех сторон – пустота. Чужие им лица, безразличные, бесчувственные, незнакомые... никто к ним не подходит, нет никого, кто бы подал им кружку воды, немного бы напоил, смочил бы их высохшие языки. Языки высохли, неба закрыты, рот остался открытым. Наступает ночь. Они остаются в поле одни, брошенные. Надломленным голосом они всю ночь стонут, бьются, время от времени вздыхают. Если и находятся сострадающие, самое большее они берут их наверх к источнику под сень деревьев, где есть специальное место для оставленных детей, которое мы позже посетим.

КУРДЫ. – Увиденные нами курды до Малатии принадлежат к курдам племени Агджа-Тага. Их одежда вообще синего или морского-зеленоватого цвета. Шаравары из асуи, сверху жилет-саго, на спину они повязывают шерстяной пояс. На голове фес, обрамленный шелковой черной кисточкой, на ногах мучак – обувь. Крупные лица с курдским типом, с обильной растительностью на лице. Молодые с зипуном-ентарис (плащом, кафтанником), до половины спины – салта-куртка, с боку – револьвер, кинжал или сабля.

Начиная с Фырынджылара и дальше аширеты¹⁴⁰ курдов Широнца, Зравикян, Хозатца Пезика доходят до Кеахта-Самусат-Евфрат. Здесь их гип, как и наряд отличается от первых – высокие, костлявые, с широким лицом, с правильными чертами, но с диким выражением, с большими остервенелыми глазами. У них до колен короткий зипун-кафтан, на ногах обувь гевеврэ-евэмэни, за широкие пояса заткнуто несколько старого образца пистолетов, с одного бока – острые кинжалы, с другого – револьвер, курдская кривая сабля, с украшенным инкрустированным золотом стволом и рукояткой, а на спине – винтовка чечханэ с длинным дулом. На голове курдский разноцветный головной убор или войлочная шапка, на синем дне которого рисунки с красными яблочками, именуемая эльмой, повязка-пурма несколько раз обернута вокруг головы. Наши женщины со свойственной их характеру быстротой тут же окрестили их звероподобными швотами-оборотнями, персонажами сказок о темных мирах – огромными демонами, чудищами.

Именно они каждое утро приходят в караваны и кричат: «Кри! Кри! Кри!». Покорно идущие на их зов караваны, становятся добычей, оказавшейся в пасти волка.

КАКИЕ-ТО СЛУХИ О ПОМИЛОВАНИИ. – О караванах, выходивших до нас в дорогу до пристанища Фырынджылар, доходят ужасные слухи. Бежавшие в Фырынджылар из бойни Ганлы-Дерэ на горе Зейнал себастьянские ребята-очевидцы рассказали, что всех людей мужского пола беспощадно уничтожали, караваны грабили, людей раздевали. Молодых женщин, девушек забрали в плен. Был конец Рамазана, когда мы дошли до Фырынджылара. До Байрама¹ оставалось 8-10 дней. Пошли слухи, что во время Байрама ожидается прощение – мужчин не будут убивать. Поэтому все стремились 8-10 дней оставаться в Фырынджыларе, не пройти через сэвгэт. Многим домам удалось подкупить мюдир и комиссара и остаться, как Хаджи Симону Кэпаджяну, Хаджи Мануку Габикяну, Гырз-Эйэр Оскяну и многим другим. Мы не сумели дать подкуп или даже подайти к берущим. Нужно было проявить хитрость. Новоприбывшим караванам был дан один-двухдневный отдых. Мы стали приближаться, постепенно с нашего места переселялись к новоприбывшим. Так нам удалось остаться до четвертого дня Байрама, когда произвели последний сэвгэт.

¹³⁹ Записывая слова из Себастьянского наречия, когда под моим пером оказывались потрясающие душу выражения, я задавался вопросом, какие национальные бедствия и события могли породить их. И вот по прошествии многих лет я стал несчастным свидетелем, очевидцем тысяч таких событий, которые оправдали порождения этих самых выражений (Г).

¹⁴⁰ Аширет (aşîret) – аширет, кочевое племя, род.

У меня появилась возможность выйти в народ, встретиться с нашими горожанами. Нашел наших сослуживцев – Гарегина Эгнатьяна, Арменака Чугасяна, Мкртича Чатырджяна, который первоначально был нашим учеником, а затем стал учителем в Амасин, встретил учительниц Национальной школы, воспитательниц детских садов, в частности, госпожу Манию Тер-Месропян, священника Тер Татула Мазманияна, из армянских католиков вардапета отца Григора Пехливанияна – все они перенесли те же удары судьбы, что и мы. Священники Тер Теофил Одабашян и Тер Егишэ Пейлерян ранее подверглись сэквэту и были замучены в Ганлы-Дерэ. Отметим, что из первых караванов города до каравана квартала Паша-Партез здесь мы ни одного человека не увидели, все они отсюда прошли раньше. Были случайно оставшиеся. Здесь я нашел из наших родственников моего двоюродного брата Погоса и взял его к себе. Встретился с его сестрой. Они рассказали о своих несчастиях. Сестра с семьей отправилась, он остался здесь.

СЛОВА ПРОЩЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО АРМЯНСКИХ КАТОЛИКОВ. – Шли определенные разговоры о том, что благодаря внешнему содействию Армянские католики получили прощение. Они должны вернуться на свои места, или остаться там, где находятся сейчас. В эти дни мутасарриф Малатии посетил Фырынджылар. Отец вардапет Григор обратился к нему, желая узнать, насколько слова о помиловании соответствуют действительности. Мутасарриф холодно ответил ему: «Это вас не касается. Пока продолжайте ваш путь гибели. Если что-нибудь такое произойдет, вас известим, где бы вы ни были».

СТОЯНКА БАЗАР. – Стоянка сверху донизу превращена в базар. Из Малатии и со всех мест толпами идут турки, курды делать покупки. Лишенный средств передвижения и учитывая то обстоятельство, что с самого начала все время открыто курды нас грабили, народ все вынес на продажу – постели, подушки, в хурджилах осла сохранившиеся дорогие ткани – шелк, шерстяные изделия, хлопковые ткани, приданое невест, подвенечное платье, жениховские подарки, коврики, ковры, персидские шали, золото – золотые изделия, украшения, постели, одеяла, посуда – все вынесено на продажу по невиданно дешевым ценам. Товар, стоивший 300-400 курушей продавали за 5-10-20 курушей. Золотые украшения за четверть цены. Золото за 3-4 меджита. Покупавшие, зная, что платят незначительную часть стоимости товара, с турецкой совестью покупали:

говорили на здоровье покупаем. И пока продающий не говорил на здоровье, они не давали денег. Голос одного отдается звоном в моих ушах. «Украшения! У кого золотые украшения!». Знакомый голос. Смотрю из наших учеников Акоп Аристакесян. Зову, бежит, идет ко мне. «Что это»? – спрашиваю. «Один турок меня усыновил, и как собственного сына любит. Пришел за его счет делать покупки», – говорит. Спрашиваю о старшем брате Сенекериме, который учился в старших классах нашей школы, затем в школе Санасарян был на бесплатном обучении. В Гасан-Челепи взяли его и убили, говорит.

СОБИРАЮТ ЮНОШЕЙ, ЖЕНЩИНЫ БЕГУТ В МАЛАТИЮ. – Мюдир и комиссар Фырынджылар обходят стоянку. Собирают детей сирот выше 8-ми лет. Матерей также без насилия убеждают сдать своих детей. Многие из народа, напуганные ужасами Зейнала, своими руками передают детей, так как впереди смерть. Вместо того, чтобы видеть как на их глазах убивают их детей, они думают хоть здесь сиротский дом есть, если родители умрут, может быть дети останутся живы. Если его даже сделают мусульманином, когда-нибудь, когда будет Армянство, его освободят и он вернется в лоно своего народа. А многие юноши добровольно сдаются. Этих собранных, погрузив на захваченные телеги, перевозят в Малатию, как мы увидели на дороге. Так, примерно 1500 мальчиков привезли в сиротский дом в Малатию. Если не ошибаюсь, этот сиротский дом немного опекали немцы. Малатия была полем деятельности немецких миссионеров. Еще до этого у них там имелись школа, сиротский дом, школа для слепых. В детдоме в первое время был довольно хороший уход, но впоследствии положение ухудшилось, питание сократили, дневную порцию хлеба уменьшили с одного хлеба до половины, нищета усиливалась, стали распространяться болезни, большая часть детей умирала.

Помимо этого официального сбора детей, турецкий и курдский народы добровольно или под диктовку правительства – тем более, что отуречивание ребенка гяура в джаннете¹⁴¹ им открывало место – усыновляют тысячи детей или используют их как слуг в пастушечьем или земледельческом делах.

Помимо этих собранных детей около трехсот мальчиков, молодежи, бежавших в Малатию, остались на улицах. Власти сначала их арестовали,

¹⁴¹ Джаннет (cennet) – рай.

но потом составив из них отряды амэлэ-тапури, использовали на строительстве дорог. Прибыв сюда, я встретился с ними. Часть их становилась кучерами, часть – возничими телег, используемых для перевозки военных грузов. Также им поручали перевозить в Малатию оставленные караванами в Кырх-Кэозэ и Фырынджыларе холмы грузов.

Пришедшие на стоянку турки, курды, помимо покупок, пришли соблазнять женщин. Они тайно убеждали молоденьких женщин, говорили им, уже ваших мужей убили, после этого и вас уничтожат, жалко вас. Идите к нам и живите спокойной жизнью, спасите ваши души. Многие женщины соблазнялись и бежали в Малатию.

УНИЧТОЖЕНИЕ АРМЯНСКИХ ДЕТЕЙ, ЮНОШЕЙ. – Еще рано об этом говорить, я отхожу от последовательного изложения материалов нашего дела. Совсем недавно мы должны были обратиться к подробному общему подсчету плененных армянских детей. Я немного поспешил с этим. Обещаю в своем месте вновь обратиться к этому вопросу.

Порождением дьявольской турецкой мысли была политика полного уничтожения армянства. Может быть когда-нибудь колесо счастья повернется лицом к армянам? И тогда нашедшие приют в турецких сиротских домах, а также усыновленные мусульманами армянские дети будут взяты и спасены, и ими возродится новое Армянство? В 1916 году из Министерства внутренних дел как везде, так и в Малатии был получен строгий приказ собрать детей из сиротских домов, а также находящихся у мусульман и, соблюдая самую строгую тайну, увезти в незнакомые места и предать смерти. По этому приказу дети из сиротского дома Малатии, как и находящиеся у турок, под угрозой смерти, были собраны и убиты.

Чтобы быть справедливым, надо сказать, что турки и курды усыновленных ими детей не трогали, охраняли. И несмотря на строгие угрозы правительства, очень мало людей сдали взятых детей.

По выходе приказа об уничтожении амэлэ-тапуринов, отряд, составленный из приютившихся в Малатии трехсот парней, сразу был арестован. Через три недели содержания их в темных и сырых подвалах под предлогом отправки в Себастию в качестве кучеров, вывели на дорогу, а за ними послали 15 четов. На границе Сваза-Малатии у разрушенного моста каждого изрубили и бросили в ущелье. Только 17 парней спаслись от этой резни, один из них ученик нашей школы – по имени Заре Габикян.

ПЕЧАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ФИЗИЧЕСКИХ И ДУШЕВНЫХ СТРАДАНИЙ АРМЯНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ. – В условиях депортации и на дорогах скитания львинная доля страданий легла на плечи армянской женщины, армянской матери. Есть армянская поговорка: «Один отец не смог вырастить одного сироту, одна мать вскормила-вырастила семерых сирот». И на самом деле, в обычных условиях, если умирал отец семейства, убитая горем мать как наседка, забирала своих детей под свои крылышки, кормила-поила, красиво одевала, не оставляла их обделенными, давала учиться ремеслу и делала их людьми, восстанавливала семейный очаг и сама жила с ними. Сейчас обстоятельства совершенно иные: отец семейства неожиданно вырван из семьи, исчез, началась депортация – лишиться очага-жилья, имущества и достояния, элементарных удобств, и пуститься в бескрайнюю бесконечную дорогу... Армянская мать, особенно себастьская мать, оставшаяся главой четырех, пяти, семилетних детей, отправляется в путь. У нее нет или недостаточно средств передвижения, еды-продуктов и имеющиеся материальные средства по дороге разграблены и кончились. Эта дорога длится не несколько дней или недель, и она идет не в какое-то определенное место, чтобы как-то устроиться и дать жизнь другим. И это не спокойное, безопасное путешествие. Каждую минуту страх, ужас, неизбежные опасности и она – Армянская женщина, Армянская мать – всегда объект соблазна, слабая и готовая добыча похищения, пленения...

Законы справедливости, установившие самые жестокие наказания за совершенные преступниками самые ужасные преступления в мире, становятся ничтожными, мягкими, исчезают перед той жизнью, которой так беспощадно была предана армянская женщина. Длительные страдания изменили ее физическое состояние, плохое питание, голод, ее истощение, выжали из нее все соки. Это слабое существо стало походить на необработанный кусок ткани. Ее красота померкла, горделивые линии завяли и почернели. В дороге беременные женщины не могли перенести эти страдания и у них бывали выкидыши, они утопали в крови и водах. И выжатые, ослабевшие падали на дорогах. У роженицы не было молока, источники ее полностью высохли. Первое условие здоровья женщины – «месячные» прекратились, утробы закупорились. Я тайно подслушал их разговоры, слышал их жалобы, многие из них страдали истерией, многие в умопомешательстве, в бешенстве рвали на себе волосы, разражаясь про-

клятиями. Когда мы дошли до Фырынджылара в народе была распространена дизентерия, естественный союзник нищеты начала свое разрушительное дело, она разгрызала внутренности, все выжаты, превратились в скелеты. С тех пор как они покинули город ни одного дня не раздевались, мирно голову не склоняли на подушку и не спали в постели. На них страшно подействовала также бессоница. Грязь на палатке покрылась слоем, скользит, вошь кишит, гниды рядами. Самое красивое украшение женщины волосы, косы отныне стали излишеством и одновременно их врагами. Они орудуют ножницами, срезают волосы, даже брови. Стали похожи на африканских обезьян, потеряли всякий вид.

Это физическое разложение армянской женщины оказало свои воздействия также на ее душевное состояние. Душевные ее качества также разрушились, претерпели изменения, исказились. Нравственная сила исчезла, отчаяние, безнадежность как червь разъедают ее душу. Какой железный человек мог бы устоять, не пасть, не сломиться перед такими дьявольскими испытаниями. Постоянный ужас уничтожил материнское чувство, родительскую любовь, сострадание, любовь и нежность. К рожденному ею ребенку она стала бесчувственна, безучастна, к его молящему взгляду – жестоко каменна. Я видел мать, которая головки спичек размягчила, смочила молоком и влила в рот своему ребенку. Я видел на берегу Евфрата мать, которая привела своего ребенка к берегу, сняла с него единственную рубашку, бросила ребенка в воду, руками опустила его голову в воду и держала до тех пор, пока он не захлебнулся. И только после этого отдала его волнам. Читатель уже видел положение брошенных детей на стоянке.

Но не будем спешить. Армянская женщина еще находится на первых стадиях бродяжнической тяжелой жизни. Не будем давать окончательной оценки ее духовным и нравственным слабостям. Это было бы несправедливо и значило согрешить перед ней. Армянскую мать, армянскую женщину рано еще представлять как с ее падениями, слабостями, так и с ее безукоризненной нравственностью. И только в самом конце мы должны вновь обратиться к ней, когда она вышла из горнила бедствий, как испытанное золото, очищенное, выкристаллизованное в лучах рассвета Свободы.

ДОЛЯ СТРАДАНИЙ АРМЯНСКИХ ДЕТЕЙ в плену была самой горькой, самой страшной и самой трагической. Едва приветствовав пре-

красную весну жизни, они вместо роз сорвали шипы, выпили горчайший осадок чаши. Из варварства самое дикое обрушилось на армянских детей. Сотнями они заживо были похоронены, тысячи были во рвах облиты нефтью и заживо сожжены, десятки тысяч умерли в когтях голода, погибли во всех пустынях мира, на камнях больших городов. Лишь в одном Дер-Зоре¹ во время резни 4 000 детей было брошено в Евфрат. Палачи один другого беспощаднее вырывали из рук матерей младенцев и ударяя о камни убивали. Хватая за ноги делили тела детей на две части, одним ударом отрубали головы, разрезая матери утробу, еще не видевшего света младенца вдевали на конец меча и развлекаясь говорили: «Яичко гяура также разбили, топчите ногами, чтобы оттуда не выскочил петух, мужской род».

Но еще до этих ужасов, когда караваны дошли до Фырынджылара, уже почти не оставалось детей ниже трех, четырех лет, а также грудных детей. Едва десять из ста. Страдания дороги уже положили конец их детским жизням, они как осенние листья опали, высохли.

20

БАХЧИ

ЧОДЖУХЛАР БАХЧАСЫ. – МУРАТ-ПАША БАХЧАСЫ. – БАХЧА СУРУЧА. – БАХЧА ИНКИЛИЗА. – и пр., и пр. Дорогой читатель, турок, этот наш 600-летний добрый сосед, не такой уж и варвар, как тебе представляется, и не такой безумный, дикий, жестокий, разъяренный зверь, тигр, грязный шакал, как о нем говорят. И не в коем случае, как представляют его... недобросовестные люди, не является непримиримым врагом Человечества, Цивилизации. Кто мог такое сказать? Такой мирный – acharne, ожесточенный враг. У сказавшего такое пусть искривится рот как у нашего блаженного... Ерых-звонаря. Кто осмелится бросить турку в лицо такой упрек, который блее вымени, обмазать его сажей, пригвоздить его к столбу позора, как, рассказывают, об одном из наших дедов, по имени Арам, поступил со служанкой по имени Мари. Турок Завалл водой сшил рубашку. О каком ноже, приставленном к шее упавшего быка, может идти речь... Нет, дорогой читатель, нет. Тебе, нам, всем нашим понятно, что неправильна мысль, высказанная о турках эзоповским

языком – Бывает ли сладкий лук? Т.е. хотели этим сказать, что если бывает сладкий вид лука, то бывают и хорошие турки. – И немного, идя вперед, добавляли: «Те, кто говорят, что бывают хорошие турки, сорок лет должны искупаться». Это говорили наши блаженные предки. Что за невиданное предубеждение? Что за застаревшее представление в самом деле... Нет!!! Турок, также видевший мир, человек **ХАНЕТАНА**¹⁴². Неужто рыцарский дух турка обман? Свидетель – Директор колледжа Роперт. Но зачем идти далеко. – Я грешный – свидетель, очевидец этого. Если я не буду говорить, в день суда останусь должником.

Армянские беженцы, чтобы быть спокойными на своих пройденных дорогах, ничего не жалели. Тот турок, не только рассыпал всякие материальные благодеяния, но и движимый жаждой познания ревностной души, для детей армянских беженцев открыл **Чоджухлар-Бахчи** – Детские сады. Но они не похожи на знакомые тебе детские сады – в четырех стенах закрытые застенки, как в свое время так называли их по доброй привычке наши газетчики. Эти Чоджухлар-Бахчеси по идее швейцарцев должны были быть школами на **ОТКРЫТОМ ВОЗДУХЕ** – enpleinair, детские сады, но с безупречной Монгольской воспитательной образовательной программой, кователями и большими мастерами которых были Атиллы, Тогрулы, Алпарсланы, Чингиз-ханы, доведенной до совершенства миро... создателем Тамерланом, великим педагогом глубинной Азии, перед именем которого имя Песталоцци¹ – горькая ирония. Свидетель История, свидетель Сев-Хогер (Черные земли) на высотах Себастии, типичные Чоджухлар-Бахчеси, огромный памятник его основателю Тамерлану.

На нашей дороге первый Чоджухлар-Бахчеси мы встретили в Фырынджыларе, который немного позже должны были посетить. Ниже него, на берегах Евфрата увидели другое ведомство Мурат-Паша-Бахчеси, нечто похожее на усадьбу или сад. Армянские женщины спускаются к Евфрату на гимнастику, купание, на волнах они, как потерявшие рассудок, начинают танец, вальсируют и затем, схватившись за руки составляют «Флот армянских крейсеров» (т). А рыболовство? Доведено до совершенства, рыб откармливают человеческим мясом и кровью. **Бахча-Суруча** типичная больница – лечебница-санаторий, где больные тут же

находят необходимое лечение, излечиваются. Здесь имеется клиника, турецкая научная мысль успешно развивается в разведении микробов и особенно... вшей. Надевшие фартуки учеников Пастера и Коха пусть приедут и несколько лет поучаться в таком «заведении» Востока, потом хвастаются именем науки. А хирургия, анатомия? – спрашиваешь. По специальной восточной системе приученные собаки, которые весьма успешно справляются со своим делом с помощью собачьих зубов. Здесь имеется и морг с большим количеством трупов и исследование трупов – отопсия. Трупы расположены на особом этаже. Патологи-анатомы с особым вниманием изучают пищевод, кишки, брюшину, все тщательно рассматривают... как в Эльдорадо. Откуда мне еще знать, какие озарения турецкой мысли, какие чудеса человек может сделать?¹ От удивления можно остаться с открытым ртом.

ПОСЕЩЕНИЕ ЧОДЖУХЛАР-БАХЧЕСИ. – Любимый читатель, вижу, что у тебя слюнки потекли, я тебя заинтриговал. Наверно ты и немного засомневался, не верится, говоришь, ты наверно шутишь или издеваешься? Издеваюсь? Дай руку, пойдем навестим детский сад брошенных детей. Но прошу немного уважить этикет Востока. В этом наряде нельзя, это что такое? Ты похож на чучело. В эту сторону не иди, особенно сейчас, это тебе очень дорого будет стоить, до цены... твоего зеленого солнышка... Возьми эти широкие штаны из хлопка, надень и натяни до груди, на спину накинь веревку-пояс, на себя достаточно надеть грязную, порванную рубашку, вымазанный в дегте фес спусти до ушей. К этому наряду эта обувь не подходит. Сними ее, ибо... святое место, куда ты войдешь, кажется тебя зовут Мовсес, – так как это имя пришло мне на ум из Священного Писания. – Э, Мовсес ахпар. Вот уже ты выглядишь подходяще, можно двинуться к этому возвышенному месту стоянки. Прорежем эту разношерстную толпу беженцев, группы курдов, турок, они пусть займутся своими бедами или покупками. Над мощным источником, под сенью деревьев находятся 90-100 брошенных детей обоих полов с 6-ти месяцев до 3-х-4-х лет, число которых со дня на день прибавляется. Здесь картина стоянки в отличие от других частей каравана более потрясающая и возмутительная. Нищета, бедность сводят с ума, переворачивают внутренности, ибо здесь объектами являются дети из теплых домов, окруженные заботой и родительской лаской, малютки, брошенные, беспомощные, оставшиеся беззащитными маленькие существа. Как будто

¹⁴² Ханетан – царская семья, род. (тур-арм сл., с.383).

и они понимают это свое состояние и уже примирились с ним, не ищут ни мать, ни своих, и обиженные на мир совершенно не обращают внимания на окружающую толпу. У них исчезла детская радость, лица печальные, но тем не менее в своих выражениях более дерзки, более презрительны и смелы. Время от времени они глубоко вздыхают – молчат и это действенный **ПРОТЕСТ** против озверевшего человечества, **ПРОТЕСТ** против Неизвестного. Есть дети еще не потерявшие своей свежести, краснощекие, живые, с характерными для породистых армянских детей красивыми лицами, с аппетитными щечками, густыми волосами. Но в целом все они бледные, худые, слабые, истощенные, превратившиеся в скелеты, мешок костей, опавшие как желтые осенние листья, поблекшие и высохшие в этом цветущем возрасте. Едва ли кто-нибудь обратит на них внимание. Идущие за водой к источнику женщины-служанки подносят детям немного воды со словами «ослепить бы вашим матерям, бросившим вас». Дети с жадностью утоляют жажду. В руках одного огурец, как кролик грызет, в руках другого – кусок хлеба, на коленях другого – тута или изюм. Но многие уже обессилены. Лишенные сил лежат на земле и жалобно стонут, другие в агонии, столько уже умерло и их трупы остались посередине. И этот хороший мальчик отстранился в углу и что-то делает – челюстями отрывает от доски щепки и строит домик или скворешню. О, бедный мальчик! Враг разрушил дом твоего деда, разорил отцовский очаг, погасил его, развеял в прах, и ты стал восстанавливать это разрушенное, о маленький архитектор! Продолжай, продолжай строить, армянский строитель! Этот созидательный дух народа проявился в тебе даже в таком море несчастья. Созидательная душа должна жить тобой, Армянский мальчик. Наступит день, когда живительное дыхание Свободы пронесется над этой разрухой и тобой воспрянет над этим прахом разрушения и, как оживший феникс, восстановит Армянский дом, армянскую родину и возродит его в Эдемовом раю.

Любимый читатель! Мне кажется, что ты составил неправильное превратное мнение о Чоджухлар-Бахчеси нашей стоянки. Даже из нашей материальной нищеты турок ищет поводы, чтобы нечестиво оскорбить наше Национальное достоинство. Поиздеваться над нашими религиозно-нравственными чувствами. На путях депортации он называет эти дьявольские смертные камеры **Бахчэ**, столь сладозвучным словом, проводя параллель с нашими религиозными, благотворительными, образователь-

ными прекрасными заведениями и осмеивает наши Национальное развитие, прогресс, цивилизацию. Читатель, хотел бы ты поучаствовать также на годовичных торжествах Чоджухлар-бахчеси, какие в свое время устроил Тамерлан на землях Себастии, которые после этого сатли называться Черными. Минутку.

МЮФЭТТИШ КЭЛИОР – ПРИБЫТИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ. ЗАХОРОНЕНИЕ ЖИВЬЕМ БРОШЕННЫХ ДЕТЕЙ. – Были последние дни Рамазана. Вдруг в стоянке началась смятение, прибыл мюфэттиш – следователь... Началась какая-то суэта, жандармы в лихорадочной деятельности. В караване собрали попавшихся на глаза мужчин, парней, приказали порезать ветви деревьев, сделали из них веники и дали подмести проходы стоянки, дороги, собрали в кучу сор, почистили. Другой группе, дав в руки ти-петат (лопаты), приказали вырыть большую яму, в это же время другая группа людей собирала трупы, связав ноги веревками, тащила и бросала в яму, вырытую еле живыми людьми. В конце жандармы приказали привести и бросить в тот же ров покинутых детей из незадолго до этого посещенного нами Чоджухлар-Бахчеси. Выдержало бы мое сердце, если я был бы свидетелем этого. Присутствовавшие там мой племянник Погос и другие пришли и рассказали: бедные мальчишки, чувствуя, что их хотят похоронить живыми, в страхе и ужасе поднимали такой крик и вопль, что казалось сотряслись небеса и земля. За две минуты со всех сторон лопатами засыпали землю и заживо похоронили детей в яме.

Прибывший Мюфэттиш, малатиец Комиссар Исмаил бей, следователь доходящих до Фырынджылара караванов, возглавлявший перемещениями караванов и сопровождавший их, имел, говорят, должность охранника и организатора избиений на бойне Ганлы-Дерэ в горах Зейнала.

МЕЛКИЕ ЗАБЫТЫЕ СОБЫТИЯ. – Залахяна Маркоса по ремеслу мельника под защиту взял хозяин мельниц турок. И с семьей перебрался на мельницу. Это стало причиной того, что некоторые мужчины пошли к нему и там укрылись. В числе них были и купец из Себастии Месроп Габикян и Григор Агчэссизян. Но сколько смогли они там остаться и что стало с ними, нам не известно.

В числе убитых в Гасан-Челепи мы забыли упомянуть Овсеп Зрикяна, очень достойного молодого человека. Выпускник Национальной школы,

окончив Императорское сельскохозяйственное училище в Полесе, был вынужден поступить в офицерское училище. В годы войны был послан в Эрзерум. Для перемены климата по приказу прибыл в Себастию. Не считаясь с его званием и положением, его депортировали. Он был искренним, честным, чистым дашнаком. Довольно хорошо писал. У него есть опубликованная тетрадь стихотворений под псевдонимом «Зрехик». Другой важной потерей было убийство в Гасан-Челепи аптекаря Национальной больницы Григора Тагмазяна.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОТЗЫВА МИСС ГРЭФЫМ. – Когда караваны Бэзирчун-Арти и Армянских Протестантов дошли до Фырынджылара, местный чиновник Комиссар вызвал к себе баронессу мисс Мэйри Грэфым и сообщил ей, что отсюда и далее народ будет передан курдам. Таков приказ, если ты с ними пойдешь, ты тоже будешь убита. Мы не хотели бы быть за это ответственными перед Американским правительством. Мисс Грэфым послала телеграмму, в Себастию Муаммэру и американскому проконсулу доктору Кларку. Этот последний обратился к Муаммэру, и тот ответил, что моя власть простирается до Малатии, а за случившееся за этими пределами я не несу ответственности. Доктор Кларк, сообщив об этом мисс Грэфым, посоветовал не противиться приказу правительства, и она вынуждена была вернуться в Себастию, вручив свою паству Божьей защите. С собой она взяла в качестве кухарки Брабион, мать профессора Рагупяна, и из учеников колледжа в качестве кучера Еновка Гзиряна. Потом этого парня у нее отняли.

ПОЛОЖЕНИЕ НАШИХ РОДНЫХ. – О, дорогой читатель, мы много говорили об окружавших нас людях, забыли о наших. Расскажем, что стало с несчастными. Семья моя в дороге заболела. С прибытием в Фырынджылар состояние их ухудшилось. Неумолимая дизентерия грызет внутренности. Я тоже плох, уже несколько дней у меня высокая температура, теряю сознание, ослабел, на мне лица нет. Меня беспокоит и состояние моей жены. Для меня будет большим ударом, если она умрет. Ищу лекарство. Но откуда можно достать? И потом я покупал, но вместе с вещами по дороге отняли и это. С утра я занят поисками лекарств. Свояченица также с пятью малышами страдает от болезни. Здесь мы встретились с прибывшей из Амасии старшей свояченицей с ее 12-летним сыном Григором. Я беру ее к себе, чтобы хотя бы она присматривала за

нами. Приходит женщина, которая представляется как родственница Хазара-ахпара, хочет взять на себя опеку над тремя его сыновьями. При нескольких людях я даю ей из нашего запаса долю, около пятисот гурушей денег и другие вещи. Наша телега была захвачена. Есть необходимость во выючном животном. За пять меджитов нанимаю осла, выносливый, крепкий. Уже наши товары очень поредели, много чего продали. Рамазан прошел. Третий день Байрама. Дали приказ находящимся в Фырынджыларе беженцам на следующее утро, 5-го августа быть готовыми двинуться дальше в путь. Не оправдались слова, сказанные об амнистии в связи с Байрамом, и мы снова вступаем на **ДОРОГУ КРОВИ**. Здесь я должен мой рассказ о нашем исходе отложить и в скобках дать историю депортации Малатии, поведенную нам Рачья Габикяном.

21 МАЛАТИЯ

Важный город на линии Себастья-Харберд, раскинут на многоводной, плодородной и очень плодородной равнине, является Ширакскими амбарами, большими закромами этой страны. Малатия – это историческая древняя Мелитена, после раздела Малой Армении стала столицей 3-ей Армении. Много раньше была одним из центров Хеттского государства¹. Население 40 000 – турки, армяне, курды. Количество армян 15 000. Будучи окруженными варварскими племенами, армяне издревле сознавали необходимость самообороны и поэтому в использовании оружия они были столь же искусны и ловки, как и их противники. Во время резни 95-96 гг. из-за внезапности в первую очередь много жертв дало армянство Малатии в лице своей знати, но тем не менее простой народ сразу вооружился и занял сильную позицию в самообороне, в центре имея церковь. Армяне оказали очень сильное сопротивление с четырех сторон наступавшим на них турецким и курдским ордам и нанесли им большие потери. В период Турецкой Конституции здесь была хорошая организация Гнчаков, которая окрепла благодаря систематическим посещениям наших себастийских деятелей, товарищей С.Вахагна /Григор Налбандян/ и Миграна Чугасяна. Малатийское армянство и в области образования достигло большого рас-

цвета. Особенно под влиянием Харбердского колледжа «Евфрат», который дал много выпускников. Из людей умственного труда на литературном поприще выделялись Кэшишяны – доктор и фармацевт. Период Предводительства архимандрита Тер Георга Асланияна для Малатии был самым продуктивным. Мудрый Предводитель сколь любим был армянским народом, столь же почитался и пользовался уважением у курдских племен. Теперешние палачи тысяч армян – Зейнал, Хаджи Пэкир, Хайдар беи перед ним становились кроткими. Архимандрит Тер Георг совершал ознакомительные поездки в свою епархию, писал этнографические, географические, археологические, исторические сочинения и публиковал в «Византионе». В епархии Малатия мало армянонаселенных сел – Ансур, Хеким-Хан, Адьяман, древний город – Эски-Шехир, то бишь Мелитене. Имеет население 3000 человек – курдов и турок.

ДЕПОРТАЦИЯ МАЛАТИИ. – Среди пришедших из Фырынджылара и нашедших убежище в Малатии находился Рачья Габикян. Как уже было сказано ранее, правительство сперва их арестовало, а затем составив из них отряд амэлэ-тапури послало на дорожные работы. Рачье с одним товарищем, Степаном Авагяном, удалось избежать этого. Они нашли какого-то армянского ювелира, который пристроил их в доме одного армянина. Там они пробыли 12 дней. В это время в Малатии еще не была начата депортация. Но как в других местах, здесь также собрали видных и молодых людей, 500 человек арестовали и по ночам группами вели в селение Ортуз, на место **Гуйю** к очень глубокой и большой пропасти, именуемой **Гарлыхы**, и там убивали. Палачей выбрали из малатийских турок. Помимо этого у правительственного здания собрали богатых купцов и интеллигенцию и там изрубили¹⁴³. С наступлением ночи начались лихорадочные обыски в домах армян, искали мужчин, молодых парней, юношей, арестовывали и группами вели в село Ортуз и убивая бросали в **Гуйю**. Избиение совершалось следующим образом: довольно далеко от Гуйю жертв оголяли. На вершине Гуйю стояли шесть палачей, по два друг против друга с готовыми секирами. Жертвы по очереди передавались сначала первой паре палачей. Эти наносили удары по шее. Вторая пара ломала позвоночник и передавала третьей паре, которая бросала их в

пропасть. Рачья и его товарищ оставались в доме армянина, пришли еще несколько парней, их стало 7 человек. Хозяин дома хорошо присматривал за ними. В среду ночью Байрама под звуки дхола гонец возглашает, чтобы все армяне были готовы к выселению. Утром армянские женщины пошли в Сарай¹⁴⁴ упрашивать мутасаррифа. Он их не принимает, прогоняет. В четверг делают сывгэт, по кварталам выводят и посылают в путь по маршруту Сюркюв-Авра-Самусат-Евфрат. Другое гафлэ¹⁴⁵ приводят в Чэхэн-нэм-Дерэси, где всех по одному убивают. Как раз в эти дни в тюрьме избив убили некоего преосвященного католика и привязав к ноге веревку, волоча потащили и бросили перед его домом. Почти одну четверть армянства Малатии не выселили – вообще большую часть имущих семейств и католиков. Они, рассыпая перед курдами и турками свои богатства, укрылись в их селах или городских домах. Рачья с этими укрывшимися пошел в дом эфенди Втадж Оглы Махира. Несколько дней пробыл там. В это время, взяв из Фырынджылара двух харбердских докторов, привели в дом Махира. Он взял у них деньги, продержал два дня, а затем известил правительство о них. Пришли жандармы, забрали докторов в тюрьму и там задушили. Католики получили амнистию и остались у себя в домах.

РАЧЬЯ УСЫНОВЛЯЕТСЯ КУРДСКИМ БЕЕМ. – Из курдских беев Адьямана Хаджи – Молла Сытх, или Кэор-Сыттыг приходит с тамошним мюдиром Гайтаром эфенди в Малатию на торгах купить пархану. Другие дают больше. Ему не удастся купить. Он усыновляет Рачью и забирает его с собой в Адьяман.

АДЬЯМАН

ДЕПОРТАЦИЯ И РЕЗНЯ. – В санджаке Малатии, недалеко от Евфрата, находится смешанное армянокурдское поселение. Рачья был очевидцем происшедших там событий и смут, и об этом очень много слышал от самих палачей. Дадим ему слово.

«В Адьямане также были арестованы видные армяне и молодежь. Под предлогом отправки в Малатию их группами вели на восточную сторону

¹⁴³ Во время резни 95-го года точно так же поступили (Г).

¹⁴⁴ Сарай – дворец.

¹⁴⁵ Гафле или хавлэ – партия, большая группа людей.

Адьямана в ущелье Тэйирмэн-Дерэси и там убивали. По два человека железными оковами за руки они прикованы друг другу. До того как их убить, не снимая с них оковы, отрезают жертвам руки, и после этого убивают. В самом конце 18-20 человек оставляют, арестовывают, Кэор-Сыттыг от властей просит дать этих молодых людей ему. И ежедневно 10-20 человек увозит на окраину города в сад Ай-Зогенц и там вместе со своими палачами-голами¹⁴⁶ убивают.

СПОСОБ УБИЙСТВА. – В землю вбивают кол. Верх кола заостряют, молодого человека сажают на кол, палачи ногами упираются на его плечи и так с мучениями его убивают. И так оставляют его на земле. Многих убивают топором, секирой. Помощниками-голами палачами были его слуги – Гуючахец Шейхо, шурина мюдир Шейфа эфенди, парень Махмут, садовник Хастино и другие курды. Шурина Махмут, взяв топор, хочет нанести удар по голове жертвы, этот отпрыгивает в сторону и топор ранит ногу Махмута. Взбешенные этим курды остальных укладывают на землю и начинают топором разбивать им головы. И каждый день так. Сыттыг своей рукой убил 150 человек. Кэор-Сыттыг идет в дом Чулджи Марто и говорит ему: «Дай твоего сына, пошлю в деревню. Пусть уходит, спасается». Он вывозит из Адьямана мальчика, по дороге его укладывают на землю и камнями разбивают ему голову. Один восьми-десятилетний мальчик подходит к нему и говорит: «Господин, я еще маленький, не знаю, что такое армянство-тюрокство. Умоляю, не убивай меня». Сыттыг говорит: «Иди, сын мой, оставайся у меня дома, я не убью тебя». Забирает его с собой домой и, схватив за горло, душит бедного мальчика. Идет на рынок, подходит к армянскому часовщику, которого из-за его ремесла оставили в живых. У него были часы Сыттыга. «Еще не починил», – говорит. «Почему не починил?», – спрашивает Сыттыг и добавляет: «Мне они уже не нужны. Только дома у меня стенные часы, иди ко мне домой, почини. А те часы, что у тебя, пусть останутся тебе, все равно не починишь». Он взял часовщика вместе с инструментами, повел к себе. Закрыл в одной комнате, взял веревку, обмазал мылом, потом позвал палачей. Они открыли комнату, надели веревку на шею часовщика и, встав против друг друга, потянули за веревку и задушили человека, затем понесли труп и

бросили в хлев. Вечером положили его на мула в хурджине¹⁴⁷ и понесли бросили на поляне. Кэор-Саттыг со своими единомышленниками пошел в церковь, позвал священника, потребовал у него оружие. Схватили священника, бросили его в порцун /в цех/ и задушили, а затем, накинув на шею веревку, потащили по дорогам.

Началось выселение из Адьямана. Кэор-Сыттыг пошел в дома богатых армян, одним из которых был Мхси Артин, и говорит: «Дайте ваши деньги и имущество мне, а я вас буду содержать». Забирает все и вместе с погонщиками мулов посылает к себе домой. Три дня перевозят товары. Начинается выселение. Он своих мулов отправляет перевозить товары армян, с обещанием перевезти туда, куда они пойдут. Дорогие товары погружает на своих мулов и со своими слугами отправляет в дорогу, поручив отвезти и выгрузить товары у его дома и вернуться. А армян обманывает, в то время как мулов по разным дорогам отправляет к себе домой. Караваны через Самусат направили на берег Евфрата в теснину Кара-Кайсери, а оттуда послали в сторону Урфы. Через два дня другой караван передали Ходжа-Затэ мюдиру Гайдару эфенди. Кэор-Сыттыг пошел к Гайдару и сказал: «Я тоже пойду с тобой эфенди, что заработаем, /эфенди, люди будут трудиться в поте лица, разве это не заработок?/, поделим пополам». Выводят и приводят в Урфу. Ночью устраивают обыск каравана – деньги, дорогие товары, украшения отбирают и посылают в свои дома. Когда выводили гафлэ, Сыттыг подозвал к себе армянского парня и, восседая на коне, говорит: «Сними имеющиеся у тебя деньги». Парень: «У меня денег нет, пойдем к моей матери. Все, что у нас есть, дадим тебе». Мальчик еще не закончил своих слов, как тот достал пистолет, выстрелил ему в ухо и повалил на землю. Ночью он отправился на берег Евфрата, в Гара-Гайыг, где расположили свой лагерь караваны. Там они отделили мужчин, мальчиков, и бросили в реку, пархана перешла на другую сторону реки, чтобы попавшего на глаза мальчика поймать и убить. У адьяманской женщины Сыттыг требует денег, обещая не убивать ее сына Арутюна. Но ни у матери, ни у сына денег не было. Он их убил. Пока с Адьямана гафлэ довели до Урфы, было убито 200 парней и женщин. Кэор-Сыттыг отослал к себе домой нагруженных богатой добычей мулов».

¹⁴⁶ Голам – в тексте встречается и голом – видимо, правильная форма гулам – *qncıwê* – слуга, помощник.

¹⁴⁷ Хурджин – переметная сумка.

* * *

РЕЗНЯ И СМУТЫ НА БЕРЕГАХ САМУСАТ-ЕВФРАТА. – Об этом Рачья Габилян узнал от армянков, пришедших в Адьяман. Добавим, что после Фырынджлара Самусат был самым большим прибежищем скопившихся беженцев. Все караваны из Малой Армении переправляли сюда и, через проход Гара-Гайзи спуская в Месопотамию, гнали в Урфу, Веран-Шехир, Кес-юл-Айн, Дер-Зор. И в этих местах устраивали побоища. Оставшиеся в живых рассеялись по Арабским пустыням.

Огромное количество беженцев из Себастии, Тохата, Амасии, Гэрэка, Самсуна приведено и сосредоточено в Самосате. Сказав, что их переводят в Северэк, беженцев вывели на дорогу. Шли они 2-3 часа – пришли к берегу Евфрата в селение Ошин у большой скалы. Жандармы осадили караван сзади, а впереди река. Вместе с курдскими четами с обнаженными мечами ^и ой напали на народ и погнали их к реке. Какая-то девушка самсунка с мешочком золота в руках поднялась на скалу и говорит жандармам: «Вот деньги, идите и отнимите у меня». А потом обратилась к народу: «Кто армянин, любит Христа, пусть последует за мной» и бросилась со скалы в реку. Сотни, схватившись за руки, последовали за ней и бросились со скалы вниз. Главарь четов из Сэвэрека чавуш Ахмет остальных оставшихся от мала до велика предал мечу. Из бросившихся со скалы в реку лишь трое остались живы – одна невеста, одна девушка и 15-летний мальчик. Они пришли в Адьяман и рассказали о случившемся. Они были амасийцами. Упав на трупы, они не поранились. В конце курды отделили оставшихся в живых от трупов. А эти остались под трупами и с наступлением темноты, окликая друг друга, вышли на свет. «Река покрылась трупами, – говорили они. – Волосы женщин распростерлись по поверхности воды». Мюдир издевался, говорил: **«Идите, посмотрите как хорошо плывет флот армянских крейсеров» (т).**

Дойдя до Ракки, мы узнали, что по городам и селам, расположенным на берегу Евфрата из Бэреджика была послана телеграмма о том, что в реке трупы, пусть мусульмане не боятся, это трупы наших врагов.

* * *

Эфенди Абдылла-задэ Пинташ вместе со знатными людьми Адьямана идет с гафлэ в Самусат. Абдылла отделяет 10-15 богатых семейств из

эрзерумцев, себастийцев, амасийцев, говоря, я вас повезу в свою деревню, там вам будет спокойно. И приводит их к какому-то ущелью и со своими сотоварищами всех от мала до велика предаст смерти, а их достояние присваивает. Так поступает Абдылла не раз.

* * *

Хаджи Али бек, сын бэсинца Эомэр бея, идет в Самусат, берет двух дочерей эрзерумца Тиграна Петросяна, и еще несколько других семейств ведет в селение вблизи Бэсни, после ограбления всех убивает.

Рачья Габилян до заключения перемирия остается в Адьямане в доме Кэор-Саттыга, как усыновленный им. Ага его очень любил. Рачья научился хорошо говорить по-курдски. В период Перемирия он в удобный момент сбежал и пришел в Алеппо. Узнал, что обе его сестры находятся в Веран-Шехире, отправился туда и их также освободил и привез в Алеппо. Сейчас он находится в Адане. Он был учеником нашей школы, очень задиристым, но красивым и шустрым смельчаком. Сын Аддара Габиляна, племянник книгопродавца Рубена Габиляна, который какое-то время был учителем, ученик школы Жаранговорац Сурб Ншана, в день общих арестов он также был арестован.

* * *

ВНОВЬ О СОБЫТИЯХ В МАЛАТИИ И ФЫРЫНДЖЫЛАРЕ, рассказанных Рачьей Габиляном о крестьянах деревень Себастии, изрубленных в Тэйирмэ-Су на Гуйюне, недалеко от деревни Чымырти близ Малатии /возможно это были жители деревень Тонуса/. Между Малатией и Фырынджыларом в Ин-Дерэси видели около двух тысяч трупов. Сюда были приведены полностью беженцы из Тэрэнтэ и оставшиеся после выхода караванов из Фырынджылара больные, инвалиды и дети, и убиты.

СОБЫТИЯ В СЕЛЕНИИ ОРТУЗ. – Около этого села, в ущелье были убиты родом из Малатии богатые армяне, убийцами были турецкие крестьяне Ортуза. Трупы не погребены, разлагаются, золотые зубы выдернуты. Один из богатых армян в большом огурце сделал углубление и спрятал там золотые монеты. Они перешли в руки одного ходжи убийцы.

Убийц Малатии и Фырыннджылара возглавляют мюдир Фырынджылара и комиссар Малатии Мехемэт, который после выселения из Малатии прибыл в Фырынджылар и здесь организовал убийства. Убийцы – малазийские турки.

После выселения армян и отправки караванов бежавшие из армии турки, возглавляемые чета-баши господином Погом, Аписеро, Кюнтюр беем, устраивают набеги, в частности, на турецкие села – Панах, Арчай, Чымыгты, до пределов Айнтапа. Очень много турок убивают и устраивают много грабежей. Усыновленный Пог-агой племянник Ипраносяна Мигран Чэкэмян водился с этими четами.

* * *

После выхода караванов из Фырынджылара среди беженцев началась страшная эпидемия, почти все мужчины умерли.

Имена убийц из Малатии и Фырынджылара – Исмаил Чавуш, командарм Фырынджылара и организатор бойни в Ганлы-Дерэ на Зейнал Саре; Гасан Онбаши из старого города; Урфалу Махмут – малатиец; Мэммет Чавуш – малатиец; Нетим бэй – организатор резни в Харберде и Малатии.

* * *

СНОВА О СОБЫТИЯХ В ФЫРЫНДЖЫЛАРЕ. – Мать Акопа Аристакесяна была у командарма Фырынджылара кухаркой. Она рассказывает, что после вывода каравана оставшиеся на стоянке все больные, старики, дети, немощные были собраны, отвезены в ближайшее ущелье и убиты. Она, спрятавшись на крыше, видела с какой яростью убийцы нападали на них и предавали смерти. Затем привезли большое количество добычи в дом командарма и делили между собой. Эта женщина рассказывала, что когда эти кровожадные звери пришли, их глаза так были красны, как-будто из них текла кровь, обезумевшие, они были пьяны от крови, выкурили по одной сигаре, обмякли, и говорят: «Скорее сварить кофе».

В Ин-Дерэси перебиты также крестьяне селения Гапу-Гайя и крестьяне других деревень Амшэна.

В ущелье Ортуза вырезаны женщины из Тарэнтэ, 4-5 женщин спаслись. Остаются у турок.

* * *

СОБЫТИЯ СЕЛА ТЫТРИЧ. – Это село находится недалеко от Сэвэрэка на берегу Евфрата. Здесь вырезали большой караван эрзерумцев, свазцев, трупы сожгли, обратили в пепел. Напоследок пепел просеяли и пустили по ветру. В пепле искали золото, и на самом деле нашли много золота.

Здесь ставим точку всему этому, даже нашей истории.

22

В ТЕМНЫЕ МИРЫ ОТ ПРОПАСТИ К ПРОПАСТИ

НАШ ВЫХОД ИЗ ФЫРЫНДЖЫЛАРА. – Байрам наступил и кончился. Молва об амнистии не оправдалась. Наши напрасные надежды как мыльные пузыри лопнули. Что можешь поделать? Утопающий хватается за соломинку¹. Мюфеттиш – следствие в связи с приездом из Малатии командарма, под ногами которого похоронили брошенных детей, в честь этого зверя, приказал всем находящимся в Фырынджыларе беженцам без исключения оформить высылку, особенно, поняв, что мюдир на этом очень много заработал /видно ему досталось мало/. Вечером многие на стоянке были уверены, что утром всех должны выслать. Народ, охваченный мрачными мыслями, был в ужасном волнении.

Наши бабушки нам рассказывали сказки о темных мирах, о демонах, страшных драконах, об оборотнях, населявших эти миры, столы которых украшены были яствами из человеческого мяса, а вместо вина они пили человеческую кровь, их обслуживали похищенные красавицы.

Отсюда дальше мы должны проходить по этим темным мирам, по местам, куда не ступала нога человека; горы, скалы над бездонными

пропастями, висячими чертовыми мостами, глубокие пещеры, впадины, утесы, берущие начало реки, по которым вместо воды течет человеческая кровь, по безводным, безлюдным степям, по обжигающим раскаленным пустыням, населенным звероподобными чудищами. Десятки тысяч стали их пищей, тысячи и тысячи прекрасных армянок оказались под семью замками в их драконьих дворцах. Мы также идем дополнить их число...

МОЯ СПАСИТЕЛЬНИЦА КУРДЯНКА. – Если не ошибаюсь, это было на четвертый день Байрама, в субботу утром¹⁴⁸ 5-го августа 1915 г. Весь караван был в движении. Переполох, все люди готовятся. В это утро курдов намного больше, чем в другие дни. Они заполнили весь лагерь. Все вооружены, держат за узду выючных животных, покрикивая «Кри! Кри! Кри!», погоняют их. Они, видя имущество, грузы, товары имущих семейств, не договариваясь о цене, грузят на мулов.

Чтобы по дороге не выделяться, в первый же вечер я хорошо побрился. Как я уже говорил, жена моя больна, не может ходить. Я хотя и болен, но сжимая зубы должен идти. С женой обсуждаем: товары – съестное, одеяла – груз для одного осла. Следует нанять выючное животное для жены, в противном случае ее вынуждены будем оставить, но я даже думать об этом не мог. Я пошел искать выючное животное. Жена посоветовала нанять курдянку-хозяйку мула. И на самом деле, иногда не плохо и прислушаться к словам женщины. Выхожу в лагерь, смотрю, почти не осталось нанимающихся. В волнении глазами ищу здесь и там. Вижу одну невесту курда: высоко роста, красивая, с засученными обнаженными руками, с одной стороны подол поднят и прикреплен к поясу, бодро держит за узду мула, презрительно смотрит по сторонам. Догоняю ее и умоляюще:

– Можно нанять, – спрашиваю.

– Да, – отвечает.

Показываю наше место и знаками указываю, чтобы отвела мула туда. Она следует за мной. Старшая свояченица начинает с одной стороны

нагружать мула. Курдянке объясняю, что жена моя больна и должна сесть на мула.

– Сысэ меджита, – говорит, – три меджита.

Ой, ужасно. Жена, свояченица умоляют, просят.

Предлагаю два меджита.

– Нет, – сухо отвечает она.

Долго не убеждаю, соглашаюсь.

Курдянка сажает жену на мула, вместе с ней и мою шестилетнюю дочь, Аршалуйс. Со мной старшая свояченица со своим сыном Григором. Нас пять человек. Везде большое движение. Хозяева мулов курды лихорадочно погружают мулов, повязывают, подтягивают, обращаются как со своим собственным товаром. С разных частей большого каравана готовые постепенно двинутся в путь. Количество людей стоянки – более 5 000 человек. Со всех краев Малой Армении, с берегов Черного моря и из сел Гарахисара, Самусата, Амасии, Тохата, из сел долины Галиса, один караван – из Харберда, Акина. Но большая часть народа из Себастии. По последним 5-6-ти караванам весь занявший дорогу караван называется именем Себастии – Сваз Пархана.. В караване из себастийцев мужчин 200 или немногим больше человек, люди, спасшиеся из логова смерти благодаря маскировке или деньгам. Большое число составляли 8-10-летние дети, немало было грудных детей. Многие из наших горожан имеют ослов, многие купили в этом лагере, много также нанявших выючных животных. Трех-пятилетние дети сидят на ослах в больших мешках – хурджилах друг против друга, видны только их головы. Знаете ли вы как эти бедные дети мучаются в дороге? Больные, старики также восседают на ослах или мулах. Многие беженцы наняли для своих детей крестьянок, которые несут их на спинах. Армянские боши Тохата, наши крестьяне, харбердцы – это армия наших бедняков, так сказать легкое вооружение – передовики. Это только женщины, мужчин вообще нет, грудных детей и в помине. Можно насчитать лишь несколько мальчиков 8-ми – 10-ти лет. Их единственный груз – продукты, они постоянно идут впереди каравана. На пути они ограждены от других занятий, запретных развлечений. Они выносливее горожан, легко передвигаются, быстрее движутся и опережают их. Горожане отстают, поэтому они становятся мишенью для нападения и ограбления курдами. Эти передние, налегке идущие – абсолютно

¹⁴⁸ В ходе повествования я называю даты важных событий, так поступаю и при посещении лагерей. Считаю излишним приводить даты, как принято в дневниках. Были дни, месяцы, которые не запомнились. Как все рассказанные события, так и даты я не записывал в дороге и невозможно было. Я запоминал и, прибыв в Алеппо, здесь записал все (Г).

неимущие, на них не обращают внимание даже грабители. Предметом грабежа постоянно является горожанин.

Большая часть мужчин, парней и юношей прячутся, маскируются. У многих на руках грудные дети. Моя одежда – мужская или женская – кусок простыни на голове, не имеет значения. Вижу, пока необходимости в покрывале нет. Держу наготове, чтобы в случае необходимости сразу использовать. На глаза попадают священник Тер Татул Асланян и из католиков – отец вардапет Григор Пехливаниян. Они наполовину замаскировались, бороды коротко срезали, друг друга приветствуют словами «да отпустит» и «да смилуется». Все готовятся к смерти. У меня тоже благочестивая привычка, каждый раз, пускаясь в дорогу, читать «Нарек»¹, несколько глав из «Псалтыри» и при этом креститься. На самом деле человек морально укрепляется, что бы ни говорили скептики. И сегодня утром я не поленился.

Мы также двинулись и смешались с общим потоком каравана. В лагере оказалось много остающихся – старики, слабые, больные, брошенные дети. Другая свояченица лежит больная, со своими пятью малышами. Мы вынуждены их покинуть. «Помогите, – молит она, – нас в таком состоянии должны оставить?» Сердце разрывается, но что мы можем сделать? Нужно идти, все равно впереди смерть, останемся – также. Нас провожают плачем. Мы плачем над ними.

Солнце давно поднялось. Со всех сторон пыль – как густое облако. Определенной дороги нет, идем по кособоку и доходим до подножья той ужасной горы, на которую должны взобраться. На короткое время останавливаемся, караван собирается, отстающие спешат дойти. Между тем хозяева мулов в один голос объявляют цену каждого мула в 3 меджиты, если не согласны, они разгрузят товары. Кто может воспротивиться? Плату собирают заранее. Заранее знают, что может произойти впереди. Им бы получить плату, хотя они и будут грабителями и убийцами. Мы также 3 меджиты дали нашей Фаттэи. Жандармам дали пол цены.

Мы – у врат населенных демонами темных миров. Это первая Голгофа ужасающего горного массива, на которую мы должны взобраться. Это горы Кэркэру и путь, по которому должны идти – Нал-Тэокэн. Такой каменистый, трудный, крутой, покрытый клинообразными камнями, что даже мулы и их подковы не выдерживают и срываются с копыт. Подъем

начинается с нас. С трудом на тропинке помещается один мул, два человека рядом не могут подниматься. Представьте себе протяженность каравана... С одного конца до другого 2 часа ходьбы. Идущие налегке в нашей этой армии – тохатские боши, наши крестьяне, харбердцы идут впереди. Горожане, обременены заботами о мужчинах, сыновьях, женах, товарах, вьючных животных и многими другим заботами, помимо большой группы нанятых курдов, которые следуют за караваном. Здесь еще раз приводят себя в надлежащий вид скрывающиеся мужчины. Они, прикрыв нос-рот, взяв в руки грудных детей, заставляют их плакать, на руках многих детские муляжи в пеленках, а для многих мужчин все уже безразлично – говорят, на все воля Божья. Все дорожные заботы легли на плечи женщин. Все пешие. Люди стараются не отставать. Перебегают дорогу других, идут вперед, немало бранящихся: «Чтобы вам сгинуть, покрыться червями» и пр.... проклинают, обливая друг друга ругательствами. Видно, старушки на этих дорогах хорошо усвоили эти отвратительные проклятия. Негодные, как-будто нас мало резали. Мишенью проклятий являются мужчины, которых можно на пальцах пересчитать. Бедные мужчины не знали, куда деться. Эти слова принадлежали женщинам, лишенным мужей, и были как горчица на незащищенное сердце. «Только наших должны были забрать?» – говорили они / т.е. они хотели сказать, пусть их тоже заберут, почему они живы. Женская зависть не имеет границ/.

Подъем становится все труднее – поднимаемся по трудной, идущей прямо наверх, почти вертикальной, каменистой, голой и сухой тропинке. В полдень – самое жаркое время. Многие шагают, согнувшись в три погибели, кажется, что они ползут, уткнувшись лицом в землю. Правда, посохи им помогают, берут на себя их усталость. Многие, взявшись за руки, помогают друг другу. Дорога становится зигзагообразной, извилистой идет выше в горы, похожа на лестницы какой-то башни. Смотрю наверх – великаны горы, взгромоздились друг на друга, люди кажутся маленькими пташками, смотрю вниз, под ногами горы и горные массивы, опирающиеся друг на друга. Люди второй части каравана облепили их как муравьи.

Хозяйка нашего мула Фаттэи упорно не отстает, старается быть посередине каравана. Курдские мужчины, хозяева мулов, догадываясь, что

нанявшие их люди большей частью мужчины, требуют за молчание денег. Многие скрывающиеся мужчины оставляют своих родных и идут, чтобы смешаться с впереди идущими, с ними намного безопаснее. Я остаюсь под покровительством Фаттэи. Смотрю наверх, кажется, что подыдемся на эту гору, дальше будет плоскогорье. Поднимаемся, но нет, над ней другая гора, и так все время. Наши колени изнывают, у нас не осталось никаких сил.

Наконец, доходим до порога какого-то ущелья. Ворота в темные миры. Ужасное ущелье – с обеих сторон отвесные стены монолитных скал. Здесь караван ненадолго останавливается, собирается. Хозяйка нашего мула Фаттэи укрепляет подпруги мула, поправляет хурджинны, мне знаком показывает, что надо накинуть на голову саван, остальная моя одежда не отличается от женской – старые широкие штаны до груди. Сын свояченицы Григор также прячется в женской одежде. Фаттэи держится за уздцы мула и занимает место с левой стороны ущелья, мне дает понять, чтоб я шел бы за ней, рядом с мулом. Караван движется вперед, прохождение через ущелье длится долго. Выходим из узкой теснины. В другие дни курды занимали порог этого ущелья и выводили мужчин каравана по одному из каравана, не упуская из виду спрятавшихся. С правой стороны этого входа находится известный Ганлы-Дерэ – воистину ущелье крови, там друг на друге лежат тысячами трупы. Над этим ущельем отделяют мужчин из каравана, убивают и бросают вниз на глазах у жен, под их вопли и рыдания. Сегодня палачи курды опоздали. Мы уже вышли из ущелья и находимся на плоскогорье. Дорога проходит через порог. Наша Фаттэи все время держится левой стороны, середины каравана, держась за поводья мула. Я следую за ней. Дает понять, чтобы я совершенно не смотрел направо вниз и шел бы за ней рядом с мулом. Наконец понимаю, что она поступает со мной исключительно из доброжелательности. По плоскогорью прошли довольно большое расстояние. Караван растянулся на час ходьбы. Случайно посмотрев направо, я увидел надвигающуюся бурю. Огромная толпа курдов как поток идет на караван, вооруженная чем попало – серпами, мечами, саблями, кинжалами, кольями, дубинками, топориками. Наша Фаттэи внимательно наблюдает. Чернь, как стая голодных волков, набрасывается на верхнюю часть каравана. Мужчин, мальчиков отделяют и отводят в сторону. Чернь постепенно, отделяя

мужчин, сверху приближается к низу и уже подошла к нам. Фаттэи меня посадила, остановила мула, и делает вид, что поправляет, подтягивает ремни. И уже они рядом с нами и спрашивают:

– Фаттэй, мар лпат э хай э – есть мужчины?

– Но, тыннэ, – отвечает она сухо.

Проходят. Фаттэи щипает меня. Я встаю, быстро идем, все время я позади Фаттэи спрятавшись. Что происходит вокруг нас? У меня искушение посмотреть направо. Бросаются в глаза мужчины, отделенные группами, которых как баранов погоняют в сторону. Фаттэи заметила, что я обернулся и смотрю. Какой укоряющий взгляд она бросила на меня. Чуть я не превратился в соляной столп, как жена Лота¹. После этого сможешь еще раз посмотреть направо. Она то смотрит по сторонам, то бросает взгляд на меня. Фаттэи невозмутимо движется вперед. Я следую за ней. Мы прошли довольно большое расстояние. Буря еще не прошла. Курды, еще раз, просенвая народ сверху донизу, направляются к нам. Заставляют женщин открывать лица, для того, чтобы найти спрятавшихся.

Фаттэи останавливает мула, я сажусь, она поправляет седло мула и ремни, делает вид, что все приводит в порядок. Снова ее спрашивают:

– Фаттэй, лар мы патэ армянин?

– Тыннэ, – тот же сухой ответ. Проходят. Она подталкивает меня, я встаю, и мы отсюда убыстряем наши шаги.

Уже не знаю, какое расстояние мы прошли, пока дошли до лагеря на берегу реки.

Фаттэй сняла мою семью с мула, сняла хурджин, одеяло, меня уложила, укрыла одеялом и спрятала, хурджин положила с одного бока, потянула за уздцы мула и ушла.

Я не смог выразить даже простой благодарности. Не было времени. Если бы я ей дал целую горсть золота, и этого было бы мало. И сколько давали горстями золота, и не спасались. Читатель, здесь Фаттэи, эта благородная курдянка стала моей спасительницей. Я ей обязан жизнью. Совет моей жены нанять женщину хозяйку мула оказался правильным и дал свои положительные результаты.

ЧТО СТАЛО С АРЕСТОВАННЫМИ МУЖЧИНАМИ. – Из моего укрытия смотрю, в лагере среди женщин большое волнение. «Молю вас, соберите по пять золотых, или убьют мужчин» – перекликаются они.

Ищут средства. Моя свояченица довольно поздно нашла нас. Первый вопрос был обо мне. Она парня не тронула? Запутанно рассказываю, что всех мужчин собрали и повели в шатер Зейнала, часть убили, а с остальных за освобождение требуют по пять золотых. Далеко за полночь было, когда давшие цену крови вернулись в лагерь и рассказали о случившемся.

Всех задержанных мужчин повели к шатру Зейнала. У Зейнала есть множество взятых в плен женщин из Самсуна, Амасии. Они нашли возможность передать мужчинам: «Не бойтесь, Зейнал не станет вас убивать. Об этом мы с ним договорились, только возьмет с вас выкуп». Несколько дней до этого с караванами прибыли из известного себастиевского рода Ншан Андреасян, ага Ованнес с семьей, у них в руках были рекомендации от своих приятелей, важных турецких купцов. Зейнал их не тронул и принял их в своем шатре как гостей. А они, посредничая за арестованных, попросили Зейнала их пощадить. И Зейнал обещал, что убийств не будет. Зейнал сняв со спины мешла¹⁴⁹, расстелил его на земле и приказал класть туда все, что у них есть – деньги, золото, украшения, вплоть до иголки. Они кладут все, что у них имеется. Зейнал оставляет себе золото и понравившиеся ему дорогие вещи, остальное раздает голамам. В конце говорит: «Те, кто дадут по пять золотых выкупа, пусть станут в стороне». Довольно много людей становятся в сторонке. И там ожидавшим их женщинам поручают поскорее доставить выкуп.

Остаются 40-45 человек, которые не могут дать выкупа. Уже страх смерти объял их. Расстерявшиеся от слов Зейнала, движений, рассерженного вида, они впадают в панику, пытаются бежать. Зейнал приказывает окружающим его голамам:

– Лыхын, пыгужын – Бейте их, убивайте.

Курдская чернь с дьвольским оружием набросилась на них и в мгновение ока убила их. На ногах не осталось ни одного человека. Собравшиеся на другой стороне люди, которые должны были дать выкуп, как и многие другие женщины, пришедшие, чтобы каким-нибудь путем освободить своих мужей, становятся свидетелями этого побоища. Священник Тер Татул Мазманиян был среди этих убитых. Ударом топора ему раз-

дробили череп. Его младший сын был там. С платком он подбежал к отцу и стал вытирать кровь. С громким плачем он упал на тело своего отца. Тер Татулу было 53 года, долгие годы он был учителем географии. В 96-ом году епископ Тер Петрос рукоположил его в священники. Курды ограбили всех этих убитых.

Здесь же были убиты Тер Теофилэ Одабашян, священник Тер Егисшэ Пэйлерян. Тер Тэофилэ был братом вардапета Тер Одабашяна. В 96-м году епископ Тер Петрос рукоположил его в священники в 56 лет. Тер Егисшэ едва исполнилось 28 лет, его рукоположил священником епископ Тер Торгом. Зейнал был страшным ненавистником священников, церковнослужителей. И если встречал какого-нибудь бородатого человека, думая, что он церковнослужитель, убивал. Из наших учителей, скрывающийся здесь Арменак Чугасзян, готовился принять смерть, но на мольбы своей жены был отпущен. Из наших осведомителей сообщили нам, что на этой бойне и грабеже присутствовал какой-то человек на коне в немецком обмундировании и головном уборе, и внимательно наблюдал за всем происходящим. Многие падали ему в ноги, просили о помощи, посредничестве, но он ничего не мог сделать. Предполагали также, что это представитель Иттихада, наблюдающий за избиением, но потом поняли, что это один из немецких миссионеров Малатии. Он показался также на следующей стоянке. И от многих узнавал о происшедших на дорогах.

ГАНЛЫ-ДЕРЭ. – Одно из логовищ смерти, из больших боен на Дороге Крови переселенцев армян. При упоминании этого проклятого имени у одного единственного выжившего себастиейца, одного из Малой Армении, у него холодеет кровь в жилах, то его бросает в краску, он весь дрожит. Смотрящий на огромное географическое пространство Армении от Малатии вниз до Адыямана, Кеахта, на берегах Евфрата увидит огромный горный массив, с высоченными вершинами, скрещивающимися горными цепями, перемежающимися неописуемо глубокими ущельями, бездонными пропастями, темными злыми духами, непроходимыми лесами, с высот ниспадающими водами, потоками. Горные части и высочайшие вершины этого массива – Кэркэр, Нал-Тэокэн, Джумбюк, Пей-Даг /3 000 м./, Гум-Тэпэ. Жители этого горного массива те же звероподобные курды, о которых мы уже говорили. Их племенными вождями были Зейнал-бей, его брат Хаджи Пютир-бей, дядя Гайдар-бей.

¹⁴⁹ Мешла, мешлаг (maşlah, meşla) – верхняя просторная одежда без рукавов.

Именно они во главе своих кровожадных соплеменников в когтях армяноненавистной политики турецкого правительства стали страшным оружием. Вся Малая Армения, Гамирк, Понт, Высокая Армения и Софена прошли по этому горному массиву. Мужчины, которым удалось спастись из прежних боен, здесь были захвачены. Их трупами заполнилось это ужасное ущелье, которое наш народ по праву назвал Ганлы-Дерэ (Ущелье Крови). Там кровь образовала потоки, по которым поплыли трупы. Здесь была одна из самых крупных боен. Наш караван был легчайшим. Из мужчин мало-кто смог избежать этого ущелья Крови. Из проходивших караванов огромное количество избранных армянок были взяты в плен на этом массиве. Зейнал только для своего гарема забрал около 40 красивейших армянок из Самсуна, Амасии, Тохата, Себастии. Богатства тысяч и тысяч проходивших отсюда беженцев заполнили казну этих трех беев. По свидетельству плененных самсунских женщин, Зейнал забрал у проходивших караванов 40 битонов золота и золотых изделий. А самую большую резню учинили Зейнал и Пэтри над третьим караваном Эрзерума, с него же получили и самую богатую добычу.

Этот караван в ущелье Камаха, после того, как там оставил девятерых своих людей, 19-го августа дошел до горного массива. У врат ущелья отделили всех мужчин, из коих 1300 человек убили и бросили в Ганлы-Дерэ. У других мужчин взяли большой выкуп за свободу. Неисчерпаемые богатства эрзерумцев – русские сотни тысяч рублей, турецкие десятки тысяч золотых монет, чеки, ценные бумаги здесь заполнили казну Зейнала и Пэтри.

По рассказам эрзерумцев у них собрали добычи примерно на один миллион денег. Вардапет армянских католиков Хотрджура и Кармрукца заплатил выкуп за мужчин своих деревень 4 000 золотых монет. Зейнал дал изрубить на бойне всех мужчин, а вместе с ними и вардапета.

Армянский католик Эфтян Карапет сыграл очень черную роль в отношениях кармрукцев и Зейнала, и стал причиной их гибели, даже после того, как те дали выкуп. Из-за этого эрзерумцы называли это мерзкое существо Зейналом Кармрукцев. Негодяй по имени Фрэнк-Ако также во время резни много плохого сделал. В то время, как арестованных вели и на верху ущелья убивали и бросали в пропасть, Зейнал сидел на стуле, мастер цирюльник Анто его брил, два брата эрзерумцев музыкантов играли на

скрипке-сантуре и развлекали Зейнала. Зейнал пощадил большую семью Закарян, около 40-а человек, которых знал и которые имели в руках рекомендательные письма. С ними вместе был освобожден университетский выпускник Саргис Манукян, учитель училища Санасарян. С помощью выкупа было освобождено около 200 человек мужчин, среди которых из видных людей Эрзерума председатель городского собрания Хаджи ага Асатур, ага Чилингерян, ага Барсех, ага Аганик Корхмазян и другие важные люди, купцы. Из интеллигенции Левон Карагашян, выпускник школы Санасарян и учитель /в настоящее время в Алеппо является секретарем Армянского Национального Совета/. Корреспондент армянских газет некто Ванесян имел глупость представить себя, сказав, что если бы он свою жизнь щадил, он с большой похвалой говорил бы о себе, как о корреспонденте газет. Зейнал подарил ему жизнь, но через два дня, после того как караван поднялся в дорогу, жандармы отделили этого человека и убили. Об эрзерумцах напишем и по другому поводу.

После расправы с мужчинами, очередь дошла до женщин и до обыска и ограбления товаров. Женщин отвели в отдельную часть помещения. Только они стали обыскивать их и грабить, как случилось страшное землетрясение /мы в это время находились в Северной части Черного шатра/. Мы также почувствовали землетрясение. Это восприняв как предзнаменование Божьего гнева, они отпустили женщин и ни к чему не прикоснулись.

ИЗ ПЕРВЫХ КАРАВАНОВ СЕБАСТИИ АНДРАНИК ГАВУЗЧЯН РАССКАЗЫВАЕТ, что во время подъема на гору жандармы заняли место в конце, /чтобы мужчины не имели возможности бежать/, курды с обнаженными саблями следуют за караваном. По обе стороны – трупы. Ущелье осаждено курдами, в руках которых дубинки с металлическими шипами. Они отделиают всех людей мужского пола свыше 12-лет. На следующий день один единственный из забранных дошел до каравана с глубокой раной на шее, но у него было порезано не только горло. Девушка Одабашян оказала ему помощь, стала его лечить. Мальчик рассказал, что всех убили. Он был полуживым. Когда пришел в сознание, вышел на дорогу и догнал караван. От Ганлы-Дерэ на протяжении всей дороги жандармы убивали встреченных мужчин. Одного убили выстрелом ружья. От выстрела загорелись лохмотья на нем. Курды окружили его и начали плясать, развлекаться, а жандарм направил на него лошадь и заставлял топтать

убитого, стараясь, чтоб она наступила на его голову. Акопа, сына Гырг-Эйэренца Гасапа также убили на этой дороге. Его уложили как барана на землю и, ногой надавливая на живот, наполовину порезали ему горло и когда он поднимал голову, большими камнями разбили ему голову.

ОВСАННА ВАРЭКЯН ОСТАВИЛА ЗАПИСИ О ГАНЛЫ-ДЕРЭ. – Здесь похитили девушек из колледжа Макруи Сыплусян /гарахисарка/ и Назели Кара-Манукян /из Манджылыха/. Первую из ревности задушила соперница, другую убила жена мужчины. Мужчины над ними учинили суд, повязав двух вместе повели и убили. Один мальчик спасся из бойни, пришел голым в караван, жандармы увидели его и убили. Многие дали по пять золотых монет и освободились. Многие, сказав, что конца этому не будет, сдались и были убиты.

Когда убивали человека по имени Пахал-Морсо, жена побежала и упала на него, не пускала. Жену вместе с ним мечом разрубили надвое. Ага Нерсесу Тер-Габриэлян, с младенцем на руках хорошо замаскировавшемуся, удалось спастись. Его брат – ученик Санасаряновской школы – которого вместе с другими мальчиками отделили, ужасно плакал. Зейнал с угрозой сказал ему, чтоб он не плакал, мальчик не мог сдержаться. Тогда взяли и убили его. Остальных мальчиков отпустили. У многих женщин здесь были выкидыши. А у одной женщины начались роды. Несколько женщин окружили и прикрыли ее. Курды пришли, нашли новорожденного, взяли за ноги и разделили пополам. Плаценту из матери выскребли кинжалом.

После заключения перемирия пароне Арутюн Пагалян, единственный спасшийся из самсунцев, в поисках попавших в плен родственников и горожан, отправился из Ракки в Самусат. Бродил по этому горному массиву, посетил Ганлы-Дерэ и говорил, что оно заполнено было доверху скелетами и черепами.

В этом районе, по его подсчетам, есть около 10 000 армянок и мальчиков. Он сам освободил довольно многих армянок и мальчиков и привез. О пароне Арутюне будет сказано по другому поводу.

ВСТАВАЙ, ДОЛЖЕН ИДТИ НА КОСЬБУ. – Немного расскажем о нас. Ночь провели в кошмарах. Наступило утро, тайно осматриваю местность. Стоянка расположилась на большом лугу. Сверху течет бурный поток, однако в нем полно трупов. О еде забыли. Не помню, с первого дня

что-нибудь брали в рот? Положение жены ухудшилось. В этот день нас оставляют в покое. Еще раз нас должны хорошо потрясти, чтобы получить оставшееся масло. Зейнал, чтобы не оказаться в роли человека не исполнившего свой долг аширетского гостеприимства и чтобы нас почтить, взаимно посещает нас. Ведь вчера наши находились под его рыцарским шатром. Он приходит окруженный своей свитой – голамы, мальчики, соратники со всех четырех сторон, одетый в дорожные разноцветные шелка, с желтыми усами, человек 40-а лет, с диким выражением глаз, настоящий зверь. Однако я внимательно не рассмотрел его. Лежал лицом к земле, как больной.

Зашел, спустился, голамам приказал осмотреть товары всех попадающих на глаза семейств. Что дорогого увидят – ковры, коврики, ткани, шали, покрывало, одежду и пр. откладывают в сторону, грузят и посылают в его шатер, тут же заверяя, что заплатит цену. Украдкой смотрит, подходят к нам. Прятаться невозможно. Стоят над головой. Один из них, схватив меня за руку, заставил меня встать: «Эй, встань, посмотрим, должен ли ты пойти на косьбу?» Что значил пароль «идти на косьбу» я знал. Притворившись больным, я откинул голову и принял непонимающий вид. На самом деле мне стало страшно. В это время моя семья – мой ангел-хранитель жена пришла на помощь:

– Что за косьба? Не видите, что болен, уже при смерти. Что хотите этим сказать? Чего требуете? Скажите.

– Должны дать лиру. В противном случае пойдет с нами. Это один из спрятавшихся, – говорят.

Ой! Звери! Как же они хорошо различают, что я один из укрывшихся. У нас оставалась только серьга жены в ползолота, зашитая на конец платка. Конечно для того, чтобы иметь под рукой.

– Лир-миры не осталось. Распорите и снимите с платка, – сказала и положила им в лапы. Подняли, рассмотрели, затем посмотрели со всех сторон, показали друг другу. И наконец поняли, что золотое украшение. Сочли достаточным и прошли. Таким легким выкупом отделаться, это было милостью для меня.

Идти косить поле... было призывом на смерть, паролем бойни. Когда в дороге отделяли мужчин, чтобы отвести на бойню, жены с плачем, с отчаянием спрашивали: «Куда их ведете?». Безжалостные палачи отвечали: «Идут в поле косить». И наивные жены, обманывая себя,

верили. В Суруче я сидел под стеной скорчившись. Рядом сидело несколько курдов. Вижу говорят обо мне: «Как случилось, что этого гяура не убили, оставили в живых?» Потом, обратившись ко мне, спросили: «Тебя не повели косить поле?». Хозяева себастьских арестованных, когда шли на какое-то злополучное поле, на которое в эту ночь повели на убийство их мужей, на вопрос, где их арестованный, с собачей издевкой отвечали: «Послали косить поле», или: «послали на дороге Кесарии на строительство дорог», или «пошли в Топрах-Калэ». В ту страшную резню, когда 2 000 парней амэлэ-тапури Себастии должны были быть убиты, американская миссионерка мисс Мэйри Грэфым, немецкие офицеры и многие другие упорно интересовались, куда их должны послать, может быть на смерть, Муаммэр клятвой заверил, что их посылают в Бозант на строительство железной дороги. Так они говорили и парням. Остальное уже известно читателю. Читатель, ты видишь, что от Себастии и до гор Зейнала и до глубин Месопотамии действует тот же пароль. Сверху донизу тот же дьявольский план, та же адская организация, система по уничтожению армян.

Зейнал окончил осмотр имущества, получил богатую добычу. Наши легковики в лагере сидят отдельно. Зейнал их совершенно не коснулся. И даже не пошел к ним. Но не удовлетворившись этой добычей, дал знать, что в изъятой в первый день сумме выкупа нет 50 золотых, которые следует собрать /как-будто от нас должен был получить дедовские долги/. А в придачу к ней потребовал подарить ему бриллиантовое кольцо и с золотой цепью золотые часы. Эта сумма и украшения были подготовлены и вручены. К вечеру мы обрели некоторую смелость: имели жертвы, выкуп был нужен, дали. В какой-то момент я посмотрел вокруг: огромная горная долина, пастбище, летние дачные угодия. На возвышенностях палатки из козьего черного пуха, на горах пасутся отары овец. Обилие холодных источников. Здоровый, горный климат.

ПЕРВАЯ ПРОПАСТЬ

НА ПУТЯХ ЖЕРТВ. – На следующий день утром был получен приказ – поднять караван в дорогу. Пришли курды погонщики мулов. Есть или нет возможности, мы также должны нанять мула. Смотрю, нет ли

моей спасительницы курдянки, долго ищу ее. Нет ее. Хочу хотя бы нанять другую курдянку-погонщицу. Все курды мужчины – тигры первого дня, которые своими руками сдали, разорвали на клочки нанявших их. Наконец, на глаза попадает курдянка. Лет 45-ти, некрасивая смуглая женщина. Добра от нее не жди, говорю себе, от воплощения этой жестокости. С ней есть и мужчины, у которых несколько мулов. Они выказывают готовность. Объясняю, что нужен один мул и чтобы погонщицей была эта женщина. Соглашаются за два меджита. Плачу, они всегда деньги берут заранее. Нагружаемся. Караван движется в путь. Хаджи-Пэтри в форме жандарма присоединяется к нам. Остальные жандармы их голамы-прислужники курды, с мартини, и патронташами. На плоскогорье дорога ровная, но узкая. Каменистая и труднопроходимая горная дорога. Погонщица курдянка кажется очень добросердечной. Живая женщина. Нахожу с ней общий язык. Не знает ни одного турецкого слова, не понимает. Не к месту ли сказать – знать бы мне курдский как иностранный, наполовину моих знаний французского языка. Анатолийский французский, как его в свое время называл Айрик¹. Курдянка жалеет нас, соболезнует, особенно по поводу болезненного состояния жены. Иногда на дорогах сидят курдянки, они продают в бурдюках тан, еуху, хлеб, сваренный бурак, сырые кислые яблоки. Тан – прохладительный напиток, как армянский шербет, который пьем большими кружками и платим за это несколько черных металликов¹⁵⁰. Выпивая его, я оживал, глаза мои раскрывались. Из передних караванов рассказывали, что жандармы нарочно запрещали продавцам близко подходить с едой и питьем к караванам, чтобы народ мучился от жажды. Для последних караванов этого злостного запрета не было. И даже на протяжении всей дороги мы наслаждались таном и снегом. Подходим к порогу ущелья. Здесь караван остановили. До этого места были земли Хаджи-Пэтри. Отсюда начинаются земли Зейнала.

ТОПРАХ-ПАСТИ. – Платим земельную подать. Вызывают главных мужчин каравана – Серайтаряна аға Петроса, преданного, честного человека, Пармагсызяна аға Сероба, Рырг-Эйэр Воскяна. Сехтэряна Мкайэля, Габикяна Хаджи Манука, Кыабачонц Хаджи-Симона и других. Их обязывают заплатить 50 золотых, в противном случае проход будет закрыт...

¹⁵⁰ Металлик – мелкие деньги.

Даже в мешке от муки после стольких вытряхиваний не осталось бы не то, чтобы пыль, но и мельчайших частиц. Выхода нет, должны собирать. Начинают собирать – деньги, золото, золотые украшения, изделия. Все это кладут в один платок. Один меджит выкладываем и мы, все еще очень мало до 50-ти золотых. Украшения, естественно, ни во что не ставят. Сборщики призывают народ дополнить недостоящее. У народа не осталось ни гроша. Наши предводители стараются проникнуть к ним, уломать ненасытных-алчных грабителей. Те даже слушать их не хотят. Или вы заплатите 50 золотых, или вас возьмем как заложников и убьем, говорят они. Это заявление у всего каравана вызвало тревогу. Жена Лан-Черапи Тэрпапяна, Макруи Хатун /урожденная Потугян/ говорит: «Столько наших мужчин стало жертвой, осталось двое мужчин, и они должны стать пищей этих зверей?», сказала она и сняла со спины своей золотой пояс /конечно тайно/. То было вчера, хорошо не помню, дополнила недостающие 20-25 золотых. Понесли и дали 50 золотых. И те открыли дорогу каравану, мы продолжили наш путь.

С обеих сторон дороги начинается лес, огромные горы, великаны, деревья, густые заросли кустарников. Курдам бросается в глаза Григор ахпар Пунгарджонц¹⁵¹, старик около 60-ти лет. По длинной, густой бороде заподозрив, что это священник, они потащили его на опушку леса и на глазах жены и дочери зарезали. Бедный человек молил, потом стал просить жену: «Мариам, что-нибудь сделай». Нас объяли ужас, опасения. Поведение курдов как-будто сразу изменилось. Они стали смотреть на мужчин непримиримо, измеряя с ног до головы. Нашли красивого юношу в женском наряде по имени Тогенцме Мушег, потащили в лес и пустили в него пулю. Нашли другого скрывавшегося юношу, мать пала им в ноги, дала 5 золотых выкупа и еле вырвала его из их рук. В связи с этим скрывавшиеся решительно сняли с себя головные платки и сменили одежду. Стали подозревать и меня. На самом деле я не скрываюсь, но усы

¹⁵¹ Этот человек был настоящим прототипом древних отшельников. Видевший его, мог бы подумать, что перед ним аббат Марк или пустынный Антон. Более 15-лет он постился, от вечера к вечеру он всего один раз брал в рот еду. Шапка его и голова были покрыты толщиной в палец растительным маслом, борода доходила до пояса, косматая грудь открыта. По ремеслу он был каменщиком. Строил хорошие водопроводы. В 95-ом он отправился в селение Фатуин. Карапахы хотели его убить. Хоть он и спасся, но здесь и там жил этой мистической жизнью (Г).

и борода у меня сбриты. Ясно, что тоже скрывался. Этим они дают мне урок. Я же свою погонщицу мула осыпаю похвалами и не отхожу от нее. Она понимает мое замешательство, успокаивает меня и заверяет, что не позволит причинить мне зла, лишь ждет от меня подарка. Показывает на свои голые ноги и говорит, что хочет себе новые гэнэврэ. Даю ей щедрые обещания, а сам про себя думаю, откуда я достану новые гэнэврэ, и продолжаю давать все новые обещания. Думаю, дойдя до стоянки, дать ей немного хороших вещей. Дорога постепенно становится тяжелой – извилистые узкие проходы, большие скалы, утесы, крутые спуски следуют один за другим, и вновь подъемы, сопутствующие косогорам подъем. Камень не выдержал бы этих мучений, не то что человек. Дорога начала спускаться. Спускаемся вниз. На каждом шагу перед нами предстают скалы. Один рядом с другим. Посередке еле может пройти один человек. Ослы, мулы остаются сжатыми между ними, на ослах в айноцах¹⁵² сжаты дети. У них ломаются бока, спины. Спускаемся как по лестнице, ступенька за ступенькой. Уже сам спуск страшно мучителен. Надо быть очень осторожным. Один неверный шаг и ты – внизу скал, в глубокой пропасти. Перед нами огромная бездонная пропасть, на пути летящие птицы, опять горы и снова продолжается тот же низвергающийся спуск с тысячами и тысячами опасностями. Мысленно отмеряю на глаз, прошли 2 000 метров и спустились, дошли до дна. Справа из глубоких вод вытекает речка по имени Ганлы-чай. Немного дальше, извиваясь как дракон, разбивая скалы, вырываясь, протекает другая река Ак-су, белая как ее имя, пенится, она холодная как лед, с вкусной водой. Из нее мы жадно пьем, не зная, что она называется Ак-Су. Выжившие беженцы в своих воспоминаниях эту пропасть называют Ущельем Джермак Джура (Белой Воды) или Ущельем Прпур Джура (Пенистой Воды).

Место слияния этих двух рек – дно пропасти, составляет полуостров – узкая, скалистая, каменистая низина. Здесь сегодня ночью будет наша стоянка. Дойдя до стоянки, обустроиваясь, в спешке я потерял погонщицу курдянку, где она осталась, не знаю. Я уже расплатился с ней, обещая дать ей подарок. Но что греха таить, я принадлежу к тому виду людей, которые обещают, но не выполняют. Человек таков, когда он выходит из трудного положения, быстро все забывает.

¹⁵² Айноц- аг-ноц большой мешок, хурджин, по одному по оба бока осла (Г).

Гордые вершины, горы великаны. Я обхожу это ущелье – пропасть, края ее изломаны, кругом густой лес. Никогда я не видел природу такой многоликой и столь привлекательной, если забыть, что это логово зверей. А жители курды, как и живущие в берлогах, это полудикие звери в далеких друг от друга домах, в зеленых кушах деревьев.

Как только караван дошел до стоянки, пришли курды принесли на продажу продукты: хлеб, блгур, мацони, тан, пач-перец, сыр, огурцы, вареную курочку, по два куруша. Жандармы не разрешают им входить на стоянку, чтобы не было воровства, грабежа. Они сидят на другом берегу, для покупок к ним идем мы. В границах закона курд добр, щедр. Признает законы. Но если его выводят из пределов законности, он становится бежавшим из железной клетки неукротимым зверем.

В этот вечер мы хорошо поужинали. Купили вареную курочку. Давно уже не видели мяса. Но завтрашние заботы не дают нам покоя. Смотрю вокруг, по какой дороге должны мы выйти из этой пропасти, ничего не могу понять – ни с одной стороны не вижу дороги. По ту сторону реки на склонах ущелья виднеется лишь одна тропинка. Видно и женщины как я изучают местность, и говорят друг с другом опечалено: «Проклятье! Завтра откуда мы должны подниматься?»... У человека, смотрящего с этой низины напротив, темнеют глаза, теряется рассудок. Эта низина называется Тавшан-Еогуш. Вечером нас одолела усталость.

ЧЕРТОВЫ МОСТЫ, ПЕЙ-ДАГ. – Шум Прпур-Джура как материнская песнь укачала нас. В эту ночь мы уснули крепким сном. Так сладко спал я 20 лет тому назад во время путешествия на мельнице Ганкала Еыаланлы Джермук. Выражаясь поэтическим языком, я был в объятиях Морфея, о таком сладком сне можно так выразиться. Но сейчас не время поэтов, не мое это дело... И после сладкоязычного Варужана чтение стихов на краю ущелья признак плохого вкуса.

Утром рано встаем. В первую очередь все заняты лихорадочной подготовкой к дороге. Горе отстающему. Курды также с утра заполнили лагерь с целью продажи съестного, но больше – для ограбления отстающих. Погонщиков мулов нет или очень мало. Денег почти не осталось. Жена советует удовлетвориться одним единственным ослом. Авангард нашего каравана с легким грузом, с поклажей пищи на спине, с засученными до колен шароварами переходит реку и выходит на берег

Тавшан-Еогуша, откуда на гору лишь заяц может подняться. Как должны перейти эту реку, как должно подняться на эту небывалую Голгофу такое скопище беззащитных женщин, девочек, детей, уже обессиленных, изможденных с грузом, с ослами... Но другого выхода нет.

Переход через реку Прпур-Джур длится несколько часов. Быстрое течение воды, устланное крупными глыбами камней дно, торчащие из воды скалы, рифы, преграды, полное отсутствие брода, нет легкого места для прохождения. Ноги детей и женщин скользят, они не могут противостоять бурному потоку, уносятся водой, плач, крики, вопли о помощи, кому помочь, кто смотрит на другого, кто может заботиться о ком-то, все в одинаковом положении и каждый занят собой. Уместна поговорка: «Каждый смотрит на своего осла, как он переходит воду».

Из наших горожан три брата – Ходжа Симон, Карапет, Ншан Кябачонцы по пояс в воде с большой самоотверженностью помогают всем направо и налево. Жандармы, сидя наверху на краю ущелья, с удовольствием смотрят на это мучение народа.

Новая трудность – подъем на гору. По ту сторону реки нет берега. ^{оба плывут} Сразу начинается крутой подъем на гору. Ослы упрямятся не двигаются с места, не делают ни одного шага. Ужасно упрямство этого покорного животного. Тянут за узду. Быют плетью, толкают сзади, еле переставляют передние ноги, задние ноги остаются внизу, при каждом шаге поклажа валиться вниз. Огромное скопление народа, волнения, крики, брань, проклятия, плач... Впереди заторы, во след идущие не могут продвигаться вперед, стоят в воде. Дорога, как было сказано, узкая тропинка, по ней с трудом может пройти один человек, косо с Прпур-Джура поднимается наверх на 15-20 метров. Воистину Чертов мост. Один неверный шаг, маленькое отступление, как ты с этой высоты оказываешься в водах Прпур-Джура. Горе упавшему!

Пока люди прошли через эту воду, через этот Чертов мост, в отчаянии думаешь – зачем только меня мать родила.

Горе тебе! Чтобы тебе сгинуть, одержимый бесом турок! Чтобы тебе сдохнуть, искусный во зле Иттихад. Чтобы погиб весь твой род, осталось лишь твое имя! Сгинуть тебе, дом разрушителя Ал-Османа¹! Чтобы у тебя руки отнялись, султан Решат¹¹! И дом твой пусть поглотит огонь, пусть потухнет твой очаг, станет пустым ульем, порушенной мельницей,

пристанищем сов. Провалиться тебе сквозь землю! Даже, придумывая мучения в аду, Вегельгевус, Садаэл, Велиар¹ удивились бы изобретательности, усомнились бы в появлении таких планов. Представить себе, весь народ Малой Армении с прибрежными землями в 300-400 000 заставить пройти через эти дороги... Даже отары овец невозможно так гнать. Можно позавидовать убитым мечами, топорами, сразу освободившимся!

Я тоже занят ни чем иным, как подталкиванием осла наверх. Свояченица, ее сын помогают моей жене, дочери. Они идут, доходят до меня. Жена моя пешком поднимается по подъему. На осле уже невозможно. Жандармы гонят вперед. Мы довольно отстали от каравана, хотя есть и больше нас отставшие.

Поднялись на Тавшан-Еогуш. Впереди нас плоскогорье. Немало рытвин. Одним словом горная дорога. Авангард опередил нас на час ходьбы.

На окончании плоскогорья перед нами предстала душераздирающая картина – брошенная девочка, сидящая на краю дороги. Боже мой, что за вид был у нее, что за состояние! Исхудавшая, истощенная, остались одни кости, еле прикрытые кожей, лица нет, просто скелет, покрытый кожей, внутри глаз с копошащимися тысячами мух, мухи отложили яйца, черви вылезают из носа, ушей. Удивительно то, что она еще была жива, время от времени сотрясалась от судорог. Невозможно было смотреть на это. По моим расчетам, уже неделя как она брошена здесь. Не могу описать своего волнения.

«Хорошее за горами, плохое за дверьми», миновать бы мне его. Но все раздирающее душу плохое, что увижу, преследует меня. Через две стоянки так была брошена моя шестилетняя дочь. Я нанял для нее одну девушку из Бурга, которая ее оставила на дороге. Глубокие, глубокие раны нанесла мне эта потеря. По сей день они не заживают и кровоточат.

Продолжаем нашу дорогу. С верха косогора слышим звук выстрела мартини. «Обязательно кого-то убили», – говорим. Идущие за нами женщины в волнении, задыхаясь нагоняют нас. На наш вопрос отвечают, что жандармы убили Хантэк Кэнарэн Тюркэренц Сарафа¹⁵³, агу Степана, сказав, что отстал. Вот еще одна жертва. В дороге курдянки принесли на продажу съестное, бурдюками тан. Пьем до отвала и прохлаждаемся. Жара

¹⁵³ Сараф – меняла, банкир.

на ослах, в хурджинах. Узкая тропинка опоясывает длинной извилистой дорогой бока Пей-Дага вверх постепенно все выше, горы на горах, высоты на высотах. В направлении этого извилистого пути налево перед нами открывается пасть глубокой пропасти одного ущелья, куда с сотворения мира не проникали лучи солнца. Узкая, кривая тропинка нависла как Чёртов мост на губах этого огромного ущелья. Еле с большой осторожностью и ловкостью по ней может пройти один человек. Маленькая заминка, ошибочный шаг, просчет глаз достаточны, чтобы ты скатился в пропасть в несколько тысяч метров глубины и от тебя самым большим оставшимся куском может быть ухо. По этому Чертову мосту должны пройти 4-5 000 народа нашего каравана. И невозможно представить себе, что уже 3-4 тысячи народа провели по этому ужасному пути, который местные жители именуют Козьей тропой..

Находящиеся в засаде курды, нападающие на отстающих, выбегают, грабят, похищают девушек-невест. Жандармы! Жандармы! Крики о помощи, эхом откликаются. Караван в панике, объят ужасом, народ спешит пройти через Чертов мост. На самом узком и опасном месте ужасное скопление народа, пока передние по одному проходят, у сзади идущих останавливается кровь в жилах. Женщины и девушки боятся за свою жизнь, мужчины – за свою душу. Смотришь, одна группа, сворачивая с тропинки, другими проходами приходит и проходит вперед. Ужасная ругань, взаимные проклятия, поднимается невообразимый шум от брани. Толкают друг друга, ударяют. Со своего места измеряю до поворота верха ущелья по прямой линии до получаса ходьбы по этому Чертову мосту, но длится еще больше времени, пока народ осторожно маленькими шажками передвигается.

Немало сорвавшихся. В ужасе они прилипли к одному камню, к какому-то корню. Наш авангард уже прошел поворот ущелья. На другой стороне ущелья видно, как повиснув на Чертовом мосте, маленькими шажками продвигаются люди. После прохождения этой стороны, как говорится, мы должны покаяться, переходя на другую сторону. Один из жандармов на другой стороне ущелья проходит через караван. Ради развлечения пинает впереди идущего осла ногой. Осел вместе с поклажей катится вниз. Хозяйка осла, жена Тэли-Казаряна Григора, заламывает руки, плачет. Привыкший к горным дорогам курд спускается вниз, поднимает осла, грузит товар, приводит осла к хозяйке и уходит в ущелье.

Мы также дошли до другой стороны ущелья. Одна девочка соскользнула вниз и повисла на камне. Кричит, зовет на помощь проходивших. Кто осмелится спуститься помочь и поднять ее вверх, сам вместе с ней окажется на дне глубокой пропасти. Мальчик на этой дороге, лет 7-ми-8-ми, ноги распухли до голеней, не может идти, остался здесь. По одежде /синие узкие штаны из ткани/, по очертаниям лица понимаю, что из Бурга. Спрашиваю, подтверждает, родные уже прошли вперед, его оставили здесь. Поднимаем на ноги, заставляем немного идти, немного сажаем на осла, везем с собой. Солнце уже давно село, наступила темнота. Все спрашивают друг друга с тоской: «Много ли осталось до стоянки?». Жандармы показывают где-то далеко вершину Гуш-Тэпэ и говорят: «Стоянка у его подножья». Моя жена, свояченица вместе с другими пешими проходят вперед. Я им поручаю, дойдя до стоянки занять заметное место, чтобы легко было найти. Мы вышли из Чёртого моста, дорога спускается, лунная ночь, особых трудностей в дороге нет. На этот раз тропинка должна пройти по ущелью справа от нас, здесь также нам придется преодолеть Чёртов мост К счастью он не длинный. Проходим. Издали видим огни стоянки. Как-будто усталость отступила. Еще должны пройти довольно большое расстояние. Пользуясь темнотой на нас из засады нападают курды. Схватив какой-нибудь сверток, или еще что-нибудь убегают. По дороге немало трупов. Изможденные бедные упали. Впереди труп юноши. Поворачиваю его, чтобы по свету луны определить, кто это может быть. Да, узнаю. Сын священника Маттеоса – Степан. У него разорвалось сердце, из носу, из-за рта кровь пошла.

Дошли до стоянки. В воздухе стоит глухой гул. На возвышенности раскинута черная палатка из козьей шерсти на 7-ми – 8-ми столпах. Говорят, это шатер бея. Разведен огонь, жарят ягненка, обслуживают армянские женщины. На большом пространстве и при шуме мне с трудом удастся найти наших. Была уже полночь, когда мы дошли, отдохнули. Здесь летние пастбища Зейнала. Из-за черного цвета эту стоянку мы прозвали местом Черного Шатра.

СТОЯНКА ЧЕРНОГО ШАТРА. – Проходит ночь. Утром встаем. Внимательно изучаю местность. Обширная горная долина на пройденном нами горном массиве. Летние угодия Зейнала. Цепь холмов, местами отдельные маленькие горы окаймляют долину. Самая высокая из этих вершин называется Гуж-Тэпэ. У ее подножья на высоком месте разбит

шатер бея. Сделанный из козьей шерсти с 7-ю – 8-ю шестью. В нижней части лагеря луг. Имеются источники с мутной глинисто-известковой водой. Мы для хозяйственных нужд берем воду из них. Говорят есть вкусная питьевая вода, но она находится далеко. Глазами ищу – какие есть дороги, откуда мы должны выйти? Только по бокам цепи горных хребтов тропинки и несколько перевалов. Утром рано курды, курдянки поспешили принести на продажу разные продукты. На одном из далеких холмов устроен базар. Еухский-хлеб, блинчики, тута, тутовый сок, изюм, пастила. Виноград, помидоры, чечевица, блгур, мука, лук, арбуз, свежая смоква и пр. до полудня все распродается. Сладости, говорят, это жизнь для человека. И на самом деле это так. На сладости больше всего спросу. Но и насколько вредны фрукты для больных царящей в караване эпидемии дизентерии. Здесь немного исчез страх поимки мужчин. Довольно смело видимся, общаемся.

В Фырынджыларе и в дороге мы лишены были этой возможности. Здесь я увиделся с Григором Пехливаняном. Он, подавленный бедами братьев, родственников, ходит с глубокой раной в сердце. Нахожу эконома нашей школы Хазара ахпара. Приветливый, сладкоречивый человек, обрадовался увидев меня в здравии. Очень опечалился узнав о моих бедах и мучительной жизни. Сообщил сведения о своем сослуживце экономе Кэробе ахпаре. Он был убит вместе со своими двумя сыновьями – Хетумом и Хореном в Гасан-Челепи. Оба сына были выпускниками нашей школы. Хорен работал в Санасаряновской школе. Из наших родственников увидел семью Тэли-Казаряна Григора. Его обоих сыновей – Ованнеса и Рубена забрали в западне Бырыха. Наши блестящие выпускники этого года, одаренные, способные. Настоящие гении уже с детского возраста. Бедные матери! Взлелеянные в материнской заботе, теперь по ним проливают слезы. Болезнь моей жены – проклятая дизентерия – со дня на день усиливается, она сильно исхудала, ослабла, высушена, истощена, страшно смотреть на нее. В таком состоянии, что ей может помочь – ничего.

В этот день остаемся здесь. Нам дают отдых, не потому, что заботятся о нас, а потому, что ненасытный Зейнал не удовлетворен богатством и роскошной добычей каравана. Он вызывает одного из главных людей каравана. Требуя 50 золотых, с золотой цепочкой золотые часы, дорогое бриллиантовое кольцо. Возражать ему, торговаться, кто посмеет, у кого

хватит духу? «Будет сделано, мой Бей», – говорит. Из главных лиц каравана создается комиссия: Габикян Хаджи Манук, Сарайтарян Петрос, Пармагосзян Сероб, Гыргейерян Воскан, Ланпачаян Микаэл. Кябабчи¹⁵⁴ Хаджи Симон. Начинают собирать. У народа ничего не осталось, вся тяжесть легла на горожан – себастийцев. Крестьяне, харбердцы, не хотят участвовать, сопротивляются, не боятся ничего. Между тем эти заявления главаря разбойников насильника и ему подобных о выкупе касаются всех членов каравана. И требованию, касающемуся всех, никто не может перечить, все без исключения должны участвовать. Читатель увидел, что до этого все грабежи, сборы, выкупы и другие огромные суммы взимались исключительно за счет имущества и достояния себастийских горожан. И если и здесь и после этого за свое освобождение для горстки мужчин надо было еще много таких выкупов давать, то эти спасшиеся себастийские мужчины и вместе с ними выжившие женщины не только на путях депортации и стоянках шли на огромные жертвы и были весьма полезны, но и после перемирия. Они по сей день в Алеппо и в Киликии ставят на службу соотечественникам, горожанам и крестьянам свои безмерные услуги, где бы они не находились – выжившим самсунцам, марзванцам, амасийцам, зильцам, тохатцам, кюринцам, а также выжившим женщинам крестьянкам Верхней и Нижней долины Галиса. Они с глубокой благодарностью должны помнить, рассказывать как эта горсть себастийских мужчин, вырвавшаяся из когтей головорезов, какую неоценимую услугу оказало им и как покровительствовала даже в самых тяжелых обстоятельствах. На всем протяжении пути себастийские караваны, как караваны богатых горожан, сверху донизу так были разграблены, что у народа больше не оставалось никаких материальных возможностей. Поэтому сейчас наша комиссия по сбору средств решила привлечь также другие слои каравана и сделать их участниками сбора денег и, если будут сопротивляющиеся, даже прибегнуть к насилию. И, действительно, в самом начале пришлось прибегнуть к принуждению. На этом пункте я так долго задержался, поскольку узнал, что в это время нашлись люди, которые несправедливо и напрасно осуждали членов комиссии за их решение. Объективность историка обязывает меня объявить, что членов

¹⁵⁴ Кябабчи- шашлычник.

комиссии в этом вопросе нельзя никак винить и я считаю их поведение правильным, когда учитываешь наличие страшной опасности. Столь же справедливым считаю поведение тех, кто вместе со мной могли немного разобраться без предвзятости.

Наконец, комиссия собрала 50 золотых. Осталось решить вопрос золотой цепи и золотых часов. Жена товарища Миграна Чугасяна, госпожа Терез предоставила комиссии золотые часы с золотой цепочкой из приданого своей невестки, с условием, что уплатят за это 5 золотых, так как им вместе с внуками и детьми нечего есть, все опустошено. Но комиссия, несмотря на заверения и обещания, ничего не заплатила. Бриллиантовое кольцо кто-то другой дал. И все это в шелковом платке понесли и положили к ногам Зейнала.

Нечестивый Зейнал не удовлетворился и этим и со своими голамами пошел сам осматривать караван. Он перевернул товары богатых семейств и забрал много дорогих тканей, шалей, ковров. Во время этих обысков невесты Пагалаян-Зари Бояджанов вручили своей родственнице женщине сверток с золотыми украшениями, чтоб она спрятала. Эта несчастная закопала сверток в землю на том месте, где сидела на стоянке. Курды, стоящие вокруг каравана, как наблюдатели, заметили это. И как только она ушла, пошли достали сверток и содержимое поделили между собой. Между тем женщина побираясь кое-что собрала взамен украденного курдами.

ПЕРЕПИСЬ ОСЛОВ. – О податях турецкого правительства, в число которых входило поголовье баранов, мы слышали, но не знали, что в это число входят и перепись ослов. Это случилось к вечеру. Голамы с клеймами в руках пришли в караван. Всем приказали со своими осликами придти на опушку, за пределы стоянки каравана. Было 7-8 000 этих покорных животных. С четырех сторон были выставлены охранники, чтобы не было попыток к бегству. Оставили один единственный проход. Голамы стоят вокруг бея с мешками в руках. За осла берут 5 курушей и отпускают.

Мы остаемся здесь еще один день. На холме тот же базар, идет торговля съестными и фруктами. К вечеру как в прошлый день произвели перепись ослов и еще кроме выкупа и ограбления потребовали 60-70 золотых монет как подать за стоянку, за землю.

ВТОРАЯ ПРОПАСТЬ

ТЭЙИРМЭН ДЕРЭСИ. – Как я заметил еще в первый день, из этого лагеря не было легкой дороги продвижения. На третий день нас подняли в дорогу. Идем по видному с лагеря к ущелью на юго-восток. Сталкиваемся с теми же трудностями, которые сопровождали нас на прошедших нами путях в первые дни. На склонах глубокого ущелья узкая крутая каменная тропинка, по которой мы продвигаемся вперед. Ослы, эти осторожные животные, не могут по ней идти, их нельзя оседлать, множество больных вынуждены идти пешком. В дороге наша обувь давно износилась. Большая часть идет босиком. Ноги многих опухли. Изранились острыми камнями, течет кровь. Ноги обвязаны тряпьем для прикрытия ран, чтобы суметь ходить по камням и осколкам скал. По бокам ущелья поднимаемся вверх, горный массив со своим ужасающим видом вновь предстает перед нашим взором. Поднимаемся наверх, всегда наверх к вершинам горных хребтов, проходим по окружающим нас висющими над пропастями узким тропам, чьётовым мостам. Нет даже мух или птиц. Жара спала, дует прохладный горный ветер. К вечеру начинаем спускаться. Насколько нам тяжело даются высоты, настолько ужасны спуски: вертикально, прямые, с нашей левой стороны глубочайшее ущелье, протекает мощная река. За каждым шагом нас ожидают крупные обломки скал, караван весь рассеялся при спуске. Нет какой-то определенной дороги, каждый находит какой-то проход и спускается по нему. Этот спуск длится часы. Наконец, мы внизу, спускаемся на дно глубочайшего ущелья, похожего на пропасть Прпур-джура.

Справа и слева протекают реки, напротив – ниспадающий водопад, впереди него мельница, из-за этого ущелье называют Тэйирмэ-Дерэси. Мельница закрыта, не работает. Видно мельник был армянином, вероятно убит, ограблен. Народ ужасно уставший, разбитый. Каждый человек считает свои потери. Очень многие пали в дороге. К полночи отдельные отставшие люди дошли до каравана. Моя жена и свояченица совсем плохи, истощенные, изможденные, им осталось несколько дней жизни. Можно было лишь мечтать о смерти в своей постели... насильственная смерть!...

Проходит ночь, утром должны идти в путь. Взглядом измеряю высоту кособора напротив, по которому должны подниматься. Точь в точь как в

Прпур-Джур Тавшан-Еогуша. Те же трудности, те же мучения и страдания. Наш авангард уже в пути, остальной народ собрался на косагоре с ослиами, грузами. Пока мы поднялись, достигли верха, прошли часы, долгие часы. На этом месте очень много больных. Падают на землю, остаются. Не могут ни на ослах удержаться, ни идти не могут. А их родные не в состоянии взять их на спину и поднять. Уходя, слышим звуки выстрела. Помп! Помп! Жандармы расстреливают оставшихся на дорогах, прекращая их страдания....

Дорога на плоскогорье не труднопроходимая, мы уже близки к стоянке. К концу полудня доходим до стоянки у какого-то села, кругом деревья, сады. Здешний бей один из племянников Зейнала, еще молодой, высокий. Хорошо сложенный, благообразный. Алеппская шелковая дорогая ткань доходит до колен, пояс из дорогой персидской шали, надет в тонкий золотого цвета мешлаг, голова обвязана разноцветным кэфиз¹⁵⁵. Говорят, что он очень добрый человек. Не обагрил свои руки кровью армян и не занимался грабежами. Голамы стоят навтыжку перед ним. Он восседает напротив деревни на красивых постелях, облокотившись на шелковые подушки. Многие женщины, прослышав о его добром нраве, идут к нему и рассказывают о своих несчастиях. Просят освободить взятых девушек, парней. Он говорит им, что это невозможно, хотя сочувствует и соболезнует им и утешает их.

Отставшие от каравана постепенно доходят до него. Сын моей свояченицы Григорик также приходит и находит нас. С плачем рассказывает о матери, оставшейся на дороге. На его глазах курды ее ограбили, оголили и расстреляли. При ней было довольно много денег. Жена моя восприняла весть о своей несчастной сестре очень бурно, плакала. Боюсь, что ее положение еще более ухудшится. Я также чувствую, что болезнь начинает разъедать мои внутренности. И дочь моя тяжело больна. Курды деревни приходят на стоянку делать покупки. Есть довольно много продающих. Наши деньги на исходе. Продаем шелковую простыню моей жены, за три меджита, примерно 500 гурушей. Всю ночь жена и дочь мучаются. Не могут заснуть.

¹⁵⁵ Кэфиз – головной убор у арабов.

СТАРЫЙ МОСТ. – Наступает утро. Собираемся в дорогу, в нескончаемую, вечную дорогу смерти. Моя жена уже не может ходить. Надо ее посадить на осла и с боку поддерживать. Дочь Аршалуйс также тяжело больна. Обейм сразу не смогу помочь. Нанимаю девушку из Бурга, чтобы взяла к себе на спину дочку. Помимо того, что плату даю заранее, обещаю вечером добавить еще. Дорога проходит по горному массиву. Те же горные тяжелые дороги, направо и налево глубокие ущелья, темные леса. Глаза всех направлены в сторону далекого горизонта. Было сказано, что сегодня вдалеке покажется Евфрат. Дойти до великой реки, само желание бросится в воду, желание всех. У всех на устах лишь бы дойти...

Доходим до оконечности гор, их самой высокой части. Здесь с противоположной стороны повеяло очень сильным и ужасным холодом. С земли песок бьет нам в лицо и как щепку отбрасывает назад. Многие валятся на землю, не могут подняться на ноги. Издалека, очень далеко показывается Евфрат. Показываем друг другу. Кончается массив. Отсюда спускаемся вниз. Нет никакой дороги. Уже до этого нас вели не по определенным известным дорогам. По бокам дороги книзу местами мягкая земля, многие как на санях катятся вниз. Глазами измеряю – далеко ли до подножья – еще много пути: ущелья, перевалы, плоскогорья. День кончается, наступает ночь. Наконец доходим до моста Кэахтэ. Ниже левого берега Кэок-су, разбиваем лагерь на просторном песчанном месте. Отставшие постепенно доходят до нас. Ищу курдянку, которая несла мою дочку. Приходит, доходит. Дочки с ней нет. Оставила на дороге. Как будто мне на голову налили кипящую воду. Охваченный яростью, я нападаю на нее: «Почему ты ее бросил?» Заикается: «Жандарм, видя, что она больна, взял и бросил в ущелье». Не верю. Даю ей пощечину. Бывшие с ней рядом выявляют правду. Она предложила сестре, чтоб та немного несла. Сестра отказалась. И она рассердившись оставила ребенка на дороге. Обыскиваю ее и нахожу у нее одежду дочери. В подоле ожерелье из серебряных монет. Кровь ударяет в голову. Даю ей несколько пощечин. Идти обратно на ее поиски нет никаких возможностей. Хоть бы она при мне скончалась, чтобы я смог ее своими руками похоронить. Жена моя, услышав об этом, как сумасшедшая кричит, убивается, бьет себя в грудь, срывает волосы на голове, упрекает меня. Несколько раз пытается броситься в воду. До утра так она убивается из-за потери дочери. Я также

не могу заснуть. Всю ночь не смыкаю глаз. Наступает утро. В этот день мы остаемся здесь. Все воды, протекающие по тысячам ущелий, оврагам, пропастям этого горного массива идут и, сливаясь здесь, выходят из этой низины. У выхода этой воды естественный темный тупик. Биясь о скалы, пенясь, как огромный дракон вода выбивается наружу. Яростные волны, как неукротимый конь несутся и обессиленные успокаиваются на низине, но вода еще долгое время удерживает свой яростный бег. С места выхода воды из тупика на огромные скалы с одной на другую сторону перекинут однопролетный мост великан, построенный из камней в человеческий рост. На обоих концах моста высотой в 10-15 метров возвышаются каменные столпы, покрытые греческими письменами. На одном из столпов ясно прочитывается S. P. Q. R. (Senatus, Republiusque, Romus), первые буквы символа Римского владычества. Мне кажется, что этот мост также был построен во времена Великого Александра. Это один из многочисленных мостов, построенных им на многих реках во время своих победных походов на Восток. Позднее, по всей вероятности, мост был отреставрирован римлянами. Какие народы, какие властители со своими побеждающими войсками прошли по этому мосту! История как галерея картин идет и проходит перед нашим взором. И теперь большая часть одного из исторических народов – армяне идут и проходят отсюда к насильственной смерти, гибели...

Кэок-Су, то бишь Кеахтэ-Су, вниз направо, собирая воды множества речек, по прямой линии идет и вливается в Евфрат, довольно высоко от Самусата. Устье реки очень широкое, полностью из песка и известняка. Видно весной бывает очень сильное половодье, и она разливается в естественную ширину Евфрата. Вода вкусная. Светлозеленого-голубоватого цвета, почему и называется Кэок-Су. Женщины занялись стиркой, купанием. Одна невеста бросается в воду. Мужчины настигают ее и вытаскивают на берег. Одного мальчика уносит сильное течение воды. Доходят до него и спасают. Какая-то женщина идет и подальше от глаз народа бросает в пучину державшего за ее руку сына. Мальчик, работая руками и ногами, выходит на берег. Безжалостная мать вновь, схватив его за руку, бросает в воду. Увидевшие это еле поспевают, но волны уже подхватили и унесли с собой бедного мальчика. Жестокую мать оплевывают, проклиная, но все напрасно. Мать отреклась от сына! Нежная

материнская любовь, ласка иссякли, сердце окаменело. Стало как несокрушимая скала. Жена умоляет взять ее на берег реки, помыться, «Я вся горю» – говорит. Я боюсь, что она бросится в реку, но не могу устоять перед ее мольбами. Часами она купается, просит на голову наливать воды. «Все еще горю», – говорит. Сердце мое разрывается. Проклятая дизентерия разъедает ее внутренности. Кеахтэ уже близко. Не более одного часа ходьбы. Принесли на продажу съестное – много хлеба, лепешки, хлеб из пекарни. Просят вынести на продажу разные товары. Юноши уверяют, что их хозяева честные, за товары дадут их цену. Делают много покупок, особенно украшения, золотые украшения. В этих краях золотым украшением дается имя кази. Спрашивают «Есть ли кази?» и подходят. И по дешевке покупают. Во всяком случае платят. Османскую золотую монету оценивая в четыре меджита. У нас оставалось несколько золотых украшений. Мелкие монеты Решатье¹⁵⁶ даю за 25 дахеканов. Эти покупки делают в тайне от жандармов, если они узнают или поймут, то будь товары или деньги отберут. Покупатели, чтобы свободно торговать, жандармам должны дать большую мзду.

Местный знатный курд вместе с жандармами сидит на коврах у входа на мост. Из Кеахтэ приходит один жандарм. Знатный курд вызывает к себе одного из предводителей каравана ага Петроса Серайтаряна и поручает в караване отделить протестантов, католиков и армян-григорианцев, отдельными группами посадить и их отдельные списки передать ему. Из Харберда записалось довольно много протестантов. Отец вардапет Григор Пехливанян составляет список католиков. Их очень мало. До вечера списки подготавливают и сдают. Когда мы были в Фырынджыларе пошли разговоры и разногласия относительно прощений протестантов и католиков. Очень возможно, что и сейчас был такой приказ, но, видимо, очень слабый поименный, так как существенного результата не было.

БОЛЬНЫХ БРОСАЮТ В ВОДУ. – Один день вот так мы отдыхали. На следующий день рано поднялись в дорогу. Проходим по мосту. Направляемся к правой стороне реки, по склону горы продвигаемся впе-

¹⁵⁶ Решатье – от имени Решат. При султани Решате V (см. примеч. к с. 243 II) были выпущены медные, серебряные и золотые куруши разного достоинства. 100 курушей = одной турецкой лире. Из предыдущего предложения – «У нас оставалось несколько золотых украшений» – следует, что речь идет о золотых монетах.

ред по узкой тропинке. В лагере осталось более 30-ти больных. Бывшие там курды пришли, схватили их за руки и ноги и бросили в реку. Другие, видя это, ужаснувшись бросились бежать. Курды их преследуют, бедные отчаянно кричат, плачут, зовут на помощь, просят о милосердии. Мы с этой стороны с ужасом, разбитым сердцем наблюдаем за этой страшной картиной. Наконец всех бросили в воду, несчастные несколько минут барахтаются в воде, переворачиваются, идут под воду, затем вновь появляются на поверхности, подхватываются течением и уносятся с распростертыми руками и с разбросавшимися волосами. Жена моя, видя это, завидуя им, пыталась броситься вниз в воду. Я со страхом удерживал ее. Эти брошенные в воду в основном были из близлежащих деревень Энтирэса.

Из наших знакомителей Овсанна Варэжян рассказывает, что когда их караван дошел до этого моста, здесь они нашли много женщин, девушек, детей голыми. Было много похищений невест, девушек, больных бросали в воду. Другие информаторы также о больных рассказывали то же самое. Чем больше мы продвигались вперед вниз по течению реки, тем больше трупов видим на берегах, вокруг островков, что свидетельствует о ранее происшедших таких же событиях. Рачья Габикян рассказал, что невестка Хылхылыкенца /Пагалянов/ глотала лиры. Находявшиеся на мосту жандармы смотрели в подзорную трубу. Пришли пронзили ее живот гаганом-клинком, вытащили лиры, а труп бросили в воду.

Продолжаем свою дорогу довольно долго по узкой тропинке, повисшей над рекой. Каждую минуту нас подстерегает опасность свалиться-покатиться вниз. Сворачиваем направо, проходим через кусты ежевики. И снова перед нами простираются долины гор – подножья пройденных нами горных цепей, их отроги. Курдянки на дорогах продают воду в бурдюках, тан, хлеб, фрукты. Жена моя жадно все время пьет прохладительный тан. Ее положение уже безнадежное, на осле не может удержаться, сердце слабеет, глаза закатываются. Смотрю на нее и мне становится дурно. Боюсь, что ее увидят жандармы и расстреляют, как поступают с больными. По дороге часто встречаются древности, развалины крепостей. На определенном расстоянии друг от друга – памятники подобные встреченным нами в начале и в конце Старого моста. Нам сказали, что это пограничные камни.

ПЕРЕД СЕЛЕНИЕМ АГА ГАЙДАРА. — Довольно рано доходим до селения двоюродного брата Зейнала — Гайдара аги. Начиная со стоянки Черного шатра до сего места дорога была довольно спокойной: ни жандармы не потребовали сэламэтлика, ни на границе с нас не взыскивали земельной подати. Начиная с Тейирмэ-Дерэси до этой местности, стоянки Пхти-Бея, Бей таких условий не ставил. На нас снизошла какая-то наивность и мы, не сомневаясь ни в чем, шли. На следующий день стоянка была оцеплена. Вооруженные курды в определенных местах поставили охранников. Многие вторглись на стоянку. Под ударами дубинок, плетей собирают мужчин, до 7-8-ми лет детей, больных, стариков, даже тех, кто не может двигаться. Для меня это было неожиданностью, я почувствовал дыхание смерти, меня также поймали. Другие вооруженные курды спустили собранных в ущелье перед стоянкой. Всех собрали, привели туда, в караване почти мужчин не осталось. Все перед ужасом смерти, дрожа от страха, с отчаянием смотрят друг на друга. Что это, что будет с нами? Но какая-нибудь надобность в ответе есть? Ведь на всех прошедших нами стоянках-бойнях так поступали с нами, собирали мужчин, группами вели и убивали. Это самое предстоит и нам здесь. Немного погода приходит с прислужниками господин Гайдар и садиться над ущельем. На другой стороне ущелья довольно много курдов, каждый из них Голиаф, звероподобный демон, в руках у них наготове наджахи, сабли, мартини. С нетерпением ожидают приказа. Господин советуется со своими. Распорядился, чтоб нас спустили ниже. Нас повели довольно далеко в более глубокое ущелье. Все ущелье в лесах.

Со всех сторон скалы, из под скал текут холодные источники. Сердце мое как горнило – в огне. Наклоняюсь к воде и жадно пью. С утра ничего в рот не брал. Желудок начинает болеть. Другие также жадно напиваются воды. На глаза мне попадается один из наших учителей – Гарегин Эгнатян. Бедный парень, уже в дороге был болен, совершенно бледный, сердце не выдерживает, очень напуган, понимаю, что от страха. Успокаиваю его, приободряю. Хотя сам еле держусь, кто-то должен меня приободрить. Приходит господин Гайдар с голами. Сел от нас намного выше. Ему лет за 50, высокого роста, дикий, смуглый, с выразительным лицом, с крашенной хной короткой бородой. Густые усы прикрывают губы, на голове высокий фес окаймлен черной кисточкой, синие шаровары из асуи, в

длинном пальто, на ногах муджаки, на спине персидский шерстяной пояс. Рядом с ним постоянно жандарм чавуш. Он в белом шелковом златотканном пиджаке, надетом на рубашку из красной шерсти. Человек лет 30-ти с диким выражением лица. Напротив над ущельем сидит джолир курдов. Ага еще немного посоветовался и затем позвал наших старейшин. Андреасян ага Ншан, Сейратян ага Петрос, Хаджи Манук Габикян и несколько других со страхом подошли к нему. Ага приказал им сесть. Жандарм-чавуш выполнял роль переводчика. Он передал им волю аги и сказал: «За выкуп с каждого человека должны дать по 5 золотых. Заплатившие получают взсику, они могут продолжить свою дорогу, не заплатившие останутся здесь»... От последнего слова пахнет смертью: должны остаться здесь, т.е. будете здесь убиты. Наши предводители просят, умоляют смягчить условия. Приведенные доводы о постоянном ограблении и нашем обеднении никакого воздействия не оказывают. Они приходят и сообщают нам о своем решении. Мы советуемся и решаем сделать им новое предложение, а именно: предложить аге, чтоб он потребовал с нас определенную сумму и мы соберем среди нас. Передаем это предложение. Оно подобно первому предложению остается не принятым. Согласные с внесением выкупа в 5 золотых с человека поднимаются на ноги идут вперед. 30 человек было отделено. Мужчин и мальчиков примерно 100-150 человек. Из тех, кто дал выкуп, мне запомнились ага Ншан Андреасян, сын его Ованнес, вардапет отец Григор Пехливанян, Манук Габикян, Сероб Пармагозян, Ншан, Гыргэйэрян Воскиан, Ланпача Мкаэл, Галайджи Григор и др. Господин сделал им такую милость: те, кто среди оставшихся имел сыновей, могут забрать их с собой без всякого выкупа и идти, таким образом было освобождено много мальчиков.

После того как господин получил 150 золотых, он повелительным тоном, что-то угрожающе крикнул окружившим ущелье курдам. Среди нас был один эрзерумец, знавший курдский язык, он сказал: «Люди, не бойтесь, вашей жизни ничего не угрожает. Ага сказал курдам: «Не стойте здесь, поскорее уходите, нет приказа об избиении». И действительно курдов прогнал как собак. Здесь мы глубоко вздохнули.

До этого, имевшие горький большой опыт со сбором мужчин, женщины в стоянке были в большом волнении и толпой пошли к краю ущелья и стали кричать «Что вы сделали с нашими мужьями, нашими сыновьями».

Переводчик-чавуш вышел вперед и успокоил их: «Не бойтесь, их жизни ничего не угрожает, даже волос не упадет с их головы. Только принесите деньги, украшения, дорогие вещи, какие у вас есть». Затем, обратившись к нам, нас также заверил в безопасности. Женщины вскоре возвратились, принесли с собой золото, жемчуг, серги, ожерелья, золотые украшения, золотые монеты, дорогие одежды, вещи из приданого, шали, ковры. Чавуш берет все это и сдает аге. Дающий выкуп вручает это человеку аге, который забирает и уносит. Что должен делать я. Мешкать, оставаться позади невозможно. У меня всего 7-8 меджитов, от золота, серебра даже тени не осталось. Рука не поднимается. Беру два меджита в руку, кажется мало, добавляю еще один, опять кажется мало, добавляю еще один, становится четыре меджита. Призрак голода предстает предо мной. Но нужно пройти через этот решающий рубеж. Говорю себе «бог милостив» и иду вперед, кладу четыре меджита в ладонь чавуша и говорю: «У меня еще есть красивые ботинки» (т). Чавуш в свою очередь передает деньги аге и по-курдски объясняет, что у него есть еще хорошие ботинки. Ко мне приставляют юношу, чтобы я ему передал ботинки и меня отпускают. Сопровождавший меня юноша был армянином из села Ковтун. Возвращаясь к себе. Жена, увидев меня живым, проливает слезы радости: «Где ты был? Что случилось?», спрашивает она слабым голосом. Она пыталась идти к краю ущелья с другими женщинами, не смогла. Я передал ботинки мальчику. Он взял и унес. Они были совершенно новыми, два-три раза я их надевал.

Дав богатый выкуп, мужчины едва вернулись в лагерь, как поступил строгий приказ немедленно каравану двинуться в путь. Жандармы, сопровождаемые толпой курдов, налево-направо погоняют, бьют, иногда тащат товары. Не дают времени как следует нагрузиться, посадить больных на ослов, собраться. Народ в панике, из-за спешки взволнован. Люди многое оставляют на стоянке, разбрасывая вещи, движемся в путь.

СЛУЧИВШЕЕСЯ СО МНОЙ НЕСЧАСТЬЕ, ТЯЖЕЛЫЙ УДАР. –

Естественно мы также охвачены волнением. Бедная моя жена уже живет свои последние часы. Сдвинуть ее с места нет никакой возможности. Силы покинули ее. Она совершенно изменилась, стала неузнаваемой. Глаза потухли и впали, глазницы почернели, скулы торчат, на лице выступает только нос, стала скелетом. Хочет говорить, не может – поручает мне

заботу о Григорике, сыне сестры. «Сделай его своим сыном, заботься о нем, хоть пусть он останется жив» – говорит. Это было ее последним завещанием. Несколько слезинок потекло из глаз. Не могу смотреть на нее. Схожу с ума. Сердце охвачено огнем. Не знаю, что мне делать. Сижу в растерянности. Мы в таком состоянии, что даже не можем оплакать покойника. Вместе с Григориком собираем вещи, нагружаем на осла, но под рукой нет ничего, чем можно крепко завязать. Жену поднимаю и сажаю на осла. Григорик тянет осла за уздцы. Я с боку придерживаю, чтоб не упала.

Дорога неровная, каменистая, крутые извилины, на каждом шагу спотыкаюсь, не могу удержаться, жена падает с осла, поклажа с хурджинами валяется. Народ в панике, почти бегом движется вперед, курды смешанно сопровождают нас. Отстающие в ужасе.

Проходит достаточное время, пока мне удастся погрузить вещи и жену на осла. Спешим дойти до каравана. Еле-еле прошли довольно большое расстояние, как осел падает, товары, больная оказываются на земле. И так много раз, но тем не менее прошли немалое расстояние. До полудня мы так падая-вставая продолжаем дорогу. Погонщик мула один из курдов видит наши мучения, подходит. «Стоянка уже близка, больную за небольшую сумму повезу, доставлю на место», – говорит он. Торгуюсь, плачу авансом один меджит. Он погружает больную на осла, и придерживая, быстрым шагом удаляется, не обращая внимание на мои слова немного подождать.

Я же наши товары опять погружаю на осла, укрепляю поклажу и с Григором спешим за ним. Они довольно отделились, но я в толпе не упускаю из виду. Дорога горная, ухабистая, труднопроходимая, постоянно неровности. В поворотах недостатка нет. Караван спускается в длинное, узкое ущелье. Народ скопился, чтобы пройти вперед, расталкивают, ударяют друг друга, осла под грузами сгибаются, сваливаются. До этого и груз нашего осла сваливается, мы замедляем шаги и довольно отстаем. Я пытаюсь пройти вперед, найти погонщика и мою жену. Видя, что прохождение через теснину займет много времени, поднимаюсь на окаймляющие проход холмы. Сверху донизу внимательно рассмотрев караван, продвигаюсь вперед: ни курда погонщика, ни больную не вижу. Думая, что они, выйдя из теснины, продолжают путь, спешу вперед,

растянутость части каравана вышедшего из ущелья займет более одного часа. В волнении продвигаюсь, не упуская ничего из поля зрения.

В крови и поте дохожу до последнего края каравана, когда уже он дошел до стоянки. Здесь также еще раз ищу и не нахожу больную.

Замечаю погонщика курда. бегу, хватаю за ворот, «куда дел мою больную?», спрашиваю. Привожу его к жандарму и обвиняю курда. Курд говорит: «Она была уже при смерти, в агонии, и жандармы заставили меня бросить ее на краю дороги». Жандарм подтвердил сказанное и дальше не хотел слушать.

На мою голову опрокинули жаровню. Как безумец бегу туда-сюда, ищу хоть какого-то выхода. Постепенно подошедшие новые люди говорят то же самое: «была при смерти и бросили ее на краю дороги.». «Живой или мертвой должен привезти ее, – говорю, – я ее должен похоронить своими руками».

Приходит, доходит до нас Григорик. После смерти несчастной матери, эта тяжелая утрата тети его также сильно потрясает. Он рыдает, плачет. Живой или мертвой я должен ее привезти. Найду курда, предложу ему три меджита платы, пусть пойдет и привезет ее. Денег не хватило. Предлагаю вместо денег своего осла. Он согласился. Боясь, что возьмет осла и исчезнет, я присоединился к нему. Довольно долго идем. Сняв висевший на спине кинжал, он погоняет осла. Обратившись ко мне он с некоторым сомнением говорит: «Идешь со мной, а вдруг там окажутся курды и захотят тебя зарезать»... «Ты же со мной, меня защитишь», говорю. «А если их будет много и я не смогу тебя вырвать из их рук...». А я в уме добавляю: «А он сам этот курд, если захочет зарезать-убить меня... кому до этого дела. Ведь известно, что каждый день они совершают такие преступления свободно...». Из двух зол выбираю наименьшее. Еще раз от него получаю твердое обещание, что живой или мертвой он привезет ее, и сам возвращаюсь в караван. Проходят часы: глаза мои остаются направленными в ту сторону. Наступили сумерки. Черный мрак окутал нас. Не видно никого идущего. Мое душевное состояние неопишимо, скорбь неизбывна. Бедная женщина, несчастная женщина на путях страданий мой единственный, сердечный, неразлучный, преданный друг. На протяжении дороги она меня спасала от верной смерти, опасностей, сохранила-сберегла, как же небрежно я ее живой покинул на дороге... Ум мой вос-

пален, сердце мое превратилось в горнило огня, горю, сильное угрызение совести грызет мое измученное сердце. Во мраке ночи передо мной предстает ее призрак, в ее устах молчаливый упрек. Прикрыв лицо свое ладонями, зарываюсь в подушку, чтобы не видеть, но она еще отчетливей как живая предстает перед моим взором. Куда мне бежать, где спрятаться... Стал гонимым Каином в руках моей совести...

И по сей день, когда наступает годовщина этого злополучного, ужасного дня, тело мое охватывает дрожь и я обращаюсь к этой ужасной картине, задыхаясь от рыданий, с моих глаз стекают потоки горьких слез. Угрызение совести столь велико, столь остро, а рана все еще кровоточит и сердце мое изнывает, щемит от страданий...

КЭОЛИК. – Так проходит кошмарная ночь. Душевные силы на исходе. Я в глубоком отчаянии, физически основательно разбит, убит. Глаза мои все еще устремлены на дорогу. Курды заполнили стоянку. С Григориком разглядываем их, надеясь увидеть вчерашнего курда. Вижу недалеко от нас стоят несколько зверей. Один из них украдкой смотрит на нас. Мне кажется, что он очень похож на курда, который должен был пойти и привести мою больную. Он изменил свой облик, одежду. Я сомневаюсь, он ли тот? Григорику говорю, хорошенько посмотри на него, дети лучше замечают. Григорик очень уверенно подтверждает мое предположение: «Да, дядя, это он». Подхожу к зверю. Спрашиваю: «Вчера пошел, должен был привести мою больную. И моего осла взял как плату за это». Кровавые глаза тигра угрожающе смотрят на меня: «Что ты сказал... ты меня оговариваешь... Какая больная, какой осел? Хочешь, чтоб я вонзил свой меч в твой живот и труп твой валялся бы на земле». Испугавшись я отпрянул назад. Но мне в голову ударила кровь я вышел из себя и угрожаю ему жалобой жандарму-чавушу. Иногда жандармы охотно любили выслушивать жалобы, особенно когда речь заходила об ограблении без их ведома.

Казалось, что это подействовало на него, он мягче мне говорит: «Ты ошибся, нанятый тобой курд, не я. Это Асо из Изолу, которому ты дал своего осла, он должен был пойти и привезти твою жену. Он пошел, увидел, что твоя жена умерла и не привез. Когда мы с ним договаривались, рядом с нами никого не было. «Если ты это не он, то откуда тебе

известны обстоятельства», говорю я. Тут бывшие с ним курды вступились за него.

– Ты очень разговорился. Уже она умерла. Что бы ты сделал, если ее привезли. Тысячи умерли, остались на дорогах, пусть одной из них будет твоя жена, – говорят они.

Я не говорю ни слово, но с яростью в сердце отхожу.

Сегодняшняя наша стоянка раскинута в деревне Кэолик. Хозяином этого места горного массива является известный главарь шайки разбойников, большой преступник, зверь Хаджи Зейнал бей. Бывшие до этого стоянки были его летними угодьями. Вокруг сады – цветочные, фруктовые сады. Село большое. Смотрим, против нас есть довольно большие здания, построенные со вкусом. Здание, кровля которого покрыта цинком, своей высотой господствует над селом. Сказали, что она предназначена для гостей Зейнала. Но кое-кто говорит, что это церковь сирийцев. В селе были сирийцы. Меня с моим разбитым сердцем ничего не интересовало. Посетившие, побродившие в селе беженцы сказали, что из щели одной двери украдкой с ними заговорила армянская женщина, она сказала: «Я из Самсуна. Остаюсь у Зейнала. В его гареме очень много невест, девушек из Самсуна, Амасии, Тохата, Себастии. Изъятые у караванов богатства равняются 40-а битонам». В деревне также было множество похищенных девушек, юношей.

Как было сказано выше, Гарегин Эгнатян, приведенный с многими другими к аге Гайдару, пережил сильный страх, вечером он скончался к великому горю матери и сестер. Они его похоронили и, как говорят, вечером на его могилу снизошел свет. Глава школы Кафедральной церкви тихим голосом утешал народ. Подхожу к матери покойника выразить свое соболезнование. Плачет. Я также не могу сдержать свои слезы. Она в свою очередь соболезнает мне по поводу случившегося со мной несчастья.

Сегодня нас оставляют здесь не ради заботы о нас и нашего отдыха, а чтобы сельчане смогли за дешевку сделать покупки. И на самом деле многие много чего продают. Мои деньги полностью потрачены. Все, что у меня есть — одежда, одеяло, довольно дорогие материалы продаю, кое-что в обмен на хлеб, кое-что за деньги. За все получаю 50-60 курушей денег и мешок хлеба. Как семейную реликвию оставляю лишь из красной ткани шаль, дошедшую до нас от свекрови моей матери: края синие, золотисто-

желтыми шелковыми нитями¹⁵⁷ обшитые крестиками, рукоделием известным под названием Ериза. На протяжении депортации мне удалось долго держать его при себе. Днем, сложив его треугольником, накидывал на плечи, из-за чего много раз меня принимали за священника с рясой, а ночью – часть подстилал под собой, а частью укрывался. Но дойдя до Алеппо она уже превратилось в лохмотья.

Сестра благословенной памяти моего друга Манасэ Басмаджяна, Элмас и его нареченная, девушка по имени Агапи, спешат придти ко мне, выражают соболезнование и утешают меня. Потом ведут меня к себе жить вместе и заботиться обо мне. Вечером сидим, вижу немного поодаль собрание женщин и одна из них, видимо, довольно начитанная и знающая, говорит о Евангелии, о Священном Писании, проповедует, духовно утешает, ободряет. Осью ее речи являются мучения Блаженного Иова и Христа, она увещевает воспламененных небесной любовью вынести с терпением такие испытания мира и удостоиться небесного света. Вдруг внимание всех привлекает звук, идущий со стороны ограды смоковниц... Глухой, жалкий голос новорожденного. Жандарм-чавуш с упреком кричит на женщин:

– Пойдите, посмотрите. Что это?

И сам не вытерпев опережает их. Видят новорожденного, еще окровавленного, завернутого в тряпье. Берут и приносят. Пухленький мальчик. Жандарм-чавуш полный сострадания кричит:

– Сейчас же найдите его мать, в противном случае своими руками обследую и найду ее.

В ее адрес раздаются из его уст ругательства, которые скорее похожи на сострадание. Женщины его успокаивают, говорят найдем. Стали искать, но никого не нашли. Но кажется, что позже нашли мать и вручили ей малыша.

На следующий день отправляемся в путь – должны спустить нас на сторону Самусата-Евфрата. Мы находимся недалеко, в тех же пределах плоскогорья, продвигаемся, трудностей первого дня нет. Много тяжело больных, находящихся при смерти. Болезнь дизентерия требует абсолют-

ного покоя, а они днями находятся в мучительном путешествии. Будь они камнем, железом, не выдержали бы. Пагал Григор, сын Акопа чавуша, находится при смерти, не может удержаться на осле, падает. Жандармы увидели это, и на глазах жены, детей его расстреляли. Бедные плакали, умоляли, оставьте его мы на спинах его понесем. Не обратили внимание и убили.

В дороге так поступили также с несколькими женщинами. Расстрелом ставили конец мучениям...

На этой дороге Пурзучян Мкр был занят одним своим родственником, караван удалился на довольно большое расстояние. Арьергардный жандарм, раздосадованный его отставанием, приставил к его груди ружье и убил. Других мужчин не было приказа убивать, но без всякой причины в день убивали одного-двух. Довольно рано сделали стоянку перед какой-то деревней. Здесь – жители новообосновавшиеся черкесы беженцы, сказали, что сначала деревня была армянонаселенной. Насколько это соответствовало истине, я не понял. Меня ничто не интересовало, я был в оглушенном скорбном состоянии. Наша стоянка была на болотистом лугу. Немного вдалеке в болото было брошено более 30-ти трупов. Они разложились. Видим, что из предыдущих караванов туда брошены больные или убитые.

Здесь я встретил Карапетяна Аветиса, старика лет 60-65-ти лет. Он был в караване, а я его только сейчас увидел. Наша встреча была неожиданной. Мы обрадовались друг другу. Занимается сапожным делом. Зарабатывает деньги на хлеб. Он один из видных людей Себастии – иногда учитель, театролюб, один из основателей общества «Лусабер», артист-комик, в пьесе Пешикташляна¹ исполнял роль главаря шайки разбойников. Общество «Лусабер» было основано в 70-ых годах. Для неимущих учеников Национального училища доставлял учебные пособия. В воскресные дни он предоставлял ремесленной молодежи комнату и учил их грамоте. В Гамидовский период деятельность этого общества была запрещена, несмотря на то, что оно до конца продолжало заботиться о нуждах неимущих школьников. Большая часть себастийских учителей и интеллигенции были питомцами этого общества. Одним из них был и я. Вардапет Тер Саак Одабашян, завершив Армашский период своей жизни, когда вернулся на родину, как местоблюститель Предводителя попросил намест-

¹⁵⁷ Во время моих этнографических разысканий в селах мне часто приходилось видеть, как армянский народ сохранил эти три цвета – красный, синий, золотисто-желтый. Ворот, края штанин, края длинных рукавов верхней одежды были украшены трехцветным шелком. Сегодня три святых цвета мы видим на армянском флаге (Г).

ника Реит пашу открыть эту комнату для учебы. И ему позволили. «Лусабер» преобразовался и стал действовать в старом своем направлении и цели. В конце большой размах деятельности и развитию «Лусабера» дали Его преосвященство Тер Торгом, вардапет Тер Шаварш и Варужан. Господин Аветис был заядлым курильщиком. Со своими собеседниками его первой проповедью было это. Он говорил о курении долго и нудно. В Себастии, когда я его встречал, доставал свою табакерку и угощал его. И здесь при встрече я достал свой кисет и предложил ему. – Ты еще не забыл этой своей шутки, – сказал он.

Здесь жандармы заставили нас заплатить им какую-то сумму. Мы набрали 12 золотых. Они требовали большего и, наконец, согласились остановиться на 30 золотых, которые мы должны были им вручить на следующей стоянке.

На следующее утро продолжаем наш путь. Среди курдов появляются новые лица, которые свободно проникли на территорию стоянки. Обходят, осматривают караван. Мы поняли, что они ищут девушку, чтобы похитить. В караване началось волнение. Отстающие ускорили свои шаги. Бедные девушки прячась, скрываясь, должны были вызвать интерес, но не скрываться – значит стать легкой добычей похитителей. Жандармы безразличны к этому, потому что похитители уже купили их. Наконец их выбор остановился на 15-летней девушке, дочери Эраносенца Григора. Они стали ее тащить. Мать, родственники сопротивляются, не отпускают, дочка в отчаянии кричит, падает в обморок. Схватив ее за ноги и руки бросили ее на лошадь, связали веревкой и увезли. Жандарм-чавуш успокаивает мать, говорит, что он ее приласкает, что она попала в хорошее место. И ты заимела богатого зятя, хочешь ты оставайся с ней в деревне, тебя не поведем с нами.

Поздно вечером доходим до стоянки перед одной курдской деревней, среди лесистых ущелий. Для того, чтобы собрать остальную часть навязанной нам жандармами суммы, они оцепили стоянку. Всех мужчин, детей собрали, спустили в ущелье. Уполномоченные люди собирают у каждого, сколько есть. До наступления темноты дополнив недостающую часть суммы, понесли и дали им 30 золотых. Арестованные были отпущены.

При сборе мужчин обнаружили одну девушку в одежде мальчика. Мать бросилась вперед, сказала: «Вы собираете мужчин. Отпустите мою дочь».

Они ответили: «Еще хуже, вы все время так обманывайте нас. Прячете мужчин в женском наряде, женщин в наряде мужчины. Мы именно таких ищем и хотим найти» и захватили девушку. Мать нашла посредников, заплатила 5 золотых и освободила дочь.

Здесь произошел один случай. Мы понесли урон. Курды из ближайшей от стоянки деревни пришли к стоянке в надежде поживиться. Ждут повода, чтобы что-нибудь похитить, ограбить. И так как они не удовлетворили желание жандармов, эти по ним открыли огонь. Был убит один курд, другой ранен. Брат четенечи¹⁵⁸ Татоса-галайчи Григор во время бегства курдов сидел по нужде. Думая, что это курд, одну пулю пустили в него. Человек был ранен в седалище. На крики они поняли свою ошибку. Пошли и принесли его тяжело раненного. Пуля осталась внутри, тазовая кость была раздроблена, тело почернело, разбухло. Человек ужасно горит, хочет воды, не дают, вредно. Жандармы соболезнают /что им остается делать/, говорят, что спутали с курдами. Раненый жил недолго, на следующий день он умер.

23

К ЕВФРАТУ

Находимся в пределах Самусата. Говорят, что сегодня дойдем до Евфрата. Проходим через горные долины. Изменений в ландшафте мало. Нет трудностей первых дней. По дороге ничего необычного не случилось. Но вопреки нашим ожиданиям и сегодня мы не дошли до Евфрата. Жандарм-чавуш с сопровождающими его людьми садится в середине стоянки под сенью старого дерева – дикой груши на коврах, постилках. Говорят, что отсюда до Евфрата около часа ходьбы, и сегодня же мы должны были дойти до реки. Мы не поняли, что за скрытость, коварство, кроется за этим. Вблизи находится курдская деревня, подобно черным воронам жители заполнили стоянку. Воспользовавшись беспечностью, они погнали несколько ослов и увели к себе. Наши дали знать жандармам. Пока они пошли в догонку курдам, те уже скрылись. Жандармы забрали

¹⁵⁸ Четенечи – от «четене» – жареные зерна конопли, приправленные уксусом. Так и по-турецки (СЧН, с.455). Четенечи – продавец четене.

несколько ослов у находящихся здесь курдов и дали хозяевам вместо украденных ослов.

«**АБРИКОСОВЫЙ ЦВЕТОК НА ЧЕРНЫЕ СЕРДЦА**». – Жандармы и курды веселятся. Внимание всех обращено на беседку под грушевым деревом. Громкие звуки дхола и зилов¹⁵⁹ оглушают воздух. 4-5 певца нескладно, пощипывая щипками струны, самозабвенно поют. У нас у всех сердца сжимаются, не привели ли они похищенных девушек и заставляют их танцевать. Но вскоре понимаем, что нет. Это алеппские девушки, которые пришли в эти края заняться своим грязным ремеслом. Несколько легкомысленных людей из каравана пошли смешались с их толпой, чтобы поглазеть. Женщины недовольствуют, их черным сердцам нужен был абрикосовый цветок, говорят. Эту стоянку мы назвали Местом увеселений. После этой распутной гулянки девки обошли стоянку и сделали покупки.

А на следующее утро караван был готов пуститься в дорогу. Несмотря на то, что ожидавшая нас дорога была нам незнакома, но мы знали, что должны идти по направлению к Евфрату. Видим, что нас ведут по другому пути. В течение более двух часов мы идем по вчерашней дороге назад, затем сворачиваем на северо-восток. Поднимаемся на склоны длинного ряда холмов, спускаемся в глубокие низины ущелья, по длинным горным теснинам идем узкими тропинками. Местами караван распадается, теснина становится еще уже, и каждый человек думает о себе. Многие проходят вперед, большая часть отстает, старается догнать.

Все эти пройденные нами горы состоят из кремня – острые-преострые камни колят, ранят ноги, вся тропинка окрашивается каплями крови. Мы находимся перед вторым рядом холмов. По тем же тяжелым путям, с теми же мучениями еле-еле поднимаемся и доходим до высот горной цепи. Перед нами простирается огромная долина Великой реки Евфрат. Мечтами наших женщин был Евфрат. Там они рассказали бы ему о своих великих страданиях, раскрыли бы страницы своих черных бед, свои потоки слез смешали бы с его водами. Там они поставят конец своим нескончаемым истязаниям, отдадутся его всепоглощающим волнам.

На минуту, забыв об усталости, мы своим взглядом пытаемся охватить пространство долины. Кверху, под темными горизонтами, потерянные в непроходимой дали огромные острова, которые книзу переходят в

¹⁵⁹ Дхол и зил – восточные музыкальные инструменты.

бескрайнюю степь, где наше уставшее зрение не может узреть еще большие дали. Постепенно спускающийся к огромной долине Евфрат, то спокойно и мирно, то величественно, то разогнув спину, кольцами, как змея извиваясь, огромными волнами бешенно прорезает долину чередующиеся цепи холмов, которые справа и слева как-будто с почтением и ужасом отодвигаются, давая проход грозному течению Едемовской Священной реки.

Мы очарованно, с изумлением стоим перед видением Элман¹⁶⁰-Реки бабушкиных рассказов. Холодный ветер поднимается из глубин долины, касается наших обгорелых лбов, обожженных солнцем лиц. В ее глухих звуках, казалось, мы слышим болезненные стоны стенаний утопающих тысяч жертв Евфрата, их последнее завещание: «Злокозненный враг изверски скосил нашу цветущую жизнь, нашей багряной кровью окрасил воды Евфрата, от них опьянели и утучнили рыбы. Но то чудовище – монгол не смог стереть ИМЕНИ АРМЯНИНА, которые запечатали на нашем челе руки смельчаков. Мы уходим с НАШЕЙ СВЕТЛОЙ верой в душе, с нашей незапятнанной ЧЕСТЬЮ, крепко ее держа в руках, со СВЕТЛЫМ ВЕНЦОМ неувядаемой жизни на головах, с непобедимой ЛЮБОВЬЮ к Армянской Свободе в сердцах. И вы, Армянские Сестры, вы также следуйте по нашему светлому пути, с улыбкой презирая смерть.

Прославленные мученики, свидетели Христовы, пусть Армянская Церковь из века в век прославляет беспримерное ваше мученичество. Армянские поэты пусть воспоют ваше небывалое геройство. Армянские трагики пусть представят ваше героическое жертвоприношение. Армянские ашуги¹⁶¹ на пандирах¹⁶² пусть прославят ваши обожаемые имена. Плакальщицы пусть восплачут вашу чистоту, ваши страдания, ваше святое мученичество.

Нас сотрясает необъяснимое чувство. Как будто над нами пролетает Ангел Смерти. Посмотрим, что нас ожидает на этих смертоносных берегах. По склонам холмов ступенчатыми тропами спускаемся вниз, в долину. Долго пробираемся через кустарники ежевики. Евфрат уже близко. Многие идут, наполняют посуду водой. Умываются. Жаждающие несут воду. Кое-где курдянки разожгли огонь, заняты стиркой. На саджах¹⁶³

¹⁶⁰ Элман река – вышедая из берегов в весеннее половодие глубокая и большая река (в сказках) – см. ССН.с.189.

¹⁶¹ Ашуг – армянский народный певец, рапсо́д.

¹⁶² Пандир – восточный щопковый музыкальный инструмент.

¹⁶³ Садж – жестяная жаровня, на которой пекут хлеб.

пекут тонкие лепешки. Смотрят на нас загадочно, в глазах блестит злость самки-тигра..

К вечеру, 28-го августа, устраиваем стоянку на правом берегу Евфрата, на ровном песчаном месте.

Читатель помнит, что наш выход был 5-го августа, т.е. мы 23-24 дня бродили по проклятому горному массиву и по его соседним плоскогорьям, долинам и ущельям.

Евфрат – эта Эдемова великая река Мать, артерия, река Армении, как для всех караванов, так и для нашего, стала той огненной рекой огня и серы, на которой накинута Чёртов Мост, по которому в Судный день должны пройти души людей. И так сей Евфрат является осью все новых и новых умопомрачительных событий, поэтому мы здесь открываем новую главу.

24

НА БЕРЕГАХ ЕВФРАТА

НЕМНОГО СВЕДЕНИЙ. – В подобной тревожной Одиссее возможно ли написать много критических статей об окружающем нас мире и дать подробное топографическое описание пройденных нами мест? Конечно, для нас это было очень тяжело. В топографических описаниях, сделанных нами до сего дня, возможно будут заметные недостатки, поэтому будьте снисходительны и не проявляйте недовольства.

Стоянка, куда мы пришли, от Самусата в трех часах ходьбы выше прохода Кэочэ-Кимиси Евфрата. Кэочэ – немного поодаль от стоянки большая курдская деревня. Евфрат с Кэахты спускается на юг и выше прохода Кэочэнэ водопадом **ГОЧАНЭ** сворачивает на запад. Здесь долина ровная, постепенно спускающаяся вниз, поэтому и движение реки спокойное, но глубокое и с водоворотами, местами с крутыми поворотами. Ниже Самусата перед Ромклой кривой линией сворачивает, орошая Евфратовский Край, и перед Мэскэной дугой идет на восток. Евфрат в своем этом движении образует множество больших и малых островов. Один из караванов Себасти вывели на большой остров перед Мэмбишем, о котором наш рассказ. Напротив Кэошина, на земле Месопотамии, доволь-

но высоко находится селение Ошин с 350-тью домами жителей армян и курдов. Армян 250 домов. Опираясь на свидетельства Рачьи Габикяна, мы уже рассказали вам о том, что около этого села был перебит смешанный караван из себастийцев и других местных жителей, трупы были сожжены. Пепел просеян в поисках золота. Еще выше в глубине долины находится Северэк с 1200 домами армян.

ПО КАКОЙ СИСТЕМЕ БЫЛ ОСУЩЕСТВЛЕН ГЕНОЦИД.

Здесь мы должны раскрыть одни скобки: почему направленный в Кэочик наш караван не спустился в проход Самусата, более близкую и прямую дорогу? И заставили нас вновь пройти довольно большое расстояние по уже пройденному нами пути, и разными кривыми и отклоненными от дороги путями привели к проходу Кэочена. Что за коварство в этом скрывалось, мы должны выяснить.

До этого у нас уже был повод сказать о том, как изверг Монгол, когда планировал уничтожение армян, думая скрыть о готовящемся **ВЕЛИКОМ ЕХЕРНЕ**, пытался затерять его след, направить мысли людей по ложному следу, в глаза людей пустить пыль. И чтобы сразу избежать возможной ответственности, должен был действовать с исключительной дальновидностью и двигаться с дьявольским искусством. Великий убийца султан Гамид на виду у всех, всего мира нагло уничтожил, зарубил армян, вызвав возмущение всего мира и человечества, ярость, осуждение, презрение и брезгливость насколько к себе, настолько на свою державу и к обезумевшему, дикому турецкому миру. Следовало на этот раз по-другому и более продуманным и осторожным образом действовать.

Внимательный читатель этой истории видел, каковы были эти дьявольские методы: 1. Вместе со сбором оружия, тихо-молча бросить в тюрьмы людей, возглавляющих народ, уничтожить класс и воинскую силу мужчин, и по ночам, выводя их в незнакомые, неприступные места, группами истреблять. 2. Оставшийся без главы, беспомощный народ лишить дома – выселить. Бывших с ними мужчин на дорогах в **определенных логовах смерти** – боянях уничтожить. 3. Остальных – слабых существ – женщин, девочек, детей полностью лишить средств существования, поставить в невыносимые условия, изнурительным путешествием по голым камням, так сказать извести, предать мучительной **смерти**, их остатки рассеять в глубинах пустыни, вплоть до уничтожения костей.

Караван, покинувший свое местожительство, через несколько дней подвергается нападению черни и грабежу, похищениям, словом, избиению и уничтожению – таков был метод Гаида, т.е. открытый им путь сведения к нулю. Уничтожение каравана на этот раз должно было носить систематический характер **УНИЧТОЖЕНИЯ ИЗО ДНЯ В ДЕНЬ**.

Обязанностью сопровождавших караваны жандармов, более защиты врученных им несчастных, было использование методов по их постепенному уничтожению. Чтобы осуществить это, специально были подобраны дикие, звероподобные, кровожадные жандармы, которые могли обращаться с беженцами, как им захочется. Караваны были их стадами скота, их пленными, но и более презираемыми и хуже, чем пленные. Жандармы имели над ними власть жизни и смерти. В один момент уничтожить весь караван было для них очень легким делом, никто их за это спрашивать не будет и ни к какой, даже легкой, ответственности не призовет их, и даже могут вознаградить.

Ибо было приказано, чтобы до уничтожения караванов встречавшиеся на пути следования исламские дикие племена приняли бы участие в великой добыче, поэтому ограбления, похищения, убийства должны были совершаться постепенно, по частям, а не сразу. Но для участия черни на дорогах в большой резне следовало добиться согласия жандармов, выплачивая им большие деньги. Поэтому заранее турецкие, курдские, черкесские, арабские аги, беи, другие влиятельные люди сопровождали караван, вступая с жандармами или местными правительственными чиновниками – мюдирами, каймаками, мутасаррифами в торг. Эти уже львиную долю добычи забирали себе. Насытившиеся драгоценностями и имуществом, выбравшие себе самых красивых девушек и удовлетворившие свои скотские страсти, они передавали караван за 2-3000 золотых или более того в когти этих диких племен, и те отныне вольны были грабить караван, похищать девушек-невест, продавать съестное, покупать украшения, имущество, изымать золото, золотые изделия и сколько надо убивать, уничтожать.

Но все это они должны были совершать в определенной мере и рамках. Следовало черни следующей стоянки также оставить **КУРБАНЦУ**. Грабители одной стоянки не могли идти на другую стоянку и совершать там те же действия. И если и шли, жандармы отнимали товар продавца и деньги покупателя. В торговле караванов была большая выгода: съедобное

и даже воду продавали очень дорого, напротив, товары и украшения – по дешевке: золотые украшения за четверть цены, османское золото по 3-4 меджита. Читатель видел, что иногда жандармы против нападающих использовали оружие и разгоняли алчную чернь. Это объяснялась тем, что нападающие заранее не договаривались с жандармами и своими дикими нападениями, если бы было позволено, сразу могли уничтожить весь караван. Очень редко случалось, когда жандармы из человеколюбия защищали караван.

Курдский Ага Кэчэна, в руках которого находился и проход на Евфрат, с каравана пригнанного на стоянку в Кэчэк запросил 300 золотых. Теперь посмотрим, что произошло здесь на этой стоянке, на этом и на том берегу Евфрата.

НА ЭТОМ БЕРЕГУ ЕВФРАТА. – Три дня мы остаемся в этой стоянке. Открывается базар. Курды привезли хлеб и всякого рода продукты, ягоды. Идет очень выгодная торговля. Курды открыто нам говорят, что ага и жандармы дали свое согласие. Во время перехода через Евфрат все, что у вас есть, ограбят, поэтому продавайте, ничего не оставляйте. На самом деле многие продают много вещей, еще раз опустошаются все запасы. Женщины в реке стирают, моют и очищают головы, купаются, причесываются, роются в головах. На противоположном берегу курды Между-речья с утра до вечера, скопившись, смотрят на нас. Не знаем, какие дьявольские мысли они вынашивают. На эту сторону они не переходят... Конечно, по понятным причинам, ведь все по очереди. С того берега также есть продавцы съестного. Они вплавь перешли реку. С обеих сторон привязали толэры¹⁶⁴, груз на голове, по грудь в воде прямо, как-будто шагают, переходят. В мешках привозят огурцы. Народу советуем не покупать, не кушать, очаг заразы, дизентерии.

Дизентерия полностью стала эпидемией. Ежедневно умирают люди. Сын свояченицы Григорик также заразился. Лечу чем попало. Деньги на исходе. Нет выхода, видно придется умереть с голода.

ПЕРЕПИСЬ ЛЮДЕЙ И ОСЛОВ. – Все эти три дня с утра до полудня производится это дело. Ага приходит с голамами. Народ и ослов выводят на одну сторону стоянки. Нас с четырех сторон окружают курды, чтобы

¹⁶⁴ Толэр – бурдюки, наполненные воздухом, которые курдянки привязывали по бокам. А на голове – груз – продукты, с которыми они переходили реку.

не допустить побегов. Аѓа с полотняным мешком восседает. Два-три курда с кольями в руках стоят рядом. Каждая семья со всеми членами и ослом проходит вперед. С человека взимается 4 гуруша и с осла – 5 топрагпасты-земельной подати, плату за стоянку, а в третий раз во время перехода Евфрата плату брали еще за судно. Каждый раз мешок доверху заполнялся деньгами.

НАШ ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ЕВФРАТ. – 15-ого сентября 1915-го года утром было объявлено о переходе через реку. Готовимся. У кого сколько груза, перевязывают. Имеющим деньги или что-нибудь иное невозможно сохранить. В случае, если даже проглотят, им распорят животы и достанут. Но и бросить нельзя. Аѓа и курды-речники находятся в большом движении.

Был полдень, жандармы повелели народу собраться у берега. Брать ослов не разрешили, сказав, что после перехода народа перевезут ослов. К берегу приблизилось судно, в нем 8-10 курдов...речников. На носу судна аѓа с колом в руках сидит вместе с жандармом-чавушем.

Мы дрожим от страха, думая о том, что должно произойти на судне во время перехода. Каждый человек старается уступить дорогу другим, чтоб посмотреть, что случится с ними. Жандармы гонят, наполняют судно. Веревку судна, привязанную к берегу, развязывают. Только судно отошло от берега, как курды-моряки как голодные волки, нападающие на отару, напали, забрали у беженцев имущество, грузы и заполнили ими трюмы судна. Покончив с этим делом, они стали с побоями обыскивать находящихся на судне, роясь в головах, клочьями срывают волосы, везде ищут, в карманах, подолах, белье, в шерстяных носках, ботинках, во внутренней части штанов, во рту... до влагалищ.

Аѓа с мешком в руках глазами следит за этими действиями – деньги, золотые и серебряные изделия, все ценное приносят и бросают в мешок. Даже выдергивают золотые зубы.

У одной женщины нашли, предназначенную для невесты, шелковую еазму-платок, со всех сторон обвязанную срмой¹⁶⁵ монисту с золотыми монетами. У многих из влагалища достали свертки с золотом. Воистину, я удивлялся сколь неисчерпаемым было богатство себасти́йца. Вопли на судне могли бы разбить камни. Аѓа все время угрожал колом в руках.

Нескольких женщин, схватив за ноги и руки, бросили в реку. Но место было неглубокое и близко от берега они смогли выйти. Судно дошло до берега, но не подошло к нему, народ по отдели по пояс в воде вывели к устью на берег и усадили рядышком на песке под холмом. На другом краю ждало другое судно. Захваченные-похищенные вещи опорожнили в него и возвратились. Мы с этого берега реки видели, что творится на судне и поняли, что находимся в руках смерти. Женщины в страхе плачут, рвут на себе волосы. Быют себя в грудь. Проклинают себя, беззащитных. Судно возвратилось, приблизилось. Жандармы погнали, заполнили судно народом. Аѓа как идол сидит на носу судна. Как только оно отошло от берега, с ними произошло то же самое, более бурно, более ужасно. Особенно сильно избивали мужчин. Их вещи также бросили в трюм, с ног до головы обыскали, заполнили мешок аѓи. Их также вывели на сушу, посадили рядом с другими в том же порядке. Судно, ждавшее похищенных вещей, заполнили, увезли и пришли обратно.

Остаться последними не разумно, сказал я себе, и мы с Григориком бросились в лодку, она уже была заполнена до краев. На этот раз я вижу вблизи, у меня на глазах происходит обыск: грабеж, это собачье отродье самым быстрым движением рук обыскивает, особенно женщин, несмотря на их протесты. Нескольких обыскивают, другим наносят удары кольями, куда попало. Из мужчин жестоко избили Кэтюкяна Тиграна, Ланпашу Микаэла, с них свертками сняли деньги. Наши деньги также стали для нас неприятелями, врагами. Они, казалось, кричали со спрятанных мест: «Снимите нас, мы здесь». Судно уже приблизилось к берегу, когда обратили внимание и на меня. Григорик был прикрыт рядом со мной. Со спины потащили, взяли мешок. «Аѓа, это мой хлеб», – крикнул я и потянул, отнял у них с рук. Хотели взять красную шаль, сказал, что я этим укрываюсь, не дал. Уже я в одном белье. Руками влезли мне за пазуху, в конверте у меня было 3 куруша и кисет от табака. Как они это взяли, я не узнал. Нас также вывели на сушу и посадили рядом с другими.

ОСЛЫ УДОСТОИЛИСЬ ЦАРСКОГО ОТПУЩЕНИЯ (т). – Наконец, за 10-11 раз весь народ был переправлен на другой берег – Месопотамия. Мы сидели как пришедшие в школу дети, на коленях друг за другом, под холмом на песке у устья реки. Выйдя на сушу мы уже были мокрые, так что холод проник не только в наши сердца, мы дрожим, эта

¹⁶⁵ Сырма – серебряная нить (ССН, с. 506).

сырость еще хуже отражается на нашей дизентерии. Внимательно смотрим, перевозят ли наших ослов? И видим, что курды угоняют наших ослов. Один из наших спутников шутник говорит: «**Смотрите, ребята, ослы удостоились царского отпущения**» (т). Было 700-800 ослов, хоть бы нам не пришлось платить за каждого осла по 5 курушей.

Читатель, ты со спокойным сердцем смог слышать о том, как караван грабили ежедневно, начиная от Себастии до Евфрата, как он был куплен за 300 золотых агой Кзочэна, который не прогадал, ибо затем получил в несколько раз больше уплаченного. Но ты хладнокровно жди, ибо будет еще хуже.

25 МЕСОПОТАМИЯ

НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ ЕВФРАТА. – Когда мы были на этой стороне Евфрата, курды толпами приходили и с противоположной стороны рассматривали нас. Сегодня их больше. Но когда мы перешли реку, курды в какой-то момент исчезли. Они укрылись над нами на плоскогорье. Жандармов-чавушей с товарищами совершенно не видно. Они также таинственным образом скрылись. Несколько курдов в качестве жандармов стоят над нами, не разрешают нам перемещаться, нарушать установленный порядок. Понимаем, что снова на наши головы должны обрушиться снег.

СЛЕДОПЫТЫ. – Сидим на своих местах. Каждый человек думает о своих бедах, об ограблении, с острой болью в сердце. Много курдянок под предлогом продажи еуха-хлеба с коробами в руках пришли и заполнили стоянку, своего рода знакомство, что-то подмечают и друг с другом говорят намеками, делают какие-то знаки... Как-будто наши женщины лучше понимают их язык, психологию... они не хлеб продают, а пришли за похищением. Предположение женщин, их нюх были безошибочны. Все почувствовали, что что-то такое должно произойти, Невесты, девушки стали прятаться. Некоторые легли на землю, женщины сели на них, некоторые залезли под одеяла, лица обмазали грязью, пеплом, землей.

ПОХИЩЕНИЕ. – Следопыты-башуты в какой-то момент ушли-пропали. Смотрю с верхнего над нами плоскогорья с дикими криками толпа курдов, курдянок с обнаженными мечами, кольями, палками, вооруженные мартини нагрянули вниз, на нашу стоянку. По указанию следопытов они схватили дочь ахпара Хазара Гратляна, два курда с обеих сторон схватив за руки девушки тянут, мать, сестра и другие женщины держат за ноги, не пускают, между тем отец девушки обезумев напал на курдов, одного повалил ударом кулака в грудь, у другого из рук отнял палку, нанес один-два удара. Тут подоспели другие курды, которые прикладом мартини стали наносить удары по голове Хазара Ахпара, женщинам по голове, рукам, спине, куда попало наносили смертельные удары. Хазар ахпар с раздробленной головой без сознания свалился, кровь течет с него потоком. У одной из женщин поломана рука, у другой – ребра. Курды отняли девушку у них и оттащили в сторону. Теперь девушка борется, в ужасе, безумно царапается, кусает руки похитителей. Бросает себя на землю. Один схватив ее за косы, другие – за руки и ноги, потащили-увели. Должны ее бросить на лошадь. Девушка еще сильнее сопротивляется, удары кольями обрушиваются на нее. Наконец, подкинули ее на лошадь, но она бросилась вниз с лошади, еще несколько ударов нанесли, она потеряла сознание, они положили ее на лошадь, крепко-накрепко связали веревками и увезли-угнали. Хотят забрать также другую девушку. Эта дочь Ташчяна Воскиана. Выпускница нашей школы, воспитательница детского сада, очень красивая. Мать, брат крепко держат девушку, не пускают, удары сыплются. Девушка борется, сопротивляется. Под ударами падают обессиленная мать, брат, дочь. Ее также потащили как ту, бросили на лошадь, связали веревками и увезли.

Отсюда и на другую зарятся – хотят схватить дочь Гелазаряна Григора Ахавник, как голубка красивую, выпускницу нашей школы. Схватив тащут ее, младшие ее братья Саргис, Вахрич, падают на нее и испуганно плачут. Мать, бабушка борются. Несколько тяжелых ударов получают и они. Дочь теряет сознание.. Ее бросают на лошадь, увозят. Следопыты женщины, возглавляя похитителей, показывают им на жену Габикяна Месропа – Ханум. Ханум прекрасна, грудного ребенка прижала к груди, 3-4 малыша, припав к ней плачут. Брат мужа Хаджи Манук бросается вперед, падает в ноги главаря похитителей молодого бея. Эта двадцатилетняя невестка,

имеет детей, хотя бы пожалейте этих малышек, говорит. Бей говорит, что такая невеста достойна курдского дома. Вы все должны с голоду умереть, хотя бы дайте им жить, в доме курда в изобилии есть хлеб, спокойная жизнь. Здесь также дело доходит до сопротивления, царапает лицо похитителей, кусает руки, брыкается, но ее также увозят ослабевшей, потерянной.

Одна из похищенных девушек, как бесноватая билась о землю, отпустили ее. Другая от потрясений сошла с ума, изо рта пошла пена, глаза закатились, безумно рвала на себе волосы, билась о землю. Ее также отпустили.

Эта чистая, непорочная, вековая честь разрывалась в когтях бешенных тигров. Семейная вековая святость армянина погружалась в грязь.

Так они потащили-похитили 30-40 девушек

День уже склонялся к вечеру, черный мрак окутал все вокруг.

Трах! Трах! Трах!

Над нами за горами прозвучали мартини.

Это было паролем – достаточно, уходите. Похитители ушли, пропали в темноте.

Немного погодя показался наш заговорщик жандарм-чавуш со своими дружками, прикидываясь не знающим о происшедших событиях, якобы взволнованный воплями и рыданиями женщин. «Что случилось? Почему переполошились?», спрашивает. «Не беспокойтесь, завтра всех верну. Видимо они воспользовались моим отсутствием», говорит.

О, обманщик, о предатель, чтоб тебя...

Холодный ветер с реки бьет нас, уже наше место мокрое, с головы до ног мокрые, пронизывающий холод охватывает нас до мозга костей. С холодеющим от ужаса сердцем мы дрожим от холода.

Жандарм-чавуш приказывает на ночлег подняться на верхнее плоскогорье.

Подавленные, убитые мы поднимаемся наверх, все находимся под впечатлением ужаса недавно происшедших событий, и все боятся, что в темноте еще раз могут повториться те же события. Подобно испуганным овцам, подвергшимся нападению голодных волков и растерзанных ими, народ механически, несколько раз обращает свое внимание на себя, каждый человек смотрит – не остался ли он на краю каравана. Старается быть в середине, в центре, все стремятся к одной точке: рядом друг с другом, колено о колено, рука в руку, уплотняются к центру и с центра к краям как

единое целое, то наверх, то назад, то вперед и кое-как мы устраиваются. Видели ли вы рой пчел? На матке-пчеле, висящей на дереве, образовался серый клубок. Это огромное количество людей образовало такой клубок на таком просторном ровном месте, и борьба за вхождение из краев в центр все еще продолжается. Четыре-пять курдов в качестве охранников сторожат нас, приободряют, чтоб мы не боялись, говорят, что нет никакой опасности, но кто может верить предателям.

Вместе с Григориком мы также внутри клубка. Не можем двигаться, только наши головы снаружи. И несмотря на то, что мы в воздухе, дыхание наше затруднено... дышим с трудом. А как мы томимся от жажды. Река перед нами, еще ближе с верха склона бежит вода. Но кто рискнет идти попить воды.

Уже не вмоготу терпеть, бросаюсь к берегам. Всю ночь люди не могут сомкнуть глаз. Мужчины боятся за свою душу, женщины – за свою жизнь. Всю ночь проводим в страхе, хотя и ничего больше не случилось.

К рассвету слегка заснул. Рассвело. Голая земля, укрываться нечем, ночной холод очень плохо сказался на мне, ломит спину, кости ноют, сердце стучит, горло высохло. Язык прилипает ко рту.

Сидя, бросаю взгляд на стоянку. Бедный народ, постоянные удары и беды! Не осталось на них лица. Они сокрушены, лишены сил, надломлены, горят. Головы их в угаре. О какой беде говорить? Говорить ли о негасимом огне, о похищениях, повторном ограблении или сказать о полном оголении, о лишении средств к существованию, о страхе умереть голодной смертью. Этому народу остается лишь смерть.

Со вчерашнего дня у нас не было ни крошки во рту. Кладу перед собой мешок от хлеба. Осталось только несколько кусочков сухого хлеба. З куруша отняли у меня на судне, никаких вещей не осталось для обмена. С ума схожу, ударяю себя по коленам. Но и говорю «Бог милостив», сам себя утешаю. Рот не раскрывается, чтобы есть. Несколько кусков жую. Протянул руку, чтобы взять еще кусок, вижу на земле кусок тряпки. Как будто кто-то мне сказал, «на минуту взгляни». Взял в руки, что-то твердое коснулось руки. Пощупал – деньги. Уголкем глаз улыбнулся: помимо 11-ти серебряных двухгривенников, 22 куруша, снова обернул положил себе в ладонь. Не успокоился. Кто знает, какому бедняку, как я, принадлежат, потерял. Смотрю вокруг, кто находится в поисках. Все безразличны. Не-

много поодоль вижу взволнованную невесту, говорящую с какой-то женщиной. Прислушиваюсь и слышу слово «сверток», говорю себе «хозяйка свертка». Подхожу и спрашиваю: «Сестра, что тебя беспокоит, что ты потеряла?». Собеседница поясняет, что вчера на судне у нее отняли сверток с деньгами, украшениями, об этом говорит. «Эй, значит речь не о нашем свертке», говорю про себя и прохожу. Рядом с нами у женщин спрашиваю: «Что-нибудь потеряли?» Имеют ли они пропажу? Ночью нахожу лежавших рядом с нами, расспрашиваю их. Никто не назвался хозяином. Видно, это нам в подарок. Четыре-пять дней это хватило нам на хлеб, но все равно во мне было небольшое угрызение совести.

Курдские женщины принесли продавать съестное. Покупаю хлеб, папиросы. Григорик умоляет купить ему арбуз. Бедный мальчик. У него внутренности горят, с какой жадностью он съедает! В Месопотамии одежда курдов еще раз меняется. Приближается к арабскому: на голове сложенный треугольником из козьего пуха или шелка кэфийэ с круглым толстым акилом¹⁶⁶, длинные тесемки которых висят сзади как кисточки сложенные треугольником. Повязки и гутни или читари¹⁶⁷ ентари¹⁶⁸, немного ниже колен, к нему приложен парчовый жакет, на спине шерстяной пояс, шелковый машлаг. Богат отарами овец, табунами лошадей. Летом они располагаются у сел в шатрах из козьих черных шкур, перед которыми постоянно наготове привязано несколько красивых лошадей. Густая коротко остриженная борода. Широкое, костистое, обоженное солнцем дикое лицо, больше относится к мароканскому типу.

Прежде чем рассказать о нашем исходе из этой стоянки, поведаем кое-что о других событиях, случившихся с другими караванами.

РАССКАЗЫВАЕТ АЙКАНУШ ЗАРАЦЯН. – Когда мы дошли до Евфрата, вышел глашатай и возвестил о том, что давший деньги будет брошен в воду, а не давший будет убит топором. Мы собрали 100 золотых и дали. На судне нас ограбили. Невесты, девушки были отделены. 10 девушек, схвативших за руки, бросились в воду. Нас вывели на противоположный берег в чем мать родила. Пять-шесть мальчиков зарезали, на садже зажарили, принесли дали матерям, сказав, вкусное, дешевое мясо, возь-

¹⁶⁶ Акил – шнур, тисьма.

¹⁶⁷ Читари – читай «шитаре» – вид зимнего материала.

¹⁶⁸ Ентари или антари – восточная длинная верхняя женская и мужская одежды.

мите, ешьте. Река Евфрат была полна трупами. Через четыре дня нас повезли в Суруч. Дорога тернистая, каменистая. Мы голодные, томимся от жажды, с высунутыми языками по-курдски просим воды, не дают. Многие пьют свою мочу, но им становится еще хуже. Очень многие от жажды теряют сознание и падают. На этой дороге избив убили пятерых амасийцев, восемь человек заживо похоронили. Из Суруча нас отправили в дорогу, обещая повести в Алеппо. Против Мумпуча на Евфрате вывели на большой остров. Предложили – тем, кто добровольно примет ислам, отвезти в деревни и роздать по домам. Кто откажется, останется на острове. Мы решили, что лучше умереть голодными на острове, чем отречься от своей веры. На острове нас осталось около 15-ти человек. По ночам было очень холодно, днем – жарко, еды нет, у имевших – кончилась, продающих нет, чтобы люди с деньгами могли бы купить. Половина умерла от болезней, голода, иные бросились в воду. Других сняли с острова и рассеяли по селам Айнтапа. В селе под названием Зырымбу побили нас камнями и многие умерли. Трех девушек бросили сторожевым псам отары на съедение, многие были изнасилованы и насильно превращены в никея¹⁶⁹.

ИЗ СВИДЕТЕЛЬСТВ УЧИТЕЛЯ ИЕЗУИТСКОЙ ШКОЛЫ АНДРАНИКА ГАВУКЧЯНА. – С их каравана также до этого собрали деньги за судно, за ослов отдельно, сказав, что ослов и груз должны перевезти в конце. Посередине реки обыскали их одежды. Драгоценности искали в их головных повязках. Было много убитых. Двоих бросили в воду. У остальных, сказав, что их должны повести в Урфу, стали собирать деньги. Кто не имел, многих убили. Оставив Урфу, с левой стороны, направились на юго-восток. Дошли до одной деревни, подверглись нападению. Похитили девушек. Дошли до какого-то озера. Здесь мать потеряла сестру, отсюда пошли по косогуру. 24 часа оставались без воды. Многие обезвоженные теряли сознание и падали. Дошли до какого-то оазиса, там немного передохнули, затем пришли в Суруч.

ИЗ РАССКАЗОВ ОВСАННЫ ВАРЕКЯН. ЕЕ ПОХИЩЕНИЕ. – Их караван также при переправе через Евфрат был ограблен. Многие были брошены в воду. Учителя Тороса Кюркчяна также бросили в воду. Через час он вплавь вышел ниже на берег и дошел до каравана. Когда достигли

¹⁶⁹ Никея (nikah)- бракосочетание, nikahli – смешанный брак. По тексту Габикяна также – содержанка.

другого берега, началось похищение. Овсанна подняла голову и видит, что над ней стоят два араба, волосы свисают с лица, глаза, вытарашенные, как финчан¹⁷⁰ открыты. Она в руках с младенцем братом, пытается, его кормить грудью, но не может приспособиться. Понимают, что она девушка. Овсанна падает лицом на землю. Схватив ее за косы, они пол часа тащат куда-то. Она с ними борется, ей удается освободить свой ворот из их рук. Бежит в **пархану**. На этот раз четыре дружка идут за ней с обнаженными мечами и угрожают ей смертью, если она по своей воле не пойдет с ними. Тащут ее, она сопротивляется, с шести мест ранят и с завязанными руками берут и ее как труп несут в какую-то палатку. До нее туда же были доставлены три девушки – Циацан Шахяпян /арабкиска/, Роза Фрэнкюлян /себастьянка, дочь архитектора Ованнеса Франкюляна/, Элмас Тахмязян /учительница¹⁷¹/. Этих четырех девушек похитили для сына одного из видных турок Хаджи Гусейн задэ Халила – аги, которой занимал эту палатку. Другие девушки также ранены. Им обмывают раны, перевязывают. В большой тарелке приносят плов с зажаренным барашком. Девушки не едят. Надевают на них особые одежды турчанок, на голову накидывают белое покрывало из шелка и усадив на лошадь отправляют в дорогу. Арабы ведут лошадь под уздцы, а похититель с мартини в руках идет сзади. Ночью доходят до находящейся недалеко от Урфы деревни Джулап.

Овсанна вспоминает и других похищенных девушек. Все они были ученицами Американского колледжа: Антарам Алексанян /себастьянка¹⁷²/, Ангин Тораманян /из Гарахисара/, Мариам Чамузян /из Кюрина/, Назели Тэллалян, Ева Даниелян /из Себастии/. Эти обе последние приняли яд и умерли, остальные были брошены в ров. Азнив Гуюмджян, Эстер Туркмэнян, Маниа Барсегян /позже была продана за две козы/, Овсана Паронян /продана за пол мэджита/. Из питомцев колледжа были похищены также несколько юношей, из них она упоминает Левона Саряна.

¹⁷⁰ Финджан – чашечка, чаша.

¹⁷¹ Эта девушка сейчас находится в Урфе в Американском сиротском доме, ее сестра госпожа Розик Паронян в Каире – управляющая детским садом. Другая сестра – Султан была учительницей в Амасии. Их брат Григор был аптекарем Национальной больницы в Себастии, убит в Гасан-Челепи (Г).

¹⁷² Ее отец Ншан Алексанян был из себастьянских интеллигентов. Долгие годы был помощником каймакама Муша, затем каймакамом Гочхисара. За годы своего каймакачества оставил по себе хорошее имя. В день общих арестов в Себастии был арестован и убит (Г).

ГОАРИК КОПИКЯН /ИЗ КАВРА/ сообщает те же душераздирающие сведения о переправе через Евфрат: красивых девушек из судна не высадили на берег, а пересадив на другое судно, увезли. Остальных подняли в дорогу, якобы в Урфу, но не дойдя до Урфы погнали в пустыни Верхнего Шехира. Днями не видели воды, многие умерли от жажды. Караван разделили на две части. Арабы пришли, всех оголили. Детям раздробили головы камнями, по остальным открыли сильный огонь, пули сыпались как град, много людей было убито. Немало людей бежало в горы и пряталось в расщелинах скал, а ночью снова пускались в дорогу, днем снова прятались. Воды нет, пьют мочу. Едят мертвечину, тела от солнца обгорели и почернели как уголь. Открылись глубокие раны.

Этот караван получил название **НАГАЯ ПАРХАНА**. Из него спаслось всего 8-10 женщин, которые пришли в Урфу. К сожалению их сведения очень скупы, недостаточны и отрывочны. Нет подробностей о местностях, об их названиях. И они настолько сильно потрясены, что не хотят ни о чем вспоминать. И когда пытаешься заставить их рассказать, кричат «Вай! Вай! Вай!», бьют себя по голове, после чего ты отказываешься от намерения получить от них какие-либо сведения. Поэтому мой рассказ о них очень скуден, но общие сведения сами по себе вызывают возмущение и содрогание.

ИЗ СВЕДЕНИЙ АРМЕНАКА КЮРЕГЯНА. – Мы дошли до реки Мурад-чай. При переправе через реку нас ограбили. Курды, стоя с одной стороны, набрасывались на выходящих из судна мужчин и бросали их в воду, похищали и уводили невест, девушек. Ослов оставили на том берегу реки. Курды той стороны пришли и забрали.

Из сведений, полученных мной, жена директора Национальной школы Миграна Испиряна госпожа Шушаник с 5-летним мальчиком на руках бросилась в Евфрат и утонула.

Караван эрзерумцев, дойдя до Самусата, узнал, что один караван из Малой Армении и Себастии перебили и бросили в Евфрат: остатки их вещей и много порванных бумаг, книг разбросаны на стоянке.

То, что с Адыямана-Самусата до нашей стоянки и выше нее по оба берега Евфрата видел лично и слышал от убийц Рачья Габикян, мы до этого уже рассказали.

Единственный выживший из Ракки Арутюн Пагалян после перемирия отправился в Самусат искать своих родных. Рассказывает, что курдские

дети играли на берегу реки, одна группа играла убийцами. Они нападали на другую группу, а те якобы были армянами, их бросали в реку, они кричали, вопили как тонувшие армяне. Здесь уместны слова: «Внутри говорят курды, снаружи – курдские щенята».

Когда я был в Ракке бирэджикцы рассказывали, что они сидели у окон тюрьмы и смотрели, как по реке все время плыли трупы... и как каймакам Бирэджика, сидя на стуле у берега реки, подозвал своих подчиненных и видных турок и сказал им: **«ИДИТЕ, ПОСМОТРИТЕ, КАК ХОРОШО ПЛЫВЕТ АРМЯНСКАЯ ФЛОТИЛИЯ КРЕЙСЕРОВ»** (т.).

Мужчины Бирэджика собраны и арестованы. Окна тюрьмы смотрят на Евфрат. Впоследствии отуреченные они были выселены в Ракку. /О них см. в главе о Ракке/. В Суруче я слышал от многих курдов, что из Сваза 53 тысячи армян было перебито и брошено в Евфрат.

Армяне Ерзинки со своими селами Акн, Финкеан, Тиврик со своими селами, Чмшкадзаг, Балу, Арабкир со своими селами были перебиты и брошены в реку Арацани-Евфрат.

И наконец, в целом, до проклятого Дер-Зора и оттуда до Персидского залива Евфрат стал могилой десятков тысяч армян.

К АРАБ-ГАНТАРУ. – Прервемся. Продолжим наше повествование. Утром солнце уже было в зените, когда мы оставили эти адские места. Ослы у нас уже отняли. Нет выючных животных, чтоб нанять. Все без исключения должны идти пешими. Многие вынуждены были оставить своих больных здесь. В конце курды их бросили в воду. Когда мы проходили по берегу реки, перед нами проплывали трупы. Рассеявшись двигаемся по направлению реки. Жандармов-чавушей не видно. 8-10 курдов якобы как жандармы сопровождают караван. Ограбление, воровство продолжаются вплоть до стоянки. На чьей спине видят груз, стаскивая кладут на землю, смотрят, что есть внутри. И если им что-нибудь нравится, тут же забирают. Обыскивают пазухи женщин, детей. Арьергардные жандармы продвигаются вперед, авангардные идут назад. Дополняют друг друга. Больных, слабых уже очень много, они все изнемогают. Мало кто может найти помощника. Пока, еле-еле шаг за шагом продвигаются вперед, несчастные доведены до полусмерти. Только один раз на берегу Евфрата нам дали отдых, пока оставшие изможденные дойдут до нас, мы должны были немного отдохнуть. Но время отдыха кончилось. Без отдыха они

вынуждены одолевать тяжелейший путь. К вечеру, к заходу солнца мы дошли до большого курдонаселенного села Араб-Гантара, на левом берегу Евфрата. Напротив Самусата, Гантара по-арабски значит мост. Здесь проход на Самусат, именуемый Гара-Гайыг. Со стоянки Кэочека нас должны были по дороге за час пути спустить к Самусату и мы через этот проход должны были выйти к этой деревне. Так не сделали: после того, как мы прошли дорогу в 4-5 часов выше Кэочека, с противоположной стороны по дороге однодневного пути привели нас. Почему так поступили, мы об этом уже рассказали.

Отставшие уже приходят, но тем не менее многие остались в пути. Спускаюсь к берегу реки умыться. Сюда привезли и бросили 8-10 больных. Среди них жена Меграманджяна ага Ованнеса. Завидев меня, она взмолилась: «Пойди скажи моим дочерям, чтобы они взяли бы меня к себе».

Немного выше какая-то женщина с 3-4-летним малышом на руках без устали кружится. Безумным взглядом смотрит вперед. Говорю себе: «Эта женщина собирается бросить ребенка в воду». Приближаюсь к ней, окликаю:

– Женщина, побойся Бога, нет у тебя страха. Что ты хочешь от невинной овцы – мальчика?

– Чтобы Бог ослеп и ты вместе с ним, – говорит. И, взяв камень, бросается на меня. Я в ужасе отступаю. Довольно долго поднимается вверх и с диким криком вместе с ребенком бросается в воду. Несколько раз всплывая и погружаясь в воду, прижав ребенка к груди, последний раз показала, руками ударила по воде, подняла наверх кулак и затем отдалась водам...

Еще выше одна женщина с окаменевшим сердцем, погрузила ребенка в воду, коленками нажала на голову и только увидев, что он задохнулся, отдала его потоку.

Напротив реки вдалеке показался САМУСАТ, неприметный городок. Впереди него какой-то караван устроил стоянку. Это после нас пришедшие в Фырынджылар эрзерумцы вместе с беженцами из разных мест Малой Армении. Выше Самусата виднеется АДЫЯМАН... – эти оба зло-счастливых городка были не поддающимися оценке горнилами варварства.

Самусат в этот момент пробудил во мне самые заветные воспоминания. Из мглы 1500-летней давности я как-будто видел там в скромной келье Святого Маштоца¹, который вместе с ученым Ропаносом² размышлял, находился в муках рождения и оформления Армянского Алфавита.

О Божий Святой! На минуту оторвись от своей этой многотрудной работы, выйди из своей хижины, посмотри на берега Евфрата, взгляни, взгляни своими добрыми глазами, что за испытание свалилось на несчастную голову Армян. Ты своими огненными крыльями подобно Серафиму, устремившись к свету, достиг Божественного Престола. Оттуда похитил луч^I, частицу от неисповедимой Науки мудрости, колос от нематериального луча истины в Хор Вирапе^{II}. Вставил его в светильник Лусаворича^{III} (Просветителя), принес и повесил над Арменией, пребывающей в потемках невежества Азии и назвал Армян и Армению сыновьями света. Но ты не знал, что этот костлявый старик пожелтевшей Вечности – судя по речи – Завистливый Бог. Он в своем творчестве однажды отклонился, если не сказать, что ошибся, на земле рай посадив на Востоке, туда перенеся свою божественную славу, но вскоре пожалев, уничтожил его, увидел подлость Человеческих Сыновей, и раскрыл пропасти земли, разорвал сверху облака и поглотил их водами на той же земле^{IV}. Опять же в пределах той же Земли, Он уничтожил надменность людскую, когда они построили башню, ведущую к Его Престолу, и среди них посеял семя раздора, и они растерзали друг друга^V. Могло ли сердце того Завистливого Бога, снести то, что сделал Он, не должен ли был сей наказать твою дерзость, погрозить тебе и сказать: «О Месроп, сын кузнеца, как ты мог посметь на проклятой мной Земле возродить Рай, на забытом моей божественностью уголке земли ненавистный мной Рай, зажечь лампаду познаваемого света, ты, ничтожный, прорвать сверху до низу завесу мрака, простертую над ним мной. Знай, что у внуков твоих будет оскомина на зубах... Ад сотрясется. Из глубокой тьмы сумрака Востока выйдут черные летучие мыши, кровожадные вампиры, мраколюбивые шакалы, ночные совы-филины, сычи каскамы, предвестники зла врики¹⁷³. Ядовитые упыри от этого твоего света ослепнув, невидящими глазами в волнении переполошатся – куда бежать, куда, в какой угол приткнуться свою голову. Твой свет их преследует. И от отца эти отвратительные порождения мрака, с ненавистной враждебностью сговорившись, дали обет разрушить твое горнило света, факел твоего знания разбить, потушить, и уже более 1500 лет с яростью продолжают это разрушение по сей день.

¹⁷³ Врик – крупная некрасивая бабочка с изображением черепа. По-франц.- tetedemort (мертвая голова), висит над потолком и кружась вокруг лампад, издает неприятный звук, предвещающий беду как сова (Г).

Потеряв равновесие своей мысли я предавался подобным бессвязным рассуждениям, когда предо мной предстала жестокость нашего положения, обжигающий-иссушающий стон вырвался из глубин моей души. Мое сердце и вся моя сущность очень глубоко изранены, болезненно стонут. Ладонями черпаю воду из Евфрата и несколько раз иссушаю, вода мне кажется неестественно сладкой. День уже склоняется к вечеру. Перед селом на большой площади плоскогорья выставка страшной нищеты. Хоть бы ночным спокойным сном суметь облегчить свои дневные страдания, чтобы днем, немного придя в себя, с новыми силами продолжить наш путь. Настроение курдов деревни кажется очень плохим. Не видно жандармов-чавушей. **Караван вновь продан.** Стая звероподобных демонов кишат в стоянке, вертятся, внимательно изучая все кругом. Начинается похищение, грабеж. Двух тохатских женщин, пришедших в деревню купить съестное, захватили и увели. Здесь в стоянке поднялся другой шум. Тащат 14-летнего сына Пармагсызана Сероба. Отец, мать и другие близкие сопротивляются, не отпускают, то молят-просят, то борются. Наконец под ударами и побоями вынуждены бывают отступить. Мальчика взяли и увели. Народ, видя это, не жив, ни мертв. Так еще несколько мальчиков потащили-увели. Наступила темнота. Курды-жандармы с группами курдов обыскивают женщин с головы до ног, в руках кинжалы, угрожают, что если пикнут или поднимут шум, конец им. Тихо-молча грабят их. Видя эти обыски многие припрятали там где сидели в земле или в траве все, что у них было. Но разбойники были так искусны, что после обыска одной, стали раскапывать все места и нашли припрятанное. Так продолжалось до утра. У многих нашли много чего и ограбили. Народ лишенный покрывал, оставив у себя лишь головные платки, в ночной мороз дрожал от холода.

26 К СУРУЧУ

Под впечатлением последних 3-4-х жестоких событий народ физически окончательно обессилен, морально опустошен, особенно женщины – слабый пол, не в силах перенести столь тяжелые удары... И какой человек со стальным, гранитным характером может это перенести, выстоять?

Должны отправиться в дорогу. Отсюда начинаются глубины Месопотамии, куда мы направляемся. Мы готовы. И большого труда подготовки к дороге нет – нет у нас ни выючных животных, ни груза, у каждого один сверток. Несмотря на это многие для своих больных нанимают выючных животных. Показались жандармы-чавуши. Это те же ночные грабители-похитители.

Положение Григорика, сына моей свояченицы ухудшилось. Не может ходить. Из имеющихся у меня денег покупаю хлеб, оставшимися деньгами нанимаю выючное животное.

Отсюда наконец начинаются земли Урфы. Караван двинулся в путь. Не успели мы немного отдалиться от деревни, как издали показалась группа из 8-10 человек, пришли и дошли до нас, останавливают караван, вызывают наших жандармов, объявляют, что теперь караван находится в административном подчинении Урфы и по приказу властей должен быть передан им. Собирают караван. Новый жандарм-чавуш полный, сильный мужчина, с головы до ног вооруженный, на голове шелковое, отделанное по краям золотом кэфиз с черным акилом-шнуром молодцевато сидит на арабском красивом коне. Его сотоварищи в наряде не уступают ему. Судя по нашему виду и видя, что мы ужасно измучены, он сочувственно спрашивает нас о самочувствии, интересуясь не притесняли ли нас жандармы, не участвовали ли в грабеже, есть ли у нас жалобы на них? Воодушевленные этими его вопросами, женщины пали ему в ноги, с плачем, подробно ему рассказали о случившемся в Кзочэне и до сего места похищениях, грабежах. Пармагсызян Сероб показал ему похитителей его сына. Жандарм-чавуш выслушал все эти жалобы, приказал связать руки жандармов сзади, и на наших глазах, уложив их в реку, своими руками их избил. Затем, обратившись к каравану, объявил, что отсюда отныне вы будете идти очень спокойно и безопасно, каких-либо событий не произойдет – ни убийств, ни похищений, ни грабежей. Очень приободренные мы пришли в себя, женщины со слезами на глазах благодарят наших новых жандармов и их начальника. Мы ждем, что хотя бы сына аги Сероба он прикажет вернуть, но начальник никогда там не был и дает нам как-то понять, что случившееся уже случилось. Пустились в дорогу, связанных курдов с нами довольно долго вели, но в какой-то момент смотрим никого нет, исчезли. Видимо, дали нужный выкуп, освободились и ушли восвояси.

Нашему взору предстала Месопотамия... Начиная с берега реки тянутся ряды холмов, холмиков, ведущих во внутрь края. Они покрыты густой растительностью. Между холмами долины с большими садами. Виноград поспел, начался сбор урожая. Дорога ровная, земля мягкая, недостатка в воде нет. Караван движется вперед по своему желанию, никто не подстегивает и не торопит их, отстающие не боятся. С одного края каравана по другой можно дойти за час-полтора. Кажется, что от местной администрации поступил приказ о смягчении отношения к беженцам. Мы прошли довольно большое расстояние, когда нам в нос ударил острый запах разлагающегося трупа. Прошли еще немного вперед. Слева, довольно далеко от дороги холм из трупов. Их примерно 15-20 наваленных друг на друга. Это трупы мужчин. Ясно, что их отделили от каравана и убили. Они разложились, распухли. С болью в сердце смотрим и проходим. В полдень устраиваем стоянку в курдской деревне, окруженной садами, на берегу речки. Курды приносят на продажу виноград, хлеб, вареную курочку, в больших халкинах обед. Несколько часов отдыхаем, затем встаем и отправляемся в путь. В скобках должен сказать, что до Суруча не смогу дать название курдских деревень – наших стоянок, не спрашивал и не пытался запомнить, записывать не было никакой возможности. Вечер кончился, когда мы дошли до какой-то курдской деревни. Жандармы по очереди ночью сторожат. Никаких происшествий не было. Наступило утро. Курды приносят на продажу еду. Все распродается. Ни денег нет, ни хлеба, я остался ни с чем. Меня одалевают думы. Едим с Григориком немного хлеба, оставшегося с первых дней. Бедный мальчик томится жаждой, просит арбуз, от продавцов прошу кусок. С какой жадностью ест! Караван построился в дорогу. Нанять выючное животное не могу. Другого выхода нет – мальчику говорю, пусть шагает, пока не устанет. Время от времени беру его себе на спину.

В полдень стоянку устроили на берегу какой-то реки. Жена Зопапуруняна Гасапа Сероба аги, госпожа Рипсимэ, смотрела по дороге на меня и поняла в каком тяжелом положении я нахожусь. Ни съестного, ни денег у меня нет. Дала немного денег и сказала вечером, когда дойдем до стоянки с Габриэлем /ее сын и ученик нашей школы/ пошлю одну золотую монету. Не стесняйся. Когда это потратишь, не стесняйся, попроси еще. Мир

казался мне во тьме, вдруг посветлело, от волнения я заплакал, она меня успокоила, утешила.

Вечером дошли до курдской деревни, впереди нее протекал большой арык, орошавший фруктовые сады, огороды. Над водой перед селом каменная мельница, которая не работает. Хозяина – урфинского армянина убили, мельницу ограбили, разрушили.

Здесь также курды принесли на продажу много съестного – обед, ягоды, виноград, арбуз. Охраняемые жандармами от грабежа многие продают украшения, хотя и по очень дешевой цене.

Госпожа Рипсимэ с сыном Габриэлом послала одну золотую монету, день кончался, поэтому не смог потратить, оставил наутро. Это было большим утешением. Как говорится: «Бедняк, имея сыр-хлеб, ночью лишается сна». Утром потратил четыре меджита, купил съестное, хлеб, а также мальчику арбуз. Мальчик не может ходить, очень ослаб. Нанимаю осла. Отправляемся в путь. Дальше в дороге нет затруднений. Ровные степи Месопотамии. Дорога хорошая, трудностей нет, воды вдоволь. На дорогах, по краям трупы, а местами их нет. Жир растопился, оставив на земле контуры человека. И какой тяжелый запах. Кроме погонщиков курдов за караваном следует большая толпа курдов. Есть также турки-погонщики из Урфы. Спрашиваем о положении Урфы. Говорят, что еще их не выселили. Очень много беженцев доходят до нас. Приютились во дворе церкви. Следовательно, настоятель церкви жив. Вечером сделали стоянку перед какой-то курдской деревней. Здесь нет проточной воды. Имеются колодцы. Курдянки в больших чанах приносят на продажу воду. Снова в халкилах приносят вареное мясо, кур, хлеб и пр. Народ покупает и с жадностью ест. Ночью отдыхаем. Утром продолжаем наш путь. Нанимаю урфинского турка погонщика мула для Григорика. Повсюду та же картина – на дороге трупы. В полдень отдыхаем перед какой-то деревней у воды под деревьями. У товарища Мкртича Симоняна, крестьянина из селения Тодорак на руках у матери умирает от дизентерии четырехлетний малыш. Кто может описать стенания и горестный плач молодой матери? Падает на него, покрывает бледный лоб поцелуями, говорит: «Передай привет отцу». Зовет меня разделить ее горе: «Посмотри, учитель, в каком положении находится любимое дитя твоего ученика. Потеряли отца, и единственную память о нем так рано теряем». Смотрю на нее и сердце мое

разрывается от боли. Вижу перед собой отца – преданного, готового на самопожертвование. Плачу и со щек моих стекают горькие-горькие слезы. Для погребения нет времени. Мать запеленав, кладет себе на спину этот сладкий груз и несет до вечерней стоянки. Опять же останавливаемся на ночлег в какой-то курдской деревне. Здесь та же жизнь, те же явления.

На следующий день полуденный отдых под прекрасным каменным мостом. Вода реки по сравнению с длиной моста скудная, русло очень широкое и покрыто известняком. Продолжающееся от моста шоссе, говорят, ведет в Урфу. Мы на подступах к Урфе. По длинной дороге тянется телеграфный провод. Если даже не увидим города, говорим, то хотя бы вблизи пройдем, смеемся сами над собой. Постоянно по краям дороги трупы. Сопровождающие караван курды, показывая на них, делают намеки: «Смотрите, – говорят, – они тоже были в роде вас гяурами. Теперь спокойно-безбедно лежат. Не хотите ли и вы как они насладиться покоем?» Смотрю, в частности, намекают на меня. Наш погонщик ослов турок из Урфы довольно добродушный старик говорит мне: «Следует немного ускорить шаги, пройти вперед, ибо они курды, на них нельзя надеяться. От них можно ждать опасности». Мы удаляемся.

К вечеру доходим до курдской большой деревни Чар-Мелик. Время довольно раннее. На берегу реки делаем стоянку. Умываемся, отдыхаем. Курды принесли много продуктов на продажу, особенно арбуза, ягод, народ вдоволь покупает.

На краю деревни с давних времен сохранился каменный хан. Входная дверь в архитектурном плане сделана довольно искусно. С наступлением вечера жандармы для безопасности собрали нас и привели в этот хан, боясь, что курды деревни, несмотря на охрану, совершат кражи, ограбления. Внутри хана просторно, мы собрались под арками вокруг. Жандармы стали в дверях на охрану. Курды, видя эту заботу о нас, никого не тронули. В разрушенной части хана под тусклым светом вырисовываются два трупа. Идем посмотреть – видим два обуглившихся трупа пожилых мужчин, сожгли на костре и жир потек по земле.

Поздно утром отправляемся в путь. Курды принесли на продажу обеды. Едим с удовольствием.

ДОХОДИМ ДО СУРУЧА. ИДУТ ВОЕННОПЛЕННЫЕ (т). – Жандармы сообщают нам, что сегодня дойдем до Суруча. Там имеется правительство. Оно поможет нам. Должны дать тайин – хлеб, еду, денежное

пособие. Мы обнадежились, обрадовались. Отсюда и дальше – равнинные степи. На открытом горизонте ни одного возвышения, даже ни одного камня, повсюду зелень, сады, фруктовые деревья, огороды, роши. Тем временем нам показывают Суруч, он все еще далек. Сердца наши забились. Все-таки мы достаточно близко находимся от него. Погонщики ослов здесь спускают с ослов нанявших их. Не хотят вступать в Суруч. Боятся, что их могут мобилизовать. Жалуемся жандармам. Ничего не смогли поделать. Обоснование курдов носит устный характер: «Проблемы нет, идите пешком. Осталось мало». Но не забудьте, что наниматели больные люди. Пока мы дошли, бедные очень многое претерпели. Жандармы предупредили, чтобы народ, дойдя до Суруча, не ходил бы на рынок, не стал бы покупать съестное, в противном случае власти решат, что у вас есть деньги и лишат вас тайина. Жандарм-чавуш обещал сам также лично рассказать каймакаму о нашей бедности и вызвать его сочувствие к нам. Выражаем ему нашу благодарность и со своей стороны строго предупреждаем наших людей не делать никаких покупок, дабы не лишиться всех денежных пособий. Приближаемся, уже видим городок, дома с острыми куполами из сырцевого кирпича, который кажется нам очень необычным. Городок большой, на открытом пространстве есть также много домов, построенных в новом стиле. Доходим до края поселка. Жители вышли посмотреть на нас, и, говоря Есир кэлиор (идут военнопленные), указывают на нас. Видим, что здесь как власти, так и чернь, беженцев называют есир, т.е. военнопленными. Как если бы мы были захвачены в плен на войне. Нас не впустили в городок. Спустили в открытое поле, довольно далеко от поселка. Здесь разбиты три-четыре палатки, в которых устроились больные и семьи. Все хотели устроиться в палатках, возникли споры, в палатки проникли другие беженцы. Это вызвало еще большие волнения, тем более, что вошь очень быстро переходила от одного к другому. Время очень раннее, каждый человек думает попасть на рынок поселка, но стесняются друг друга. После долгого ожидания, видя, что никто нам не приносит тайина, и никто не интересуется нашим положением, постепенно один-два человека тихо-молча отправляются в поселок, особенно из мальчиков. Они приходят и рассказывают, что в Суруче хороший рынок, магазины, кафе, пекарни, повара и пр. и что все очень дешево и обильно. Видя, что никто им тайина не принесет, народ спустился на рынок, чтобы

купить необходимое. Беженцы снуют по лавкам, аппетитно поглощают еду, чашу за чашей. Как это кажется вкусно, особенно для человека днями лишенного пищи, и как дешево.

27 СУРУЧ

СУРУЧ, СРУЧ или САРУЧ – важное поселение между Урфой и Бирэдджиком в западной части Армянской Месопотамии. Суруч -Урфа – 9 часов езды. Суруч-Бирэдджик – 4 часа, и Суруч – Араб-Фунар – самая близкая станция Багдадской железной дороги – 2 часа. Это большой, сельскохозяйственный центр на просторной плодородной равнине, имеет очень оживленную торговлю, окружен примерно тремястами пастушескими, скотоводческими, земледельческими курдскими селами. Главные отрасли производства – пшеница, овес, масло, сыр, продукты дикорастущих растений – матутак (солодковый корень, лакричник), который в большом количестве через одну американскую компанию вывозится в Америку. С юга на восток тянется не очень высокая горная цепь, частью сворачивая на север, она завершает панораму этой пространной плоской равнины. По ту сторону этой горной цепи начинаются Арабские села. Северная сторона открыта и очень вдалеке видны пройденные нами огромные горы Зейнала. Население 2 000 домов, курды, турки, армяне 30 домов, прибывшие из Урфы и здесь обосновавшиеся ремесленники, лавочники, ювелиры, жестянщики, портные, кузнецы, медники, пекари, мясники. Они содержали школу с годовым бюджетом в 25 золотых. Церкви и священника не имеют. Когда мы дошли до Суруча, из предводителей армян собрали 10 человек и убили, молодых людей служебного возраста забрали в армию, остальных всем домом-семьей отуречили. Они также через три месяца вместе с нами были выселены.

Дома городка, как и окружающих сел, построены из крупного сырого кирпича, пристроенные друг к другу хижины со смежными дверьми, над каждым домиком-хижиной купол. Людям, впервые увидевшим эти дома с куполами, это покажется очень странным: из узких маленьких окон, или маленького отверстия – дымослухового окна купола свет еле проникает

внутри, солнечные лучи – почти никогда. Из-за этого внутри полумрак и мало воздуха. Ежегодно в ноябре, с начала сезона дождей, купола, как и все внешние стены домов покрываются черной грязью. В противном случае сильные дожди могут разрушить кирпич, превратить в землю, и дождевая вода зальет комнаты. В передней части кровли поставлены водосточные трубы. Есть и дома, построенные в новом стиле. Вокруг двора с хавузом¹⁷⁴ одноэтажные каменные, обмазанные известью комнаты с арочными окнами и дверью, кровля покрыта землей.

В нижней части города, в одном ряду друг против друга, рынок и около 40-50 лавок и магазинов, вообще камень с известью, с железными или деревянными замками, довольно ладные, предназначенные для всякого рода мелких товаров и нужд ремесленников. Хозяинами тканевых магазинов являются урфинцы и местные турки, иногда и курды. Товары получают из Алеппо и Урфы. Пользуются успехом ткани, используемые для курдских национальных нарядов, особые европейские шерстяные и хлопковые ткани, алеппские шелковые товары – аладжа. Национальная курдская одежда, уже виденная нами с Евфрата до сих мест, та же.

Климат субтропический, летом тепло, но воздух умеренно теплый, не удушающий, не сухой, не обжигает, как в арабских пустынях, где солнце жжет и ветер удушливый. С ноября начинаются дожди и длятся до января-февраля. Все поля покрываются зеленью, снег выпадает очень редко, вода сладкая, не содержит извести, но не лишена грязи. У Суруча имеются канавы, бегущие воды, которые используются для бытовых целей. Топливом служат стебли конопли и матутака-солодки. Курдянки с полей косят их серпами, высушивают на солнце, связывают в огромные снопы и приносят на спинах продавать. Чтобы поднять на спину эти огромные грузы стеблей матутака, курдянка как верблюд должна садиться. Веревка проходит поверх плеч и на груди скрещивается в связку. Она самостоятельно поднимается на ноги и подолгу несет на предназначенное место, под грузом видны только ее ноги и шаги. Руки, внешняя часть рук, вокруг губ у курдянки с детских лет татуировано символи-

¹⁷⁴ Хавуз (havuz), у Габикяна – хавуш – бассейн, водоем. Так назывались также дома или комнаты, в середине двора которых находился бассейн. Последний служил и адресом дома – «Вместе с другими себастиками, сняв один хавуз в Суруче, они остались здесь» – см. гл. 29, с. 206.

ческими узорами и знаками. У мужчин на обеих скулах лица имеются татуировки в виде звездочек, внешняя часть ладоней также покрыта татуировкой /татуировка хаджи/. Главная еда – это блгур. Молодые парни, молоденькие девушки, когда в ступке сбивают пшеницу, поют особые песни, начинают медленно и тихо, постепенно воодушевляются, соответственно этому удары ступ поочередно спускаются-поднимаются, не касаясь друг друга. Над усопшими душераздирающе вопят. Сообщающий весть о кончине выходит наружу и перед дверью пронзительно, зловещим голосом совы сообщает о несчастье. Соседи заполняют дом, женщины встав в круг, самая близкая родня усопшего до половины спины голая, или с обнаженной грудью, крича «вай лымэ», кулаками бьет себя в грудь, царапает, ранит лицо. Женщины с горестным плачем следуют за похоронной процессией. Отец умершего или родственники матери посыпают голову землей и так идут за гробом. В конце дают еду в поминовение усопшего, режут барана или быка, варят плов из блгура, раздают соседям, или те идут в дом умершего и там едят. Все курды этого края сунниты-мусульмане. Кзылбашей мы здесь не видели.

В Суруче есть мечеть из камня и известняка с минаретом.

АДМИНИСТРАТИВНО Суруч – каймакамство, входящее в мутасарифство Урфы. Правительственное здание находится в просторном дворе рынка. Оно каменное, двухэтажное, имеет телеграф, телеграфную связь с Урфой, Алеппо, Бирэдджиком, Раккой. Есть также Земледельческий банк. Суруч является железнодорожной станцией между Урфой и Алеппо. Имеются ханы для проживания с хорошими комнатами.

НЕМНОГО ИСТОРИИ. – В истории Месопотамии Суруч занимает довольно значительное место. Согласно «Хронике» патриарха Миаила Сирина¹ /Иерусалим, 1871/ отец Наховрея «Серук построил Серуч во имя свое». Опять же, согласно тому же историографу, один из 12-ти апостолов «Иаков, сын Алфея, из рода Манассии, умер в Серудже». В близком от Серуча селе Бэойюк-Ширване, сказали, есть монастырь или церковь во имя этого Апостола, где покоятся его останки. Сейчас она находится в руках курдов и является большим местом поклонения. Хотя я не имел возможности посетить ее, и заняться этим. В той же «Хронике» за 832 г. упоминается «Св. Иаков, епископ Суруча во дни персидского царя Кавата^{II}, который наделен был божественным даром, полученным не от

людских поучений» и был ярким противником халкедонства¹. Суруч, по всей видимости, в древности был более крупным, поскольку упоминается теми же хронографами как **Город**. Он имел также крепость. Вместе с другими землями Урфы и Месопотамии Суруч попеременно переходил из рук в руки, то – к Грекам, то – к Персии, грекам и Исламским Амирапетам, к Крестоносцам и Исламским Султанам, Монгольским татарам и Туркам. Но до этих исторических событий там довольно сильным было Сирийское владычество. Над источником села Сумах мы увидели камень с клинописной надписью. Раскопки и исследования, возможно, могут выявить много древностей, хотя и следов каких-то развалин там не видно.

Не будем очень углубляться. Обратимся к событиям, пережитым нами самими.

Не забудем отметить, что до Суруча мы дошли 5-го сентября 1915 года.

Вопреки нашим ожиданиям мы не получили тайин. Лежим на голой земле, нет ни подстилки, ни – покрывала. Ночью пронзительный холод, дрожим, особенно к рассвету. Наступило утро. Взглядом обвожу народ. Никогда еще картина не была столь волнующей, не казалась столь безысходной, как в это утро: все как-будто призраки, вышедшие из могил, почернели, высохли, стали движущимися скелетами, цвета золы-пепла, нет лица, в лохмотьях, нос-рот, с головы до ног обвалены в земле, пыли, золе, нет сил говорить. Найти бы зеркало и посмотреть на себя, как сбежавший призраки. Я также ужаснувшись, убежал бы от себя.

«ЕСЛИ ДИТЯ НЕ ПЛАЧЕТ, ЕМУ НЕ ДАЮТ ГРУДЬ». Главари нашего каравана собираются, совещаются об этом нашем положении. Мужчины не знают, куда деться от стыда. Выбирают делегацию из 7-8-ми женщин. Они идут и представляются каймакаму. Это турок из Константинополя, выхолненный, лет сорока. Принимает их хорошо. Женщины воодушевшись рассказывают ему о бедах, случившихся с караваном от Евфрата до сего места; об ограблениях на судне, о похищениях, о том, что у них не осталось никаких средств к существованию, о голоде, что они остались в одних рубашках. Каймакам, выслушав все это, с пониманием отнесся, выразил сочувствие, обещал тайин, главное, поскорее это сделать.

С народом спустился в город и я. Обходим весь рынок. Турки-курды смеются над нами, брезгают, поучают нас, злобствуют.

ТАЙИН-КЭОТЭК (ТУМАКИ). – Распространили слух о том, что в полдень дадут тайин. Бегом возвращаемся в караван. С нетерпением ждем. На самом деле на ослах привозят хлеб в мешках. Таким образом немного посмеиваются над нами. Жандармы для устрашения с дубинками, плетью нас сажают кругом в поле, друг за другом. Все стараются оказаться в первом ряду круга. Из-за этого начинаются беспорядки, на спины, головы, плечи некоторых опускается дубинка. Удары по сухим костям вызывают острую щемящую боль.

Мешки находятся в центре круга. Начинают раздавать, на каждого человека по одному 100 драммовому¹⁷⁵ хлебу. Сначала дают тем, кто себя хорошо ведет. Многие лишаются. Свойственная нашему народу недисциплинированность, несправедливость жандармов, пристрастное отношение снова вызывают беспорядки. Лишенные хлеба протягивают руки, получившие хотят получить еще раз, встают, начинается переполох, паника. Для установления порядка: поднимаются дубинки, одному на бока, другому на спину, некоторым на плечи, руки. Получивший удар, отходит со стоном. Прилив-отлив следуют друг за другом, то вперед, то назад. 25-30 человек получают и снова скапливаются, снова те же беспорядки. Жандармы применяют новый способ умиротворения, с помощью которого они, с одной стороны, веселятся, с другой – глумятся над нами. Каждый из них берет в руки 3-5 хлеба разламывает, превращает в куски, и как собаке, которой бросают кусок, подбрасывает над народом в воздух. Куда падает кусок, туда набрасывается народ, толкают, наступают друг на друга, чтобы отнять кусок хлеба. А дубинка и плетень поднимаются и опускаются.

Этот способ применили несколько раз. Оскорбленные в полголоса бормочат проклятия: «Чтоб вам подавиться вашим тайином». Наконец народ подняли на ноги, заставили трижды провозгласить: «Падишахым чогаишы» (Многие лета падишаху) за оказанную нам милость? Не забудем сказать, что оставшимся на стоянке больным также принесли и роздали их долю. Раздачу этого тайина женщины называли кэотэк-тайин или тайин-кэотэк – тумак-тайин и мы оставили это название. Человек видевший добро не может забыть его. И в самом деле я также получил несколько

¹⁷⁵ Драм (арм. трам) – деньги; металлические деньги; серебряные деньги. Здесь речь идет о мелких деньгах.

ударов, было очень больно, но все-таки несколько кусков хлеба попало в руки.

ЭКМЭК ЧОГ, АЙРАН ЧОГ. – В древние времена продавцы пленных, рабов группами приводили на площадь для продажи, но хозяева хорошо кормили их. Здесь в Суруче нас называли есир, нас рассматривали как пленных, взятых на войне, но мы были для них намного хуже, они смотрели на нас как на рабов. Пришли на стоянку курды и их жены. Сначала смотрят на нас издали, посмеиваются, очень внимательно изучают, постепенно приближаются к женщинам, к молоденьким девушкам, начинают разговаривать с ними, спрашивают о самочувствии, выражают сочувствие, входят в их положение, лстивыми словами убеждают идти к ним, приглашают к себе домой. «Хлеба много, тана-тацана много, кушай-пей, живи» (т). Но наши женщины со справедливой яростью плюют в лицо говорившим это и гонят их. Если мы должны стать женами зверя курда, если мы должны отречься от нашей светлой веры для еды, почему мы перенесли эти муки, говорили они взволнованно с горечью и затыкали уши, чтоб не слышать этих искусителей.

НАС ПОСЕЩАЕТ ДОКТОР МЭРИИ. – Тем временем у стоянки показался некто аккуратно одетый в европейскую белую летнюю одежду, немного низкорослый, светлый, из под очков его голубые глаза выражают ярость. Своей крепкой тростью он наносит удары по головам, спинам, плечам, куда попало всех встречных курдов, курдянок, обвиняет, обзывает их свиньями, скотами. Вскоре на это все обратили внимание. Курды, курдянки в страхе убегают от него, не успевая даже взять привезенные с собой на продажу продукты. Человек рассерженно наносит несколько ударов тростью по головам жандармов охранников: «Вы здесь памятники, камни, или чучела? Почему не следите, почему разрешаете, чтобы эти вахчи-скоты были среди них. Что вы решили, что этот народ без хозяина, что они пленные, которых можно как угодно продать-купить? Видели ли вы их когда-нибудь в их благополучной жизни, они таких как вы несколько собак держали у себя перед домом». – говорил он им.

Мы отсюда с удивлением слушали это. Или нам все это кажется? Интересно узнать, кто, что за человек это?

Немного успокоившись он идет к нам. Женщины встают благодарят его за его гуманное отношение. Понимаем, что это доктор мэрии Суруча.

Спрашивает о болезнях. Просим у него лекарств. Говорит, что **больным беженцам запрещено давать лекарство.** Больным беженцам не выдают лекарств? Одна из черных тайн дьявольского плана политики уничтожения всего армянства. Больного человека, приговоренного к смерти, закон гуманно разрешает лечить, и лишь после выздоровления приводит в исполнение смертный приговор. Армяне вне и этого закона, они все без исключения должны быть уничтожены....

Могу ли я послать брату письмо в Себастию и попросить денег? Уже планировал, дойдя до Суруча, подумать об этом. Наверно это можно узнать у местных армян. Сегодня спустился на рынок познакомиться с местным армянином. Несчастных сразу можно **узнать** по печальному виду, по повязанной на голове апани, со склоненной головой они задумчиво-задумчиво работают. По их лицам видно как глубоко они уязвлены, сердца их истекают кровью и они не могут притворяться, из под бровей внимательно печально рассматривают нас. Подхожу к одному, он жестящик. Бодрый старичек, лет 60-ти. Режет, искусно выкраивает, прикрепляет. На ум приходят слова зверя Муаммэра: «**Один армянский жестящик своим постукиванием может содержать семью из десяти человек**» (т). Здравуюсь, спрашиваю имя. Аруч-Пагдади, говорит. Рассказываю о своем деле, прошу его совета. Аруч-Пагдади говорит: «мал-мюдир мой приятель, добросердечный человек. Спрошу-ка я его, посмотрим, что посоветует, и соответственно этому будем действовать». На следующий день пошел к нему. Он спрашивал мюдира, и тот ему сказал: «**Армянским беженцам запрещена переписка, как и отправление и получение телеграмм.** В случае если тем не менее он пошлет телеграмму, до получения ответа и денег, уже ему оформят высылку, потеряет деньги, жалко». После этого я умыл руки и ничего не предпринимал.

БАХЧА-БОЛЬНИЦА СУРУЧА. – Любимый читатель, помнишь ли ты, в отделе Фырынджылара в рассказе о **Бахчах** мы мимоходом упомянули и о **Бахче Суруча**? Теперь, поскольку мы здесь, сблизимся посмотрим на него своим добрым взглядом. Пришли женщины и рассказали о слышанном отсюда-оттуда. Сердце мое не вытерпело, я сказал себе, пойду-ка я сам взгляну, если, конечно, меня не смешают с течением. Накинул на плечи треугольносложенную мою красную шаль, единственную вещь, не ограбленную и дошедшую из Себастии, которая была для

меня покрывалом и ночью и днем. Снизу у меня рубашка, широкие хлопковые штаны, трудно определить какого цвета, очень старые, потертые. А что сказать о фесе, который покрылся толщиной в палец растительным маслом. Волосы-борода удлинлись, на ногах домашники, ноги босые. Иду, опираясь на палку, в другой руке искривленная кружка для воды – единственное мое имущество. Словом, я не отличаюсь от индийского факира. Суручская Бахча находится в нижней части города, позади рынка – это большой хан. Безразлично медленно семеню ногами, в тех местах вообще не был. От двери хана, немного не доходя, с внешней стороны несколько сотен трупов, брошенных как дрова друг на друга. Много трупов также разбросано как попало, или связаны веревками. В целом это трупы женщин или детей. Трупов мужчин очень мало. Собаки поднялись наверх к пышному столу этих яств. Такой стол мог накрыть только человек-зверь. Одна собака начала с руки трупа, разгрызла, другая схватила и грызет ногу, третья – тянет внутренности, еще одна легла на живот трупа, передними лапами держит череп и грызет, от удовольствия виляя хвостом и бия им о землю. Еще одна собака, насытившись, растянулась на земле, облизывает окровавленную морду, повизгивая готовится к новому пиршеству. Там две собаки не могут поделить труп женщины, они соревнуются друг с другом. Одна схватив зубами грудь женщины, тащит, другая хрипит и той назло вытаскивает печень. Страсти разгораются, на одно мгновение они оставляют свою добычу... бешено лают, повизгивают друг на друга, угрожают вцепиться друг в друга и, когда страсти доходят до предела, они объявляют единоборство и, стоя на задних лапах, передними лапами хватаются за горло противника, кусают морды и по очереди, бросаясь на труп, ударяют о землю, как настоящие непобедимые соперники...

Для выноса трупов выделены три пары носильщиков, которые в особых военных веревочных гробах выносят трупы и бросают во рвы на восточной стороне города. Эти рвы в свое время были выкопаны для строительства местных домов. Землю засыпали сырым кирпичем, ямы остались. Несут трупы и бросают в эти ямы и затем засыпают землей. Так восточная сторона Суруча сплошная пространная для беженцев земля. Несколько пар носильщиков трупов из дверей хана выносят новые трупы, добавляя яства на трупный стол – слава Аллаху. Эти трупоносцы армянские маль-

чики 12-15-ти лет. Суручские власти их предоставили для похорон покойников. Им в качестве тайна выдается по паре хлебов и они освобождены от высылки. Над ними поставлен из мэрии один чавуш.

Семеня ногами еще больше приближаюсь к хану. Моя цель посмотреть, что творится внутри хана¹⁷⁶. Дверь хана большая двустворчатая с арками, она закрыта крепким замком, засовами, с правой щели открытого лакота¹⁷⁷, который действует. Чтобы войти в него надо просунуть одну ногу и, склоня голову, бросить себя вперед. Против хана на площади имеется колодец, с округи приходят, берут воду. К дверце с внутренней стороны примкнули с посудой в руках. Высунув языки, просят, умоляют берущих из колодца воду: «Дайте немного воды, горим, языки прилипли к горлу, капельку воды, смочить горло».

Охранник, аданский курд-жандарм со свирепым лицом, с внешней стороны сидит на табурете, как настоящий Голиаф, Садаэл из подземелья. Когда вышел из стоянки, чтобы совершить эту прогулку, он прошел впереди меня и сердце мое почувствовало, что со мной случится беда. Как-будто мало было мне этого злополучного дня, я сделал шаг, чтобы посмотреть из калитки во внутрь, как Голиаф вскочил, метнулся ко мне. Я понял его злое намерение, но он стоял передо мной, я не мог бежать: **«Гяур, что ты бродишь в этих местах, какое время ты выбрал для прогулок»** (т) сказал и, схватив меня за руку, как щепку бросил через дверцу внутрь. В спешке мой лоб ударился о верхний косяк двери. В какой-то момент я как-будто потерял сознание. Встав на ноги, я посмотрел кругом. Охватил взглядом весь хан, в глазах моих потемнело. Почувствовал, что с моего лба что-то теплое течет. Рукой пощупал, кровь. Руку почистил. Сам себе говорю, это что за тартары, в которые я угодил. Вокруг меня женщины меня успокаивают: «Не бойся, брат, ничего страшного, мы тоже Божьи создания, скажем аге, он тебя выпустит». Поддерживают меня. Один из мальчиков-наильщиков трупов оказался мне знаком – Гайк, крестьянин из селения Ханцар. Он тоже меня утешает, говорит: «Здесь тебя не оставлю, не бойся». Немного успокоившись, смотрю по сторонам.

Просторный двор хана, как некое болото, застоявшиеся, прогнившие воды, грязь, ил, помои, испражнения, кровавые выделения, смешанные с

¹⁷⁶ Хозяином этого хана был урфинский армянин, которого схватили и убили (Г).

¹⁷⁷ Лакот – на больших дверях сделанная дверца, калитка.

разъеденными кишками. Разбросанные в разных местах в этой грязи трупы. Здесь также та же борьба собак, те же драчки из-за трупов. В середине двора есть колодец. В него бросили труп и колодец не используется. И без этого грязная вода течет и вливается в колодец и отравляет воду. Расспрашиваю мальчика из Ханцара. Дает сведения: Здесь более 4 000 народа. Беженцы, начиная с побережья, со всех краев Малой Армении, большей частью из Себастии, сел Энтирэса, армянских сел Тонуса, Гамирка, из Чэпны, Азизийэля, Эдрэкэна, все женщины, девушки, дети, мужчин мало. Это из караванов дошедшие до Суруча, больные, слабые, не могущие идти, не подвергшиеся высылке и оставшиеся здесь. В день выносим 120-150 трупов, говорит, похороны умерших с утра до вечера не кончаются, трупы остаются на съедение собакам снаружи или внутри. Доктор мэрии – еврей каждый день ведет счет умершим. До сегодняшнего дня их число достигает 18-ти тысяч. Правительство соответственно этому посылает сведения в Константинополь. Больным лекарство не дается. И какую пользу может принести лекарство, если здесь очаг эпидемии?

– Что едят, пьют? – спрашиваю.

– У многих есть сбереженные деньги. По утрам к дверям хана курдянки приносят на продажу хлеб и другие продукты. Дизентерия сжигает нутро, в городе дешево стоит гранат, арбуз. В основном покупают это и едят. Каждый день женщины из колодца напротив черпают воду и дают народу, но кому это хватит, они мучаются от жажды.

С четырех сторон просторного двора хижины с куполами, под стенами которых сидят полуждоровые, ходячие, в тряпье, лохмотьях, грязь на них накопилась слоем, на руках, на внешней стороне покрылась толстым слоем, бледные, истощенные, пожелтевшие. Остались одни кожа да кости, волосы на голове выпали, местами образовалась бохолоч – плеш, друг у друга в головах ищут, берут горстями вшей и бросают на землю этих отвратительных, мерзких паразитов. С ног до головы они облеплены вшами, по тысяче снуют по ним, поднимаются вверх, спускаются вниз, можно веником подмести. Ворота как сито, гниды рядами, как мозаика нанизаны. Можно ножом соскрести. Мрхик¹⁷⁸ разъедает кожу, въелась в тело, от чесотки на теле образовались язвы. Большие части тела покрыты ранами.

¹⁷⁸ Только что вылупившаяся из гниды вошь (Г).

А мухи, тысяча поднимается и тысяча садится на них, черви на трупах кишат. Смотрю во внутрь нескольких комнат. Вместо окон из открывшихся щелей еле-еле проникает свет. Больные распростерлись на полу, тут же отправляют свою нужду, валяются в ней. Некоторые при смерти, в агонии хрипят, корчатся от судорог, другие безжизненны, с остекленевшими глазами холодно смотрят и в ужасных судорогах выпускают дух, а иные в ужасных коликах мучаются, рты пересохли, язык запекся, «капельку воды» кричат, другие от отсутствия воды лишились разума, проклинают, как совы кричат «вуй, вуй». Весь дрожа, я в ужасе отпрянул.

Встречаю нескольких знакомых: жену Пагала Григора, сына Акобачавуша, в Фырынджыларе были вместе. Она со свекровью с четырьмя сыновьями была здесь. Свекровь, сыновья умерли, осталась она одна. Еле говорит. Когда говорит «ах», кажется, сейчас лишится разума. Вижу Зарман, сестру одного моего почтенного друга из Зары – Мелкона Пампзойнояна. Она вместе со своей дочерью Мариам. Какой красавицей была она, изумительно красивой, глаза-брови, лицо как роза. А сейчас? Нельзя ее узнать, совершенно растаяла, одни кожа да кости... можно ли так измениться... и сколько сотен, тысяч таких...

Э! Ищу выхода из этого ада. Мальчика из Ханцара беру в посредники. Он объясняет жандарму, что я до этого не был в хане, что я из новоприбывшей парханы. И не один, там у меня есть человек. Он ожидает брошенной ему в рот подачки. Даю мальчику два меджита. Кладет ему в лапы, исполняет его желание и выводит меня, ударив при этом дубинкой по спине. Нельзя представить себе, как оттуда я бежал... За ханом, на внешней площади та же картина нищеты, толпы больных. За отсутствием мест внутри, они остаются здесь. Снова оборачиваюсь, смотрю... Беги, Карапет!

Ты увидел, любимый читатель, составил представление о том, что такое Бахча Суруча. Лучше этой лаборатории по разведению микробов нет. Можно ли найти столь же усовершенствованную больницу по изучению микробов? Чудесное изобретение великой научной мысли турок, ... перед которым европейские научные умы – Пастер или Кох – кажутся лилипутами¹⁷⁹.

¹⁷⁹ Не удивляйся, читатель, турок в своей стране много раз вызывал искусственные эпидемии. Это было в 1911-ом году, накануне итальянского захвата Триполи и

Суруч Месопотамии был главным пристанищем беженцев. Мы уже были свидетелями того, через какие испытания прошли караваны до того, как дошли до Суруча. Здесь на их долю оставалась лишь одна смерть. **БЕЛАЯ СМЕРТЬ** должна была сделать свое дело здесь. В Суруче, Ракке, Папе, Мэмридже, Алеппо и во многих других местах под именем **БОЛЬНИЦ** или **БАХЧЭ** были открыты такие бойни, смертные камеры, где прибывающий народ испускал свой последний вздох... А те, кто по воле какого-то упрямства сопротивляются, и еще в них теплится жизнь и они проявляют какие-то признаки, в которых тяга к жизни и свет не полностью иссякли, тем суждено еще продолжать **Дорогу смерти** вниз, вглубь пустыни, пока и они не станут жертвами **Белой смерти**, и уйдут, исчезнут...

Власти Суруча и других мест ежедневно посылали в Константинополь Министерству внутренних дел известия, сколько беженцев дошло до них, сколько на месте было уничтожено **Белой смертью** и куда послали оставшихся. Читатель видел, сидевших при выходе из Себастии, на краю города, на пути нашего прохождения чиновников, которые производили перепись народа, подсчет, сколько есть мужчин, женщин, девушек, мальчиков, детей. То же самое они делали во всех депортированных местах и в дороге до этих лагерей смерти. Благодаря этому турецкое правительство располагает самыми точными данными о том, сколько армянства было выселено как из Армении, так и из заселенных армянами мест, и сколько уничтожено.

ДОКТОР ЕВРЕЙ И НАЧАЛЬНИК ЖАНДАРМОВ посещают нас на стоянке. – На третий день нашего ожидания нам не дали тайина. Видимо пожалели и о том, что в первый день дали. Доктор еврей первого дня и начальник жандармов тысяцкий Суруча к вечеру посетили нашу стоянку. Обошли всю стоянку, внимательно изучили. Доктор еврей, как бы беседуя с нами, обмолвился, что власти весьма сожалеют, видя ваше положение,

Балканской войны; и какую политику надо было применить в разных краях Анатолии и, в частности, в Себастии, когда чиновники в одежде дервиша или моллы тайно бродили по армянским кварталам Себастии и распространяли сахарный песок, зараженный микробами холеры, тем более, что армянские дети Себастии заполняли улицы. Дети, не ведая ни о чем, ели сахар и болели холерой. Эпидемия распространилась, хотя очень быстро была распознана. Тогда на эти события откликнулись в армянских газетах. Кто не помнит о деле ядовитой прививки в Зейтуне? (Г).

завтра вы должны подготовиться к дороге в Алеппо. Там у правительства большие возможности, вы будете получать ежедневно три куруша как заработок, а также жилье, одежду, одеяло и пр. и вы там будете себя чувствовать очень спокойно. Будьте уверены в заботе правительства о вас и молитесь за Султана.

Это фактически не отличалось от выписанного смертельно больному утешительного лекарства: «Вы должны продолжить ваш мучительный путь беженца, пока не погибните от белой смерти». Таков был смысл заключения доктора, сделанный в вежливой, благородной форме, как впоследствии и мы убедились в этом. Хозяева больных обращаются к доктору и просят, чтоб им дали весику, несколько дает, благодаря чему они не подвергаются высылке завтрашнего дня.

АРМЯНКИ В ГАРЕМАХ СУРУЧСКИХ ЧИНОВНИКОВ. – Об этом мы в конце более обстоятельно поговорим. А сейчас должны мимоходом упомянуть, что жандарм-командир таким же образом посетил прибывшие до нас караваны, за собой ведя шлейф джолиров жандармов, и как под ударами плетей угнали выбранных девушек, точно так, как курды поступили с нашим караваном на берегах Евфрата. 12 себастьских, поступили с нашим караваном на берегах Евфрата. 12 себастьских, самсунских, тохатских, амасийских девушек увел он в свой гарем /позже мы имели возможность увидеть с ним некоторых из них/. И этот самый еврейский доктор держит у себя пол дюжины девушек армянок. Я точно узнал, что дочь известного нашего учителя, крупного деятеля гнчакской партии Гагика Озаняна находилась в доме этого еврея. Второй раз, когда я побывал в Суруче, узнал, что она умерла. У каймакама 5 армянских девушек. «Соблазн идет от главного», – говорится. А если поискать у турецкой и курдской черни Суруча, не найдется дома, чтоб не было несколько армянок и армянских мальчиков. Особенно у турок много девочек от пяти до десяти лет. Не желающий попользоваться таким обилием, лакомой добычей – армянскими женщинами, девушками, детьми, не мусульманами, это – безумство, особенно для таких порочных зверей, как турки, курды. Из первых караванов довольно большое количество женщин устроилось по найму в домах и избежало высылки.

НАШ ИСХОД ИЗ СУРУЧА. – На четвертый день, еще до полудня, для получения тайина нас всех повели и согнали как скот на край Суруча в большой двор какого-то хана. Корзинами привезли хлеб. Все жандармы

выходят со двора. По одному-два человека выводят, дают по одному хлебу и велят ждать на противоположной стороне на полянке. Изнутри смотрю на лица получивших хлеб – молчаливое недовольство, корчат лица. Не понимаю в чем дело. Очередь доходит до меня. Очень поздно протягиваю руки, чавуш кладет мне в руки несколько кусков хлеба. Приближаюсь к толпе, получившей тайин, в нас ударяет заплесневевшей запах. Не надо было спрашивать, что это может быть? Смотрю на мой хлеб, что вижу – полностью покрыт серо-зеленой коркой, подобно бархату, открытого места нет. Приближаю к носу, фу... гадость. Заплесневело, плесень такая, что ешь на здоровье. Наши парни, увидев мою реакцию, с противоположной стороны подшучивают: «О учитель, твое сегодняшнее настроение похоже на наш хлеб. Кутсуз¹⁸⁰ позаботился о нас и на хлеб положил потушенный шпинат. Можно использовать и в этом, и в будущем году». Этими шутками они хотели смягчить свое недовольство. Женщин было очень жалко, опустив головы, смотрят на хлеб и покачивают головой: «Горе этому дню, когда мы должны смотреть в руки этих нечестивцев, вспоминая свои хлебообильные столы», глубоко вздыхают и проливают несколько капель слез на свои костлявые щеки. Когда раздача тайина кончилась, нас подняли на ноги, трижды дали прокричать «Многие лета падишаху». Жандармы чувствуют недовольство народа, угрожающе упрекают нас: «Если вы не оцените эту милость царя, то пусть этот хлеб застрянет у вас в горле. Но что еще может быть, когда вы уже вероломный народ. Вы всегда не ценили милостей, оказанных вам, поэтому оказались в таком положении. И еще нас осуждают подобные бесчувственные подонки...».

28 В АЛЕППО

АРАБ-БУНАР. – Полдень давно прошел, мы не ожидали, что нас сегодня вышлют: нам дали пособие оказывается для высылки. Что касается нашего уничтожения, то в этом они очень добросовестны. Мы

сидим в стоянке и видим, что со стороны городка к нам направляются всадник жандарм-чавуш и с ним четыре жандарма. Мы понимаем, что они пришли поднять нас в дорогу: ноги наши отрываются от земли, мы в отчаянии, нас охватывает дрожь. Не успели они приблизиться к нам, как слышим жестокий окрик: «Еаллай, еаллай! Скорее вставайте, готовьтесь, мы должны идти»: нас ждет тюрьма, всех нас уничтожат. Три-четыре дня как мы здесь, дали ли бы немного отдохнуть, еле-еле пришли в себя, как снова «Шагайте! Шагайте! Шагайте!».

Мы пытаемся, чтобы наш исход хотя бы отложили на завтра, говоря, что скоро наступит вечер. Женщины просят, умоляют, но невозможно их уломать. Они повторяют: «Должны придти новые есиры, вы должны встать, освободить им место». Никакие просьбы не помогают – нужно идти. Место, куда вы пойдете, недалеко, говорят они, всего два часа ходьбы. И показывают на запад, на гряде холмов, их подножье. Самое тяжелое положение у больных. Есть ли деньги или их нет, должны нанять выючных животных. Пришли погонщики мулов. Положение Григорика стало еще хуже. Вынужден нанять выючное животное. Караван движется в дорогу. Семьи, получившие от доктора взсику, остаются. Дорога ровная, проходим через курдские деревни. Спрашивают, эта пархана каких мест? И когда понимают, что это жители Сваза, удивленно спрашивают: «Это сколько же народа имел Сваз. Столько караванов пришло, и все еще не видно конца». К вечеру в обширной степи показываются огромные здания Араб-Бунара. Впервые мы должны увидеть железную дорогу, с интересом смотрим. Немного ниже этой станции у подножья холма, вокруг озера устраиваем стоянку. Это озерце именуется Араб-Гунар. Вода вкусная, озерце глубиной один метр, дно песчаное. Со всех сторон пробивается вода и образует речушку. Земля на том месте, где мы устроили стоянку, сырая, ночью холодно, мы уже не защищены, дрожим. Али-чавуш, некто из жандармов чавушей, рослый, высокий, родом из Урфы, знает армянский. Отныне жандармы нас открыто не грабят, а договорившись с погонщиками мулов, делят назначенную цену.

На следующее утро продолжаем нашу дорогу. Говорят, что сначала мы будем в Евфрате-Папе, а оттуда нас повезут в Алеппо. Вечером разбираем лагерь у воды у курдского села. Много еды на продажу. На третий день проходим по степям, по каменистым полям. В полудне ходьбы от

¹⁸⁰ Кутсуз (kutsuz) – злосчастный.

Евфрата останавливаемся, устраиваем стоянку на равнине. Бьют источники, минеральные воды, не очень горячие. Пока мы дошли до этого места, на дороге осталось довольно много больных. Немало было умирающих.

Утром мы продолжили нашу дорогу. Мы не успели пройти 15-20-минутный путь, как вдали за облаками пыли увидели движущийся к нам большой караван, в один миг внимание наше обратилось на ту сторону. Впереди каравана показался сильный, огромный жандарм, под ним арабский конь, у него в руках бумага. Подходим, знаком приказывает остановиться, еще несколько шагов. Он возвещает, что **пришло прощение – беженцы должны возвратиться на свои места, вот их веду обратно, вы также с ними должны возвратиться.** Услышав это сообщение, мы от радости с ума посходили, сердца наши сильно забились, воодушевляемся, друг друга поздравляем, обнимаемся, из глаз наших текут слезы, как будто с нас сняли огромный груз, стало так легко, мы забыли о наших мучениях. Женщины окружили этого человека, целуют его руки, целуют морду коня, желают добра вестнику, благословляют его.

С человеком по имени Али-чавуш видимся отдельно. Издали смотрим на него, он кажется подозрительным, кажется двойственным. На лице Али-чавуша также написана неопределенность. Возвращающийся караван приходит, доходит до нас и смешивается с нами. Это – раньше нас вышедшие из Фырынджлара три объединенных каравана. Все из Себастии, смешанные с беженцами Малой Армении. Всех нас возвращают. Приходим устраиваемся на стоянку у минеральных вод, откуда незадолго до этого вышли в путь. Смотрим, у возвращающихся караванов нет того же воодушевления. С тоской спрашиваем, в чем дело? Верно ли, что пришло прощение? Они также ничего определенного не знают. Говорят – просто нас обманули. Рассказывают о своей мучительной одиссее. Три каравана друг за другом вывели из Суруча под предлогом отправки в Алеппо. На Евфрате на большом острове они оставались днями в неопишуемой нищете, голоде, холоде. Их принуждали принять ислам и рассеяться по турецким, курдским, арабским селам, однако они не согласились, предпочли умереть с голоду, исчезнуть. Очень многие умерли с голода, от болезней, многие бросились в реку. Наконец вывели их с острова и повели в Пап, немного по дороге покружили, затем вывели на дорогу в

Алеппо. Через несколько часов поступил приказ: их не вводить в Алеппо, а **возвратить на свои места.** Вот эти последние слова дали повод для больших домыслов и различных толкований – будто бы было прощение беженцев и их возвращают на свои места. Из мужчин несколько человек идут к Али-чавушу отдельно узнать, что это за разговоры об амнистии и куда нас ведут. Дает неопределенные ответы, он сам точно ничего не знает. Через несколько дней выясняется, что Алеппо не захотел принять к себе из армянских областей беженцев, тем более, что вышел особый приказ о том, что в больших городах их не принимать и долгими хождениями по пустыням уничтожить их. Согласно этому нас возвращают назад, в места, где мы уже были, т.е. в Месопотамию и оттуда в глубь, в негостеприимные пустыни, места наших Смертей.

Пробудившись от сладкого опьяняющего сна, мы пришли в себя, перед нами предстал черный обман надежды, горечь мечты, иллюзии. И казалось, что безграничная наша нищета нас так не подавляла, как этот обман, который разрушил нашу стойкость, уничтожил нашу моральную силу. Нас охватила глубокая безнадежность.

ВНОВЬ АРАБ-БУНАР. – В этот же день мы остановились на отдых в стоянке, у горячих источников. На следующий день нас подняли в дорогу в Араб-Бунар, «на наше место». Три дня длилось это возвращение. Мало кто нанял вьючных. Бесчисленное множество народа остается на дорогах, падают полуживые. Больной, в ком еще имеется немного силы, может удержаться на осле. Хозяева больного придерживают его с боков, но наступает момент, когда больной больше не владеет собой, не может удержаться на вьючном, его крепко связывают веревкой, скользит, падает вниз, и родные, потеряв надежду, вынуждены оставить свою кровинку посреди дороги. И бедные в тот же момент очнувшись, смотрят на своих родных, которые так их покидают и уходят...

Так остался на этой дороге Палеозян Хаджи Ованнес из себастийского богатого рода. Хозяева оставленных не имели возможности забрать бывшие при них деньги, особенно если они были зашиты. Следующие за караваном курды тут же набрасывались на него, оголяли и, если на нем еще были признаки жизни, дубинкой ударяли по голове и убивали. Невестка Тер Ованнеса также осталась на дороге, курды нагрянули, раздели ее и забрали ее лохмотья. Свекровь, стелая била себя по коленям,

говорила, что в одежде ее было сшито 200 золотых монет. На этой дороге умер также сын моей свояченицы Григорик. Днями я его нес на своей спине. За день до прибытия в Араб-Бунар бедный мальчик испустил дух. Это было во время полуденного отдыха и у меня была хотя бы возможность предать его тело земле.

ЕЩЕ РАЗ В АРАБ-БУНАРЕ. – Возвращаемся сюда, где мы несколько дней до этого были. Как я уже говорил, это маленькое озеро, немного больше естественного бассейна, рядом железнодорожная станция, отсюда проходит также шоссе Урфа-Суруч-Алеппо. Народ четырех караванов, приблизительно 15 000 человек, располагается вокруг озерца. Немного выше есть курдское село. Али-чавуш возвращается в Суруч, сообщает каймакаму о нашем прибытии. Последний оказывается озабочен тем, куда девать столько народа. И не дает каких-либо указаний на этот счет. Из-за чего мы на неопределенное время остаемся здесь. Едой не стеснены. Курды приносят на продажу все.

Имеющие какие-то деньги думают по железной дороге уехать в Алеппо. Подходят к служащему станции, некоему греку. Идет им навстречу, отрезает билеты. Оказалось довольно много едущих людей. Отцу вардапету Григору Пехливаняну также удалось сойти в Алеппо, где он остается по сей день и является членом Национального союза. Он приносит большую пользу как своим землякам себастьским беженцам, так и всем депортированным. Можно сказать, что отец Григор Пехливанян оказался из церковнослужителей Великой и Малой Армении, единственным спасшимся из армянских католиков и армянских протестантов за все время переселения.

Но бегству в Алеппо вскоре также приходит конец. Начальник станции вызывает к себе купивших билеты, возвращает им деньги и разрывает билеты, сказав, что поступил строгий приказ не перевозить по железной дороге беженцев в Алеппо. На станции под покровительством служащих находятся многие беженцы, прибывшие сюда раньше нас и здесь оставшиеся. Так или иначе многие себастьские беженцы смогли уехать в Алеппо, куда через три года, когда я отправился, с частью их встретился. Али-чавуш и жандармы не занимаются грабежом, и это приказ каймакама. Пользуются лишь косвенным путем: берут с курдов деньги и разрешают им продавать привезенные продукты. Османскую золотую монету при-

равнивают к трем меджитам, словом, имеют косвенные доходы. Курды отныне не грабят, не похищают, не убивают. От каймакама Суруча поступил строгий приказ. Видимо, с прибывшими сюда до нас приключились тяжелые события. В Алеппо я познакомился с Онником Мурадяном из Тигранакерта. Он был служащим этой станции. Рассказывает, что в одном из караванов, прибывших до нас, курды нашли скрывающегося мужчину, накинули на шею веревку и тут же задушили.

АРАБ-БУНАР – СМЕРТНАЯ КАМЕРА. – Острый осенний ночной холод, днем жара пустыни и ветер, сырость места, царящие грязь на стоянке и кругом смрад и вонь от испражнений, кровавых выделений из кишок, кровавые поносы были союзниками крайней нищеты, физического разложения людей. Свирепствовали эпидемии тифа и дизентерии. Как будто в дороге заражение было не столь частым. Видимо, отдых и такое скопление народа в одном месте способствовали распространению заразы. Несмотря на предупреждения и запреты, все вокруг озера в грязи, изгажено испражнениями. И потом белье, лохмотья. Больные моются в этом озере, из-за чего и вода становится в этом озере зараженной микробами. Стоянка сверху до низу полна больными, за день умирают 15-20-30 человек. Были назначены носильщики трупов, погребальщики, выкапывающие ямы. Трупы сваливаются друг на друга, много трупов остаются непогребенными, разлагаются. Большая часть трупов женские. Эту невыносимую работу выполняли за тайин одного дня на сто драмов хлеба. Через две недели эпидемия дошла до своей высшей точки, число умирающих возросло сразу до 120-150-170 человек в день. Погребальщики не успевают хоронить. Трупы остаются непогребенными. Ужас, объявший людей, неопишем. Каймакам при этих обстоятельствах распорядился раздать каждому человеку на 300 драм муки в качестве тайина. И с другой стороны на здоровых, могущих так или иначе ходить, через день оформил высылку по направлению железной дороги отослал в сторону Агджа-Галэ, Вэран-Шехир, Рэс-юл-Айн и оттуда в Дер-Зор, Мосул.

Подлежащие сзвгу-высылке были в основном крестьянки. До этого при молчаливом согласии каймакама, закрывающего на это глаза Али-чавуша, народ тайно по частям переходит в Суруч, в соседние курдские деревни и устраивается, снимая за плату комнаты. Через полтора месяца из нашей стоянки в Араб-Бунаре это огромное количество людей рассеивается –

высылкой, побегом в Алеппо, Суруч и деревни и... эпидемией. Здесь число умерших достигло 4 000. В Арабе-Бунаре умерли почти все дети. Те, кто смог остаться живым до этих мест, их унесла эпидемия.

Сию я в лагере, со всех сторон слышу раздирающие сердце крики, вопли, безнадежные стенания, проклятия матерей.

Рядом со мной, безутешно плачет, приговаривая «Санасар, дитя мое». Кто-то знакомый, говорю себе. Спрашиваю. Оказывается внук Кюркчяна Матоса, трехлетний сын Геворка. Это было в годовщину смерти доброй памяти ага Мкртича Санасаряна¹. В этот день всем крестившимся детям дали имя Санасар, в память о несравненном благодетеле и в честь переноса школы Санасарян в Себастию. Этот мальчик также был среди них. Как отец лелеял его! Эта женщина была служанкой в доме Кюркчянов. С глубокой болью она говорит, что из этого большого рода оставался только этот один мальчик и он здесь умер. Там же жена моего дорогого друга Миграна Чугасзяна Тереза, обращается ко мне: «Учитель, иди посмотри в каком состоянии находятся внуки твоего друга». Это были два карапуза, пухленькие, толстенькие, румяные, резвые. А теперь как-будто растопили их жир, находятся при смерти. Дед по ним сходил с ума, прижимая к сердцу, с гордостью восклицал: «Я стал дедушкой, а у вас еще нет и котенка!». С моей другой стороны распростерлась на земле больная жена моего двоюродного брата Степана Леблебуджяна, а рядом с ней трое ее детей – мальчиков, один умер, двое при смерти. И так сотни... детей-крошек иссякли-высохли и как пожелтевшие осенние листья попадали вниз. Их солнышко так быстро закатилось...

29

СНОВА СУРУЧ

И Я БЕГУ В СУРУЧ. – Смотрю, постепенно вокруг становится все меньше народу. С несколькими людьми советуемся, мы также спускаемся в Суруч. Цель моя дать брату телеграмму, попросить денег. В дороге встретили курдянок. Навстречу им вышли курды. Они облизываясь рассказывают курдянкам о том, что в Суруч прибыла пархана эрзерумцев, что очень богаты, палатки совершенно новые, товары, коврики, ковры, самовары, пьют-едят. Не жалкие человечки, подобно другим беженцам.

Доходим до Суруча. Иду на рынок, обхожу. В действительности полон новыми беженцами, женщины-мужчины, супруги, с головы до ног хорошо одетые, на них городские одежды, с галстуками, в руках веера или трости, с полными кошельками, делают очень много покупок – эрзерумцы. На глаза мне попадает один, как-будто знакомый человек. По хромой походке понимаю, что это из учителей Санасаряновской школы ага Саргис Манукян. В 1914 году он поехал в Эрзерум и не смог вернуться в Себастию. Подхожу, приветствую его, он также очень обрадовался этой неожиданной встрече. Смотрит на меня и понимает, через что мы прошли. Рассказывает мне, что с ним произошло. В Кемахской теснине чудом избежал смерти. Его должны были убить на горе Зейнал, но благодаря его изворотливости и знанию курдского языка спасся. Сказал, что он из Закарян. Зейнал пощадил этот большой род.

Когда мы покидали Суруч, мне сказали, что должен прибыть караван из Эрзерума. Это второй караван Эрзерума. Первый караван состоял из богатых горожан. Его передовая часть, не дойдя до Ерзынки, полностью была истреблена. Этот второй караван, состоящий из богатой и среднего достатка людей, с которыми были смешаны жители Гасан-Калэ, Хоторджура, Кармука, Хиндзка, Кана, Баберда и других деревень, дошла до Камаха, там 200 мужчин отделили и убили. Остальные через Акин-Арабкир дошли до Фырынджылара, к ним присоединился отставший караван из Малой Армении, 3-го августа они прошли через горы Зейнал. Здесь в Ганлы-Дерэ отделили 1300 мужчин и убили. Зейнал изъяс у них большие деньги, в частности у Кармрукцев. И тем не менее всех мужчин и вардапетов-католиков убили. После нашего ухода из Суруча, туда дошли эрзерумцы. Ага Манукян познакомил меня со своими земляками, из других учителей знакомлюсь с Леоном Карагашяном¹⁸¹.

Ищу крова для себя. На рынке встречаю из учителей нашей школы Арменака Чугасзяна. От доктора еврея, получив вэсика, они остались в Суруче. Вместе с другими себастицами, сняв один хавуз в Суруче, они остались здесь. Он ведет меня к себе домой.

ПЕРВАЯ ТЕЛЕГРАММА ОТ СЕБАСТИЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ. – НШАН ОГЛУ ГРИГОР. – Призрак голодной смерти преследует меня.

¹⁸¹ Эрзерумский третий караван через Урфу-Месопотамию вывели в Мосул. Ни один мужчина не спасся. Выжило лишь несколько женщин (Г).

Вспоминаю слова брата, как только где-нибудь обоснуешься, пошли телеграмму, проси денег. Но пошлют ли нашу телеграмму? Можно ли будет выслать деньги? А если и пришлют, дадут ли нам? Все это под вопросом. Достаю 10-15 курушей денег для телеграммы. Одно слово стоит 20 пара. Бумаги, ручки, чернил или карандаша нет. Наконец нахожу огрызок карандаша и кусок бумаги. Редактирую телеграмму о том, как дошел до Суруча, о своем жалком положении и прошу по телеграфу выслать деньги. Подпись под настоящим именем и фамилией. Этого нельзя делать. Телеграмма должна попасть в руки турецких служащих. На почте служит наш близкий знакомый сосед, он меня хорошо знает, поймет, что остался жив. Надо назвать другое имя, фамилию. Фамилией беру имя отца Ншан, а именем – Григор. В глазах турок незаметное неармянское имя. От фамилии отбрасываю окончание **ян**, немного отуречиваю – Ншан Оглу Григор. Знаете ли вы как турки скрежещут зубами на окончание **ян**? Особенно турецкие чиновничьи круги: **«Гяуры, к своим именам вы прибавили «ян», «ян-ян» пишете, и этим яном вы разрушили ваш дом»** (т) Или прикидываясь наивными спрашивали: **«Но дело не в том, в конце вашего имени есть «ян». Что это значит?»** (т). И когда поясняешь ему, что эта частица составляющая фамилию, как в турецком задэ, возражают: **«Вы добавили сын, сват – хорошо сделали. Вас почему не удовлетворило добавление слова «оглы»** (т). И при многих подобных обстоятельствах они выпускают яд своего сердца. Объявив о депортации, они приводили и этот пункт, как доказательство повстанческих настроений, неверности: **«Вы отвергли имена Маркос, Торос, Киракос, Саргис, и использовали разнообразные надуманные имена, как Айк, Арам, Тигран, Вардан, прибавив к ним окончание-хвосты «ян». Мало было вам, предатели, мало»**. (т).

Иду на телеграф. Служащий не имеет никаких возражений, принимает телеграмму, записывает. Это прошедшие дни, хорошо не помню, заплатил 11-12 курушей и вышел с большим ожиданием в сердце.

Это первая телеграмма беженцев, посланная мной. И если результат будет положительным, многие последуют моему примеру. Поэтому и все, как и я, ждут с таким нетерпением ответа на мою телеграмму. Теперь задача постараться сделать так, чтобы мои земляки себастицы забыли бы мое имя и называли бы меня «Григор ахпар». Еще ничего если они

удовлетворятся именем «Карапет ахпар», а они еще называют меня «эфенди», «учитель». Они не запоминают, что нужно меня называть «Григор ахпар», а дают мое настоящее имя. Как-то раз я был на рынке, какая-то женщина идет за мной и окликает меня: «Карапет эфенди, Карапет эфенди». Я не оборачиваюсь, как будто это относится не ко мне. Она догоняет меня, хватая за рукав и говорит: «Прости меня, Господи! Что случилось, что даже не оборачиваешься, чтоб посмотреть, кто это?». Я косо поглядываю на нее и говорю: «Я не Карапет». «Да», вспоминает она за день сказанное мной. Но уже два курда остановились на интересный окрик «Эфенди», и смотрят, кто может быть этот «эфенди». И когда увидели, что это я, видимо, подумали, кто же скрывается под этой неприметной внешностью. И стали сердито и строго смотреть на меня. Сердце мое екнуло от их взгляда, и я уже не стал там стоять, а поспешно ушел.

ТЕБЯ НЕ ПОВЕЛИ НА КОСЬБУ. – Как-то я сидел на рынке под стеной, накинув на плечи свою красную накидку, сложенную треугольником. Подошли два курда и стали тащить с моих плеч накидку, одновременно спрашивая: «Не продается?». Надо сказать, что когда курды видят на армянах что-нибудь новое или красивое, или обувь, тут же спрашивают: «Не продается?» И заставляют продать. Столько грабя нас, они не удовлетворили свой аппетит, и всегда их глаза обращены на нас. Не подчиняюсь курдам и вырываю покрывало из рук. Один из них обращается ко мне со словами: «На дорогах тебя не повели косить поле?». Криво смотрю на него и бормочу несколько слов упрека. Они друг с другом говорят по-курдски о том, как случилось, что он остался жив, как его не убили? Что значил пароль «вести косить поле», было сказано ранее.

СЛОВО ЧРТОН. НЕМНОГО ФИЛОЛОГИИ В НЕСКОЛЬКО ИНОМ ПОНИМАНИИ. В западноармянской литературе Банасирутюн (Philologie) особый литературный род, насколько я понял, охватывающий лингвистические, археологические, этнографические, критико-исторические исследования, глубокие труды. Все это и есть **Филология**. Но, видимо, в Восточноармянском языке под **Филологией** подразумевают литературные произведения. Так «Ер. Армения» свои приложения называет «Банасирутюн». Не будем распространяться. Сейчас мы в Суруче. Лежим на улице и «не надо во сне видеть царя».

Однажды я сидел под стеной в Суруче, в тяжелых думах, отягощенный нелегкими заботами, напротив меня некий турок обновлял свой дом с помощью себасти́йца каменщика-строителя мастера Мато. Они озабочены починкой кровли. Турок снизу окликает мастера: «**Мастер, мастер, укрепи основания чортанов-водостоков**» (т). Сразу я поднял голову. Из уст турка услышать армянское слово ջրորոն. И тут же во мне пробудился инстинкт филолога. Вспомнил, что я когда-то, в старые добрые времена так предавался филологическим изысканиям, что даже получил в области имя Филолога, и теперь оказался в грязи. Знал, что в наречиях Харберда, Тигрананакерта, Урфы есть слова ՀԹԾՕՆ, ՋԴԾՕՆ, ՉՈԴԾԱՆ, означающее вставляемые в нижнюю часть кровли, из дерева, из жести каменные олухи – полые трубы для отвода дождевой воды. Состоит из слов Ջուր и Թօն¹⁸² из корня глагола րօւնլ: в наречии Гарахисара րօւն означает րօւնիւնիւնի տնայնի. В Себасти́йском наречии также имеем րօւնիւնիւր тонтнук, **тоныног**, во дни Великого поста **тон-тон-ук од**. В лечебниках используется ճրթօն – джртон. В описании Крестного древа (Pisoine) о внутренней части ствола говорится մէջն դէս ջրթօն է – «мэджн гэт джртон э», в другом месте по-турецки написано «мэджн гэт олух э». Отец Алишан, которому это слово незнакомо в Армянском Лечебнике /Хай Бусак/ перед словом Джртон поставил вопросительный знак. Это слово было мне знакомо, но что турки и курды переняли его с армянского, мне неизвестно было. Почтенный филолог из Евдокии А. Казанчян по какому-то поводу был в Себасти́и. Он взял из моего труда, посвященного Себасти́йскому наречию, весь список заимствованных из армянского турецких слов. В специальном юбилейном номере «Андэса Амсореа» было опубликовано исследование Казанчяна о заимствованиях из армянского языка слов в турецком. Был приведен обширный список, в примечании которого было указано, что большая часть этих слов из себасти́йских краев, без упоминания источника. Как видно, он впоследствии исправил эту свою забывчивость. Отдельным письмом мне он говорил о том, что здесь вины его не было. Несмотря на то, что для меня не имело значения, упомянут меня или нет, тем более, что свои филологические труды я писал вооду-

¹⁸² Возможно слово произошло звукоподражанием от чыр – журчание, вода по джртону бежит вниз журча -чрчралэн. Венецианские мхитаристы это слово исправили на джырордан (Г).

шевленный им и везде упоминаю его имя как своего наставника. Благороднейший Казанчян! Кто знает, руками каких зверей он был зарезан, в каких ущельях разбросаны его кости.

ЛОЖЕЧКУ МАЦОНИ. – Прошло 4-5 дней. С нетерпением жду ответа на мою телеграмму. Нет ее... Полуголодный брожу перед зданием телеграфа. На рынке хожу за почтальоном. Нет ответа. Невозможно, чтоб брат мне не ответил. Отчаявшись возвращаюсь в наш хавуз, где остановился. Думаю про себя, «лучше мне заболеть, чем жить в такой бедности». Ложусь на солнце, крепко засыпаю. К вечеру просыпаюсь, чувствую, стал подобно растению. Все мое тело ломит, высокая температура, голова болит. Более явных признаков болезни, чем это? Я забился в один угол двора. Накинул на себя красную накидку. Температура на какой-то момент спустилась, на этот раз меня начало лихорадить, я дрожу... и вновь поднимается температура, я в бреду, до утра мучаюсь. Меня одолели мысли. Что за глупость я сделал, пошел лег на солнце, заболел, а если это будет длиться долго, что станет со мной, кто посмотрит за мной. Было уже к вечеру, курдские женщины принесли мацони, за большую чашу мацони просят 4 куруша. Подходит один из наших горожан, покупает, для него оказывается много, он ищет, с кем бы поделиться. Я выхожу вперед. У меня всего два металлика, т.е. 20 пара. Мацони – моя жизнь. Если ложку поем, приду в себя, болезнь моя пройдет, мацони действует как лекарство. В другие разы также, когда болел, лекарство не принимал, ел мацони и проходило. Человек купил мацони, заплатил, наполнил посуду. Подхожу к нему и говорю, что у меня всего 20 пара, дай мне ложку мацони. Он сделал непроницаемое лицо и говорит, что их много, это еле хватит на них. Не могу передать как подействовал на меня этот неожиданный отказ. Покраснев от стыда или ярости, я забился в угол, натянул на себя красную накидку и лег. Много ли я спал или мало, в полночь проснулся весь в поту. Тут же почувствовал благотворное действие пота. Чувствую себя совершенно здоровым. Никаких следов болезни. Чувствую облегчение. Снова укрываюсь, чтобы холод не проник и пот не остыл бы. Утром встаю здоровым, удивляюсь, как на голой земле, под тонким покрывалом, я вспотел таким благотворным образом. И видел хорошие сны и сказал себе, сегодня получу ответ телеграммы. Предчувствие меня не обмануло, да, но...

ВЫДАЧИ НЕ БУДЕТ, ЭМИРА НЕТ (т). – Солнце начало склоняться. Время обеденное. Спускаюсь к рынку. Навстречу мне выходит Арменак Чугасян, сообщает, что меня ищет почтальон телеграфа. Говорит, получил телеграмму. От радости я чуть с ума не сошел, куда идти, не знаю. На рынке нахожу почтальона. Хочет бакшиш. Даю ему имеющиеся у меня 20 пара. Не принимает. Обещаю, если получу деньги, дам большой бакшиш. Смотрю, адрес на данный мной псевдоним. Широко вздыхаю, значит он жив и его не выселили после нас. В этом отношении я успокоился. Он понял, что это я, хотя и телеграмма была дана под ложным именем. Говорит, по телеграфу выслал пять золотых и спрашивает о наших родных. Радости моей нет предела. Как будто я обновился. Мир принадлежит мне. Узнавшие спешат меня поздравить. Другие, воодушевленные ответом на мою телеграмму, спешат своим отправить телеграмму. После полудня представляюсь телеграфному чиновнику, показываю ему телеграмму и прошу оплатить деньги. Он бросает на меня презрительный взгляд, с ядовитым выражением лица и говорит: «Мы еще не получили такого приказа, нам об этом не доложили. Приходи через несколько дней». Это называется «насыпать муку на веревку»... Все у меня внутри обрывается!... Печально, понуро я возвращаюсь к себе. Проходит несколько дней. Вновь являюсь нерешительно, испуганно. Произносит неопределенные слова: «**Эмира нет, выдачи не будет**» (т). Кровь ударила мне в голову. С телеграммой в руках вхожу к каймакаму. У него начальник жандармов. Показываю телеграмму и говорю: «Сжальтесь над моей бедностью». Мюдир отказывает, не дает. В чем причина? – спрашиваю я. «Кем приходится тебе пославший деньги? Каким образом он остался и не был выслан?». Даю объяснения: ссылаясь на ремесло брата, его положение несколько возвышаю, надеясь на то, что это возымеет действие. Каймакам успокаивает меня. Немного утешенный, обнадеженный я выхожу. Пережидаю один-два дня, иду к мюдиру, его нет, почтальон говорит «заболел». Валюсь с ног. Проходят дни: в связи с ухудшением здоровья, мюдир отправился в Алеппо. Вместо него пришел замещающий. Представляюсь ему. Он также говорит, что не можем оплатить. И объясняет почему: заболевший мюдир, как и он, являются замещающими на этой должности, и их не уполномочивали производить операции, связанные с деньгами. Как-будто на мою голову налили холодную воду. Он говорит: «Сын мой,

самое верное дело повторить телеграмму и потребовать через Земледельческий банк. Здесь мы имеем Земледельческий банк, как только будет получен ответ, тут же они выплатят. Заново надо начать это дело... дело для сытного желудка... Что делать? «Не сумев дойти до своей деревни, ложишься у деревни». Нахожу деньги, еще раз посылаю телеграмму, говорю о не получении денег. Прошу выслать на имя Земледельческого банка. Проходят недели, месяцы, пока я получаю ответ. Деньги приходят, доходят до меня. А как я провел эти тяжелые дни, как жил? Сам не знаю. А пока перейдем к другим событиям.

ЭРЗЕРУМСКИЕ КРУПНЫЕ ГОСПОДА У КАЙМАКАМА. – Среди эрзерумцев много знающих, влиятельных крупных господ. Хаджи ага Хачатур, ага Барсег, Саргис Манукян, Левон Карагашян, Закаряны, ага Аганик и другие купцы, передовые люди и интеллигенция. И несмотря на то, что в Кемахской теснине и на горе Зейнал они имели большие человеческие потери и дали большой выкуп золотом, но подобно нашим караванам не были подвержены официальным и неофициальным грабёжам, нападениям черни, воровству, похищениям, и не остались в чем мать родила. Наместник Карина (Эрзерума), к ним отнесся довольно благожелательно. Помимо того, что они на месте не были подвержены грабёжам, на имеющуюся у них звонкую монету и другому богатству он разрешил им пользоваться банком, роздал чеки и перевозочные средства – телеги, выючных животных, которые у них были регулярно. Благодаря этому они смогли до Суруча безбедно привезти необходимое имущество – постели, одеяла, покрывала, даже горшки своих малышей. Питание постоянно было, из-за чего голод не сыграл свою разрушительную роль и им были чужды получившие широкое распространение в других караванах эпидемии тифа и дизентерии. У них всегда была возможность соблюдать чистоту, в чистоте содержали стоянку и вокруг нее. Это были условия, которых были лишены караваны Малой Армении. Воздух Суруча здоровый, жизнь очень дешевая, выселиться отсюда, означало умереть. Поэтому крупные господа приняли меры, чтобы остаться в Суруче. Там приютиться и обосноваться. Под видом визита вежливости они посетили каймакама. Хорошо сведущие о бытовых условиях, обладающие острым языком, с первого посещения они завоевали доверие каймакама. Они рассказали ему о своих жертвованиях в пользу османской армии в Эрзеруме, о помощи,

об открытии для турецких воинов больницы на 200 коек, о передаче на нужды османской армии 100 000 золотых, о своем искреннем отношении к правительству, о заботе наместника о них и пр., и пр. И затем попросили оставить караван в Суруче и не отправлять в глубинку. Каймакам, настроенный доброжелательно, оказал им хороший прием и проявил готовность выполнить их просьбу. По договоренности и открыто не захотел взять взятку, но крупные господа личными посещениями под видом подарков дорогими вещами усладили его.

Каймакам не может дать официального приказа об оставлении каравана в Суруче, но неофициально он им поручает, якобы без его ведома, брать по найму дома и постепенно обосновываться. Местные курды и турки за щедрую оплату зазывали смотреть дома. На съестное и другие нужды они тратили на рынке много денег. Торговля на месте оживилась. Этим самым местные жители тоже в каком-то смысле были куплены и таким образом Эрзерумский этот караван остался в Суруче.

В связи с тем, что власти закрывали глаза, себастиийские беженцы из Малой Армении Араб-Бунара так же стали постепенно перебираться в Суруч и соседние деревни, поселяться в домах по найму. И так продолжалось до конца декабря. Эрзерумцы открыли одну-две кофейни, которые стали местом свидания и времяпрепровождения беженцев. Они нацелились на дорогу в Алеппо и, получив от каймакама вэсику, поехали и получили деньги по чекам. Через Земледельческий банк они от своих знакомых из Полиса, Эрзерума, Алеппо переводят деньги.

ТРАГИЧЕСКОЕ ВОССТАНИЕ УРФИНЦЕВ И БОГАТЫРСКОЕ СРАЖЕНИЕ. – Здесь я буду говорить не об истории. Подробное и обстоятельное изложение этого оставляю им – выжившим. Очевидцев очень много. И многие уже об этом писали. Я должен лишь говорить об этом издавека, в Суруче.

Урфа в Месопотамии была одной из предназначенных для изгнанников больших стоянок. Раздельные караваны Высокой Армении, Харберда, Кги, Чмшкадзака, Малой Армении доходили до Урфы и отсюда, не увидев города, их посылали в обители смерти в знойных пустынях Веран-Шехира, Рес-юл-Айни. Наши караваны Зары и сел также спустили сюда и затем повели в Ракку. Как в других местах, так и в Урфе, людей умственного труда, крепкую мышцу, словом, большую часть мужчин по частям

увели и убили, а молодых взяли в армию. На местах оставалось очень мало мужчин. Женщины и несовершеннолетние мальчики своими глазами видели со дня на день растущую неописуемую бедность беженцев, случившиеся с ними ужасающие события, и более того, их страшный конец – неизбежную смерть, уничтожение.

Будучи в Суруче я слышал от турок погонщиков мулов, что беженцы в Урфе укрывались на территории церкви и в домах. Предводитель /вардапет Артавазд/ оказывал им необходимую помощь. И в самом деле, они, урфинцы делали все в меру своих возможностей, не упускали повода проявить заботу о беженцах, ухаживать за ними. Давали им приют, снабжали едой, покрывалами, одеждой. Все это добывали и предоставляли беженцам. Увидев, что их также ожидает выселение, они подняли восстание.

Когда с берегов Евфрата, с Араба-Гандагара нас вывели на дорогу, и жандармы из Урфы дошли до нас, их намерением было нас также погнать в Урфу, но уже признаки волнения были видны, и нас привели в Суруч.

Дойдя до Суруча, мы определенно услышали о восстании в Урфе, об их яростном сопротивлении. Убийство полицейского или какого-то жандарма со стороны армянина послужило поводом для восстания. Уже готовились и без различия пола, возраста все они героически борются и не подпускают к себе людей. Они строят тайники и все дома, районы делают взаимно сообщающимися. Заготавливают еду и запасаются другими жизненно необходимыми вещами, накапливают много угля, чтобы в случае необходимости отравиться угарным газом, но не попасть в руки злодея-врага. Урфинские турки невероятно жестокие, дикие, подобны зверям. Турки, курды, арабы, вместе с местными военными, объединившись всю свою ярость изливают на горстку армян, героически сражающуюся против врага. Последние терпят поражение и согнувшись отступают. В первый раз моего прибытия в Суруч восстание уже было начато. Во время этого моего возвращения, борьба еще продолжалась.

ИЗ АЛЕППО, СУРУЧА ВОЕННЫЕ И ПОЛИЦЕЙСКИЕ СИЛЫ ПОСЫЛАЮТ НА УРФУ. – Урфа ведет героическую борьбу за жизнь, борется как лев. Силы черни бессильны подавить, отпугнуть их. Из Алеппо посылается военная сила. Это было во время моего возвращения из Араб-Бунара в Суруч. Из Алеппо в Суруч прибыл воинский отряд с

пушками, верблюдами, вооружением. Командующий жандармами Суруча присоединился к ним. Воин и жандарм – в полуарабском наряде, на голове отделанное золотом роскошное шелковое кэфийэ, обрамленное акилом, кисточки с ушей и затылка спускаются до половины спины, на груди – скрещенные патронташи, со спины рядами полно оружия. Турки Суруча очень воодушевлены, они прошли парадом по улицам, глаза налиты кровью, звери, кровожадные тигры, гиены. Двинулись на Урфу...

Где ты, Иегова, взываем к тебе! Фараон со всей своей мощью, со своим вооружением, конями, колесницами поглощен был Красным морем. Где ты, ангел Иеговы, победивший полки Сенекерима, царя Ассирии. Не дремли, Господи, не забывай нас навсегда! Но как говорят наши женщины, чем больше мы взываем к Нему, тем больше Он отворачивается от нас.

АРМЯНСТВО УРФЫ. – Мы не имели возможности на месте увидеть, изучить их. Очень многие урфинцы обосновались в Алеппо, Адане, в различных местностях Сирии. Судя по этим, виденным нами урфинцам, армянство Урфы физически испытало влияние жаркого субтропического климата Месопотамии. Вообще они имеют смугло-бронзовое лицо, иссиня густые черные волосы, окладистую бороду-усы, красивые как-будто писанные пером брови, ресницы похожие на опахало, высоки ростом, благовидны, сильны, с широкими плечами и узкой талией. Месопотамия и вместе с ней Урфа были постоянно подвержены политическим приливам и отливам с Востока, Запада и Юга, с одной стороны – походам персов, турок, арабов, с другой – Римским, Византийским и Крестовым походам. Урфинские армяне закалились в бурных событиях, связанных с войнами и борьбой и, начиная со дней Абгара^I, Санатрука^{II}, высоко держали армянское влияние и имя Армянина, благодаря чему Верхняя часть Месопотамии у наших и иноземных историографов получила название Урфа-айастан (Урфармения) или Армянская Месопотамия. Окруженный дикими племенами, урфинский армянин подобно им был храбр, бесстрашен, искусен во владении оружием, и свой традиционный опыт проявил и в настоящее время. Ремесло, торговля, садоводство, овцеводство находились в руках армян и они экономически властвовали в Месопотамии. Вообще они жили благополучной жизнью. Сырая кюфта была их местным национальным блюдом, блгур с сырым битым мясом и луком, с острым

перцем, приправленным другими пряностями, способствовал формированию их огненного характера. Они умеренно потребляют водку. Одеваются лучше турок. На головах шелковые блестящие кэфие, обрамленное акилом. Алеппской шелковой тканью или читари украшают грудь, шелковый мешлаг с золотой нитью. Они хорошие наездники, вызывая у турок уважение и постоянную зависть и ненависть к себе. Помимо турецкого, владеют курдским, арабским языками. Оказали большое влияние на турецкие и вообще исламские слои народа. Помимо родного армянского хорошо владеют сирийским. Турок также, как армянин, говорит по-армянски.

Среди урфинского армянства развита национально-общественная жизнь. Имеют школы высокого уровня – аудитории, читальный зал, развита партийная жизнь. Урфинской Предводительской епархии подвластны Кармундж, Суруч, Бирэджик.

ЕЩЕ РАЗ О БАХЧЕ СУРУЧА. – По возвращении в Суруч очень интересуюсь этой Смертной камерой, конечно, очень осторожно, издаleка. С внешней стороны, немного ниже дверей мертвецкая, по-прежнему со сложенными друг на друга трупами, собаки по-прежнему пользуются с этого богатого стола. Носильщики трупов продолжают постоянно выносить трупы, несут и бросают их в готовые ямы. Вижу мальчика – носильщика трупов из Ханцара. «После вашего ухода сюда пришло множество больных. Из виденных тобой людей почти никого не осталось в живых», говорит. По списку, составленному доктором евреем общее число умерших равняется 27 000, ежедневно он высылает сведения в Полис.

ЖАЛОБА МУСУЛЬМАН СУРУЧА. БЕЖЕНЦЕВ ВЫСЕЛЯЮТ ИЗ СУРУЧА. – Эпидемия тифа, дизентерия распространяются и среди жителей. Число смертей возрастает. С другой стороны, из-за восстания урфинцев и потерь турок исламские слои Суруча сильно возбуждаются и свою ярость изливают на беженцев. Они с бурной общей жалобой обращаются к каймакаму, требуя вывести армян из городка и выслать в пустыни, так как они были депортированы с целью уничтожения. Каймакам уступает. Это было в конце октября. Турецкие чиновники, сопровождаемые мухтарами и жандармами, вторгаются в дома, с помощью дубинок, кольев, плетей выводят из домов беженцев, не давая даже людям собраться, взять с собой имущество. Вышедший из дома не мог больше войти в него, чтобы из оставшихся вещей что-то взять. В еще более жалком состоянии находятся больные, так как все заняты только собой.

Выведенных из домов собирают на поляне. Многие предполагая, что на них должны оформить сзвгяет, предпочитают вместо мучительной смерти на дорогах больницу, т.е. пребывание в Бахче Суруча, чтобы хотя бы там умереть сравнительно легче. Поэтому большая толпа пошла скопилась у стен больницы. Они хотели войти в больницу, как больные, которые не могут отправиться в дорогу. И я из этих же соображений пошел смешался с ними. Жандармы, турки, присоединившаяся к ним курдская чернь пришли и напали на них, безжалостно избивают, ломают им кости и гонят в сторону поляны. Раздаются вопли, крики, плач. Один тяжелый удар дубинки опускается также на мои плечи. Я чуть не потерял сознание от боли. Не только не впустили в больницу эту толпу, но и находящихся внутри с такой же яростью прогнали из больницы. Остались на местах лишь те, которые не могли встать с мест. Всю эту огромную массу людей погнали на просторное поле в полудне ходьбы от Суруча к какой-то речке, и там оставили на неопределенное время.

ЗДЕСЬ ТАКЖЕ СМЕРТНАЯ КАМЕРА. – По всем четырем сторонам этой стоянки поставили патруль жандармов, строго приказав отсюда никого не выпускать, не разрешали возвратиться в Суруч. Эрзерумцы находились несколько поодаль от беженцев из Коренной Армении, на особом положении. Они поставили охранниками своих людей, чтобы другие не проникли к ним. Среди армян Малой Армении были себастианцы, крестьяне, тохатцы, амасийцы, из Марзвана-Вэзира-Кэопрю-Пафры, самсунцы, гэрэкцы, никисарцы, зильцы, из Гамирка со своими селами, как и харбердцы, небольшое число из Акна и из других мест. Вместе с эрзерумцами их общее число было не менее 15 000.

Нищета этой массы неопишима. Все в каких-то лохмотьях, не имеют ничего, чем бы можно было укрыться, и ничего, чтоб постелить под собой. В ночной ~~Холод~~ Холод они мерзнут, дрожат. Голод, недоедание рука об руку с эпидемией делают свое разрушительное дело. Весь народ умирает, люди похожи на призраки, на движущиеся скелеты. Эпидемия свирепствует, смерть косит людей, в день умирают по 50-60 человек. По одну сторону стоянки друг на друга сваливают трупы. Роют большие рвы, начинают хоронить. Сюда из близлежащих деревень прибегают собаки. Растаскивают оставшиеся не погребенные трупы. Заметил жену нашего соседа, изготовителя ножей Чил-Амбара – Анну, больная, мучается, на ней нет лица.

Еще и беременна. Ко всем этим бедам прибавились роды. Боже мой, никто не смотрит на нее, нет человека, который бы ей помог... Новорожденный – кусок мяса, валяется в ногах, в речной воде: «ынгай. ынгай» кричит... О, рождение бедности! В какие черные дни ты родился. Роженица ни о чем не ведала. В ту же ночь она умерла. Не знаю, что стало с новорожденным. О, что это за ужасные ночи были здесь! Когда я о них вспоминаю, у меня застывает кровь в жилах. Днем как-будто не так был замечен весь ужас нашей нищеты, его размеры. Солнце, свет, виды природы как-будто рассеивали их тяжелое впечатление. Но вот наступает ночь. Глубокий мрак окутывает нас, мучения больных усиливаются, стоны-стенания оглашают воздух, голодающие воют, страдающие от жажды молодые невесты мечутся как безумные. Ужасные сцены, увиденные на дорогах, преследуют их во мраке: с пеной у рта они разражаются проклятиями, в ужасе бросаются бежать. Куда не посмотришь, везде горестные крики, вопли отчаяния, предсмертные хрипы-стоны, стенания. Кажется, что вся стоянка превратилась в гнездо сов, где их крик сливается с ночным мраком, и подобно волшебному черному коту, сидя у тебя на груди, вцепившись в твоё горло, хочет тебя задушить, выцарапать твои глаза.

Стоянка очень большая. Для естественных нужд выходят на края, на обратном пути теряют своё направление и не могут найти своего места, некоторое время они топчутся на месте..., копошатся в темноте, наступают на лежащих, зовут своих. Так со всех сторон слышны оглушительные крики и зовы. Еле находят своих, или уставшие от криков, сворачиваются клубочком на этом же месте.

Амасиец Трдат Габриэлян, самсунец Арутюн Пагалян, оба аптекари. Единственные представители мужчин своих городов из лавок эддаров¹ Суруча поискали и нашли кое-какие лекарства, для больных готовят из них необходимые снадобья и просвещают народ, говорят о правилах здоровой жизни.

Народ целый месяц оставался на этом открытом поле. Были обращения к каймакаму. Гнев исламской части населения утих. Каймакам поручает тихо-молча рассеяться по ближайшим деревням, искать дома и поселиться. Эрзерумцы, как и себастианцы, у которых остались мужчины, поселяются в Бэойюк-Ширване, Гызыр-Хане, Сумах Тилале и в Суруче. Из женщин, лишенных мужей образовали караван, оформили высылку и отправили в

Бирэджик, Низип, Ромклу и до Айнтапа. В селах случалось немало происшествий. Курды Гызыр-хана хотят от себастийцев похитить девушек-невест. Как женщины, так и мужчины противятся этому. Курды нападают на них. Женщины спускаются в Суруч и обращаются с жалобой к каймакаму, который тут же посылает жандармов и привозит их в Суруч. Эти обособляются в другой деревне. Каймакам по этому поводу вызывает к себе мухтаров села и строго наказывает, чтобы курды хорошо обращались с беженцами, чтобы никаких притеснений, грабежей, убийств, похищений не было, в противном случае за это будут ответственны мухтары.

Я НАХОЖУ ПРИЮТ В СЕЛЕ ТИЛАЛ. – На этой стоянке я оставался недолго, ибо и мое положение было весьма незавидным. В кармане нет денег. Как я жил, я не знаю? Несмотря на то, что стоянка сильно охранялась, через поля, через пашни, я смог бежать в селение Тилал к суженой моего незабываемого друга Манасэ Басмаджяна – к девушке Агапи.

СЕЛО ТИЛАЛ. – На западной стороне Суруча, в полчасе ходьбы от него, на дороге Араб-Бунара в степи находится это селение из 200 курдских домов. С одной стороны проходит река, но воду для питья в деревне берут из колодца. Дома, как уже было сказано, построены из сырого кирпича. Сообщающиеся друг с другом домики с куполами, как отделения одного большого дома. Себастийцы из Араб-Бунара пришли и в основном обосновались в этом селе. Плата за каждый домик – в месяц два меджита. Местные жители из деревни поднялись на лето недалеко от деревни и живут в черных палатках. Почти все дома сданы беженцам из Себастии и Малой Армении.

Нахожу девушку Агапи. Их четыре подруги: ее сестра Ахавни, Вардануш, дочь хогдарца Погосяна товарища Гамбара, Айкюл, дочь Джано ағи. Меня хорошо приняли: девушка Агапи приготовила обед. Нельзя себе представить с каким аппетитом я его поел. Сколько месяцев голодал, давно в рот не брал горячей еды, кишки внутри меня пересохли. На маленьком дворе расположились домики. В одном из них поселился некий человек из Парфы – господин Акоп Никисарлян, продавец табака, имеющий дело с Египтом и Европой. Его сына Карапета забрали из Амасии из каравана вместе с другими мужчинами. Невестка, внуки – две девочки и один мальчик при нем. Из Парфы есть еще одна невеста и юноша с ней.

Другие домики занимают себастийские семьи. Агапи и ее подруги ведут дела этого человека, а он им помогает материально. Один из домиков является сеновалом. Вечером я там располагаюсь на ночь, засыпаю спокойным сном, зарываясь в сено, мне тепло в четырех стенах. Месяцами под открытым небом мы мечтали об этом.

Обхожу деревню, все знакомые, спрашиваем друг друга о самочувствии, хотя излишне спрашивать, все мы находимся на последней ступени нищеты. Каждый человек выглядит как ломать засохшего хлеба. Лишенный похлебки и чего-либо, не может даже говорить. Мальчики, юноши занимаются куплей-продажей. Привозят из Суруча кое-какие продукты в жестяной посуде, варят на продажу. Но кому они должны продать? Все неимущие и остались без дела. Они должны жить подерживая друг друга, но все нуждающиеся. Болезнь свирепствует и здесь. В день 10-15 человек умирают. Ежедневно ранним утром сын мухтара села, настоящий Голиаф, в сопровождении четырех курдов обходит все дома. «Есть мертвец?», – спрашивает он. Четыре курда – носильщики трупов несут покойников на край села и хоронят в поле. Они роют небольшие ямы. На следующий день, видишь собаки вытащили труп и раздирают. Аға приказал до захоронения покойника, вскрыть ему живот, в желудке, кишках поискать... эльдорадское золото. Хозяин покойника должен заплатить за похороны 30 курушей, из коих половину получают курды – носильщики трупа, остальное берет себе аға как земельную подать. Хозяин покойника уже голодный, ничего не евший, больше горюет не от потери близкого человека, его мучают думы о деньгах, которые надо раздобыть, чтобы за все расплатиться. Аға пускает в ход дубинку, наносит удар... и что в комнате ему попадает на глаза, хватает и тащит. Либо эту сумму распределяет на сожителей дома. Наконец, взыскивает эти деньги. По праву принадлежащие ему. Поэтому очень часто хозяин покойника или сожители дома тайно несут покойника и хоронят его, или бросают в яму, или просто оставляют в поле. И когда аға узнавал о таком поступке, уже полностью разъяренный, жестоко избивал хозяина покойника и брал с него двойную плату. Очень многие больные беспризорные лежали на улицах. К ноге такого привязывали веревку и тащили, бросали в поле в открытые ямы, и они там днями оставались полуживыми, пока не умирали, или пока собаки не загрызали их. Вокруг села на полях имеются

в человеческий рост глубокие ямы, куда собирают навоз от овец, коз для использования как топливо или изготовления кирпичей. С этой целью вырыты были широкие рвы. Вот эти ямы заполняли трупами. Даже в самом селе здесь и там валяются трупы. Как-то я видел, у мусорного ящика какая-то собака лапами держит человеческую голову и грызет... сладко-сладко. Сердце мое не выдержало, я схватил камень и бросил в нее, она яростно зарычала, показывая клыки. Я метнул в нее еще один камень. Она набросилась на меня и я еле унес ноги, не то меня ожидала та же участь.

Много здесь было умирающих из мужчин, которые спаслись на дорогах, избежав боен. Здесь они умирали от голода, недоедания. И у тех, кто остался в моей памяти: Сарайтарян ага Петрос. Несчастный, что только он не претерпел на дороге. На нем была забота о караване. Добродетельный, правдивый человек, он был экономом школы Санасарян; Патвиракян ага Тигран, купец Гратлян Хазар; Кетюкян Тигран; Андриасян ага Ншан, его сын Мартирос, Андриасяны были одним из больших родов Себастии, который насчитывал 40 человек, дети двух братьев, невестки, дочери, внуки. В конце из этой семьи выжил лишь один человек, сын Ншана аги Ованнес, последний находится сейчас в Алеппо в жалком состоянии; из умерших здесь также упомянем Пыткчяна Арменака и его жену, они только успели пожениться; дошедший до этих мест Айказун, сын адвоката эфенди Мкртыча Полатяна, ученик школы Санасарян; Даниэл Заратян; Хазар Мозян; Пармагозян господин Сероб, брат его Ншан /из другого села/; Ерванд Папян, эти также были из богатой семьи, состоящей из 25-ти человек. Единственный выживший из этой семьи юноша Зарэ; из семьи Тоганов некий молодой цирюльник со своей суженой; Артин, сын Папика из Гылчи, образцовый товарищ из гнчакистов и многие, многие другие. Здесь скончался также русскоподанный священник Тер Петрос, родом из Кюрина, он находился в Себастии и оттуда был выселен. В дороге одет был в гражданское, но был в белье. За день до смерти он позвал меня к себе. Ноги опухли до живота, грудь также была опухшей, задыхался, сам себе дал отпущение грехов. Для причастия положил в рот крошку хлеба. Попросил меня собрать у народа денег на похороны, сказав, чтоб «тело мое не было брошено в поле на съедение собакам». И на самом деле он в ту ночь умер. Утром я с большим трудом

смог собрать всего 10 курушей. Мухтара еле упростили и он согласился. Завернули его в какую-то тряпку, попадая взяла за один конец, я – за другой, двое – с других краев, понесли в поле, под деревом вырыли яму и погребли со словами «Верни меня», «Безначальный Бог», «Слава в Вышних», завершили похороны. Он был единственным из армянских священников Себастии и сел, ты добавь – всей Малой и Великой Армении, который умер своей естественной смертью. «Да осветит Господь его душу, не лишит его небесной славы, причислит его к сонму святых и наш труд сочтет ему во славу. Аминь».

К этому времени болезнь нашла другое проявление – ноги больных распухали до живота и выше, также грудь, руки, лицо, также глазницы, и наступала смерть. Иногда до этого не доходило. Это было своего рода Адамовой болезнью – водобоязнью /hydropisie/. У народа, измученного недоеданием и истощенного, кровь превращалась в воду /anemie/. И когда наступали осенние холода, подобная болезнь становилась естественным следствием этого и неизбежностью.

Я стал обузой для других. Ежедневно спускался в Суруч, на телеграфе, в Земледельческом банке спрашивал, получен ли ответ на мою телеграмму, получены ли деньги? Другие постепенно стали получать через Земледельческий банк деньги. На служебных дверях висит список. Смотрю, моего имени нет. Вспоминаю об одном моем знакомом – себастийце Тигране Серкиджяне, он был в Константинополе. По его адресу пишу письмо на турецком, даю понять, кто я, высылаю мой новый адрес.

Как-то возвращаясь из Суруча в деревню, вижу курдских мальчиков на ослах. Один из них неожиданно прыгнул с осла, пришел и обнял меня. «О учитель, а я себе говорил, когда-нибудь еще увижу тебя». Я понял, что это должен быть один из наших учеников. Он изменился в курдской национальной одежде, и я его не узнал. «Я Вардан Бояджян», говорит. Я утешил его, обнадежил. Так я увидел также Тиграна, сына спутника моей дороги брата Хазара. Он пас в поле овец. Увидев меня чуть с ума не сошел. Он слышал, что меня убили. «Младший брат со мной», говорит. После перемирия эти мальчики бежали в Алеппо.

ЭМИР БОГ. – Дорога в Араб-Бунар проходит через эту деревню. Очень оживленная дорога. Путешественников много. Наши себастийские парни на этой дороге сидят у стен на скамейках и заняты куплей-продажей. Я

также сижу, подставив спину солнцу, греюсь. Наша горстка мужчин бросается в глаза. Военные, отправленные в Урфу, возвращаются со своей утварью, верблюдами, идут в Алеппо. С нами сидят и курды. Все мы встали в знак уважения, – ты скажи от страха, – они выглядят как звери: глаза налиты кровью, скрежещут зубами и смотрят на нас косо. Обращаются к курдам и говорят: «Вы не люди. Вы не мусульмане. Почему вы оставили в живых этих предателей – гяуров, почему не убили». Один из стариков курдов говорит: «Афа эмира нет, эмира нет». Лаконично, хотя и два слова, но ясно отражает как в зеркале армяноненавистную политику зверя турка, т.е. эти курды по свыше данному приказу эмира беспощадно уничтожали армян, убивали, грабили, похищали, но после того, как этот эмир успокоился, они умненько сидят на своих местах. Видимо, когда мы в сентябре дошли до Суруча, из Полиса были получены такие приказы. Каким бы добросердечным ни был бы каймакам, он вопреки воле Полиса, не мог бы проявить такую добросердечность к беженцам. Нам уже было сказано, что всем мухтарам было повелено хорошо относиться к беженцам, в противном случае они, как ответственные за это, должны быть арестованы. И, наконец, чувствовалось некоторое смягчение – не трогать оставшихся в живых беженцев, пусть остаются на своих местах и ждут **белой смерти**. Так и случилось.

КАРО-БЕЙ! КАРО-БЕЙ! СВЕТА СНИЗОШЕЛ. — К нашим печальным историям добавлю немного невинной шуточки. Мы оставили занятый дом и перешли в другой, так как наши хозяева увеличили плату за квартиру. Это мое новое жилище, также сообщающиеся между собой домики с куполами. В них также проживают себастиийские семьи. Один из наших соседей, Арцрунян Карапет, хороший добродетельный, боголюбивый человек. Из нашего каравана второй спасшийся со мной человек. **И единственный из себастиийцев, у которого сыновья, жена с ним.** Если и есть живые мужчины, у всех жены скончались. А из женщин ни у одной мужа не осталось. С Карапетом также его свояченица, дочь деда Хаджи Пилоса. В семейном кругу Карапета ласково зовут Каро-бей. Словом, наша хижина глубже ихней, в середине нет дверей. Ночью мне не хочется спать. Как говорится, пробуждаются воспоминания и грядущие события как панорама, приходят и проходят передо мной, одна сменяя другую. Выход ишу в папиресе. Так и в эту ночь сижу, чтобы не мешать сну моих

сожителей. Лицо повернул к стенке, сладко потягивая папиросу. Известно, что одна папироса рассчитана на 10-12 затяжек. В темноте свет то загорается, то гаснет. Папироса моя кончилась. Короче, бросил ее в угол комнаты, она была непогашенной и, когда я бросил сигару, с короткого конца огонь сильно загорелся. Вдруг свояченица Карапета кричит:

– Каро-бей! Каро-бей!

— . . .

Повторяет:

– Каро-бей! Каро-бей! Вставай, скорее...

Пробудившись от глубокого сна Каро-бей:

— Ну что, в чем дело?

— Вставай, вставай, Каро-бей.

— В чем дело, что случилось?

– Знаешь, свет снизошел, ясно показался 8-10 раз, свет появлялся – потухал, затем свет показался с внутренней стороны, зеленым-красным поясом, затем удлинился и пропал. Аман! Это что за славу пожелал мне Христос, что за знамение мне явил. Сколько раз свет показывался и исчезал, язык мой отнялся, рот онемел, я не могла говорить, осенила себя крестом, про себя помолилась, возблагодарив святую Богородицу.

Я на своем месте, не знаю – смеяться мне или плакать, себя упрекаю. У бедных женщин воспалилось воображение. Если я скажу, что это свет моей папиросы, разочарую ее, вера ее будет поколеблена. И я оставил ее утешиться ее невинной верой. Хотя я также верю явлению нам, землянам, божественного познаваемого света. И я подумал когда-нибудь написать об этом в воспоминаниях беженца.

ЖЕНЩИНЫ ПИШУТ ПРОШЕНИЕ КАЙМАКАМУ. — Нет никаких средств к существованию, со дня на день становится все хуже, смертоносная нищета дошла до предела. В безнадежном состоянии говорят: «Человек хватается за соломинку»¹. Женщины, воодушевленные доброжелательным отношением каймакама, в просительном тоне пишут ему заявление, рассказывают ему о своем тяжелом положении и просят указать найти средство к существованию или выдать пособие. Они со слезами падают ему в ноги. Он избирает наименьшее из зол как добро, как средство. И решает потерявших мужей женщин послать в Бирэджик-Низип-Ромкла-Айнтап, чтобы они там рассеялись по деревням. Думая о

том, что там в садоводческом-земледельческом труде найдется немало дел для женщин. Если даже часть умрет, другая часть может жить своей работой.

И высылка началась..

Как-то утром жандармы пришли в село. Мухтар, отобрав, впереди себя вел довольно много женщин. Он объяснил о приказе каймакама и его заботе о беженцах. В то же время дали понять, что это носит добровольный характер. Больные, не могущие идти, могут остаться. Они повели их и спустили в Суруче, там каждой дали два хлеба-тайина и вывели на дорогу в Бирэджик. Благо погода была мягкой, не ощущалось сырости и не было очень холодно. Так, через день оформили по 8-10 подлежащих высылке. Бывших в Суруче беженков также присоединили к ним.

ПОЛУЧАЮ ПИСЬМО, ДОХОДЯТ ДЕНЬГИ. – Я по своему обыкновению спустился в Суруч, читаю список банка и мне на глаза попадает мое имя – Ншан Оглу Григор, от радости ноги отрываются от земли. Против моего имени 3 золотых... очень мало... но хоть что-то. Вижу почта-льона, есть письмо от брата, на одно мгновение прижимаю к лицу, целую, руки мои дрожат. Раскрываю, подпись моего брата. Еще раз целую. Письмо написано по-турецки. Видно, как много он трудов приложил, чтобы доставить мне деньги, к каким ухищрениям не прибегнул. 7 золотых послал один раз, 12 – второй и 3 – еще раз. Эту последнюю сумму через миссионеров он послал из Полиса. Раньше всего прибыла она. Представляюсь директору Земледельческого банка. Боюсь, что для подтверждения моей личности он вызовет себастицев, спросит мое отчество, хотя я всех предупредил называть меня новым именем. Но если они ошибутся и назовут меня Карапетом, всему конец. Но он не счел это необходимым. Взял мою подпись. Я показал ему мое письмо и сказал, что я должен получить и другие деньги. Сжимая в руках три золотые монеты, выхожу, мир принадлежит мне. Возвращаюсь в деревню, подруги радуются, одним золотым я покрываю свои долги, обновляю свою одежду, покупаю одеяло, остальное трачу на ежедневные нужды, крайне экономно.

О ТОМ, О СЕМ. – Каймакам Суруча среди себастийских беженцев распоряжается найти агу Аветиса Акиняна или выживших членов его семьи. Сын аги Аветиса офицер Ованнес на Эрзерумском фронте, ставя свою жизнь под угрозу, спас Энвера, у него были и другие неоценимые

услуги. В ответ на это Энвер лично пишет золотыми буквами письмо и посылает его родителям в Себастию. Но так как они были высланы, письмо из Себастии пересылается в Суруч, чтобы там найти их и передать. Но мы в главе о Гасан-Челепи уже говорили, что ага Аветис был взят и убит, а по прибытии в это место из его 20-25 членов семьи оставались один-два человека. «Об умершем вспоминают с любовью».

*** В этом селе я встретил эконома нашей школы Тонапетяна Хазара ахпара. В дороге мы мельком видели друг друга. Снова увидевшись, опять обрадовались. Двое его детей – мальчики и жена живы и с ним. Он взял к себе детей своего родственника священника Тер Маттеоса. Занимается портняжеством. Над больными читает молитву, получает несколько грошей, деньги на хлеб.

Как-то утром Каро-бей почувствовал себя плохо, попросил позвать ахпара Хазара, чтоб прочел над ним молитву. Ахпар Хазар пришел, достал «Духовный сад». Стал воодушевленно читать из Евангелия, отрывки из лечебников, главы из Нарека. В это время по обыкновению пришел сын сельского главы спросить – нет ли в доме покойников? Увидев благочестивое чтение ахпара Хазара, Боже мой, с какой яростью он набросился на бедного человека, с криками «заблудший-гяур!», вырвал книгу из рук, разорвал в клочья, бросил и ногами стал топтать, избил ахпара Хазара. Несчастный, страшно испугавшись, еле смог убежать.

*** Мой племянник, которого звали Торан Нагапетян, с матерью находился в Араб-Бунаре. Утром пришел и нашел меня. Вместе с матерью они были носильщиками трупов, мать скончалась. Последние остатки находившихся в Араб-Бунаре умерли, и он пришел ко мне.

*** **СТРАШНЫЙ ПРИЗРАК ДЕР-ЗОРА.** – Однажды я спустился в Суруч. Встречаю учителя Национального сиротского дома Нерсеса Тер-Габриэляна, он в очень плачевном состоянии. Долго беседуем, он также остается в одном курдском селении. Жену похитили. Он старается найти удобный случай и вернуть ее и привести к себе. Ага Нерсес среди прочего рассказал, что один из его знакомых курдов дружески сказал ему, что из Суруча и сел женщин, не имеющих мужей, должны послать в сторону Бирэджика-Айнтапа, а мужчин – в Ракку и оттуда направить в Дер-Зор. Там должны собрать всех армянских беженцев, а затем поведут их в пустыню и уничтожат. Это уничтожение будет поручено чеченцам

Хапурского района. Поэтому курд советует Нерсесу в Дер-Зор не идти, и в Суруче спрятаться у курдов. Услышав эти слова, моя кровь застыла в жилах. Удивительно то, что уже год, как запрограммировано было общее истребление армян в Дер-Зоре, и удивительнее всего, что эти отдаленные курдские берлоги более года знали об этой чудовищной программе. Как и произошло соответственно этим слухам.

*** У курдов есть обыкновение для своих покойников устраивать поминки по усопшему. Они режут быка или барашка, варят из блгура плов и раздают, давая без различия также армянским беженцам. Сколько раз я также участвовал в этом. Турки в Суруче во время Курбана-Байрама также же по своему обычаю сварили обед с анзенами – мясо с баклажанами и томатом и роздали, в том числе обильно армянским беженцам Суруча и приютившимся в Бахче Суруча.

*** Прирабатывая я писал на турецком языке письма, составлял для разных людей телеграммы и получал несколько монет от добровольно дававших, иногда в качестве помощника работал у мастеров-каменщиков.

*** Из Алеппо через Араб-Бунар на подводах перевозили людей под стражей, в оковах. Несколько дней держали их в тюрьме Суруча, затем посылали в Диарбекир. Нам не удалось ни к кому из них подойти. Это были люди из интеллигенции, которых часто вели на бойню.

*** Из самсунцев единственный выживший мужчина был Арутюн Пагалян, по специальности фармацевт. В Суруче и окружающих селах он прославился как доктор. Местные люди носили его на руках. Он жил врачеванием. Для того, чтобы раздобыть для своих приятельниц лекарство, я как-то пошел к нему. Он дал мне таблетки. Я спросил его о составе таблеток – могут ли они состоять из висмута, танина? Он сердито посмотрел мне в лицо и сказал: «Ты что спятил? Хочешь выдать меня?» В руках у него был формуляр. Давно у меня в руках не было книг. Взял, чтобы посмотреть. Вырвал из моих рук! Но вскоре мы друг друга поняли и до Алеппо стали близкими друзьями, остались товарищами по мукам, сохранив друг о друге хорошие воспоминания. В дороге оба скрывающихся не имели возможности знать друг друга. И возможно ли было поднять голову и посмотреть вокруг?

БОЛЕЗНЬ СРЕДИ КУРДОВ ТИЛАЛА. ПОСЛЕДНЯЯ ССЫЛКА. – Наша болезнь нашла большое распространение среди курдов селения

Тилал. Из них ежедневно умирало по 10-15-20 человек. Сын мухтара, тот, кто так истязал беженцев, также заразился и умер. Курды с жалобой обратились к каймакаму, требуя удалить из деревни беженцев. 7-8 караванов женщин уже имели сызгет. Остались лишь мужчины, имеющие семьи. Было 23-го ноября, после полудня пришли жандармы, силой вывели нас из домов. Не дали времени нанять выючных животных. Собрали нас всех на край деревни и вывели на дорогу в Суруч. В деревне или в получасе ходьбы от нее осталось довольно большое количество больных. Привели нас в Суруч, заполнили нами двор какого-то хана. Лил сильный дождь, до утра мы оставались под дождем. Вечером нам сообщили, что утром нас отправят в Бирэджик.

В один момент я задумался, что мне делать? Я ожидаю денег, на днях должен получить. Если мне оформят высылку, я потеряю их, и что потом будет со мной без денег. Арменак Чугасян в Суруче снимает дом, можно из слухового окна хана бежать. Но если я останусь в Суруче, то все равно нас отправят в Дер-Зор, а там – смерть. Бирэджик кажется более безопасным, об этих местах особенно ничего плохого не говорят. И сам каймакам дальновидно беженцев из Малой Армении посылает в те края, считая достаточным их перенесенные страдания и потери¹⁸³. Решаю не расставаться с караваном.

Наступило утро. Двери хана открылись. Снаружи жандармы с дубинками, охранники. Нас выводят из хана. Директор Земледельческого банка является уполномоченным по высылке. При выходе увидел меня, схватил за руку остановил и говорит: «Ты куда идешь, столько денег должно придти на твое имя, забыл о своем плачевном положении? После этого ты должен немного спокойнее жить, положение твое улучшится. Встал и так необдуманно идешь», и отвел меня в сторону, чтоб я не шел. И в самом

¹⁸³ И в самом деле, большая часть выживших себастийцев и беженцев из Малой Армении составляют получившие сызгет из Суруча в Бирэджик и Айнтап. Оставшиеся в Суруче и впоследствии посланные в Ракку-Дер-Зор все погибли, как мы увидим в главе о Ракке. Среди посланных из Суруча в Бирэджик было много детей 8-10 лет. Они подросли, стали молодыми людьми и приняли мужественное участие в героическом сражении Айнтапа и завоевали имя отличных бойцов. При их переезде из Айнтапа в Алеппо-Бейрут я встретился с ними. Они сказали мне: «Учитель, мы отомстили за кровь наших отцов». Здесь я назову имена некоторых: Паргев Чугасян /сын товарища М.Чугасяна/, Ованнес Чугасян /брат товарища Вагана/, Арменак Одабашян /племянник М. Чугасяна/, Назарет Т.Казарян, Сурен Пучагчян, Габриэл Зопапурунян, Нерсес Дегиациян, Жирайр Бояджян и пр., и пр., льяята! (Г).

деле, человек думал о моем благе и сделал это, но меня пугает участь быть угнанным в Дер-Зор. Человека обманул, смешался с толпой. Нас повели на край Суруча, на несколько минут посадили, принесли тайин-хлеб, каждому человеку по два хлеба. Когда раздавали хлеб, служащий вновь увидел меня. На этот раз он с более жестким упреком сказал: «Слушай, человек, что я тебе сказал. И ты еще здесь?». Схватил мою руку и вывел. На этот раз какова воля Божья, пусть то и будет, сказал я себе и вернулся в Суруч.

В СУРУЧЕ В ДОМЕ АРМЕНАКА. – Я нашел Арменака, который повел меня к себе домой. Они проживали в одном дворе с другими семьями. Мать была больна, скончалась. Он, сестра, жена вместе. Четверо детей сестры умерли. Она тоже была невесткой семьи в 10-12 человек. Осталась одна. В эти дни обращаю внимание на питание. Проводим относительно спокойные дни. В Суруче какое-то время высылку не проводят. Правительство занято переписью оставшихся беженцев. Мал-мюдир и мухтары кварталов обходят дома: по именам, местам рождения записывают мужчин, женщин, мальчиков. Мужчины работают на рынке. Они работают мясниками, поварами, цирюльниками, пекарями, портными, сапожниками и т.д. Внешние стены домов и кровли обмазывают грязью, дожди еще не начались, многие заняты этим делом. Предполагая, что больше высылки не будет, многие, особенно эрзерумцы, делают зимние запасы для дома. Съестное стоит очень дешево – мясо, масло, крупы, мед, сухофрукты очень дешевы и обильны. Каймакам косвенно распоряжается об открытии магазинов, призывает заняться делом и поддерживает. Дает понять, что в случае высылки, наверно не тронут людей, имеющих дело. Жена Арменака Чугасяна учительница. Они также, как имеющие дело, представились каймакаму. В Суруче нет турецких школ. Просят у правительства открыть детский сад, девочек научить чтению, рукоделию. Каймакам говорит: **«Вот вам на голые головы золотой ободок»** (т.). Эти дикие курды, курдского нрава турки чему могут научиться в школе, в рукоделии? Но можно попробовать, и добавляет: «и у вас будет дело, средство к существованию». И поручает мэру города заняться этим.

Мэр, одноглазый человек лет 60-ти. Кажется довольно хорошим человеком, заботливо относится к беженцам. Соглашается открыть школу. Предоставляет дом. Вместе с Арменакон и с одной эрзерумской семьей

переезжаем туда. Это дом местного армянина, цирюльника. Человека убили и убили, семью выселили. Видимо, он был бревном в глазах властей. Просторный хавуз, окруженный купальными комнатами, в середине двора колодец с вкусной холодной водой. Ученики не появились, и школа не открылась. Мы выиграли лишь в том, что все приютились в одном доме, и еще семье Арменака на три человека выдавали в качестве пособия по одному хлебу. Мэрия, нуждающимся в хлебе семьям ежедневно выделяла один хлеб как пособие. Вышеупомянутый мэр из пекарни мэрии систематически раздавал хлеб, очень часто собственноручно. И если бывали от беженцев просьбы, никогда не отказывал. Хлеб выдавался только женщинам.

МЭРИЯ ЕЩЕ БОЛЬШЕ УПОРЯДОЧИЛА ВЫДАЧУ ПОСОБИЯ. –

Больница в знакомой нам Бахче Суруче окружена большей заботой. Там около 400 больных женщин и несколько мальчиков. Помимо пособия хлебом, мэрия ежедневно забивает одного барашка, из которого на два котла готовят суп с блгуром и мясом. Беженцам, находившимся в домах, только два дня дали из этого обеда – на человека по одному половнику. Для находящихся в больнице-бахче жирный мясной обед был благословением для этих несчастных. Один раз я посмотрел на повешенные для сушки шкурки зарезанных овец около мэрии, их было 18. Так они продолжали некоторое время. Вероятно это было сделано по приказу из Полиса, но доброжелательность и сострадание каймакама, мэра и еврея врача также сыграли определенную роль.

Через Земледельческий банк постепенно деньги прибывают: один раз 7 золотых, второй – 12. От брата систематически получаю письма. Я единственный из Себастии находящийся в переписке. Оттуда от парней, находящихся на военной службе в Себастии, на мой адрес приходит множество писем. Спрашивают об интересующих их делах, всем отвечаю. Очень мало у кого осталось в живых родственников. Положение мое улучшилось. Как сожитель в доме Арменака, как людям, которые в мои тяжелые дни оказали гостеприимство, я также оказываю им материальную помощь. Даю им два золотых. Мы подумываем заняться каким-нибудь делом. Готовим колбасу, часть едим, а часть продаем. Да не забыть бы сказать о кошках Суруча. Ужасные твари, можно сказать, курдские кошки, которые вытаскивают покойников из ям, как курды-воры, похитители,

расхитители. Во время сушки колбасы они, схватив уташили большую связку колбасы на крышу, мы еле смогли вырвать у них.

*** С эрзерумцами был энтирец, молодой человек по имени Тигран, он заболел дизентерией. Мы за ним нужным образом ухаживали, но болезнь углублялась и однажды ночью он умер. Утром встаем и видим, что собаки через стену проникли и разгрызли труп, разодрали живот и вытащили кишки, печень съели, лицо, скулы разгрызли. Мы позвали носильщиков и дали его похоронить.

*** Ходят слухи о том, что беженцев, находящихся в Суруче, должны выслать в Ракку-Дер-Зор. Нас охватывает беспокойство...

Наша соседка, женщина из Эрзерума, имеет двух дочерей. Одна – красивая. Сына и мужа взяли, отвели на гору Зейнал. Эта женщина ходит в дома соседних турок, прядет шерсть, помогает в семейных делах, стирает. За это ей дают еду. Каждый вечер она приносит грустные вести, в частности, об отправке беженцев в Ракку. Говорит о том, что по дороге мужчин должны раздать, а жен, невест, девушек похитить. Она беспокоится о своих дочерях, и в разговорах дает понять, что старшую дочь хочет выдать за турка, и сама с младшей дочерью останется у нее. Стараемся ее отговорить от этого решения, то упрекая, то убеждая. Но видим, что дочь больше матери настроена и к моему стыду она имеет свидетельство об окончании школы. «Что мне делать, – говорит, – вместо того, чтобы на дорогах попасть в руки звероподобных курдов, лучше здесь выйти замуж за турка, избрать меньшее из зол. И при этом спасти мать и сестру, приютить их. Не имеет смысла их убеждать, постепенно они приходят к согласию с чиновником турком-соседом.

*** Между каймакамом и начальником жандармов отношения обострились, не знаем почему? Как было сказано, тысяцкий из караванов Малой Армении отделил шесть девушек и взял себе. Двух из них в эти дни выгнал. Одна из них была дочерью тохатского ситочника, а другая – Элиза, удивительной красоты девушка, дочерью Тиграна, сына себастьского сапожника Асаряна Хаджи Месии. Мэр их послал к нам. Каймакам, чтобы привлечь к ответственности тысяцкого, этих двух девушек вызвал на допрос. После медицинского осмотра выяснили факт изнасилования и беременности девушек. Заставлял написать жалобу. Но они колебались, боясь угрозы тысяцкого и отказались писать жалобу. В эти дни в Суруч из Урфы

прибыли полицейский комиссар Эмин, следователь военного трибунала, некий молодой молла и сын тысяцкого Ракки, чтобы принять участие в большом грабеже по захвату армянских девушек. Мал-мюдир Суруча, чтобы закрыть начатое обвинение тысяцкого, поручил этим пришедшим из Урфы удалить девушек из Суруча. Злодеи пришли, увидели девушек и захотели их увезти с собой. Эрзерумская женщина, желая воспользоваться этим благоприятным случаем, предложила им и свою дочь. Кто говорит, что собака убежит от гаты? Подводу подкатили к дверям, Элиза, дочка ситочника, эрзерумская женщина со своими двумя дочерьми, младшая сестра Элизы и брат сели и уехали в Урфу. Элиза была обвенчана со Степаном, сыном Агапапи Туманяна, в дороге они были вместе. Степан на одной из стоянок Дороги крови был взят. Его брат Паруйр Айк был добровольцем в легионе. Он пришел в Алеппо. Услышав эту историю, он отправился в Урфу освобождать суженую брата. Но нечестивая не захотела покинуть турецкий гарем.

Элиза несколько дней оставалась у нас. Чтобы что-то узнать о жизни в гареме я подсказал жене Арменака разузнать об этом у нее. Тысяцкий из Мараша, жена не с ним, каждый день они живут жизнью Сардаранапала¹: наслаждаются обильными столами, всего полно. Сухофрукты, топленое масло, мед, молоко и сливочное масло, связками колбасные изделия и всегда все недостающее привозят из Алеппо, Бирэджика. Тысяцкий понимал по-армянски. Когда девушки говорили о своих родителях, родственниках, он говорил им: «Отныне вы должны забыть о прошлом. Я – и ваш отец, и дядя, и дед. Словом все для вас. Звал играть на бубне, танцевать, петь. Тысяцкий вторит им, танцует с ними, любит движение рук дочери ситочника. Одним словом они жили роскошной, легкой, развратной жизнью.

МАЛЕНЬКАЯ СТАТИСТИКА. – Я пришел в себя, с головы до ног обновился, сыт, мысли мои утихомирились. Я обращаюсь к событиям, случившимся с нами до сего дня, до Суруча, вспоминаю обо всем и, возможно, с намерением когда-нибудь вернуться к ним, все обобщить. И поскольку в этих делах наиболее красноречивы цифры, я составляю статистику, сколько человек осталось здесь в Суруче из членов наших караванов и близко знакомых семейств, каким количеством вышли из Себастии, то, что осталось в памяти и что не считаю лишним представить здесь:

Семья.	Выход из Себастии	Суруч	Алеппо 1919
Я и мои свояченицы	11	1	1
Жена Гамбара Анна	5	1	1
Цирюльник Оник	2	1	-
Кэзалаенк	2	-	-
Тиркэренк	14	1	-
Тэрзи Сероб	13	-	-
Манасенк	6	2	2
Кайвэч	5	2	2
Лира Артин	3	1	1
Тынкыр Симон	7	-	-
Тыныкренк	14	2	1
Маранкоз Овак	2	-	-
Вичененк	7	1	1
Кэчечонк	8	2	2
Мнчук Месиа	9	3	3
Чортан Ако	6	6	1
Кац Ованенк	7	1	1
Бзукенк	9	1	1
Пучахчонк	16	2	1
Царманенк	15	?	1
Пампухенк	3	1	1
Инчэенк	6	1	-
Хаджи Пилосенк	12	3	1
Кэзюренк	17	5	-
Заллахенк	19	3	1
Мкайэленк	7	3	1
Акочаненк	3	1	1
Маргрит, учительница	5	1	1
Коркотенк	8	2	2
Тючюк Торос	16	2	-
Тэрпапонк	23	5	1
Андрэасян Ншан-Назарэт	40	5	1

Габикенк (Хаджи Манук)	17	5	6
Натуренк	9	2	-
Кябабчонк	23	10	8
Касаб Позикенк	16	5	3
Башыбэойюкян Мелкон	14	6	1
Мэгрэмомчонц Рубен	11	1	1
Нораревенк	7	5	5
Царукенк	10	3	3
Нораревенк Ншан, три дома	16	-	-
Полатьяна Мкртича дом	5	-	-
Т. Габриэленк четыре семьи	35	9	5
Тэртэрогленц Мириджан	15	1	1
Палыхчонк (Баня Гурчунлы)	25	1	1
Инджэджюк Мато	6	1	-
Хорик Абраам	12	1	-
Тигран-Мкртич Норхатян	18	2	2
Армен Чугасзян и сестры	17	4	-
Кюркчонц Мартирос, 4 семьи	31	2	2
Суджи Ншан	10	-	-
Чатрджонк	26	3	1
Кармир Бояджонк	28	3	4
Григор, сын Акопа Чавуша	7	1	-
Тэли-Лазар Григоренк	12	3	2
Бахал Лазаренк	8	3	1
Общее число	698	120	76

Статистика нескольких деревень:

Ганкал	600	8	16
Магара	2000	1	1
Улаш	3000	-	4
Ханцар	900	-	1
Бргник	3500	2	2
Ддмач	900	-	1
Манчылых	2100	-	28
Еэни-Хан	2400	-	35

Газ-Магарс	1200	-	3
Гаракэол	3000	-	3
Зара	6000	-	18
Тиврик	6500	-	43
Бинкеан	2300	-	-
Григорэс (Тогат)	2400	-	3
Общее число	36800	13	157

Читатель! Тебе оставляю подсчитать и увидеть сколько выживших из городов и из сел. Но если бы вы меня спросили, я должен был сказать...

Полное уничтожение!!!

Наконец, кого упомянуть и что сосчитать? Как я могу считать количество потерь и разрушений моей родной земли, любимой Отчизны. Как я уже сказал, это поспешный, неточный подсчет. Это лишь один беглый взгляд, брошенный мной.

В главе, посвященной Алеппо, мы еще раз обратимся к этой статистике, используя наши сведения о выживших там людях. Но что мы можем сказать о первых 7-8 караванах, от которых не осталось даже 7-8 человек?

ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛ БЕЖЕНЦЕВ в Урфу прибыл в качестве мюфэттиша-уполномоченного Урфинского архива военный следователь, какой-то молодой тысяцкий. Стал рассматривать взаимные обвинения каймакама и начальника жандармов. Каймакам в это время тяжело заболел. Следователь, как уполномоченный, взял в свои руки местные правительственные-военные дела. Позвал эрзерумских старейшин, прямо или косвенно допросил и узнал – сколько и какие взятки дали они каймакаму. Видно, они немного разошлись, почему и каймакаму стало очень больно и он дал пощечину говорящему, и сказал: «Вы, очевидцы положения свазских беженцев, глядя на них, вы должны были благодарить бога за ваше положение. Если бы я допустил, чтобы вы также были такими, дошли бы до такого состояния, то сейчас ваши кости уже развеяны были по ветру. Но мы пощадили вас, вопреки тому, что среди вас было много людей умственного труда, интеллигенции, видных людей, представителей мухарриров¹⁸⁴ газет, хотя я получал приказы за приказами, но я пощадил вас, но вы не оценили того, что я для вас сделал и пренебрегли этим»...

¹⁸⁴ Мухаррир (muharrir) – писатель, газетный сотрудник.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ОБЩЕЙ ДЕПОРТАЦИИ БЕЖЕНЦЕВ СУРУЧА И МЕСТНЫХ АРМЯН.

– Уже ранее мы говорили о том, что прибытие мюфэттиша-следователя и проведенное им расследование ничего хорошего не сулило. Во время случившихся событий, как говорится, «наши руки были на наших сердцах» – умирающий умер, выселенные ушли, оставшиеся на три месяца обрели некоторый покой, мы «жарились в собственном жиру», как-то пытались устроиться, обзавестись домом, мы сами себе дали статус местных жителей. И вот огромные волнения... все перевернулось одним росчерком пера.

19-го декабря /1915-го года/ в правительственном здании и в других важных местах появилось скрепленное печатью мюфэттиша тысяцкого объявление:

«Беженцы и местные армяне Суруча и соседних сел должны в течение пяти дней быть готовы к выселению в Ракку. Все противящиеся выполнению этого приказа и укрывающиеся будут преданы смерти, будут жестоко наказаны и те мусульмане, которые помогут им укрыться». И было добавлено о том, что женщин, ставшим никеями мусульман, а также тех, которые должны ими стать, этот приказ не касается. Согласно другому дополнению, протестанты и сирийцы не будут выселены».

На головы находящихся в Суруче армян посыпались новые и новые беды. Распространявшиеся днями неопределенные слухи стали действительностью. Каждый человек, обретший толику покоя, не мог забыть о муках, пережитых им до сего дня. Теперь картина выселения предстала перед его взором со всеми ужасами, со всем его злодейством и трагичностью. Что еще больше ужасало – начавшаяся дождливая погода в Месопотамии и зимние сильные холода.

ПРИНЯТЫЕ МЕРЫ. – Местные армяне, примерно 25 домов, находятся в еще большей тревоге – для них только должна начаться депортация. Несчастные приняли мусульманство, стали «крепким уксусом», тация. Несчастные приняли мусульманство, стали «крепким уксусом», мусульманами, и поэтому им казалось, что можно предотвратить выселение. Каймакам тяжело болен. Женщины, мужчины обращаются к военному уполномоченному, но он отклоняет их просьбу. Они идут к муфтию и просят во имя ислама пощадить их, поскольку они приняли мусульманство и стали горячими верующими. Мюфтий объясняет им, что это приказ верховного правительства: армян, вопреки принятию ислама,

следует выселить, не оставлять на месте. Против этого приказа невозможно идти. Но он добавил к этому, что как исключительную милость им разрешено дальше Ракки не идти и остаться там, а по прошествии какого-то времени они могут возвратиться в Суруч.

Старейшины эрзерумцев, видя, что на месте невозможно чего-либо добиться, думают пустить в ход внешние средства. Они обращаются за советом к главам беженцев из Себатии и Малой Армении, а также – местных армян. Решают послать телеграмму министру внутренних дел мюширу 4-ой армии Алеппо Джемалу-паше, прося выселение с зимнего времени отложить до весны. Телеграмма редактируется, в ней говорится также о плачевном состоянии беженцев. Собрали по 10-12 золотых, телеграмму дали и попросили также уполномоченного военного подождать и не торопить с выселением. Погода испортилась, каждый день постоянно льют дожди.

До получения ответа на телеграмму представилась другая возможность. Жена Энвера... ханум, стала женой вали Тигранакерта и перевелась туда. Дойдя до Суруча, она остановилась в правительственном здании. Эрзерумцы послали к ней делегацию из женщин, которые должны были попросить ханум о перенесении выселения до наступления весны. Слуга ханумы очень плохо принял их и сказал: «Причина всех ваших несчастий – это ваши мужчины. Все, что вы переносите, все из-за них. Их всех надо убить, зарезать». Ханум изнутри слышит, и приказывает впустить к ней просительниц. Она также довольно строго говорит с ними. Но во всяком случае обещает по прибытии в Урфу, поговорить с мутасаррифом и попросить отложить выселение до весны. Женщины еще и еще просили и умоляли ее об этом. Ханум на следующее утро пустилась в дорогу. Эрзерумцы, чтобы напомнить ей о своем обещании, составили новую делегацию женщин из села Сумах, через который она должна была проехать. Она им также то же самое пообещала. С биением сердца ожидаем ответа, с одной стороны, из Полиса, с другой – из Урфы.

ПЛЕННИКИ АНТАНТЫ ОТПУСКАЮТСЯ. – После объявления войны Антанте Турцией, находившиеся здесь поданные тех стран были посланы в Урфу как военнопленные. В связи с европейским Новым годом, видимо, в результате посредничества, они были отпущены и вернулись в свои страны. Из Урфы они прибыли в Суруч, чтобы со станции Араб-

Бунар по железной дороге спустится в Алеппо. В Суруче они оставались один день. Некоторые из эрзерумцев встретились с ними. Их охраняли полицейские патрули.

Объявление о выселении, сделанное исключение для ставших содержанками мусульман, оставляло одну открытую дверь. В Суруче и в селах у курдов, турок, как и многих турецких чиновников было множество армянок и юношей. Не говоря о том, что армянская женщина была прекрасным украшением в гареме турок, захватившие их в плен вскоре становились свидетелями их необыкновенных способностей, их полезности. Умение шить, вязать, ткать, владение ковродельческим ремеслом, рукоделием, умение печь вкусные хлеба, кулинарные изделия, готовить изысканные обеды, и ко всему этому уметь писать-читать – таких способностей начисто лишена была турецкая женщина, испорченная гаремной, богатой развратной, разгульной и распутной жизнью. Так что, взявшие их в плен, с ума сходили по армянкам. Когда вопрос о депортации окончательно решился, многие армянки оставили и вышли из гаремов и присоединились к караванам, но тем не менее не мало их осталось у турок в качестве служанок и никея.

Из эрзерумцев Сируняны написали заявление, что они сирийцы, и потребовали их оставить. Правительство по телеграфу запросило Эрзерум и оттуда это было опровергнуто. Власти их передали военному суду как обманщиков. Но для человека, которого ставят в такое тяжелое положение как высылка такой обман сочли простительным – «Упавший в море, хватается за волны» (т) и освободили.

30 В РАККУ

Пятидневный срок, объявленный как последний срок высылки, истек 25-го декабря. Ответа не пришло ни из Алеппо, ни из Полиса, и ни из Урфы. Это молчание свидетельствовало об их согласии с приказом. Постоянные дожди до установления хорошей погоды стали причиной того, чтобы немного отложить выселение. Жандармы были посланы в курдские деревни. Для передвижения собрали 1000 ослов, пригнали в

Суруч и заполнили ими двор одного хана. Уполномоченный тысяцкий строго приказал мюдирам телеграфа и Земледельческого банка немедленно выдать деньги, пришедшие на имя беженцев. Мюдир, увидев меня, сказал: «На твое имя пришли деньги, немедленно иди в банк». Я удивился, так как из письма брата знал, что я больше не имею получки. Пошел. Получка была в два золотых. Я мюдиру сказал, что может быть ошибка, может быть это послано кому-нибудь другому. «Нет, глупый человек, – сказал он мне, – эти деньги пришли на твое имя, и ты сомневаешься. Тогда как другие хотят присвоить не им посланные деньги». Выплатил. Много позже я понял, что мое письмо, посланное в Полис Тиграну Серкиджяну, дошло. Он послал мне эти два золотых. Суббота. Рассвело. К полудню дождь прекратился, Погода постепенно прояснилась, облака переместились и отяжелели на наших сердцах, тяжело сдавливая нашу грудь, наши мысли. Вечером нам еще раз объявили, что утром начнется выселение, пусть каждый человек подготовиться. А скрывающиеся и обратившиеся в бегство, будут приговорены к смерти. «И плачем, и идем». Вместе с Арменаком и его сестрами готовимся: едой, обувью и другими необходимыми вещами заполняем мешки. И вот мы уже готовы.

27-ГО ДЕКАБРЯ, В ВОСКРЕСНОЕ УТРО. – Да, забыл сказать, что со дня появления этого объявления курды, турки открыто и смело говорят о том, что мужчины будут взяты, выстроены для олова – для пуль, а женщины будут похищены. Когда я был в Земледельческом банке для получения денег, один-два служащих разговаривали с мюдиром по-курдски об этом. Несмотря на то, что я не хорошо знаю курдский, но тем не менее понял, что мюдир убедительно говорил, что мужчины будут взяты и выстроены для олова. В субботу всех найденных беженцев из соседних сел нашли, привели в Суруч и заполнили ими один постоянный двор. 27-го декабря, в воскресенье утром жандармы с мухтарами вывели из домов беженцев, но очень вежливо. Собираемся на краю Суруча в поле. С уполномоченным тысяцким пришли также все турецкие чиновники, сидят на стульях. По болезни отсутствует лишь каймакам. Пришел и мэр. Хлеба-пособия в мешках разложены. Местные армяне, как и эрзерумцы, наняли выючных животных – верблюдов, ослов. Правительство, соответственно пригнанным ослам и количеству членов дома, дает по одному-двум хлебам на голову. Двое ведущих учет сидят на стульях, мэр со своими

чавушами стоит над грудой тайинов. Народу приказали проходить перед ними по одному, записывают их имена, дают по два хлеба, и те отходят. Это действие длится несколько часов. Закончилось. Жандармы готовы. Их 10-13 человек. Уполномоченный тысяцкий поднялся на помост. Жандармы стоя приветствуют его. Мы также встали. Он сначала ласково обратился к нам, для того чтобы умаслить наши сердца: «Согласно высочайшему приказу вы уже выселены из своих мест и дошли сюда, однако решено местом вашего поселения сделать Ракку. По этому высочайшему повелению посылаем вас туда. Мы заранее позаботились о вашей безопасности и покое и будьте уверены, что вы доберетесь до предназначенного вам места без всякого несчастного случая». Затем обратился к жандармам и тоном военного, кратко и сурово сказал: «Этот народ поручаю вам, за них вы должны положить свою жизнь, вашу душу, вашу кровь. По дороге разбойники курды, дикие арабы попытаются напасть на караван, грабить, убивать, похищать. Пока вы не пустите вашей последней пули, сами не падете, вы не должны отдавать этот народ в их руки. Вот я назначаю вашим уполномоченным начальником этого эфенди и, показывая на почтенного кеатипа Ризу бея, сказал: «Вы находитесь полностью в его подчинении и не должны слушаться его приказов». Одним словом, ни один из них не должен быть убит, ни у одного из них не должен быть окровавлен нос, с их головы не должен упасть ни один волос. Они должны безбедно доведены до означенного места».

Риза бей, урожденный ромклаец, чиновник турок. Он также в полной готовности восседает на коне в арабском мешлаге, со златотканым кэфиз-акилом на голове, и желает нам доброго пути. Мы благодарим знакомых служащих, мэра, директоров телеграфа и банка. Прощаемся и в 9 часов отправляемся в путь.

Тысяцкий был сладкоречив, мы не верили своим ушам. В его словах была нотка искренности. Были настоятельные требования к жандармам и назначенным над ними начальнику. Призыв к ответственности, тогда как до этого наши жандармы имели власть над нашей жизнью и смертью. И если бы они сразу уничтожили бы какой-нибудь караван, никто с них не спросил бы. И зачем спрашивать, когда им поручено было вверенные им караваны постепенно уничтожать. Услышав эти довольно суровые наказания тысяцкого, мы довольно глубоко вздохнули и почувствовали себя в

безопасности, у нас исчез страх за возможные происшествия в дороге. Времени на погрузку было дано немного. Находившиеся у турок и курдов армянки в довольно большом количестве пришли присоединились к нам. Мы не оставим наших сестер, братьев, куда погонят их, мы будем с ними, не расстанемся, говорили они. Нерсесу Тер-Габриэляну также удалось освободить свою жену и придти присоединиться к нам. Радостно встречаемся, поздравляем его и жену. В Суруче в больнице-бахче остались больные, несколько хлебопек эрзерумцев, носильщики трупов и Габриэл Нагапетян, как протестант. Кроме них много армянок, находящихся у мусульман, и дети. Помимо эрзерумцев наш караван состоял из себастьянцев, тохатцев, самсунцев и семейств 25 домов из местных суручских армян. Общее число было 1851 человек.

В 9 часов караван двинулся в путь. В ясную погоду отправляемся в путь, в хорошем настроении. Давшие нам выючных являются хозяевами этих животных. Это курды, их большое число сопровождает нас. Они превратились в кошек, с каким подобострастием обращаются с нами. Так быстро изменились. Это те же курды, которые начиная с гор Зейнала до Евфрата и оттуда до Суруча грабили караваны, брали в плен, сотни тысяч армян были убиты ими. Маленькая угроза и опасный лев превратился в кошку. Мы идем на восток. Проходим мимо курдских сел Большого и Малого Ширвана. Нам показывают на прекрасное каменное здание, которое когда-то было церковью во имя апостола Иакова Алфея¹. Здесь покоятся и его мощи. Ночь уже наступила и мы устраиваемся лагерем в поле. Жандармы по очереди всю ночь стоят на страже. Никого близко не подпускают. На следующий день продолжаем наш в путь в том же направлении. Плоская равнина и никаких трудностей, погода ясная, не холодно. Спокойно движемся вперед, нет ни спешащих, пытающихся от страха пройти вперед, и нет волнующихся отстающих. С курдских сел приносят разного рода пищевые продукты. Из Суруча в Ракку есть прямой короткий путь. Шагом местных жителей его можно пройти за три дня. Но эта дорога безводная. И весь этот народ должен томиться жаждой. Путь, по которому нас повели, хоть и длинный, но воды предостаточно. Довольно далеко на горизонте на большом расстоянии видим воду. На минуту обманываемся, приняв ее за Евфрат. Но затем догадываемся, что это большое озеро. Над этими водами нам показывают Верин-Шехир,

Агджа-Калэ. На четвертый день мы устраиваем стоянку в конце нижней части этого большого озера. Вода вкусная. Здесь видно много холмов. Отсюда первоначально проходило много караванов, и их покойники похоронены здесь. Из наших соотечественников внуки Пашапартеза Пампучи Палика – Айказун, младший брат и сестра тяжело больны, не смогли дальше продолжить дорогу. Дали знать об этом командиру жандармов. Он оставил этих детей в одной курдской деревне у сельского старейшины. И попросил хорошо присматривать за ними. На обратном пути он должен был их взять с собой. Но мы не узнали ничего об их дальнейшей судьбе. По прибытии в Алеппо я спрашивал о них у пришедших сюда беженцев, они не имели никаких сведений. Брат матери этих детей Гэорг Одабашян был геодезистом по рудникам, в Баку работал в производстве Манташянов. Был учеником Айказуна Санасаряна. Здесь, на этой стоянке, мы пережили страхи. Пришла группа жандармов к нам на стоянку и сказала, что ночь жандармы проведут у нас. Мы стали подозревать, что наверное они должны забрать мужчин, как об этом говорили в Суруче. Но ничего такого не произошло. Отсюда начинается та горная цепь, которая окаймляет обширную панораму Суруча с юга-востока. С этой горной черты туда начинаются земли, заселенные арабами. Отныне мы будем устраивать свои стоянки в арабских селах. Проходим через теснины гор, дороги довольно трудные. Жандармы постоянно проявляют особую заботливость, уставших сажают на своих лошадей, или на свободных ослов. Очень хорошо обращаются с нами, время от времени устраивают отдых, и для того, чтобы развеселить народ, сопровождающим нас курдам велят танцевать, петь курдские песни. Радостные возгласы вместе с залпами жандармов сотрясают воздух. Эрзерумские старейшины хорошо заботятся о питании жандармов. На каждой стоянке – мясной обед. Жирный плов из блгура, чай. Командир жандармов Риза-бей пьет хорошую водку. На пятый день мы устраиваем стоянку в первом арабском селе, у подножья огромного искусственного холма. Этот холм был могилой отца Абраама, значительно выше находится Харран, место скитальчества Абраама. Здесь впервые мы видим араба с хитрыми-яркими и острыми недоверчивыми глазами, смуглого, худощавого, бледное лицо обрамлено редкой бородой, со свисающими со лба и скул дикими длинными-длинными косами, которые добавляют уродство к лицу. Покрывающий голову черный пош-пла-

ток обрамлен тонким акилом, на нем мешлаг-зипун, ноги босые, без штанов, жилистый, с одного бока висит кривая сабля, рука неразлучно находится на коротком курзе, один конец короткий, железный или оловянный, а иногда кончается каменным шаром, заткнутым за пояс со стороны спины – одна сторона тупая, другая сторона согнутая – керч топор (чекичы). Дубинка и топор являются его постоянным оружием, подобно жалу скорпиона, готового ужалить.

Женщину арабку также здесь впервые видим: лицо татуировано, но нижняя губа выкрашена в темносиний цвет, что также дополняет уродство лица. «От сажи избавились, упали в черную смолу». С курдами расстались, и после этого должны иметь дело с арабами – должны жить. Они нас не понимают, мы – их. Когда нас выселяли, турки со злорадством говорили: «Мы вас пошлем к арабам с открытым задом». Наверху виднеется Харран. Лагерь черных шатров, в поле пасется множество стад. И подумать только, что со дней Абраама по сей день, через 30 столетий эти люди сохранили свой первозданный образ жизни, ни шага вперед не сделали. Чтобы понять библейских патриархов и, в частности, праотца этих алеви-ликов арабов, порождений осквернителей пустыни, Отца Авраама, прославившегося своим гостеприимством, какой первобытной патриархальной жизнью бесштанников жили, будущим исследователям достаточно совершить один обход туриста в эту среду, и они получают довольно точное представление о жизни в древнейшую эпоху.

Должен сказать, что до сих пор мы шли по направлению железной дороги Багдада. С этой деревни издали видна станция Талапийэти со своими белыми зданиями. Немецкий директор станции вместе с двумя алеппскими девушками пришли на стоянку делать покупки, говорят по-французски. Их сопровождает Левон Карагашян. Они купили много украшений, очень скупо платили, а те пришли продавать, чтобы раздобыть деньги на поминки, а они как черные вороны пришли подбирать с дороги упавшую вещь. Господин Левон Карагашян с этим чиновником завел разговор о нашей депортации. И тот ответил, что для народа, который был неверен своему правительству, этого еще очень мало. Так и хочется сказать, что турок ест грязь, а они облизывают его рот.

КУРДЫ-АРМЯНЕ. – Забыл сказать, что это было во время второй или третьей нашей стоянки. Привели смешанные с нашим караваном 2-3

армяно-курдских семьи. Около 15-ти человек. Они были из соседних Суручу сел. Во время резни 95-го года они приняли ислам и благодаря этому остались. Но исламизация за столько лет не принесла им пользы. Их также выселили. Армянство и армянский свет мирры с тех пор капает с их лица. Как можно их сравнить с виденными нами с волчьими головами курдами, их, этих жалких несчастных людей? На краю каравана они также провели ночь. С нами они совершенно не общались. На следующей стоянке их не видно было. Что с ними стало, куда они делись, не знаем? Видимо знакомые курды их взяли к себе.

Отсюда продолжаем наш путь. От Суруча до этого места в дороге мы все время беседовали с Левоном Карагашяном, с Саргисом Манукяном и не почувствовали усталости и дальности дороги. Темой наших бесед были национально-политические события прошлого и настоящего. Мы пришли к заключению о справедливости известной поговорки о том, что «армяне задним умом крепки».

Саргис Манукян доверительно сообщает мне, что как только мы окажемся в Ракке, он должен найти способ переехать в Алеппо, и что немецкому консулу должен представить документ о выселении армян Эрзерума и мне поручил подготовить такой же документ о выселении из Себастии. И я уже стал думать над этим.

Перед нашим взором предстали необъятные пустыни Месопотамии. Смотри, сколько может охватить глаз до простирающегося горизонта: земля селитровая, пески. Абсолютно не обработанная. Одни тернии и колючки. На определенном расстоянии друг от друга попадаются искусственные холмы как высоты.

Каждый раз, когда мы приближаемся к какому-нибудь арабскому селу, жандармы 15-20 раз разряжают ружья. Когда мы проходим через село или мимо, не позволяют какому-нибудь арабу приблизиться к нам, что-нибудь стащить и вообще остерегаются всяких происшествий. Арабы, услышав звуки выстрелов, тут же разбегаются.

Арабские женщины не ленятся привозить на продажу хлеб, еду. Но как можно сравнить с этим тонкий, белый вкусный хлеб, испеченный курдом, его щедрость, дешевизну хлеба? И действительно, курдам жилось очень вольготно.

Идет легкий дождь, мы хорошенько промокли. К вечеру 31-го числа мы дошли до какой-то арабской деревни. Жандармы раньше нас спешат в

Главари возвращаются на стоянку и, после составления своего списка, составляют также списки беженцев Малой Армении и суручских местных армян, не сообщив, однако, этим последним, почему, с какой целью они составляют эти списки. Списки они несут передают каймакаму, который открыто требует 500 золотых османских монет только от эрзерумцев. Они эту сумму делят лишь на своих и собирают. Мы, остальные, понимаем, что главари эрзерумцев нас перехитрили.

Главари суручских армян идут в Ракку, обращаются к каймакаму и муфтию, говорят о своей исламизации, ранее данным муфтием обещании оставить их в Ракке, и выказывают готовность дать по 20 золотых с дома. Однако каймакам решительно отказывает им в поселении их в Ракке. Некоторые из суручских армян и из себастийцев¹⁸⁵ Гыргэйерян Воскан, Кюрегян Маттеос, Затикян Трдат, Мехтерян Мкаэл, подкупив жандармачавуша, ночью перебираются в Ракку.

Главы эрзерумцев о случившемся сообщили каймакаму, который распорядился найти и арестовать их, и после нескольких дней заключения вывел их из тюрьмы и перевел их с семьями на противоположную сторону. В тот же день на стенах домов Ракки был развешан официальный документ, где говорилось о том, что беженцы, вступающие в пределы Ракки без вэсики, будут арестованы и преданы смерти.

Был восьмой день. Эрзерумцы собрали 500 золотых и закончили. Мы себастийцы пошли к их главарям. Пали к их ногам, молили их, призывали вспомнить их национальные чувства, не исключать нас из списка и смешать с ними. Сказали, что это невозможно. Взяв 500 золотых с другими ценными подарками сдали каймакаму. На стоянку прибыл особый служащий, поставил эрзерумцев в одну сторону, беженцев из Малой Армении и суручцев – по другую. Многие из наших как эрзерумцы перешли на ту сторону. Главы эрзерумцев по одному указали на них жандармам, и те, хватая их, с побоями и унижением выталкивали из рядов эрзерумцев.

До этого я уже был занят собой. Побегал к Саргису Манукяну, Левону Карагашяну и попросил их из солидарности распорядиться относительно меня и включить в свои списки. Один из соглядатаев эрзерумцев заметил меня и хотел вывести, но Карагашян запретил ему это делать.

Эрзерумцы погрузились и вступили в Ракку. Жандармы окружили остальных. Погрузили беженцев в лодки и перевели на противоположную сторону, через несколько дней угнали в Дер-Зор.

Из них 128 человек были себастийцами, остальные из – Тохата, Амасии, Самсуна, Пафры, Никисара и Суруча – около четырехсот человек.

Среди себастийцев было довольно много мужчин. Кроме вышеупомянутых, – Арменак Чугасян, мастер Ташчи Мато, сын Ланчорапа, Гонджглохенц Аршак, брат Чэтэнечи Татоса, его сын Петрос, два секретаря из Предводительства, Ваган Одабашян и др.

До чудовищной резни Дер-Зора мы с ними переписывались. Они писали, что устроились вокруг Армяно-Католической церкви, и что настоятель церкви проявляет к ним большое внимание. И вдруг неожиданно переписка прервалась. Ни один себастиец не спасся от этой чудовищной резни. Так из 300 000 армянства, рассеянного и погибшего в бурях крови, меча, огня, эта выжившая пригоршня стала жертвой бессердечных главарей эрзерумцев.

Жаль, тысячи раз жаль, что эрзерумское армянство прославилось среди армянских провинций своим именем! Жаль, что подобное заведение как Саанасарьяновское училище более 35 лет просуществовало среди них. От Суруча до этих мест я наблюдал за ними, ничем они не соответствовали имени и славе, которую завоевали. Вообще, они грубые, с курдским нравом, наглые, колючие люди.

И сами они признавались, когда речь заходила об их отрицательных чертах характера, они оправдывались, говоря: «Брат, мы не виноваты, так чертах характера, они оправдывались, говоря: «Брат, мы не виноваты, так как наших лучших забрали и остались дурные». И почему удивляться тому, что так они поступили с армянами Малой Армении, тогда как они подобным же образом поступали друг с другом. Эфенди Карапет ценой крови своих единоверцев и соотечественников, католических вардапетов крови своих единоверцев и соотечественников, католических вардапетов кармрукцев и жителей Кармрука, и с помощью тысяч золотых на горе Зейнал спас свою шкуру и удостоился имени Второго Зейнала кармрукцев. Зейнал спас свою шкуру и удостоился имени Второго Зейнала кармрукцев. Пресловутый Фрэнк-Ако, идя впереди Зейнала и Хаджи-Пэтри показывал им богатых интеллигентов и над этими своими соотечественниками был назначен охранником, когда их вели на бойню, за одну золотую монету давал им чашу воды, бегал к их женам, говорил «дайте по 5 золотых, чтобы дать Зейналу и освободить ваших мужей», и присваивал это иудино

¹⁸⁵ Эти себастийцы дали ему 50 золотых. Когда их поймали и угнали, их деньги также пропали (Г).

серебро. Читатель видел, что от Себастии до Суруча караваны Малой Армении в основном состояли из себастийцев и именовались Сваз-Парханас. Пленившие нас постоянно нападали на себастийцев и штрафы постоянно платили себастийцы, и ни один из дней, вопреки этим невыносимым, неопишущим ударам, себастиец не бросил находившихся с ними других граждан. И вместо них, всегда сам страдал. И от Суруча до Ракки, когда караван из-за многочисленности эрзерумцев носил их имя, такая незначительная защита в Ракке себастийцев и беженцев Малой Армении не была бы для них каким-то трудным делом, и они не должны были допустить, чтоб их погнали во всепоглощающую бойню забвения... Но оставим, пусть каждый человек сам отвечает за свои деяния. Но тем не менее было бы несправедливо оставить незамеченным наделенных большими добродетелями таких людей, как Манукян, Карагашян, Корхмазян, Закарян.

Тем или иным способом в Ракку смогло попасть довольно большое количество себастийцев, в числе них: Кябабчи Хаджи Симоненк, Габикян Хаджи Манукенк, Тер-Габриэлян Нерсес, Седрак Киракосян и несколько других юношей и женщин, в качестве докторов и аптекарей: самсунец Арутюн Пагалян, амасиец Трдат Дарбинян со своими семьями, а также некоторые суручские армяне со своими семьями.

Среди посланных в Дер-Зор – Арменака Чугасяна 24-х лет, выпускника Национальной школы Арамян, уже пять лет учительствовал в той же школе. Он подавал надежды быть хорошим писателем. Был корреспондентом «Кохак»-а, «Нор Ашхар»-а. В некоторых календарях у него были рассказы из сельской жизни. Его одно произведение – «Себастийская армянская женщина», в 1914 г. представленная Измирской литературной комиссии, была оценена как достойное премии произведение. Его жена Айкуи-Элмас также была учительницей. Последний раз я виделся на берегу реки с Арменаком Чугасяном – учителем, учеником, сослуживцем, товарищем по гнчакской партии, и более всего этого – человеком, с которым был связан крепкой любовью как другом по страданиям. Мы расстались друг с другом с безмерной скорбью, долго длилось наше расставание.

Еле спасшись, я также должен вступить в Ракку. На берег реки приходит и находит меня из наших учеников юноша по имени Апталян

Борг, из селения Камис. Очень обрадовался увидев меня. Его усыновил некий араб, он пришел на берег реки за водой.

Как знающего местность человека прошу найти мне место. Он сопровождает меня в дом, в котором жил сам. Я снимаю комнату и устраиваюсь там.

32

РАККА

В детстве, зачарованный Венецианским Армянским Атласом, я много раз чертил, отмечал названия многолюдных и цветущих провинций, краев, районов, прекрасных городов, благоустроенных и плодородных поселений и деревень Великой Армении. И после этого мой очерк доходил и останавливался на имени Никеферион-Каллиникос-Ракка на берегу Евфрата, выше места слияния Плех-Белик-Пэолик. И я впадал в сомнения, на самом ли деле, что здесь в глубине пустыни мог быть город? И кто мог бы подумать, что там я должен жить в течение двух лет жизнью ссыльного. И поскольку, в кровавой летописи армянского беженства многие не приметные, небросающиеся в глаза места стали значительными из-за происшедших там смертельно-чудовищных событий, и о Ракке, которой предназначено было стать одним из пристанищ Армянского беженства, прежде чем говорить о происшедших там событиях, позволено будет мне немного рассказать о его топографии.

От широкого устья реки в три-четверти часа ходьбы по суше вглубь на высоком просторном нагорьи с востока на запад протянулся поселок в 3 000 домов. Вид его со стороны реки очень приятный и красивый с его полуразрушенными земляными ограждениями, с полуразрушенными, покрытыми черепицей башнями, разнообразием домов, создающих впечатление приморского города. Со стороны реки, у главного входа в город, после стоящих друг против друга магазинов, начинается собственно рынок, по всей протяженности поселка с обеих сторон тянутся примерно 200 лавок и несколько постоянных дворов. С середины рынка немного в углублении расположено правительственное здание, которое первоначально было очень непритязательным ханом. За правительственным зданием на

большой площади находится мечеть Гамидие, с керамическим огромным куполом и минаретом. Это единственное украшение города, которое было построено по повелению красного султана, и получившее его недоброй памяти имя. На эту площадь выходят улицы, довольно ровные, ладные. Этажей домов мало, в основном одноэтажные. На просторном дворе с бассейном с четырех сторон – комнаты, в арабском вкусе и стилем, ладные, с арочными дверьми, окнами, над дверью главной комнаты – один этаж, лобовая арка двери конической формы, суживающаяся кверху. Для строительства домов использован обожженный кирпич. Его в изобилии извлекают из развалин Древней Ракки. Как скрепляющий материал используют особую красную землю, своего рода цемент. Эту красную землю сыплют на землю, покрывают ее овечьим пометом, несколько дней обжигают и она становится цементом. В середине двора имеется колодец, очень глубокая селитрово-соленая вода, используется для хозяйственных нужд. Воду для стирки, обеда привозят на ослах.

Ракку можно назвать керамическим городом. Западная часть города маленькой поляной отделяется от квартала черкесских беженцев – Чэркэс-Магаллэса. Здесь также дома одноэтажные, но более красивые, оформленные, в них много воздуха, улицы правильной формы. Здесь живут беженцы, пришедшие сюда 20 лет тому назад с Кавказа и поселившиеся здесь по попечительству султана Гаида. Перед городом устье шириной в час-полтора ходьбы и до десяти метров в длину ровные друнки¹⁸⁶. Также, как образовавшиеся в Евфрате острова – гапиз, все это затопляется водой. Вода подходит до самой Ракки и превращается в целое море. Когда вода отходит, начинают обрабатывать, сеять белое просо – турра, арбуз, дыню, баклажаны, бамию, красные помидоры, слик¹⁸⁷, бобы, горох, чечевицу,

огурцы, хыдла – мелкие огурцы, ачур¹⁸⁸, редиску, репу, тыкву и пр. Все это для удовлетворения нужд местного населения, вывоза не было. Иногда, особенно в те годы, когда Евфрат недостаточно наполнялся, друнк оставались необработанными. Но наверно на Евфрате можно было установить водяные весы и орошать эти друнки в нужное время и Ракке доставлять достаточное количество воды. Но... «человек обрабатывает землю», – ... говорит Св. Дамниан¹.

На берегу Евфрата огороды и плодовые сады. Их орошают первобытным способом, с помощью водяных колес, поставленных на широких колодцах. Из фруктовых деревьев имеются абрикосы, миндаль, персики, айва, инжир. Воздух умеренно влажный, здоровый, дсна приятная, лето хотя и теплое, но не душающее жаркое, зимой почти не выпадает снег, дожди начинаются в декабре и все кругом покрывается зеленью. В мае все уже высыхает. За Раккой обожженные, выгоревшие степи, там царит смерть пустыни. Летом на берегу реки бывает очень холодно, смешанная с песком буря столбом поднимается вверх, воздух обьет песчаной пылью. Матутаг-солодка – пиан regliss ездесь, на берегах Евфрата обильно растет. Его стебель – сус используют как топливо. Из корней готовят местный прохладительный напиток сус, национальный напиток арабских стран, их пиво.

Американская компания – Пиан гумбаниас – здесь имеет филиал, который вывозит корень в Америку. Многолетними стеблями матутака покрывают кровли, связывая в снопы. В садах строят летние хижины. Пшеницу, овес косят в мае, собирают дурран, поспевающий осенью.

САРАНЧА. – В Месопотамии очагом саранчи, самого ужасного врага и истребителя пашен и проросших ростков, является Ракка. Отложенное яичко саранчи имеет почти величину семечек пальмы. В огородах она не так глубоко бывает зарыта в земле и содержит 30-50 похожих на рис белых яичка. В середине января, когда солнце начинает согревать землю, из яичка выходят гусеницы, через короткое время они видоизменяются, у них появляются крылья, они становятся величиной в муху и еще не могут летать, они покрывают поверхность огородов, полей, двигаются мелкими прыжками, а в феврале, превратившись в простую стрекозу, летят коли-

¹⁸⁶ На наречии жителей долины Галиса Друнк называются дуга вокруг Галиса, которые с весенним половодием ею омываются. Пшеница Друнк-ов, овес очень известны, отменны и обильны даже в засушливые годы. Так что вошло в поговорку: «Аллай вэрмэз сэ друнк вэрир» (если Аллах не даст, то даст друнк). Известны друнк сел Камис и Ковтун. Не слово ли Դրնիւ Դրնիւ? Естественно, что земли берегов реки ни во всех местах затопляются водой – верхняя часть этих друнков в сторону реки настолько опускается, что вода поднимаясь к этому устью, как через двери вливается внутрь и затопляет пустыню. Следовательно, слово Դրնիւ может быть множественным числом слова դրնի. Исследование слова оставляю лингвистам. Турки долины Галиса также, позаимствовав у армян, как показывает вышеприведенная турецкая пословица, используют это слово (Г).

¹⁸⁷ Слик (арм.) – мелкая неизвестная рыбешка.

¹⁸⁸ Ачур (арм.) – сорт огурцов. По Ачаряну турецкие огурцы (Cucumis Cate). Согласно Малхасянцу ароматная маленькая дыня, именуемая «шамам» (т 1, с. 54).

чеством, затмевающим солнце. В мае-июне, погоняемые особым ветром, они летят в сторону Евфрата и покрывают всю поверхность воды и вместе с волнами и течением уносятся бесследно. Для уничтожения саранчи правительство установило особый кредит. В январе-феврале оно выводит жителей города и сел на поля, огороды и луга. В тех местах, где имеются яички, земля немного разрыхлена. Местные жители знают эти места, они роют эти места на больших пространствах и собирают из земли яички. Все мужское население свыше 15-летнего возраста обязано собрать 1 с половиной оха яичек и сдать правительству или заплатить 25 курушей.

Второе уничтожение имеет место в феврале, когда они вылупились из яичек и как мухи покрыли всю поверхность земли. Люди роют ямы размером ноги, становятся кругом и движением платков или куска ткани загоняют их в эти ямы и те подпрыгивая идут и попадают туда. Стоящие над ямой люди быстро покрывают яму землей. Когда саранча начинает летать, ее уже уничтожить невозможно. Дикая ворона и другие птицы также их много уничтожают. Армянские беженцы имели большую долю в этих всеобъемлющих работах по уничтожению саранчи.

В годы депортации уничтожение саранчи стало паролем уничтожения армян в Отделе официальных объявлений турецких газет и, возможно, мало кто помимо турок понимал о чем речь. Когда о каком-нибудь армянонаселенном месте, или о той или иной части Месопотамии или Сирии объявлялось, что «уничтожение саранчи дало хорошие результаты, успешно завершилось», это просто значило, что армянство с этих мест выселено и уничтожено. Так было и при Гамиде, во время резни, когда о каком-нибудь городе, области просто объявлялось «**Все прекрасно**» (т), это означало – «здесь была резня».

НАСЕЛЕНИЕ. – Население Ракки – арабы Шафи. При султане Гамиде, когда Ракка стала маленькой областью, чтобы ее обустроить, прибавить население и превратить в торговый и правительственный центр для многочисленных окружающих ее арабских деревень и племен, и приучить живущие в палатках племена к оседлой жизни, населению и, в частности, эшрафской прослойке предоставлены были кое-какие привилегии – с целью обработки земли им давали обширные земли, их почти полностью освобождали от воинской службы, десятина и другие подати носили формальный характер. Эшрафы имели большое влияние на правительство

и народ. Для того, чтобы нивелировать арабов сюда было привезено и поселено большое количество черкесов. Они пользуются теми же привилегиями. Главное занятие арабов на месте – торговля, отчасти содержание разных лавок. В то же время земледелие, огородничество, скотоводство. Но это все развито лишь в пределах удовлетворения местных нужд. Летом народ перебирается на берега Евфрата – в **Друнк** и живет в палатках. Ракка становится почти безлюдной. Помимо этих занятий арабы и черкесы обычно занимались раскопками Древней Ракки, и найденные дорогие древности везли продавать в Алеппо. Вообще они в основном заняты этим делом. И случается, что этим они зарабатывают огромные богатства. Несмотря на то, что государство в последнее время наложило запрет на раскопки, тем не менее они находят лазейки.

АРАБСКИЙ МУЖЧИНА ленив, слабодушен, не любит трудиться. Особенно летом он спит. Арабы шафи высокого роста, костлявые, жилистые, с развитыми мышцами, крепким строением. Высоту голени как-будто они взяли взаймы у верблюдов, подошва голы ноги, пятка, сожженная песком, покрыта наростом, подобно ногам верблюда она затвердела и покрылась шерстью. Часто я видел арабов, которые приходили к сапожнику, ставили перед ним свои ноги, чтобы он зашил эти щели. Сапожник продевал шило, как вводят его в плотную кожу и присоединял края щели друг к другу. Вообще они смуглые, черные волосы головы, заплетенные в косы, идут ниже скулы, свисают со лба, добавляя уродство, дикий вид сожженному солнцем лицу. Черные глаза со стреловидными густыми бровями раскрывают хитрую недоверчивую воровскую душу араба. Араб мало смеется, улыбка ему почти незнакома, такой он мрачный. Обрамленный акилом черный пош¹⁸⁹ спускается до надбровий и закрывает затылок. Во время песчаных бурь араб концами поша прикрывает лицо до глаз. Наряд с верха до низу – это зипун, надетый как сорочка, а поверх этого машлаг. Араб-сельчанин особенно неопрятен. Не знает, что такое умывание. За столом ему вилкой и ножом служат его пять братьев – пальцы, и после еды, вставая со стола, он свои жирные пальцы вытирает о бока. Они очень брезгливы. Голову моют мочой верблюда, чтобы не зашиветь. Согласно пророку Иезекиилю, верблюжегубый косноязычный

¹⁸⁹ Пош – головной платок.

народ. Богатый араб, однако, хорошо и чисто одевается: летом на белую шегольскую рубашку надевает шелковый, отделанный золотой нитью машлаг, блестящее кэфиз на голове, обвязанное акилом, на ногах пот и шерстяные носки, при нем всегда сзади, продетая за обвязанный пояс, секира, а также палица с короткой ручкой с шаровидным железным или каменным наконечником, которую он держит наготове как жало на хвосте скорпиона. В дороге его неразлучными друзьями являются стальная кривая сабля и арабское ружье. Воровство обычное дело и грабеж-газуэ – законное. Араб грабит, но не убивает. За убийство почти никогда не обращаются к правительству. Родственники обязаны за убийство убить убийцу или его ближайших родственников, наконец кого-нибудь из его племени. Очень часто они договариваются друг с другом, платят цену крови убитого. Тогда публично объявляют, что между их семьями вражда прекращена. И на самом деле, после этого вражда прекращается и они не преследуют друг друга.

АРАБСКАЯ ЖЕНЩИНА также высокого роста, жилистая, мускулистая, но с тонкими чертами лица. Тело темного цвета, как копченное мясо, рукава подвернуты до локтей и выше. Огрубевшие нагие ноги покрыты волосами, отвердели подобно подошвам верблюдов. Крепкие и крупные непокорные груди черного цвета, сочные, висят как два холма с крепкими сосцами, иногда выскальзывая из прорехи рубашки. Нижняя губа, подбородок, по обе стороны клыков и середина лба татуированы загадочными узорами, в основном в виде светильника. Также с передней стороны ног до груди, в середине грудей и сзади до спины снизу доверху, как и наружные стороны рук и до плеч татуированы разными картинками и символами. На ней сверху донизу накинута синяя зипун, как рубашка, поверх этого накидка. Раккская арабка несколько мельче и более щеголевата. Одежда у нее как-будто взята у ласточки. На ней нарядное, спускающееся до туфель, из алеппской шелковой блестящей ткани черное набивное золотой нитью пальто, подол которого, как у крыльев ласточки откинут назад, — длинные рукава связаны и брошены на плечи. на голове шелковое златотканное кэфиз, шпильки¹⁹⁰. Кудрявые волосы небрежно со щек спускаются вниз, на запястьях у нее золотые украшения, монисты,

руки обвивают серебряные браслеты, на пальцах золотые кольца. Вместе со всем этим она босая. Арабская женщина подвижна, гибка, быстронога, походка величава, равномерна, голова всегда приподнята, у нее хорошая осанка, поступь горделивая, речь ласковая, убедительная, краткая и решительная, движения рук плавные, естественные, и в меру артистичные, лицо выразительное. Так что она этими своими достоинствами могла бы соперничать с любой американкой. Она трудолюбива и вынослива. На ней лежат все семейные заботы: шитье, пряжа, она искусно вяжет из козьего пуха. Большую посуду для воды, мацони, тяжелые кувшины для молока она часами несет на голове, не пролив ни капли. Переплывает большую реку Эльман спокойно, не паникуя, как-будто грациозно ходит, она участвует в земледельческих работах, связывает колосья матутака. С грузом одной телеги справляется одна, укладывая и привязывая его. Как верблюд, став на колени, она грузит на спину колосья и часами со своего места приносит в город продавать. Арабская женщина не злопамятна, не коварна, ее отношение к людям прямое и сердечно-искреннее. Араб вынослив как верблюд. Один раз пообедав, он может в течение 24-х часов ничего не есть. Арабская женщина встает рано утром, по количеству членов семьи жерновом мелет муку, на садже из нее печет тонкий хлеб. Каждому человеку раздает по два хлеба. В Ракке нет мельниц. Муку мелют жерновом. Национальный хлеб араба тармус. Из белой просяной муки замешивают крепкое тесто. Разводят хороший огонь, крупный кусок теста шаровидной формы растягивают на раскаленные булжники, покрывают его саджем и пекут на золе, низ хорошо печется, краснеет, снимают и горячими едят. Из других блюд можно упомянуть асите-хасута, в котле закипает вода, всыпают туда муку, размешивают ложкой, когда густеет — из сваренного теста делают маленькие шарики и едят. Плов из блгура, как и каша из проса относятся к главным блюдам араба. К нему относятся с большим почтением, предупредительностью, во всем первенство всегда дается ему. Подымаясь по лестницам мужчина всегда идет впереди. Арабский ребенок растет на спине матери, его колыбель, висящий на спине матери длинный мешок.

Вокруг Ракки имеется множество арабских сел. Это также целые группы черных палаток. У Евфрата они оседают на местах пастбищ, не перемещаясь с места на место, они оседлые. Эназэны, — о них разговор

¹⁹⁰ Шпильки – в арм. մազկալ (с.425) – մազկալ – зажим.

будет отдельный, — это бедуины-кочевники. Весной они приходят со своими многочисленными стадами, верблюдами, домашними животными к берегам Евфрата и доходят до Урфы.

33

ДРЕВНЯЯ РАККА

За новым городом на северной стороне на большом пространстве полностью разрушенные, погребенные в земле развалины являются пристанищем шакалов, сов, скорпионов, крупных змей. Еще выступают из под земли полуразрушенные стены, толщиной в 4-5 метров, одна стена старого дворца в 15 метров высоты с арабскими письменами на фронте главной двери, смотровая башня в 60 метров, с зубчатыми краями. На ней туристы, в основном немцы, карандашом или чернилами оставили свои имена и год посещения. Рядом с ними и я написал свое имя 27-го марта 1916-го года, когда мы ходили на обязательную поденщину по уничтожению саранчи. И еще развалины другого полуразрушенного дворца, восточная сторона которого Багдад-Габуси стоит в сохранности с большой башней. Рядом — холм из золы, угля и других разрушенных материалов. Древнюю и Новую Ракку можно назвать керамическим городом.

Из-за земляной ограды виднеется ров. Он был довольно глубоким и широким. Во время осады его наполняли водой. По ту сторону рва двойные стены, построенные также из кирпича, теперь разрушенные. Все эти развалины служат каменоломней, или, вернее, кирпичеломней. В поле разрыты тысячи ям для добывания кирпича, поисков древностей. Из найденных древностей очень ценятся арабские фаянсовые сосуды, знаменитый китайский фарфор. Ценятся и пользуются большим спросом блюда, блюдечки, кубки, кувшины, стеклянные бутылки, стаканы и другие разноцветно разукрашенные сосуды. Жители Ракки эти щиты используют для фронтонов двери главного отделения дома. Здесь находили также золотые украшения, которые нам не довелось увидеть. Эти древности везут и продают в Алеппо. Я видел древние монеты, относящиеся ко времени Багдадского халифата и владычества сельджуков. Мне попались на глаза также монеты, приписываемые Абгару. Одну из них я приобрел. Видел я драгоценный камень, состоящий из двух частей, на одной была рыба,

представлявшая Евфрат, на другой — скорпион — суша. Следует сказать, что черный скорпион Ракки известен. Эти рисунки, как мне кажется, скопированы из очень маленьких рукописей и являются образцами Ассирийских древностей. Местные жители говорят, что Ракка была летней резиденцией Гаруна-ал-Рашида¹. Мироразрушитель Тамерлан до осования разрушил ее. В «Хронике» Михаила Сирина много раз упоминается Ракка. Он даже говорит о том, что там были монастыри и духовные общины.

Из этих сообщений важным является сведение о том, что при персидском царе Хосрове² «для объединения армян с сирийцами... в Калинин, т.е. в Ракке был созван собор». Вместе с другими важными городами Месопотамии Ракка попеременно переходила из рук в руки Римской империи, Урфинской Армении, персов, греков, халифов Багдада, Египетских султанов.

34

РАККА — МЕСТО ПОСЕЛЕНИЯ АРМЯНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ

Прежде чем перейти к этому вопросу, следует сказать, что здесь было обосновано 7-8 домов урфинских армян. Их мужчин собрали, арестовали и под предлогом отправки в Урфу как-то ночью повели ко рвам Древней Ракки, убили и зарыли, на дороге оставили лишь трупы двух убитых. Жандармы, которые увели их, возвратившись сообщили, что на дороге все решили бежать, двое были убиты, а другим удалось бежать в Себастию. То же самое они сказали относительно взятых беженцев из деревень, в частности из Гочасара, группу арестованных вывели на дорогу Сваза, по дороге часть их убили, сказав, что пытались бежать, лишь малую часть привели в город, а через несколько дней из тюрем отправили на бойню.

Не забудем сказать, что Ракка является каймакаместом, связанным с Урфинским мутасаррифством. В эти времена Урфа была самостоятельным, отделенным от Алеппо санджаком. По решению Министерства внутренних дел и по султанскому иратэ¹⁹¹ Ракку было решено сделать местом **Временного проживания армянских беженцев**. И дан был

¹⁹¹ Иратэ (irate) — указ.

приказ временно поселить там 20 000 беженцев. Первыми дошедшими туда /в сентябре 1915 года/ были 120 переселенцев из Зары и сел Алакилисэ, Кархат, Карабогаз, которые через Урфу пришли в Ракку. Это были все женщины и с ними 8-10 юношей. Правительство хорошо заботилось о них: отняв у них их собственных вьючных животных, оно им систематически выдавало в качестве пособия хлеб, сырое съестное. Каймакам, молодой человек из Алеппо, по имени Фейми, взял в свой гарем красавицу невесту Мануш из большого рода Чопанянов из Зары. После жителей Зары до Ракки дошло 8-10 человек из Ганкала, затем довольно большое число езниханцев из Котна, Гочасара, из Камиса и других сел, все женщины.

Служащий общественной службы эфенди Тигран из Алеппо, молодой человек, патриот, первым протянул руку помощи этим беженцам, очень помог им материально и морально защищал их. Но, к сожалению, его жизнь была короткой, он умер от тифа.

Более этих жалких остатков огромного количества населения Малой Армении, привилегию вступления в Ракку и поселения там получили толпы беженцев, идущих из Фракии, Вифинии и Малой Азии. Молодой каймакам и из местных эшрафов сэвг-мэмури господин Апит, как из золотого рудника, воспользовавшись императорским указом, взымали огромные суммы золотом как плату за въезд в Ракку.

Идущие в Ракку по дороге Алеппо-Мэскенэ-Амам беженцы, дойдя до Шамиэ¹⁹², напротив Ракки, устраивают там стоянку на несколько дней. Каймакам и Ага Апет ежедневно идут туда и, дающим по 5-10 золотых за человека, избранно переводят в Ракку, остальных гонят в Дер-Зор.

Точно также они поступили с нашим караваном, в то же время взяв с эрзерумцев 500 золотых и другие подарки за переселение в Ракку. Когда мы вступили в Ракку, там уже было 15 000 беженцев – из Родосты, Малкары, Эдирнэ, Измит-Адабазар-Партизак-Пруса-Пилэчик-Этинчик-Пергам-Эскишэхир-Анкара-Кония-Спарта-Пуртур-Сиврихисар-Невшэхир-Езкат-Кесария-Эвэрэк-Томарза-Мараш-Айнтап-Бирэджик-Адана-Хаджи-Антиохия-Кесап-Тэорт-Еол-Гатэмуни – и других соседних с этими упомянутыми городами городов, поселков и деревень.

¹⁹² Арабы Месопотамии называют Эльджэзирэ, а земли, лежащие по другому берегу Евфрата, в сторону пустыни – Шамиэ (Г).

ХОРОШИЙ ПРИЕМ, ОКАЗАННЫЙ МЕСТНЫМИ АРАБАМИ АРМЯНСКИМ БЕЖЕНЦАМ. – Людей, в данном случае арабов, сколь бы ни были они далеки по роду, языку, вере, нравам и бытом, сближают материальные взаимные интересы.

Местный араб эшраф имеет большое влияние на народ и правительство. Как эшраф, так и народ, оказывают хороший прием армянским беженцам. И даже в самых трудных и тяжелых обстоятельствах они не ленятся взять их под защиту. Так что из выселенных в Месопотамию, Дер-Зор и арабские пустыни армян массами выжили лишь армянские беженцы Ракки. Здесь сыграли роль как человеколюбие, так и, даже более того, материальные интересы.

Местные жители имели много выгод от армянских беженцев: 1. Предоставляя свои дома и магазины, арабы вместо обычных 2-х-3-х меджитов годовой платы получали 1-2-3 золотых монет за месяц; 2. Беженцу, как потребительской прослойке, местные промышленные или сельскохозяйственные продукты по сравнению с другими годами, продавались намного дороже; 3. Армяне, будучи прирожденными ремесленниками и торговцами, очень способствовали развитию торговли, купечества, ремеслам. В обычное время летом на рынке можно было увидеть едва два-три человека, а по углам грабили людей. Появление беженцев внесло очень большое оживление на рынке, началась бойкая торговля, за день продавалось много товаров. На рынке было многоязычие. От этого больше всего пользы извлекали арабы-купцы, так как они являлись перевозчиками больших грузов из Алеппо, Урфы. 4. Армянский ремесленник облегчил, улучшил жесточеские условия его жизни. 5. Армянские беженцы, постепенно стесняемые условиями жизни, ежедневно выносили на продажу из своих запасов готовую одежду: дорогие свадебные наряды, предметы домашнего обихода, имущество, домашние украшения, дорогие золотые-серебряные украшения, покрывала, скатерти, жемчуга, одеяла, постели, ковры и пр. и пр.

Каждый день на рынке открывался большой базар, и покупателями всего были арабы. Все по очень дешевой цене. Простые арабы покупали для своих повседневных нужд. Имущий араб, купец, покупая, запасался, либо посылал в Алеппо и продавал одну вещь там в 5-10-15 раз дороже. Из Алеппо с целью воспользоваться этой богатой жатвой, по этому золотому поводу прибывали особо богатые купцы.

Переводчиком Алеппского Американского консульства был некий немецкий еврей, прибывший в Ракку для раздачи пособий. Он купил для себя дорогие жемчуга на несколько тысяч золотых. 6. Цена золота сильно пала, золотые часы, золотые цепочки и другие золотые украшения продавались за грамм золота, стоил 18-20 гурушей. Цена серебра была совсем низкой – один грамм стоил 5 пара. Жемчуга, алмазные кольца, жемчуг с ракушкой продавали за очень низкую цену. Золотые украшения – также очень дешево. Австрийское золотое украшение стоило 5 меджита. 7. Араб, не умевший отличить друг от друга бусы и жемчуг, алмаз от стекла, серебро от олова, золото от меди, стал утонченным, приобрел вкус, ощутил вкус роскоши, повесил на себя золотые часы с цепочкой, на все десять пальцев надел десять различных колец, стал употреблять серебряные табакерки, нога его увидела обувь. Они так преуспели в нарядах, в желании красиво одеваться, что не ставили разницы между женскими нарядами и мужскими. Можно было арабских мужчин, молодых людей видеть в женских кружевных сорочках, юбках, украшенных кружевами, блестящих нарядах из приданого, в куртках с пуговицами. И мы, смотря на них, себе под нос смеялись, не важно. Это своего рода была безобидная радость и прости-тельно было нам.

8. Армянский беженец, немного придя в себя, постепенно начал устанавливать отношения с оставшимися на месте или находившимися за границей родственниками, знакомыми, наконец, с одним из членов семьи и через них получать деньги. Таким образом в Ракку через почту, Земледельческий банк, через Администрацию общественной службы за неделю поступало 2000-3000 золотых. С другой стороны, стали поступать известные или вновь обретенные суммы пособий. Правительство иногда вместо тайна раздавало денежные пособия. Вот эти большие денежные пособия оказывались в карманах арабов. 9. Несмотря на то, что араб Ракки не имел столько поводов захвата и похищения армянок, как курды, но отчасти принудительно, отчасти под видом прислуги, в их гаремах оказалось довольно много армянок. Араб увидел исключительные, в каком-то смысле бесполезные, способности армянской женщины. 10. Наконец, арабы так или иначе были народом ограбленным, притесненным турками, сблизившись с армянами, они увидели, что турки представляли армян как прослойку, приносящую вред, но на самом деле они увидели, что армяне

не являются вражеским народом. А что это цивилизованный, бодрый, деятельный, предприимчивый, трудолюбивый, созидательный, зарабатывающий народ, заслуживающий сочувствия, сострадания, помощи.

Этой симпатии арабов к армянским беженцам, этому приему немало содействовали доброжелательность, искреннее отношение и защита трех друг друга сменивших каймакамов и некоторых турецких правительственных служащих.

По настоянию каймакама Тели-Факри и его преемника Али-Кемала армянство Ракки не было отправлено в Дер-Зор во время резни.

Когда стало необходимо на Евфрате построить воинские станции – ногта и начальники ногта приезжали в Ракку за армянскими ремесленниками, мастерами, рабочими, управляющими делами, и их отнимали друг у друга. Каймакам Али-Кемал взял на себя смелость и сказал им: «Если армяне были такими строителями и османское правительство так в них нуждалось, их ему недоставало, тогда почему, не раздумывая, оно так безжалостно их истребило, убило и подвергло преследованиям».

Черкесы Ракки оказали армянским беженцам тот же прием, проявили к ним ту же доброжелательность. Имущие армяне в основном у них снимали дома.

Вспомним из благожелательных к армянам арабских эшрафов мюдира Рэжи Абдуллу, эфенди Ибрагима-Халила. Его брата Мавуша, городского главу эфенди Хаттата. Из турецких чиновников мал-мюдира /алеппца/, мюдира Земледельческого банка Ньюфюс– Кеатипа, и немного начальника жандармов Джемала-Бека.

Но так или иначе раккцы также обагрили свои руки кровью армян резней 18-ти чанаг-галацийцев, и некоторыми другими убийствами. Хотя это отчасти можно считать действиями отдельных людей.

Армянское беженство Ракки можно уподобить огромному букету разнообразных цветов, в котором армянство многих мест имеет своего представителя, оно оставило свой запах и аромат на местах проживания. Но где бы ни был армянин, он в общих чертах своего портрета тот же армянин – торговец, ремесленник, деятельный, осмотрительный, созидательный, предприимчивый человек, находящий свой хлеб между двух камней, в то же время верующий, благочестивый, доброжелательный армянин. Раз обосновавшись и переселившись, отделавшись от дурных

предчувствий армянство в Ракке, скажем так, овладело площадью; на рынке господствуют одни армяне. Лавка, торговля все в их руках. Арабы торгуют оптом, армяне – в розницу. Кроме лавочников есть кузнецы, мясники, ювелиры, сапожники, медники, паяльщики, починщики обуви, портные, седельщики, каменщики, мебельщики, плотники, каменщики-строители домов, повара, булочники, мельники, хлебопеки, аптекари, доктора, женщины-вязальщицы шерстяных толстых носков, капертов, ковров. Из обосновавшихся в Ракке армян на месте оставили мастеров хлебопекарни Ованнеса Сасунци с его 12-15 подмастерьями из-за большой важности его ремесла. Правительственный заказ хлеба лежал на этом человеке.

АРМЯНЕ БИРЭДЖИКА среди беженцев армян находились в особом положении. Бирэджик-Апамия – или Берга на левом берегу Евфрата после Урфы у армянства Месопотамии по важности является вторым городом. Число армянского населения – 600 домов, большая часть туркоязычна. Как в других местах, так и здесь всех мужчин собрали, на месте арестовали. Под конец все приняли ислам и были отпущены. Одна часть осталась на месте, остальная была депортирована. Около 70-80-ти домов поселилось в Ракке. Они были суфи¹ мусульманами, на голове у них апания, поведением, нравами, бытом они более турок были турками. Еще не слыша зова Езана, они бежали в мечеть, со рвением делали взносы, выходя из джами, взяв в руки четки, бормоча молитвы и повернув лицо в сторону минарета, читали фатику¹⁹³, гладили лицо и бороду, и возглашали сэлав-молитву. А один из них, видимо, самый ревностный суфист, в пятницу поднимался на минарет и из Корана читал сэлу¹⁹⁴, пел эзан... трелями как райский соловей. Они почти с армянами не общались и даже относились к ним с некоторой укоризной.

Два брата Лазар и Арменак и старик священник не отступились от веры. Они имели довольно много образованных людей, в частности, одного учителя. Все были отуречены. В последнее время я встретил в Алеппо несколько человек из них, которые стали более ревностными армянами, чем я и ты. Братья являлись членами Национального союза Бирэджика и Армянского Благотворительного общества. Одного я спросил, что стало с

отуречиванием в Ракке, он замешкался и промолчал. Бирэджикцы также занимались торговлей.

Помимо лавочников, по обе стороны рынка снизу доверху сидели бирэджикцы, мелкие торговцы.

НЕМНОГО ФИЛОЛОГИИ.– Если было что-то, что отличало столько собравшихся армян друг от друга, это было их наречие, Каждый имел свое наречие: хаджнское, пуртурское, кесабское, антиохийское, пейланское, пергамское, сиври-хисарское, кеотайское, себастиийское, урфинское, харбердское, измит-атабазарское, партизакское и пр. и пр.

Начиная с себастиийского наречия из перечисленных последние были понятны друг другу. Для большей части, которая была из туркоязычных областей, языком общения, особенно на рынке, был турецкий. Я видел одно важное исследование Р. Ачаряна об Армянском словаре диалектов, но слышать живое наречие, которым говорит народ, другое дело. Здесь было бы уместно написать исследование, но я не смог ничего записать, у меня в памяти остались лишь отдельные фрагменты.

С помощью отдельных характерных слов каждого наречия оценивается принадлежность языка говорящего к тому или иному диалекту. Хаджнцы говорят *լիշքով-լիզգովճի*. Самая бросающаяся в глаза языковая особенность этого наречия в односложных словах и в переходе в многосложных словах последнего слога *шво*, например: *թօն – թւն, Մայրով – Մարիւմ*, а буква *р* совершенно парализованна и выпала, как-будто язык без позвоночника ползет. Слово *սնճրել* видоизменилось в *шр-ել*, а затем в *шрել*, например: *шрել Լի – ґго идет дождь*. Подобным же образом слово *թանճր* стало *ршр – рорѳ*, например: *թօն рор է – тан густой*. А слово *шрել* стало *шјել*.

Эрзерумцы назывались *шзѳгճի, шзել* – смотреть, видеть, ждать от употребления слова в этом смысле. Эрзерумское наречие, как мне кажется, очень чистое, в частности, в нем очень мало заимствований из турецкого. За исключением произношения *է*, которое превратилось в *ш-ը-է*, которое во многих наречиях стало обычным, в Эрзерумском наречии отсутствует, и ударения в нем очень определенные и сладкозвучные, хотя и немного острые: неопределенная частица *ի* в конце слова превращается в *ը*, например: *հացի – հաց ի, Կարի – Կարի ի*. У них в то же время имеются нелепые, грубые изречения, например: «Սիսիսիսիսի թէլիսի

¹⁹³ Фатиха (fatıha) – первая сура Корана.

¹⁹⁴ Сэла – по-видимому, сокращение слова сэлават.

ինչ կը ճըվայ», «Մօլլան կը ճըվայ», имеют много красивых поговорок: «մենիմ քոտաօ», «իսիկ ում հացն է». Из слов: բիրբէն – навоз (помет), топливо. Мхитар Гераци в своем лечебнике использует это слово: «վայրի արծի բիրբէն» (навоз дикого козла), которое считает средством для остановки кровотечений из носа. Жаль, что такое богатое наречие по сей день не нашло своего обстоятельного исследователя среди стольких образованных людей и легиона санасарянцев (видимо, Санасарян не мог определиться в спорах, кому следует этим заняться).

Самое примечательное – это наречие Спарты-пуртурцев. На первый взгляд кажется, что они говорят на совершенно другом языке. Они переселились сюда из Карабаха 300 лет тому назад. Это наречие Карабаха. Удивительно то, что они в одном далеком углу Малой Азии в точности без изменений сохранили это наречие. Слово «Գլխի» встречается в нашей литературе и Отец А Варданян в «Андэсе Амсореа» в своей статье «Բառարանային դիտարկումներ» в числе других слов рассматривает и это слово. В наречиях Пурпура и Эрзерума значит – исчерпать, кончиться /деньги, запасы продуктов в доме/, а в Себастиийском наречии գլխի значит изношенный ворот рубашки полностью обновить. Слушая Измит-Адабазарцев, теряешься. Не знаешь, они поют или говорят – острые-острые ударения ранят твой слух, кажется, что не выдержит ушная перепонка. И незнание диалекта Партизака-Атабазара примечательно. Кажется, что Маттеос Урхаеци (Матвей Эдесский) писал на Урфинском диалекте.

Но не будем отдаляться от нашего повествования, возьмем в руки нить нашего рассказа, а это оставим для другого исследования.

ИЗ УРФЫ ПРИБЫВАЕТ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. – Видимо, о взяточничестве каймакама Фэйми и начальника жандармов было очень много разговоров. Из Урфы прибыл некий сотник, наделенный полномочиями следователя. Он сразу лишил обоих должности. Начальника жандармов он под охраной отправил в Урфу, а каймакама арестовал, дом обыскал, взятые у беженцев в качестве платы за въезд в город деньги, взятки – все изъятые у беженцев и много ценных вещей было запротоколировано. Полученный от эрзерумцев 500 золотых, смешанные с русскими рублями были полностью изъятые. Любовнице каймакама – Мануш из Зары удалось из этого обыска многое похитить.

Через несколько дней каймакам под охраной был отправлен в Алеппо, чтобы там предстать перед военным судом. Военному следователю была передана власть на месте. Он созвал всех представителей беженцев из разных краев и путем строгого допроса заставил их признаться в даче всем сумм за въезд в город. Отныне вступление в Ракку с противоположной стороны реки было почти запрещено.

КАЙМАКАМ ТЕЛИ-ФАХРИ. – Военный следователь около месяца возглавлял правительство. Прежнего каймакама в должности сменил эфенди Фахри. Родом он из беженцев Карса, лет 50-ти, высокого роста, полноватый, со свойственной турецкому чиновнику особо короткой бородой, волосы бороды белые, похотливость льется с глаз. Долгое время он жил в Урфе. Сладострастный, шутник, живший разгульной и развратной жизнью, любящий поесть-попить, поющий, играющий на музыкальном инструменте, человек ховарта-кутила, гапата-гуляка, из-за этого прозванный Тэли¹⁹⁵-Фахри. Владелец больших земель и большого богатства. Хотя он и не гнался за должностями, но хорошо владел турецким языком, речь свою обогащал свойственными турецким нравам богатыми и образными ругательствами, имел очень строгий и внушительный характер. Хорошо понимал психологию арабов и оказывал на них большое влияние. Он много раз исполнял обязанности каймакама, как и на этот раз.

Прибыв в Ракку, Тели-Фахри первым делом из избранного состава армянков составил свой гарем, Мануш из Зары¹⁹⁶ и Мануш из Урфы были принцессами его гарема.

Представители беженцев группами спешат посетить его и поздравить с должностью. Он их хорошо принимает и заверяет в благорасположении к ним. И на самом деле постепенно проявляет это.

Хорошее отношение арабов к армянам сдерживает разнузданность жандармов к армянкам. Когда он узнавал о разнузданном их поведении, тут же ставил этому конец, или если слышал о несправедливом отношении к хозяевам армянских магазинов, приказывал уложить обидчиков на площади на землю и своей толстой дубинкой избивал их, сопровождая избиение градом ругательств. Потом приказывал снять с них официаль-

¹⁹⁵ Тели – телли – украшенный золотыми или серебряными нитями (тур-рус сл.).

¹⁹⁶ Армянки из трех сел, начинающихся с буквы З – Зара, Зинара, Там-Зара, славившиеся своей красотой (Г).

ную служебную форму и арестовать. Была пущена в обращение турецкая банкнота. Сначала она покупалась и продавалась почти по своей цене или немного ниже, но затем наполовину и даже ниже этого пала в цене, что во время торговли вызывало большие споры. Суручские курды на верблюдах привозили муку, пшеницу, масло, сыр, благодаря чему легче становилось жить. Армяне давали хорошую цену, платили серебряными драмами. Но местные арабы и жандармы, желая получить выгоду, хотели реализовать турецкие банкноты. Чтобы положить этому конец, Фахри по утрам приходил на рынок, садился на стул и заставлял вести торговлю согласованно, всегда отдавая предпочтение армянам, которые покупки делали без хитрости.

Из представителей беженцев обосновавшийся в Палыкэсире, урожденный тиврикец, ага Аветис Аветисян, который породнился с Фахри, был с ним в близких отношениях и его добрым отношением к армянам придавал силу и направление. Вместо прежнего начальника жандармов был некий молодой сотник из Мараша по имени Джемал-бей. Его отношение к армянам также не было плохим. Вступление в Ракку с противоположного берега реки было прекращено. Фахри без всяких взяток, без платы за въезд, хотя и желал дать ход сделанным заявлениям, но не смел. Боясь обвинений во взяточничестве, чтобы не вызывать напрасных подозрений, воздержался от этого, поскольку его предшественник привлечен был к суду именно за это. Тем не менее при нем также много беженцев смогло проникнуть в Ракку. С целью ревизии он перешел на ту сторону, обошел все кругом до верха Амана-Ракки, большую стоянку беженцев и, выбрав из благополучных семейств, часто людей умственного труда, которые ранее в правительственных кругах занимали должности, переправлял в Ракку.

На противоположной стороне задерживал высылки и, находил способы для перевода беженцев на эту сторону. В охваченных нами материалах, мы обратимся к его другим делам по защите армян.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ПОСОБИЕ-ТАЙИН. – Находившимся в крайней нужде власти в качестве тайина выдавали по одному хлебу. Их было приблизительно 400-500 тысяч, в основном женщины. Получающие пособие сталипливались у дверей пекарни мэрии. Раздача производилась жандармами и чавушами. Они, естественно, злоупотребляли своим поло-

жением. Часты были унижения достоинства армян, предвзятое, пристрастное отношение. Во время последней раздачи вместо хлеба стали раздавать пшеницу и просо, по пять оха на десять дней. Раздающие служащие это количество всегда изменяли.

Совсем недавно это пособие стали давать деньгами. В это время учили также мужчин. Одной голове в день по 3 куруша, в сумме за месяц 90 курушей. Давали бумажными деньгами, что серебром равнялось восьми курушам. С трудом составляло цену двух-трех дней хлеба.

Каждый человек имел джустан – заверенный и скрепленный печатью властей документ, с указанием суммы пособия. Раздача носила довольно систематический характер. Количество, получавших пособие, достигало 2500 человек.

В конце 1917-го года эти пособия перестали выдавать. Данную сумму высылали в Ракку из Полиса. Говорилось о том, что эти пособия выдавались взамен захваченного у армян имущества и достатка.

БОЛЬНИЦА-БАХЧА. – Как в Суруче, так и здесь была больница-бахча. У входа в Ракку находились два больших постоянных двора. При нашем переходе в Ракку там было помещено довольно большое количество беженцев, большей частью из сел Себастии. Это были беженцы с противоположного берега – больные, истощенные, которые не могли продолжить путь в Дер-Зор, а также те, кто не мог снять дом, и беспризорные дети, которые заполняли эти бахчи. Здесь также господствовала почти та же крайняя нищета, плачевное состояние, с чем уже мы сталкивались в Суручской бахче – голод, тиф, дизентерия рука об руку совершали свое разрушительное дело. Здесь бахча также была настоящей смертной камерой. Больные больше всего нуждались в пособии, но именно они были лишены всего.

НЕСКОЛЬКО СЭВГЭТОВ. – С начала первых дней нашего пребывания в Ракке довольно большое количество людей осталось без крова, и со дня на день их количество приумножалось. Это были самые неимущие люди, целая армия голодных людей, не имевших куска хлеба. И о каком найме домов могла идти речь, каком обособлении, чтобы не быть в глазах правительства занозой? Они либо должны были идти в больницы, либо остаться стоять на углах. В то же время они были лишним грузом для правительства и города.

Особенно в такие времена, кто должен был проявить к ним человеколюбие? Поэтому несколько раз этих оставшихся бездомных людей собирали, переправляли на другой берег и, дав им по одному хлебу, посылали в Дер-Зор. Из ста этих людей лишь 10 достигло тех мест. А достигшие впоследствии во время большой бойни были уничтожены. Этими выселенными из Ракки были переселенцы из Великой и Малой Армении.

Первыми до Ракки дошли из сел Себастии – беженцы из Гочасара, Котна, Еэни-Хана, Камиса. Все женщины. Они были переправлены на другую сторону реки Плех, в арабские села – в палатки, то бишь в Араби-Чэол. Правительство местным мухтарам дало строгий наказ хорошо к ним относиться, не совершать похищений, грабежей, оставить их в покое, и не давать повода для жалоб. Для них построили деревянные бараки и отделили их. Давали им пособие пшеницей или тарром. Эти беженцы, видя такое отношение арабов, жили довольно спокойной жизнью. Среди них были и амасийцы. В 1916 году в апреле их всех вывели с их мест и привели в Ракку. Около одной недели они оставались в Ракке. Имевшие деньги сняли комнаты и так спаслись. И однажды их собрали, переправили на другой берег реки и отправили в Дер-Зор.

БОЛЕЗНИ. – Неизменные спутники беженцев тиф, дизентерия и другие болезни здесь также процветают и передаются также местным жителям. В весну нашего прибытия в Ракку число смертей значительно возросло. В день умирало 15-20 человек. Для армянского кладбища была выделена земля в западной части Древней Ракки. Довольно много нужных людей стало жертвой болезней – один хороший художник, священник по имени Тер Арменак и другие образованные люди. Сильно распространилась также болезнь глаз. Появились признаки заболевания холерой.

ДОКТОРА-АПТЕКАРИ. – Мэрия не имела официального доктора-аптекаря. Из беженцев асланбегци Саргис Селян, амасиец Арутюн Пагалян, Трдат Дарбинян, из Аданы Аваг, себастиец Левон Огникян /высланный из Полиса/ наполовину доктора, наполовину фармацевты для такого места как Ракка были важной врачебной подмогой. Все составили одно общество, собрали имеющиеся под рукой различного вида лекарства. Правительство им оказывало необходимое содействие. С. Селян был назначен доктором мэрии, для соблюдения в городе чистоты он давал

важные распоряжения. Вместе с чавушем мэрии обходил город. Следил за чистотой, посещал дома больных. Самоотверженно спешил от одного больного к другому. Арутюн Пагалян также всегда был рядом с больными, у их изголовья. Бесплатно посещал больных из Малой Армении и Эрзерума. С остальных платящих брал только за визит. Как сознательные, добросовестные, совестливые интеллигенты, лекарство давали сравнительно по доступным ценам. Прошедшие с народом по той же дороге страданий, знавшие и видевшие его горести, они полностью ставили на службу людям свое умение и старались облегчить их страдания, не думая о себе и своей выгоде.

С. Селян до весны 1919 года оставался в Ракке в должности доктора мэрии. Он возглавил дело переезда в Алеппо армянок, находящихся на месте в арабских палатках, собрал и юношей, и с последним караваном сам прибыл в Алеппо, где посвятил себя национально-общественной деятельности. И в настоящее время там он является членом Национального союза и пользуется любовью народа.

МУХТАРСТВА. – Конечно, при других обстоятельствах невозможно было бы образовать национальные общества, союзы, проводить районные собрания для того, чтобы вести общественные дела. Но тем не менее необходимость этого была ощутима и сознательную часть народа следовало использовать. Надо было воспользоваться доброжелательным отношением каймакама. По совету аги Аветиса Аветикяна каймакам Фахри согласился и распорядился, чтобы беженцы каждой области или города имели своего представителя мухтара¹, избранного голосами соответствующего места.

Беженцы по своему количеству и соответственно областям были подразделены на округа, выбрали по одному или двум представителям. Фракия вместе с Полисом стали одним округом. Малая Азия – почти каждый город или село представляли отдельные округа. Также Киликия и Эрзерум были отдельными округами. А мухтарство себастийцев включало в себя всю Малую Армению, Понт, Гамирк, Харберд, Тигранакерт и т. д. Поскольку помимо нескольких мужчин себастийцев среди беженцев из других мест мужчин совершенно не было, все эти области подчинились себастийскому мухтарству. Избранные мухтары в свою очередь избрали

трех представителей для контактов с правительством, и это было своего рода межобластным представительством – мухтарством.

Обязанностью мухтаров было осуществление дел, связанных с народом. В частности, почта, удостоверение личностей, для получения денег, посылки через банк, подготовка списков на получающих пособия, надзор над раздачей пособий, предоставление рабочих для всевозможных работ, представление списка своего населения, с фиксацией умерших и новоприбывших. Наконец, в связи с мобилизацией также было много работы.

На себастьинское мухтарство были призваны Кябабчян Хаджи Симон и Габикиян Хаджи Манук. Произносить слово «Я» подобает лишь сатане. Мне, нижайшему из слуг Христовых, грешнику Ншан Оглу, псевдо Григору, выпало быть назначенным секретарем нашего Мухтарства... мне, недостойному, выпала такая честь /пока человек не познает зло, не удостоится добра, не правда ли?.../.

ОТНОШЕНИЕ С ВНЕШНИМ МИРОМ. – Ракка была связана телеграфным сообщением с Урфой и Алеппо. Два раза в неделю почтальон ездил туда и обратно, с помощью чего осуществлялась связь с внешним миром. При соблюдении правил цензуры беженцы могли сообщаться со своими местами и даже с Америкой, до вступления Америки в войну. Письма должны были быть написаны по-турецки, если даже авторами писем были армяне.

Содержанием писем были просьбы о высылке денег, одежды. Каждое почтовое отделение обслуживало от 7-ми до восьмисот писем, и в неделю получало от 2000 до 3000 золотых. Помимо этого в большом количестве получали посылки с одеждой, продуктами, сухофруктами, а также легкие товары для торговли. Поступали газеты. Газета, в частности, «Жаманак» («Время»). Телеграф-почта были более обычного перегружены. Обе части выполнял один служащий с помощником. Почтальона не было.

Во время нашего пребывания в Ракке телеграфно-почтовым мюдиром был молодой турок из Алеппо. Как исключение среди всех служащих турок был армяноненавистником, некий Нер. Он был туберкулезным, истощенным, бледным и вся желчь выступала на лице. Он был гневлив и нервозен. Имевшие с ним дело должны были часами ждать, он все откладывал, продлевал, выгонял. Один пара денег обходился получателю в тысячу назиданий и ругательств в адрес армянского народа. Наконец,

после всего этого соизволял ознакомиться с тезкере¹⁹⁷. Пришедшие за деньгами были в сопровождении мухтара. Он говорил с презрением:

– Станьте подальше, у вас из-за рта воняет...

Между тем вонь исходила из его, туберкулезника, рта. Но что можно было сказать? Он должен удостовериться в личности получателя денег. Спрашивает об имени, отчестве. Он просит тэзкэрэ на турецком языке. Человек представляет и говорит к примеру: «Имя мое Акоп, а фамилия... ян.

Смотрит на турецкий документ и говорит: «Свиньи вы, скоты. Сами выбираете себе имя Акоб, Ягупом называете себя, народ смешиваете» (т).

В уточнении имени, в выяснении личности, какое значение может иметь «миллэты гаршармиш» слова? Но ведь его цель – замутить воду.

Представляется следующая, какая-то женщина. Спрашивает имя, отчество. •

– Србухи, – отвечает.

– В османском написано Сурбик...

Мухтар напрасно старается его убедить, что Србухи-Сурбик одно и то же имя. Он не обращает внимание, выгоняет.

И так, на каждого набрасываясь, вздорными необоснованными, неуместными словами создает затруднения.

Об этом сообщили Фахри. Он слегка усмехнулся, иронически покачал головой и написал ему ругательное письмо, требуя упорядочить работу с народом, не затруднять ее и не давать повода для жалоб.

Он нашему мюдиру самоуверенно ответил:

– Кто такой каймакам, что вмешивается в мои дела. Никто не имеет право вмешиваться в мои полномочия.

Фахри на это ничего не ответил, но сообщил в Урфу и дал его снять с работы. Уже его болезнь очень углубилась, и до того, как поехать в Алеппо, он испустил дух.

Прибыл следующий служащий. Этот был знакомый нам мюдир из телеграфа Суруча – Тэйфик бей, молодой человек из Алеппо. За одну неделю он просмотрел все накопившиеся дела, все эманэты¹⁹⁸ вручил

¹⁹⁷ Тезкере (tezkerе) – документ, лицензия.

¹⁹⁸ Эманэт (emanet) – у Габикиана – эманат. Оставленная у кого-нибудь на хранение вещь, залог, доверенность.

владельцам. Он был добросовестным, методически работающим служащим и доброжелательно относился к армянам. Он выделил определенные дни для вручения заказных писем, денег и залогов, для выполнения этих работ назначил человека, словом, полностью все упорядочил. Так что никаких затруднений не было. Дело облегчилось как для него, так и для других. Был очень против всяких ухищрений. Пока в точности не выявлял личности адресата, не выдавал залога.

Адресат кроме телеграммы и письма, на выдаваемом документе о залоге должен был заручиться подписью и печатью мухтара, подтверждавших его личность. И в календарном документе адресат и мухтар должны были подписаться. Потому что не редки были случаи, когда многие бессовестно получали деньги. О таком примечательном случае, выявляющим наши отрицательные стороны, расскажем вам.

Высланные из Полиса 4-5 наших товарищей интеллигентов партийцев с последним караваном после длительной одиссеи в конце 1915 года достигли Ракки. Излишне говорить об их виде – они были абсолютно голыми. Из них брат О.Т.Г., человек умственного труда Н.Т.Г., торговец мануфактурой на площади Полиса, также был выслан и, вероятно, убит. О.Т.Г. от имени своего брата Н.Т.Г. послал его жене телеграмму: «Живым оказался в Ракке в плачевном состоянии. Пошли поскорее деньги». Жена от этой доброй, в то же время неожиданной телеграммы, послала нужную сумму и попросила мужа письмом с подписью ответить ей, чтобы она смогла бы полностью удостовериться в том, что он жив. Но тем не менее О.Т.Г. избегал общаться через письма и всегда давал телеграммы.

Жена, с нетерпением ожидая письма с подписью, тем не менее энергично продолжала высылать деньги, ткани, одежду. Чтобы хоть как-то отчасти рассеять сомнения жены О.Т.Г. пишет несколько писем по-турецки, не ставя подписи по-армянски, хотя это и позволялось цензурой. Жена ничего не может понять из этих писем, но ее сомнения и подозрения в том, что она имеет дело с шулером, усиливаются. Через полицию, в которой она имела в Ракке знакомых, она начала его выслеживать, но опять удовлетворительного ответа не получила. До этого уже мюдир телеграфа стал сомневаться в личности О.Т.Г. Близко знавшие О.Т.Г. люди советовали или поставить конец отношениям, или во всем признаться жене брата, или уехать в Алеппо и затерять свои следы, так как рано или

поздно все выяснится. Накануне нового, 1916 года, О.Т.Г. телеграммой поздравляет с Новым Годом: «Детей моих целую в глаза» (т) теплыми словами. Жена отправила посылку с товарами на 150 золотых и сверток с материалами, одновременно телеграммой просила для удостоверения, что он ее муж, телеграммой сообщить, какой подарок привез он ей, когда родился его сын Арташес, чему равнялся размер твоей годовой страховки и еще спрашивала о нескольких обстоятельствах, имевшихся между мужем и женой. Жена попросила мюдира до тех пор не отдавать посланный залог подозрительному мужу, пока он не ответит на вопросы, посланные телеграммой.

Как говорится у О.Т.Г. «В обуви оказался камень». Он тянет, откладывает требуемый ответ. Мюдир телеграфа, обратив внимание на то, что он избегает ответа, еще больше утвердился в своих подозрениях, позвал его, строго допросил, заставил признаться в истине и залепил ему пощечину. О.Т.Г. признался, что Н.Т.Г. его брат, а деньги посылает его жена и, что он вынужден был так поступить из-за сложившихся обстоятельств. До этого около 500 золотых, часть долга О.Т.Г. было получено через Земледельческий банк и Заведение общественного долга. Мюдиры этих банков также были вызваны. О.Т.Г. был допрошен и арестован и о случившемся сообщили жене. Привели также заручившихся за О.Т.Г. людей.

О.Т.Г. послал в Полис покаянную телеграмму своему отцу и жене брата, поступил ответ о том, что они отказываются от своих обвинений и прощают ему. И он после трехмесячного легкого наказания был выпущен из тюрьмы.

*** Мюдир телеграфа энергичный инициативный человек, как говорится «из остатков использованной кожи получавший галстук» – из денежных операций армян обеспечил сторонние доходы. На документе, подтверждающем личность получателя денег, он должен был приклеить марку за два куруша. Мюдир эти деньги брал бумажными банкнотами с заведения Общественной службы и выплачивал серебряными деньгами.

Стоимость мелких турецких бумажных денег была гораздо ниже. Он давал собирать на рынке и вместо крупных бумажных денег расплачивался мелкими. Почтовые карточки, стоившие 75, он отдавал авторам писем за 100. Если были люди, которые извне привозили в большом количестве почтовые карточки, он забирал их. Вместо золотых монет

давал бумажные деньги. Для простых писем брал один куруш, а для заказных было установлено два куруша бакшиша, а для вручения одного драма – 4 куруша, хотя эти бакшиши были введены для оплаты месячного заработка почтальона. Для писем и телеграмм платил серебром, а бумажные деньги клал в сундук. К стольким сторонним доходам человек должен был относиться снисходительно в такое время и под администрацией турок.

*** Через Земледельческий банк и Ведомство Общественной службы также поступали деньги. Мюдир Земледельческого банка был добрым человеком. С большой готовностью он упорядочивал дела армян.

Как-то на имя одной женщины – себастийки поступила сумма. Для подтверждения ее личности несколько наших мужчин пришли на телеграф. Мюдир оказал нам хороший прием. Сели. После наших свидетельств, спросил: «Все мы беженцами прибыли? На наш утвердительный ответ, он промолвил: **«Радуюсь, что вы выжили»** (т). Так не верилось, что из Себастии и Малой Армении могли выжить мужчины.

*** Министерства Внутренних и Военных дел, видимо, не смогли перенести этих привилегий армян, находящихся в высылке: получение ими денег и посылок. Первым долгом запретили высылку золотых монет, а конверт с серебряными деньгами не должен был превышать 100 курушей. В конце запретили и это. Ссылаясь на затяжной характер военных действий, они косвенным путем также создавали трудности в получении телеграмм и вещей. Идущие в Ракку посылки более года залеживались на почтовых складах в Алеппо, а со вступлением туда английской армии, все было потеряно.

НЕМНОГО ЛИЧНОГО. – Перебравшись в Ракку я в течение двух месяцев оставался в отдельной комнате. В это время я начал писать историю нашего переселения очень коротко, которую передал ага Саргису Манукяну, который при поездке в Алеппо должен был вместе с сообщением о Выселении Карина это передать Немецкому консулу. И на самом деле он повез это, но под угрозой своего одного родственника сжег и уничтожил его. Через несколько дней после вступления в Ракку, я телеграммой дал знать брату, что жив-здоров. Он немедленно ответил мне и выслал деньги, хотя я еще не успел потратить присланных денег. Прошло немного времени, как он с оказией прислал мне белье, одежду,

обувь, шерстяные носки и другие вещи. Моя мать послала мне написанное своей рукой письмо, которое она положила в определенное место в одежде, где я и нашел. С каким упоением я прочел ее душевные, взволнованные строки, которые вызвали у меня горячие слезы. С глазами, устремленными на ее подпись, сидел я неподвижно несколько часов. Мне казалось, что я вижу ее образ, в ней воплотился плач разрушенной, обезлюдевшей Себастии. Как священную частицу, дорогую реликвию я храню это письмо по сей день.

Я позаботился о себе, купил одеяло, изготовил постель, в день один раз готовлю для себя обед, мысли мои довольно спокойны. Наш себастиец Хаджи Манук Габилян снял для себя комнату и собрал к себе себастийцев, вместе проводили время. Меня также он приглашал к себе. Так вместе мы друг друга утешали. Иду к ним. Нас 10-12 человек. Помимо Хаджи Манукянцева Нерсес Тер-Габриэлян с женой, некая молодая вдова Момджян Азнив, потерявшая своих четырех детей и других членов семьи, и несколько других нас. Все дошедшие до крайней степени нужды. Себастийцы среди такого количества армянства Ракки не имеем ни одного знакомого, чтобы пойти и рассказать им о своих бедах, чтобы они оказали нам какую-нибудь помощь, протянули бы руку. Тем не менее наши себастийцы «как говорят, «отрежут им нос, лицо не окровавится», «Господь делает человека нищим, Господь и обогащает», если бы не было несчастий, достаточно было человеку достойно зарабатывать свой хлеб. Нерсес Тер-Габриэлян несколько недель работал грузчиком. Сердце мое разрывалось, глядя на то, как этот заслуженный учитель детдома, согнувшись под тяжестью груза, весь в поту, тяжело дыша шел. Хаджи Манук продавал жареное мясо, повторяя припев: **«Большие-большие, по пять пара»** (т). Так каждый чем-то зарабатывал свой хлеб насущный.

КОФЕЙНИ РАККИ. – Открылось несколько кофеен. Самыми посещаемыми были кофейни эрзерумцев. Там получали газету «Жаманак» («Время»). Здесь было место сбора людей умственного труда, образованных людей. Они знакомились. Общались друг с другом. Разговоры шли о настоящей войне, нашем положении и неизвестности. Я часто прислушивался к их разговорам, но особенно общаться, вмешиваться в их разговоры не хотел. Здесь я познакомился с Аветисом ага Аветисяном, родом из Тиврика, вылитого из железа бессмертного Жирайра, из его же

города. Он был одним из деятелей первой когорты тиврикцев. Затем долгое время сотрудничал с Арханяном и вместе с ним был арестован, но во время последней амнистии – освобожден. С ним наш разговор идет о первых действиях и движениях гнчакистов Тиврика-Змара-Финкяна-Армтани. Он замечает, что я имею довольно подробные сведения о них. О личностях, о деятелях, о событиях знаю столь же точно, сколь он и хорошо осведомлен. И мы как старые друзья связываемся тесными связями друг с другом.

Здесь также я знакомлюсь с человеком по имени Хаджи эфенди. С образованным, рассудительным мужем. Он хорошо говорит по-французски, о себе весьма осторожно. Он был членом братии Иерусалимского монастыря вардапетом Карапетом Тер-Карапетяном из Еаловы, затем стал расстригой, женился, был выслан и теперь живет за счет Салимских угодий¹.

Некто другой, измирец Григор Баглаян, выпускник юридического училища. Один из тех, на которого обращают внимание в кофейне. Он рассказывает о событиях, связанных с выселением Измита. В частности о прибытии в Измит Мехмета-Али /если не ошибаюсь/, знакомого военного, посланного из Полиса в этой должности. Этот зверь сначала был итилафакистом¹⁹⁹, и хорошо знал армянские партии, именно поэтому арест их членов, выселение и убийство поручалось ему. Он собрал всех, запер в церкви, подверг страшным истязаниям и говорил: «У вас нет Бога, я ваш Аллах, ваш Бог. Если ваш Христос может, пусть придет освободит вас из моих рук». С Баглаяном на дорогах депортации связана и другая история. Точно не помню где, один человек из каравана возмутился, не знаю каким нечестивым поступком жандарма. Жандарм этого человека повел к сотнику, который без лишних разговоров снял револьвер и повалил его на землю. Один из сыновей этого человека на Дарданнельском фронте был офицером, другой сын – не знаю на каком фронте. Баглаян рассказывает об этих событиях со справедливым гневом...чтобы представить несправедливость турка по воду нечестивого поступка. О, божий человек, спроси людей Малой Армении, сколько сотен подобных историй видели они. Во время депортации армянства Фракии, Вифинии, Малой Азии, всегда указывали на

¹⁹⁹ Иттихадист, итилафакист, миллиакист – белый пес, черный пес, пестрый пес, каждый из одной породы псов (Г).

ближайший город, куда их выселяют. Измирцам говорили, что вы будете высланы в Эски-Шэхир, высленцем из Родосты – в Измит, эски-шехирацам – в Коннию, аданцам – в Алеппо, а затем всех высылали в Ракку – Дер-Зор – Мосул – Багдад.

Измитцы, адабазарцы, партизакцы выделяются своей развитостью и цивилизованностью. Их наречие также отличается чистотой. Хотя они, особенно адабазарцы очень болтливы, голова болит от их разговоров.

ГАРНИК ШАХБАЗЯН. – Из посещавших кафе в глаза мне бросился еще один человек. Вопреки своей молодости, он был степенным, серьезным, его слова всегда были весомы. Сказали, что он из Полиса, но здоровый вид, краснощекость, под густыми и черными бровями синие глаза выдавали в нем человека из провинции. Тем более, что он не имел свойственной людям Полиса легкости речи, легкомысленных движений. Как-то представился случай поближе с ним познакомиться. Речь зашла о 20-ти виселицах. Увлеченный темой нашего разговора я с похвалой выразился по поводу подвига бессмертных героев, о решительности и смелости, проявленной в армянской действительности и сказал также о черной роли, сыгранной пресловутым Артуром Есаяном /Аршавиром/ и его шурином Ншаном. Мой собеседник прервал меня и сказал: «Неужели передо мной сидит гнчакский товарищ» и крепко пожал мне руку. После этого мы постоянно виделись и беседовали. Он представился – Гарник Шахбазян. Отца зовут Тумас, крестьянин из села Цовк Харберда, давно обосновался в Полисе, ювелир. Он продолжил ремесло отца, занимается резьбой и миниатюрой. Одновременно он является членом квартального совета Соборной церкви Гум-Габу. Деятель гнчакской партии и как таковой с другими был выслан в последнее время. С товарищами после долгой одиссеи в конце 1915-го года дошли до Ракки. Они сняли комнату. Хозяин дома араб проявил к ним большое человеколюбие, помогал деньгами до тех пор, пока Гарник не послал телеграмму своему отцу в Полис и не получил от него деньги. Один из товарищей, преданный молодой человек умер от тифа. Не желая оставаться в комнате умершего, он просит меня найти для него комнату. Я, будучи незнаком с местом, сообщаю о свободном месте для одного человека в нашем доме. Он изъявляет готовность перейти к нам. Идем к нему, забираем из его комнаты вещи и приносим к нам домой. Не успели мы пересечь уличную дверь и войти во двор, как дочь хозяина с

мрачным лицом выбежала навстречу и по-арабски говорит мне: «Здесь постоянный двор, что каждого встречного человека приводят сюда?» и, ударив меня в грудь, потянула за руку. Наши соседи по комнате женщины подбежали и стали ее упрекать.

Наш хозяин Хаджи Манук, человек общительный и любящий общество людей, вечером придя домой, увидев, что нашим сожителем по комнате является такой серьезный человек как Гарник, очень обрадовался. По вечерам мы хорошо проводили время. Если у нас не было пшеничного хлеба, у нас был пшеничный язык: говорили, беседовали, рассказывали о жизни в области, Гарник о Полисе, пели, иногда творили молитву «Да придет». В воскресные дни под предводительством Нерсеса Тер-Габриэляна пели из литургии и другие песнопения, приносящие утешение. Духовное утешение в скорби на самом деле весьма оздоравливает.

В нашем хавузе в 20-ти домах с разных мест были семьи беженцев-эрзерумцы, энкюрцы, пейланцы, измитцы, урфинцы. Наши комнаты были местом общественных встреч, каждый вечер нас навещали.

Здесь маленькое отступление.

Одному из героев восстания Урфы, молодому человеку по имени Мкртич Кюлагян удалось бежать к арабам анезэ^I, к знакомому Шейху. Однажды ночью он пришел в наш хавуз к семье своих родственников из Урфы. Через несколько дней жандармы из Урфы увидели Мкртича, арестовали и бросили в тюрьму. Родственники тут же пошли к Тели-Фахри. Мануш из Урфы также поговорила с ним. Фахри позвал жандармов: «Цо, собаки, – говорит, – вы сожрали все армянство Урфы, не насытились. Ваши глаза увидели этого одного урфинца». И посохом, бывшим у него в руках, стал бить их. Освободил Мкртича из тюрьмы, особо предупредил – много не появляться на площади. Если бы на месте Фахри был бы другой каймакам, то самым легким наказанием Мкртыча была бы смерть, убийство.

СВАДЬБА БЕЖЕНЦА. – Говорят, что «ремесленник может оставаться голодным до полудня»... Ювелир Гарник открыл лавку. Вскоре на площади все его знали. Правительственный чиновник и араб-эшраф были его клиентами. Будучи уверены в его честности, они приносили ему оценивать золотые-серебряные украшения, брильянты, жемчуга. Он, зная, что это товары армян, высоко оценивал их, чтобы последние могли бы хотя бы без

малого ущерба продать свой товар. Вечером мы с Гарником ели приготовленный мной обед. Я был безработным, готовил обеды, блюда нашего края. Главное место в них занимал блгур. Ему очень нравились обеды. Но тем не менее ему наскучила холостая жизнь. Он остановил свой выбор на некой одаренной умениями эрзерумской девушке. В качестве его сожителей по комнате он поручил нам заняться вопросами женитьбы. Хозяин нашего дома Хаджи Манук был очень энергичным человеком, он обо всем должным образом позаботился, и мы сыграли свадьбу по себасти́йским обычаям: были приглашены все знакомые, приятели из всех местных жителей. Их обвенчал священник из Эски-Шехира Тер Казарос /который жил под мирским именем Михран Ованесян/. Хаджи-эфенди в вардапетском стиле выступил, восхваляя достоинства жениха и невесты и пожелал им счастливого будущего. Со стороны невесты слово сказал Саргис Мурадян. Армянский исход сравнил с исходом – пленением в Вавилон израильтян, пожелав молодоженам, чтобы на этих вавилонских берегах родились бы Даниилы^I, Седрахи, Мисахи, Абденаги^{II}, чтобы именем армянского Иеговы разрушить статую Бела^{III}, турецкого варварства на его глиняном пьедестале, на престоле поклонения этому всепоглощающему чудовищу-монголу.

Через год расставания друг с другом, когда я прибыл в Алеппо, там я нашел нашего сердечного друга Гарника, у которого родился красивый, резвый сын. Я рассказал в своих воспоминаниях о Ракке эту историю, чтобы показать, что армянин даже в самые свои суровые дни желает составить семью и жить достойной человека жизнью.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЫНОК БЕЖЕНЦЕВ. – Все лавки были заняты армянскими торговцами, бродячими корабейниками. Рынок запружен был пестрой толпой торговцев. По приказу Фахри мэрия построила беседки на площади дороги, через короткое время оно стало оживленной площадью. Армянин из земли создаст дело – пекли для домов хлеб, многие готовили обеды. Бедняки за несколько монет покупали свежий хлеб, ели горячий обед. Разносчики товаров, продавцы хлеба, овощей, фруктов сидели отдельными рядами. Владеющие турецким языком, сидя перед сундуком, писали письма, прошения. Из них самым известным был из Нэв-Шехира некий Тигран. Мартирос Сэксян из Хаджна, Ованнес-Зэки из Дарданелл занимались адвокатской деятельностью.

Насущных дел было немало. На площади появлялись жандармы, собирали народ. Сколько им нужно было, столько нанимали. Из важнейших работ было извлечение из воды потонувших во время сильной бури в Ракке восьми лодок с вооружением, пулеметами и другими военным снаряжением, направлявшихся на Багдадский фронт. Все это в конечном итоге было извлечено армянами из воды. Уничтожение саранчи также было изнурительным, тяжелым трудом. Весь народ выводили на поля, обходили все земли и совершали большой круг.

ЖЕРТВЫ ЕВФРАТА. – В год нашего вступления в Ракку Евфрат больше обычного вышел из берегов, залил все «Друнки» и подступил к городу, ширина реки достигла полутора часа ходьбы. Было 5-е апреля 1916 года. Восемь лодок с немецкими офицерами с военным снаряжением, пушками и другими боеприпасами бросили якорь у Ракки. Началась сильная буря с грозой, ливнем. Лодки наполнились водой. Паруса одной лодки погрузились в воду. Один немецкий офицер из-за спешки остался под ними. Пока товарищи подоспели, он задохнулся. Труп принесли в город. Несмотря на то, что турок был правой рукой, союзником немцев, но ведь турок не был моллой, который должен был по обязанности отпеть покойника.

Пришли армяне. Собрались армянские священники. Организовали хорошие похороны по армянскому церковному обычаю. Утопленника померанца понесли и с почестями похоронили в армянском неприметном кладбище, рядышком с холмиками армянских беженцев. И поскольку армяне хотели, чтобы все было по правилам, ага Саргис Манук на немецком языке сказал волнующее надгробное слово перед беженцами армянами Ракки, выразил соболезнование товарищам офицерам и затем, пригласив их к себе домой, утешил их за чайным столом.

Вот таков мир. Не напрасно наши светозарные деды говорили: «Золотая дверь соскучилась по серебряной». Когда-то злонравный железный канцлер не захотел бы уступить кости померанского воина и обменять их на Армению. И его ученик злонравный Новый Атилл Европы, идя еще дальше, нанес удар мотыгой по корням армян и разрушил его дом на его голову, теперь этот лишенный дома, очага армянин без злопамятства обогрел на своем израненном сердце останки этого померанца должными достойными похоронами и почестями..

***Некий юноша урфинец, по имени Левон, с семьей угнанный в Дер-Зор, бежал и пришел в Ракку. В 1916 году в день Вознесения, купаясь в Евфрате, утонул.

*** Также юноша Вагарш из Эрзрума плавал в реке и был унесен бешеным течением реки и утонул.

*** Гайстемунец-юноша, по имени Карапет, отчаявшись бросился в Евфрат и утонул. Он был из богатой семьи. Его сограждане приняли ислам и должны были отправиться в Урфу. Отчаявшись от этого поступка товарищей, он покончил с собой. Рыбаки достали его труп, на нем было довольно много золотых монет и бумажных денег.

*** Около 180 беженцев сиврихисарцев плывут по Евфрату. Арабы прицельным огнем продырявливают лодку и все тонут.

*** С лагеря противоположного берега немало случаев было, когда в день по несколько человек бросалось в воду.

*** Сверху вода приносила несколько трупов. Это отдельные случаи. Не говорим о массовых жертвах Евфрата.

БОЖЬЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ. – Один раз нам довелось увидеть и такое. Был некий безмозглый жандарм урфинец, по имени Эюп. Это был злонравный зверь: высокого роста, уродливый, волосатый-бородатый, со страшным видом. Скольким армянкам он испортил кровь. Его делом было соблазнение армянок. С утра до вечера он слонялся по базару беженцев. Завидев женщину или девушку, подходил, приставал, старался уговорить пойти с ним. Хотя часто его как собаку отгоняли, плевали в лицо, стыдили, но он не обращал на это внимание, не стыдился, «если бы у собаки был стыд, она надела бы штаны». Как-то он вел лошадь к Евфрату напоить воды. Под его ногами земля обвалилась, он упал в воду и тонул. Находящиеся там турецкие воины вытащили его из воды полумертвым, сняли с него золотой пояс со спины, часы, кошелек, обобрали и снова бросили в воду.

И зло таким образом было уничтожено.

РЫБЫ ЕВФРАТА. – Евфрат богат рыбами, особенно в этом году... когда они опьянели от армянской крови, разжирели от армянского мяса. Читавший «Древности Акны» там найдет их армянские названия. Из приморских земель были мастера, которые в большом количестве вылавливали рыб весом в 90-150 оха, величиной с буйвола.

НАКАНУНЕ МАССОВЫХ УБИЙСТВ

ОБЫСКИ. – Это было в апреле-мае 1916-го года. В Ракке в одежде охотников появились 4-5 звероподобных турок. Это были люди без определенных должностей, по-видимому, скрывающиеся военные. Они оставались в городе около недели, с утра до вечера бродили по рынку, в одной руке кнут с серебряным наконечником, другая рука за спиной, хитро-хитро с головы до ног измеряли всех, глазами охватывали магазины и кофейни изнутри, как-будто хотели запомнить наизусть положение, состояние, авторитет, занятие каждого армянина. Через неделю они исчезли, вероятно, отправились в Дер-Зор. Многим я сказал, что это неспроста, что это не праздные люди, никто ничего не понял и, наверное, для многих это незаметно прошло. Но по моим расчетам, по моей интуиции, скажу также по моему нюху, это были люди, если не министерства внутренних дел, то посланные дьяволорожденным иттихадом следователи. Сыщики, осведомители, которым поручено было изучить пристанище армянских беженцев. Вероятнее всего они обследовали территорию, начиная с Алеппо и охватывая территорию по руслу Евфрата до Дер-Зора и пришли к заключению, что переселение не дало того результата, которого они ждали. Этим армяне не многое потеряли – они обосновались в своих пристанищах и своей деятельностью, своей предприимчивостью стали господствующей прослойкой: покупают, продают, составляют семьи. Стали хозяевами положения, хорошо живут, словом, не погибли, не уничтожены. И, исходя из этого, они подготовили ужасные массовые побоища в **Рэс-юл-Айне, Дер-Зоре**. И на самом деле признаки этого вскоре появились.

АФИШИ О ТИФЕ. – Еще одно обстоятельство, которое имеет связь с вышесказанным. В те же дни на стенах рынка приклеили афиши о тифе. Читавшие эти афиши, вероятно, обратили внимание на то, что в верхней части афиш изображен большой человеческий череп, немного выше него нарисована через увеличительное стекло вошь и под ним по-турецки красно-синими буквами говорится о тифе и его лечении. По всей вероятности это было здравоохранительным, полезным мероприятием, хотя и не действенным средством для такого бездейственного народа как турки.

По моей интуиции и нюху эти афиши были сигналом уничтожения армян, паролем, обращенным к турецкому народу по очищению края от

армян. Следующее обстоятельство подтверждает эти мои слова. Из наших товарищей Анушаван Саакян /брат варданета Тер Шаварша/ во время этой депортации был в Алеппо арестован. Его сокамерник, некий арабский офицер как-то ему сказал, что из Министерства внутренних дел была получена телеграмма, в которой говорилось о том, что по **совету докторов грязь таких-то мест следует очистить, чтобы предотвратить эпидемию тифа и других заразных болезней**. Это было паролем, означавшим – высылайте армян этих мест, уничтожьте их. Накануне резни они внешне такими объявлениями, а внутренне – известной наглой армянофобской политикой подготавливали мысли турецкой черни и пробуждали в них кровавые инстинкты, обостряли их.

ПОДГОТОВКА ЧУДОВИЩНОЙ РЕЗНИ В ДЕР-ЗОРЕ. – Под этим заглавием я не претендую на изложение истории этих чудовищных побоищ. Отчасти это остается в стороне от охваченной мной темы – депортации армян Себастии и Малой Армении. Тем более, что я не имел несчастья оказаться в этой адской среде. Выжившие из этого ада писали и издавали об этом. Хотя и признаки этих страшных побоищ были так разнообразны, так сложны и многосторонни, что чем больше будет наблюдателей и писателей об этом, тем все новые ужасные стороны этой кровавой и беспримерной великой резни будет выявлено. Мы здесь должны обратиться к тому отзвуку, который дошел до Ракки и потряс местную армянскую колонию.

Из простившихся с нами и отправившихся в Дер-Зор себастийцев мы переписывались с Арменаком Чугасяном. Он с большой похвалой писал о местном мутасаррифе, о защите им армян и армянолюбии. И со всех сторон мы ежедневно слышали о том, что армяне там в своих городах, домах чувствовали себя спокойно, в безопасности, занимались торговлей и превратили Дер-Зор в торговый цветущий город.

Для подготовки побоищ из Полиса друг за другом поступали телеграммы. С львиным сердцем мутасарриф, объятый ужасом, мужественно отвечал «не могу», рискуя своей головой, он поднял полы своей одежды, с презрением вышел, думая о грядущей ответственности.

Вместо него был послан горе-наказание каймакам Эвэрэка-Кесарии. Бывшие в Ракке эвэрэки с ужасом рассказывали о творимых зверствах, на своей шкуре испытав его смертельные упражнения. До нас доходили

слухи об этих зловещих изменениях и мы с содроганием сердца видели, что находимся на пороге ужасной резни.

Был май 1916-го года, незадолго до разыгравшихся событий, Нерсес Тер-Габриэлян из нашего города узнал, что сестра его с караваном прибыла и находилась на той стороне реки, потом их погнали в Сэпгу. Он получил от Фахри вэсику и отправился туда, чтобы привести сестру. Утром, достигнув Сэпги, он узнал, что местный каймакам позвал представителей находящихся там беженцев, показал им полученную от мутасаррифа Дер-Зора телеграмму, в которой тот приказывал находившихся в Сэпгэ беженцев, без промедления отправить в Дер-Зор. Понятно, что тревога армян была неопишуемой.

Такие телеграммы были посланы новым кровожадным мутасаррифом во все лагеря беженцев, находившиеся на Евфрате, с приказом отправить всех беженцев в Дер-Зор. И действительно, по направлению Алеппо-Мэскэанэ-Амам-Сэпга ежедневно в быстром темпе проходили огромные караваны. Повсюду царили страх и ужас, смерть как черный ястреб снова начала витать над головами беженцев.

ТЕЛИ ФАХРИ ВОДРУЖАЕТ КАМЕНЬ. – Из мутасаррифства Дер-Зора в каймакамство Ракки также поступает телеграфный приказ об отправлении беженцев Ракки в Дер-Зор. Согласно тому, что мы слышали и что нам рассказали, наш Тели-Фахри «водрузил камень». Он отказывается исполнить этот приказ, поскольку Ракка административно не связана с Дер-Зором и подчиняется Урфинскому мутасаррифству. И он этот приказ не приводит в исполнение, одновременно сообщая мутасаррифу Урфы о том, что **Ракка османским иратом (указом) определена как место ссылки армянских беженцев, и высылка обосновавшихся там армян зависит не от приказа какого-то Заки, а нуждается в повторном османском иратэ. И он повелевает не трогать население Ракки.**

АРАБСКИЕ ЭШРАФЫ РАККИ также бурно протестуют в связи с возможным выселением армян из Ракки и своими авторитетными заявлениями усиливают армянозащитные позиции Фахри и мутасаррифа Урфы.

До этого напротив Ракки лагерем расположился большой караван беженцев. Фахри попытался их также не выселять или хотя бы не считать этот вопрос в пределах своих полномочий. Но не смог приостановить действий сэвгэтов. Но, не посмев их ввести в город, он тем не менее многим семьям разрешил остаться на месте, с тем, чтобы по прошествии

времени, когда вопрос потеряет свою остроту, они также могли вступить в Ракку. Во время этих выселений он несколько раз с инспекторским посещением доходил до Амама, и с его разрешения довольно много людей, кто тайно, кто под тем или иным предлогом, кто как имеющий привилегии, сумели вступить в Ракку и найти там прибежище. Среди них были священники, преподобные, учителя, служащие, в прошлом оказавшие правительству важные услуги. В такое время спасти жизнь одного армянина было большим делом, но Тели-Фахри сделал гораздо больше.

ОТСТАВКА ФАХРИ. – После Дер-Зора Ракка своим большим количеством беженцев стала занозой в глазу шакала Зэки и он, с одной стороны, следуя своим кровожадным инстинктам, с другой – считая делом своей чести уломать отказы Фахри и мутасаррифа Урфы, несомненно обращался с заявлениями в Полис. Но нужно учесть, что это были времена, когда Турция потеряла голову от трудностей, представших перед ней. Чтобы добиться второго султанского ирата по выселению Ракки, нужно было время. С другой стороны для строительства военных объектов очень необходимы были армянские мастера и ремесленники. И Ракка осталась на месте.

Вместе с этим и Фахри не избежал удара. Из Урфы поступил приказ о его отставке. Он продолжал исполнять обязанности каймакама, пока из Полиса не был назначен новый каймакам. Армянство Ракки было в сильном волнении и потрясении. К Фахри поспешили мухтары, чтобы выразить свою благодарность ему за защиту и мужественное поведение, проявленное им в отношении армян. Он сказал им: «Я не думаю об этой отставке, потому что мне не нужна должность, но что будет после меня, кто знает, какой оборот примет дело, и этот несчастный народ возможно предадут мечу и прольют его кровь».

36

БОРЬБА ПО ПОВОДУ СЭВГЭТОВ МЕЖДУ НОКТА²⁰⁰ – КОМАНДИРАМИ И СЭВГ-МЕМУРАМИ²⁰¹. – Национальная армия Месопотамии после взятия-сдачи Кут-эл-Амарана, быстрым маршем шла на Багдад.

²⁰⁰ Нокта – военный объект пост.

²⁰¹ Сэвг-мемур – уполномоченный по ссылке.

Багдад и железная дорога Багдада были жизненно важными ветвями Германии. Надо было любой ценой их защитить, не выпускать из рук. Важной дорогой перевозки военных грузов был Евфрат. Начиная с Бирэджика-Джараполуса до Хита должны были быть построены военные станции. Для строительства чувствовался недостаток в умелых руках армян. Видно немцы, сжалившись над армянами, носившими на головах войлочные шапки, повелели Турции использовать для строительства армянских беженцев. Нокта-командиры хотели освободить от выселения, прибывших для исполнения их нужд армян, но, конечно, за большие взятки. Сэвг-мэмурины противились им, говоря, что это их право выселять или освобождать от него. Побоища в Дер-Зоре начались. Беженцы любой ценой стремились пристроиться на военных станциях в качестве рабочих или ремесленников. Они подкупали нокта-командиров, большие суммы давали сэвг-мэмуринам. Эти назло друг другу действовали: освобожденный одним, со стороны другого получал документ о высылке, и так между ними постоянно были столкновения.

Вот один из примеров противоборства, самый примечательный, самый трагический, но не будем останавливаться на подробностях.

Одним из больших обитателей беженцев был Амам, выше Ракки, в пяти часах ходьбы, на правом берегу Евфрата, на треугольном полуострове, не приметная палаточная арабская деревушка, но в Истории Армянского Беженства занимает очень большое место, впрочем как и другие не приметные места. Идущие из Алеппо караваны на некоторое время задерживались в Амани, поэтому здесь были разбиты палатки нескольких тысяч беженцев.

После получения сэвга, отправка отсюда в Дер-Зор была уже решенным делом. На линии Евфрата в июне-июле тэшкилатом²⁰², узловой отправной точкой был Бирэджик-Джараполус, отсюда до Дер-Зора-Хита должны были быть построены нокта – большие помещения для военного снаряжения и особенно запасники для продуктов.

С этой целью общий командующий железной дороги Хад – командир Галип бей из Джараполуса приезжает в Амам нанять рабочих.

Бедствие Дер-Зора началось. Галиб бей записывает нужное количество людей, с каждой семьи получив большие деньги. Выбранных людей отде-

ляет от других и помещает в другом месте, поручив Али эфенди, гапиту – гуляке из иттихада Амама вслед за ним их отправить в Джараполус.

После ухода Галипа Али эфенди, имея соучастниками из беженцев Амама пэксибаш²⁰³ адабазарца Артина, бирэджикца Миграпа, арапачи-пашу гисарца из Сивра Хаджи-Акоба с выбранных для строительства Галибом людей взимает по 5 золотых, якобы для выдачи им вэсики-удостоверения. С незарегистрированных палаток берет взятку, сказав, что их должен оставить.

После этого жандарм-командир гарагола – ночной патруль черкес Исаг-чавуш заявил им, что оформлять беженцам высылку входит в его обязанности, что они находятся на землях, которыми распоряжается он, и он не признает распоряжений военных властей. Этот стал выдавать зафиксированным для строительных работ Галиб беем и Али эфенди сэвгэты. И хотя и получил большие деньги, немалой части зафиксированных оформил высылку.

Галип бей возвратился в Амам. Его сводник посредник адабазарец Еайлычи-Вардан, типичный изувер. Галип бей своей рукой остальным выдает вэсику, на этот раз руками Вардана под именем вэсики с каждой семьи берется по 5 золотых. А чтоб взять с собой Мескенэ с каждой семьи требует 20 золотых, и опять с собой не везет. Из Мескенэ по приказу от Али эфенди требует список зарегистрированных. Али эфенди, взяв с них деньги, посылает лишь часть этих людей. С другой стороны не зарегистрированные подвергаются высылке со стороны Исада-чавуша.

КЕОР (СЛЕПЕЦ) ФАТИХ ЗЛОУПОТРЕБЛЯЕТ. – В эти дни мюдир Айнисэи Кеор-Фатих в должности сэвга-мэмури прибыл в Аман и очень бурно в больших масштабах продвинул выдачу документов о высылке. Он захотел зарегистрированным в мэнзиле также выдаться сэвг, но из-за этого у него произошли столкновения с командиром мэнзиля. Заявив, что право выбора рабочих, ремесленников принадлежит ему, он начинает этим злоупотреблять. Но названные обиратели в конце концов находят общий язык и делят полученную сумму. И даже с согласия большей части зарегистрированных оформляют выселение. Для последних в это время дальше Сэпги никаких перевозочных средств не было. То, что они могли нести на спине, только то и брали с собой.

²⁰² Тешкилат (teşkilat) – организованный, соединяющий см. тешкил (teşkil) – соединение.

²⁰³ Об этих извергах в отдельной главе (Г).

Во время этих выселений из Амана сколько армянок остались беспризорными, беззащитными и стали жертвами наглых, нахальных и бесстыдных скотских страстей служащих. Военные или городские чиновники, турецкие воины нокта-ев помимо повседневных изнасилований, при себе содержали от трех до пяти армянок. В Амане я увидел главу разбойников по имени Зэки, который хвастался тем, что сразу изнасиловал восьмерых армянских девушек. Но в этом деле самым отвратительным и очень оскорбительным, постыдным было то, что посредниками этих порочных зверей были безымянные армяне, недостойные, демонические порождения армян лэчки-баши, пекчи, арапачи-баши обслуживающие могок-бахагов, вымогающие работу.

Фатих, прозванный Кэор-мюдиром, своими изнасилованиями превзошел всех других вельмож. Он постоянно из палаток отбирал девушек и, немного подержав у себя, продавал другим. Фатих, осуществив массовые высылки, возвратился в Айнисэ, оставив дело выселения беженцев 80-90 палаток гараголу – начальнику ночного патруля Амама.

37 ХАГГЫ БЕЙ

Переброска караванов в Дер-Зор носила настолько настоящий характер, была столь острым вопросом, что вышеупомянутая лихорадочная деятельность сэвг-мемуринов, спешка, особенно пущенные ими в ход махинации казались неудовлетворительными. Из-за этого из Полиса в должности всеобщего начальника по ссыльным делам был послан зверь по имени Хагги бей. Взяв в руки метлу, он начал мести беженцев, начиная с Алеппо до Дер-Зора. Придя в Аман, он еще раз просеял для мензиля-стоянки выделенные палатки, оформив части беженцам документы по выселению, от остальных, получив взятку, отпустил. За это время Кеор-Фатих также несколько раз ходил в Амам и участвовал в выселениях.

Между Хаггы беем, а также всеобщим военачальником Хадды возникают острые противоречия с Галип беем. Хаггы бей отправляется в Джараполус и там находит с Галип беем общий язык, они приходят к согласию о проведении выселения для части армян, пользующихся мэнзилами.

Хаггы бей имел спутников-помощников – некоего злонравного человека румельца, по имени Расул, как и арабаджа-башу палыкэсирца Акопа Турнаяна, сиврийца Хаджу Акопа, бирэдджикца Миграна. Хаггы бей для мэнзила отделил 15 семейств, остальным оформил выселение. С оставленных взял большие деньги, дал им вэсику, с других богатых семейств также получил большие суммы, дал вэсику и послал в Алеппо. В Амане он отобрал для себя часть одиноких армянок, остальных отослал турецким чиновникам, туркам, арабам. Его помощник Расул агитировал турок, арабов, чиновников взять в свои гаремы армянок, а сам он своим примером превзошел всех своими бесчисленными изнасилованиями.

Хаггы бей, с Мескенэ, начиная с линии Евфрата сверху донизу метет всех беженцев и посылает в Дер-Зор. Из этих получивших документ о выселении беженцев он 81-го человека отсылает в Ракку. Все женщины, девушки, больные, истощенные, ходячие скелеты заполнили больницы-бахчи. На протяжении десяти дней все они умерли, им не помогло ни питание, ни обеды. Среди них была себастийка Егинэ, дочь Санояна Пого-са, ученица нашей школы, несчастная девушка очень изменилась и лишилась разума. Эти последние партии высылаемых уже не были семьями. Начиная с Алеппо как сэрсэры-бродяги были собраны мужчины, молодые люди, оставлены дети, личность которых была неизвестна, сомнительна. С этими выселенцами жандармы, получившее одобрение Хаггы, особенно жестоко, по звериному обращались, так что мало кто из них дошел до Дер-Зора, а дошедшие были там уничтожены. Хагги бросил во рвы 300 брошенных детей, залил их нефтью, своими руками зажег огонь и всех заживо сжег. Придя в Ракку он бахвалился своим поступком.

ОДИН ПОСТУПОК КЕОР ФАТИХА В ПОЛЬЗУ АРМЯН. – 25-летним турком он был мюдиром Амана и служащим по высылке, из-за косоглазия прозванным Кеор. Жил в Ракке, был довольно образованным поэтом-лэнмишем?. Привез из Измита, Бурсы очень красивых и образованных армянок. Фатих гордился перед ними, что о них написал длинные памятные стихи, которые когда-нибудь опубликует. Иногда он читал им из своих сочинений. В это время /1916 г., сентябрь-октябрь/ он, будучи в должности управляющего по вопросам высылки, одновременно назначается мюдиром Айнисэ. Для благоустройства Айнисэи он из выселенцев Амама и других мест отбирает 70-80 семейств из хаджнцев, марашцев и

других местных жителей и чтобы спасти их отуречивает и строго наказывает, чтобы до обоснования в Айнисэ и без сожаления исповедовали бы суннитскую турецкую веру. Там он их обеспечил жильем, работой, каждой семье выделил достаточное пособие-тайин. И они спокойно жили, он не напоминал им, что они приняли ислам, оставлял выбор делом их совести. Говорил, что если они когда-нибудь будут пособниками армян, то он, спасший столько армянских жизней, найдет милость у армян. А если нет, то отуречив столько армян, будет мил турецкому правительству. И, действительно, все эти семьи спаслись, выжили. Во время перемирия Фатих прибыл в Алеппо. Знавшие его с Амама армяне донесли на него английскому правительству как на обирателя, и его арестовали. Одну неделю он сидел в тюрьме. Другие армяне пошли и дали показания в пользу него и, его освободили. Последнее время я случайно узнал, что он умер.

ХАГГЫ БЕЙ В РАККЕ. – Мог ли такой жирный лакомый кусок, как армянские беженцы Ракки ускользнуть из рук столь ненасытного алчного зверя как Хаггы бей, преисполненного желания привести в исполнение планы по уничтожению армян. Он прибыл в Ракку в ноябре-декабре 1916 года. Хотя и армяне были охвачены ужасом, тревогами, однако преемник Фахри каймакам Али-Кемал бей, как и арабские эшрафы, ему не потакали. Не поинтересовались и не сказали ему: «Что ты за человек? Что собой представляешь?» Хаггы настаивал, заставлял, угрожал, кричал-орал, старался их убедить, хотел их ослепить блеском золота, подкупом, но ничего не получилось, они ему отказали. Али-Кемал мужественно ему заявил: «Невозможно, армянство Ракки не могу сдвинуть с места». Он ссылался на султанский иратэ, согласно которому Ракка была объявлена местом временного поселения армянского беженства. Хаггы прибег к разным способам, чтобы их убедить. Взять у имущих беженцев Ракки большие деньги и, сделав их неимущими, погнать в Дер-Зор. А полученные деньги поделить между собой. Таким образом «не будет нарушен приказ султанского иратэ, хотя и часть беженцев будет выселена в Дер-Зор. Каймакам и арабские эшрафы остались непоколебимы перед этими кознями и не тронули беженцев Ракки. Хаггы отчаявшись отправился в Урфу, чтобы там уломать мутасаррифа, но к счастью этот также холодно ему отказал. Он вернулся в Ракку и, не попрощавшись с каймакамом и эшрафами, потерпев поражение в своих махинациях, как лиса, поджав хвост, ушел.

КАЙМАКАМ АЛИ-КЕМАЛ БЕЙ. – Так как несколько ранее мы его упомянули, ознакомимся с ним поближе. После отставки Тели-Фахри с должности каймакама, появился этот человек из краев Багдада. Ему было лет за сорок, худощавый высокого роста, бледный, еле улыбающийся, с мрачным лицом, он с первого взгляда не оставлял впечатления человека, от которого можно было ждать доброжелательности, но в то же время известно было о его благоразумии. Межобластные представители-мухтары беженцев во главе со своим старейшиной господином Аветисом поспешили к нему от имени армянских беженцев пожелать ему доброго прибытия, поздравить его с должностью. Он их хорошо принял и сказал о своем доброжелательном отношении к армянам. И на самом деле проявил это. Он был очень законопослушным человеком, не нарушал законов, не был взяточником. Фахри применял грубую силу в исполнении закона.

ПЕРЕПИСЬ АРМЯНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ. – ОНИ ВРЕМЕННЫЕ ГРАЖДАНЕ РАККИ. – По приказу, полученному из Урфы, при Фахри началась перепись армянских беженцев, которую дополнил Али-Кемал. Беженцы группами со своими мухтарами явились для проведения переписи. На специальных бланках записывались имена и фамилии, имя отца, год рождения и место рождения. Во время последней Переписи каждому человеку была выдана справка, своего рода вэсика, нюфю-тэзкэрэси – удостоверение личности, в котором была указана личность его носителя и что он является **временным гражданином Ракки**. Этой процедурой султанский иратэ о временном гражданстве армян в Ракке документально подтверждался и таким путем всякие поползновения были нивелированы. И это имело свои благотворные результаты. Точно не помню, по этой переписи общее число беженцев равнялось 8-ми-9-ти тысячам. По этой переписи вся Малая Армения, Харберд и Диарбекир, входя в мухтарство Сваза, насчитали 400-450 человек, из коих 60 мужчин и 16 из них были людьми от 15-ти до 60-ти лет, остальные – ниже 15-ти – юноши, дети.

ОТУРЕЧИВАНИЯ. – Побойща в Дер-Зоре уже начались. Во главе с неким кровожадным черкесом Ракки группа черкесов поспешила туда для участия в погромах и грабежах. До Ракки доходят страшные вести, одна ужаснее другой о побоище, и шопотом распространяются. Армянство Ракки в глубоком трауре и ужасе, днями, неделями продолжается ужасная резня. От Дер-Зора до Хапура земли превратилась в неопишуемые бойни,

обитатели смерти. От этих побоищ есть спасшиеся. По пустыне бежавшие и пришедшие в Ракку. В частности, молодой храбрец адабазарец, по имени Ерванд, который бежал в чем мать родила. Рассказывают о резне, о своем побеге. О том, что в пустынях днями были лишены воды. О своих невиданных мучениях. Слушая их, люди теряли под ногами почву. Хотя и армянство Ракки было освобождено от страхов и опасений перевода его в Дер-Зор, но тем не менее слухов о возможной высылке было немало. Что-нибудь случилось с фанатичностью турок? Для некоторых правительственных чиновников, в частности, муфтия появился повод побуждать армян принять ислам, чтобы застраховать себя от возможной высылки в Дер-Зор. Армяне в сомнениях, растерянности. Постепенно решение принять ислам созревает среди имущих. Все горожане со своими мухтарами по вопросу о вере садятся на совет – принимать ислам или нет, особенно поневоле понуждаемые, они решают не предавать этому общественного характера, и все оставить на добровольном решении каждого, его совести, его семьи. Эрзерумцы также созвали несколько собраний и среди них также нашлись люди, которые решили общим порядком принять ислам, но Саргис Манукян и Закаряны воспротивились этому. Наконец началась исламизация. Ежедневно не было недостатка в заявлениях. Следует сказать, что из голодного люда не было ни одного подошедшего с заявлением. Из всех имущих около 30-ти семейств приняли ислам: из Нев-Шехира братья Чахмахчяны, из Эрэйилэ два брата, один протестант по имени Гайк из Еозката, из эрзерумцев Эфтэяны, из бирэджикцев ага Лазар и его брат Арменак, которые до этой поры не были отуречены, но теперь по настоянию своих соотечественников приняли ислам. Из Гастемуна Аршак и его товарищи, из пурсийцев некий по имени Степан, высланный из Полиса себастиец доктор Левон Охникян, дарданеллец Ованнес-Зэки и другие. Их пример не вызвал воодушевления. Народ с горьким презрением относился к ним. Когда произвели процедуру исламизации над Аршаком из Кастемуна, он пришел к нам. Мы сказали ему: «Аршак, что ты сделал?» Он был бледен, руки-ноги дрожали, язык заплетался: «Что мы наделали», сказал. Мы заставляем его рассказать. «Сперва, как-будто все шло гладко. Когда я представился муфтию и он предложил мне, чтобы я взял в руки гунд¹, сразу все вокруг у меня потемнело, казалось, что небо свалилось на меня, меня охватила дрожь, рот мой не раскрывается, я онемел. Уже не

помню, как я произнес имя зверя». Мы его стали успокаивать, оправдывать.

Такой же повод представился поговорить с доктором Левоном-Лутфием, когда-то моим учеником и соотечественником...

Оставим шутки, издевательства. Я знаю одно, что в нормальное время никто из этих отуречившихся не променял бы брошенный ему ноготь на имя мерзкого Нэра пустыни, порождения распутства. Но обстоятельства сложились так, что я ни одного не обвиняю и не считаю их заслуживающими порицания. И когда появились свободные условия, они как грязную рубашку сбросили с себя это мерзкое имя. В такое страшное время из одной сотни два-три не стойких – рядом с непоколебимостью и нравственной чистотой армянского народа – поистине очень незначительное число. Эта непоколебимость армяно-христианской веры из глубины веков по сей день звучит устами наших бабушек в ответ на зов искусителей:

Чтоб тебе онеметь как рыба,
Ослепнуть как крот,
Свет мой от Лусаворича,
Вера моя Христова!
Горе отступнику, горе отступнику!
Горе отступнику²⁰⁴.

Свидетельства врага, естественно, намного важнее: Алеппский комиссар полиции 13 раз ссылал в Дер-Зор молодого человека себастинца по имени Айказун Татарян. Парень каждый раз, преодолевая путь пустыни, возвращался назад. Но, проведя рукой по вороту, после тринадцатого раза прямо пошел к комиссару и сказал:

– Эфентим, вот я снова пришел (т).

Удивленный комиссар, обхватив бороду, говорит:

– Слушай, человек, я не смог ни уничтожить красоту этого народа, ни его имущество, ни жизнь, и не сломить его духовную силу (т), и говорит парню:

– Иди, ты свободен.

²⁰⁴ Так говорят женщины армянки, слыша звуки эзана (Г).

*** Следует сказать, что арабы Ракки не были сторонниками этой исламизации армян и не одобряли их. И даже плохо относились к отуреченным.

*** Маленькое знакомство с доктором Левоном Охникяном. Отец Охникян принадлежал к древнему потомственному роду интеллигентов, очень давно переселившегося в Полис. Он был одним из основателей Сенекеримского товарищества. Сыновья Арам, Левон свое начальное образование получили в Себастии, затем Арам стал учеником Центральной школы. А Левон поехал в Париж и учился на врача и кожевенному делу. Во время ссылки армянской интеллигенции эти два брата также были депортированы. Арам умер в Амане. Доктор Левон благодаря Тэли-Фахри прибыл в Ракку и стал врачом мэрии.

ОБЩАЯ НИЩЕТА. – Оставим частности, обратимся к положению народа. Прошло шесть месяцев, год, полтора года, война со дня на день ожесточалась, осложнялась, принимала новые формы, все шло на пользу Германии и Турции. Для нас армян не оставалось ни луча надежды, до прояснения политического горизонта было еще очень далеко. Условия жизни, проживания со дня на день становились тяжелее, все было поставлено на потребу войне. Все поступало в огромные военные запасы и хранилось. Суручские курды, которые в большом количестве раньше привозили муку, пшеницу, масло, сыр в Ракку и беженцы покупали относительно дешевый хлеб, теперь не привозят. Арабы – не производящий народ. Дороговизна подобно черному ястребу простирает свои крылья, искусственно возникает тяжелый голод. Продукты, особенно хлеб, невиданно дорожают. Белое просо из рук вырывают. Пришедшая в Ракку из Малой Азии большая часть беженцев была имущей. Люди среднего достатка проели все, что у них было – имущество, одежду они продали и потратили на хлеб. Имевшие в запасе какие-то деньги с ужасом видят как день ото дня запасы иссякают. Каждый человек переходит к строгому режиму бережливости. А что сказать о народе? В частности, о выходцах из Малой Армении, которые давно пребывали в нищете. Чтобы дать приблизительное представление о их положении, не считаем лишним привести

КАЖДОДНЕВНОЕ МЕНЮ НАРОДА. – Весна начинается рано. В январе все кругом зеленеет. Главной пищей народа были дикie съедобные

травы: мальва, кошачья мята²⁰⁵ (ССН. 376), синдз²⁰⁶, дикая красная свекла²⁰⁷, будра²⁰⁸, тахт²⁰⁹, бохкик²¹⁰, прас²¹¹. Ели или в сыром виде, немного посолив, или, сварив, смешав с горстью овсяной муки, готовили малех. Если к нему добавляли шинкованный лук или клали в него несколько зернышек блгура или проса, то это считалось уже обедом, достойным князя. На протяжении многих дней, неделями это было едой народа, не видевшего хлеб. Но и это длилось недолго. В начале апреля ни листочка, ни ростка зелени не найти, все вокруг превратилось в пустыню.

Дни проходили с горсткой проса или щепоткой овса.

Собирали саранчу и ели с жареным ячменем. Поджаривали семечки пальмы, превращали в муку и приготавливали малех.

Сдохшие лошадь, осел, мул не оставались на земле. Тут же набрасывались, у бедных даже ножа не было, скоблили, железными скобами отрезали куски и уносили. Не было посуды для варки на огне, в полусыром виде съедали. А какие драки бывали при разделе трупа животного, что попадало в руки – использовалось как оружие. Как-то взбесилась лошадь жандарма. Ее отвели на окраину Ракки и убили, должны были уже опустить в яму, когда прибежали женщины, стоявшие в сторонке. Жандармы запретили им приблизиться и, отогнав их, зарыли лошадь в землю. Позже пришли женщины, раскопали и растерзали лошадь на куски. Каймакам узнал об этом, послал человека, запретили брать мясо. Три-четыре дня там стоял охранник.

Для того, чтобы превратить джами в военную больницу, чистили комнаты двора. Там нашли дохлую овцу. Неизвестно сколько времени она там оставалась, сгнила, разложилась, заплесневела, в ней кишали черви. Рабочие, положив дохлую овцу на доску, выносили ее со двора. Несколько женщин, только увидев это, набросились на нее, схватили у воинов. Люди

²⁰⁵ Кошачья мята – в оригинале – «διδνιη ριω» (ССН, 476), Малх. приводит латинское название слова διδνιη ριω (птичий запас): «CapsellabursapastorisMönch» (Малх, т. 3, с.218).

²⁰⁶ Синдз – salsifis a grande ftur (ССН, 465).

²⁰⁷ Дикая красная свекла – по-армянски – լարվիր րիւնշը, по-турецки – хызыл банджар (ССН, 295).

²⁰⁸ Будра (бахехук) – grand liseron volubilis (ССН, 102).

²⁰⁹ Тахт – epinard sauvage (ССН, 198).

²¹⁰ Бохкик – petit rave (ССН, 121).

²¹¹ Прас – дикий прас, съедобный (ССН, 478).

были поражены. Находившийся наверху врач опешил, сказал «Что они делают?», но придя в себя, крикнул рабочим, чтоб запретили. Рабочие с трудом отняли у них дохлого барашка, отнесли и бросили в далеком месте. Но эти женщины пошли и нашли его.

С полей они собирали кости дохлых животных, варили и пили отвар.

На земле не оставалось корок арбузов, дынь, огурцов, шелухи от лука, репы, редиски. Если на рынке ели дыню, арбуз, дети, женщины группой ждали. И сбивали друг друга с ног, чтобы отнять брошенные корки. На земле не оставалось брошенных корок апельсина, лимона, каких-то овощей.

Кровь зарезанных животных не выливалась. Покупали в посуде. Остывшую кровь опускали в горячую воду, давали немного вскипеть и она становилась съедобной, посолив, ели.

Женщины ходили, умоляли курдов, продававших муку, вытряхнуть мешки, и вытряхнутую пыль муки покупали.

Дети срывали приклеенные правительственные объявления и соскребывая с бумаги или со стены, использованную в качестве клея муку ели.

Почти не осталось собак и кошек, тайно убивали и ели. Была некая женщина из Родосто, она приходила к Георгу-Эмми и говорила, когда-нибудь я украду твоего кота. Она сдержала свое слово, украла кота, зарезала и съела. Навоз лошади и осла не оставался на земле, дети набрасывались, выковыривали из него непереваренные зернышки и ели. Рука у меня не поворачивается написать о том, что они в поисках непереваренных остатков то же самое проделывали с человеческим испражнениями.

На противоположной стороне Евфрата было страшнее. Там было обычным делом употребление в пищу мертвечины.

НИЩЕТА БРОШЕННЫХ ДЕТЕЙ. – Больше всего меня терзали мысли об армянских беспризорных, брошенных голодных детях. Как учитель, постоянно общавшийся с детьми и от природы любящий их, я всегда интересовался ими и испытывал муки от их страданий. Из дня в день их число росло. Откуда они появлялись, казалось что выходят из под земли, они были всюду – на улицах, на рынке, на перекрестках дорог, на них лица не было, голод грыз их изнутри, в отчаянии, беспомощные, они целыми днями бродят по улицам, с устремленными в землю глазами,

чтобы вдруг не пропустить крошку хлеба, зернышко или изюм. Как куры они копаются в сорных ящиках. Неизвестно что за гниль они находят в них и тут же кладут себе в рот. Они как безумцы бросаются на корки арбуза, дыни или другие остатки овощей. Бросаются в ноги покупателей хлеба, хватаются за полы их одежды, моля о куске хлеба. А иногда собираются под дождем, дрожа от холода, душераздирающим плачем стараясь привлечь к себе внимание прохожих. Они бродят по улицам, у дверей богачей выжидают выноса остатков пищи, костей со стола. Уличные собаки раньше них набрасываются на это и уносят. А они стараются вырвать у них изо рта. Кажется, что они лишились человеческого облика, забирают кость, начинают его обгрызывать, сосать, ничего не чувствуют, камнем размельчают кость и опять кладут себе в рот. Были дети собиравшие окурки от сигарет, табак очищали и собирали, затем из бумаги сворачивали папиросы и продавали арабам за один два гроша и радостно бежали покупать просо. Лишенные отца-матери и уже позабывшие их, все они были побиты и брошены неумолимой судьбой и, будучи удостоены одной участи, они породнились и создали своего рода братства. Некоторые применяли детские хитрости. Был мальчик, который по обыкновению с наступлением темноты начинал перед дверьми имущих как сова завывать: «Эолтюм ачимтан» – «От голода умираю», до тех пор, пока им не надоедало и они не подавали еду и не выпроваживали его. И каждый вечер поочередно он менял улицу. В полной темноте этот надтреснутый голос звучал душераздирающе.

Но недостатка в дающих милостыню и сочувствующих также было немало. Мал-модир, алепец, араб с добрым сердцем, был другом брошенных детей. Выйдя из служебного помещения, он спускался к рынку, покупал хлеб и раздавал, или клал им в руки по одному грошу. Дети уже привыкли к этому. Они с нетерпением ждали его выхода на улицу, окружали его с умоляющим видом. Скажем также, что этот чиновник своей наложницей сделал Марнам, красивую дочь тохатца Хаджи по имени Хай-Боша. Взявшие армянских девушек чиновники вообще сочувственно относились к армянам.

Хозяин пекарни сасунец господин Ованнес, повар себастиец Симон, повар мерсинец Самвел по вечерам давали остатки хлеба и обеда этим детям. Особенно ага Ованнес, который помимо этого усыновил 8-10 детей и кормил их.

Едушие по Евфрату на Багдадский фронт немецкие, турецкие военные, солдаты в Ракке на рынке этим оставленным детям раздавали хлеб, деньги.

Арабы также не отставали от них.

Простите меня за нескромность, я также выделил 7-8 мальчиков, и в день давал им по одному хлебу и одной ложке обеда и, купив на рынке хлеб, чтобы освободиться от них, домой приносил пол хлеба. Одной из беспризорных детей была девчушка из Кесарии, ходившая раньше в детский сад. Бродя по рынку или по домам, она пела песни детского сада, декламировала стихи. И ей за это что-то давали. Была у меня из Пуртура девочка по имени Гюлюм-джан, я ее заставлял говорить на их диалекте и делал записи, как и другая девочка из Эвэрка по имени Гехецик и мальчик Зено из Кесаба.

Но что могли значить эти случайные небольшие подачки. Нет счета ежедневно умиравшим голодным мальчикам.

КАРТИНА ИЗ ЖИЗНИ БРОШЕННЫХ ДЕТЕЙ. – Раньше я видел малыша довольно краснощекого, резвого, со свойственным армянским детям пухленьким, красивым, милым лицом, густыми волосами, с отточенной красивой мордочкой. Как яблоко красно-белого цвета, на загляденье. Голод неумолимо как червь начинает разедать его внутренности. Со дня на день он худеет, истощается и превращается в скелет, в мешок костей... Волосы на голове выпадают, становятся редкими, лоб выступает, голова становится похожей на голый череп, черты лица также меняются, округлого лица как не бывало, скулы выступают, щеки, виски впали, подбородок удлинился, ниже виска виднеются немного проросшие пушки, он стал похож на лохматого старика, в образца ребенка-старика. Бескровные губы не сходятся, передние зубы выдаются вперед, нос утончился, сквозь уши виден свет, глаза впали, в них погас свет, шея стала тонкой, похожей на хвостик груши, адамово яблоко выпятилось, он согнулся, выступает горб, можно пересчитать ребра, живота нет, уменьшились, руки стали тонкими как два веретена, нижняя часть тела покрыта язвами, дыхание затрудненное, голос дребезжит, огни сердца погасли, живот отошал, кишки свернулись, съеденное не переваривает.

Так в детском-растущем возрасте он угасал, высыхал. И я таким увидел его. Спрашиваю его товарищей о нем. Они рыдая, плача говорят: «О, Зено? Он умер, его съели собаки...».

Кто должен дать ответ за это, здесь или там? Пусть говорит история.

Результат такого крайнего недоедания – водобоязнь и опухоли (hydrophobia), прекращение и нарушение месячных у женщин, закупорка матки и истерия, цинга, анемия, тиф, дизентерия – все эти болезни были обычными недугами беженцев.

ПОСОБИЯ ИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ИНОСТРАННЫХ ИСТОЧНИКОВ. – По сравнению с другими местами в этом отношении Ракка была счастливой, поскольку получала денежные пособия из иностранных и национальных источников. В 1916-ом году на Пасху из Национального Архиепископства Алеппо поступило 200 османских звонких золотых монет и через комиссию было распределено между самыми нуждающимися. Эту сумму привез некий кучер по имени Тэорт-Еолчи Хаджи-Акоп, мужчина старше 40-а лет, честный, преданный, отважный и бесстрашный. Как кучер он постоянно следовал по пути Алеппо-Ракка-Дер-Зор и с готовностью выполнял поручения беженцев, находящихся на этом пути, многим он помог бежать в Алеппо и спас от резни. Возможно, Алеппское Архиепископство продолжало бы посылать эти пособия, но из-за тяжелых политических обвинений и в частности из-за предательства зейтунца Карапета, местоблюститель архиепископства священник Тер-Арутюн Есаян и примерно 100 человек были арестованы и приговорены к смертной казни. И наряду с другими делами было приостановлено и дело посылки пособий. Хотя Алеппское архиепископство в другой раз послало с кучером Вардиваром из Хаджна 300 золотых для беженцев Амама, но эта бессердечная тварь прикарманила эти деньги. Он использовал 3-4 кареты. В последнее время я видел его в Амаме, вместе с детьми и семьей в крайней нищете, просил милостыню. Что посеешь, то и пожнешь.

АМЕРИКАНСКИЕ ПОСОБИЯ. – Американский консул в Алеппо со своим переводчиком три раза посылал по 1000 золотых в Ракку. Переводчик, по этому делу приезжавший в Ракку, каждый раз останавливался в доме представителя Американского общества Пиана Али эфенди. Али эфенди был индийским мусульманином, получившим английское образование, быт и нравы у него были турецкие. В первый раз пособие было распределено Али эфенди с одним арабским эшрафом вместе с армянскими мухтарами. Во второй раз переводчик и Али эфенди пошли по домам и каждому человеку-голове дали по одной османской банкноте. В

третий раз купили пшеницу и через мухтаров роздали. Али эфенди из пособия, пришедшего на имя армян, выделил долю и для арабских семейств. После того, как Америка вступила в войну, этим пособиям также был положен конец. Переводчик был молодым евреем, родившимся в Германии, говорили, что эти суммы были из звонкого золота, но что последний, договорившись с эфенди Али, перевел это на турецкие бумажные деньги и так роздали. Переводчик каждый раз приезжал в Ракку и покупал у армян беженцев дорогие брильянты и жемчуга. Несколько мухтаров на английском языке послали объяснительную записку консулу, в котором говорили о его нечестности. Когда переводчик в третий раз прибыл в Ракку /в 1917-м году/ он, позвав подписавшихся мухтаров и отредактировавшего письмо Нов-Шехирца Тиграна преподобного, хорошенько их избил и угрожал арестовать, но затем пощадил. Переводчик каждый раз по дороге в Ракку раздавал пособие также беженцам из Мескенэ и Амама. Консул пытался также послать пособия в Дер-Зор, но не представилось возможности и переводчик не осмелился дойти до тех мест.

Об этих пособиях американцев издавна многое говорили, но мы удовлетворимся лишь этим упоминанием. Америка выделяла армянским беженцам большие деньги как пособие, но турецкое правительство наложило на это запрет и американскому послу Полиса удалось получить незначительные привилегии. Пришедшее из Америки золото разменивалось на бумажные деньги по цене золота, из этого армянским беженцам предоставляли лишь 25 %, остальное передавали эвлат-шухэтам – сиротам турецких воинов. Таким образом посланные из Америки деньги пока доходили армянским беженцам из глубин пустыни.

ПОСОБИЯ ИЗ НЕМЕЦКОГО ИСТОЧНИКА. – Еще три раза немецко-швейцарский миссионер Урфы доктор Ягуп звонкую сумму в 500 золотых роздал беженцам, каждому по 10 курушей. Доктор получал турецкие бумажные деньги, но для легкости использования беженцами денег роздал им серебряными монетами. При первой раздаче армянским священникам дал по пять меджита, учителям-учительницам /около 30-ти человек/ – по два меджита. Также докторам-аптекарям – два меджита, а двум преподобным протестантам /Вардану Ерамяну из Мараша, Арутюну Хачатряну из Кемерека/ пособие по пять золотых, а также их семьям и детям – одежду и белье. Эти двое были сотрудниками доктора. Пособия

роздал также арабским и черкесским немущим семьям, возможно для того, чтобы устранить возможные недовольства. Но несмотря на это, власти Ракки чинили всякие трудности, хотели запретить раздачу денег, желая выяснить, что это за деньги и из каких источников поступают. Доктор Ягуп заявил, что это немецкие деньги и посланы немецкими благотворителями, с обязательством раздачи без учета национальности и веры.

В скобках заметим, что с доктором Ягупом, как с близким человеком, речь зашла о находящихся у мусульман армянках. Хладнокровно с безразличным умом миссионера и чаклой наивностью он возразил: «Армяне, вы видите, что курды, турки, арабы – малообразованные народы, насколько они отстают в цивилизованности. Вы как христиане, цивилизованный народ, ваши жены в их домах должны играть роль воспитателей и предводительствовать ими».

*Что можно сказать, горе тем дням, когда наш народ оказался в таком положении. В этом мире, что дешевле всего – когда сын одного становится сыном другого.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПОСОБИЯ. – Ранее мы говорили о том, что правительство выделило пособие немущим женщинам в виде пшеницы, овса или белого проса. Но в этом деле не было регулярности и чиновники постоянно задумывались над разрешением этого вопроса, так как было немало злоупотреблений. В это время взамен оставленного армянами *эмвал мэтрюке*¹ – брошенного достоинства для армянства Ракки было выделено 30 000 золотых. Эта сумма по частям высылалась из Урфы в Ракку из расчета на человека в день по 3 куруша, а в месяц – 90 курушей, давали бумажными деньгами, давали всем без исключения. Выдали всего два месяца /июль-август 1917 г./, сказав, что больше не поступает тахсейсат-ассигнование. 90 курушей бумажных денег составляло 12-15 курушей серебром, что хватало лишь на 4-5 дней продуктов. Правительство косвенным путем также помогало женщинам. Армянским женщинам давали шить белье для солдат, вязать шерстяные носки, за одно дело они получали пол оха муки. Опять же, для солдат давали молоть пшеницу, муку, блгур. Мыли шерсть, пряли нитки. Это все стало средством существования для измученного голодом народа. Женщины, парни проявляли инициативу и сами находили для себя работу – ухаживали за огородами, у

арабов становились слугами, работниками, словом находили выход из тяжелого положения и дни проводили наполовину сытыми, наполовину голодными.

Среди беженцев самыми бедными были тохатские армянские боши, их было около 150-ти человек. За исключением двух молодых людей и 10-ти 12-ти детей остальная часть были женщины, совершенно лишенные средств к существованию. Однажды ночью они вышли на дорогу Аленю. На одной из станций жандармы их поймали и, несколько дней задержав в тюрьме, привели обратно в Ракку. С победным видом, резво прискакав на конях, жандармы, одни впереди, другие сзади, третьи по бокам, вели их как взятых на войне пленных. А наши боши – какое жалкое зрелище – их привели во двор правительства. Каймакам с окна смотрел, позвал жандармов наверх, плюнул им в лицо и стал их ругать: «Не насытились еще, – говорит, – что вы хотели от этих бедняков, пустили бы их, куда хотели, пусть бы пошли». Каймакам приказал дать им тайин-пособие и отпустить.

МУТАСАРРИФ УРФЫ В РАККЕ. – Мы уже рассказывали о том, с какой фанатичностью турки Урфы уничтожали местных армян. Но жизнь ставит свои требования, это следовало восполнить и это могла сделать рука строителя. Очнувшись от своего шакальского приступа, почувствовав свою наготу, они стали искать эту руку строителя-армянина. Кажется, был январь 1917-го года, когда мутасарриф Урфы приехал в Ракку за ремесленниками, прочел перед народом приглашение, сделал заявление, рассыпался в обещаниях дать жилье, обеспечить жизнь, защитить, словом, создать все условия. Экономический кризис Ракки, тяжелое положение армян были налицо. Конечно, приглашение не осталось безответным и многие пошли представились, чтобы записаться. Но мутасарриф немного колебался и пришедшим сказал, что турки Урфы не желают видеть среди себя людей с армянскими именами и ставят условие об изменении имен и принятии ислама и только после этого приехать. Так на голову представившихся вылили ушат холодной воды, все отказались, никто не записался и никто не захотел ехать. Мутасарриф немного подождал и как кот, опрокинувший кувшин с молоком, ушел. Не забудем сказать, что из арабских эшрафов городской глава Хаттат эфенди и мюдир города Режи Абдуллай эфенди с очень большой похвалой и удовлетворением говорили об армянах строителях мутасарриф Урфы. Они показали ему несколько образцов

работы кесарийских и зарских женщин, которые с одобрения и помощи этих эшрафов занимались коврово-капетным делом. Мутасарриф излил желчь своей души и сказал: «Они даже в этом своем варварском состоянии эксплуатируют вас, постарайтесь овладеть их ремеслом и изгнать их отсюда».

Мутасарриф ушел, но через месяц из Урфы вновь поступило приглашение с заявлением, что требуются ремесленники, но на этот раз не было слов о вероотступничестве. Записалось 700-800 всех возрастов и пола. В феврале 1917 г. они пустились в путь в Урфу. До города оставался час ходьбы, они дошли до какой-то стоянки, в которую ранее были посланы жандармы и служащие. Этим всех бросили в один хан и арестовали. Они доставили им много неудобств. Имевших взенку* о принятии ислама, должны были принять. Остальным сказали, что угонят куда-нибудь. Конечно, по принуждению они приняли ислам и вошли в Урфу. Но турки очень плохо к ним относились. Они совершенно были лишены возможности посетить рынок, им не разрешали заниматься торговлей. Лишь самые востребованные ремесленники могли заняться делом. Власти, удовлетворив потребность города и для военных нужд обеспечив достаточным количеством ремесленников, остальных послали в проклятое место Кара-Кеопрю и использовали их на строительстве дорог, в очень тяжелых условиях.

ПРАЗДНИК В ЧЕСТЬ ХИЛАЛИ-АХМЕРИ (КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА). – Из Урфы поступил приказ в пользу Османского Красного Полумесяца устроить торжества и собрать деньги. Армяне также получили приглашение. И арабские эшрафы со своей стороны посоветовали нашим принять участие в знак благодарности, за полученную по сей день от них защиту. Не отставать же армянам в этом деле, говорили они. Все мухтары со старейшинами народа приняли участие. Городской глава прочел одно заявление Красного Полумесяца, в котором говорилось о заслугах его с начала войны и по сей день. Каймакам по-турецки произнес красивую речь, в которой более обстоятельно представил задачи Хилали-Ахмэри и его заслуги в этом деле и посоветовал присутствующим не жалеть своих денег для вспомоществования. Затем на арабском языке выступил муфтий. Группа армянских музыкантов сыграла красивые образцы турецкой музыки, придав торжествам соответствующий блеск. Армяне приняли активное участие.

АРМЯНСКИЕ КОСТИ ЗАКАПЫВАЮТСЯ. – Оставляю читателю представить то бескрайнее кладбище от Алеппо до Дер-Зора и оттуда до Кобира-Мосула-Багдада, где рассеяны, разгрызаны несчастные кости сотен тысяч, холмами возвышающиеся до самого Творца, подносимые как обвинение в адрес озверевшего человечества Великому Незнакомцу. Внимание немецких военнослужащих, пересекавших дорогу Евфрат-Багдад, привлекли эти кости. Замечено было, что они записывали, снимали и, по всей видимости, сообщали. Публиковали. Турецкое варварство пригвождалось в мире к позорному столпу. Из Полиса в Ракку, как и везде, поступали строгие приказы немедленно собрать эти кости и уничтожить-похоронить. Правительство Ракки для выполнения этой обязательной работы предоставило около 200 армянских рабочих, таким образом исполнив этот приказ.

АРМЯНСКИЕ СВЯЩЕННИКИ, УЧИТЕЛЯ, ПРЕПОДОБНЫЕ, ДУХОВНОЕ УТЕШЕНИЕ. – Из Малой Азии было около 10-ти священников, все в мирском или полумирском одеянии: Эски-шехирец Тер Лазар /по имени Мигран Ованнесян/, Тер Арменак, другой Тер Арменак, Тер Тачат, священник бирэджикцев 80-ти лет, исконный битлисец, некий старик священник кесариец, которому вырвали бороду и после долгих истязаний он был отуречен и оставался во дворе джами. Из преподобных отец Вардан Ерамян из Мараша, преподобный Арутюн Хачатурян из Кемерека, из учителей Саргис Манукян, Левон Карагашян, оба санасарянцы, из Чомахлыха Арис Галфаян, из Гарахисара Анушаван Саакян, директор Национальной школы Родосты Арутюн, из Нев-Шехира Тигран, из юристов хаджнец Сэксэнян, Ованнес Зэки и др. Была Пасха, мухтары от правительства получили разрешение на армянском языке провести службу, были духовные песнопения. Из любопытства присутствовали арабы и были обрадованы, а народ получил духовное утешение. Было немало бракосочетаний, но крестин – очень мало. У Мартироса Сэксэняна родилась дочь, которую называли Баггухи.

38

ПАТРИАРХА ТЕР ЗАВЕНА СОСЛАЛИ с родными в город его рождения Мосул. Они дошли до Ракки и сошли на том берегу. Были люди, издали видевшие их. Кто подтвердил, что это был патриарх, а кто опроверг.

Это вызвало большое волнение среди армянства Ракки. Если руки уже доходят до главы народа, значит на самом деле мы всем народом погибнем, обречены на смерть, хоть до этого было ложное самоутешение, самообман.

Как-то нам в руки попала газета «Тачат», прочли один номер газеты «Жаманак». Турецкие армяне отделились от Эчмиадзина. Католикос Сиса был провозглашен католикосом – патриархом турецких армян. Патриаршество Полнеа стерло все национальные привилегии. Для армян выработали новые каноны. Господи Боже, неужели мы снова живем во времена Иезидигердов^I, Шапухов^{II}, – говорим мы.

СУД ИСТОРИИ. – В связи с этой ссылкой Святейшего Патриарха я вновь обратился к часто мучившему меня вопросу: С 1870-ых годов по сей день кто из взошедших на патриарший Престол с чистой совестью должен предстать перед судом истории?... Долго я думал, но ни к чему не пришел. Наверно басня Фенелона «О молодой и Старой лисе» дает верный ответ на это... Единственно, я могу сказать: «Господи. Боже, неужто ты нам не явишь нового Ваана^{III}, и мы не будем приветствовать новый Нварсак»^{IV}.

АРМЯНСКОЕ ПРОРИЦАНИЕ. – На меня сошло какое-то гипнотическое состояние. Как-будто я слышу Армянскую Дельфийскую Пифию... Армянское лоно весьма плодовито... Давно оно родило нового Вагана... Андраника... Армянского Ганнибала... отступление... Кэлкит... Ерзынка... горсть храбрецов... Холодный город... Брест-Литовск... Певец черного мрака... Пята султана... слизь слизняка... Зама-Зангезур... Армянский Ганнибал... Ссылный... Иттихат-Катон... Кэмал-Сципион... Игра в карты... человек-стена... Крнакамарт?... алак-балак... кармир-калак... бюро-Рим... освободился от своих страхов?...

Черный цвет и сажа в душе у дурного припасены,
Горе и пепел над головой армянского мира.

Бусы украшения,
Красные ручьи.

На свет появились турки, курды,
Армянин – невинная овечка-барашек

Все его раздирают,
Пусть раздирают.

Масло и чмур²¹² Айранету.

Расплата и штрафы Каранету.

Кто на это прорицание

Кому-нибудь даст объяснение,

Тому горяченького дам

Иерусалимского балыка²¹³.

39

АРАБЫ АНЭЗЭ

ПОБОИЩЕ АНЭЗЕНОВ²¹⁴. – Начиная с пределов Дамаска-Татмора внутри до Шаммаров и наверх до берегов Евфрата расселились арабы Анэзэ или Элазэ, их насчитывают 6 миллионов. Это полунезависимые бедуины, живущие в палатках, управляются шейхами-шхуками. Правят два племенных вождя шейха: Шейх Мишэм властвует над Западной стороной, Шейх Хашэм – над Восточной. Они – два крупных вождя. Эти арабы довольно сильно отличаются от оседлого типа арабов. Внешне они стройнее, сухоощавее, смуглее, более жилисты, с сухим лицом, редкой, жесткой бородой, с тонким носом, дикими глазами. Вооружены длинным тростниковым копьём, арабское ружье сменено на маузер, имеют стальную острую кривую саблю. Владеют многочисленными отарами овец, коз, верблюдами, арабскими породистыми скакунами. В Дамаске-Алеппо используют их масло, сыр, шерсть, овец, ягнят. Они очень богаты, говорят – имеют тюками золото. В середине января они с бесчисленными верблюдами, стадами, подобно саранче, приходят в долины Евфрата, где среди кустарников ежевики, вереска, густых зарослей каперс разбивают свои шатры из козьих шкур. Ближе к лету поднимаются выше до Харрана-Урфы-Суруча – и долинам рек Хапура, Пэолика. С Евфрата их главный проход – Ракка и Амам. Во время этих их перемещений оседлые арабы с берегов Евфрата, как и с Ракки, становятся мишенью их грабежей, похищений, но в последнее время, наконец, это сменилось определенной пода-

тью. Они берут с оседлых арабов из земледельческих продуктов пшеницу, белое просо, кукурузу и другие зерновые. Эта подать именуется газуэ – военной добычей и они ее считают своим законным правом. На Урфинско-Суручской границе у них бывают постоянные столкновения с курдскими хозяевами пастбищ, их всегдашними врагами.

В 1917-ом году по своему обыкновению они появились. Власти не захотели им дать проход. Их главный Шейх – Шейх Мишэм пришел в Ракку и Амам. Представившись каймакаму, он его спросил: «Вы дадите нам проход, или мы его берем силой?» Каймакам согласился, они прошли. Видимо здесь сыграла роль английская пропаганда, которая велась среди них. Они приняли противную властям позицию. Между Раккой-Урфой перерезали дорогу. Ни один турецкий чиновник отныне не мог безопасно проезжать оттуда. Передвигавшихся по дороге Ракка-Урфа погонщиков мулов и кучеров из Хаджна они не трогали, говоря: **Армянский брат аху?** (т). Довольно много жандармов стали жертвой их пуль. Об этом сообщили в Алеппо, в Полис. Из Алеппо был послан отряд, прибывший с пушками, военным снаряжением. Открыто говорилось о том, что должны идти на анэзэнов. И на самом деле, через два дня двинулись на них. К ним присоединились черкесы из Ракки. На двухдневном пути от Ракки они осадили большую **обу анэзэнов**. Зарядили пушки и открыли стрельбу по **анэзэнам**. Анэзэны не оказали никакого сопротивления. Мужчины, вскочив на коней, бежали. Примерно 150 анэзэнов было убито. Турецкие, черкесские солдаты угнали много верблюдов, овец, ограбили палатки, и много добычи унесли. В связи с этим другие шейхи выразили правительству свою верность и покорность.

Поскольку мы заговорили об анэзэнах, расскажем вам об одном происшествии. В это пребывание в Ракке анэзэнов, находившаяся у шейха дочь себасти́йца А́копа Мага́кяна бежала и пришла к нам с плачем. Она просила спрятать ее. Эту девушку мы знали хорошо, взяли ее к нам. Посланцы Шейха пришли в Ракку и спрашивали о себасти́йцах. Мальчики армянских бошей Тохата их привели в дом, в котором мы проживали. Мы армянских бошей Тохата их привели в дом, в котором мы проживали. Мы поняли и тут же девушку отвели к Хюллахьянам из Урфы. Посланцы пришли и зашли в наш дом. Нашли только одного мужчину, меня, схватили за ворот, спросили:

– Где девушка?

²¹² Чмур – обжаренные в масле крошки хлеба.

²¹³ Балык (тур.) – рыба.

²¹⁴ Об анэзэнах см. примеч. с. 369, I.

– Какая девушка?– говорю.

Держа за ворот, один из них дал мне пощечину, спрашивает, где она, куда дели девушку, и протягивает руку к кинжалу. Тут женщины бросились, стали кричать, тянуть меня. Произнесли слово хэокумэт²¹⁵. Услышав слово хэокумэт, они тут же смягчились и приветливо спросили о ней. Мы сказали, что ничего не знаем.

После того, как они ушли, пришел молодой анэзе, и с некоторым страхом тихо спросил:

– Здесь вычищали вшей? – *cherchez la femme?*

Вечером мы девушку расспросили. Она оставалась у шейха. Он заботился о ней как о своей дочери. Она бежала с одним из слуг шейха – это был последний ищущий ее в нашем доме. Она пришла в Ракку и спряталась в нашем доме. У анэзенов закон, когда кто-то похищает у шейха девушку, девушка и парень обязательно должны быть преданы смерти. Если они пойдут и найдут прибежище у другого шейха, спасутся от смерти. Люди шейха искали девушку, чтобы убить ее. Мы девушку убеждали, чтоб она отказалась от своего намерения. И чтобы затерять ее следы, Кюллагян Мкртич повел ее в шатер своего знакомого араба, где были семьи из Урфы. Но в конце девушка бежала со своим возлюбленным молодым аназэном. Я тогда расспросил девушку также о том, что случилось с их караваном. Она была в одном из первых себастийских караванов, находилась в «Нагом караване». Во время резни Рэс-юл-Айни арабы с другими армянками похитили и ее. С ней у аназэнов находилась дочь учителя Саака Серайтаряна. Резня в Рэс-юл-Айни была устроена местными черкесами. Должен сказать, что арабы почти не участвовали в резне, за исключением частных случаев.

40

ЧАСТНЫЕ СОБЫТИЯ. НЕСКОЛЬКО УБИЙСТВ

Воровство, разбойничьи нападения у арабов – обычное явление. Обычное стало законом и приобретенное воровством не считалось незаконным делом. Араб может ограбить, но не убивает, постоянно друг у друга во-

руют. Конечно, для армян они не делали исключения. Армянство Ракки понесло частичные, но довольно тяжелые убытки. Однако эти случаи не относятся к политическим намерениям. Власти в армянонаселенных кварталах поставили ночных патрулей. Их месячную зарплату выплачивали армяне. Но не было ни одного случая, чтобы не случилось бы воровства. Авторами были сами ночные охранники. У скольких армян они выкрали крупные суммы, украшения. Однажды ночью они влезли в дом одного мараица мясника, вывели из хлева двух волов, и тащут. Человек проснулся, настиг их и хочет отнять у них волов. Они его убили и бежали. Был некий эфенди Левон из Прусы, он хорошо владел турецким и зарабатывал немало денег переписью. Он был одиноким. Почтовый работник, зверь по имени Халил, с сотоварищами ночью задушил человека, все его имущество ограбил, а тело понесли и бросили в старые развалины Древней Ракки. Понятно было, что это дело их рук. Но кто бы посмел пожаловаться, судиться.

МАЛЕНЬКАЯ РЕЗНЯ. – Мы настолько привыкли к большим побойшам, что время от времени резня 15-ти – 20-ти человек кажется нам маленькой. Они привлекли мое внимание: высокого роста, сильные, здоровые, глаза армянские. Ситочники из краев Пергама-Чанага-Калэ составляли заметное число в Ракке. Глаза большие, отважные люди, краснощечие, красивые, с черными глазами, с густыми усами-бородой. Их наряд также был привлекательным: вязанные шерстяные носки выше колен, шаровидные штаны – зейпек до живота, широкий пояс, доходящий до груди, одет в чамэтан, с повязанной на голове чалмой. Женщины как на подбор как амазонки, высокого роста, статные, с черными бровями, глазами, как два фонаря, до спины широкие большие шаровары, с мужественным видом, смелые, драчливые. Они туркоязычные, хорошо говорят также по-гречески. Используют также свой особый язык, по-видимому, иносказательный язык. Они церковнолюбивые, весьма уважительно относятся к церковнослужителям, все они хаджи²¹⁶, бывали в Иерусалиме. Сегодня, как они по Евфрату прибыли в Ракку, арабы по ним открывают огонь, а они с лодок сопротивляются, выстрелами из винтовок с лодок отвечают им и обращают в бегство. Их главное занятие – вязание сит^а. Женщины в

²¹⁵ Хэокумэт – власть, правительство.

²¹⁶ Хаджи (haci) – паломник в Мекку.

греческих деревнях продают товары. Был конец 1917-го года, когда мобилизация армянских беженцев стала неизбежным фактом. Из ситочников хаджи Карапет, хаджи Симон и некоторые другие со своими семьями – 18-20 человек во главе с кровожадными местными арабами, с целью побега в Алеппо, пустились в дорогу. Они едва успели пройти получасовой путь от Ракки, как арабы их связали, перебили мужчин на глазах жен и детей, а затем убили также женщин и детей. Их окровавленные лохмотья привезли в Ракку, многие увидели и опознали по ним хозяев. Преступление было налицо. В это время место пришло каймакама занимал некий ненавистник армян. Мобилизацию в отношении армян, их преследование он считал не тяжелым занятием и поэтому никто не заинтересовался этим делом. И даже было заявлено, что частичное побоище имело место с согласия властей. Наконец и Ракка обагрила свои руки армянской кровью. Хотя и арабы Ракки, как курды, не похищали армянок, не занимались грабежами, но не были далеки от частных преступлений, не говоря о девушках, которые под именем служанок или как содержанки добровольно в большом количестве шли к ним. Но если уж им понравилась девушка, они любой ценой добивались ее. Хотя и Тели-Фахри и Али-Кэмал поступки таких открыто осуждали и запрещали.

У арабов есть одна добродетель. Когда жертва говорит: «**Тахил-эс хаййо**» – «**Возьми под свое покровительство**», тогда они ее не трогают. Араб как-будто имеет великодушные льва. Курды звери, они не обращают внимание на просьбу, мольбу, у них сердце тигра, а у турка – шакалье.

СОБЛАЗНЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ. – Их было около 25-30, соблазненные со своей возвышенной целомудренности, они жили с арабами их развратной жизнью. Власти через мухтаров им велели прекратить, но они не переставали распутничать. Эшрафы пригрозили им, но они опять не унимались. И однажды власти собрали их и сослали в Алеппо.

КОНТРАКТЫ АРМЯН. – Помимо торговых дел армяне исполняли работы по правительственным заказам. В другие годы мэрия за гантар²¹⁷ в год давала 75 курушей. Одна армянская кампания купила бумажные деньги за 300 золотых и выгадала.

²¹⁷ Гантар – мера веса. «В другие годы мэрия за гантар в год давала 75 курушей». Один куруш был равен 40 пара, 0, 227 золотого франка (см. прим. 58, с. 39).

БЕЗ ВОДЫ АПТЕС – ОМОВЕНИЕ. – Из воспоминаний о Ракке упомяну и о том, как арабы без воды совершают омовение. Там мы это видели. Посередине рынка была мечеть. Перед ней крепко стояли два мраморных столба. Как-то привезли **чэназэ**, спустили, для того, чтобы сотворить религиозный обряд. Засучили рукава рубашки, чтобы взять сотворить аптэ. Смотрю воды нет, источника нет, сели перед мраморными столбами. И как перед источником стали руки, лицо потирать, сняв платки вытерли и совершили обряд.

ЕЩЕ ОДНО ВОСПОМИНАНИЕ. – Был июль 1917-го года. Днем на небосклоне вместе с луной очень ясно показалась также звезда. Мусульмане сочли это за хорошее предзнаменование и обрадовались.

41

МОБИЛИЗАЦИЯ БЕЖЕНЦЕВ АРМЯН

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА ЕВФРАТА (т). – Это было в середине 1917-го года. Наличие армянского беженства приобретает новое явление, вступает в разные фазы. Багдад пал, английская армия продвигалась на север. Для Германии, более чем для Турции, стало жизненной задачей вытеснение Альбиона из Месопотамии. Военные действия в Месопотамии активизируются еще раз вливанием новых сил. Германия предоставила этому фронту всех взятых у России в плен исповедующих ислам, а также из Болгарии всех своих поданных мусульман. Эти смешанные с турецкими солдатами войска ежедневно приходили и проходили по линии Евфрата. В том числе с большим количеством вооружения, военного снаряжения, пушками, перевозимыми в Багдад на плотах, лодках, моторных лодках.

Для этих перевозок надо было упорядочить железную дорогу Евфрата, обеспечить снабжение продуктами. В связи с этим поступают новые приказы об открытии в разных местах станций. Поэтому поступают новые приказы о достройке находящихся на железной дороге станций и местами – постройке новых. Для этих работ Германия советует Турции создать под названием Фрат хад ортус – «Железная дорога Евфрата», отобрать двадцатитысячную рабочую армию из армянских беженцев, находящихся от Алеппо до Дер-Зора. Германия, привлекая армян, как народ-строитель,

места назначения. Джараполус и Бирэджик превратились в огромные мастерские. Армянская длань лихорадочно работает, у нокта-командира прекрасное настроение. Благословенная рука армянина, рука строителя..., которая так хорошо строит чужой дом. Когда это будет, чтоб он смог благоустроить бездомный с потухшим очагом свой несчастный народ...?

Немного времени спустя руководитель строительства в Мэскеанэ некий армянин мерсинец и архитектор **нокты** Амама марашец Хорэн Костанян в связи с вопросом мастеровых поспешили в Ракку. Они также набрали мастеровых армян разного возраста и рода, около 500 человек и увезли с собой на более выгодных условиях, чем другие.

ПРИЗЫВ В АРМИЮ ОСТАЛЬНОГО АРМЯНСТВА РАККИ. – С переводом из Ракки в Урфу в начале 1917-го года и этим последним переводом армянское население Ракки сократилось почти наполовину. Большой обузой, тяжелой заботой вообще были бедняки, живущие впроголодь. Остальное армянство, люди среднего достатка, могли на месте жить. Однако пришедшие приказы настоятельно требовали обеспечения с 15-ти до 60-ти лет собственно военными... Они должны были быть использованы в строительстве на другой стороне реки на старой военной дороге от Сэпги до Дер-Зора. Царило колебание, все были охвачены разными мыслями. Араб эшраф и народ не хотели, чтобы оставшееся армянство покинуло Ракку, исходя как из своих выгод, так и усматривая в этой мобилизации для них опасность, смерть. Каймакам Али-Кемал был человеком закона, тем более, что это было военным вопросом. Он как городской служащий остался нейтрален, хотя и мог дать этим приказам силу, поторопить, отнестись строже. Не делать этого также было следствием благожелательности. Оставался командир жандармов Джэмал бей. Он как военный служащий имел прямое право эти приказы привести в действие. Но он также не хотел применять строгостей, и тем самым открыть двери для взяток. Это все было благоприятствующим обстоятельством, отчасти ограничивающим бедствие. В стараниях мухтаров араб эшраф и власти приняли среднюю позицию: с помощью переписи выяснили, что среди армянства Ракки имеется 600 человек призывного возраста. Араб эшраф заявил, что эти 600 человек нужны местным властям и до Урфы для военных потребностей на месте и необходимы для ремесленных нужд города. Командир жандармов предложил из этих 600 выб-

ранных людей 150 послать на строительство шоссейной дороги Сэпга-Дер-Зор, остальных оставить на месте. Себастиийское мухтарство из 16-ти человек выделило 4. Первый состав выбранных состоял из 75-ти человек, которые были посланы в Сэпгу. К ним присоединились с разных сторон взятые рабочие. После резни амэлэ-тапури Себастии в эти края привезли оставшихся в живых греческих воинов. Среди них был лишь один себастиец армянин Тийракян Лэплэпчи²²¹ Хаджи Артин, которого оставили в живых, потому что он был хорошим музыкантом. После отправки этой первой партии, с остальными действия немного приостановились. Из остальных 450-ти около 100 человек предоставили в Ракке для строительства зданий, на месте именуемом Кэлсрэ. Остальных оставили для местных и военных нужд нокта самой Ракки. Так или иначе и на этот раз армянство Ракки довольно легко вышло из этого тяжелого положения.

Большая часть воинов, отправившихся в Сэпгу, стали дезертирами. Местный командир к остальным стал применять строгости. Чтобы заполнить место дезертиров потребовал остальных 150 человек. Командир жандармов от мухтаров хочет получить епархиальных. Никто не является. Тогда командир выводит жандармов на рынок и они хватают встреченного армянина и бросают в тюрьму. Таким и иным образом этой второй партией отправили в Сэпгу-Дер-Зор 70-80 человек. В Ракку пришли командир Сэпги и других нокта набирать ремесленников. Арабские эшрафы открыто им отказали. Разъяренные командиры спустились на рынок, схватив увиденного ремесленника, выводили его из лавки, нагрузив им на спины их инструменты, спускали к пристани. Эшрафы арабы поднялись на ноги. «Что за самоуправство, здесь что нет властей? Куда ведете, куда тащите этот беззащитный народ, который немного ранее вели уничтожать?», говорили они. С одной стороны так они боролись с командирами, а с другой – армянам тайком говорили: «Немного переждите у себя в домах, не показывайтесь им на глаза». Вот как **эшраф** Ракки защищал армян, и я с совестью историографа считаю своим долгом упомянуть об этом.

И Я ВОИН. – Почему бы нет, эфендим? Я что хуже какой-нибудь некрасивой девушки? Мы занялись другими настолько, что позабыли о

²²¹ Леблебичи (leblebici) – продавец коленого гороха -леблеби.

себе. Это было в середине апреля 1917-го года. Я истратил все мои деньги, меня одолевают всякие мысли, голова трещит от забот, рот не раскрывается, я обозлен и подавлен, печален и стою с понурым видом. Пишу брату письмо за письмом, глаза мои устремлены на дорогу. Ответа нет. Мысли мои заняты 1000 одной заботой. Конец августа. Воскресный день, сижу дома и думаю. Как-будто меня кто-то подтолкнул. Спустишь-ка я просто так на рынок. Количество рабочих в нокте Кэсрэ напротив уменьшилось. Командир просил рабочих, но никто на это не обратил внимание. Он пришел с сопровождающими и прикрыл проходы рынка. Я также с руками и ногами попал им в лапы, как лиса, попавшая в западню. Набрали 10-15 человек и спустили нас к берегу реки и переправили на тот берег в Кэсрэ. День кончался. Принесли и дали нам по одному тайину хлеба. Разозлившись я не поел. Прошла ночь, утром прозвучала труба. С рабочими-воинами и мы представились, записали наши имена, начали работу. Большая часть рабочих из греков Аг-Тага-Матэна Еогтага. Архитектор также из их людей, чавуш наш приятель из Полиса О.Т. Г.-ы. Передается из рук в руки кирпич строящим стену. Меня также поставили в их ряд. В полдень наступило время **тайина**. Дали хлеб и гаравану из блгура с мясом, вкусно поели. Постепенно я примирился с моим новым положением. На следующий день чавуш дал мне более легкую работу: я должен был переворачивать полусухие кирпичи. Несколько дней я занят был этой работой.

ПАСИ ОВЕЦ МЭНЗИЛЯ. – Мэнзил имел довольно много овец. Чавуш поставил меня над ними пастухом. Пастушечьи посох в руках, запасы еды на спине, я гнал отары овец к берегам Евфрата в густые кустарники ежевики, каперсов, солодки.

Эге, эге, кысс...див. див. див...пыррр...гэй...

С детства мне нравилось одиночество, любил уходить в горы и ущелья, бродить по полям и долинам, пьянеть от аромата разнообразных цветов. Горы Ишхании, луга Майрагома были местами моих прогулок. Люблю и пастушечью жизнь эту патриархальную святую жизнь – освященную невинностью Авеля. В дни летних каникул посещал деревни, сколько ночей я проводил с пастухами под ясным небом, освещенным луной, я все еще слышу печальные звуки свирели.

Здесь – у рек Вавилонян – я нашел и то, и другое – одиночество и пастушество.

В сердце черная печаль, разразившейся над головой всего армянства великой беды. Охватив свою постылую голову ладонями, часами вперив глаза в стихию света, сижу я окаменевший. Воспоминания древних веков воскресают в моей памяти. И сердце мое в унисон с грозными волнами великой реки волнуется, и в моей больной душе открываются бездонные глубокие пропасти, как в глубинных пучинах водоворотов в моем воспаленном мозгу, в его складках раскрывая беспредельные дали, и с моих глаз стекают слезы, как у нового сына плененного Израиля, смачивая мои губы, и звучит песнь Псалмопевца:

«На берегу вавилонян, там сидели мы и плакали».

В детские годы, когда из механического чтения мы не понимали ни одного слова песни этого псалма, не знаю почему, мне так полюбились, что я знал наизусть и теперь в этих обстоятельствах я пел-стонал плачем:

«При реках вавилонян, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе. На вербах, посреди его, повесили мы наши арфы. Там пленившие нас требовали от нас слов песней и притеснители наши – веселья: «пропойте нам из песней Сионских». Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, – забудь меня десница моя, прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего. Припомни, Господи, сынам Едомовым день Иерусалима, когда они говорили: «Разрушайте, разрушайте, до основания его». Дочь Вавилона, опутательница! Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!» (Пс.136).

И придет ли время, Господи, когда ты освободишь из плена Новый Сион, мы, сеявшие в слезах, дашь ли ты нам в радости жать. Дай нам, о Господи, понести наши снопы с ликованием в лоно обетования Армянской страны, собраться там, вокруг Нового Сиона – Седого Свободного Масиса¹. Вокруг обновленной нашей родной разрушенной земли.

Велик Господь и творит чудеса.

Благодаря этой вере выжили наши Блаженные предки, этой верой творили наши бессмертные поэты, этой верой закрыли свои глаза наши десятки тысяч славных мучеников во всех уголках пустыни. Если было

что-то, что не могло умереть в армянине, это было обновление родного края. Это великая Вера в воскрешение армянской национальной жизни.

Но до этого очень много вод протекут по Евфрату и очень много крови прольется армянской, пока жаждущие этой крови Авеля звери Каины не насытятся.

Но армянин также Каин. Каин, направивший свой рог на Армению. Армянин Каин сам против себя, своего брата. Своего единокровца. Неужели и за сотни тысяч напрасных жертв он не опомнится и вслед за бессмертным Пешикташляном не скажет:

«Дай мне руку, мы братья,
Разделенные бурей».

Вот большой вопрос, который как чудовище предстает передо мной как призрак, как сеть ловит меня в этих песках.

Как проснувшийся от сновидений я вскакиваю, сзываю своих овец и направляюсь в сторону пэра²²².

В КАМЕНОЛОМНЯХ ДРЕВНЕЙ РАККИ.— Месяц или 40 дней я остаюсь в Кэсрэ. Для строительства Ракки и других военных зданий из развалин Ракки надо было доставать обожженный кирпич. 20 человек из Кэсрэ приставили к этому делу. В числе них был и я. На восточной стороне Древней Ракки, по ту сторону от земляного ограждения, с основ внешней стены должны были доставать кирпич. Фундамент находится под землей в одном-двух метрах глубины. Раскапывая и вынимая землю, вижу кирпичную основу в 50 рядов уложенных друг на друге кирпичей. Спускаемся на 10-15 метров. Чем глубже роем, тем наши сердца сильнее бьются. Разрушение, и вечная могила. К счастью этого не случилось.

ПЕРЕВОЖУСЬ В АМАМ.— Мы поработали на этих каменоломнях около месяца. Для строительства военных зданий стройматериал был почти обеспечен. Амам более важный военный объект, рабочих военных переводят туда, с которыми 23-го ноября отбыл и я.

Так как мы окончательно должны покинуть Ракку, расскажу о том, что стало с оставшимся там армянством и закрою эту растянувшуюся тему о Ракке.

Каймакам Али-Кемал сменился. Вместо него прибыл некто армяно-ненавистник и начались сильные преследования армян. Многие бежали в Алеппо, Мескенэ, Джараполус, Алеппо. Жандармы ежедневно навещают дома и увиденного армянина арестовывают и, формируя отряды, посылают в военные центры. В народе распространился слух о том, что посланных должны убить. Страх еще больше был от того, что каймакам особенно преследовал тех, кто имел дочерей. Ставил одно условие – или дать ему дочерей, или записаться воином. Прекратили выдавать пособия, жизнь стала очень тяжелой. Нищета неопишная, становится неспособность жить.

Когда Алеппо пал и было заключено перемирие, в Ракке еще оставалось 200 домов армян. Не считая тех, которые находились в палатках арабов. Репатриацию армян взяло на себя французское правительство. Главным управляющим по этому вопросу в Алеппо был полковник Клускар, его пособниками – Армянские Национальное и Межобластное союзы. Для переброски выжившего армянства из пустыни в Алеппо были предоставлены самые большие средства и помощь. Во все края были посланы разыскивающие и собирающие сирот служащие. Фармацевт Саргис Селян в это время еще находился в Ракке. Вместе с хлебопеком агой Ованнесом, цирюльником пейларцем Петросом, несколькими арабскими эшрафами они составили комиссию по перевозке армян по группам в Алеппо. Селян и Петрос поднялись в арабские палатки, собрали множество женщин, девушек, детей и отправили в Алеппо. Большое содействие в сборе сирот детей оказал араб эшраф. Увидев где-нибудь маленького брошенного забытого армянина они подбирали его и передавали комиссии. На дороге им сообща собирали деньги и с большими припасами провожали детей. Селян прибыл в Алеппо с последним караваном. От имени армянских беженцев Ракки, получивших здесь приют, он выразил глубокую благодарность и признательность арабским эшрафам, оказав-

²²² Пэр – специальное место близ деревни, куда в полдень пастухи пригоняют скот и доярки приходят и доят животных (ССН, с. 467).

шим такое неоценимое рыцарское содействие, человеколюбие и защиту. Эшрафы в свою очередь выразили взаимную благодарность и удовлетворение и пожелали армянскому народу свободу.

Когда Алеппо пал, внутри в пустынях началось безвластие. Эназены начали грабить военные станции на Евфрате, разрушали здания, вторглись также в Ракку, желая ограбить армянских беженцев. Эшрафы со своим народом поднялись против них, изгнали их и ни один армянин не пострадал.

*** Ракка была и моим местом беженства, и я, как хронист, считаю своей приятной обязанностью здесь публично выразить мою большую признательность арабам Ракки, и в, частности, благородной рыцарской прослойке эшрафов, за их воистину достойного благородного человека поведения и великодушной защиты. И было бы достаточно одного движения пальца, чтобы армянство было выселено из Ракки и спущено в Дер-Зор. А они не только этого не сделали, но и помешали исполнению адских планов со стороны главного палача Дер-Зора пресловутого Зэки и проклятого Хаджи бея.

*** Хотя в главе об Алеппо мы должны особо рассказать о сборщиках сирот, здесь мимоходом хочу упомянуть гнчакиста товарища Абраама Карагезяна из Эски-Шехира, о его огромных усилиях и материальных жертвах. Он лично обошел земли Ракки до Дер-Зора, Рес-юл-Айн и до глубин пустынь и, презрев опасности, угрожавшие его жизни, собрал сотни сирот, женщин и девушек и привел в Алеппо. Он удостоился благодарности и оценки Армянского Национального Союза и полковника Клускара. Хотя и он из-за своих деяний материально обнищал и со своими детьми ведет сейчас нелегкую жизнь.

ЕЩЕ О НЕСКОЛЬКИХ СОБЫТИЯХ. – Вопреки объявленной Турцией всеобщей мобилизации, до конца 1917 года от арабов и черкесов не было призвано ни одного человека. В это время из них создается какая-то милиция и им поручается охрана Евфратской железной дороги и станций. Жандармы шли в арабские палатки, призывников связанными приводили в Ракку и отсюда посылали в Урфу. Но призывники часто, не дойдя до Урфы, дезертировали. Жандармы обчищали арабские палатки.

ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА ИЗ ВЕДОМСТВ ТЭКЭЛЛИФ ГАРПИЙЭ с жандармами шли в арабские палатки, захватывали в большом количестве

масло, сыр, овец, волов, коров, пшеницу, овес, просо, шерсть, шкуры, соль, верблюдов, много других продуктов и заполняли ими военные запасы.

СТАВЛЮ ТОЧКУ моим воспоминаниям о Ракке. Из себастийцев и, в частности из нашего каравана, выжил лишь я, когда я как воин перешел в Амам. И здесь я ставлю точку трагической истории депортации Малой Армении и Себастии. В Амаме нас 70-80 рабочих-воинов, здесь больше нет жизни беженца... То, что я должен рассказать, это частные случаи.

Однако в части об Амаме я должен ненадолго прервать свой рассказ и открыть новый раздел о событиях, связанных с отдельными людьми.

43

СОБЫТИЯ, СЛУЧИВШИЕСЯ С ОТДЕЛЬНЫМИ ЛЮДЬМИ

Каждый выживший имеет свою историю и история одного трагичнее истории другого, настолько особенные, душераздирающие, такие ужасающие, что их описания заняли бы тома и составили бы огромную историю самого большого побоища в мире. Моря обратились бы в чернила, тростники – в перья и бескрайние расстояния долин – в бумагу. и всего этого недостаточно было бы для того, чтобы все охватить, изобразить.

В Алеппо военный ветеринар, исконный тохатец, Погос Кирэмидджян, который одновременно был служащим цензором книг, после перемирия принявшим широкое участие в Национальных армянских союзах, а также в Межобластном союзе, оставил тетрадь с записями частных историй беженцев. На мою просьбу он отдал ее мне, и я, ничего не меняя, приложил ее к моей истории геноцида.

Епраксия Еникян из Ерзынки. – 25-го мая 1915-го года мы расположились лагерем около Кемахского ущелья. Жандармы, чтобы похитить красавицу Арминэ, в соседней палатке зарезали ее отца, брата и двоюродных братьев. Арминэ не вернулась. 26-го мая на том же месте двое жандармов кинжалами убили Арама Гаспаряна и захватили его жену, когда шестилетний сын плакал над трупом своего отца, сзади вдели его на шею и, показывая народу, крикнули: «Вот ваше знамя». 27-го мая около Арабкира жандарм нас вывел из палатки, погнал в безлюдное место, где

зарезал моего сына Левона на коленях моей дочери, потом похитил дочь. Не дойдя до Камаха рожала женщина, полицейский вытащил ребенка из утробы матери, разделил младенца мечом надвое, показал матери и сказал: «Смотри, теперь у тебя двойня». Мать через два часа скончалась.

Аревалуйс Карагезян /из Ерзынки/. – 26-го мая 1915 года около Кемахского ущелья в поле несколько жандармов вырвали из рук матери шестилетнего мальчика, распяли на деревянном кресте, забив гвоздями глаза, руки и ноги и затем, показывая народу, крикнули: «Вот ваш Христос и крест, пусть вас освободит». 31-го июля из колодца, полного трупов в Веран-Шехирэ, мы выпили воду. Более двух дней томились жаждой.

Кристина Тарджанян /Кюрин/. – 2-го июня 1915-го года нас вывели на дорогу, ведущую из Малатии в Тигранакерт. Арутюна Джаныгяна на глазах у матери со спины топором разрубили.

Арменуш Нахикян /Харберд/. – Был арестован Проф... ян. После десяти дней ужасных истязаний 3-го июня умер от сжатия головы железным кольцом. 3-го июня арестовав проф. Нахикяна и проф. Люлечяна предали их различным истязаниям – били, выдергивали ногти. 22-го июня они были сосланы с тремястами армянами, среди которых был предводитель этих мест. За исключением проф. Люлечяна все были зарезаны. Люлечян через Кавказ отправился в Америку. 12-го июня в Харберде в уборной вниз головой повесили проф. Тэнэнкэджяна. 25-го июня докт. Ншана Нахикяна, докт. Манвела, докт. Вэзнэчяна и священника Тер Вардана Асланяна во дворе Харбердской тюрьмы облили керосином и сожгли. Из вышедшего 4-го июля каравана в 1000 человек через два месяца пути до Алеппо дошел 31 человек.

Госпожа Люсия Жамкочян /Тохат/. – 5-го июня вардапеты Нерсес и Оган, а также 15 других церковнослужителей Тохгатской крепости были преданы ужасным истязаниям – им выкололи глаза, отрезали носы и уши и затем, залив керосином, сожгли. 12-го июня. У Гырг-Кэлчи в Чугур-Бахчэ на нас напало 25 турецких всадников, они заставили нас раздеться, при нас продали наши одежды курдам и оставили нас нагишом. 13-го июля. В четырех часах от Фырынджылара вождь племени Зравикян Хаджи-Петри со своими людьми напал на нас, отделил мужчин и на наших глазах их мечами и ножами зарубили, одновременно потребовали, чтоб мы возгласили здравицу падишаху: «Падишахм, чох ягши». 15-го

июля. На горе Раджан молодая девушка из Самсуна за отказ отдаться жандармам была публично изнасилована 25-30 людьми, затем, они приблизив верха двух ближайших деревьев друг к другу, ее повесили вниз головой. Отпущенные деревья с силой разошлись и несчастная разделилась надвое. 6-го августа на расстоянии 10-ти часов ходьбы от Урфы наш караван, состоявший из восьмисот человек, все женщины были раздеты полицейскими, караван остался абсолютно голым²²³ и под этими палящими лучами солнца мы несколько дней шли и многие матери бросились в колодцы. Через несколько дней мы увидели воду, но нам не позволили пить.

*** **Мушег Турнян** /Муш/. – С 27-го по 31-е июня, за эти четыре дня из долины Муша, из деревень Каркар, Али Грнан и Хрешкерт 100 000 человек заживо были сожжены. Народ заперли в домах, хлевах и деревни подожгли. Возглавляемая османским депутатом Ходжи-Илиасом турецкая чернь держала народ под прицелом. Пытавшихся спастись бегством, тут же убивала.

*** **Госпожа Вероника Кэошэян** /Себастья/. 4-го июля 1915 года в Гырд-Кэозе 25 женщин и девушек согнали в воду и утопили. 12 часов как у нас во рту не было ни капли воды. 14-го июля в Ганлы-Дерэ выкупила у некоего курда за два золотых своего четырехлетнего сына Паргева, которого неделю тому назад потеряла. 25-го июля. От зноя пустыни обезвоженную дочь мою Викторину напоили, спасли. 27-го июля. Между Урфой и Верин-Шехиром мы, 15 часов лишенные воды из-за запрета пить, решили броситься в первый попавшийся колодец. Наша десятилетняя дочь Виктория об этом нашем решении услышала, и как только мы были близко от колодца, она с другими вместе побежала и бросилась в колодец. Запоздавшие лишились этой возможности, колодец был уже заполнен людьми. Через две-три минуты, когда, напившиеся воды, захотели оттуда выйти, оказалось невозможным, не было веревки. У турка грабителя, примкнувшего к нам, была веревка, но не взирая на наш плач и даже деньги, которые мы предлагали ему, он не дал нам веревки. Я вынуждена была порвать наши одежды, сделать веревку, чтобы протянуть дочке, но

²²³ Караван, состоявший из беженцев Малой Армении и большей частью из себастианцев был в пустынях Вэран-Шехир. Известен был под названием Нагая пархана (нагий караван). От солнца, дождя их кожа как блевотина отслоилась и прилипла к телу (Г).

другая женщина половчее ее отняла у нее и хотела привязать себе за спину, но когда мы ее тянули веревка оборвалась. Колодец отозвался воем несчастных. Никогда мне не забыть тот момент, когда Виктория, протянув свои руки наверх, умоляла и просила: «Мама, сними меня отсюда». В тот же момент жандарм стал нас отгонять концом винтовки. Закрыв большим камнем колодец, а мы от страха перед безжалостными палачами бежали. 30-го июля. У Аэран-Шехри нас совершенно оголили. Некий себастиец турок наступил на живот Макруи Диланян и в поисках денег решил ее обследовать.

*** **Госпожа Егинэ Игнатиосян /Амасиа/**. – 21-го июля 1915-го года каймакам Шар-Гшла из нашего каравана отобрал 1500 девушек и продал крестьянам. Из них 600 человек были моими первыми ученицами. Из Амасии нас выселившихся было 18 000 человек, теперь осталось 8 мужчин, 90 женщин, которые через три месяца смогли придти в Алеппо. 2-го августа в Гырг-Кэоз нам запретили пить воду. Свыше 12-ти часов у нас во рту не было ни капли воды. 25 женщин, которые попросили разрешить им пить воду, были отведены на реку и потоплены. В эту ночь 200 человек погибло от жажды. 10-ое августа. В Фырынджларе заставили нас бросить грудных детей. Около 500 детей там были заживо похоронены. Крики детей еще пол часа мы слышали издали, плач матерей часами отдавался в поле. 30-ое августа. Между Суручем и Урфой увидела ребенка, который сосал грудь мертвой матери.

*** **Србуи Авакян /из Самсуна/**. – 5-ое октября 1915-го года. У Гырг-Кэозы увидела глубокий бассейн, наполненный детьми ниже пятилетнего возраста, некоторые из них еще были живы. На том же месте увидела тела 100 старых женщин, сгоревших в своих одеялах.

*** **Айкануш Шагинян /Урфа/** – 5-го сентября 1915 года у Урфы в Гызларе турки зарезали моих двух детей, трех и шести лет, и их трупами вскормили собак. 5-го сентября недалеко от Урфы обесчестили Егисабет Демирчян и в нашем присутствии зарезали ее двух детей. Из семьи Таптапян трех девочек изнасиловали и продали крестьянам близлежащей деревни.

*** **Герман Овсепян /Арабкир/** – 11-го июля 1915-го года между Малатией и Адиаманом увидел 23 голых трупа девушек, в детородные органы которых были воткнуты камни, многие из них были ранены в

головы. 9-го августа от Урфы на расстоянии дневного пути до Рэс-юл-Айн пустыни мы прошли мимо места, заполненного трупами. Несколько турок сжигали трупы, а другие в останках искали деньги, золото.

*** **Ахавинн Погосян /Харберд/**. – 5-го августа 1915-го года от Урфы туда дальше за один кубок воды заплатили 2 золотых, а за два кубка тана – 5 золотых. Мать моя умерла от обезвоживания. 10-го сентября в лодке на Евфрате два полицейских сломали одной женщине зуб для того, чтобы завладеть золотом.

*** **Геворг Сэрсэмян**. 12-ое марта 1916-го года. В Джурджуке некий чеченец заставлял красивую женщину отдаться ему, но женщина не отдалась. Тогда чеченец сунул головку ружья в ее детородный орган и выстрелил. Труп сжег, одновременно сжег ее двух маленьких детей. 13-го марта. В Джурджуке некий чеченец продал арабу за два золотых одну беременную женщину по имени Азнив. Но видя недовольство женщины, чеченец разрезал ей живот. Сказал арабу, чтоб тот вытащил ребенка, подкинул его на меч, который он подставил.

*** **Григор-Торос Чепеджян /Айнтап/** – 5-ое мая 1916-го года. Правительство Апухарры для посылки в Полис собрала 50 детей 8-ми -9-ти лет. Из Апухарры они в сопровождении 12-ти полицейских пустились в путь. Так как дети не могли идти, начальник полицейских Бахметин приказал пустить на них коней. Уже через 15 минут никого из них не было в живых.

*** **Акоб Сааклян /Тэорд-Еол/**. – 4-ое августа 1916-го года. Я был в турецкой армии воином перевозчиком. В Суваре встретил полицейских, которые спустили 600 армянских детей восьми-десяти лет с повозок и, бросив их в большой ров, сожгли сухой травой. Немного далее я увидел еще повозки, сзади каждой привязаны были два ребенка, которых тащили по камням.

*** **Искэндэр Василян /Тэорд-Еол/**. – 6-ое августа 1916-го года. В Дер-Зоре в постоялом дворе было собрано 4 000 армянских сирот, по приказу правительства их вывели за город. Когда дошли до моста Мец Камурдж воины и народ больше половины бросили в воду и утопили. Те, кто смог дойти до другого берега, были сожжены.

*** **Госпожа Пэхиз Матосян /Айнтап/**. – 4-ое сентября 1916 года. Примкнувшие к нам полицейские бросили в реку Хапур около 35-ти детей.

Те, кто хотел обратно приплыть к берегу, были забиты камнями и утонули. 5-ое сентября. У реки Хапур видела женщину с распоротым животом, в кишках которой местный житель искал золото. 10-е сентября. Группу, состоящую из 1500 женщин, детей, повели в палатки чеченцев. Там меня, мою сестру и других 50 красивых девушек отделили, остальных сожгли сухой травой и нефтью. Мы из палаток видели черный дым и пламя.

44

СТРАНИЦА ИЗ РЕЗНИ ДЕР-ЗОРА

БАССЕЙН ХАПУРА. – Огромные степи Месопотамии орошаются двумя важными ветвями Евфрата – в Западной части Плех-Беликом-Пэо-ликом, который вытекает из долины Урфа-Харрана несколькими притоками и на юге, ниже Ракки, соединяется с Евфратом. Вокруг нее простираются огромные пастбища. В Восточной части – Хапур, библейский Кобар, на берегах которого великому пророку Иезекиилю предстало пророческое видение. Разбросанные здесь и там многочисленные притоки Кобара вытекают из гор Масиоса, Синджара, протекают через Мертвин, Низибин, местами в песках теряются. При султане Гамиде чеченские беженцы расселились в бассейне Кобара. Среди кавказских мусульманских племен чеченцы самые дикие, кровожадные, с нравами грабителей. В черкесах замечается какая-то черта благородства, рыцарства. Высшая прослойка черкесов не занимается воровством, разбоем. Лишь в крайних случаях они прибегают к убийству. Чеченец беспощаден как тигр и может убить просто из интереса.

Политика Турции заключалась в противопоставлении друг другу народов, живущих на ее территории и являющихся ее кочевыми жителями, в сохранении напряженности между ними с целью их ослабления. Так она дальновидно в этих глубинах поселила чеченских беженцев. И на самом деле своим диким образом жизни они не только сохранили свое положение, но и внушили страх арабским слоям и те их боятся. И эти звероподобные чеченцы стали страшным оружием в руках иттихада в погромах в Рэс-юл-Айне и Дер-Зоре. Главными центрами чеченцев были Сафха, Арата, Рас-юл-Айн на линиях железных дорог.

ИСТОЧНИК ЭТОЙ КРОВОЗВУЧНОЙ СТРАНИЦЫ. – Читатель помнит, что я ниже Ракки не отправился в сторону Дер-Зора, поэтому сблизил не очень многое знаю о происшедшей там ужасной резне. Об услышанных мной неопределенных запутанных историях я не захотел упомянуть в моей книге, боясь, что могут вкратце в нее искажения. Но тем не менее моя история геноцида не осталась без этой части. Она получила достоверный фрагмент, рассказанный одним из главных погромщиков неким беим чеченцем. Достоверность его рассказа выше всяких сомнений. За этот ценный фрагмент я обязан некоему достойному молодому человеку ага **Ншану Матосяну**. Отец его был исконным тигранакертцем, очень давно обосновавшимся в Алеппо и там положившим начало ремеслу ²²⁴ *ясмы* с помощью тохатских мастеров. Господин Ншан Матосян родился в Алеппо, получил образование в иностранных учебных заведениях. Прекрасно владеет французским и немецким языками. Ему 24 года, у него благородные устремления, он наделен яркими патриотическими чувствами. С давних пор он служащий железной дороги Багдада. С 1917 по 18-ый год в центре чеченских беженцев на станции Арата является начальником станции. Своим благородным характером, мягким обходительным нравом и в особенности свойственным тигранакертцам отцовским отношением к мастерам добился признания и доверия чеченцев и беим. Как-то у него состоялось свидание с кровожадным погромщиком Дер-Зора. Он умело перевел речь на погромы и демон стал откровенно рассказывать о совершенных им злодеяниях.

Состоящие из 12-ти больших страниц эти записи господин Ншан Матосян в ответ на мою просьбу сейчас же передал мне, разрешив приложить это к моей истории геноцида. Ее публикацией я выражаю ему свою благодарность.

До сих пор я свою работу называл Историей Великой резни. Теперь какое название дать этим ужасающим страницам? Я не могу найти слов для ее оценки. Назвать ли его **демонологией, рассказом дьявола, исчадья ада, чудовища или дьявола, злокозненного?** Но и дьявол и чудовищедолжны были, отшатнувшись, в ужасе отпрянуть назад перед зверем зверей, человеком, совершившим это Великое побоище.

²²⁴ Ясма – платок, окантованный тисьюмой.

РАССКАЗАННОЕ ПОГРОМЩИКОМ ЧЕЧЕНЦЕМ МАХМУД БЕЕМ

АРАТА, 17-ое МАРТА 1918. – о Махмуте бее часто со мной говорили спасшиеся из Дер-Зора и, в частности, от погромов соседних сел вожди аширетов арабы, как и люди с большей или меньшей долей совести – чеченцы. Соответственно рассказанному я ожидал увидеть с дьявольскими чертами лица, тевтонского роста, с садаелевскими выражениями, вызывавшими ужас зверя и признаюсь, что я сразу ужаснулся бы, если увидел бы его во сне. Он не был таким, когда вчера утром в 9 часов представился мне. Через пятнадцатиминутный разговор он сам себя представил. Его рост немного выше среднего, хорошее сложение, острые и торчащие усы, кажущиеся благородными очертания его белого лица, временно рассеяли мой страх и ужас. Махмед бей сказал мне, что он рад познакомиться с таким патриотом народа /какого народа?/ и особенно увидаться с человеком, любящим чеченцев. Он перечислил добрые свидетельства и те привилегии, которые я дал чеченцам по бесплатному использованию железной дороги и т. д., и т. п. Мардинец Апа-ул-Гатэр-паша много говорил ему обо мне и представил меня как турка, добросовестно исполняющего свои обязанности²²⁵. Я поблагодарил его за столь хорошее отношение ко мне и заявил, что это честь для меня быть знакомым с таким героем?!! Было 12 часов, по обычаю края гость стал моим сотрапезником, что было наилучшим свидетельством приятельских отношений – с моей стороны – мое приглашение, с его – принятие этого приглашения. Блак из рыбы стал предметом разговора. Мой сотрапезник возразил мне, что в Сепхе²²⁶ гяуры так готовят обеды, и предположил, что я долгое время с ними общаясь, перенял их обычаи. Блюдо было отменным и он вынужден был, может быть невольно, признать, что вкусно готовят. Я заметил, что он, наверно, также ел приготовленные армянами блюда и мог судить о них, и выказал сожаление, что отныне мы будем лишены этого удовольствия.

²²⁵ Хотя и господин Ншан не представлялся местным чеченцам как турок, но и не проявлял себя как армянин, его воспринимали как алеппца мусульманина, благодаря чему и к нему относились как к своему единоверцу (Г).

²²⁶ В бассейне Хапура центр чеченцев, состоящий из 400 домов, большое село. Сначала был резиденцией каймакама, но затем центром правительства стал находящийся на железнодорожном пути Рэс-юл-Айн (Г).

– Да, – воскликнул Махмуд бей, – но не нужно сожалеть. Они со вкусными обедами, кормили нас желчью, это коварные люди, обманщики и враги. Если они нас кормили вкусной едой, то с наших глоток взыскивали тысячи раз больше. Этот проклятый народ нас ограбил. Я довольно долгое время жил в краях Муша, плодами наших работ пользовались они. Как купцы они покупали наше зерно за ничтожную цену, но свои товары продавали по очень дорогой цене. К счастью правительство поняло это, и этот проклятый народ предало итаму-уничтожению. Я могу гордиться и весь мир может свидетельствовать, что я очень помог правительству и преданно исполнял его приказы. С гордостью могу сказать, что я этой собственной рукой /протягивая правую руку/ убил более 400-500 гяуров.

Я содрогнулся.

– Мои стараниями и усилиями моей конницы я отправил на тот свет более 8-ми тысяч человек.

Тайком я выпил два кубка воды, знал, что при испуге очень полезно пить воду. Он продолжал:

– Если хотите, я вам расскажу несколько коротких историй. Думаю, что не соскучитесь.

– Да, продолжайте, вы мне доставили большую радость.

– Знаю, – сказал он, – турки, курды, чеченцы, не мусульмане мы? Приблизительно два года тому назад наш соплеменник каймакам Рэс-юл-Айна, в частности, вызвал меня к себе. Я представился. Он сказал мне, что время перейти к делу. Сейчас открыто поле действия. Я получил приказ об уничтожении гяуров. Ты доверенный человек, вот тебе письмо мутасаррифу Дер-Зора, приказы будешь получать оттуда и, я надеюсь, что ты меня не подведешь. Я немедленно подготовился и на следующий день с двумястами всадниками пустился в дорогу в Дер-Зор. Что увидел я там, брат! Как-будто мы находимся в Муше или в Ване, армяне там так обосновались, как в своих домах: лавочники – их люди, купцы – их люди, в школах учителя гяуры, словом, все в руках гяуров. Прежний мутасарриф-пес, создал для них все условия. Но затем, элхэм тюр юллах²²⁷, был снят с должности. Гяуров стали преследовать. Сначала стали уничтожать гяуров, живших за городом в палатках. Жандармерия дала мне всяческие пол-

²²⁷ Элхэм тюр юллах – Слава Аллаху.

номочия. Я мог делать все. Я немедленно перешел мост и своими двумястами всадниками и арабскими силами, которыми распоряжался только я, осадил палатки 10 000 армян. Гяуры могли иметь оружие. Тут же мы начали обыски. Целью обысков был захват оружия, денег, всякого вида товаров, похищение красивых женщин. Впервые взявшись за это дело, я не хотел коснуться их жизни. Едва мы приблизились к ним и начали обыск, как они открыли огонь по нам, и в это время мой двородный брат и 4-5 человек из моих самых преданных людей были убиты. Из-за этого я поклялся стать заклятым врагом гяуров. Мы прибегли к оружию и с четырех сторон открыли по ним огонь. Появились мутасарриф, начальник жандармерии с жандармами, которые нам помогли. Крики, вопли... После четырехчасовой непрерывной стрельбы, мы напали на них с мечами, кинжалами. Супан²²⁸-Аллах, столько богатства, столько роскоши мы никогда не видели. Старики, молодые люди, женщины, дети все были под нашими ногами – один кричал, другой плакал, третий был в агонии, четвертый был уже мертв. Эта работа была для нас очень тяжелой, ибо нелегко всех по одному обирать, обыскивать и в ночной темноте искать красивых женщин. Но мы все успешно сделали. Было уже за полночь когда мы вернулись в хан. Здесь я распорядился собрать все разграбленное, потому что на следующий день с мутасаррифом и полицейским-мюдиром мы должны были все посчитать и разделить награбленное. должны были выделить мне большую часть, а я из своей доли должен был дать моим всадникам, остальную часть должны были поделить между собой мутасарриф и начальник полиции, как мы и договорились. Один из слуг явился и привел для меня с собой 5 женщин, девушек, они были очень красивы. Одновременно появились три начальника моих всадников, которые заявили, что гяуры, будучи живы, проглатывали свое золото. Следует разделать их трупы, для того чтобы овладеть их деньгами. Мне это понравилось и это дело отложили на утро. Перейдем к женщинам. Когда я уединился с ними и подошел к ним, отвратительные создания как дьяволы набросились на меня. Одна схватила за одну руку, другая – за другую, третьи напали на меня с кулаками. Бесстыдницы хотели отнять у меня пистолет, но, к счастью, один из моих слуг, который ждал снаружи, зашел

в комнату и, разобравшись в случившемся, разрядил пистолет в одну из женщин, которая как раненый бык ударила меня по яйцам. Я ослабел, упал на пол. Слуга Ахмат позвал на помощь еще нескольких, которым удалось четырех женщин без ранений схватить и связать. Через 15 минут я пришел в свое естественное состояние и решил этих женщин наказать. Раненая женщина получила самое легкое наказание. Одному из моих слуг дал ее обесчестить при всех других. После этого для того, чтобы немного развлечься приказал принести цыновку и завернуть раненую в нее, оставив снаружи только руки. Уже ее груди ранее этого дал отрезать и положить ей в руки. Из слуг моих Амту, который был автором последнего действия. Приказал взять ее ноги к себе на колени, скрести и щекотать. Она стала хохотать, издавать звуки около получаса и через пол часа с этим хохотом умерла. А остальных четырех я в связанном виде изнасиловал. Но последняя, не умея использовать руки, так сильно головой ударила по моему носу, что из носа потекла кровь. Они совершенно не образумились, после того как я их обесчестил, передал их моим слугам и те, связав им руки, повели к реке. Из моих слуг двое остались на этом берегу, а другие пошли на другой берег. Держа за концы веревок, они спустили женщин в воду. Только те доходят до дна, слуги тянут веревки и женщины оказываются на поверхности воды. И опять отпускают веревки и еще раз тянут вверх. И так все время, эта радость длилась довольно долго. Пока женщины не захлебнулись и не утонули. Мучители развязали веревки, вернулись назад.

Рассвело. По моему приказу распороли животы умерших. И действительно гяуры проглатывали золото.

На следующий вечер для того, чтобы освободиться от вони, мы дали выкопать ямы армянам, постепенно идущим к побойцу, и бросили туда трупы. Последнее ограбление совершили здесь – забытые золотые кольца, подвески, ожерелья, у трупов выдергивали золотые зубы.

– Эта история, – сказал он, – одна из самых незначительных, она случилась в начале моей деятельности.

Махмут бей заметил, что я очень бледен и кажется подумал, что это под впечатлением рассказа. Я тут же воскликнул что нет, неправильно так думать! Что у меня в течении нескольких месяцев к вечеру повышается температура и я бледнею и добавил, что его история очень интересна и

²²⁸ Супан – О Боже.

похожа на прочитанные нами романы, и что я в нем вижу настоящего героя, какого еще не один роман не создавал.

Как-то мы с моим уважаемым /?/ гостем вышли на прогулку на юго-восточной стороне, за зданием больницы. Там на расстоянии одного километра, на пастбище поселилось какое-то курдское племя. Мы направились туда. И вдруг, как бы что-то вспомнив, он сказал:

— Вспоминаю еще одно событие. Дорога нас вела к Сепхе, направо от нас оставляя Большой Чирчип. Я преследовал спасшихся от бойни гяуров. Здесь и там мы встречали группы людей и собирали. Однажды их число достигло 230-ти. Надо было посмотреть на их ичач-уничтожение. На дороге Сепха-Чирчип была высохшая яма. Мы не захотели использовать пули. Гяуров по одному бросили в яму. Одна старушка так крепко схватилась за моего спутника Салиха, что бедный Салих упал в колодец. Женщина, обнявшая его, громко засмеялась. Из колодца его невозможно было достать. И он остался там. Это послужило для нас уроком и мы остальных бросали в колодец, предварительно зарезав или ранив. И когда не смогли заполнить колодец людьми, сухие снопы бросили в колодец, заполнили ими и подожгли. Я ухом приложился к земле и услышал ужасающий вой... думаю, что ад находился именно там. В эту ночь мы остались там, а утром пошли искать других.

Мне дали знать, что беженцев нужно преследовать на левом берегу Хапура. Мы отделились от Рэс-юл-Айна и после шестичасового марша встретили море людей. Там были также мутасарриф Дер-Зора и каймакам Рэс-юл-Айна. Мне было приказано взять 2 000 гяуров. Нужно было видеть их смерть! Помимо меня начальники трех арабских аширетов и некий бей чеченец получили столько же, сколько я. Но я забыл сказать, что они были полностью ограблены, ни денег, ни товаров. Мутасарриф Дер-Зора обещал пощадить их, если они в качестве выкупа соберут 10 000 золотых и вручат ему для Джемала паши¹. Деньги были собраны и действительно мутасарриф отправился в Алеппо. Но Бейзэвэнк сам проглотил 10 000 золотых. На этот раз с них потребовали 5 000 золотых и их товары. 5 000 золотых не было, но гяуры им предоставили свои товары для амнистии, что за глупость... Вот такие гяуры были нам предоставлены. Мы не могли рассчитывать ни на какие выгоды за исключением одежды с них, кое-каких украшений и золотых зубов. Мы ушли, имея с нами 2 000 гяуров. Уже был

близок вечер. Мы отделили мужчин от женщин, числом 500 человек, оголили их и отпустили. Что касается женщин, их также оголили, вырвали у них золотые зубы. Надо сказать сейчас мы стали прекрасными зубными врачами. Пока мы ограбленное нами погружали на коней, издали слышали крики и вопли женщин и детей. Я узнал, что некоторые из моих смельчаков развлекались /chacun a sa maniere/. Мы располагали всякими инструментами, топорами, мечами и пр. Подбрасывающие детей в воздух так, чтобы они падали на воткнутый в землю меч, получали сигарету. Разбивающий череп ребенка ударом кулака удостаивался слов афэрим, а укусом шен, отделяющий голову от тела, удостаивался слов браво. Женщины были сильнее детей, хотя и от солнца, недоедания и жажды были истощены, но аппетит наших мужчин был большой. Так например, приказы хазыр ол, тигэчзок, ншан ал, сог, наши герои так слаженно исполняли, что находящиеся под ними женщины были изумлены. Те кто сопротивлялся, у них отрезали груди и бросали им в рот и на глаза, несмотря на это сопротивлявшийся не мог избежать бесчестия и даже смерти. Под лунным светом и на открытом воздухе такие приятные часы в основном интересны. Были и беременные женщины, которым нужны были служанки. Мои храбрецы были научены и этому ремеслу. Достаточно было удара меча, без всякого другого действия, для того, чтобы извлечь младенца из чрева матери. После того, как все закончилось, оставшихся в живых, предав всевозможным мучениям, убили. Что касается мужчин, мы их взяли с нами, гнали, подталкивая винтовками, и через два часа оставили это место. В четыре часа дошли до открытого поля и там расставили их по порядку, под ночным светом луны прицеливались и убивали. Это длилось уже три часа и мы уже устали. Тогда схватились за мечи, всех разрубили. Только убедившись в том, что все умерли, налили на их тела наши три жестянки нефти и сожгли. Там мы устроили славный ужин: пели, танцевали под этим человеческим феерверком. К 9-ти часам огонь постепенно начал гаснуть. Уже к рассвету мы оседлали коней и пустились в дорогу, когда еще всполохи огня излучали слабый свет и по полю растекался жир, высушивая все кругом. Мы удалились вместе с разразившейся бурей, и пепел тел в смеси с песком преследовал нас до запада.

Я был в Шэттатиз, сельский старейшина этих мест был из моих знакомых. Я там также принимал участие в побоищах. Тех, кого из беженцев

передают мне, я всех уничтожаю. В отношении гяуров у меня нет жалости. Разве иметь жалость не грех? Что говорит наш Коран? Вы лучше меня знаете. В кофейне в Штаттиэ я увидел красивую девушку. Захотел взять в свой гарем, как поступал с другими. Она согласилась. Несколько ночей провел с ней. Но однажды, когда я плохо себя чувствовал и был уставшим, с лихорадкой слег. Среди полуночи я услышал шорох в своей комнате, притворился спящим, и время от времени открывал глаза и смотрел. Я увидел эту девушку-гяура, и сначала подумал, что она меня любит и не хочет ни одной ночи провести без меня. Но потом я увидел, что она стала на колени, руки подняла к небу и стала молиться. Я ничего не понял от этого преобразования. Затем она направилась ко мне, шепча мое имя, решил, что она молилась за меня, называя меня по имени, приблизилась ко мне, одну руку положила мне на голову, другую руку подложила под подушку, где находился мой меч. Опять я ничего не понял. Но когда в темноте заблестел мой меч, я сразу вскочил с постели, бросился к ней. Мерзкое создание не поколебалось и нанесла удар по левой стороне моего лица, прямо сюда, где до сих пор остается след /и показал рубец/. Руками обняв ее, я повалил ее на землю, отнял у нее меч. Я не захотел сразу заколоть ее мечом, злодейство этого мерзкого создания достойно было более тяжелого наказания. Я связал ее и, отбросив в сторону, перевязал свои раны и влез в постель, все время думая о наказании. Вспомнил, что армяне поклоняются кресту. Нашел – я должен ее распять. Рано утром я сделал деревянный крест. После того как по одному выдернул все зубы женщины, пальцами выколол глаза и выдернул волосы, я отрезал ей пальцы ног и рук и пригвоздил ее к кресту. Вот таким образом я ее наказал. Отныне, не доверяя армянам, я всех армянок, находящихся в моем гареме, в числе них и служанок, всего 17 человек, подверг подобным, но менее мягким наказаниям: рот одной заполнил землей, распял и сжег, двум-трем, отрезав руки и ноги, посадил на кол, нескольких других, повесив за ноги, раскаленными шипами проколол все тело, нескольких имел счастье живо похоронить и многое в этом роде...

Последние побоища были не столь тяжелыми. Уже все опротивело. И гяуров больше не предавали мучениям. Тем более, что нам было поручено хоронить трупы, чтобы проходившие по дороге солдаты не болели. Толпу, состоящую из 1200 человек мы повели в поле, и поскольку с нами не было

могильщиков, гяурам дали вырыть за три дня огромные ямы, которые были очень глубоки. Гяуров, у которых уже ничего не было, кроме их кожи, бросили в эти ямы и, когда все поместились, засыпали их землей. Теперь это поле такое плодородное, что вместо одного колоса жнем тысячу.

Конец рассказанного чеченцем Махмудом-беем.

РАССКАЗАННОЕ КУРДОМ МАМО

Начальник жандармов позвал нашего Халила-чавуша, приказал с собой взять пять жандармов, арестовать и ночью вывести из города американского доктора, который жил в мэктэпе – в школе. Зашли в комнату доктора и там нашли его и его семью – жену и двух детей, девочку восьми-девяти лет и мальчика пяти-шести. Доктор нас хорошо угостил и попросил, чтоб мы ему дали время до утра, чтобы он мог увидеться с властями и одновременно подготовиться к дороге. Мы ему ответили, что получили строгий приказ в эту ночь повезти его в Тигранакерт вместе с семьей. Он долго просил, умолял нас, стал целовать нам ноги, но мы настояли на своем. Наконец к полуночи мы покинули мэктэпе. Доктор, взяв на руки своего сына, а жена за руку с дочкой покинули город. Мы на лошадях, они пешком. Когда рассвело и солнце всходило, мы были уже на расстоянии шести часов от Схерда, дошли до какой-то горной местности и оказались перед какой-то пещерой. Не желая удлинять дорогу и место было удобное, спешились и сказали доктору, что хотим немного передохнуть. Через несколько минут отдыха, один из наших спутников предложил доктору зайти в пещеру и осмотреть ее. Доктору эта мысль понравилась и он вошел. Мы, которые присоединились к нему, сняли свои пояса, связали его и вывели. Условились, что наш чавуш, как глава, должен первым занять женщину. Поэтому мы напали на женщину и раздели ее перед ее связанным мужем. Он громко крикнул и заорал как и его оба щенка. Чавуш наконец сделал свое дело. Его сменил другой, а этого третий. Доктор, который громко что-то говорил, чтобы не надоедал, один из наших товарищей бросил ему в голову большой камень и сломал ее. Я увидел, что остался последним, чтобы овладеть женщиной, привел ее

дочь, раздел и положил на тело отца и сам сел на нее, чтобы обесчестить дочь на теле отца. Дочь была маленькой и чем более усилий я прилагал, тем сильнее она кричала. Несмотря на то, что я очень много трудностей преодолел, весь был залит кровью, но она была очень лакомым куском. Дочь была мертва и я набросился на мать и с ней разделался. Но когда я закончил свое дело, сотоварищи мои посмеиваясь надо мной, сказали что женщина была мертва. Я разозлился на нее, что она умерла раньше того, чем принять меня. Из-за этого я ногами разбил ей голову и растерзал тело, так что кишки ее вывалились наружу. После того, как мать и дочь были мертвы, мы схватили мальчика и держа за ноги использовали его как посох и им били отца. Ударив голову мальчика по голове отца, обе головы раздробили. Тела потащили в пещеру и бросили там. Доктора называли «инклиз америкали». Они были нашими врагами и поэтому мы их так убили.

Я убил очень и очень много гяуров. Столько, сколько у меня волос на голове. Очень много курбанцу поднес я нашему Пророку. Свидетели топор и нож для мяса из нашего дома. Столько голов размозжил своей ногой, что не счесть. И рот мой очень много дел совершил, особенно с женщинами. Так, например, женщина, которая находилась подо мной, не подавалась мне, я не мог овладеть ею, несмотря на все мои усилия. Я желал обязательно подчинить ее мне и так укусил ее грудь, которая находилась у меня во рту, что большой кусок остался у меня во рту. Это было так вкусно, что я в сыром виде пожевал и проглотил. Чтобы приостановить кровотечение, я взял горсть пепла и насыпал в откушенное место и продолжил свое дело. С этого дня у меня завелась привычка: после того, как я заканчивал свои дела с женщинами, я откусывал кусок груди и глотал. До семи лет девочек я не упускал из своих рук. А те, которые были ниже семи лет и красивы, я у них ножом точно в том месте, где находится женский орган, с глубины отрезал кусок и выбрасывал.

Я немного знаю по-армянски. Гяуры, когда мы их мучили, они кричали и произносили кто имя Христа, кто – Богородицы. Я хотел, чтоб Христос пришел бы и я размозжил бы ему голову, а с Богородицей поступил бы также, как с армянскими женщинами и девушками.

Когда я еще был в деревне, не будучи жандармом, нам было приказано уничтожить соседнюю с нашим селом населенную армянами деревню

/близ Муша/, с рассветом мы вышли из нашего села. В той деревне было около 150 домов гяуров. Когда дошли до деревни и осадили ее, мы пригласили старейшин в церковь. Мы им передали от имени правительства, что они должны покинуть деревню, через час направиться в Мардин, чтобы оттуда отправиться в Урфу. Пусть они готовятся в дорогу, а мы молодых людей из самых известных семейств пригласили в церковь, обещая оставить их в своей деревне, как друзей. Это было приказом нашего аги Алуша. Когда молодые люди собрались в церкви, мы своими руками зажгли свечи и пока священник, облачившись совершал службу, Алуш ага взял из нас 10 человек поднялся наверх на алтарь. Молодых людей мы взяли с собой наверх. Схватили одного молодого человека и бросили на алтарь. Алуш, схватившись за топор, двумя крестообразными ударами раздробил ему голову, затем – второму, третьему, четвертому. Пятый, который был сыном аги Сыго, 18-летний Каро, самый любимый человек среди гяуров для Алуша, попросил милости у нашего аги – разрешить ему пойти домой проститься с матерью и сестрами, поцеловать их и вернуться. Наш ага сделал для него эту милость, и я сопровождал его до дома. Когда мы вместе с парнем вернулись в церковь, Алуш ага занят был убийством 28-го курбана. Наконец и Каро поднес как курбан. Очередь дошла до священников, их заживо сожгли в церкви. Через два часа стали выселять гяуров. Дошли до берега реки. Сначала мужчин, пронзив мечами, бросили в реку, река стала багровой. Из женщин и детей выбрали самых красивых, чтобы взять с собой, а остальных бросили в реку. Не забыть мне сказать, что сын моего дяди Куйр (Слепой) Ако поручил доставить ему четырех-пять гяура, а также двух женщин. Я повел к Ако семь гяуров. Ако не мог зарезать гяуров, поскольку был слеп. Я дал в руки Ако нож и по одному бросил перед ним гяуров, И Ако зарезал их – одного с глаз, другого с груди, иного со рта. И когда нож упирался в кость, Ако удивлялся, какие армяне костистые. Всех семерых Ако также зарезал, и наш слепой Ако также стал гази-борцом за веру

Я накопил много богатства, у меня было много коров, волов. Но богатство – ничего не значит. Когда русские пришли в Битлис, я все оставил и бежал. Три моих сына вышли на дорогу, стали побираться. Другие курды меня ограбили. Из нашей, состоящей из 27-ми человек, семьи спасся лишь я.

У меня был один враг – гяур, когда появилась у меня возможность, я его поймал и после того, как хорошо избил, всю его семью зарезал своей рукой, затем завязал его за хвост моей лошади /это была лошадь гяура, присвоенная мной/ и пустил ее по горам и ущельям.

– Достаточно, – сказал я, – ты был отважным, достойным именоваться пин паши. Разве плохо, что не осталось армян и что теперь ты можешь пойти воевать с русскими.

– Нет, нет, – ответил он, – у них есть оружие, нет... я не пойду. Мы воюем с безоружными гяурами.

Примечание. – Кюрд Мсто (должно быть Мамо), как видно из рассказанного им, был из кюрдов районов Битлиса-Муша, участвовавший в уничтожении армян этих краев. Позже он продолжал свои злодеяния в качестве жандарма. Инкилиз-Америгала, так называемого американского доктора, видимо из Схерда вывели на дорогу под предлогом отправления в Тигранакерт. Вероятно, он был американским миссионером врачом. Позже турецкое правительство выселило и кюрдов в Урфу-Месопотамию. Видимо и Мсто лишился дома, попал в края Рэс-юл-Айти, откуда и господин Ншан Мурадян у него взял эту ужасную историю.

45 АМАМ

Продолжим нашу историю. Как я ранее этого говорил, 23-го ноября 1917-го года с группой рабочих солдат я перевелся в Амам. Чтобы по дороге не страдать от недостатка воды мы спустились к берегам Евфрата, прошли через заросли матутака-солодки, ежевики, кустарники. Евфрат сотнями петлями и извилинами с обеих сторон оmyвает сухие и голые подножия верениц холмов. По разрезам разных слоев окрестных земель ясно видно, что река меняла свое устье вглубь Месопотамии. К вечеру мы достигаем Амама, садимся ненадолго в просторном дворе нокты, и выкуриваем по сигарете, усталость проходит. Находящиеся там солдаты подходят к нам и желают нам доброго приезда. Мы вступаем в разговор и расспрашиваем друг друга о новостях. Немного погодя приходит геодезист-архитектор, 24-хлетний приятный молодой человек Хорен Костанян

из Мараша, он обводит нас взглядом и передает Казанчяну Ерванду, чавушу из Пантрмы, который препровождает нас в специальный полуразрушенный хавуз, предназначенный для рабочих-солдат. Немного погодя человек приносит нам по два тайина хлеба. Ночью мы спокойно спим.

Как мы уже несколько раз говорили, Амам находится в середине дороги между Алеппо и Дер-Зором, на левом берегу Евфрата. Это арабская деревня, расположенная на большом полуострове, из 10-15 домов. Она являлась одной из главных лагерей для сотен тысяч беженцев из Алеппо, наводнявших Дер-Зор. Это мюдирлик, правительственными делами занимается высасывающий кровь армянских беженцев черкес Исах-чавуш. Имеется телеграф. Мюдир человек маленького роста, умный турок, ведает делами почты и телеграфа. Делами военной станции управляет некто нокта-командир сотник из Полиса Хашим бей, в своем подчинении имеющий 12 солдат и несколько других военнослужащих. После долгих препирательств нокта-командиров с сэвг-мэмуринами для строительства нокты сюда было переброшено примерно 15-20 домов армянских переселенцев адабазарцев, пантрманцев, партизакцев, хаджнцев, аданцев. Число рабочих-солдат достигло цифры 75.

Уже построены просторные здания, амбары, запасники, где хранятся в большом количестве зерновые продукты, бобовые, строительный лес, всякого рода припасы и необходимые вещи, которые захвачены арабами под видом тэкэллиф-арпийэ. Еще должны построить больницу, гостиницу, скотные дворы, запасник для хранения дров и пр. Для этого нового строительства нужно изготовить кирпичи.

Утром нас позвали на работу. Шеф-мастер Кэйвенц Закар-ага распределил рабочих-солдат по роду работы: водовозы, землекопы, готовящие известковый раствор, разрезающие кирпичи. Группа этих рабочих должна была на лодке отправиться на противоположный берег, вдоль реки и должна была собрать выбрасываемую рекой на берег всякую всячину, используемую как топливо. Другая группа из кустарников ежевики должна была срезать ветви, для покрытия кровель зданий. Я выступаю вперед, чтобы и меня включили в какую-нибудь группу. И хотя Закар-ага меня не знает, смотрит мне в глаза, как-будто хочет сказать, и для тебя найдется работа. И действительно работу, которую он мне дал, была легкой. Полу-сухие кирпичи надо было переворачивать, высохшие образцы – лота

сложить как холмы. Сколько длилась работа по изготовлению кирпичей, столько же длилась моя работа. Иногда я присоединялся к группе по срезыванию ежевичных веток. Мои товарищи шадилы меня. Плыть на лодках по Евфрату, слоняться по стенам было приятным времяпрепровождением. Мы постепенно стали знакомиться с нашими новыми товарищами. Я рассказал, что долгие годы был учителем, не скрыл, что член гичакской партии. Мы сблизились, и я приобрел хороших друзей, в частности, двух молодых братьев из Пантрмана – Акобика и Эдварда. Их отец Симон Онпашян был хорошим фармацевтом-химиком, у него была хорошая аптека. И он как человек способный, как человек умственного труда, в национально-общественных делах занимал первостепенное место. Во время депортации, когда они дошли до Папа, на них было организовано нападение. Их отец вследствие полученного тяжелого удара умер. Они с собой имели необходимые запасы лекарств. Акобик, будучи сведущим в фармацевтике, в палатках арабов работал как врач. Эдвард еще школьник, но у него довольно приличные знания в армянском и турецком языках.

Нам, как рабочим-солдатам, выдается в качестве платы на 100 драм хлеба и на 30 драм блгура, чего недостаточно, особенно для рабочего человека. Мюдир телеграфа Ракки был столь благожелателен ко мне, что пересылал мне письма, деньги, посланные на мое имя. Пишу одно за другим письма брату в Себастию, ответа не получаю. Вижу очень плохие сны на наш дом, черные мысли, тяжелые предчувствия охватывают меня, терзают мою душу. И действительно, я имел ужасное несчастье потерять своего возлюбленного и достойнейшего брата Хаджи Ованнеса. После тяжелой болезни он скончался, оставив в горе мою старую мать и четырех детей. Его последними словами были: «Есть ли письма от Карапета? Что он пишет? Не оставляйте его в тяжелом положении». Через короткое время умирает и моя мать. Искусственный голод повергает Себастию в экономические волнения. Дети моего брата нищают, но тем не менее, отрывая от своего рта, кое-что делают и высылают мне по почте – один раз 7 бумажных денег, и другой раз – 12, и от имени брата извещают меня об этом. Эти деньги до меня не доходят, теряются. Все это я узнал через год, когда сын брата Назарет приехал ко мне из Себастии в Алеппо.

*** Зимой в здешних местах дождливая погода. Много и постоянно льет дождь. Весна начинается рано, в январе-феврале все окружающие степи покрываются буйной растительностью и украшаются цветами разных красок. И здесь многочисленные стада эназенов получают обильный корм и утучняются. В апреле-мае все кругом обожжено и превращается в сухую пустыню.

*** В военном снабжении вводится строгий режим. Согласно посланным приказам оплата постепенно урезывается. Выдается всего 50 трам хлеба. Проходят месяцы. Я уже похудел, недоедание делает свое дело. В марте месяце 1919-го года я тяжело заболел, получил воспаление легких, в это же время неумолимая дизентерия грызет мои кишки. Это уже моя смерть, говорю. Я уже теряю надежду. Акобик старается лекарствами меня вылечить, ухаживает за мной. Моя болезнь длилась примерно 40 дней, я так истощен, что на мне остались одна кожа да кости. В период выздоровления мои кости изголодались, глаза мои – на еду. Надо получить питание, но заболевшим солдатам платы не дают, следовательно и у меня урезали. Акобик и брат чем могут мне помогают, но из-за недоедания у меня начинается водянка, ноги опухают, постепенно поднимаясь все выше. Я в тревожном состоянии. Свою надежду возлагаю на находящегося в Конии моего преданного друга Тиграна Сэркиджяна, письмом рассказываю ему о моем тяжелом положении. Он спешит послать мне деньги, коробку сладостей, сахар, изюм, чай, финики, смокву, колбасу. И это доходит до меня. Мюдир открывает коробку, говоря, чтобы убедиться, что ничего запрещенного в нем нет, и оттуда кое-что забирает. Что можешь сказать? Я ведь подневольный.

*** Я немного поправился, опухлость ног прошла, но силы никак не восстанавливаются. В руках нет силы, во время ходьбы ноги сплетаются, на мне нет лица. В это время на меня свалилась новая беда. По поступившему приказу часть рабочих-солдат свыше 45-ти лет была разжалована, среди них и я. Не могу выразить своего беспокойства, стал подобен высохшему сухому хлебу, почернел как сажа. Какое-то время остаюсь безработным, питаюсь дикими травами, и другие непитательные²²⁹ вещи являются моей едой. Мой организм испытывается на недо-

²²⁹ Другой берег Евфрата покрыт кустарниками капрцаха (Caprier (СН, 291), плоды в величину средней груши, их называют арабским инжиром. Их едят арабы. Когда

едание, голод. Человек ощущает лишь животное чувство голода. Арабы напротив нас в «Друнках» и на островах посадили огороды дыни, арбуза, ачура и других овощей. На какое-то время работал у араба в день за два еуха хлеба. Тяжелая работа, тем более для такого лишенного сил человека как я. Но я, сжимая зубы, продолжаю работать.

*** Была середина октября. Чтобы поспешить с завершением строительства зданий, поступает приказ принять на работу безработных. Пользуясь расположением сотника, Акобик ходатайствует за меня, и я снова перехожу в разряд рабочих-солдат. За это время оплата также возросла и я частично восстанавливаю свои силы.

*** Сотник Хашим бей, из Полиса, человек военного строго характера, очень любящий водку, к армянам относился благожелательно. Но, как говорит наш народ – армянину – либо вера, либо – честь, либо душа и достаток. У хозяина пекарни мэнзиля была красивая дочь. Он предлагал ей стать его содержанкой. Родители девушки, узнав об этом, взяв ее как-то ночью бежали в Алеппо. Узнав об этом, он послал телеграмму на следующую станцию, вернул девушку и взял себе. Через месяц он отпустил ее, не очень гнал. Из продуктов нокты, говорят, он многое присваивал.

Следующий сотник был черкесом, он сразу проявил к рабочим очень жесткое отношение. Одного из наших публично очень сильно избил и обратился ко всем нам со словами: «Удивляюсь, как вас до сих пор оставили в живых» Добавив, неопределенно сказал, что в эти дни от Энвера получен приказ уничтожить всех рабочих-солдат армян в течение 48-и часов после получения второго приказа. К счастью этого не случилось.

*** Видимо, в это время и по отношению к евреям изменилась политика Турции. Говорилось о том, что алеппские евреи должны быть выселены в Дер-Зор. Среди солдат нокта был один еврей, которого послали в другое место.

*** Была послана телеграмма о заключении мира. Эта весть здесь также была воспринята с радостью. Мюдир телеграфа сообщил армянам, что на Кавказе, вероятно, армянам предоставили самоуправление. По всей

созревают, толстая кожура лопается, внутри содержание с семенами побольше семян инжира с обильным красным соком. Эту середину, взяв на язык, не разжевывая глотают. Семена острее перца и неприятны на вкус и, если пожевать их, можно паранить рот. Какое-то время они стали моим питанием (Г).

видимости это было отзвуком заключения Брест-Литовского мира. Не умерев и став очевидцами освобождения армян, наши траурные сердца утешились. Но что стало с судьбой турецких армян, все это было очень неопределенно.

*** Кучеры нокта отправлялись в Алеппо по военным делам и приносили с собой кое-какие сведения о ходе войны. Мы узнали, что английская армия движется на Палестину, что Иерусалим взят, о военной победе армянских легионеров против турок /о сражении при Араре/.

ШЕЙХ МЭХЭМЭТ-ЭЛЬ-ФАРАДЖ. – На берегах Евфрата сверху донизу находятся оба оседлых арабов. Они обрабатывают земли «Друнка» и островков Евфрата. Плодами их земледельческого производства являются белое просо, кукуруза, пшеница, овес, бобовые, дыня, арбуз и другие овощи. Содержат ограниченное количество отар овец, коз. Управляются шейхами. Помимо государственной дани эназэны взимают с них подать от земледельческого производства под названием дадуэ. Над всеми этими местами властвует Шейх-Мэхэмэт-Фарадж, мужчина 35-ти лет, высокого роста, хорошего сложения, со смуглым благородным лицом, миндалевидными яркими глазами, иссиние черными волосами, наделенный такими же благородными чертами характера. Акобик в качестве доктора часто бывает в его оба-шатре. Шейх очень любит Акобика. Я должен вам рассказать, как этот Шейх с львиным сердцем спас горстку армян Амама.

Преследуемые английской армией турки бегут. Пал город Алеппо. Говорят об установлении власти шерифа над Сирией. По линии Евфрата прекращены военные сообщения и перевозки. Немецкие военнослужащие, еще раньше предвидев все это, как говорится свой кэоч убрали с линии Евфрата. Эназэны в большом смятении и движении. Выплеснувшись из глубин пустыни, они по всей протяженности Евфрата нападают на военные станции Евфрата, грабят, обирают, разрушают железные дороги, телеграфные линии. Для защиты нашего нокта из Ракки прибыло 10 жандармов. Шейха-Мэхэмэта-ал-Фараджа также известили, чтоб он прибыл со своими людьми. Оружие выдали также рабочим-солдатам. По ночам становимся в караул. Не место хвастаться, но я также с маузером на поясе с патронташем несколько дней был в карауле.

22-го октября 1918-го года выяснили, что на следующий день появятся эназэны. В ту ночь военные турки и жандармы бежали в Ракку. Остался

лишь сотник. Был рассвет, когда Шейх Мэхэмэт-эл-Фарадж пришел со своими людьми. Их было около ста человек. Но по поведению было видно, что сопротивление не будет оказано. Мы, горсть армян, что могли сделать? Нас охватило волнение. Шейх остановился в доме Акобика. Акобик рассказывает о нашем безнадёжном положении и просит его сильной защиты. Шейх удостоверяет его, что любой ценой защитит нас.

В тот же день, 23-го октября, еще до полудня, вдали, с края пустыни показались, как мухи и комары, скопища анэзенов, которые шли с мечами, по дороге стреляя в воздух. В страхе и ужасе мы не появляемся. А они уже дошли. Их главарь Шейх-Сулейман на арабском коне, в золототканном шейхском машлахе. Предводительствуя, с победным видом направляется к большому двору нокты. Сотник понуро, побледневший выходит с Шейх-Мээмэтом-эл-Фараджем ему навстречу, приветствует. Происходит передача. Сотник передает им все амбары и все хранящееся оружие и военное снаряжение.

Между тем разношерстная толпа аназенов с обнаженными саблями нападает на дома нескольких турецких должностных лиц и на хан, обитель беженцев, и начинает грабить. Однако Шейх-Мэхэмэт-эл-Фарадж со своими людьми спешит в наш хан, сбросив с себя мешлах и сняв с головы апарош²³⁰ он обнажает стальной меч, при этом глаза его мечут огонь, а черные волосы на голове вздыбились как у льва, нападает на чернь и с негодованием покрикивает: «Вы пришли захватить власть правительства, но что вы хотите от этого беспомощного, несчастного народа». Ему еле удается прогнать чернь. Он всех нас выпускает вперед себя, выводит на окраину Амама, подальше от глаз аназенов. Чавуш телеграфа и мюдир со своими семьями, еле вырвавшись из их рук, идут присоединяются к нам. Эназены ограбили всех оставшихся. Шейх нас торопит пуститься в дорогу к его оба, предполагая, что эназены могут предпринять новое нападение. И действительно, мы видим как какая-то группа приближается к нам. Шейх еще раз кричит: «Пока я и мои люди живы, ни одного волоса с этих людей не упадет. Убирайтесь!».

Было очень поздно, мы продолжаем нашу дорогу, продвигаемся вверх по берегу Евфрата, вперед через кустарники. Люди шейха спереди, по

бокам и сзади охраняют нас. Смотрим, шейх все еще не успокоился, он в сомнениях, думая, что может быть эназены по разным путям могут нас догнать и преградить нам дорогу. На коне он скачет то к верхней части, то к нижней, поднимается на холмы изучить подозрительные точки. Наступила темнота, мы сплотившись продвигаемся вперед, смотрим назад, нет ли оставших женщин и детей. Когда мы пустились в дорогу, шейх предусмотрительно послал одного из своих всадников в шатер, чтобы навстречу нам выслали ослов. Мы уже прошли половину дороги, когда и в самом деле ослы дошли до нас. Мы посадили на ослов женщин, детей и ослабленных.

46

ПОД ПАЛАТКОЙ ШЕЙХА МЭХЭМЭТА-ЭЛЬ-ФАРАДЖА

Было уже за полночь, когда мы дошли до шатра. Нас ведут в просторный шатер шейха. Мы устраиваемся. Приготовлен обед. В больших подносах приносят плов-блгур с бараниной, сложенные горячие тонкие хлеба саджа, мы группами усаживаемся. Еще не отведавши ничего, как будто наедаемся. Говорят же, что сначала наедается глаз человека. Едим доотвала.

С удовлетворенной улыбкой на лице человека, совершившего великодушное и человеколюбивое дело, благородный шейх крутится у нас над головами, угощает: «Ешьте, не стесняйтесь», – говорит, радуется нашему спасению. Сожалеет, что не удалось спасти наши вещи. Из наших уст слышны одни благословения, благодарности, признательность.

В середине палатки горит большой костер, потрескивают дрова, всполохи огня освещают палатку. Вокруг костра сидят главы племени, горячо обсуждают события дня. Все смотрят в рот шейха, радуются нашему освобождению, поздравляют его за отвагу.

Кофевар, старый араб поджаривает на огне кофе, дробит в ступке, которая у него в руке и которая очень приятно звучит – тыхк-тыхк-дых, чинк-чинк-дых, – разыгрывая аппетит любителей кофе. Затем добавляет в огонь щепки, кофе вскипает и немного остывает, вновь добавляет щепки в

²³⁰ Апарош – головной убор, платок.

огонь и вторично кофе скипает, дает пенке хорошенько осесть и, наливая по очереди, передает чашки с кофе.

Кофе это национальный напиток араба, когда они варят кофе, заново на огне поджаривают зернышки, чтобы восстановить аромат. Очень мелко размалывают железным пестиком в ступке из грушевого дерева, щепками разводят огонь доводят до кипения, на одну минуту отставляют, давая пене осесть, в огонь добавляют щепки, кофе густеет, становится совершенно черным, на дне не остается осадка и получается напиток без сахара, горький, но очень приятный напиток. Разливают по чашкам, едва пол чашки, по одному глотку. После того, как это выпивается, кофевар наливает снова.

Как было сказано, место палатки шейха находится в трех часах ходьбы от Амама... в названном месте. Правый берег Евфрата на очень большом полуострове, плодородный и плодоносящий Друнк, здесь есть также островки, имеет народа на 300 палаток. Находясь на дороге Алеппо-Дер-Зор-Багдад, путешественники останавливаются в его палатке, обильно и вкусно угощаются. За день не менее нескольких десятков гостей бывает. Из его народа неимущие также кормятся с его стола. Шейх приобрел славу гостеприимства Отца Абраама. По этой линии прошли также наши тысячи беженцев. Все свидетельствуют, что Шейх-Мэхмэт-эл-Фарадж ко всем относился с большим человеколюбием. Никогда он не посягал на жизнь, имущество, честь²³¹. И действительно в обе не было ни одной армянки. Было только 8-10 юношей. Кроме того шейх усыновил трех зейтунцев юношей и как отец дрожал над ними, называл их армянскими именами. Только у арабов я видел, что они никогда принудительно не отуречивали, в них нет турецкой фанатичности. Парни также очень обрадовались нам, выразили готовность вместе с нами отправиться в Алеппо. В других оба также не было армянок, юноши, мужчины встречались. Тогда как, зайдя в курдское село, не встретишь ли ты там несколько десятков девушек...

Около восьми дней мы оставались в палатке Шейха, кормились с его стола, гостей было предостаточно. Он, как и мы, понимали, что 120 человек в той же палатке – большое неудобство. Он поставил для нас

²³¹ Услышав, что один из его людей вместе с анэзами участвовал в грабежах, он вызвал его в шатер, дал связать ему руки и стал бить. Мы все стали просить его, чтоб он его простил (Г).

специальную палатку с пекарней, выдал одеяла, мы перешли туда. Акобик меня представил шейху, заявил, что я владею иностранными языками, пишу-читаю, словом, что я ходжа. Он посочувствовал мне, отнесся ко мне с симпатией и оставил меня с Акобиком в своем шатре, и мы столовались у него.

Кругом огромные поля белого проса, подошло время жатвы, сбора урожая, они нуждаются в рабочих. Шейх поручает своему народу привлечь к этой работе нас. Мужчины, женщины, дети все идут на поля. Помимо получения в день 4-5 оха проса, три раза в день кормят – тармус, аситэ. Каким вкусным кажется тармус, горячий-горячий, повсюду стоит благоухание. Без этой работы и щедрости шейха и народа наши люди должны были погибнуть от голода. Как вы видели, мы из Амама почти ничего не смогли взять...

Белое просо – хорошее зерно, очень, очень напоминает рис. Хлеб из него бывает сладкий и вкусный. Ствол и листья похожи на кукурузу. Для сбора урожая с тучных колосьев, которые достигают трех метров и ствол завершается как виноград гроздьями проса, рабочие выстраиваются рядами, ножами разрезают колосья, наполняют ими мешки и несут на гумно, дают волам растоптать копытами и перемолоть, вилами развенывают и пропалывают от остатков и корней. У них нет амбаров, они роют ямы и засыпают туда обработанное просо. Поля белого проса следует обильно поливать водой. На берегах Евфрата установлены водяные колеса, их скрипящий звук издали в ночное время напоминает песню плача.

Около 40-а дней мы оставались в шатрах шейха. Но ехать в Алеппо – дороги не безопасны.

Шейх, с группой других шейхов, своих сподвижников, должен был отправиться в Алеппо для поздравления шерифской власти и заверения, в своих верноподданических чувствах. Мы послали с ними Акобика, чтобы он обратился к новоутвержденному правительству с заявлением и просьбой о переселении армян в Алеппо. Шейх со своей стороны обещает сделать все возможное.

Они возвратились ни с чем. Акоб с заявлением обращался во многие места, но кому есть дело до этого, кто думает об остатках беженцев, бродящих по пустыням.

По нашей просьбе благородный шейх из Ракки получил пять жандармов, которые должны были нас сопровождать. Было 27-го ноября 1919-го года мы подготовились к дороге. Мужчины, женщины с уважением целуют руки шейха, подол его одежды, выражают свою благодарность и признательность. Шейх наказывает жандармам доставить нас в Алеппо спокойно и безопасно. 7-8 армянских парней, находящихся в оба, пришли и присоединились к нам. Шейх позвал этих парней к себе и сказал: «Около двух лет вы были под моей защитой в шатре, я, как за своими детьми, смотрел за вами. Вот ваши соотечественники возвращаются к себе, я хочу, чтобы и вы присоединились к ним, пошли бы и зажгли огонь в потухенных очагах в родных домах. Но если вы захотите остаться, в моем шатре, всегда для вас найдется место. Со слезами на глазах парни заявили о своей готовности уехать. Они поцеловали руки шейха. Шейх растрогался, его глаза наполнились слезами, он обнял их, дал им на дорогу по 5 меджитов, новую обувь, одежду и много еды. Я также подошел к нему, поцеловал его руку и поблагодарил за его патриархальное гостеприимство. Он велел наполнить хлебом и другими припасами и мой мешок.

Мы пустились в дорогу. Шейх нас сопровождал довольно долго. Затем пожелал нам счастливого пути. Еще раз мы целуем его руки и прощаемся с его гостеприимным хозяином.

Осенним прекрасным днем, в хорошем настроении мы пускаемся в дорогу. Бог мой, что это за радость, какое веселие и ликование. Конец обители смерти, кровавым дорогам, долгим странствиям, конец страданиям, мы идем к свободным горизонтам. Мы поздравляем друг друга, обнимаемся, среди нас какой-то старик укрепил платок на конце посоха, как флаг, поднятый над караваном. Он идет впереди, прыгает и поет:

«Армянский старик с плачем просит».

Справа видим Евфрат, спускаемся к берегу и вдоволь напиваемся воды. Вода очень сладкая и, кажется, сейчас более сладкой, сколько ни пей, все хочется. Ешь досыта, пей воду Евфрата, как-будто ничего и не ел, все переварилось.

На дороге, по обе стороны Евфрата раскинуты оба – арабские деревни. Под черными шатрами просторной и плодородной степи это место шатров родоначальника племени энаэнов Шейха Мичэмина. Здесь имеется более

тысячи шатров. В центре шатер шейха на девяти подпорках. Множество верблюдов, отары овец с аппетитом пасутся на тучных полях. Эта патриархальная жизнь на лоне природы поистине привлекательна, соблазнительна и сладка в свободных условиях.

Довольно много беженцев укрылись в этих оба. Мужчины, которые сначала пришли повидаться с нами, теперь идут присоединяются к нам. Наш караван постепенно становится больше.

Проходим через несколько железнодорожных станций, все они разграблены и превращены в развалины, телеграфные столбы по дороге развалены и провода сорваны. Через три дня доходим до той дуги, которая образует Евфрат, идя сверху и сворачивая на юго-восток. Последний раз пьем из Евфрата воду и прощаемся с Великой рекой.

На этой дороге мы встретили развалины Римских станций. Весьма примечательны развалины древнего Мескенэ с ее полуразрушенными крепостями и остатками башен. В древности и дорога Вавилона находилась на этой линии. В этих местах множество земляных могил, здесь похоронены умершие беженцы из прошедших караванов. Из наших рядов одна вдова со своими детьми бросилась на один из этих холмов, под ним были останки отца семейства. Они горестно плачут, горькими слезами омывают могилу: «Мы уходим, ты должен остаться на этой земле», – говорят они. Все мы всхлипываем, вспоминая о наших десятках тысяч пропавших.

До **МЕСКЕНЭ**, важной станции, доходим через три дня. Она находится довольно далеко от реки. Среди гор – арабская деревня. Внизу на ровном месте здания военной станции. Будучи построены из камня, их не смогли разрушить, только разбили стекла окон, двери и другие деревянные части унесли. Когда мы были в Амаме, мы узнали, что энаэны раздели здешних рабочих-солдат и беженцев и оставили в чем мать родила. До нашего прибытия они ушли в Алеппо.

Мы направляемся на восток, к Алеппо. С четырех сторон необозримые пустынные степи, местами встречаются многоводные оазисы. Проходим через арабские деревни с куполообразными домами.

Пятый день нашей дороги, должны скоро дойти до Алеппо. Климат меняется, с утра идет дождь, время от времени прекращаясь. Этот край из красной земли, как смола липкой, по густой грязи с трудом передвигаемся.

Дождь промочил нас до мозга костей, с ног до головы облеплены грязью. Как и многие я изможден и еле передвигаюсь.

Издали из тумана вырисовывается Алеппо со своей цитаделью, башнями. Усталость стала проходить. С обеих сторон дороги начинаются фруктовые сады. Скоро наступит полночь. Но мы уже дошли. Вступаем в город с восточной стороны, это древняя часть города, населена турками, проходим по характерным для восточных городов особо узким улицам. Перед нами цитадель, нас собирают жандармы. Крепость была предметом моего восхищения. Глаза мои не уставали смотреть наверх, на цитадель. Прекрасно.

Лицевая сторона рынка – Хантэк-Чаттэсин, спускаемся вниз. С обеих сторон магазины, торговые дома, богатые и роскошные, многолюдие, кареты, проезжающие вверх-вниз. Все лица незнакомые, напрасно я глазами ищу знакомых.

Доходим до прекрасного здания, на фронте которого крупными буквами написано Барон-Отель». Наверно принадлежит армянину, говорю. Дождик моросит, дрожу от холода. Английские военные и другие вельможи на фаэтонах приезжают, уезжают, заходят, выходят. Кто на нас обратит внимание?

Некая благородная девица подошла к женщинам, расспрашивает их, откуда мы идем, через что прошли, просит рассказать. Сначала я подумал, что она американка, прислушался, вижу говорит по-армянски. Оказалась, что она дочь доктора А. Алтуняна, благородная благотворительница. Сердце мое затрепетало! Осколок себастинца. Пойду представлюсь ей, говорю себе. Что за гордость, самолюбование меня охватили? Оставь, не надо, промолвил про себя. Более часа здесь ждем.

Киликийский католикос, родственник шэрифа, наместник города, военный паша остановились в этом отеле. Главный из наших жандармов поднялся наверх, видимо для того, чтобы сообщить им о нашем прибытии. Уже мы не поняли – смог ли он увидеть кого-нибудь из них, вышел, лицо кислое, обиженное. Отвел нас в церковь. Здесь во дворе под арками мы немного отдохнули. Здесь уже армянская среда. Все нас окружили, спрашивают откуда мы пришли и каким образом пришли. Видимо, один из служителей церкви послал на рынок человека, принесли корзинами хлеб и роздали всем по одному хлебу. И мы, уставшие и голодные, тем

более давно не ели пшеничного хлеба, с удовольствием поели. Мои силы немного восстановились. Я спрашиваю окружающих нас людей – есть ли среди них себастинец. Вижу кто-то запыхавшись спешит ко мне. Обнимает меня: «Ой, учитель, любимый Габик, ждали ли мы такого счастья когда-нибудь увидеть тебя?». Он слезами омочил мое лицо. Кто это, думаю я, несомненно кто-то близкий мне человек. Смотрю на него внимательно. «Я Хачатур Фенерджян», – говорит. Остальные, окружившие нас, заинтересовались мной, кто скрывается в этом жалком облике. Фенерджян снимает с себя пальто, надевает на меня и ведет меня к себе домой. Мать, жена, увидев меня, радуются. Согревают воду, я хорошенько моюсь, надеваю новую одежду, приносят белье, с ног до головы переодеваюсь. С утра меня лихорадит, пью стакана два горячего чая, прихожу в себя. Накрывают на стол и мы едим и пьем. Ночью я заснул спокойным сном, казалось, что я нахожусь у себя дома.

Хачатур Фенерджян долгие годы был учителем Иезуитской и Национальной школ. В период войны в Себастии был военным, в чине офицера. Обвиненный в передаче группам беженцев оружия, еле смог оправдаться, прибыл в Алеппо, нашел свою семью и родичей. Постепенно стал принимать широкое участие в национальных делах беженцев.

47 АЛЕППО

Чтобы записать мои двухлетние воспоминания о Алеппо, мне бы потребовалось заполнить еще один большой том. Я это счел отчасти отступлением от моих планов и направлений моей истории. Этой главой я должен удовлетвориться, коснусь лишь самых ярких черт национальной жизни странника-беженца. Ограничусь кратким очерком.

Три дня я был гостем Фенерджяна, пришедшие с нами в Алеппо остановились в Алеппо в Гуппэ-хане. Национальные власти наняли его для постепенно прибывающих в Алеппо беженцев. Я также пошел туда. Во время войны этот постоялый двор был превращен в тюрьму. Он именуется ханом Ашуг-Гариба, который из-за своей возлюбленной приехал в Алеппо, остановился здесь. В кофейне Аслан-Тогмуш, которая находилась за

наружной дверью хана, он пел и играл свои песни гариба-странника и рассказывал о своих приключениях, по сей день любимых многими народами²³².

Давно мы не видели больших городов. Я слоняюсь по разным улицам города. Действительно, он соответствует имени известного, прекрасного, торгового города, с богатыми, роскошными рынками, большими торговыми домами. Очень развито в нем производство шелковых и набивных золотой нитью тканей. Повседневная одежда народа нарядная, из разноцветных шелков. Будучи с незапятных времен центром купечества Востока и Запада, он стал городом царицей, которая видела хорошие цветущие дни Вавилона, Ниневии, Баалбека, Каркемиша, Тадмора, Тира, но и их разрушение до основания. Здесь гостил Авраам. Начиная с дней хеттов мироразрушающие армии Востока, Запада и Египта потоком проходили по ней. И сегодня она живет прежней роскошной жизнью и имеет важное значение, доходя до Багдада, глубин Сирии и Запада. Старый город располагается вокруг цитадели, население его мусульманское, имеет каменные дома и узкие улицы. Пап-ыл-Насыр, Пап-ыл-Фарадж, Пап-ыл-Чини, Пап-ыл-Нихр разграничивают его. Кварталы Джемилие, Азизие, тянувшиеся в сторону Багдадской, Дамасской станции, своими прекрасными каменными зданиями соперничают с красивейшими частями Полиса и европейских городов. Армянские кварталы, как и кварталы и церкви других христианских обществ находятся в районе Салипие /Хачатаг/. Алеппо может считаться местом сочетания, стечения всех христианских обществ: Армянин, Армянский католик, Армянин-Протестант, Грек-Ортодокс и Грек-Католик, Смирнецы Яковит^I, Кильтанин^{II}, Маронит^{III}, и разные католические конгрегации имеют свои общины, церковь и заведения.

Армянская церковь во имя Сорока отроков, так случилось, что рубашка одного из наших Сорока отроков попала сюда, в честь которой и была построена эта церковь. Говорят, что когда крестоносцы проходили по Алеппо, остановились здесь, здесь совершили службу. Царь Хетум^{IV} восстановил и отстроил церковь. Местное армянство не составляло большого числа, оно почти полностью арабизировано, из их уст можно услышать лишь искаженные армянские слова. Один из армянонаселенных кварталов

называется Сис^I, по-видимому, здешние армяне в свое время были беженцами из Киликии. Здесь очень давно обосновалось довольно большое количество беженцев из Сасуна. Они занимаются хлебопашеством, не порвали своих связей с родной землей, бережно хранят национальные обычаи, наречия и национальную одежду. Здесь большое число жителей составляют армяне, прибывшие из Урфы, Тигранакерта, Мараша, Айнтапа, Кюрина, Тарентэ, Эрзерума, Харберда, Чымышкадзака и других мест. Они добились определенного положения. Около 60-ти армянских ювелиров, соперничая с еврейскими ремесленниками, почти завладели всей площадью. Первокласными кузнецами являются братья Тангяны, некто сасунский мастер кожевник выпускает товар, по качеству не уступающий европейскому. Себастиийский доктор Асатур Алтунян^{II} своей прекрасной образцовой больницей заслужил имя и прославился как армянский Гиппократ, Локман^{III}, и пользуется уважением разных народов. Словом, армяне во всех видах ремесел, искусства и деятельности занимают первое место. В период этого перемирия еще 60 000 беженцев армян влилось и прибавилось к ранее обосновавшимся здесь армянам.

В сфере образования алеппское армянство лишь иногда имело блестящие периоды. Я узнал лишь об одном из заслуженных педагогов Карапете Карикияне, 75-летнем почтенном старике, который на протяжении 50-ти лет учительствовал и прославился как арменовед.

Местоблюститель Предводительства священник Тер Арутюн Есаян из Эвэрэка, закаленный в торгово-практических делах человек лет 60-ти, получивший образование в Армаше, энергичный и деятельный, и в то же время разумный, он серьезно и осмотрительно ведет Национальные дела. В этот период беженства, церковь более всего занята сложными вопросами брака.

Первым моим делом было сообщить об освобождении Его преосвященства Тер Торгома. Получаю радостную весть: зарубежные армянские газеты пишут о том, что я выжил, со всех сторон знакомые осыпают меня письмами, вместе с выражениями радости, поздравлениями, они обращаются ко мне с вопросами о своих семьях. Вынужден всем отвечать. Одно письмо мне обходиться в 3-4 куруша. Для человека, вернувшегося из ссылки, немалая жертва, но это обязанность совести, и я ответил на 700-800 писем. Я принялся за свою «Историю». Знакомлюсь с Арамом Ан-

²³² Российские армяне перевели на армянский язык сказку Ашуга-Гариба (Г).

тоняном, которого опекают в своем отеле «Барон» братья Мазманы из Анджурда. Он собирает с выживших со всех мест сведения, приобретает правительственные документы, сообщения. И более всего предметом его интереса являются Великая и Малая Армения. Его осведомители – выжившие армянки, крестьянские невесты, девушки. Он удивляется тому, как они своим женским чувствительным пером таким простым и естественным слогом, ясно и подробно рассказывают о своей депортации от начала до конца. И это для него является свидетельством высокого развития армянства страны, оплакивает Великую и Малую Армению. Достоинейшая часть армянства была уничтожена, говорит он. Вижу, что к киликийскому армянству относится с презрением. Чтобы привести его записи в порядок, я ему помогаю. Представив меня Барону, дает заплатить мне 6-7 золотых. Я показываю ему также записанное мной. Ему нравится, говорит, что стоит отдельной публикации. Обещает найти средства. И... все еще должен найти...

Пишу нашим письмо в Себастию. Племянник, юный Назарет тут же встает и приезжает ко мне в Алеппо, сообщает мне горестные события о смерти моего любимого брата Хаджи-Ованнеса, о смерти моей матери, о том, как он с тремя сестрами осиротели. Я был повержен, черная печаль окутала мое сердце.

Толпа вернувшихся с высылки наполнила весь город, в частности двор церкви. Кофейня напротив церкви превратилась наполовину в библиотеку-зал, в котором по вечерам проходят диспуты. Его ведет Григор-Ангут, который каждый день на двери церкви развешивает популистские заметки против национальных руководителей. Публикуются две газеты «Хайдзайн» («Армянский голос») Рамкаваров¹ и «Тарагир» («Странник») Дашнаков. Главная тема этих газет – депортация и история беженства.

Избрание католикоса способствует созданию некоего Национального союза, который занимается межнациональными делами, с одной стороны между Полисом и Национальным Представительством, а с другой – с местными Английскими властями. Председателем был Отец Габриэл Гаспарян, который своей достойной уважения деятельностью стал душой этого ведомства.

Постепенно здесь я нахожу выживших из Себастии, довольно много юношей, молодых людей, многие из них были нашими спутниками в

дороге: Левона Тагаваряна, написавшего «Трагедию» о выселении Себастии. Довольно удачное произведение. Встречаю преподобного Манука Норхатяна, одного из патриархов Себастийского учительского совета. Он был выслан с семьей из Кесарии, остановился в Алеппо. Увидел профессора армянского языка колледжа в Алеппо, себастиец Палиозяна Ншана. Мы оба очень обрадовались, увидев друг друга живыми-здоровыми. Здесь вновь нахожу опять-таки бывшего нашим спутником в дороге Григора вардапета Пехливаняна. Словом себастийские осколки находим друг друга и составляем теплый дружеский круг, сопереживаем свои горести и беды, утешаем друг друга. Уже если два себастийца нашли друг друга, создается союз. Это проявилось и здесь. Мы создали Союз Землячества себастийцев. Но мы не ограничились лишь себастийцами, а включили в союз весь вилайет: Тохат, Амасию, Марзван, Гарахисар, Кюрин, Тарэнтэ и т. д. Имея скромные планы заняться материальными и моральными проблемами, с помощью *выживших в охваченных нами пределах беженцев, наш союз пустился в путь. Предпринимаем подробную перепись выживших – из **350-ти тысяч** армянства всего вилайета осталась лишь трагическая цифра – **1800-2000 беженцев**. Большая их часть несчастные женщины, девушки. Союз связывается с Полисскими Сенекеримьянами и Американским «Союзом Восстановления Себастии». Союз Восстановления несколько раз высылает по 1000 долларов, и открывает в Алеппо ковровую фабрику для себастийских беженцев. Из членов этого Себастийского Земляческого Союза Хачатур Фэнерджян, доктор Погос Кирэмитчян, Анушаван Саакян, Григор вардапет Пехливанян приняли весьма полезное участие и сотрудничество. В частности, Григор Пехливанян, который, отказавшись от предложенной патриархатом Армянской кафедральной церкви спокойных церковных должностей, по сей день день стоит над головой беженцев Себастии в Алеппо и упорядочивает их экономическое положение ценой тысяч и одной лишений.

Примеру себастийцев следуют другие горожане и организуют свои Земляческие союзы. Опять же по инициативе себастийцев из 40-а Земляческих союзов создается межобластной Союз, который становится вспомогательным Армянскому Национальному Союзу ведомством.

ПОСОБИЯ. – Английское правительство берет на себя заботу о постепенно прибывающих беженцах. Ведомство, составленное из представи-

телей названных союзов в городе занимается распределением для находящихся в городе беженцев ежедневного питания. Просторная казарма, находящаяся на окраине города, превращается в кемпинг для обитания поступающих беженцев. Говорят, что до того, как покинуть Алеппо, английские власти потратили на питание беженцев 36 000 золотых. Американские общества Помощи Красного креста выдали одежду, белье, и пр., больным – лекарство и предоставляют лечение, женщинам дают работу по рукоделию резбе по камню, заботятся о пришедших из пустынь и выведенных из мусульманских гаремов города бездомных армянок. Армянское Благотворительное общество в свою очередь выделяет пособия в виде денег, продуктов и одежды. Межобластной Союз вместе с Армянским Национальным Союзом помогают этим ведомствам и служащим по раздаче пособий, облегчая их работу своими переписями, предотвращая излишнюю трату, доводя злоупотребления до минимума или совершенно сводя их на нет, раздача пособий производится справедливо.

*** Интеллигенция, большое число учителей, учительниц также находятся в тяжелом положении. По инициативе Меж-Областного Союза из них создается Общее собрание, на них привлекается внимание Армянского Национального и Армянского Благотворительного Союзов. Эти оба Союза для одной части их находят работу, оставшиеся без работы два-три месяца получают пособие в пол золотых.

*** В период войны, когда поток армянских беженцев проходил через Алеппо, марашцу преподобному Агарону Шираджяну удалось открыть сиротский дом. Некий швейцарец и доктор Алтуниан тайно пеклись о материальных расходах этого сиротского дома. Власти, имея виды на сиротский дом преподобного, создавали очень большие трудности для этого заведения, время от времени забирали их сирот, девушек. Этот сиротский дом также после заключения перемирия получил свободу и с новой силой заработал. Он пополнялся сиротами, доставленными из пустыни, их число достигло 2000-2500. Преподобный, будучи деятельным человеком, управление сиротским домом крепко держит в своих руках. Не допускает какого-либо вмешательства Национальных союзов. Мальчикам дают умеренное образование, и приставляют к разным видам ремесла. Английские, а затем французские власти взяли на себя материальные расходы сиротского дома. Преподобный несколько раз в год устраивает

блестящие утренники, всех ошеломляя ими. Это – напоказ. Я также пошел однажды туда, походил по сиротскому дому. Отделения для слепых, чесоточных, прокаженных, шелудивых напомнили мне «бахчи». Я сказал себе, хорошо было бы назвать их «Бахчами преподобного Агарона». Сиротский дом преподобного в кругах Армянских Национальных союзов Алеппо стал постоянным предметом разговоров и критики как очаг злоупотреблений и бессовестного присвоения средств. В армянских газетах также иногда он подвергался критике. И на самом деле мы, армяне, любим критиковать, осуждать, очернять и, преподобный, прекрасно зная это, не разрешал, чтобы кто-нибудь извне вмешивался в его дела. Но в то же время наш народ не совсем напрасно принимается критиковать, сказанное в той или иной мере имеет место. Армянское Национальное общество наконец убедилось, что преподобного критикуют не без основания. Была создана комиссия по надзору. И по моим достоверным, объективным сведениям, полученным от близко стоящих к этому делу людей, выяснилось, что преподобный, злоупотребив своим положением, прикармливал несколько тысяч золотых.

Так или иначе все это частично теряло свое значение, когда учитывали инициативную предприимчивую душу преподобного и его неоспоримые возможности для такого времени, когда другие свои головы освобождали от этого, он грудью боролся со всеми трудностями и нелегкими условиями, заботясь о тысячах сирот, получивших здесь приют. Потом они, сумев выйти из него, жили самостоятельной жизнью.

*** Французское правительство открыло для армянских сирот сиротский дом и содержало в нем около 400 сирот, обоего пола.

*** Армянское Благотворительное общество содержало привезенных из пустынь одиноких армянок.

*** **Сборщики сирот.** Личными стараниями отдельные люди с помощью Земляческих союзов и Французского ведомства по репатриации из пустынь собирают и привозят осколки армян. Из Себастии юноша Вагаршак Мецморукиан и госпожа Астхик Никогосян из Чай-Кюрда во время беженства остались в Суруче. Они по своей личной инициативе собрали около восьмисот сирот и несколькими партиями перевели их Алеппо. Им покровительствовал и содействовал местный каймакам, некий филантроп араб из Багдада. Деятель гичакской партии Эски-шехирец Абраам Кю-

реган на свои личные пожертвования из Дер-Зора и разных мест Месопотамии собрал множество сирот и освободил армянок и перевел их в Алеппо. Араб из Ракки по имени **Хаджи ага Гасан** привез довольно много сирот и армянок из краев Ракки. Некий другой **старик Араб** собрал и привез из пустынь, лежащих между Мосулом и Дер-Зором, осколки армян. Амасиец Арутюн Пагалян по личной инициативе собрал сирот из Самусата и Зейнала. Из Полиса Земляческие союзы Кхи, Балу, Ерзики, Чмшкадзага послали сборщиков сирот. На средства Французского Ведомства по репатриации господин Рубен Герейян обходил края Дер-Зора и Месопотамии, и собрал множество осколков. Левон Аджемян из районов Мосула привез целую партию. Алеппское Предводительство собрало из домов умалишенных и мусульманских гаремов армянок. Межобластной Союз постоянно находился рядом со всеми и оказывал им содействие. Может я забыл упомянуть имена других сборщиков сирот, пусть им воздаст по заслугам Бог.

*** Да, действительно, было бы несправедливостью не упомянуть Мушега /епископа/ Серобяна. Молва о нем, как о большом человеке, раньше него дошла до Алеппо. Еще притягательная сила его имени не прошла, в Алеппо все еще говорили о том, что этот большой Церковнослужитель, многое совершил в краях Мосула-Багдада... И вот однажды он сам появился в Алеппо – на голове папах, в охотничьем наряде /не знаю на что он охотился/, обе руки за спиной, сжимают плеть с серебряным набалдашником. Его пошла приветствовать интеллигенция, члены Земляческих Союзов. Еле заметным кивком он соизволил ответить на приветствие, ни слова о сложившихся обстоятельствах и о национальной жизни, рта не раскрыл. Из посетителей только Григор Ангут сказал ему в лицо о его презрительном и неуважительном поведении. Мушег /епископ/ представился высшему чиновнику Французской репатриации полковнику Клукарю как собиратель сирот. И при его содействии несколько раз ездил в Багдад и обратно, но... не привез даже котенка.

Расскажем по этому поводу анекдот. В Себастии женщины ходили на реку Пэнкилэр стирать. Некий сладострастец, по имени Безумный Даниэл в этих местах прятался за деревьями, а вечером, закинув чюппэ за плечо, возвращался. Его спрашивали: «Эмми²³³ Данэл, откуда идешь?». Говорил:

«Из храма». Отсюда пошла поговорка: «Данэл идет из храма», характеризующая людей сладострастных-пустых. Уместно это сказать относительно сбора Мушегом сирот – «Данэл идет из храма».

Жаль этот народ, тысячу раз жаль, один Вагаршак, одна Согик, Хаджи Гасан намного выше таких недостойных национальных деятелей...

*** На одно приглашение Национальной Делегации Парижа со всех армянонаселенных центров едут делегаты. Со стороны Национального Союза доктор А. Алтунян назначается секретарем. Они 27-го февраля 1920 г. двинулись в путь в Париж, когда на следующее утро произошла резня в Алеппо. По заданию Национального Союза Межобластной Союз подготовил пространный и подробный Справочник с важной статистикой, представив каждую деревню, город, места, количество жителей до депортации, краткую историю депортации, число выживших остатков армянского народа, понесенные убытки всего народа и отдельных личностей и другие подобные сведения. Как на секретаря Межобластного Союза подготовка этого сообщения легла на меня. Доктор Алтунян по возвращении из Парижа, докладывая о деятельности армянской делегации, сообщил, что Национальная Делегация очень высоко оценила это сообщение.

*** Основываясь на указания Земляческих Союзов английское правительство произвело аресты погромщиков на местах. Но они недели две оставались в тюрьмах, затем вышли на свободу, смеясь в лицо арестовавших их. Тигранакертское Землячество об этом открыто пожаловалось. Английский главнокомандующий угрожал сослать их в Судан, если они еще раз осмелятся их преследовать. Этот командующий через несколько дней погиб от взрыва бензина в автомобиле. Народ говорит: Бог не имеет пальца, чтобы воткнуть в глаз неправосудного. Вот Божий палец, но сколько ждать, чтоб Бог-отец каждый раз имел бы такую смелость совершать такое дело.

*** Английские власти стали вмешиваться в дела армянских женщин, взятых из гаремов. Они не передавали их национальным властям, а вручали их Американскому Красному Кресту, не разрешая им видаться с кем-либо из национальных властей или с самыми близкими родственниками, родителями. Между тем мусульманским защитникам предоставлялись все права видаться с ними, беседовать. Через восемь дней их спрашивали: «Ты хочешь своего мусульманина мужа или защитника, или предпочитаешь

²³³ Эмми – дядя.

армянского мужа, родственника?». Когда она отказывалась идти к мусульманину, еще несколько дней оставляли там. Но если сообщала, что хочет идти к мусульманину, брали за руку, выводили и передавали мусульманину. Это происходило в присутствии английского военного чиновника. Таким образом и англичане злоупотребляли армянской честью, чтобы пособачьи не причинить боли мусульманам.

*** Произошло одно волнительное событие. Алеппские мусульмане, как и местные христиане покупали очень много несовершеннолетних армянских мальчиков. А они собирали их и приводили в Американский Красный Крест. Сборщики их также собрали и привели в Американский Красный Крест. Из-за детей истинная мать и защитная сторона спорят. Этот спор мог разрешить Соломон. У управляющего Красным Крестом возникает мысль, он предлагает армянской матери спеть колыбельную песню, волнующую и нежную. Бедная женщина уже очень взволнованная начинает петь. Мальчик моментально восторжен, сладкий сон как будто превратился в явь, «мама», вкрикнул он и бросился в объятия матери.

*** Женская половина армян, вопреки ее прославленной добродетели, скромности, привязанности к домашнему очагу, из горнила этого беженства вышла развращенной, малодушной, низкой. Приучившись к грешной и плотской гаремной жизни, вскоре она скинула с себя завесу скромности, свет набожности исчез с ее лица. Из них многих с большим трудом удавалось вывести из гаремов, и как только у них появлялась возможность, они опять возвращались туда. Из-за рубежа, как и из армянских областей демобилизованные из армии выжившие, спешили в Алеппо в поисках своих семейств, нареченных, сестер, оттуда отправлялись в Суруч, Урфу, Дер-Зор, Хаму, Хомс и в другие места, чтобы напасть на их следы. Приводили их в суд. Убеждения, ласки не имели никакого воздействия. Они распутно закрывали свои лица и говорили: «Иди, ты мне не муж, не брат, ни суженый, я тебя не знаю, я приняла хах-тин», и отказывались вернуться. В некоторых местах нашлись должностные люди, которые не обратив внимание на эти слова, сдавали их мужьям или защитнику.

Глядя на это философским взглядом, я не могу вникнуть в причины этого явления. Это я оставляю им. А мы поспешим добрую оценку дать

этим малышам, юношам, с какой тоской, каким ликованием они бежали в лоно своего народа. Имя армянина, ощущение армянства глубоко сохранилось в их сердце. Каждый раз, когда их караваны из пустыни приходили, я всматривался в их глаза, радовался домами, лица их выражали радость и счастье.

*** **Погромы в Алеппо продолжаются.** – Французские военные власти вместе с армянскими легионерами вступили в Киликию и установили свою военную власть. Командующий Куро, вступив впервые на землю Киликии, сказал Macher Uiliui, наклонился и поцеловал. Не знаю, насколько армянские парни сумели сохранить хладнокровие, но покровительствуемая Полисом и опубликованная под редакцией какого-то иттихадиста одна Арабская газета стала писать ядовитые и возбуждающие страсти против армян, приписывая им в Киликии исполненные мести воображаемые действия. Между армянской газетой «Хай дзайн» (Армянский голос) и арабской газетой началась борьба. Армянская газета смело и с убедительными доказательствами опровергала эти клеветнические заявления арабских газет. Но все это оставалось в рамках армянских газет, тогда как написанное арабскими газетами находило отклик в исламистских кругах. Армянский Национальный Совет также обращал внимание английских властей на это.

Толпа безработных молодых людей заняла площадь, выбрали комиссию, которая из их рядов группами посылала безработных армян в Киликию, как в среду с армянским населением, где они могли найти дело. Мы, армяне, не умеем молчать, таким образом распространился слух о том, что армяне набирают добровольцев.

Если не ошибаюсь, это было в Рождество, в день поминовения умерших. В память об армянских мучениках было устроено траурное шествие. После литургии огромная толпа из Хантэка-Чаттэси напрямик из Пап-ыл-Фараджа направилась на армянское кладбище с Армянскими, Шерифскими, Английскими знаменами, песнями, сопровождавшимися речами, выступлениями с большим подъемом. Лев Зейтуна вардапет Варфоломей возглавлял действие, а также выступил, благословил армянское знамя, поцеловал его, лицом приложился к нему, вытер глаза. Такое выступление было преждевременным и мусульмане посмотрели на это косо. Увод армянок из домов мусульман стал одной из причин пробуждения у них ненависти к армянам.

Армяне очень быстро воодушевляющийся народ. Мы идем за тенью, как-будто мир принадлежит нам. Мы были все охвачены пустой мечтой о Великой Армении. Не было ни недели без демонстраций, театральных представлений, танцев, вечеров, организуемых разными союзами, обществами.

Они шли сдержанно и достойно, хорошо и красиво одетые, тем более, что армяне не были привержены к скарденной жизни, но среди армянских беженцев было какое-то стремление не выходить за пределы приличия и не задаваться, а женский род следовал моде.

Эти перечисленные нами и другого рода моменты были внешними причинами, вызывавшими черную злобу, ненависть, зависть мусульманских прослоек к армянам. Но если бы не было черной руки извне, которая давала реальное направление этим мусульманским настроениям, последнее, возможно, сами по себе могли бы угаснуть, тем более, что Алеппо не имел обычая армянских погромов Гамидовского движения. Ясно было, что иттихадисты пришли организовать, подготовить эти погромы, имея своими помощниками находившихся на службе арабского правительства бывших турецких чиновников-жандармов. Как говорится, запахи стали осязаться, появились кое-какие зловещие признаки. В этих обстоятельствах, накануне надвигающихся событий, исламское чэхрэ²³⁴ сразу меняется – на рынке, на улицах, в переулках арабские и турецкие щенки в адрес армянских бросают оскорбительные слова, показывают зубы, ноготь. Полицейский патруль Хантэка-Чаттэси имел одного помешанного мэттахнина. Я ежедневно видел, как его безумными шутками развлекались. Как раз в эти дни я услышал из уст этого умалишенного, который бросал в адрес проходивших мимо армян: «Мы должны прогнать этих мухаджиров-беженцев, должны убить их».

В это время возникли разногасия. Арабы были против английских властей: они выражали протесты, выступали против них, устраивали смуты.

27-го февраля 1919 года пошли определенные разговоры о том, что на следующее утро, в пятницу, на площади Джума-Базари должен быть созван митинг, на котором будут выступления против Английского или

Французского покровительства. Армянский Национальный Союз проявил некоторую дальновидность и заявил о том, что армянам ставят западную, советовал им воздержаться на следующий день от хождения на рынок, постараться также не появляться на площади.

28-го февраля 1919-го года, в пятницу рано утром начался погром в Джума-Базаре. Из находящихся там армян никто не спасся из рук дикой черни. Нападения черни перешли на армянонаселенные кварталы и дома. Черню управляют и им помогают, участвуя в погромах, полицейские, жандармы чавуши пэлэтийэ. На центральное место поселения беженцев в кэбин-гышла также устраивают нападение. Охранному патрулю английских воинов удастся их вытеснить. Было совершено нападение и на Гуппи-Хан. Английский патруль был бдителен и во-время сумел запереть дверь. С крепости начали их обстреливать, но к счастью потерь не было. Пока до Английских властей дошли слухи о случившемся и оно подняло войсковые отряды, прошло 3-4 часа. Вскоре чернь утихомирилась и спокойствие восстановилось. С площади собрали трупы и понесли в церковь, а раненых – в больницу. Трупы были сфотографированы, было 65-70 трупов и более 90 человек раненых. Архиерейство стало подсчитывать эти потери и материальный ущерб армян. Английские власти арестовали погромщиков и их руководителей. Многие были повешаны, часть была осуждена на заключение и на каторжные работы. Армяне получили возмещение на 35 тысяч золотых. Алеппо также испытал свою долю армянской крови.

РЕПАТРИАЦИЯ. – Французские власти взяли на себя дело репатриации армян. Беженцы спешили вернуться в страны, перешедшие под военное ведомство стран Антанты, и вообще беженцы из Анатолии и Фракии старались вернуться на свои места. Остатки шести вилайетов находились в неопределенном положении, как и злополучная судьба их страны. Сначала дело репатриации носило весьма нерегулярный характер. Занимающиеся делами репатриации ведомства не располагали списками беженцев, бывших в Алеппо и новоприбывающих туда. Корыстные торговцы и сюда сунули свои носы и стали злоупотреблять порочными слабостями должностных лиц. Под видом репатриации они возили в Киликию, Мараш, Айнтап, Урфу и другие места товары и привозили из этих мест другие товары без оплаты дороги и дорожной пошлины. Они пред-

²³⁴ Чэхрэ (cehre) – вид, физиономия. Здесь – поведение.

ставлялись как главы семейств, покупали на 8-10 человек билеты, потом выходили и продавали эти билеты по 3-5 меджита. Ущемлялись права людей, действительно желающих репатриироваться. Так продолжалось 3-4 месяца. Сменился управляющий делами репатриации, некий другой, по имени полковник Клускар, сменил прежнего. Председатель Межобластного Союза с Председателем Национального Союза представились ему. Они предъявили ему сведения о всех злоупотреблениях предыдущего управляющего. Добрый, любезный Колонел с благосклонностью выслушал их. Проверил все списки прежнего, нашел в них 40 000 репатриированных, в то время как общее число беженцев Алеппо колеблется между 40-50-тью тысячами. Тогда, где эти 40 тысяч репатриантов. Так выявляются злоупотребления. Имеющиеся недостатки выступают на поверхность воды. Колонэл Клускар с готовностью принимает все замечания и они приходят к устному соглашению. Колонэл по службе был знаком с Межобластным Союзом²³⁵, ведомством, подсобным Национальному Союзу и представляющим беженство. Межобластной Союз должен подготовить список находящихся и постепенно прибывающих в Алеппо беженцев. Один экземпляр этого списка он должен предоставить ведомству по беженцам. И из этого списка должны были быть сняты репатриировавшиеся. Межобластной Союз должен был подготовить новый список беженцев представить Управлению по беженцам, получить для них билеты, проводить в путь. Колонэл предоставляет Межобластному Союзу также бюджет в 7 золотых. Благодаря осуществлению этих мер тут же злоупотреблениям был положен конец. Недобросовестные торговцы были посрамлены, уже не смели близко подходить к этим ведомствам и беженцы стали хозяевами предоставленных им прав. До ухода английских властей из Алеппо в конце 1919-го года репатриация носила добровольный характер, никого к этому не принуждали. Английские власти до ухода вместе с Национальным объявили, что все беженцы должны быть перевезены в Киликию. Народ был охвачен сомнениями. Будущее выглядело очень неопределенно. По отношению к половине беженцев были применены принудительные меры и самая большая часть беженцев была переведена в Киликию. Общее число оставшихся в Алеппо беженцев равнялось 4-5-ти

²³⁵ По-французски получил название Union Interprovinciale (Г).

тысячам. Последовавшие события в Мараше, Айнтапе, Урфе подтвердили правильность сомнений и колебаний народа относительно переселения в Киликию.

Немного личного. – Сначала я был принят на службу в Себастиийский Земляческий Союз, а затем в Межобластной Союз на должность секретаря за 7 золотых месячного оклада. Мое положение улучшилось. Но для меня самым большим утешением, моральным вознаграждением было то, что я, который был свидетелем последних минут беженцев, сейчас являюсь одним из руководителей по сбору и посылке в родные места их остатков и я могу гордиться тем, что исполнял эту работу скромно, праведно и со всей совестливостью.

Со всех сторон поступали в Алеппо вопросы, связанные с их осколками, приходили находили меня. Всех я с любовью удовлетворял, обращаясь к подробнейшим спискам, переписи. Никто не оставался без ответа.

Так однажды я сидел в своем служебном помещении, когда туда пришел и представился мне некий приятный человек, которому было лет за 30: «Здравствуй, мой Габик, и, обняв меня, крепко пожал мне руку». Я внимательно всматриваюсь в его лицо, этот человек меня знает сблизил. Не знаю я его. Он сам представляется мне – Айказн Апешиян, урожденный амаснец, да, археолог-филолог, учитель-публицист. Да, по имени друг друга очень хорошо знаем, тем более, что он товарищ по гнчакской партии. Встреча была очень желанной и радостной. Он спрашивает о своих – отец, мать, брат, сестра, жена и дети. Ни о ком из них никаких известий не могу дать. Подавленность и сердечная боль неопишутся. С разбитым сердцем он вздыхает. Я его утешаю, стараюсь поддержать, даю надежду, говорю, что они конечно появятся, как многие. Он занят раскопками древностей, приобрел несколько армянских рукописей и из монет Тиграна Великого. С этой целью направляется в Бейрут и оттуда до Иерусалима.

Между тем по настоянию всех родственников, людей, любящих меня, я создал новую семью. В 1919 г. женился на 24-летней себастиийке, на дочери служащего Нораревяна Агарона, вдове, госпоже Азнив.

В период войны учеников Иерусалимской школы «Жарангаворац» призывали в армию и школа закрылась. С установлением английского господства в Палестине, по решению Духовного совета собора «Жаран-

гаворац» открывают и они нуждаются в учителях. Господин А. Апешян представляет меня как учителя с многолетним опытом и знаниями. Я принимаю приглашение директора школы вардапета Тер Месропа Ншаняна и по их поручению 19-го июня 1920-го года с 11-ю учениками-сиротами отправляюсь в Иерусалим.

Здесь я опускаю свои записи об этом путешествии, воспоминания о Сирии со своими прекрасными полями, Бааль-Беком с его удивительными величественными кедрами, разными чудесными видами. Бог Абраама, Исаака благословляет этот наш брак. 26-го июля 1921-го года у нас родился мальчик. По стечению обстоятельств Его преосвященство предстоятель Египта в это время находился в Иерусалиме. Для него это было неожиданностью, он очень обрадовался и выразил желание крестить новорожденного. Крестником стал племянник Его преосвященство ага Згон. Ребенка называли Гегамом-Ншаном, в память об оплакиваемом племяннике предстоятеля и во имя Себастиевского монастыря Сурб Ншан. Вопреки данным мной обещаниям, в процессе своей истории я не впадаю в подробности о жизни беженцев Алеппо, и здесь ставлю точку.

48

СЕБАСТИЯ ПОСЛЕ ДЕПОРТАЦИИ

Во время работы над этой книгой я обещал после описания Всеобщей депортации одну ее главу посвятить истории Себастии постдепортационного периода. Немного времени спустя после заключения перемирия в Алеппо оказалось довольно много людей, прибывших по разным обстоятельствам из Себастии. От них я получил кое-какие сведения, которых, конечно, не достаточно и хуже всего то, что даты важных событий не уточнены. Поэтому я должен удовлетвориться простым упоминанием, надеясь на то, что знавшие об этих событиях сблизит, дополнят это.

*** Накануне общей депортации, в воскресенье 21-го июня, 1915-го года в квартале Бэзирчун-Арти по инициативе Хачатура Кртотяна состоялось собрание, которое разработало план сопротивления депортации. Однако его нашли невыполнимым. Около 30-ти вооруженным людям вместе с Кртотяном удалось выйти из города с намерением идти в Гара-

хисар или перейти Кавказ. Видимо на этом пути у них возникли трудности. Одна их часть с Кртотяном пришла и укрылась в пещерах, именуемых Лусин-Берд, севернее города, в двух часах ходьбы от нее, выше Фашин-Фабрики. Там жандармы, охранники фабрики узнали об этом, осадили пещеру. Несколько осажденных было убито, среди которых Ханум, дочь Шахсяна Аветиса аги. Нескольким людям во главе с Кртотяном удалось бежать-освободиться. Кртотян один пришел в селение Давр и укрылся в доме своего дяди. Давр уже считался безлюдным, народ был спущен в город, там был поставлен патруль из жандармов. Один из них зашел в дом, в котором прятался Кртотян. Последний без дальних слов разрядил в него 10 пуль и свалил его на землю. На звук выстрела в дом зашел товарищ охранника, ждавший его снаружи. Кртотян убил и его. До города дошла весть, что в Давре засели беженцы. Напротив села на гору Сурб Акоп поставили пушку и начали обстреливать дом, в котором засел Кртотян. Он вышел из дома, убил еще двух-трех из ожидавших его жандармов, и сам был убит.

ХАЧАТУР КРТОТЯН был родом из Давра. В детстве осиротел. Он один из первых учеников школы Санасарян. Долгие годы был учителем и директором Национального сиротского дома, а затем учителем Национальной школы. Деятельный, честный и преданный. Ему было всего 35 лет. Он был женат, имел детей. Другие соратники Кртотяна Арутюн Пехливаниян, Крис, Галуст и кое-кто еще перешли в Кюрин и были убиты в этих краях.

*** Другая группа Кит-Пото, Рачья Зопапурунян, Бастырмаджи Арутюн, Ерванд Пачахян, Левон Басмаджян, Жирайр, Туманлы идут к Кызылбашам, стараются там укрыться, но там они также были убиты.

*** Молодые люди из Гуртлу-Гая, Гандарсора, Паша-Геха, Путрина, Манджылыха долгое время укрываются на горе Тэчэр. Из них двое постоянно бывали в Себастии, доставляли еду, патроны.

*** Парни из Тэнтиля, Каракэолца долгое время укрывались в пещерах Тэнтиля, сражаясь с жандармами, идущими на них.

*** 18 юношей во главе с Чил-Гамбаром из Пучаха безбедно доходят до Кавказского фронта до Русской армии. Чил-Гамбар, став санитаром больницы, добывает одежду турецких воинов, оружие и другие необходимые вещи. По дороге многие из них были пойманы жандармами и убиты.

*** С фронта Чанах-Калэ 90 армянских солдат были переведены в Себастию и вступили в отряды амэлэ. Среди них был битлисец или мушен Месроп Каджберуни, 28-милетний парень, отважный, бесстрашный и деятельный. В деле защиты Гасан-Калэ сыграл очень большую роль. Прибыв в Кемерек, он узнал, что поблизости находятся кости убитых армян (это были кости видных людей из Кесарии). Вопреки запретам их начальника, Каджберуни ночью погнал коня, увидел эти кости и поклонился им. Муаммэр в Себастии, как и военные, с большой симпатией относились к Каджберуни. Каджберуни готовится с группой парней перейти на Кавказ. Кючюк-Запит Григор из Полиса, на горе Апэш выступает офицером и назначается главой над амэлэ, занятых рубкой строевого леса. Он готовит для них карту дороги, Хачатур Фэнэрджян добывает оружие и другие необходимые вещи. Дело отчасти было раскрыто. Фэнэрджян был арестован, но сумел оправдаться. Каджберуни с 28-ю молодыми людьми также были обнаружены. В одном ущелье близ Су-Шэхри их настигли жандармы. Каджберуни и 28 его соратников были убиты, остальным удалось бежать. Среди убитых был также Арменак Месцатурян из Финкяна.

*** Церковь Св. Саргиса в городе до основания разрушили, камни использовали для строительства воинских помещений, мощения улиц. В этой церкви находилась могила духовного отца нашего католикоса Нерсеса Себастьяна.

*** После превращения Кафедральной церкви в склад, имущество и достояние выселенных, мебель и другое богатство на возах привозили туда и накапливали. Целый год или более того двор церкви и его окружение были превращены в большой рынок. Все выносилось на продажу, по дешевке давали голодной толпе турок. Иттихадисты заранее знакомились с выносимым на продажу всем товаром и «жирные куски» отделяли для себя. Гамал-Ходже поручили возглавить дело перевозки. Рассказывают, что он во главе подвод хвастливо внимательно рассматривал все товары. Этот Гамал-Ходжа притворялся помешанным, был очень фанатичным армяноненавистником, гром и молнию метал на христиан. В обычное время, постоянно на своей спине он подвешивал кинжал, патроны, оружие, хотя и одна его рука бродила по рынкам, при этом он изрыгал проклятия в адрес гяуров и призывал их уничтожить.

Открывая опечатанные магазины армян, торговые дома, запасники, оптом продавали все товары. Торговый дом, содержащий товары на 300-500 лир, давали за 10-20-30 турецких бумажных денег.

*** Книги учебных заведений, библиотек, партийных клубов, букинистов, как и библиотеки частных домов и, что горше всего, несколько тысяч книг и около 300 рукописей древлехранилища монастыря Сурб Ншан раздавали бакалейщикам, кондитерам, продавцам табака-сигарет и больничным аптекам для постраничного употребления в качестве упаковки. Или на площадях стелили подноги, превращали в сор и бросали в помойные ящики и сжигали: **«На земле еще у них остались грамотные люди» (т).**

*** Многие, когда шли на почту послать письмо о своем бегстве, или просить о высылке денег, им говорили: **«Вы дураки, не безумцы ли вы – всех их утопили в реке, уничтожили. Бесполезны, напрасны ваши деньги» (т).**

*** Все богатство церквей, монастырей, драгоценные сосуды, церковную одежду захватывали и продавали.

*** Ни одного церковнослужителя не оставили в живых, всех священников, епископов, предводителей предали мученической смерти. Муаммэр в живых оставил Предводителя Тер Гнела епископа Галемкеряна, и говорили, что 5 золотых в месяц выдавал ему и относился к нему с очень большим уважением. Это обстоятельство дало повод для разных предпо-

ложений. И меня по сей день спрашивают, что это за загадка? Желая этим сказать, не совершил ли епископ какого-нибудь дурного поступка? Я убежден, что до депортации этот человек ничего дурного – предательства – не совершал. И как я слышал в ходе своей работы он по п воду небывалого бедствия писал Муаммэру, военным властям заявления, в которых плакал, просил, умолял смягчить участь народа, предлагал себя вместо них поднять на виселицу. И уже не оставалось места для предательства, так как не только всех партийцев, но тысяча людей были арестованы и отправлены на бойню. Что мог еще сделать или кого мог предать епископ Гнел? И еще человек в Себастии не знал, где черное и где белое. Муаммэр лучше него знал, кто есть кто. Говорилось также, что он мог сообщить о тайниках храма. Это я также считаю маловероятным. Я уверен, что епископ Гнел, будучи человеком далеким от национально-общественных дел, сам прекрасно разбирался в людях и знал турецкую психологию, очень мягко относился к Муаммэру. Поэтому Муаммэр пришел к заключению, что у него не было революционного прошлого. У епископа Гнела в Полисе был брат фармацевт, слова которого имели вес в турецких кругах, и он в Полисе постарался добиться того, чтобы брата не трогали. Я думаю, что сыграло также румынское подданство епископа и, наконец, Муаммэр с симпатией относился к нему с первого дня его пребывания. Когда последний караван должен был покинуть Себастию епископ Гнел пошел к Муаммэру и выразил готовность депортироваться вместе со своим народом. Муаммэр ему запретил, сказав: «Нет, ты не должен идти, ты должен остаться в качестве моего гостя». Муаммэр время от времени выставял себя великодушным. Ищи ответ в том обстоятельстве, что после перемирия, когда Муаммэр был в Полисе, еще один человек, с его помощью освободившийся – художник Аветис Мурадян, дал его арестовать как погромщика Себастии, а епископ Тер Гнел, оставив свои интересы, на суде на очной ставке как Предводитель Себастии столкнулся с шакалом, пожирающим его народ и привел нужные свидетельства. Муаммэр сказал: **«Эй вах, неблагодарная овца» (т).** Это обстоятельство явно говорит о том, что епископ Гнел перед Муаммэром не стоил цены даже сломанной посуды. Побуждаемый объективностью историка, вместо прославления епископа Гнела, я здесь написал эти строки. Епископ Гнел, сколько он был в Себастии, свои личные отношения с Муаммэром ста-

рался использовать для предотвращения новых бед, которые должны были приключиться с оставшимся в Себастии народом, а также предотвращения побоища парней амэлэ-тапури, но показывал себя безразличным и безучастным и, когда в этих тревожных обстоятельствах обращались к нему, сохранял хладнокровие.

*** Скольких из школы Санасарян – директора, попечителей и учителей бросили в тюрьмы в дни всеобщих арестов, а себастийские ученики со своими родителями были депортированы и убиты на дорогах. Девять учеников из учителей – Григор Гоюнян и Мануэл Дэдзян оставались со своими семьями. Муаммэр проводил Дэдзяна с семьей и девятью учениками под предлогом отправки в Болгарию. А вслед послал своего черкеса слугу – зверя Джелала, именуемого Али-бейем. По дороге из Себастии в Кесарию в семи часах ходьбы от Себастии, у турецкого селения Гайа-Типи все были зарезаны. Сначала убили четырехлетних сыновей на глазах родителей, потом жену и в конце Дэдзяна и учеников. Дэдзян был родом из Еозката, ему было примерно 32 года. Ученик школы Санасарян, затем окончивший в Вене университет, он был учителем армянского языка. Гоюняна пощадил, ибо он был учителем скрипки его, Муаммэра, детей в Эскюз-Еурти. После заключения перемирия Гоюнян с семьей переехал в Константинополь.

*** Из-за пропавшего или бежавшего русского офицера среди арестованных и убитых из вилайета был переводчик из города Муша Мартирос Габриэлян. Вместо него на эту должность был взят тиврикеец Сенекерим Кюркджян. Несмотря на то, что человек на протяжении многих лет был на государственной службе и в связи с этим отуречился, Муаммэр и его с семьей сослал и приказал по дороге убить, сказав перед этим ему: «Тот, кто предал свой народ, как он может быть верен турку».

*** Был такой проект подвести воду из Кемери, находившегося в двух часах ходьбы выше Себастии. До этого были привезены и оставлены на земле трубы. Для работы использовали армянских парней из амэлэ. Город получил хорошую, обильную воду. Точно также, использовав в далеких местах труд армянских беженцев, в Алеппо была подведена вода из Айн-Тела /Источника холма/.

*** Уже было сказано, что население деревень Бргник, Улаш, Ддмадж после жатв было выселено. Урожай, увезенный из Улаша, равнялся 100 000 килэ /одно килэ равняется 180 оха/ пшеницы.

*** В середине 1916 года русская армия дошла до Энтирэса. Начиная с Эрзерума потоки турецких беженцев дошли до Себастии и скопились там. Почти то же положение, что случилось с нами на дорогах – эпидемии, ежедневно сотни умирающих. Хлебообильная Себастиа охвачена тяжелым голодом. В обычное время руплах /12 оха/ пшеницы, стоившая 8-10 курушей, поднялась до трех османских звучных золотых монет. Недалеко от Себастии есть такая белая земля, которую используют как муку.

*** Сын Эмир-бея некий Галид-бей в своей гареме держит 25-30 армянских девушек.

49

БОЛЬШИЕ ПОБОИЩА

Через месяц после насильственной депортации начались высылки общих арестованных. Каждую ночь их по 100-150 человек связанными, на подводах увозили в северном направлении города в горы Майрагома, в ущелье Чэлэпилери, на склоны Хонкртруа в Гоюн-Дерэси, выше монастыря Сурб Акоп на Гарлых, и начинали ужасную резню. Так длилось два месяца. В самом конце выпустили всех людей умственного труда, партийных, купцов, имущих. На этой последней резне присутствовали Муаммэр, турецкие чиновники, иттихадисты, знатные турки города.

За исполнение этих убийств отвечали должностные лица Кэлэш-пэк и тохатец Комиссар-Гафыз. Последний был сыном Абул-Чавуша, убитого при нападении на почту Тохата Саргисом Пехливаняном. Гафыз с того дня был призван на службу в полицию и его делом было преследование партийных. До того как получить чин комиссара, он был руководителем этих побоищ. Гафыз подробности этих последних побоищ рассказал цирюльнику-чифтэлэру Григору. Он сказал, что взял кубок с кровью Бениамина и выпил. Учителю Миграну Испиряну разрешили выступить с речью. Когда он стал осуждать иттидат, (Муаммэр) сказал: «**Не давайте ему читать эту проклятую книгу**» (т) и его убили. Он рассказывал также, что это побоище было очень жестоким – у части жертв отрезали органы. С затылка наполовину зарезали их, пальцами выкалывали глаза, отрезали языки. Палачи курили сигары, пили водку, пировали, оставив полужаренных барахтаться в своей крови.

Из этих арестованных лишь два брата Лердогяна – Андраник и Рэ были отпущены на свободу, как турколюбы и люди, не имеющие революционного прошлого. Их отец также в армянских национальных кругах не пользовался хорошей репутацией.

***Предводитель Еозката с 500-ми видными людьми посланы в Себастию. Напротив города в ущелье Ташлы-Дерэ над ними учинена резня. С ними был музыкант учитель Тэртиарян.

*** Купцов Кесарии и видных людей под предлогом отправки в Себастию вывели на дорогу и, приведя за гору Кемерек, перебили.

*** После побоища над себастьскими арестантами, мусульмане устроили большой тонанма-праздники предавались ликованию. Муаммэр произнес речь, в которой среди прочего сказал: «Завтра, когда с фронтов войны вернуться наши каграманы-герои войны и спросят нас, посмотрим, что вы тут сделали. мы гордо и открыто ответим, что мы также уничтожали наших внутренних врагов гяуров, очистили землю от армян».

*** **РЕЗНЯ АМЭЛЭ-ТАПУРИНОВ.** – Русская армия постепенно овладевает Карином, Ерзынкой и доходит до Су-Шехри-Энтирэса. Муаммэр в это время был на фронте. Он приказал по телефону заключить всех воинов амэлэ-тапуринов в тюрьму и послать в сторону Позанда и Багдада на строительство железной дороги. Вторично по телефону приказывает жандарму-командиру Шар-Гышла Мэсчи-Задэ Юзбаши Нурию, по прибытии амэлэ-тапуринов в Шар-Гышла **через час спустить их в Кесарии**. От Шар-Гышла до Кесарии примерно 24 часа. Слова «через час спустить в Кесарии» были паролем и значили через час повести и предать смерти. С получением приказа от Муаммэра в Себастии и близлежащих селах собрали всех рабочих-воинов 4-5 000 человек и заключили в тюрьмы Шифа и Кэов-Мэтрэсэ и держали их под строгой охраной. Через несколько дней отделили греческих и турецких воинов и выпустили их на свободу. Осталось 3 000 армянских парней, вновь из них отделили 500 первоклассных ремесленников мастеров, отуречили и выпустили на свободу, открыто заявив, что мы нуждаемся в ваших ремеслах, поэтому вас освобождаем. Ясно в какой тревоге находились оставшиеся. Находившиеся на свободе армяне, каждый приложив свои личные средства через сотников строекиншаатов и ремесленных мастерских сумели вывести довольно многих парней на свободу. Не бездействовала также американская миссионерша

мисс Грэфым. Она обратилась к немецким военным служащим, которые хотя и видели их беспросветное положение, но с уверенностью говорили о получении сведений об их отправке в качестве воинов-рабочих на железную дорогу Бозанд-Багдад и всех арестованных парней или просящих за них клятвенно заверяли, что их жизни не угрожает опасность. В середине 1916-го года 2 500 парней готовых к отправке торжественно с музыкой провожают в дорогу. Дойдя до Шар-Гышла, тамошний комиссар Мэочи-Задэ Нури, получивший телефонный звонок пароль-приказ от Муаммэра спускает парней у Кемерека в ущелье Гызыр-Дерэ, учиняет ужасную резню с помощью тысяч людей черни, собранных из соседних турецких сел, которые нападают на воинов амэлэ с ножами, вилами, топорами¹.

Муаммэр эту резню амэлэ устроил без ведома общего командующего Вехипа паши. Узнав об этой ужасной резне, последний страшно разволновавшись, разъярившись, предал полемому суду Муаммэра и командира жандармского отряда Шар-Гышли Нури. Этот последний, не имея в руках письменного приказа, не смог себя оправдать и был приговорен к смерти и повешен в Су-Шехри. Вехип-паша собственной рукой потянул веревку. Муаммэр отказался от дачи такого приказа и ускользнул от наказания. Но Вехип паша (в мае 1917 г.) снял его с должности вали Себастии. Позже Муаммэр был назначен вали Конии. После этих событий Вехип паша сделал общее заявление о неприкосновенности воинов армян, предупредив что посягнувшие на их жизнь, будут преданы смерти. Отныне оставшая часть армянских солдат отчасти освободилась от преследующего их ежедневного кошмара за свою жизнь. Тем не менее турки собрали также рабочих-воинов, работавших на дороге Кесарии, арестовали в турецкой деревне Гайа-Типи (в семи часах ходьбы от Сваза) и там перебили. Нескольким парням удалось бежать, из коих Воскана Пелояна, Мелкона Хапнлыряна, Месропа Каджберуни вместе с 90 парнями, возвращающихся с фронта Чанах-Кале, повели в Гайа-Типи и там перебили. В ходе нашего повествования мы уже упоминали, что 500 рабочих-солдат незадолго до депортации было убито на дороге Энтирэса. От Кемерека и дальше работавших на дороге Кесарии собрали в Кемереке и убили. Было также много частных убийств во время продвижении русской армии во внутрь страны. Так был убит аптекарь Ваган, самсунцы хлебопашцы, снимавшие дом в Пэрмэз-Сохаге. Однажды ночью они предавались веселию. Турки сказав

им, что вы радуетесь нашим неудачам, схватили их, оформили высылку-сэвгэт. Убиты были также люди, поддерживающие отношения с мисс Грэфым. Были сняты с работы военные доктора Багдасар Варданын, тиврикец Айранян. Какое-то время они оставались на свободе, но затем их арестовали и убили. Доктор Айранян получил образование в Германии, жена его была немкой. Она приложила огромные усилия, чтобы освободить мужа и, кажется, что из Полиса была получена телеграмма – приказ не лишать его жизни, но уже он был убит, а телеграмму обнародовали после убийства. Очень многих армян-воинов повесили, многих убрали тайно. Известного мастера мучной фабрики амасийца Хаджи Ованнесса Кэоляна во время этих амэлийских погромов с семьей выселили и на дороге убили. Парни амэла Кемерека убиты у горячего источника Орта-Кэо. Спасшийся от Амэлийских погромов сын себастиевского священника Тер Иравапара долгое время сражался вместе с греческими беженцами в Самсунских горах. Сбор оружия у людей в Кемереке, Чэпнэ возглавил Рагуп из квартала Аг-Тэйирмэ Себастии, правая рука Муаммэра. Он совершил много злодейств, священника Чэпни уложил и забил в ноги подковы, после чего убил. Сын Эхмаляна Гамбара, знатного человека Кемерека, какое-то время укрываясь в горах, отправился в Чифтлик Эмирбея, там его задушили. После погромов амэла из следственного отделения Полиса сюда прибыли люди во главе с тысяцким. Они допросили нокта-командира Кемерека, Шар-Гышлы, посетили места боен, провели расследование и через месяц к Вехипу-паше были посланы эти убийцы. При повешении Нури-юзбаши Мэсчи-задэ воскликнул: «Да здравствует османец, будь проклят Арнавут Вэйп» и дал 50 золотых для раздачи нищим. Этот зверь битон золота²³⁶ наградил у беженцев Шар-Гышла, Кемерека. Вехип паша из себастиеских убийц призвал к ответственности Гамида, сына Эмир бея, Халил бея, Паджанах задэ Ипнэ, прозванного также Этэмн-ом (см. о них в разделе Еырыхи-хан), но они бежали, укрылись, не попали в руки. В числе них был и Комиссар-Махмут.

Число массовых и частных убийств достигает примерно восьми-десяти тысяч. Помимо исконных себастиесцев в это число входят и воины-парни из всех армянских сел и других городов вилайета.

²³⁶ Битон золота – см. примеч. 106, с. 90.

Видно приказ был общим и был из Полиса. В это же время было избиеание амэла в Малатии, среди которых было много себастиесцев, взятых из Фырынджылара.

50 ЗДЕСЬ ПОКОЯТСЯ

Я преследовал цель иметь полный список через аресты погибших мучеников. Господину Айказуну Тэли-Казаряну²³⁷, одному из достойных сыновей Себастии, из свидетельств, полученных от соотечественников, после перемирия переехавших в Полис, удалось составить этот список, хотя и не полный, который он имел благородство послать мне. Его я приложил к моей книге «История геноцида» и привожу здесь, добавляя к нему краткие биографические справки.

1. – **Чыйрыгчиноц**²³⁸ 32 магазина, 120 человек:

Арутюн Карагезян. – Логантаци Тигран. – Кэтикян Гаро, и сыновья: Гарегин, Ншан, Хорсо. – Гард оглу Мириджан. – Ороменц Нерсес. – Сероб Кэтикян. – Петрос Ансурян. – Армен, Акопчан Кркрян. – Воскиан Казарян, сын – Карапет. – Сыновья чыйрыгчи Казаряна Гаро.

2. – **Галайчиноц** 50 мастерских, 170 человек:

Тюшюкян Торос. – Гарачыхэннэм Карапет. – Брготян Хазар. – Шагэнян Хач Артин /попечитель сиротского дома/. – Шишман Ншан, и два брата. – Чэзвечи Овак. – Стамболцян Мкр.

3. – **Сэмэрчиноц**²³⁹ 20 мастерских, 50 человек:

Лазар Джаноян.

4. – **Кузницы** – 75 мастерских, 200 человек:

Хавуч оглу Ншан. – Срмапыйыгян Оган. Арташ, Роб. – Ташчян Гамбар. – Месикенц Каро. – Сытыг Каро. – Ованнес, сын Шэк Артина. – Кюлэкчян Воскан. – Церукян Назар.

5. – **Казанчиноц**²⁴⁰, 20 мастерских, 60 человек:

²³⁷ Сын Григора Тэли-Казаряна, ученика Центральной школы Полиса, дипломированного императорской школой. В Полисе был переводчиком Английских военных властей. Ныне находится в Америке (Г).

²³⁸ Чырыгчиноц – магазин светильников.

²³⁹ Сэмэрчиноц – мастерская по изготовлению седел для вьючных животных.

Рубен Казанчян, народный представитель Собрания, Учебного Совета и член других Национально-благотворительных ведомств. – Акоб Чэорекчян.

6. – **Сандухчиноц**²⁴¹ 10 мастерских, 30 человек.

7. – **Кэрэстэчиноц**²⁴² 25 мастерских, 70 человек:

Гончар Гамбар мастер Стамболчян, его сын Ншан. – Арташ Мурадян. – Мисак. – Мигран Назарян.

8. – **Гасаб хане**²⁴³ – Мясные лавки 180 лавок, 450 человек:

Мясник Погик Пэлоян и его трое сыновей – Каро, Петрос /казма²⁴⁴/, Погос. – Хаджи Назар Шегикян. – Кэл-Армэн. – Танценц Артин Кэнд-жоян, Мириджан, Тигран. – Тигран Мэркэрян. – Гасп Симон Мецарян, Тигран, Артин /гнчакисты/. – Карапачахян Гарник, Ерванд, Армен. – Тэт-Оган. – Армэн. – Гамбар. – Ором Назар Карапачагян. – Тэйнэр-Оскиан, сыновья – Еранос, Армэн, Миридж /некий турецкий садовник рассказал, что прежде чем их зарезать, им выдернули зубы/. – Оскан Натанян. – Хент Саак Пелоян. – Кэти-Погос. – Сын Погика – Ншан. – Мэркэренц Мурат, Овак. – Карс-оглу Синан. Карапачахенц Абраам, Мкртич. – Ташчян Ерванд. – Ишханци Погик и сын. – Московян Артин, – Отец Ншан. – Унаненц Андо, Ерванд. – Сын Лорика. – Сын Хаджи Каро. – Кэвэгэ Хачик Басмаджян. – Тилтапаненц Парсам, брат Воскиан. – Петрос Палиозян. – Сын Арутюн. – Дегин Морукенц Ширин, Ншан. – Гырг-Эйерян Асатур. – Брат, прозванный Тертером (попом). – Два брата Карасаргисенц. – Чераненц Хачик. Ованнес Лазар и сыновья. – Гасап Сероп. – Тнкренц Ншан, брат Каро. – Кер-манч Гукас, брат Ерванд. – Воскан Пучагчян. – Манук Айвазян. – Мириджян Тадевосян. – Гасап покрыйщик.

9. – **Пэзаз**, 180 магазинов, 300 человек.

Меркерян Хаджи Петрос, Степан. – Карапет Тэли-Казарян. – /Полиция пригрозила сжечь жену и детей в доме, если он откажется сдаться, потому он сдался/. Мигран Тэли Казарян. – Ваган Учюзян. – Ншан Чугасзян. – Ншан Учюзян. – Диланян Ншан, брат – Ерванд. – Лейлекенц Сероб. – Ануш Воскян Брутян. – Кармир-Бояджян Ншан. – Ападжян Нзарет. – Нгамян Тадеос /Бошенц/. – Ваган. – Тафечян Воскан. – Меркерян Ншан. –

Чугасзян Кэл-Артин. – Левон Чапутян. – Арутюн Потугян, – Гарник Чатырджян. – Барунакян Амаяк, Назарет. – Мкаэл Ападжян.

10. – **Чизмэчиноц**²⁴⁵ 75 магазинов, 200 человек:

Воскан Мозян. – Ншан Плэчян. – Тигран Ардарян.

11. – **Пучагчиноц**²⁴⁶ 50 магазинов, 120 человек:

Оружейник Мелкон.

12. – **Пагалноц**²⁴⁷ 200 магазинов, 350 человек:

Хачик Тэллалян, 62, – х лет, из первых гнчакистов, племянник Оваким, сын Погос, другой сын Степан, арестованный в Самсоне. Более 30-ти лет был преданным членом гнчацкой патрии. – Птукян Амбарцум, Арутюн. – Полатян Мартирос. – Топал-Ованнес Натурян, долги 60 лет был попечителем Национального детского дома и материально обеспечивал его. – Оскан Онпашян. – Карапет Бояджян. – Ншан Тэмирчян. – Палах-Тораман. – Сиркеджян Ерванд, Габриэл. – Тасчян Карапет. Роб. – Пагальян Габриэл, сыновья: Мкртич, Ваган. Погос. – Хент Галук Тэртэрян. – Ншан Сэрайтарян. – Нахапетенц Морук. – Артин Килэрчян. – Хекимян Ншан, Карапет. – Симон Тэллакян. – Кэл-Ерем. – Мигран Маранян. – Сын Топал Артина Амбарцум. – Горгорян Тагвор. – Акоп Тилтапанян. – Ншан Тилтапанян.

13. – **Жестянки**, 12 магазинов, 27 человек:

Хаджи Мелкон Чатырджян.

14. – **Памбукчиноц**²⁴⁸ 25 магазинов, 45 человек.

Кэзюрян Ованнес. – Хачатур Мэрикан, Ованнес. – Тер-Степанян Тадеос. – Пайынтрян Мартирос. Погос.

15. – **Манусачи**²⁴⁹, 15 магазинов, 30 человек.

16. – **Красильщики**, 15 магазинов, 30 человек:

Акиненц Маргар. – Асатур. – Воскиан Лерогян. – Сын Тумаса Тигран.

17. – **Ювелиры**, 50 магазинов, 100 человек:

Мси-Гохенц Овак. – Ерман Тигран. – Кэошэенц Мушег. – Момджян Арутюн. – Овсеп.

²⁴⁰ Казанчиноц – мастерская котельников, медников.

²⁴¹ Сандухчиноц – мастерская по изготовлению лестниц.

²⁴² Кэрэстэчиноц – мастерская по продаже лесоматериалов.

²⁴³ Гасаб-хане – Мясная лавка.

²⁴⁴ Казма – гравировщик..

²⁴⁵ Чизмэчиноц – мастерская, магазин по пошиву сапог..

²⁴⁶ Пучагчиноц – мастерские по изготовлению ножей.

²⁴⁷ Пагалноц – бакалея.

²⁴⁸ Памбукчиноц – магазины хлопкобумажных товаров.

²⁴⁹ Манусачи – Мануса – полосатая ткань из хлопка. Получившая свое название от малоазийского города, где главным образом производилась (Малх, т. 3, с. 255. Манусачи – производитель, продавец мануса.

18. – **Сапожные**, 299 магазинов, 500 человек:
 Охникян Мкртич, Арам. – Тертер Оглэ Кероб. – Хикик Чугасян. –
 Эшпапян Арутюн и братья. – Сын Пого Арменак. – Тагмизчян Гамбар.
 Левон. Тигран Асарян. – Тасчян Мкртич. – Андреасян Торос. – Тасчян
 Тигран. – Погосян Левон. – Нерсес Зэмпэрян.
 19. – **Вязальщики палаток**, 20 магазинов, 50 человек.
 20. – **Тузчиноц**²⁵⁰, 20 магазинов, 50 человек.
 Сиран, Абраам. – Кюлэчян Карапет. – Парсам. – Казанчян Ованнес.
 Ерман Оскиан.
 21. – **Цирюльник** – кофейщик 150 магазинов, 400 человек:
 Бэрбэр-цирюльник Алексан. – Маттэос. – Минсян Акоп. – Ссв
 Тигран. – Инсан Оглан Ншан, Арменак. – Торгом.
 22. – **Портные**, 150 магазинов, 350 человек:
 Мрмрян. – Терзи Абраам, сын Артин. – Ерванд Коркотян. – Аветис
 Тасчян.
 23. – **Унчи**²⁵¹, 15 магазинов, 20 человек.
 24. – **Банщики**, 2 бани, 8 человек.
 25. – **Вязальщики шерстяных носок**, 30 магазинов, 50 человек:
 Мириджан, – Сын Хаджи Мартироса.
 26. – **Меняльщик**, 20 магазинов, 40 человек:
 Воскан Мумджян. – Норхатян Арутюн. – Пурзучян Ерванд. – Тантрчян
 Мигран, Смбат. – Карч Оганенц Саргис, Ншан. – Тигран. – Налчаджян. –
 Ваган, сын Фрот-Аветиса. – Гачы Кеманян. – Кэошэян Петрос.
 27. – **Книгопродавцы**, 2 магазина, 5 человек:
 Хосров Чекемян. – Арам Акинян.
 28. – **Ашарчи**²⁵², 50 магазинов, 100 человек:
 Сюртюкян Назарет.
 29. – **Кучера**, 600 человек:
 Тигран Жамкочян. – Ягчонц Степан, Арутюн /уполномоченный по
 почтовым пересылкам/. Они работали в качестве солдат-кучеров, в конце
 всей группой были убиты.

²⁵⁰ Тузчиноц – может быть по-армянски должно быть «թուզիւն» – мазаин по продаже фиников?

²⁵¹ Унчи – продавец муки.

²⁵² Ашарчи – ашар десятинна – магазины для выплачивания налогов. Возможно должно быть «ашчи» повар, хозяин столовой, закуской.

30. – **Каменщики**, 10 магазинов, 30 человек:
 Чил-Еранос, два брата.
 31. – **Колачи**²⁵³, 4 магазина, 20 человек.
 32. – **Часовщики**, 10 магазинов, 20 человек.
 33. – **Сопачиноц**²⁵⁴, 50 магазинов, 129 человек:
 Онник, брат Тигран, Пехливаниян. – Аршак, сын Халфа. – Пехливаниян
 Мартирос. – Ованнес – Гавугчян.
 34. – **Кебабчи**, 10 лавок, 30 человек:
 Гитаци мальчик Гарник. – Мигран. – Ваган. – Ерванд. – Ваган. – Фэнэр-
 чонц Оган. – Тюфэнкчян Ерванд и брат. – Пачахенц Нишан.
 35. – **Хозяева столовых**, 10 магазинов, 20 человек:
 Овак.
 36. – **Хлебопеки**, 2 магазина, 10 человек:
 Папылосян Григор. – Бэкмэз Артин (уполномоченные по воинскому
 гайину).
 37. – **Тограмачи**²⁵⁵, 10 магазинов, 20 человек.
 38. – **Ханчи**²⁵⁶, 10 ханов, 30 человек:
 Мелкон Кара-Огланян. – Аджемян Мкртич. – Баш-Бэюкян Багуп. –
 Чэмчэм Акоп.
 39. – **Гончары**, 10 магазинов, 20 человек,
 40. – **Кожевенники**, 5 фабрик, 20 человек:
 Вызвызенц Артин, Мириджан. – Тэртэр – Онсенц Артин, Ншан.
 41. – **Маранкоз**, 20 магазинов, 50 человек.
 Многие работали в иншаате-на стройках.
 42. – **Чарыхчи**²⁵⁷, 25 магазинов, 40 человек:
 Генчи²⁵⁸ Галуст. – Вызвызенц Ншан, Манук. – Погос Мозян. – Брат
 Дюзчи²⁵⁹ Парсама.
 43. – **Момчи** – продавец свеч, 4 магазина:
 Мумчи Саргис. – Тигран.

²⁵³ Колачи – изготовитель и продавец клея, крахмала.

²⁵⁴ Сопачиноц – сопа – тонир – мастерская по тонирам.

²⁵⁵ Тограмачи – столяр, плотник.

²⁵⁶ Ханчи – хозяин постоянного двора.

²⁵⁷ Чарыхчи – от чарых – род крестьянской обуви, лапти. Чарыхчи-хозяин магазина чарыха.

²⁵⁸ Генчи – мастер по козам и продавец.

²⁵⁹ Дюзчи – винодел, продавец вина-водки.

44. – **Тахтаци** – изготовитель тахт, 15 магазинов.

45. Учителя:

МИГРАН ИСПИРЯН. – 42 года, ученик Сисской школы «Жарангаворац». Долгие годы был учителем и директором Национального сиротского дома и Национальной школы Арамян, хороший бытописатель. В «Сурхандаке», «Бюзандионе» и в других газетах и журналах имеет серьезные и объемистые статьи, избранные фрагменты из художественных произведений и поэтические сочинения. Его перу принадлежат взятые из сельской жизни произведения «Дух Армении», «За пределами кельи», переводы с французского. Он был хорошим оратором, деятель гнчакской партии, член Национального совета народных представителей, товарищеский, доброжелательный. Ему было поручено выступление по поводу резни.

АКОП МНДЖУКЯН. – 43-х лет. Ученик Школы иезуитов. Долгие годы был учителем школ Иезуитов, Национальной и Санасарян.

АЙК СРАПЯН. – Сын Срапяна из Кхи, учитель школы Санасарян. 32 года, владел также эсперанто и написал книги для его распространения.

СЕНЕК ПАЛИОЗЯН. – Возраст 50 лет. Учитель Иезуитской школы.

ГРИГОР КТИКЯН. – 30 лет, ученик и учитель Иезуитской школы.

МКАЭЛ ФРЭНКЮЛЯН. – 32 года. Ученик Американской школы, затем получивший образование в Американских университетах. Профессор Американского колледжа в Себастии. Принимал участие в Национальных собраниях.

АВЕТИС СЕМЕРДЖЯН. – Ученик, учитель, директор Иезуитской школы.

НШАН ДАРБИНЯН. – Возраст 40 лет.

ВААН МОСКОВЯН. – 30-ти лет, турколог и государственный служащий.

НАЗАРЕТ ПАНОСЯН.

ХАЧАТУР КРТОТЯН. – О нем ранее было поведено.

МКРТИЧ ЧАТЫРДЖЯН. – Убит в дороге. Об убитых на дорогах мы уже говорили.

46. **Чиновники.** –

Назарет Телфэян, Рэжин. – Минас Чугасян, мюдир Улаша. – Фишэчян Мато. – Сенекерим Кюркчян. – Палиозян Амбарцум. – Мартирос

Габриэлян, исконный мушкетер, ученик Объединенной школы, правительственный переводчик. Из арестованных по поводу исчезновения русского офицера. – Ара Палиозян 50-ти лет. Он сын заслуженного и известного себастиевского учителя Петроса. Сначала был учителем, хороший художник, долгие годы служил в полиции – был комиссаром. Он старый, преданный делу гнчакист. – Геворк Апешян, комиссар полиции, первоначально учитель. – Мкртич Пучагчян, комиссар полиции. **ВОСКАН АСЛАН.** – 62-ух лет, управляющий лесами и рудниками, получивший образование в Полисе и Европе, долгие годы работал в разных районах Турции, в последнее время – в Себастии. Председатель Национального Областного Собрания Представителей, /в последний год/ директор, попечитель школы Санасарян. Детям своим дал отличное образование, примерный отец семейства, достойнейший армянин, бескорыстно предан был национальным интересам, дружелюбный, сердечный человек, его дети также были арестованы. Жену, как австрийскую подданную, не выселили. – **МАНУК АНСУРЯН** 52-х лет, долгие годы был телеграфным работником, затем переводчиком консульства. Член Национальных собраний.

47. – **КУПЦЫ**, 800 магазинов, 1500 человек. Гевонд Кюркчян, член Национального Благотворительного ведомства. – Мигран, Саргис Кюркчян. – Пирамян Хаджи Арутюн. – Назарет Мец-Морукиан. – Арутюн Тамлянян. – Ованнес Зарачян, сын Акоп-Саргис Басмаджян. – Мкртич Гончакюлян. – Григор Мрмрян. – Ерванд Тафэчян. – Воскан Тафэчян. – **БЕНИАМИН ТОПАЛЯН**, 45-ти лет, исконный зилец, председатель Городского Совета, в процессе повествования мы его несколько раз упоминали. Помимо всего прочего он обвинялся также в том, что был общим руководителем восставшего крыла Себастии и начальником офицерского состава. Насколько легко он в бытовом отношении находил общий язык с турецкими чиновниками и вельможами, настолько в последние годы проявлял себя преданным и честно действующим достойным Армянином. Его турецкие друзья очень старались отуречить и освободить его из заключения. Но он решительно отказался, заявив, что тысяча невинных армян погибают и что его освобождение не имеет значения и выказал готовность вместо всех подняться на виселицу. Турецкие друзья его жену и детей сумели вернуть с половины дороги. Он, узнав об этом, послал сказать жене, чтоб она не показывалась ему на глаза, куда гнали столько

народа, пусть бы она там погибла с ними. За день до сывгэа Муаммэр приказал привести его к себе, где он наверху у правительственного бассейна пил водку. Бениамин сказал: «О, Муаммэр, об испорченности турок я знал, но что они до такой степени развратны, этого я не знал» (т). – **ГРИГОР ТЭЛИ КАЗАРЯН**, 50-ти лет, первоначально учитель, затем хозяин Мукомольного завода, достойный отец семейства, всем детям дал хорошее образование, в дороге из десяти детей выжил один. Долгие годы был попечителем сиротского дома, член Учебного Совета. Городского Собрания, Общества Лусабер, хороший товарищ. – Мириджан Ташчян владетель Мукомольного завода, член Национального и многих других советов, активный член Благотворительных и Образовательных ведомств, принесший большую пользу. – Ованнес Кэзюрян. – Погос Саносян. – Тэрпапян Сехбос, Арутюн, Тигран, Серобэ, Манас. – Ншан Мсрян. – Ширикян Воскан. – Ширинян Воскан /внук Пагаляна/. – Казарос Казарян, его братья Аветис, Хаджи Назарет Самсон арестованные, долгие годы были служащими Гнчакской партии. – Чопулян Меружан. – Арменак Коркотян. – Дедеян Срапион. – Григор Кэзюрян. – Мартирос Карагезян. – Маркос Саатчян. – Кюркчян Мартирос, Айказ, Хачик, – Арутюн Авазаян. – Зарифян Ованнес, первоначально учитель, гнчакский деятель. – Дилбарян Арам. – и брат. – Зару Бояджян Арменак, Галуст. – **НШАН ПАТРИАРКЯН**, 65-ти лет, купец металлических изделий, довольно образованный, развитой, испытывавший в жизни многое, человек зрелых мыслей, приправляющий свои назидательные мысли восточными баснями, поговорками, анекдотами, дальновидный человек. Неизменный член Национального Представительного Собрания и благотворительных ведомств, приносящий большую пользу, давший своим детям хорошее образование. Один из его сыновей в годы войны был офицером, после долгих мытарств, ныне учится в Риме, возглавляет Студенческие Союзы Европы. Другой сын ученик школы Санасарян, юный поэт, был убит на дорогах. – Гомешенц Григор. – Двое сыновей. – Ампрукян Ншан. – Шагениян Арам. – Блечян Кероб. – Шэк Артинян Воскан. – Ташчян Амбарцум. – Аршак Маргарян. – Хаджнян. – Арам Церукян. – Ованнес Паникян. – Тадеос Кюрегян. – Арутюн Вардукян. – Левон Терпапян. – Рачья Потосян. – Акоп Демирчян. – Рачья Тер Габриэлян, брат – Григор. – Гампурян Гэорг. – Лункианос Кареркатян. – Кероб Онбашян, и Сероб. Ширинян Ншан. –

Варэжян Гевонд. – Киракос Чэкэмян. – Воскан Палиозян. – Левон Афионян. – Хаджи Ованнес Палиозян /умер в дороге/. – Мартирос Тер-Степанян. – Гамбар Хошарян. – Ваган Казанчян. – Потугян Акопджан. – Ерванд Тер Габриэлян. – Погос Иратян. – Мириджан Тер Оганян. – Хаджи Манук Ачелян. – Гаспар Хачерян. – Петрос Гырмызян. Долгие годы за рубежом был членом Гнчакской партии. В последние годы прибыл в Себастию. – **СЕНЕКЕРИМ ПАГАЛЯН**, двое его сыновей – Ованнес, Мкртич. О Пагалянах уже говорили. – Лан-Чорапин Амбарцум. Андреасян Тигран, Мигран, Рачья. – Мэркэрян Тигран, Ованнес, Мириджан. – Карапет Мазманиян. – Ншан, Арутюн, Карапет Одабашян. – Григор Чугасян. – Тэрпапян Погос. – Чэлтэжян Аветис. – Гантарджян Саргис, Урус. – Ападжян Ако. – Аветис, Акоб Мещатурян. – Онник. Рачья Горгорян. – Бастрмаджян Левон, Арутюн, Мартирос, Ованнес. – Арутюн Алтунян. – Хаджи Горгорян. – Ншан Хэртэмян. – Шамлян Воскан. – Ерканиян Ованнес. – Назарет Дегнатын. – Кюркчян Хаджи Давит, Тигран. – Пучагчян Саргис. – Кэчоян Ваган.

48. **Эддарноц** – лавка эддаров, людей занимающихся народной медициной, сбором лекарственных трав и других средств народной медицины:

Мкртич Кэзюрян. – Брат. – Воскан Чатрджян. – Ншан Пучагчян – Назарет Тюфэнкчян. – Хачар Ерканиян.

49. – **Винопродавцы:**

Аджемян Саргис. – Эфик. – Мисак. – Даврацин. – Ованнес Тино. – Сын Парсама. – Арменак Тер Месропян. – Ншан Тэл Абгарян. – Фитух-Манук.

50. – **Фармацевты**

Егназар Меснаян. – Хазар Тер Бардогян. – **СААК ГРАТЛЯН**, 48-ми лет, в течение 25-ти лет был аптекарем Национальной больницы, бескорыстно работал, пользовался большой популярностью, особенно в турецких кругах, среди чиновничества, которое ему доверяло больше, чем врачам и обращалось к нему за советами. Открытием аптеки и клиники в Национальной больнице очень многим обязаны ему. Гратлян был одним из неутомимых и образованных членов Гнчакской партии.

51. – **Меховщики**, 7 магазинов, 15 человек.

52. – **Сахародельцы:**

Аветис Андрэасян. – Мец-Морукян Ерванд и брат. – Гырышухенц Кыто.

53. – **Землевладелец – земледелец:**

Махатян Арутюн, некий почтенный товарищ из гнчакистов.

54. – **Фотограф:**

Тигран Гасапян.

55. – **Служащие Страхового Общества:**

Абраам Месикян, член Городского Собрания, гнчакист. – **МИГРАН ЧУГАСЗЯН**, 52-х лет, ученик Национальной школы Таргманчац (Переводчиков), затем окончивший колледж «Евфрат» Харберда, долгие годы был учителем в Тиврике, Мараше и других местах. Член Союза актеров Себастии. Рано вступил в ряды Гнчакской партии, стал одним из энергичных деятелей. В 1891-ом году был делегатом созванного в Дерсимо собрания. Во время резни 1896-го года был арестован. Несколько лет жил в Америке, затем вернулся на родину. Был на правительственной службе. Он был казначеем Гочасара. Во время пожара в служебном здании сгорели календарные записи, был привлечен к ответственности. После провозглашения Конституции он стал одним из ведущих деятелей Гнчакской партии. Как служащий страховой компании он обошел всю Малую Армению, Малатию, Харберд, Тигранакерт, во всех местах имел пламенные выступления, призывал, организовывал. Был хорошим бытописателем, имел удачные произведения, хотя и не опубликованные. Его перу принадлежит посвященная семейной жизни Себастии роман-пьеса «Хаджи-Хатун». Постоянно участвовал в Национальных собраниях. Был членом Национального собрания Представителей Городского и других Собраний. В последние годы он был приглашен в Национальную школу учителем старших классов. В утро зловещих общих арестов он вместе с другими своими коллегами был арестован. – Рубен Габикиан, первоначально учитель.

56. – **Юристы:**

Манук Мец-Морукиан, молодой юрист, прекрасный знаток османских законов. – Мкртич Полатян, 53-х лет, хороший и опытный законовед, достойный армянин, в национальных кругах пользуется большим уважением любовью. Член Национальных собраний, преданный работник. Один из попечителей школы Санасарян.

57. **Зубные врачи:**

Мигран Алтуниан, брат Ованнес. – Ншан Гончэ-Кюля. Исконный финкянец, обосновавшийся в Себастии. Член Национальных Собраний.

58. – **Люди, занимавшиеся разными делами.** – Норхатян Мкртыч, Грант, Хаджи Ако, оружейник-механик. – Воскан Кркрян. – Ваган Мецатурян. – Назарет Пелоян. – Хогдарец Усэп Мысрян /мельник/. – Хогдарец Мкртич. – Сероб Онпашян /землевладелец/. – Сын Палаха. – Мкаэл Унаниан. – Назарет Карагеозян. – Одабашян Каро. – Акоб Гасапашян. – Гарегин Потугян. – Арутюн Карапетян, Айк Заратян /чавуши телеграфа/. – Ншан Ширинян. – Нзамян Акоб /служащий ведомства Общественной службы/. – Баш-Беоукян Айк, Гарник, Тигран, – Агнамазян Габриэл. – **Пагламачи**²⁶⁰ – каменотес Кэочэк-Артин. – **Чалгычи**²⁶¹ – Кэл-Артин, Гэртем Еранос /играющий на кэмане/, Хаджи-Погик /гитарист/. – Тэли Саакян Ованнес. – **Кэллэчи**²⁶² Мусэс. – Кэл-Назар. – **Тюччар**²⁶³ – Рафаэл. – Сын Какоса. – Шагинян Левон, Сурен. – Торанян Мериджан. – Ованнес Фрэнкюлян /архитектор мэрии/, сын Ерванд, студент Американского колледжа. – Воскан Алтуниан, брат Ншан. – Сын Плечяна Папука. – Гарахисарец Гукас. Ерванд. – Кэомурджонц Артин, Оган. – Григор Казанчян. – Ерканиян Ованнес. – **Гыйчи**²⁶⁴ Тигран, Акопджан /сыновья Сюкика/. – Ованнес Сюртюкян. – Андраник Серайдарян. – Мец Млрукян Воскан. – Мозян Егшизэ и его сын. – Казарян Амбарцум. – Ованнес Месикян. – Ерванд Габикиан, выпускник школы Арамян /арестованный и убитый его же офицером/. – Давид Ширинян, землевладелец. – **КАРАПЕТ АСЛАН ПАРСАМЯН**, 32-х лет, выпускник Анатолийского колледжа Марзвана, бытописатель, имеет в разных местах статьи, посвященные современной сельской жизни. Его перу принадлежит «Хогдар» «Армаган», опубликованный в Болгарии. После принятия «Конституции» открыл типографию «Карира» и издавал газету «Хогдар», которую можно считать удачным началом армянской литературы области. Его типография выпустила довольно много книг из произведений себастийских писателей. «Хогдар» после примерно двух лет издательской работы был продан дашнакам и стал их центральным органом. – **ТИГРАН ШИРИНЯН**, 47-ми лет, выпускник Айнтапского колледжа, фармацевт, с 90-ых годов деятель гнчак-

²⁶⁰ Пагламачи – каменотес.

²⁶¹ Чалгычи – музыкант.

²⁶² Келлечи – плотовщик.

²⁶³ Тюччар – купец.

²⁶⁴ Гыйчи – музыкант.

ской партии, сначала развернул свою деятельность в Гогатском районе, с 95-го года один из важных столпов ветви Себастиевского союза и председатель. Хороший организатор, внимательный, дальновидный, объективный, обладающий большими административными способностями. Постоянно участвовал в национальных, городских собраниях, член Учебного Совета. Национальная школа в Себастии очень многим обязана ему в своем формировании. – **Таддеос Афарян**, 35-ти лет, бескорыстный гичакский товарищ и неутомимый деятель, начиная с 90-ых годов. – **Маргар Асарян**. – **Артин Залахян** /мельник/. – **Ованнес Сэрайтрян** /писарь/. – **Арам Мнджукян**. – **Оган Сэтян**. – **Мэлкон Башы-Бэюкян**, из Зары, юрист, всегда оказывавшийся услуги в национальных делах. – **Саргис Ханцарцян**. **Ваган Пилипосян**. – **Мартирос Кюркчян** и сыновья **Айк**, **Хачатур**, **Григор**. – **Гырг-Эйэрян** **Ншан**, **Тигран**, **Ширин**, **Асатур**, **Маргар**. – **Горгорян** **Мигран**, **Мисак**. – **Лэокэрэнц Каро**, **Онэс**. – **Тер-Костанян** **Левон**, **Арменак**, – **Кэпапчи-шашлычник Айко**.

59. Священники:

Тер Мартирос Кркрян, 48-ми лет. Предводитель, местоблюститель. О взятых на дорогах уже упоминали.

60. – Доктора:

Докт. Магсут. – **Докт. Тигран Потугян**. – О многих уже упоминали. Много докторов было убито или умерло на Кавказе и других фронтах.

Взятые на дорогах

Сучи Ншан Мкрян, 70-ти лет. – **Артин**, сын **Чыйрыгчи Габо**. – **Ансуриян** **Оган**, **Самвел**. – **Ованнес Кэтюкян**. – **Степан**, **Петрос Екшян**. – **Тигран Асланян**. – **Ташчян Карапет**. – **Акоп Дадаян**. – **Роб Бояджян**. – **Эокюзенц Мато**, сын. – **Шохгамп Мато**. – **Овак Казарян**. – **Пайэлян Паруйр**. – **Симон Сарыян** /Писикенц/. – **Воскан Стамболцян**. – **Агапапян Тигран**, **Овсеп** и сыновья. – **Карапет Кэтэрян**. – **Гамбар Зарацян**. – **Питойин Симон Гасап**. – **Хачик Антонян**. – **Птеан Хачик** и сыновья. – **Ншан Башы Бэюкян**, – **Тэнэкэчи**²⁶⁵ – жестянщик **Акопджан**. – **Ташчян Григор**. – **Воскан Ода-**

башян. – **Григор Амбилян**, сын – **Григор**. – **Ншан**, сын **тэрзи-портного Абраама**. – **Михрдат Мерян**. – **Унчи**-продавец муки **Гэорг Габикян**. – **Колочи** – продавец клея **Мартирос**. – **Мигран Гончэкюлян**. – **Ерванд Терпапян**. – **Чопулян Тигран**. – **Ширинян Абраам**. – **Амбилян Кероб**, **Григор**. – **Арутюн Барунакян**. – **Арташэс Пэлоян**. – **Сыновья аги Хазара Аджемяна**. – **Оппашян Амбарцум**, **Левон**, **Ованнес**, **Торос**. – **Манук Бояджян** и сын **Степан**. – **Оваким Чатырджян**. – **Михран Гаспарян**. – **Артин Тэликазарян** /80 лет/. – **Андраник Тели-Казарян**. – **Агабабян Арташес**, **Тигран** – **Левон Басмаджян**. – **Акнецян Ншан**, **Ованнес**, **Тограмачян Галуст**. – **Ншан Котошян**. – **Погос Агабабян**.

Имена некоторых из амэлэ-тапуринов

Чырыгчи: **Карапет Ансуриян**, **Петрос Стамболцян**, **Ерванд**, **Ваган Ансурияны**. – **Галайджи** – лудильщики: **Карапет Чэорекчян**, **Погос Угурян**, сын **Стамболцян** **Мкри**. – **Карс-Оглу Тагвор** /мясник/. – **Птян Хачик** /пучахчи/. – **Хаджи Назо Палеозян** /пезаз/. – **Портной Мисак**. – **Карапет Гатранджян** /вязальщик палаток/, **Ншан Тантырджян** /портной/. – **Давит Зарацян** /чорапчи²⁶⁶/. – **Тигран Чатырджян** /портной/, **Ншан Басмаджян** /чырыгчи/, **Саак Месикян** /учитель/, **Мкаэл Саносян**, **Мириджан Налчаджян**, **Рачья Горгорян** /выпускники 1909-го года школы **Арамян**/, **Акоп Брутян**, **Гушпаз Габриэл**, **Вардерес Ардарян** /чизмечи/. **Арменак Сарафян** /плотник/, **Арутюн Чатрджян** /портной/. **Карапет Инчэян**, **Гарегин Кэочэян** /ювелир/, **Назо Агапапян**, сын **Абраама Артин** /портной/. **Сатак**, **Степ**, **Галайджян Ерванд**, **Арутюн** /столяр/, **Зотян Артин**, **Мисак** /медник/, **Варэжян Ерванд** /столяр /, сын **Варэка-Пилоса**, этот юноша был весьма одаренным человеком, неутомимым исследователем всех опубликованных газет, книг, хотел подготовить Армянский научный словарь, это должен был быть Энциклопедический словарь, состоящий из десятков томов. В своей хижине он день и ночь упорно трудился, углубляясь в дебри своих записей. К этому списку добавим также фармацевта **ОВАННЕСА МЕ-СИАЯНА**, одного из представителей рода известного доктора **Месияяна**,

²⁶⁵ Тэнэкэчи – жестянщик.

²⁶⁶ Чорапчи – звонарь или мастер по колоколам.

лет 50-ти, получившего известность с многолетним опытом аптекаря, попечителя Национального сиротского дома. Особой популярностью он пользовался у турок, как хирург и искусный доктор, ему доверяли больных гарема. Он был из последних депортированных, оставшийся в Малатии и, кажется, умерший естественной смертью. Этот человек, как я его называл, был **старым пророком нового века**, знал все книги Пророков, особенно Книгу Даниила, которую сверил, упорядочил и приурочил к событиям нового времени, сравнил с Видением Великого Нерсеса, Св. Саака, составил пророческую таблицу и говорил о неизбежности случившихся десятки лет назад событиях. О Гамидовских погромах говорил, что это еще ничто, это предверие того, что должно случиться. Ужасное будет в конце. Был и некий другой архитектор Ганча-Пурун **ХАМБАР-МЫНОСЯН** или проще **ГАНЧА-МАРГАРЭ** лет 60-ти. Между прочим замечу, что мы армяне политиколюбы, но этот человек имел ум дипломата, отличался большой прозорливостью, имел ясное, разумное и здоровое отношение к политической ситуации и очень нелестно отзывался о европейских Великих державах, издевался над их человеколюбивыми принципами и был пессимистом. Достаточно сказать, что когда грянула мировая война, за этим последовали его усилия убедить народ никогда не верить Антанте, не восхвалять и с нетерпением не ждать ее побед, он больше склонялся к тому, чтобы с верой относиться к Германии. Не знаю, убит был ли он, будучи арестованным, или погиб на дорогах беженства или умер.

* * *

На всех этих **ЗНАКОМЫХ** и **БЕЗВЕСТНЫХ** себастиийских мучениках, в посвященной им части моей книги ставлю точку. Начиная со дней Сорока мучеников Себастиа была приютом для сотен тысяч мучеников. В лоне Себастии как реликвии хранились мощи Сорока мучеников, св. Власа^I, Евстратиевых мучеников^{II}, святые мощи **Гоаринян**^{III}. Себастиа была ареной кровавых побоищ Алпарсланов, Тамерланов. Но более всего мое сердце тронули упомянутые в рукописной Истории Себастии^{IV} щемящие Мученичества Теодороса Себастиа^V, Иерея Шун-Курака, Кэнджо,

Теллака-Давида^I, юного Мещатура^{II}. Именно их непоколебимая Вера светилась в сердцах вышеотмеченных **ИЗВЕСТНЫХ** и **БЕЗВЕСТНЫХ** мучеников. Должна была начаться высылка-побоище, Муаммэр со своими джолирами пришел к дверям тюрьмы и крикнул, кто примет ислам, будет освобожден. Оттуда ни звука. «Я жалею вас. Воспользуйтесь благоприятной минутой» и повторяет, никакого ответа. Третий раз – абсолютная тишина.

Чтоб тебе онеметь как рыба.
Ослепнуть как крот,
Свет мой от Просветителя,
Вера моя Христова!
Горе отступнику, горе отступнику!

Славные мученики, пусть хотя бы один выживший себастиец с благоговением склонится перед вашими бессмертными именами.

51

ВОЖДИ ПАЛАЧЕЙ, ПАЛАЧИ

Господин Айказун Тэли-Казарян вместе с вышеприведенным списком послал также один список себастиийских зверей убийц. Приведенные в этом списке краткие свидетельства еще раз должны поднять ту черную завесу, за которой скрываются люди, осуществившие кровавое уничтожение 300 000 армянства Себастии и Малой Армении. Ниже без изменений прилагаю этот список.

Вали Муаммэр. – Первая ответственная личность за экономический бойкот 1913-1914-го гг. за депортацию и резню 1915-го года. Возглавлял учредительные собрания по депортации и убийствам.

Бэхэддин Шакир. – В клубах иттихада вел пропаганду об уничтожении армян. Постоянно из Полиса привозил приказы для Себастии. С Муаммэром обходил вилайет, выступал с теми же проповедями и приказами.

Доктор Фазыл бей. – Политический деятель-Каймакам. Депутат Чангыра. Был послан из Полиса с частными письмами и приказами для возбуждения турецких слоев, затем в марте 1915-го года в Клубе и в Улу-

Джами лично выступал с речами о необходимости уничтожения внутреннего врага – армян.

Расим Мютэвелли-задэ /Депутат/, советник вали, пришедший к арестованным и сказавший им: «Скажите, где вы храните ваши деньги, за вами вышлем их, клянусь именем депутата, за вашими семьями отправитесь безбедно. Куда бы вы не шли, ваши деньги будут посланы вам» (т).

Мустафа ходжа из Турхалца. – Член энчюмэна²⁶⁷ вилайета, подготовивший списки подлежащих смерти армянских купцов и интеллигенции, наместник Гани.

Гани бей. – Эрзерумец, секретарь иттихада, прибыл в Сваз в ноябре 1914-го года. Был военным, потом демобилизовался, в мае-июне прибыл в Полис на совещание с центром иттихада. 6-го июля 1915-го года появился в Свазе. Немного времени спустя начались массовые убийства арестованных, каждый вечер он был с начальниками четов, с четами. Он самолично сослал семью эфенди Паруйра. Вехип паша его арестовал.

Гол-Агаси Али эф. – Советник Муаммэра, один из составителей списка смертников. Брат чете Риза.

Ходжи из Тарента – Гамалы Ходжа, Иззэт Ходжа, Эозэн оглу Мустафа – Обязанностью проповедников городских и близлежащих мечетей являлась проповедь об уничтожении гяуров, подготовка мысли людей к бойкоту и уничтожению. По фетве Шейх-ил-Ислама, по закону Шариата убийство армян считается праведным делом проповедников. Гамалы Ходжа был и членом Мэтрюке.

Халил-бей. – Жандарм Алая-Командира, дававший приказы об избивании. Один из виновников резни амэлэ.

Али-Шэфиг – Тысяцкий, опустошивший армянские деревни Долины Верхнего Галиса, выселивший население этих деревень и осуществивший их резню.

Рифат, полицейский мюдир. – В день общих арестов, осуществивший аресты, обыски и ограбление домов армян.

Тэвфиг. – Секретарь, из грабителей эмвала мэтрюке – брошенного имущества.

Ахы Паша задэ Мюртэза. – Писец секретаря.

Нют бей. – Редактор газет «Сиваз» и «Гызыл-Ырмаг». Приписывал армянским чэтам вообразимые дикости для возбуждения страстей у турецкой черни. Ему принадлежит обыск школы Санасарян, захват книг и рукописей.

Хайри. – Мухасеп²⁶⁸ мумэйизи²⁶⁹. Прекрасно владеет армянским языком. Приказал разрушить армянские дома, заполнил их турецкими мухаджирами, или передал туркам.

Комиссар Махмут. – явер²⁷⁰ вали. Руководитель событий в Еры-Хане и Гасане-Челепи.

Джелал. – Неофициальный телохранитель Муаммэра. Палач-убийца армянских арестантов в ущельях Чэлэпилэр и Давра. Убийца учеников школ Дэдэяна и Санасарян.

Кэлэш бей. – Распорядитель групповых убийств мужчин, привезенных в Сваз из армянских сел Долины Верхнего Галиса. Сдох от туберкулеза, во время агонии его очень мучила совесть.

Халис бей. – В связи с событиями в Тонус-Шар-Гышла и Ерхи-Хане мы рассказали о том, какие массовые убийства он совершил. Он был шефом тешкилата-и-махсусе¹, реисом – главой иттихада.

Гамит. – Сын Эмира паши. – О нем ранее говорилось.

Паджанах-задэ-Гамти. – Реис Пелетиз, организатор-убийца. Отравив собак, предъявил ложное обвинение армянам в отравлении турок.

Этэм: его еэкэн²⁷¹, чете.Смотри Ерыхи-Хан.

Кютюк оглу Гусейн. – О нем уже говорили. В 1919 – м году было объявлено о том, что он испустил дух /В 1919 – ом году он, дохлятина, объявил: «Со всем миром расправился, ни одна армянская девушка, невеста не могла ускользнуть от меня, мужчин убил и сослужил службу объединению и исламу» (т).

Махир из Зары. – О нем мы говорили как о разрушителе и организаторе высылки жителей армянских сел Зара и соседних.

²⁶⁸ Мухасепе (muhasip) – счетовод, бухгалтер.

²⁶⁹ Мумейизи – представитель.

²⁷⁰ Явер – телохранитель, слуга.

²⁷¹ Еэкэн – племянник.

²⁶⁷ Энчюмен (ençümen) – в оригинале – энчимен (էնճիմէն) – комиссия, комитет, совет.

Чизмечи Хаджи. – Организатор убийств видных армянских арестантов, которых на подводах вывозили из города и убивали. Он показывался и на наших дорогах.

Чэркэс Хатир. – вооруженный чете. Ограбивший в Еырыхи-Хане беженцев на 70 тэйкий хэйпэй – дорожных мешка сокровищ, украшений и 36000 золотых монет, на подводах перевезший в Сваз. Из убийц-палачей еокатских беженцев /500 человек/ и предводителя епископа Нерсеса Даниеляна. Был арестован и повешен Вехипом пашой.

Шэхир оглу Исмаил. – Реис клуба игтихадистов, ведущий арестантов на смерть и следящий за исполнением.

Сопачи Чил Шюкри. – Из готовящих списки смертников. В день арестов давал полицейским указания.

Мюдир Агча Гышлая. – Из выселявших жителей Улаша и других армянских деревень и их убийца.

Гарга Тюркэр (Громкоголосый плотник Гасан) – чете. Один из организаторов выселения из деревень Верхней Долины Галиса – Тэнтиля, Пурхана, Каракэоля, Чэппи, и из их убийц.

Тиврикес Эомэр, сыновья Вэйсэл, Ханиф. – Грабители, ради кайфа убивавшие арестантов.

Кеазим. – Возглавив курдов, разбил и уничтожил пригнанных из Ени Хана в Сваз армян.

Тэккэ шин²⁷² **Ипраам.** – Муаммэром был прозван «тайин». Убийца-палач.

Пагал-Нури. – Убийца-палач.

Арпачи Шюкри. – Убийца-палач.

Зиа. – Директор ремесленной школы. Надсмотрщик убийств.

Арфачи Исмаил. – Убийца-палач, сын Ибрагим, университетский главарь четов. С тысячью двумястами четами на дороге Эрзерума опустошил и уничтожил армянские деревни. Сдох от тифа.

Хайри. – Директор Иш-Еурти /дом ағи Воскана Пэлояна, где раньше была школа Санасарян/. Соучастник резни, но с другой стороны помогший армянским войскам амэлэ. Вехип паша, находящихся у турецких офицеров Ерзынки, Энтирэса и близлежащих районов приказал собрать

армянских женщин и девушек и поместить в «Иш Еурти». Они ткали ковры, ткани, **штеах**, там же работали и армянские вонны.

Кеамил. – директор школы в Султание, соучастник резни.

Пагал – бакалейщик Азиз. – Убийца-палач, тот же Пагал-Бехчет.

Бербэр – брадобрей **Шукри.** – Убил учителя Минджукяна, ибо он посмел сказать: «Нашими мертвецами и турок мертв». Сказав: «**Гяур, еще смеешь говорить**» (т), расстрелял его.

Сатулла. – Командир жандармов. Начальник тюрьмы внутри крепости. грабитель арестантов, участвовал в арестах и убийствах солдат амэлэ.

Ахмэт бей. – **Мэктупчу**²⁷³. Каймакам Гарахисара. Палач и убийца армянских детей. Имел гарем из армянских женщин, перед армянами хвастался: «я стал вам дядей» (т.).

Али бей. – Миралай. Председатель военного трибунала. Очень многих армянских парней-солдат приговорил к смерти и повесил перед правительственным зданием. 30 000 себастьских армян приговорены были к смерти, из-за того, что, якобы, 15 000 армян перешли на Кавказ, а 15 000 хотело отрезать путь к отступлению турецкой армии. Так было опубликовано в газете «Сваз».

Мустафа Сапри. – Тысяцкий, постоянный председатель военного суда, взял в свой гарем много армянок. Чтобы уничтожить следы украденных товаров сжег магазин Мириджана Одабашяна, дал разрушить много ограбленных армянских домов.

Каймакам Пэртэв. – Насиловавший армянских женщин. Соучастник резни. Освободил фотографа Ынкапапяна.

Тэвфик. – **Чифтлик** – цирюльник мюдира, чета.

Халит, Ахы Паша задэ. – Соучастник побоища чэлэпилера в Майрагоме.

Ахы Паша задэ Мюртэза. – Грабитель имущества, достояния армян. Товары армянских купцов разделивший между тремя турецкими купцами.

Авынтук задэ Гусейн. – Ограбивший магазины, имущество армян. Прибрал к рукам товары кюринских купцов. Присвоил 2 000 золотых монет Таддеоса Кюрегяна. После возвращения его жены из ссылки, на ее

²⁷² Текке шин - духовное лицо.

²⁷³ Мэктупчу (mektupçu) – секретарь, составитель посланий.

требование вернуть золото Кюрегяна, отказался, сказав, что не брал, не вернул. Товары армянских купцов присвоил себе, как и Амамджоглу хан.

Кеазим. – Чете, друг Халиса. Убийца беженцев в Ганкале.

Хантэн Гасан. – Грабитель армянских магазинов.

Ахмэт бей. – Директор турецкого сиротского дома. Насильственно подверг обрезанию армянских сирот. В городе по этому поводу устроил торжества.

Комиссар-Гафыз. – Сын тохатца Абул-чавуша. Способствовал организации резни, следил за исполнением. Возглавлял выселение.

Махмут Кеамил. – Командующий Кавказским фронтом. Семерых **вали** под предлогом вопроса о снабжении Иачэ вывел на «Собрание преследования». Позднее советник военного министра. Обезоруживший армянских солдат и предавший мученической смерти армянских воинов Тохата, Амасии, Марзвана, Орту, Кесарии. Его сменил на посту Вехип паша.

Туран. – Мюдир Улаша, грабитель из иттихада.

Башы Бэюкли Чавуш Исмаил – Вместе с сыном Кютюка убийца Барсега и других тодоракцев.

Тютюнджи-продавец табака Халил. – Чете Еырыхи-Хана.

Карсиец Чете баши Еахеа, приятель Кютюка Гусейна.

Были жандармами убийцами всех жителей деревень **Бей Фунара и Башы Бэюка.**

Гасап Муштапах, Гасан. – Главари четов. Эорюкчюли Ипо, чета.

Сотник Салахэддин и командир жандармов Гочасара, опустошившие и разрушившие деревни Ковтун, Хорсана, Агтк.

Кэл-Мустантик, Зэкэриэ, Кючюк-Гафыз. – Грабители домов квартала Арти.

Кэосэ Гафыз чавуш. – Учинил резню мужчин Улаша на горе Тэчэр.

Хаджи Эмин эф. – Депутат из эмвала, **реис²⁷⁴ мэтрюке.**

Хаджи-Гарип. – Мюдир Гасана-Челепи, учинивший резню.

Мустафа Лютфи. – Мутасарриф Тохата.

Гасаг Хюсни. – Каймакам Шар-Гышлая.

Ибрагим. – Каймакам Хаджи Кэойя.

Бэхчет. – Тысяцкий, начальник тюрьмы **Саатулла. Мухэддин, Хюк-мэт, Нури Чизмечи задэ** – все они убийцы-палачи амэлэ-тапури, из них Нури в 1916-ом году был повешан в Су Шехире.

Тысяцкий Фикри, Милазим Шюкри, Рахми – соучастники вышеназванных.

Постан-Гаяаци, Гарси Шакир. – Погромщики села Тонус.

Немецкий консул Карл Вэрт и немецкие офицеры.

Какое участие принимали эти последние в резне, мне неизвестно.

52

СТАТИСТИКА АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВИЛАЙЕТА СВАЗ ДО ДЕПОРТАЦИИ

Я намеревался к моей работе приложить Исторический обзор Себасти и вилайета, но учитывая, что моя «История» уже представляет собой объемистый том, эту часть изъясил и удовлетворился тем, что здесь лишь привожу статистику армянского населения вилайета. Ранее предметом части моих филологических трудов являлись мои историко-филологические исследования Себасти и вилайета. Многие места я лично посетил, наряду с другими сведениями я хотел определить и точное число армянского населения. Эта перепись основана на моих разысканиях. И на ее достоверность могут опираться те, кто интересуется этими вопросами. Как мы уже по другому поводу говорили, Себасти, как и деревни, сохраняли благословенный патриархальный образ жизни. В одном доме отец и сыновья, братья, двоюродные братья со своими невестками, детьми долгие годы проживали вместе и один дом в среднем состоял от 8-ми до 20-ти и более членов. Одной из причин многочисленности армян Себасти заключалась в том, что в нее, как в большой торгово-земледельческий центр, в котором жизнь была дешевой, все время вливались из районов новые массы людей и обосновывались здесь. Турки, естественно, уменьшали количество армян и отрицали их перевес над мусульманскими и другими слоями в очень многих армянонаселенных районах. Одним из преобразований турок в период после Гамидовской резни было назначение в центрах с превышением армянского населения **каймаками, мутасар-**

²⁷⁴ Реис (reic) – управляющий, начальник. Реис эмвала мэтрюке (emvalimetruke) – управляющий брошенным имуществом.

рифами и вали христиан. Но лишь Зейтун и Верхняя Долина Галиса /газа Хафига/ были отмечены как таковые. до конца каймакамом этого центра был армянин.

Перейдем к нашей статистике.

ВИЛАЙЕТ СВАЗА

Границы. – Эрзерум, Харберд, Алеппо, Адана, Эн гарэ, Гастэмуни, Трапизон. Территория – 83 000 кв.км. Общее число населения – 900 000, из коих 350 000 армян, 47 000 греков, остальные турки, курды, кызыл-баши. Еюрюки, туркмены, авшары²⁷⁵, черкесы, чэченцы, карапапахы, беженцы из Карса, и немного евреев.

САНДЖАКИ

Сваз, Тохат, Амасия. – Шапин-Гарахисар.

САНДЖАК СВАЗА – Террит. 33 000 кв. км. /Ср. с Бельгией – 7 миллион нас., 27 000 кв. км./.

ГАЗЫ		
Сваз	Центр	Себастья
Гафиз		- Гоч-Хисар
Гочкири		Зара
Тиврики		Тиврик
Кюрин		Кюрин
Ганлал		Ганкал
Тарэнтэ		Тарэнтэ
Азизийэ		Азизийэ
Тонус		Шар-Гышла
Елытыз-Эли		Еэни-Хан
Гамитийэ		Сармусаглы

²⁷⁵ Авшарцы – 150 лет тому назад отуреченные армяне, живущие на границах Азизийэ и Киликии (Г.).

1.– СВАЗСКИЙ УЕЗД

Армянонаселенные села и Армянское население

	домов	человек
СЕБАСТИЯ	5400	37 000
Давр	300	2 400
Ишхан	150	1 200
Бргник	500	4 000
Галти	100	800
Аг-Гайа	50	400
Гогал	50	400
Сумма		46 200

2.– УЕЗД ГАФИГА

	домов	человек
Гоч-Гисар	250	2 000
Ковтун	400	3 200
Хорохон	250	2 000
Огновут	50	400
Партизак	200	1 600
Бингол	200	1 600
Гавраг	200	1 600
Ахтк	400	3 200
Котни	200	1 600
Чимэн-Эниджэ	200	1 600
Станос	120	960
Дыдмадж	250	2 000
Ханцар	120	960
Каврай	200	1 600
Браберд	120	960
Еарасар	200	1 600
Кэотив-Еэничэ	50	400
Хорсана	300	2 400

Тавшанлу	50	400
Тодорак	200	1 600
Деводзай-Тэвэкэ	100	800
Камис	200	1 600
Сумма		31 620

3. – УЕЗД ГОЧКИРИИ

	домов	человек
Зара	800	6 400
Кэшэ-Еурт	300	2 400
Кархат	300	2 400
Алакилисэ	200	1 600
Карабогаз	200	1 600
Чай Курд	150	1 200
Гаваг	30	240
Миатун	20	160
Сумма		16 400

4. – УЕЗД ТИВРИК

	домов	человек
Тиврики	1 000	7000
Бинкян	300	2 400
Курасис	200	1 600
Касман	150	1 200
Хурनावил	150	1 200
Змара	150	1200
Эшушан	150	800
Армтаг	70	560
Сур Акоп	70	560
Баргам	60	480

Отур	50	400
Мована	40	320
Паланка	30	240
Шики	20	160
Сумма		18 120

5. – УЕЗД ГАНКАЛ

	домов	человек
Ганкал	250	2000
Улаш	400	3 200
Манчалых	300	2 400
Магара	300	2 400
Еарасар	200	1 600
Патрин	200	1 600
Гомсур	50	400
Гар-Еорэн	50	400
Пол-Армут	30	240
Сумма		14240

6. – УЕЗД ЕЫЛТЫЗ-ЭЛИ

	домов	человек
Еэни-Хан	300	2 400
Сары-Гасан	50	400
Шун-Курак	30	240
Порагыт	15	120
Палахор	10	80
Сиври	8	64
Сумма		3 304

7. – УЕЗД ТОНУС²⁷⁶

	домов	человек
Шар-Гышла	100	800
Гайа-Фунар	90	700
Исанлу	300	2 400
Тэнтил	300	2 400
Алакилисэ	80	600
Сар-Оглан	70	560
Тэмэчюк	80	640
Газ-Магара	150	1 200
Павроз	50	400
Гантарос	80	640
Еапалтын	160	1 280
Топач	100	800
Гаракол	400	3 200
Чэпни	400	3 200
Кемерек	900	7 200
Тэкмэн	200	1 600
Паша-Гех	100	800
Сывгын	250	2 000
Кики	150	1 200
Сумма		31620

8. – УЕЗД КЮРИН

	домов	человек
Кюрин	2 000	14 000
Четыре села	600	1 800
Сумма		15 800

9. – УЕЗД ТАРЭНТЭ

	домов	человек
Тарэнтэ	500	4 000
Ашюти	200	1 600
Сумма		5 600

10, 11. – УЕЗДЫ АЗИЗИЙЭ И ГАМИТИЭ

	домов	человек
Азизийэ	100	800
Эгрэк	350	2 800
Пюнеан	400	3 200
Сумма		6 800

САНДЖАК ТОХАТА

	домов	человек
ТОХАТ	4 000	28 000
Еатмыш	300	2 400
Кэтагаз	150	1 200
Карван Сарай	300	2 400
Чифтлик	400	3 200
Пулис	300	2 400
Пюскюнджик	200	1 600
Гиргорэс	300	2 400
Энтиз	150	1 200
Вараз	200	1 600
Кесара	50	400
Пагар	150	1 200
Эргилэд	100	800
Дерэ-Гех	50	400
Пигэри	50	400

²⁷⁶ Количество сел этой области 40. Но мы смогли уточнить лишь названия стольких (Г).

Пюскэни	50	400
Кэксин	23	200
Зилэ	500	4 000
Никисар, Гару-Гайя и др. села	700	5 600
Герек	1 000	8 000
Сумма		67 800

САНДЖАК АМАСИИ

	домов	человек
АМАСИЯ	3 000	24 000
Марзван	2 500	17 500
Мэчит-Эозив	200	1 600
Гавза	70	320
Вэзир-Кэоприв	600	4 800
Латик	100	800
Кеор-Кэой	300	2 400
Еничэ-Кэой	150	1 200
Гюмюш-Хаджи Гех	600	4 800
Сумма		57 420

САНДЖАК ШАПИН-ГАРАХИСАРА

	домов	человек
Ш.ГАРАХИСАР	950	7 200
Тамзара	450	3 600
Энтирэс	500	4 000
Сис	200	1 600
Бург	300	2 400
Мшкыноц	60	480
Ктаноц	60	480
Верн-Ацптер	300	2 400

Вари-Ацптер и		
Хюртюк	250	2 000
Гран	15	120
Агравис	200	1 600
Тантырджыг	18	140
Эски-Шехир	75	600
Матэн	8	64
Амам	8	64
Камини	12	96
Аламоник	30	240
Агванис	150	1 200
Аг-Сэвинтик	25	200
Апана	80	640
Мелик-Шэриф	40	320
Дымлуч	40	320
Пусэйит	80	640
Анезри	80	640
Чыртах	60	480
Гипэри	80	640
Лртарич	12	96
Чорах	25	200
Еэни-Кэой	25	200
Сумма		32 900

Общая сумма 350 284

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

1

Стр. 21

I – Арп-Арслан – сельджукский султан (1063). При нем Армения окончательно была завоевана сельджуками.

II – Тамерлан (1336-1405) – создатель среднеазиатского государства со столицей в Самарканде. Совершил несколько разрушительных походов в Иран, Закавказье, Малую Азию и др. страны. О его походах на Армению и другие страны весьма ценные сведения сообщает армянский историограф, современник и участник этих событий Товма Мецопеци (см. в русском переводе: ТДК ТМ).

III – Гамид – речь идет о турецком султани Абдул-Гамиде II (1776-1909). Установил деспотический режим в Турции. Разработал план массового уничтожения армян, учинил массовую резню армянского народа в 1895-1896 гг.

IV – «Черные земли» – это название восходит к периоду завоевания Армении Тамерланом, в том числе и города Себастии. Тогда он обманом сломил героически защищавших город себастийцев, обещав им, что если они мирно сдадут город, он пощадит жителей и «Кто поднимет на вас меч, в сердце его вонзится меч» (ТДК, ТМ, гл. 29. с. 54).

«Тогда они открыли (ворота) города, – пишет Товма, – и как освобожденные из темницы, с радостью и ликованием вышли ему навстречу. Но его войска получили злодейский приказ: неимущих взять в плен, богатых замучить и припрятанные ими сокровища прибрать к рукам, женщин привязать к хвостам коней и пустить их вскачь. А все множество их сыновей и дочерей приказал собрать в равнинном месте и, как молотилкой, подобно снопам, немилосердно растоптать их...

Всеми вышедшему из города четырехтысячному войску, которое он поклялся не убивать, приказал рыть ров, затем повелел связать им руки и ноги и заживо похоронил, (залит) землю водой и покрыв золой, сказав (при этом): «Это пар, который с приходом весны поднимется с земли» (см. там же).

Ованнес Себастиа, который также ссылается на сведения Товмы Мецопеци о взятии Себастии, добавляет к этому, что Тамерлан «разрушил и церкви города и до основания снес прекрасный Храм Сурб Карасниц (Сорока отроков) с сорока куполами, под которыми были похоронены их тела» (ОС, с. 56, см. также

примеч. К с. 6 Сорок отроков). После произошедших событий эти земли получили название «Черных земель».

V – Аргеос – гора в Малой Армении, турки ее называют Эростос, вершина ее покрыта вечным снегом.

VI – Астхик – армянская богиня любви и воды, отождествляется с Афродитой.

Саргис Арутюнян, говоря о популярности культа Астхик, перечисляет посвященные ей центры и капища древней Армении. Ее главное капище находилось в Аштишате, рядом с капищем Ваагна, далее – в Андзевацике, еще одно капище находилось на юге Вана (см. АС, Вер, с. 41-43). Оказывается, по утверждению Габикиан, еще одним местом культа Астхик была вершина горы Аргеос.

VII – Азатн Асас Масис – гора Арарат.

VIII – Себастиа, орлиноголовая столица Арцруни – видимо, Габикиан ссылается на тот вариант легенды о возникновении имени Арцруни, который представляет Мовсес Хоренаци (об орле, защищающем своими крыльями от солнца и дождя спящего юношу), хотя сам Мовсес Хоренаци называет это нелепой легендой (см. МХ. О других вариантах возникновения имени Арцруни см. ДМ ТА, с. 43, примеч.).

Имя васпураканских царей Арцруни навеяно воспоминаниями о событиях 1021 г., когда под натиском соседних мусульманских правителей и по настоянию византийского императора Василия II васпураканский царь Сенекерим Арцруни и его брат-соправитель Дереник уступили свои владения Византии взамен Себастии вместе с провинцией. Тогда Византия получила 72 крепости и 4 700 деревень. Эти события нашли отражение в трудах многих армянских историографов (Аристакес Ластивертци, Самвел Анеци, Маттеос Урхаеци, Вардан Бардцрабердци и др.).

IX – Галис (по-арм. Алис, по-турец. Гызыл-Ырмак (Красная река). Знаменитая река, протекающая по Малой Армении, через Себастию, и далее впадающая в Черное море.

Стр. 22

I – Евдокия, Амасия, Марзван, Никополь-Гарахисар, Кюрин, Манджылых, Гамирк-Кемерек – города и поселения провинции – вилайета Себастии.

II – Варужан – Даниэл Варужан (1884-1915) – выдающийся армянский поэт, литературный деятель. Родился в селении Бргник провинции Себастиа. Стал жертвой геноцида 26-го августа 1915 года.

III – Бргник, Улаш, Зара, Змар, Там-Зара, Акн, Бинкян, Тиврик – деревни и поселения провинции Себастиа.

IV – Огдар, младшая из окрестностей Себастиа – место рождения Мхитара Себастиа. См. примеч. здесь, немного ниже.

V – Ацекац – место рождения создателя армянской письменности Месропа Маштоца: «из села Хацекац, в гаваре Таронакан» (КЖМ, с. 55). «Селение Хацекац под названием Хас гех – село Хас существовало до 1915 г., когда все жители села были угнаны турецкими башебузуками» (см. там же, примеч. 57).

VI – Великий Аббат Отец – имеется в виду Мхитар Себастиа, ученый, просветитель и церковный деятель. Род. в 1676 г. в Себастиа, умер в 1749 г. в Венеции, на острове св. Лазаря, там и похоронен. Начальное образование получил в школе при церкви Сурб-Ншан -1685-1691 гг., затем в Эчмиадзине-1691-92 гг., а после этого в монастырской школе на острове Севана. В 1693 г. отправляется в Берию – Алеппо. В 1701 г. основал католическую конгрегацию мхитаристов. В 1717 г. по решению старейшин остров св. Лазаря близ Венеции был передан во владение мхитаристов. Построил церковь, школу-университет, древнехранилище-матенадаран. Бурная деятельность мхитаристов способствовала развитию арменоведения. Было издано около 50-ти книг. Из них 14 – лично Мхитаром Себастиа. Были опубликованы капитальные труды, важнейшие памятники по древнеармянской истории, литературе и пр.

VII – Сурб Ншан – о Сурб Ншане и обо всех здесь упомянутых у Г-а монастырях и церквях см. ОС. Последним, кто обратился к истории Себастиа был историограф первой половины 19-го века Ованнес Себастиа, с 1809-1829 гг., предводитель монастыря Сурб Ншан. Он, используя, часто компилятивно, все источники об истории Себастиа – Маттеоса Урхаеци (Матфея Эдесского), Магистроса и других историографов, и охватив 850-летний промежуток времени, желал дать полную историю Себастиа, когда она была, как об этом свидетельствует историограф V века Агатангелос, одним из центров христианских общин. Путь Григория Просветителя в Кесарию для рукоположения в епископы лежал через Себастию Откуда он взял с собой в Армению просвещенных духовных лиц для проповеди и утверждения нового вероучения. Особый интерес представляет часть сочинения Ованнеса Себастиа, источником которой являются современные писцы (с 16-го века), церковные кондаки и сам Себастиа. Хотя в центре внимания автора монастырь Сурб Ншан, но связанные с ним события, строительство и т. п. дают довольно полное представление о жизни армянского населения как Себастиа, так и всей провинции. (см. ОС. Нами подготовлен русский перевод этого издания).

VIII – Детей Арамовых – речь идет об армянах, одним из прародителей которых был Арам. Армян называют также народом Арамовым.

IX – «Колокол Себастиа» – «Гичак» (по-армянски «Колокол»). – Один из псевдонимов Габикиана.

Стр. 23

I – Сорок отроков – сорок воинов-христиан, служивших в императорской армии Линкианоса в Каппадокии. В 320 г. за отказ отречься от христианства были преданы мучениям, брошены в озеро близ Себастиа, в котором они замерзли и умерли. Тела их были сожжены и прах их рассеян по реке. Священнику города ночью привиделось, что прах их не развеялся, а находится в одном укромном месте.

Утром было устроено торжественное захоронение праха. Им посвятили энкомии св. Василий, Григорий Нисский, Ефрем Сирин. Память их празднуется греками и латинянами 9-го марта, армянами в четвертую неделю Великого Поста. Для Себастийцев их могилы были самым большим местом поклонения (см. ШГ, с. 160-162).

II – Хайк – родоначальник армян, сын Торгома, внука Ноя. Согласно Мовсесу Хоренаци, Хайк восстал против Бела – родоначальника ассирийцев, и со своими сородичами поселился на западе от Ванского озера. В сражении с Белом победил его. От имени «Хайк» происходят названия армян-«хай» и Армении – «Хайастан». Хайком армяне называют созвездие Ориона.

III – Арам – один из прародителей армянского народа из рода Ноя. (см. выше) О нем Мовсес Хоренаци рассказывает, что «он совершил много доблестных подвигов в сражениях и раздвинул пределы Армении во все стороны. Все народы называют нашу страну по его имени: греки – Армен, персы и сирийцы – Армениак» (МХ. с. 25).

IV – Ваагн – древнеармянский бог грозы, грома и молнии, который именовался «Вишапаках» – Драконоборец. У Мовсеса Хоренаци Ваагн – сын или внук Тиграна Ервандуни, современника Кира или Креза, обожествленный после смерти (см. МХ, с. 46).

V – Ванатур – древнеармянский бог. Его называют Хюрынгал – Гостеприимным. Считался покровителем странников, предоставляющим им ночлег, кров. (Подробнее о Ванатуре см. Аг, с. 302, примеч. к 302 параграфу).

VI – Торк – древнеармянский бог, названный Ангех – т. е. безобразный. Мовсес Хоренаци приводит предания о нем, о его мощи, руками разрывающем гранитные скалы, вырезающим из них когтями орлов. «А раз, встретив у

берегов Понтийского моря вражеские суда, он схватил скалы и швырнул за ними» (МХ., Кн. II, с. 64-68).

VII – Тигран II Великий (95-56 г. до н. э.) – царь Армении Великой. Объединил армянские земли. Долгое время боролся с Римом. В 66 г. признал себя вассалом Рима.

VIII – Трдат – речь идет об армянском царе Трдате III Великом (287-330). При нем Армения в 301 г. провозгласила христианство государственной религией (см. Аг).

IX – Аршак – по всей видимости имеет в виду армянского царя Аршака II (350-368). Долгие годы воевал с Римом и Персией за независимость Армении. Был обманным путем захвачен персидским царем Шапухом II и брошен в крепость Анхуш, где окончил жизнь самоубийством.

X – Пап (353-374) – с 370 года армянский царь, преемник отца, Аршака II.

В 371 г. в Дзиравакской битве разбил вторгшиеся в Армению объединенные римско-персидские войска. Создал сильную боеспособную армию. Положил основы независимой церкви. В 374 г. заговорчески был убит Траяном.

XI – Гагик Великий – армянский царь с 989 г. При нем Баградитская Армения достигла расцвета. Объединил армянские земли. Его власть признали Ташир-Дзорагетское, Карское и Сюникское царства.

XII – «Последний Гагик, тоскующий в Малой Армении по родине» – имеется в виду царь Гагик Багратуни (1042-45). Византийский император Константин Мономах обманным путем пригласил его в Константинополь, заключил в тюрьму и принудил отречься от трона. В 1045 г. византийские войска овладели городом Ани и положили конец Баградитскому царству.

XIII – «Пало правительство Кямиля» – видимо речь идет о Кямиле паше, который при султани Гамиде II долгое время возглавлял правительство Османской державы.

«Султанскую политику в Западной Армении весьма четко проводил крупный землевладелец, англофил Кямил паша» (СЕ, с. 26). «Если мы в сердце Европы на своей груди пригнали змею, то не следует совершать подобную глупость в Азиатской Турции. Мудрым поступком будет уничтожить все элементы, которые могут породить такую же опасность и стать оружием в руках других государств», – пишет Кямил (там же).

XIV – Иттихад (по-турецки Ittihat ve Terakki) – «Единение и прогресс», кратко младотурки. Буржуазная партия, возникшая в 1889-м году. В 1909 г. младотурки взяли власть в свои руки. Они проявили себя как фанатичные националисты, провозгласили идеи пантуркизма своей главной программой и,

воспользовавшись войной, приступили к осуществлению своих планов по уничтожению армянского и других христианских народов.

Стр. 24

I – Отряды Гамидие – полки конницы из курдов-мусульман были созданы султаном Абдул Гамидом II в начале 90-ых годов – 1891-ом году для подавления освободительной борьбы армян в вилайетах Ван и Эрзерум (см. КДж, с. 18).

Стр. 26

I – «Если я с Себастией не поступлю хуже, чем с Аданой» – имеет в виду резню, учиненную младотурками в Адане в 1909 г., когда погибло 30 000 армян.

Стр. 27

I – Мехти – Махдий – имя 12-го имама, пришествие которого ожидается мусульманами.

II – Илоты – земледельческая, порабощенная часть населения. Были прикреплены к земельным участкам спартанцев. Фактическое положение илотов ничем не отличалось от положения рабов. Обращение спартанцев к илотам отличалось суровостью и жестокостью. Известен целый ряд восстаний илотов против спартанцев. С целью предупреждения илотских восстаний спартанцы время от времени устраивали крипции – карательные экспедиции на илотов, уничтожая наиболее сильных и крепких из них (см. СВ, Ист. Греции, с. 93-94).

III – Маркиан – Маркиан Флавий, восточно-римский император, умер в 457 г.

IV – Сулла (138-78 до н. э.) – римский полководец, с 88 г. консул, в 82 г. стал диктатором.

V – Помпей – Гней Помпей Великий (106-48 до н. э.) – римский полководец. Участвовал в подавлении восстания Спартака.

VI – Октавиан – Август (до 27 до н. э.) Октавиан (63 до н. э. – 14 н. э.), римский император с 27 г. до н. э.

VII – Антоний – Марк Антоний (ок. 83-30 до н. э.). В 42 г. получил в управление восточные области римской державы. Сблизился с египетской царицей Клеопатрой. После поражения в войне египетского флота покончил жизнь самоубийством.

VIII – Нерон (37-68) – римский император с 54 г. Согласно источникам жестокий, самовлюбленный и развратный властитель. Репрессиями и конфискациями восстановил против себя разные слои населения.

IX – Ночь св. Варфоломея – Варфоломеевская ночь, отмеченная массовой резней гугенотов католиками в ночь на 24. 8. 1572 г. (в день Св. Варфоломея) в Париже, организованная Екатериной Медичи Гизами.

X – Сицилийская вечерня – народное восстание в Сицилии, начавшееся в Палермо 31. 3. 1282. Было направлено против гнета французских феодалов.

Согласно легенде, восстание началось по сигналу – колокольному звону к вечерне. Конечным результатом восстания явилось отпадение Сицилии от владений Анжуйской династии, продолжавшей, однако, войну за нее до 1302.

XI – Атилла (407-453) – предводитель гуннов с 434 г. Возглавил опустошительные походы в Восточно-Римскую империю (452).

XII – Чингиз-хан (1155-1227) – основатель великой монгольской империи (с 1206 г.).

XIII – Фатих – речь идет о Фатихе султани Мехмете (1451-1481). В его время был построен единственный образец Стамбульской гражданской архитектуры Изрозцовый Дворец, который ныне входит в комплекс зданий Археологического музея.

XIV – Селим Явуз – Селим I Грозный – Явуз (1467-68 или 1470-1520), турецкий Султан с 1512 г. В ходе завоевательных войн подчинил Восточную Анатолию, Армению, Курдистан, Северный Ирак, Сирию, Палестину, Египет, Хиджаз.

Стр. 28

I – Нер – В армянской средневековой литературе Нер отождествляется с Антихристом, дьяволом, с черной силой.

II – «Видение партевца Великого патриарха Нерсеса» – речь идет об армянском католикосе Нерсесе I Великом (353-373), возвестившем в своем «Видении», что «Дом Арамов будет уничтожен народом стрелков».

Стр. 35

I – «Лишь армянский народ» – Сравни с Секретным докладом № 23 Кайзеровского Немецкого Консульства J № 580: «В образованных турецких и армянских кругах рассказывали, что профессор Рорбах во время своего доклада кайзеру указал на то, что армяне являются весьма подходящим элементом для заселения немногочисленных территорий Месопотамии, пересекаемых Багдад-

ской железной дорогой. На основании этого немецкое правительство побудило турецкое выселить туда армян» (МВ, Арм. вопрос, с. 210).

II – «Подстрекателем вражды к армянам» – в оригинале: «Օձնի փղի փրփր» дословно: дающая змее яд. Так говорят о крупной зеленой ящерице, у которой змея, якобы, высасывая, снабжается ядом (см. ССН, с. 584).

2

Стр. 38

I – Полиские – т. е. константинопольские. В армянской литературе, да и среди народа принято было Константинополь называть Полисом.

Стр. 40

I – Ширикаци – речь идет об известном армянском ученом, математике, космографе VII века Анании Ширикаци (См. в переводе на русский яз. АШ, Космография).

Стр. 42

I – Абас Багратуни – подразумевается Карский царь с 984 г. Абас Багратуни (ум. в 1029).

Стр. 43

I – Великий Петр – русский император Петр Великий (с. 1689 г.).

II – Александр I (1777-1825) – русский император (1801-1825 гг.).

Стр. 46

I – «С малыми возможностями нельзя добиться многого» – в оригинале: «Ջուր կրելով ջաղածր դարձնել» – «Мельница не может заработать с помощью нескольких ведер воды» (ССН, с. 623).

Стр. 47

I – Ширавские амбары – взято у Мовсеса Хоренаци из поговорки: «Коль у тебя глотка Шарá, то у нас не ширакские амбары» (МХ). Стало общим местом в армянской средневековой литературе – имя Шарá использовалось как синоним «прожорливости», «чревоугодия», а «ширавские амбары» как доверху наполненные житницы: «У нас не ширакские амбары» – т. е. «наши амбары не обильны как ширакские».

Стр. 51

I – **Талаат** – Талаат-паша Мехмед (1874-1921), генеральный. председатель младотурецкой партии, министр внутренних дел (1913-1916), великий визир (1916-1918), один из главных организаторов геноцида армянского народа. Заочно осужден на смертную казнь султанским военным трибуналом (июнь 1919), был убит в Берлине армянским мстителем Согомоном Тейлеряном.

Стр. 52

I – **Четов** – отряды, составленные из отпущенных на свободу из тюрем преступников. См. с. 57: "Великий Сандарапет (злой дух ада)... призвал своих детищ, кровожадных преступников, открыл перед ними двери тюрем, составил из них отряды четов под начальством злодеев".

Стр. 53

I – **Армаш** – селение Армаш расположено на юго-востоке Малой Азии в 25-ти км. от Никомедии (Измета). Известно своим монастырем Чархапал Сурб Аствадацин, построенным в 1611г. Монастырь сыграл значительную роль в национально-просветительской образовательной жизни армянского народа. Он был архиерейским престолом Армашской епархии. В правление архиепископа Варфоломея Капутикяна (1786-1890) здесь было открыто учебное заведение, в 1776 г., было построено древлехранилище (см. ХА, с. 157).

II – Он мне показался новым Нерсесом – имеется в виду Нерсес Великий.

Стр. 55

I – **Гнчакисты** – от слова Гнчак – Колокол, в подражание «Колоколу» Герцена и его соратникам, народнические взгляды которых были близки им. Партия гнчакистов основана в 1887 г. В условиях национального гнета, ущемления и отсутствия элементарных гражданских прав у армянского, как и других подвластных Турции христианских народов, гнчакисты выработали программу объединения армянских земель и освобождение Турецкой Армении.

II – **Дашнаки** – члены партии Дашнакцутюн (Союз). Основана в 1890-м году. Программа – с помощью европейских держав и царской России добиться автономии Западной Армении в составе Турции.

Стр. 56

I – **Энвер** – Энвер-паша, Исмаил (1881-1922) – член младотурецкого триумвирата, военный министр и начальник генштаба (1913), один из главных организаторов геноцида армянского народа, осужден на смертную казнь султанским военным трибуналом – июль 1919 (КДж, с. 441). Был убит народным мстителем Акопом Мелкумовым 4-го августа 1922 г. при попытке перехода в Афганистан.

Стр. 59

I – **Школа Санасарян** – школа была открыта в 1881-ом году на средства Мкртича Санасаряна и К. Езяна. В 1912-ом году она была переведена в Себастию. Школа имела три отделения. Программа была довольно солидной. Достаточно отметить, что предметами Учебного отделения были: родной язык (современный и древний – грабар), история, география, литература, французский, немецкий, турецкий и т. д. См. также примеч. Мкртич Санасарян.

Стр. 65

I – Как новый Вардан – имеется в виду Вардан Мамиконян, армянский спарпет (главнокомандующий), возглавивший освободительную войну армян (450-451) против персидского господства.

Стр. 66

I – **Армяно-татарских** – речь идет об отсутствующем тогда словосочетании – армяно-азербайджанских.

II – **Андраник** – Андраник Озаян (1865-1927) – выдающийся деятель освободительного движения. Национальный герой армянского народа и Болгарии.

III – **Кайцак Аракел** – Абаджян Тигран (1669-1917), армянский деятель национально-освободительного движения. Член дашнакской партии. В 1915 г. был одним из организаторов защиты Вана, членом Военного совета. В 1916-17-ых годах в Ерзынка занимался вопросами спасения армянских беженцев.

IV – **Георг Чауш** – Сахрат (Казарян Геворг) (1870 – 1907), деятель армянского национально-освободительного движения. В конце 1880 годов участвовал в первом гайдуковском отряде Арабо. Особенно отличился в боях Талворика в 1893 г. Участвовал более чем в 40-а боях. Погиб в сражении Сулуха. Народ сложил о нем песни.

Стр. 67

I – «К стопам прибывают подковы» – Американский посол в Турции Генри Моргантау в своих воспоминаниях пишет о том, как однажды чиновник – турок

рассказал ему о применяемых пытках. Он не скрывал, что правительство одобряет такое обращение с ненавистной ему нацией. Этот чиновник сказал ему, что все подробности этих пыток обсуждались на ночном заседании в штаб-квартире комитета «Единение и прогресс», с обращением к отчетам испанской инквизиции и других исторических учреждений, касающихся истязаний, и переняли все, что находили там. В частности, посол говорит также о принадлежности вали Вана Джевдету-бею «авторских прав» истязания прибиванием подков к столам жертв, за что по всей стране тот был известен под именем «подковщик из Башкалы» (см. НМ. Геноцид, с. 460). Это подтверждает известный юрист и историк А. Мандельштам, называя Джевдета-бея начальником «батальона мясников» и добавляя: «Именно его превосходительству принадлежит честь изобретения двух пыток: одна из них – это подковывание армянам ступней, как выючным животным – новость, из-за которой ее изобретатель удостоился клички «подковщика Башкале»; другая – это пытка кошками, заключающаяся в том, что кошек вводили под одежду пытаемых и затем избивали животных, чтобы заставить их погружать свои зубы и когти во внутренности жертвы» (НМ, Геноцид, с. 448). Посол Моргентуа заключает сказанное словами: «Но все же эти случаи были лишь частью того, что газеты обычно называли армянскими ужасами; они являлись подготовительными шагами в деле уничтожения нации» (там же).

Стр. 72

I – Гевондяны – духовенство во главе с Гевондом, как и варданиды, сподвижники Вардана Мамиконяна.

Стр. 73

I – Егишэ – известный историограф V в., автор книги «О Вардане и войне Армянской», которая посвящена освободительной войне армян против персов 450-451 гг. Переведена на ряд европейских языков. На русский язык переводилась трижды. См. последний: Егишэ.

II – Лазар Парбеци – известный армянский историограф V – начала VI вв. Его «История Армении» охватывает время от 387 г. (Первый Раздел Армении между Персией и Византией) до 487 г., до назначения Ваана Мамиконяна марзпаном Армении. Книга содержит ценные сведения об армяно-персидских взаимоотношениях 460-480-ых гг. и восстании армян 482-484 гг.

Стр. 74

I – Итилафакист – itilaf – соглашение, itilafname – соглашение, договор. Близкая к иттихаду организация.

4

Стр. 80

I – Епенагорц – Малхасянци «епенэс» считает искажением греческого слова hai pinpa. Под словом «пин» («пинай») дается такое пояснение – «вид двухстворчатого моллюска, из отверстия хрупкого игольчатого панцыря которого виднеется шелковистый золотисто-зеленоватого цвета пучек волокон. Из них вяжут перчатки. Моллюск живет в Средиземном море, иглами панцыря проникает в пески дна» (Малх, т. 4. с. 95). Следовательно «епенагорц» мастер по вязке перчаток из «епенэса». В словаре Сукиасяна – եփեփե – птица, похожая на орла. В таком случае «епенагорц» является ловцом или продавцом орлов или пернатых?

5

Стр. 85

I – «Алевылики» – грязный, голоштаный (см. ССН, с. 43).

Стр. 88 (сноска)

I – Могила Сенекерима – согласно многим армянским историографам и Ованнесу Себастаци Сенекерим «Перед смертью поручил своим сыновьям вернуть Святой Крест в Вараг, а также перевезти /туда же / его тело и похоронить там...» (ОС, с. 33, перевод наш). О переезде Сенекерима в Себастию у А. Александриана имеется весьма примечательная фраза: «Вместе с Сенекеримом /в Себастию/ отправились многие духовные лица, которые привезли с собой также мощи Григора Нарекаци и, построив недалеко от Акна церковь, похоронили его там, назвав церковь Нарекком...» (АА, с. 142-143). После смерти Сенекерима «сыновья его /как рассказывают/, оставив от его мощей в Сурб Ншане, взяли тело /отца/ и Святой Крест и пустились в путь в Васпуракан. Они установили Св. Крест на своем месте в Варагском монастыре, затем похоронили отца и возвратились в Себастию» (см. ОС, там же). О том, что могила Сенекерима находилась в медресе Шифаи, насколько нам известно других сведений нет. Можно предположить, что в целях безопасности, из Сурб Ншана туда были перенесены, оставленные там от мощей Сенекерима. (О Сенкериме см. примеч. с. 70).

Стр. 90

I – Варданиды – сподвижники Вардана Мамиконяна, вместе с ним мученически павшие в Аварайрском сражении и армянской церковью причисленные к лику святых (1036 человек).

Стр. 91

I – Масло арисы – Ариса – армянское кушание. Готовят из мяса или курочки с пшеницей. Варят долго, до образования однородной кашецеобразной массы. Подают на стол, обильно поливая топленным маслом. Здесь выражение «масло арисы» использовано в переносном смысле – нехватало депортации, к ней добавили приказ о мобилизации мужчин свыше 45-ти лет.

Стр. 92

I – «И плачем и идем» – в оригинале: «Հիմ լաւք, հիմ երթալք» – «Не следует предаваться отчаянию от случившихся несчастий, а надо продолжать жить («Одну из невест схватили и бросили на лошадь. Она, как обычно бывает, стала рыдать. Ей говорят, хочешь тебя вернем. Нет, – говорит она, – будем плакать, и будем идти» (ССН, с. 610).

6

Стр. 97

I – «Переселение Абасяна в Малую Армению из Карса» – речь идет о Гагике, сыне Карского царя Абаса I.

9

Стр. 105

I – «Народ разгоняют» – в оригинале на себастийском наречии – «Բալաւար քը քաղաքի» – дословно: разрушается косяк двери (балавар). Следуем пояснению Габикиана: «Բալաւարը քաղաքի – բալաւարընք քաղաքի սկիզբնէն» – начать разгонять народ (ССН, с. 101).

Стр. 106

I – «Второй Иордан сошествия Сына Божьего» – автор имеет в виду место из Сказания о 40-а отроках, брошенных в озеро и замерзших в нем, когда озеро озарилось чудесным светом и над головами всех мучеников показались венцы.

II – Сенекерим – Сенекерим-Ованнес Арцруни – армянский царь Вaspуракана (968-1021). Притесняемый постоянными разбойничьими нападениями

соседних мусульманских ханств обратился за помощью к византийскому императору Василию II. Вынужден был принять его тяжелый договор об обмене Вaspураканского царства (8 городов, 72 крепости, 4 000 сел и пр.) на Себастийскую провинцию. В 1021 г. он со всем своим двором, войском и населением (около 70-80-тысяч человек) переселился в Себастию, которая была признана наследственным владением Арцрунидов. После смерти Сенекерима ему наследовали его сыновья Давид, Атом, Абусахл. Согласно завещанию Сенекерима, тело его было перенесено в Вaspуракан и он был похоронен в Варагском монастыре Сурб Ншан. Эти события отразились во многих трудах армянских историографов – в сочинениях Товмы Арцруни, Степаноса Таронаци (Асохик), Маттеоса Урхаеци, в «Истории Себастии» Ованнеса Себастиаци).

Стр. 107

I – Вардавар – праздник Преображения Господня, один из главных праздников Армянской церкви и один из самых любимых в народе. Отмечается на 7-ое воскресенье после Пятидесятницы. Подвижный праздник – от 28-го июня до 1-го августа (см. ПЕ, с. 82-83).

Стр. 108

I – Гора Астхик – см. примеч. Астхик, гл. I. Габикиан гору Астхик называет Малым Масисом Малой Армении, указывает посвященный Астхик «западный храм Астхик крепости Митридата Понтийского, построенного Каджунанцами».

Стр. 109

I – Митридат Понтийский – Митридат VI Евпатор. Превратил Понт в могучее государство – завоевал Малую Азию с Вифинией, Армению, Колхиду. Распространил свою власть на Босфорское Царство. Вел войны с римским императором в 89-63 до н. э. Окончил жизнь самоубийством во время восстания против него сына. В 89-66 гг. до н. э. в войнах Тиграна Великого с Римом содействовал последнему.

Стр. 118

I – Дни Рамазана – 9-ый месяц мусульманского года хиджры. В этом месяце Мухаммеду было ниспослано первое «откровение». В Рамазан мусульмане должны соблюдать пост.

II – Литр – литр (мера емкости, равная 9 фунтам, а в Турецкой Армении – 18 ф.).

См. Даг., 322; Литр (по-греч. – litra, 12 унции тяжести-326 гр.)... В Алеппо литр = 1442, 5 гр. – см. Малх, т. 2, с. 200.

Стр. 119

I – Гагик Абасян – Карский царь. Гагик Абасян, как один из представителей династии Багратидов, после падения в 1045 г. Баградитского центрального царства, стал старшим – «родоначальником», «шахиншахом». Время почти столетнего существования Карского царства было мирным и периодом экономического и культурного расцвета. Во второй половине XI в. в период появления на исторической арене сельджуков и их постоянных набегов на армянские земли, Гагик Абасян, не выдержав нашествия Алпарслана, передал свои владения (с городами Карс, Кагзван, Кохб) Византии, в обмен на это получив земли в Каппадокии с городами-крепостями Цаминдав, Кесария и Хаватанек.

II – Крепость Харагонис – армянонаселенная деревня в области Хошаб Вана, в трех часах езды от города.

III – «Церковнослужители... исполняли «Андастан» (Ниву)» – обряд освящения нивы (см. Арев. А., Маштоц, с. 15-16).

10

Стр. 125

I – Давид Мудрец – имеется в виду царь Израиля Давид (10-9 -ый вв. н. э.). Давид основал свою столицу в Иерусалиме, перенес туда Ковчег Завета.

Стр. 126

I – Мартини – «В 1890 г. по приказу из Константинополя были розданы винтовки системы «мартини» курдам Муша, Багеша, Вана, Баязета и Алашкерта» (КДж, с. 23).

11

Стр. 138

I – «Люди столбенели от удивления» – в оригинале – «մարդուն երեսի խաշը Կը րոմի» – «с лица человека сбегал крест» (Г., с. 156, см. ССН, с. 178).

12

II – 12 – в оригинале помечено 11 – повтор.

Стр. 140

I – Грох – бог Душегуб, злой дух, забирающий души людей. Мешок Гроха – мешок, в который Грох собирал и уносил с собой души людей.

14

Стр. 152

I – В произведении Отца Алишана «Куда плывешь, (луна)?» – Здесь речь идет о поэтическом сочинении Г. Алишана «Луна над армянскими могилами» («Լուսինկայն հայոց») (см. Поэтические произведения Гевонда Алишана, вардапета Мхитариста. Венеция, ост. св. Лазаря, 1867, Նովաք Հ. Ղևոնդայ Մ. Ալիշանեան, Մխիթարեան վարդապետ, Վենետիկի և նորր Ղազար, 1867). Алишан Гевонд (1820-1901) – историкограф, географ, поэт, энциклопедист. С 1838 г. – член Венецианской конгрегации мхитаристов. Развернул огромную литературную и научно-творческую деятельность. Его капитальные исследования по средневековой армянской истории, географии, литературе и многим другим являются неоценимым вкладом в Арменоведение.

II – Героической поэме Гамара Катибы – Речь идет о широко известном произведении Гамара Катибы – псевдоним поэта Рафаэля Патканяна (1830-1892) – «Слезы Аракса» («Անարի արևիկը»). В своих поэтических произведениях Гамар Катиба пробуждал национальное сознание армянского народа.

III – Нер-гунд – имеется в виду мусульманская вера, создателем которой объявляется Нер-Антихрист.

Стр. 167

I – Езник – Езник Кохбаци (380-450), из учеников и сподвижников Саака Партева и Месропа Маштоца. Выдающийся армянский философ. Известен его труд «Опровержение ересей», который в основном посвящен философскому обоснованию христианских догматов и критике языческих философско-религиозных учений. (в переводе на русский язык см. ЕК).

16

Стр. 184

I – «Тогда даже каменное сердце не может этого вынести» – в оригинале: «ան անեն քարը գերեզմանին լալի պիտի ըլլայ» (Тогда даже камень на могиле будет плакать) – ССН. с. 138.

I – «Отступление десятитысяч греков через Понтийские горы» – эти события описаны в «Анабазисе» известного греческого историографа 5-го века до н. э. Ксенофона.

II – Евксинское море – Черное море.

I – «Вспоминаю два года тому назад празднование 1500-летия армянской письменности и 400-летия армянского книгопечатания – т. е. 1913 г.

I – «Не знают ли они великого сельского писателя» – имеет в виду армянского писателя Тлкатинци (Ованнеса Арутюняна, 1860-1915). Родился в одном из сел Харберда. На литературное поприще вступил в 1884г. Писал рассказы, очерки, пьесы, которые вызвали большой интерес своими зарисовками крестьянской жизни. В 1915 году, 20-го июня был убит в ущелье близ своей деревни. См. посвященную его творчеству монографию – Лусик Карапетян. Ер., 1966.

I – Байрам – религиозный подвижный праздник мусульман, отмечается в год два раза три дня после рамазанов. Во время Байрама снимается пост рамазана.

I – Дер-Зор – на сирийском языке Дер (Slhr) – храм, церковь, Зор – лес. Древняя сирийская вера – это остатки несторианства. До появления мусульманской веры Дер-Зор являлся одной из главных епархий Несторианской церкви. Несторианский храм находился против города Дер-Зора на протяженном острове реки Евфрат. Именно этот остров, как и сам город Дер-Зор, стал могилой сотен тысяч армян (см. Выжившие, т. 2, с. 26).

I – Песталоцци Иоанн Генрих (1746-1827) – известный швейцарский педагог-демократ.

I – «Какие озарения турецкой мысли, какие еще чудеса человек может сделать?» – В открытом письме министру иностранных дел, опубликованном в газете "Turkdje Stambul" от 23 декабря 1918 г. № 45 за подписью врача-хирурга Хайдара Джемалы говорится о зверствах, совершенных турецкими врачами под видом науки. Предвосхищая злодеяния Гитлеровской Германии, они «В 1915 году, в декабре месяце, в Ерзынка по распоряжению главного врача 3-го армейского корпуса Тевфика Салима, кровь, взятую у больных сыпным тифом, без «инактивирования» использовали в качестве вакцины для невинных армян, обреченных на высылку. Такие опыты обычно производились над определенными лабораторными животными» (НМ, Геноцид. «209. Преступления ряда турецких врачей в 1915 -1916 гг., с. 390 и след.).

I – Хеттское государство – в Малой Азии XVIII – начало XII до н. э. В период расцвета (XIV-XIII вв.) охватывало обширную территорию.

I – Утопающий хватается за соломинку – «Человек хватается за соломинку». См. об этом примеч. гл. 29, с. 331, I.

I – «Нарек» – произведение гениального армянского поэта X века Григора Нарекаци «Книга скорбных песнопений». Кратко ее в народе называли «Нарек».

I – Жена Лота – см. Библию, Кн. Бытия, 19; Лука, 27.32.

I – Айрик (Отец) – так называла армянского католика (с 1820 года) Мкртыча Хримяна верующая паства.

I – Ал-Осман – Осман (1299-1326). От имени Осман – Османское бейство, впоследствии Османская империя. Основоположник турецкого самостоятельного государства (1299 г.).

II – Султан Решат – речь идет о султани Махмуде Решате V (1909-1918), сыне Гаида I, который после свержения Абдула-Гаида II занял турецкий престол. Был зятем Энвера-паши.

Стр. 244

I – Везельзовус, Садаэл, Велиар – три злых духа – бога, брошенных Господом за надменность в подземное царство – сандарамет (см. АС, Миф, с. 432 и далее).

Стр. 245

I – Швот – злой дух. Появляется в феврале, живет в домах у людей (домовой), наносит людям зло, летом уходит на поля (см. Малх., т. 3, с. 540, также – ССН, с. 438).

Стр. 265

I – Пешикташлян – Пешикташлян Мкртич (1828-1868) – выдающийся поэт, педагог, театральный деятель...

25

Стр. 285

I – Св. Маштоц – имеется в виду Месроп Маштоц, создатель армянской письменности.

II – Ропанос – оформлял вместе с Маштоцем в Эдессе новосозданные буквы армянского алфавита (см. КЖМ, с. 92).

Стр. 286

I – «Оттуда похитил луч» – имеет в виду, оставленное нашими историографами предание о том, что Месропу Маштоцу в видении явились армянские письмена, которые он получил от Бога и которые должны были принести с собой свет христианства.

II – Хор Вирап – Вирап или Хор Вирап, дословно «Яма» или «Глубокая яма». В языческую пору Армении – тюрьма для преступников, приговоренных к смерти, находилась в цитадели города Арташата. Туда, согласно Агатангелосу, был брошен Григорий Просветитель за отказ отречься от христианской веры. Пробывший 13-15 лет в этом подземелье, в соседстве со скорпионами и змеями, по видению Хосровидухт, сестры царя Трдата, Григорий был вызволен из Вирапа для обращения армян в христианскую веру (см. Аг). В 642 г. Католикос

Нерсес III Строитель построил над Хор Вирапом часовню. В 1662 г. на месте разрушенной часовни была построена новая. Хор Вирап по сей день является местом паломничества армян.

III – «Вставил в светильник Лусаворича» – речь идет о светильнике-свете христианства, распространенного Григорием Просветителем в Армении. О светильнике Лусаворича-Просветителя сохранилось множество легенд (см. ДВ с. 6-35).

IV – «Поглотил их водами на той же земле» – имеет в виду Всемирный потоп.

V – «И они растерзали друг друга» – см. Пророчество Исаяи о Вавилоне (Ис. 13).

27

Стр. 295

I – Михаил Сирин (1126-1199) – сирийский историограф, церковный деятель, с 1166 года патриарх яковитской церкви.

II – Кават – персидский царь Кават I (488-531). При нем Персия усилилась и возобновила ассимиляторские религиозные войны в Армении.

Стр. 296

I – Халкедонство – направление в христианстве, признающие две природы Христа. Название от города Халкедона, где на церковном соборе в 451 г. рассматривался вопрос природы Христа. На нем произошел раскол церквей на признающих две природы Христа – халкедонитов и одну – монофизитов. Армения принадлежит к последней.

28

Стр. 312

I – Мкртич Санасарян (1818-1889) – родился в Тифлисе, здесь же окончил школу Нерсисян. С 1835 по 1880-го года служил и работал в России. В 1881 г. на свои средства открыл в Эрзеруме школу «Санасарян», восстановил школу в Ване, по одной школе открыл в Ниже и Вардашене в Нухинской области, материальную помощь оказал Геворгияновской «Семинарии» Эчмиадзина и школе Харакониса, как и другим образовательным и культурным заведениям. Похоронен во дворе Армянской кафедральной церкви в Тифлисе (АСЭ, т. 10, с. 175).

29

Стр. 322

I – Абгар – царь сирийского города Эдессы, Абгар Укама (4-5 гг 1-го века.), с перерывом в 7-13 гг. У Мовсеса Хоренаци выступает как армянский царь (МХ, примеч. 345).

II – Санатрук – в 91-ом году завоевал Осройенский престол и получил титул царя Эдессы.

Стр. 325

I – Лавки эддаров или аддаров – лавка продавцов пряностями. В Книге Габикиана не раз говорится о том, что эддары помогали больным беженцам, готовя из лекарственных трав снадобья для больных, лишенных возможности использовать аптечные лекарства.

Стр. 331

I – «Человек хватается за соломинку» – в оригинале – «Գեղաշուկառ ձերր օձն է ձգեր» – дословно: «унесенный волнами хватается за змею». Пояснение Габикиана: «находясь на краю гибели, человек надеется на помощь случайного человека» (ССН, с. 136).

Стр. 339

I – Сардаранапал – последний царь Ассирии, правил за 64 года до основания Рима. Считается символом роскоши и изнеженности.

30

Стр. 348

I – Апостол Иаков Алфей – в отличие от Иакова Зеведеева этого Иакова, сына Алфея называли Младшим (см. ССП, с 309).

32

Стр. 359

I – Св. Дамиан – речь о враче-мученике св. Дамиане. Два брата-врача Косьма и Дамиан родились в конце третьего века в Аравии. Их мать, Теодотия (Богодарованная), была добродетельной христианкой. Она рано потеряла мужа, но сумела хорошо воспитать своих пятерых детей, из коих двое, Косьма и Дамиан, стали врачами и прославились своим бесплатным врачеванием хромых, слепых

и других недужных. Были арестованы как христиане и после долгих мучений в 285 году в царствование Диоклетиана обезглавлены. (ШГ, с. 201).

33

Стр. 365

I – Гарун-аль-Рашид (763-809) – халиф из династии Аббасидов. При нем халифат достиг экономического расцвета. Продолжал вести борьбу с Византией.

II – Персидский царь Хосров – Хосров Ануширван (531-578).

34

Стр. 370

I – Суфи – приверженец суфизма, мистического течения в исламе.

Возникло в 8-9-ом вв., окончательно оформилось в 10-12-ом вв. В основе суфизма лежит учение о постепенном приближении к Богу.

Стр. 377

I – Мухтар – Габикиан тут же раскрывает скобки и дает ясное представление об административном нововведении для беженцев.

Стр. 384

I – Салимские угодия – Салим (мир) древнее название Иерусалима (Быт. 14, 18. Евр. 7. 1.) То же название позже давалось Иерусалиму в переносном смысле.

Стр. 386

I – Анезэ (в оригинале эназэ и анейзе, эназены) – «Согласно Бурхарду, бедуины распадаются в северной Аравии на кочующих в весеннее и летнее время в плодородной части Сирии и возвращающихся к зиме в пустыню (анезы) и на таких, которые проводят круглый год вблизи возделанных полей. Анезы составляют одно из самых могущественных пастушеских племен Аравийской пустыни. Число их превышает 300 000. Многие из прочих племен на границах Сирии и на берегах Евфрата уплачивают анезам ежегодную дань, другие живут с ними в непримиримой вражде (Брокгауз-Эфрон, т. А, СПб. 1890 г., с. 950). Это весьма созвучно с тем, что пишет об «анейзе» Габикиан (см. Гл. 39).

Стр. 387

I – Даниил – библейский пророк времен Вавилонского пленения (618-530) См. Библию, Кн. Даниила.

II – Седрах, Мисах и Абденаги – три отрока, отказавшиеся поклоняться истукану, по приказу царя Вавилонии Навуходоносора были брошены в огненную печь. Однако «по Божьему провидению» остались целы и невредимы.

III – Бел – «Бел в вавило-ассирийском (аккадском) языке означает «владыка», «господин» и является эпитетом бога Мардука, но применяется и самостоятельно, обозначая того же бога» (МХ. с. 222, см. Кронос). Об эпическом сказании «О Хайке и Беле» см. там же: кн. 1. 10, 11. с. 18-23.

Стр. 400

I – Гунд (пехлев.) – символ могущества. Под гундом – шаром мироздания подразумевают Мухаммеда (см. Малх. 1, с. 469).

Стр. 409

I – Эмвал метрюке или брошенное имущество – речь идет о вынужденно оставленном армянами во время депортации имуществе – домах, угодиях, магазинах и пр., ставшем на первых порах предметом легкой добычи турецкого населения. Согласно восьмому пункту закона, принятому 13-го сентября 1915 г. и уставу правительства от 26-го октября 1915 года было решено создать комиссии по Брошенному имуществу и их ликвидации и передаче всего этого в руки правительства. Исследователи оценили происшедшие изменения как установление узаконенного грабежа в пользу государства (подробнее см. об этом: Аст., гл. «Правовые основы ограбления армян», с. 44-73. Ср. также с примеч. гл. 49, «Тешкилят-и-махсуссе».

38

Стр. 413

I – Иездигерд – видимо имеется в виду Иездигерд II (439-458), известный своими гонениями на христиан.

II – Шапух – имеется в виду персидский царь Шапух II (309-379), ведший войны с Римской империей и Арменией. В 367 он обманным путем пленил царя Аршака II, в 368-367 гг. вел войны с Папом, царем Армении, сыном Аршака, разрушил и предал огню Армении.

III – Ваан – Ваан Мамиконян. Племянник Вардана Мамиконяна, возглавивший восстание армян (481-484) против персов и нанесший им поражение в Нварсакском сражении. По мирному Нварсакскому соглашению персы были вынуждены принять условия армян, восстановить право на свое вероисповедание, также духовную и культурную самостоятельность. Ваан Мамиконян был назначен армянским марзпаном.

IV – Новый Нварсак – см. предыдущее примечание о Нварсакском сражении. Автор мечтает увидеть Новый Нварсак.

41

Стр. 425

I – Седого Свободного Масиса – т. е. Арарата.

44

Стр. 440

I – Джемал паша, Ахмед (1872-1922) – член младотурецкого Триумvirата. Один из организаторов геноцида армян. Особенно активную роль сыграл в организации резни беженцев в Дер-Зоре. Заочно осужден был на смертную казнь султанским военным трибуналом. Был убит в Тифлисе 25-го июня 1922 г. армянскими мстителями.

47

Стр. 460

I – Яковиты – приверженцы сирийского монофизитского традиционного крыла церкви.

II – Кильтане – древнесирийские ортодоксальные католики (остатки несториан), армяноязычные сирийцы (см. Выжившие. т. 2, с. 25).

III – Марониты – приверженцы особой христианской церкви. Общины маронитов возникли в 5-7 вв. в Сирии. Марониты-католики, имеют своеобразную церковную организацию, своего самостоятельного патриарха. Служба ведется на родном языке, духовенство независимо и священники женятся.

IV – Царь Хетум – речь идет об армянском царе Киликии Хетуме I, царствовавшем с 1226-69-ые годы. При Хетуме I в Сисе был построен царский собор св. Софии, на котором унциальными буквами были выгравированы имена Хетума I и Левона III и других киликийских царей.

Стр. 461

I – Сис – город в Равнинной Киликии, с 1293-1441 гг здесь находился всеармянский католикосат, позже стал центром Киликийского армянского католикосата. В 1915 году армянское население Сиса подверглось насильственной депортации. Большая их часть погибла. После заключенного 30-го мая 1920 г турецко-французского перемирия Сис перешел к кемалистской Турции.

II – Себастиийский доктор Асатур Алтунян – об Алтуняне и его дочери Норы столь же хвалебно отзываясь Мустафа Нетим, называя их благодетелями и спасителями сотен армян. «Никакие благодарности недостаточны», чтоб оценить сделанное ими – пишет он (МН, с. 57). Добавим к этому, что то же самое можно сказать о нем самом. Мустафа Нетим – бывший секретарь Абдул Гаида, в 1880-1908 стал жертвой Гаида, затем сменивших его иттихадистов. Был сослан в Тигранакерт, Харберт, Измир. Алеппо, Дер-Зор. Имел много армянских друзей. Сотни армян вырвал из когтей смерти.

III – Локман – легендарный арабский мудрец. Локману приписывают множество мудрых изречений, стихов, пословиц, басен, сходных с баснями Эзопа. Они весьма популярны на Востоке.

Стр. 462

I – Рамкавары – армянская конституционная трудовая партия (РАК). Оформилась в октябре 1908 г. в Египте. Призывала к вооруженной самообороне западных армян (КДж, с. 436).

49

Стр. 483

I – «Которые нападают на воинов амэле с ножами, вилами, топорами» – ср. с сообщением американского посла в Турции Генри Моргантау о судьбе 2000 армянских амэле, которые в начале июля были направлены из Харберда на строительство дорог, но были убиты и брошены в ущелье (см. НМ, Геноцид, с. 457-458).

50

Стр. 498

I – Св. Влас – епископ Себастии. Тайно исповедовал христианство. Вел праведную отшельническую жизнь на горе Аргеос. Был обнаружен воинами наместника и приведен в город. Здесь по его молитве произошло чудо – на руках у матери он оживил ее сына, проглотившего косточку рыбы. Поэтому он

считается ходатаем перед богом людей, страдающих горловыми болезнями. Принял мученичество после того, как отказался выполнить приказ наместника принести жертву «бессмертному богу» (ШГ, с. 63).

II – Евстратиевые мученики – Евстратий, Огсентий, Евгений, Оврест и Мардарий – армянские мученики из Себастийских краев, хотя и с греческими именами. Приняли мученичество при императоре Диоклетиане во время гонений на христиан. Евстратий из знатных людей был военачальником. Он тайно исповедовал Христа. Когда на площади обнародовали приказ о преследовании христиан, открыто заявил о своем исповедании. Так же поступили его упомянутые единомышленники. Их лишили всех званий и почестей и после жесточайших мучений предали смерти в 302 г. (ШГ, с. 199).

III – Св. Мощи Гоаринян – в «Истории Себастии» Ованнеса Себастиаци в главе «Описание величественного монастыря Сурб Ншан в стольном городе Себастии» (см. ОС, с. 162) есть свидетельство о том, что мощи Гоариня и ее сына Теодороса Себастиаци похоронены были в церкви Сурб Карапета в Сурб Ншане (См. примеч. к с. 322 в «Описании монастыря Сурб Ншан»). «Мученичество Гоариня...» см. издание МА, НАМ, в переводе на русский язык – ТДК, НАМ, с. 11-13.

IV – Рукописная «История Себастии» – речь идет о труде историографа начала XIX века Ованнеса Себастиаци.

V – Мученичество Теодороса Себастиаци (1155) – подробно приводится в 5-ой гл. «Истории Себастии» (ОС, с. 45-46). См. на арм. яз. издание МА, НАМ, также русский перевод – ТДК, НАМ, с. 14-15.

Стр. 499

I – Теллак-Давид – мученический убит в 1677 г. (см. ОС, 73-75).

II – Юный Мецатур – был замучен в 1595 г (см. ОС, 65, 66).

Стр. 501

I – «Тешкият-и-махсуссе» – «Особая организация». Речь идет об организованном со стороны турецкого руководства отчуждении брошенного имущества. Штаб этой организации находился в Эрзеруме, она была создана специальным постановлением Центрального комитета партии «Единение и прогресс» и возглавлял ее министр иностранных дел Талаат. Под видом законности они, описав все брошенное имущество, заполнили государственную казну невиданным богатством (Об этом см. НМ, Геноцид 471 и послед; ПА, Геноцид по документам, с. 199-200 и послед.; Астоян, с. 59). См. также здесь примеч. эмвал мэтрюке – о брошенном имуществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Словари

- ССН – Карапет Габикян, Словарь наречия себастийских армян. Иерусалим, 1952 (Կարապետ Գաբիկյան, Բառգիրք Սեբաստիանյա զավառալեզուի: Երուսաղեմ, 1952).
- Вос Гев – Воспоминания марашского священника владыки Гевонда. Составление, предисловие и словарь Ваана Тер-Гевондяна. Е. «Антарес», 2013. (Մարաշի Տեր Ղևոնդ քահանայի Յուշերը. Ե., «Անտարես», 2013). См. словарь: с. 418-425.
- Малх – Ст. Малхасянц, Толковый словарь армянского языка, т. т. 1, 2, 3, Е., 1944 т. 4, Е., 1945 (Ստ. Մալխասեանց, Հայերեն բացատրական բառարան, հ. 1, 2, 3, Ե. 1944, հ. 4, Ե., 1945).
- ОС – Ованес Себасти. История Себасти. Текст, предисловие и комментарии Б. Л. Чугасяна. Ер., 1974. (Յովհաննէս Սեբաստացի. Պատմութիւն Սեբաստիոյ. Աշխատասիրութեամբ Բ. Լ. Չուգասցյանի. Ե., 1974) – Здесь же см. составленный Л. Чугасяном: 1. Словарь иностранных слов (с. 210-220) и 2. Словарь иностранных названий ремесел (с. 221-225).
- СС – Сукиасян А. Словарь синонимов армянского языка. Е. 1967 (Ա. Սուքիասյան, Հայոց լեզվի հոմանիշների բառարան. Ե., 1967).
- Арм-тур сл. – Армяно-турецкий словарь, составил о. Аковбос в. Позачян из Конгрегации Мхитаристов, т. 1, Вена, 1838 (Համառօտ բառարան ի հայերենէ տաճկերէն, յորինեալ ի շ. Յակովբոս Վ. Պօզաճեան ի Մխիթարեան միաբանութենէ, հ. 1, Վեննա, 1838).
- Тур-арм сл. – Краткий словарь с турецкого на армянский язык, составил О. Аковбос в. Позачеан из конгрегации Мхитаристов, т. 2, Вена, 1841 (Համառօտ բառարան ի տաճկականէ ի հայ յորինեալ ի շ. Յակովբոս Վ. Պօզաճեան ի Մխիթարեան միաբանութիւնէ, հ. 2, Վեննա, 1841).
- Тур-рус сл. – Турецко-русский словарь, составил А.Д. Магазаник. Вт. изд. М., 1945.

Энциклопедии

- АСЭ, – Армянская Советская Энциклопедия. т. 3. Е., 1977; т. 7, Е. 1981; т. 9, Е. 1983; т. 10, Е. 1984 Հայկական սովետական հանրագիտարան, հ. 3, Ե., 1977; հ. 3, Ե., 1981; հ. 9, Ե., 1983; հ. 10, Ե., 1984

АСЭ, Сов. Арм – Советская Армения, Армянская Советская Энциклопедия. Е., 1987. (Սովետական Հայաստան, Հայկական սովետական հանրագիտարան, Ե., 1987).

Б-Эф – Брокгауз—Эфрон, Энциклопедический словарь, т. А, СПб, 1890.

БЭ Кто – Кто есть кто. Армяне. Биографическая Энциклопедия, т. 1, Е., 2005, т. 2, Ե., 2007 (Ով ով է. Հայեր /Կենսագրական հանրագիտարան/, հ. 1, Ե., 2005, հ. 2, Ե., 2007).

БС Степ– Гарник Степанян, Биографический словарь, т. 1, Е. 1973; т. 2, Ե., 1981; т. 3, Ե., 1990 (Գարնիկ Ստեփանյան, Կենսագրական Բառարան, հ. 1, Ե., 1973, հ. 2, Ե., 1981, հ. 3, Ե., 1990)

Толк. Биб. – Толковая Библия, или комментарий на все книги св. Писания Ветхого и Нового Завета, СПб, 1904-1913.

ХА – Христианская Армения, Энциклопедия. Е., 2002 (Քրիստոնյա Հայաստան, Հանրագիտարան, Ե., 2002).

Использованная литература

- АА – А. Александрян, История знаменитого города Себасти и его пределы. Венеция, 1911. (Ա: Աղերսանդրյան, Պատմություն ականավոր քաղաքին Սեբաստիոն և սահմանաց նորա, Վենետիկ, 1911).
- АВ – В. Абраамян, Цеховые организации армян ремесленников в городах Закавказья (с 18-го по начало 20-го веков). Е., 1971 (Վ Աբրահամյան. Հայ Համբարությունները անդրկովկասի քաղաքներում (18-19-րդ դարի սկիզբը. Ե., 1971).
- Аг – Агатангелос. История Армении. Перевод с древнеармянского, вступительная статья и комментарии К. С. Тер-Давтян и С. С. Аревшатыан. Е., 2004.
- Аст – Анаит Астоян. Ограбление века. Лишение армян имущества в Османской империи в 1914-1923 гг. Ер. 1913 (Անահիտ Աստոյան, ԴԱՐԻ ԿՈՂՈՊՈՒՄԸ. Հայերի ունեզրկումը Օսմանյան կայսրությունում 1914-1923 թթ., Ե., 2013).
- АС, Вер. – Арутюнян Саргис. Верования, религия, культы и пантеон богов древних армян. Ер., 2001 (Սարգիս Հարությունյան, Հին հայոց հավատալիքները, կրոնը, պաշտամունքն ու դիցարանը, Ե., 2001).
- АС, Миф – Арутюнян Саргис. Армянская мифология. Е., 2000 (Սարգիս Հարությունյան, Հայ Առասպելաբանություն, Ե., 2000).
- Восп. Г. – Воспоминания священника Мараша Тер Гевонда. Е., 2013 (Մարաշի Տեր Գևոնդ քահանայի հուշերը, Ե., 2013).

НМ Геноцид – Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов. Под редакцией проф. М. Г. Нерсисяна. Е., 1986.

Дарб, ТА – Товма Арцруни и Аноним. История дома Арцруни. Перевод с древнеарм., вступит. ст. и коммен. М. О. Дарбинян-Меликян. Е., 2001.

ДВ – Варлан Деврикан. Туманян и армянские духовные предания. Е., 2010 (Վարդան Դեվրիկյան, Թումանյանի և հայոց հոգևոր ավանդույթը. Ե., 2010).

Егишэ – Егишэ. О Вардане и войне армянской. Перевод с древнеарм. яз. Акад. И. А. Орбели. Подготовка к изданию, предисловие и примечания К. Н. Юзбашяна. Е., 1971.

ЕК – Езник Кохбаци (V век). Опровержение лжеучений (речи против ересей). Перевод с древнеармянского, вступительная статья и комментарий С. С. Аревшатыана. Е., 2008.

ПЕ – Езник Петросян, Армянская Апостольская Святая церковь. Св. Эчиадзин, 1996.

КДж – Д. С. Киракосян, Младотурки перед судом истории. Е., 1986.

КЖМ – Корюн, Житие Маштоца. Перевод Ш. В. Смбатяна и К. А. Мелик-Оганджяна. Е., 1962.

ЛД – Лесли А. Девис – Лесли Девис. Провинция бойни. Доклад американского дипломата об Армянском Геноциде 1915-1917. Публикация Сюзан К. Блэер. Перевод с английского Ирины Карумян. Е., 2000.

МХ – Мовсес Хоренаци. История Армении. Перевод с древнеарм. яз., введение и примечания Гагика Саркисяна. Е. 1990.

Нерс – Месроп Ерец (Иерей). История св. Нерсеса Партева, армянского патриарха, «Соперк Айкаканк, т. 6, Венеция, 1853 (Մեսրոպ Երեց. Պատմութիւն Սրբոյն Ներսէսի Պարթեւի Հայոց Հայշապետի, «Սոփերք հայկական», հ. 6, Վենետիկ, 1853).

НР – Рафаэль Ногалес. Четыре года под полумесяцем. Русский вестник. Москва. 2006.

ОС – полное название см. в списке словарей.

ПБ – История Армении Павстос Бюзанда. Перевод с древнеармянского и комментарий М. А. Геворкяна. Е., 1953.

СВ – Свазлян Вержинэ. Армянский геноцид и историческая память. Е. 2003. (Սվազլյան Վերժինե՞ Հայոց ցեղասպանությունը և ժողովրդի պատմական հիշողությունը». Ե., 2003).

СЕ – Ерванд Саркисян. Турция и ее завоевательная политика в Закавказье 1914-1918. Е., 1964 (Ե. Սարգսյան. Թուրքիան և նրա նվաճողական քաղաքականությունը Անդրկովկասում 1914-1918. Ե., 1964).

МА НАМ – «Новые армянские мученики (1155-1843), научное издание», подг. Я. Манандян и Г. Ачарян. Вагаршапат, 1903 («Հայոց նոր վկաները /1155-1843 /, գիտական հրատարակություն», աշխ. Հ. Մանանդյան և Հ. Աճառյան. Վաղարշապատ, 1903).

ТДК Арм ЖМ – Армянские жития и мученичества V-XVII вв. Перевод с древнеарм вступ. статьи и примеч. К. С. Тер-Давтян, Е., 1994.

ТДК НАМ – Новые армянские мученики (1155-1843). Перевод с древнеарм., предисловие и примеч. К. Т. Тер-Давтян, Е., 1998.

ТДК ТМ – Товма Мецопеци. История Тимурленга и его преемников. Перевод с древнеарм., предисловие и комментарии К. С. Тер-Давтян. Ер., 2005.

«Толк Библи» – «Толковая Библия» или комментарий на все книги Св. Писания «Ветхого и Нового Заветов», т. I, СПб, 1904.

ШГ – Архиепископ Шнорк Галустян, Общехристианские святые. Третье издание. «Гандзасар», Ер., 1997 (Շնորհք արքեպիսկոպոս Գալուստեան Համաքրիստոնէական սուրբեր. Երրորդ հրատարակություն. «Գանձասար», Ե., 1997).

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	7
Два слова	17

ИСТОРИЯ УНИЧТОЖЕНИЯ МАЛОЙ АРМЕНИИ И ЕЕ ВЕЛИКОЙ СТОЛИЦЫ СЕБАСТИИ

1	
События, предшествующие депортации	21
Муаммер наместник Себастии	23
Предпринятые Его преосвященством Тер Торгомом шаги	28
Бойкот	29
Возмущение армянского купечества и заявление	30
Пожары	31
Олкени	31
Убийство Голбрука	32
Связ гол орту	34
Желчь зависти некоего немецкого офицера	34
Немцы дают туркам дома с помощью выселения армян	34
Зловещие признаки	35
Распространяются бумаги, скрепленные печатями	36
Второй раз рассылают скрепленные печатями бумаги	36
2	
«Пэрлик» о военном положении; общая мобилизация, движение войска	37
Положение армян	37
Тэкэллиф Гарпийз, захваты для военных нужд	38
Затмение солнца	39
Гол орту переводится под Кирасон	41
Россия была постоянным кошмаром для Турции	41
Смуги	44
Турция участвует в общей войне	44
Отъезд иностранцев	45

С малыми возможностями нельзя добиться многого	46
Пожертвования армян	47
Эпидемии среди солдат	48
Смеяться или соболезнавать	48
Американский красный крест	48
Амэлэ-тагурины	49

3	
Вардапет Тер Саак Одабашян на пути исполнения своих обязанностей	50
О вопросе отравления турецких солдат	54
Энвер в Себастии	56
Наши настоящие враги среди нас	57
Отряды турецких четов	57
Русские пленные в Связе	58
Монастырь Сурб Ншан	59
Дядя Хачар	59
Витают призрак голода	59
Дезертирство среди армянских солдат	60
Партийные руководители Марзвана, Амасии, люди умственного труда	60
Арестованные из маленьких областей	61
Бегство пленного русского офицера. Арест партийных руководителей	61
К следующему моему прибытию (т)	62
Дашнакский герой ковтунец Мурат Хримян	63
Положение армянских деревень еще более ухудшается, становится невыносимым	66
Подслушанное слово	68
Гичакский герой Грайр Дарбинян	68
Правительственные служащие армяне	69
Требуют городское оружие	69
Кафедральная церковь под охраной	70
Общая слежка за армянами и шпионство	70
Виселицы	71
Бидза Мкртич из Зимара	71
Из маленьких областей	74
Армяне, с вами случится несчастье (т)	74
Поцелуй вардапета Тер Шаварша	75
Вооружение жандармов	75
Черный список	75
Гичакские и дашнакские клубы	75

Пешка турецких заимодавцев и истцов.....	76
Недальновидная жадность армянских купцов.....	76
4	
Общие аресты.....	77
Заявление предводителя епископа Тер Гнеда.....	78
Вторичные аресты.....	79
Посещения тюрьмы.....	80
Захватывают также национальную больницу.....	82
Муаммэр дает сфотографировать.....	82
Депортация армянских сел.....	83
5	
Объявление о депортации горожан.....	84
Отчаянные заявления.....	87
Добрый предводитель.....	87
Заявления турецким эмирам. Их совет.....	88
В военных казармах.....	88
В раю исламский календарь закрыт.....	88
Арестованные увещевают, укрепляют и поучают своих близких и народ.....	89
Правительство запрещает туркам покупать у армян товары.....	89
Мистер Партрич.....	89
21-го июня, утро воскресения.....	89
Ложные разногласия.....	90
Масло арисы.....	91
Залоги, оставленные у американских миссионеров.....	91
Доктор Кларк.....	92
Приготовления на дорогу.....	92
Разговоры о том, что девушки и юноши должны остаться.....	92
Ищут обоз.....	93
6	
Депортация города.....	94
Армянин-себастиен.....	94
Не депортировавшиеся.....	95
Селение Давр также не было депортировано.....	96
Бргник.....	96

7	
Выход первого каравана.....	98
Не останется даже вашего запаха и следов ваших (т).....	98
На дорогу вывели четов.....	100
Кто такой Эмир-бей.....	101
8	
Немного о семейном – личном.....	101
9	
Дорога крови.....	104
Исход нашего каравана.....	104
Случай.....	105
Первая Голгофа.....	107
Первый труп.....	109
Второй труп.....	110
Первое ограбление.....	110
Саламатлик.....	111
Подвиги воинов-четов.....	112
Преследование беженцев.....	113
Хан Тэчэра.....	113
Гора Тэчэр.....	114
Армянская деревня Магара.....	115
Газыг Тутмаз.....	116
Ганкал.....	116
Караваны Самсуна, Марзвана, Амасии, Евдокии.....	117
Аладжа хан.....	121
10	
К западне.....	122
Ерыхи-хан.....	122
Комиссар Эмнийета.....	124
Блеф.....	124
Тревога в лагере.....	125
Сдача драгоценностей.....	125
Обыск в караване и на женщинах.....	130
Исключительная милость, появившаяся к нашему каравану.....	132

Из каравана квартала Кэосэ-Дерэ	132
И перед парханой квартала церкви св Саргиса	133
Седьмому каравану	133
Караван квартала кафедральной церкви	134
Рассказ юноши Рачьи Габикяна из нового квартала Хогдара и Арджеви Арт-а	134

11	
В скобках	135
Материальные возможности себастиийских армян	135

12	
Продолжается дорога крови	138
Выходим из западни	138
Масло арисы	139
Между строк	140
Немного сведений о Гусейне	141
Убитые на дорогах	142
Игуменьи в лужах крови	143
Освободитель молла	144
На пороге бойни, наш Гефсеман	145

13	
От бойни к бойне	147
Гасан-Челепи – бойня армянства Малой Армении	147

14	
События в Гасан-Челепи	149
Прибытие нашего каравана	149
Мой ботинок вместо меня отправился на бойню	153
Избиение мужчин нашего каравана	156
Караван квартала Кафедральной церкви	159
Караван квартала Сары-Шейха	162
Паша-Партез	163
Третий караван	164
Краткие биографические заметки	165
Из другой части каравана Пезарчун-Арти	167
Караван квартала церкви Сурб Саргиса	171

Рассказ ученика нашей школы Арменака Кюрегяна из квартала Кэсэ-Дерэ Гаспнер	172
Из рассказа Рачьи Габикяна	172

15	
Все новые пристанища смерти	173
Выходим из ущелья смерти	173
Кэчит парасы	177
Мост Хысыхи	177
Ко второй бойне – Хеким-Хан	179
Сабля на шее	182

16	
Гасан-Патрик	184
Укрытие спасает	184
Убийство ага Срапиона Пагаляна и ага Аветиса Шагиняна	186

17	
Через трупы	187
Безводный – Сузуси-Еазин	187
Вода! Вода! Вода!	190
Кырх-кэоз	191
Рачья Габикян о безводной части пути	191
Из рассказанного Арутюном Кюрегяном	192
Из рассказа Айкануш Заратян	192
Овсанна Варэжян	192
Вернемся к нашему лагерю	192
Из рассказанного Рачьей Габикяном	194

18	
К Малатии	195
Сахар купите? Дешево, за пять пара	195
В Фырынджылар	197
Захват детей	198

19	
Фырынджылар – большая стоянка	199
Поругание святого Месропа	200

Фырынджылар – большое пристанище караванов	200
Караваны, дошедшие до Фырынджылар, до нас и после нас	201
Захват телег	202
Каждый день сзвэгт	203
Курды	204
Какие-то слухи о помиловании	205
Слова прощения относительно армянских католиков	206
Стоянка базар	206
Собирают юношей, женщины бегут в Малатию	207
Уничтожение армянских детей, юношей	208
Печальные последствия физических и душевных страданий армянской женщины	209
Доля страданий армянских детей	210
20	
Бахчи	211
Чоджухлар Бахчасы. – Мурат паша бахчасы. – Бахча Суруча. – Бахча Инкилиза	211
Посещение Чоджухлар-бахчеси	213
Мюфэттиш кэлиор – прибытие следователя. Захоронение живьем брошенных детей	215
Мелкие забытые события	215
Обстоятельства отъезда мисс Грэфым	216
Положение наших родных	216
21	
Малатия	217
Депортация Малатии	218
Рачья усыновляется курдским беом	219
Агыяман	219
Депортация и резня	219
Способ убийства	220
Резня и смуты на берегах Самусат-Евфрата	222
Вновь о событиях в Малатии и Фырынджыларе	223
События в селении Ортуз	223
Снова о событиях в Фырынджыларе	224
События села Тытрич	225

22

В темные миры. От пропасти к пропасти	225
Наш выход из Фырынджылар	225
Моя спасительница курдянка	226
Что стало с арестованными мужчинами	231
Ганлы-Дерэ	233
Из первых караванов Себастии Андраник Гавугчян рассказывает	235
Овсання Варэжян оставила записи о Ганлы-Дерэ	236
Вставай, должен идти на косьбу	236
Первая пропасть	238
На путях жертв	238
Топрах-пасти	239
Чертовы мосты, Пей-Даг	242
Стоянка черного шатра	247
Перепись ослов	250
Вторая пропасть	251
Тэйирмэн Дерэси	251
Старый мост	253
Больных бросают в воду	255
Перед селением ага Гайдара	257
Случившееся со мной несчастье, тяжелый удар	259
Кэолик	262

23

К Евфрату	267
Абрикосовый цветок на черные сердца	268

24

На берегах Евфрата	270
Немного сведений	270
По какой системе был осуществлен геноцид	271
На этом берегу Евфрата	273
Перепись людей и ослов	273
Наш переход через Евфрат	274
Ослы удостоились царского отпущения	275

25

Месопотамия	276
На левом берегу Евфрата	276
Следопыты	276
Похищение	277
Рассказывает Айкануш Зараян	280
Из свидетельств учителя иезуитской школы Андраника Гавукчяна	281
Из рассказов Овсанны Варекян. Ее похищение	281
Гоарик Копикян (из Кавра)	283
Из сведений Арменака Кюрегяна	283
К Араб-Гантару	284

26

К Суручу	287
Доходим до Суруча. Идут военнопленные	291

27

Суруч	293
Суруч, Сруч или Саруч	293
Административно	295
Немного истории	295
«Если дитя не плачет, ему не дают грудь»	296
Тайин-кэотэк (тумаки)	297
Экмэк чоґ, айран чоґ	298
Нас посещает доктор мэрии	298
Бахча-Больница Суруча	299
Доктор еврей и начальник жандармов	304
Армянки в гаремах суручских чиновников	305
Наш исход из Суруча	305

28

В Алеппо	306
Араб-Бунар	306
Вновь Араб-Бунар	309
Еще раз в Араб-Бунаре	310
Араб-Бунар – смертная камера	311

29

Снова Суруч	312
И я бегу в Суруч	312
Первая телеграмма от себастиийских беженцев – Ишан оглу Григор	313
Тебя не повели на косьбу	315
Слово чрґон. Немного филологии в несколько ином понимании	315
Ложечку мацони	317
Выдачи не будет, эмира нет (т)	318
Эрзумские крупные господа у каймакама	319
Трагическое восстание урфинцев и богатырское сражение	320
Из Алеппо, Суруча военные и полицейские силы посылают на Урфу	321
Армянство Урфы	322
Еще раз о Бахче Суруча	323
Жалоба мусульман Суруча. Беженцев выселяют из Суруча	323
Здесь также смертная камера	324
Я нахожу приют в селе Тилал	326
Село Тилал	326
Эмир еоґ	329
Каро-бей! Каро-бей! Свет снизошел	330
Женщины пишут прошение каймакаму	331
Получаю письмо, доходят деньги	332
О том, о сем	332
Страшный призрак Дер-Зора	333
Болезнь среди курдов Тилала. Последняя ссылка	334
В Суруче в доме Арменака	336
Мэрия еще больше упорядочила выдачу пособия	337
Маленькая статистика	339
Для расследования дел беженцев	342
Объявление об общей депортации беженцев Суруча и местных армян	343
Принятые меры	343
Пленники Антанты отпускаются	344

30

В Ракку	345
27-го декабря, в воскресное утро	346
Курды-армяне	350
Доходим до Ракки	352

31	
Перед Раккой.....	353
Главари эрзерумцев обманывают армян из Малой Армении.....	353
32	
Ракка.....	357
Саранча.....	359
Население.....	360
Арабский мужчина.....	361
Арабская женщина.....	362
33	
Древняя Ракка.....	364
34	
Ракка –место поселения армянских беженцев.....	365
Хороший прием, оказанный местными арабами армянским беженцам.....	367
Армяне Бирэджика.....	370
Немного филологии.....	371
Из Урфы прибывает уполномоченный следователь.....	372
Каймакам Тели-Фахри.....	373
Правительственное пособие – тайин.....	374
Больница-Бахча.....	375
Несколько сэвгэтов.....	375
Болезни.....	376
Доктора-аптекари.....	376
Мухтарства.....	377
Отношение с внешним миром.....	378
Немного личного.....	382
Кофейни Ракки.....	383
Гарник Шахбазян.....	385
Свадьба беженца.....	386
Специальный рынок беженцев.....	387
Жертвы Евфрата.....	388
Божья справедливость.....	389
Рыбы Евфрата.....	389

35	
Накануне массовых убийств.....	390
Обыски.....	390
Афиши о тифе.....	390
Подготовка чудовищной резни в Дер-Зоре.....	391
Тели Фахри водружает камень.....	392
Арабские эшрафы Ракки.....	392
Отставка Фахри.....	393
36	
Борьба по поводу сэвгэтов между нокта-командирами и сэвг-мемурами.....	393
Кеор (слепец) Фатих злоупотребляет.....	395
37	
Хаггы бей.....	396
Один поступок Кеор Фатиха в пользу армян.....	397
Хаггы бей в Ракке.....	398
Каймакам Али-Кемал Бей.....	399
Перепись армянских беженцев. Они временные граждане Ракки.....	399
Отуречивания.....	399
Общая нищета.....	402
Каждодневное меню народа.....	402
Нищета брошенных детей.....	404
Картина из жизни брошенных детей.....	406
Пособия из национальных и иностранных источников.....	407
Американские пособия.....	407
Пособия из немецкого источника.....	408
Правительственные пособия.....	409
Мутасарриф Урфы в Ракке.....	410
Праздник в честь Хилали-Ахмери (Красного полумесяца).....	411
Армянские кости закапываются.....	412
Армянские священник, учителя, преподобные, духовное утешение.....	412
38	
Патриарха Тер Завена сослали.....	412
Суд истории.....	413
Армянское прорицание?.....	413

39

Арабы анэзе	414
Побоище анэзенов	414

40

Частные события. Несколько убийств	416
Маленькая резня	417
Соблазненные женщины	418
Контракты армян	418
Без воды аптес – омовение	419
Еще одно воспоминание	419

41

Мобилизация беженцев армян	419
Железная дорога Евфрата (т)	419
Джаранулус – Бирэджик. Армянство Ракки рассеивается	420
Призыв в армию остального армянства Ракки	422
И я воин	423
Паси овец мэнзиля	424
В каменоломнях Древней Ракки	426
Перевожусь в Амам	426

42

Прощание	427
Еще о нескольких событиях	428
Должностные лица из ведомств Тэкэллиф гарпийэ	428
Ставлю точку	429

43

События, случившиеся с отдельными людьми	429
Епраксия Еникян из Ерзынки	429
Аревалуйс Карагезян	430
Кристинэ Терджанян (Карин)	430
Арменуш Нахикян (Харберд)	430
Госпожа Люсия Жамкочян (Тохат)	431
Мушег Турнян (Муш)	431
Госпожа Вероника Кэошэян (Себастья)	431

Госпожа Егинэ Игнатиосян (Амасия)	432
Србуи Авакян (из Самсуна)	432
Айкануш Шагинян (Урфа)	432
Герман Овсепян (Арабкир)	432
Агавни Погосян (Харберд)	433
Геворг Сэрэмян (Джурджуп)	433
Григор-Торос Чепеджян (Айнтап)	433
Акоп Сааклян (Тэорд-Еол)	433
Искэндэр Василян (Тэорд-Еол)	433
Госпожа Пэхиз Матосян (Айнтап)	433

44

Страница из резни Дер-Зора	434
Бассейн Хапура	434
Источник этой кровозвучной страницы	435
Рассказанное погромщиком чеченцем Махмыд Беом	436
Арата, 17-ое марта 1918	436
Рассказанное курдом Мамо	443

45

Амам	446
Шейх Мэхэмэт-эль Фарадж	451

46

Под палаткой шейха Мэхэмэта-эль Фараджа	453
---	-----

47

Алеппо	459
Пособия	463
Репатриация	471

48

Себастья после депортации	474
Хачатур Кртоян	475

49

Большие побоища	481
Резня амэлэ-тапуринов	482

50	
Здесь покоятся.....	485
Взятые на дорогах	496
Имена некоторых из амэ-тапуринов	497
51	
Вожди палачей, палачи	499
52	
Статистика армянского населения вилайета Сваз до депортации.....	505
ВИЛАЙЕТ СВАЗА.....	506
Санджаки	506
Санджак Сваза	506
Газы.....	506
1 Свасская уезд	507
2 Уезд Гафига.....	507
3 Уезд Гочкирии	508
4 Уезд Тиврик	508
5 Уезд Гангал.....	509
6 Уезд Еылтыз.....	509
7 Уезд Тонус	510
8 Уезд Кюрин	510
9 Область Тарэнтэ	511
10-11 Уезды Азизийэ и Гамитиэ	511
Санджак Тохата	511
Санджак Амасии.....	512
Санджак Шапин-Гарахисара	512
ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА	514
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	540

ГУЖКАН СЕБАСТИО
 (К. Габикян)
ИСТОРИЯ УНИЧТОЖЕНИЯ
МАЛОЙ АРМЕНИИ
И ЕЕ ВЕЛИКОЙ СТОЛИЦЫ СЕБАСТИИ

ԳՈՒԺԿԱՆ ՍԵԲԱՍՏԻՈՅ
 (Կ. Գաբիկյան)
ԵՂԵՌՆԱՊԱՏՈՒՄ
ՓՈՔՈՒՆ ՀԱՅՈՑ ԵՒ ՆՈՐՒՆ ՄԵԾԻ
ՄԱՅՐԱՔԱՂԱՔԻՆ ՍԵԲԱՍՏԻՈՅ

Компьютерное оформление *Г. Гаспаряна*

Формат 70 x 100 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
 Гарнитура "Таймс Нью Роман".
 Печать офсетная. 35.0 печ. л.
 Заказ 5. Тираж 400.
 Цена договорная.

ЗАО "Издательство "Наири"
 Ереван-9, ул. Терьяна, 91

Типография издательства «Наири»
 Ереван-9, ул. Исаакяна, 28

ОПЕЧАТКИ

стр.	строка	напечатано	должно быть
16	4-ая снизу	собтвенно	собственно
21	7-ая снизу	орлинноглавая	орлиноглавая
26	2-ая снизу	на руководил	руководил
28	11-ая снизу	зверинный	звериный
33	3-ая снизу	Голпурка	Голбрука
40	10-ая сверху	иноземцы	иноземцами
42	5-ая снизу	Стусгун	Гусгун
47	15-ая снизу	с перевозки	перевозку
96	11-ая сверху	депортировано	депортировано
106	5-ая сверху	на	из
119	1-ая сверху	Абасяне	Абасяне
129	12-ая сверху	жена Пелояна	жена эмми (дяди) Пелояна
143	15-ая сверху	Гасан Погика у него Эмми	Гасан Погика
165	2-ая снизу (примеч.)	ни на верху ожесточили. Арик и	ни наверху ожесточили. Арик и Вардкес были убиты. Остальные сдались. После нескольких дней пребывания в тюрьме, связав их ночью, повели и убили. Измирляновскую
168	9-ая снизу, а также стр. 171, 16-ая сверху; 356, 10-ая снизу	Измирскую	
192	17-ая сверху	Заартян	Заратян
215	4-ая сверху	сатли	стали
222	13-ая сверху	он	они
229	6-ая сверху	другим	другими
253	15-ая снизу	песчанном	песчаном
324	8-ая снизу	голод	холод
532	7-ая снизу	Хор-Вирап	Хор-Вирав
536	4-ая сверху	Абденаги	Абденаго